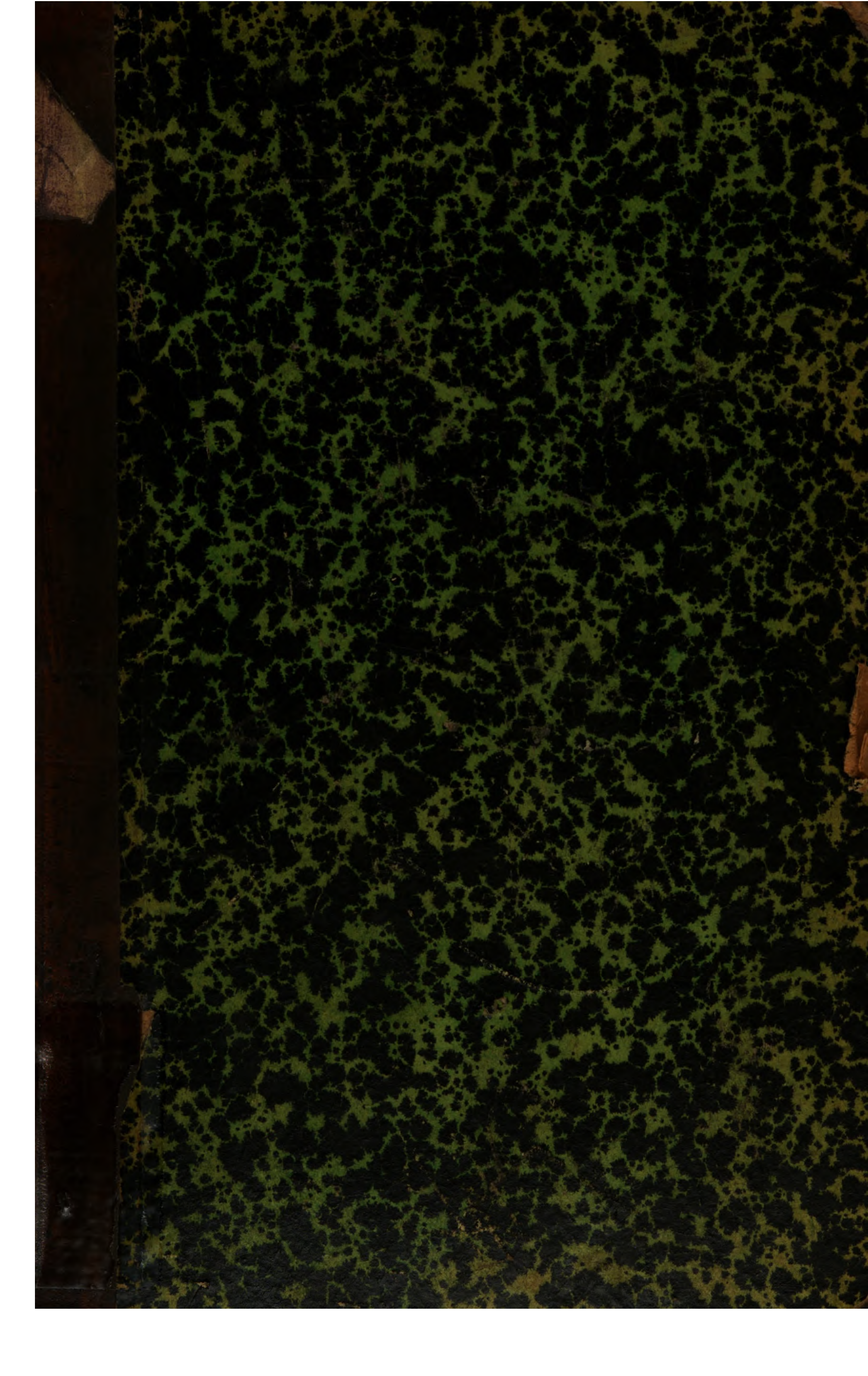
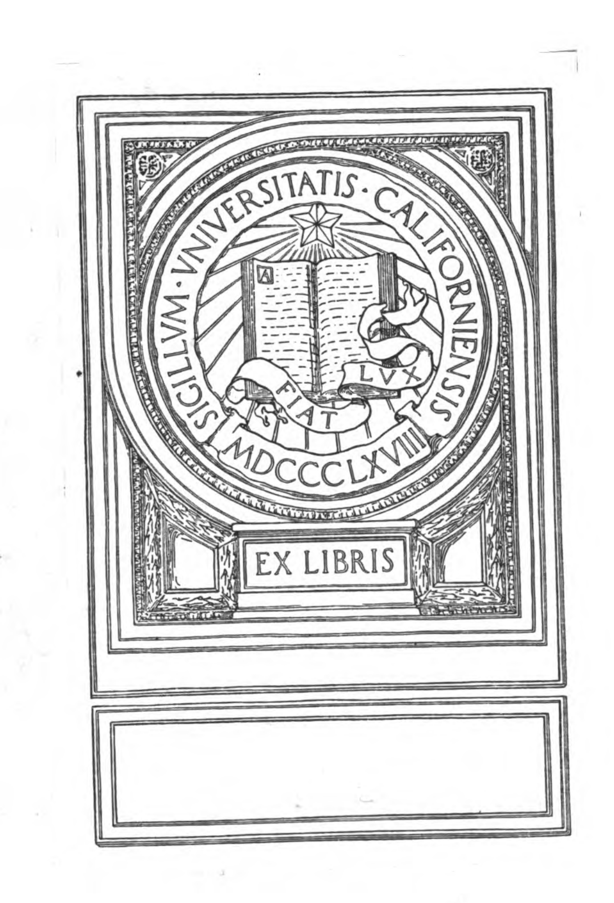

SIGILLVM · VNIVERSITATIS · CALIFORNIENSIS
FIAT LVX
MDCCCLXVIII
EX LIBRIS

Годъ V-й. № 12-й.

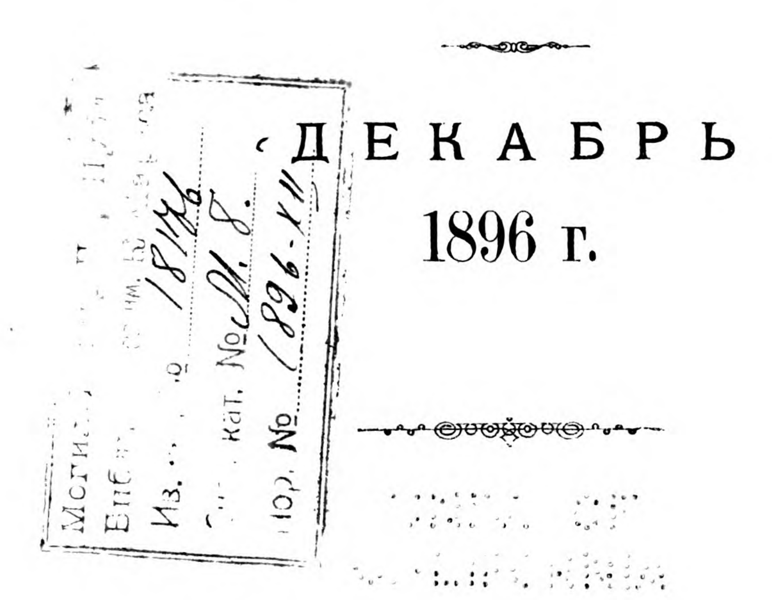
МІРЪ БОЖІЙ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ

САМООБРАЗОВАНІЯ.

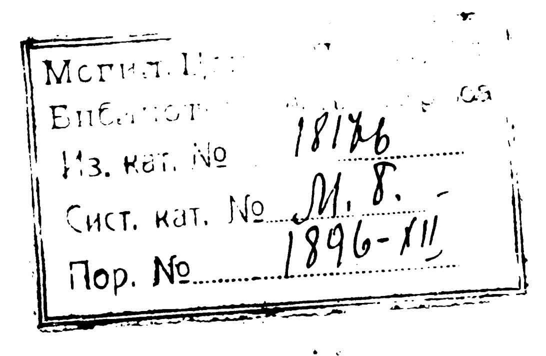
ДЕКАБРЬ

1896 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1896.

Дозволено цензурою 26-го ноября 1896 г. С.-Петербургъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

ЕКАТЕРИНА II
И ПРОСВѢТИТЕЛЬНЫЯ ИДЕИ ЗАПАДА.

(По поводу столѣтней годовщины смерти 1796 г., 6 ноября).

При изученіи крупнаго политическаго дѣятеля насъ всегда будетъ занимать вопросъ о тѣхъ общихъ идеяхъ, которыми этотъ дѣятель жилъ и руководился. Мы любимъ представлять себѣ и отыскивать тотъ живой центръ, въ которомъ должна была объединяться разбросанная, многосложная и детальная практическая работа. Мы ищемъ, далѣе, связи этого центра, который называемъ личностью, съ жизнью группъ, стоящихъ надъ нимъ и, въ свою очередь, образующихъ въ нашемъ представленіи живыя единицы. Мы спрашиваемъ, въ какой мѣрѣ согласовались руководящія идеи личности съ общимъ настроеніемъ, съ общими стремленіями эпохи? Это—вопросы, вѣчно горячіе для насъ, такъ какъ они постоянно возвращаются. Съ этой точки зрѣнія насъ не можетъ не интересовать отношеніе между идейной программой императрицы Екатерины II, которую она старалась внести въ дѣло законодательства и управленія, и современнымъ ей западнымъ просвѣщеніемъ. Интересъ здѣсь усиливается тѣмъ, что мы имѣемъ передъ собою общество, любившее принципіальную постановку политическихъ и соціальныхъ задачъ, и личность, крайне воспріимчивую къ идеямъ времени.

Екатерина выросла въ сферѣ умственной культуры, по своему характеру и эпохѣ рѣзко очерченной на Западѣ. Ея учителя, ея единомышленники были люди того вѣка, который самъ любилъ называть себя философскимъ, просвѣтительнымъ. Это, въ сущности, далеко не весь XVIII вѣкъ, а лишь какія-нибудь три, четыре десятилѣтія его, отъ 40-хъ до 70-хъ годовъ. Вольтеръ—главный пророкъ этого вѣка, Фридрихъ II—его герой. Лѣтъ за 15—10 до революціи поколѣніе это начинаетъ сходить въ могилу,

утрачивать вліяніе. Задачи, поставленныя имъ, были, главнымъ образомъ, морально-педагогическія и административныя. Сословнаго и политическаго строя оно не хотѣло касаться. Сильная власть, свободный отъ предразсудковъ государь долженъ взять въ свои руки направленіе народной жизни; одушевленный идеей общаго блага, онъ внесетъ въ нее гуманныя начала, истребитъ злые предразсудки и духъ преслѣдованія; здравый смыслъ, разсужденіе, исходящее отъ простыхъ началъ, вложенныхъ въ природу человѣка, должны вытѣснить традиціонныя привычки, внушенія слѣпого чувства; такъ осуществится и разумная мѣра свободы, которая нужна отдѣльной личности.

Своеобразенъ тотъ путь, которымъ Екатерина пришла къ привлекательно-ясной, свѣтской наукѣ своего времени. Родной домъ, мѣстныя традиціи не дали Екатеринѣ никакой подготовки въ этомъ направленіи. Все, что ей здѣсь внушали, а особенно формалистическое протестантство, которое сводилось на безконечное, мертвое чтеніе застольныхъ бесѣдъ Лютера, рисуется потомъ въ ея воспоминаніяхъ, какъ нѣчто доморощенное, скучное, варварское. Лютеръ остался въ ея глазахъ на всегда «мужикомъ» (gros rustre), назидательная святыня провинціальной семьи, а съ нею и вообще нѣмецкая книга—матеріаломъ для грубыхъ сравненій; какъ Фридрихъ II, Екатерина была совершенно чужда и позднѣйшей нѣмецкой литературѣ эпохи расцвѣта. Такимъ образомъ, молодая дѣвушка, прибывшая 14-ти лѣтъ въ чужую страну, брошенная на произволъ судьбы и Богъ вѣсть какъ добиравшаяся до книжекъ, до окошка въ цивилизованный міръ, была тѣмъ новымъ человѣкомъ безъ традицій, безъ связи съ какой-либо стѣсняющей и обязывающей стороной, о которомъ мечтали просвѣтители, той «бѣлой грамотой», на которой они хотѣли начертать философскіе принципы жизни. Эту особенность своего умственнаго воспитанія Екатерина возвела потомъ въ основное качество своего ума «отъ природы философскаго» (собственноручныя замѣтки имп. Екатерины).

Но и теперь не могло быть никакой рѣчи о правильной школѣ. Чтеніе шло безпорядочно; «отъ скуки», какъ говорила потомъ Екатерина, прочитывались многотомные лѣтописные и справочные историческіе труды, въ родѣ церковной исторіи Баронія или огромной исторіи Германіи каноника Барра, въ перемежку съ фривольнымъ Брантомомъ. Отсюда понятна безсистемность знаній Екатерины, случайность ея свѣдѣній, огромные пробѣлы и странныя представленія въ родѣ, напр., того, что освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостного состоянія въ Германіи, Франціи, Испаніи и др. западныхъ странахъ было дѣломъ какого-то церковнаго собора.

Скорѣе чутьемъ, чѣмъ благодаря чьимъ-либо указаніямъ, добиралась Екатерина до того круга идей, въ которомъ вращалось современное ей французское просвѣщеніе. Она читаетъ отъ доски до доски, какъ ни трудно этому повѣрить, Словарь Бэйля, этого патріарха просвѣтителей XVIII в., который своими безпокойными пріемами критики подрывалъ въ корнѣ религіозный энтузіазмъ. Она читаетъ въ переводѣ классиковъ, Плутарха, Тацита, Цицерона, Платона, но усвоиваетъ ихъ, очевидно, только какъ источникъ моральныхъ и политическихъ примѣровъ и соображеній, которые извлекала изъ нихъ наставительная и обличающая «философія». Какъ далеко было отсюда до углубленія въ классицизмъ видно изъ того, что впослѣдствіи императрица, такъ увлекавшаяся греческимъ проектомъ, назвавшая своихъ внуковъ многознаменательными именами Константина и Елены, спрашивала очень серьезно у Вольтера, неужели правда, будто всѣ науки и искусства, какъ она недавно прочла, возникли у грековъ?

Наконецъ, Екатерина познакомилась съ великими учителями, Вольтеромъ, Монтескьё. Она никогда не выходила изъ круга чтенія и интереса французскаго общества; такъ въ ея руки попадаютъ Беккарія и Блэкстонъ. По поводу чтенія «Комментаріевъ къ англійскимъ законамъ» Блэкстона Екатерина дѣлаетъ любопытное замѣчаніе (1776 г.), характеризующее вообще ея манеру заниматься; она говоритъ, что читала Блэкстона цѣлые два года и не разстается съ книгой: «это—неисчерпаемый источникъ фактовъ и идей; я ничего не выполняю изъ сказаннаго въ его книгѣ (авторъ—панегиристъ англійской конституціи), но онъ даетъ мнѣ нить, которую я развиваю на свой ладъ». При умѣ чрезвычайно отзывчивомъ, способномъ быстро и ясно воспринимать, сохранять свѣдѣнія въ практичномъ, удобопримѣнимомъ видѣ, Екатерина естественно усвоивала общія идеи вѣка, въ ихъ наиболѣе фиксированной формѣ, въ ихъ типичной французской оболочкѣ. Екатерина твердо усвоила и весьма тактично примѣняла модную въ то время теорію вліянія климата на нравы и строй народа, теорію, брошенную въ обиходъ книгою Монтескьё. Генрихъ IV, идеальная фигура просвѣтительной пропаганды, становится ея героемъ. Подъ впечатлѣніемъ образа французской буржуазіи, которую возвеличивали въ то время, Екатерина мечтала о «среднемъ родѣ людей, отъ котораго государство много добра ожидаетъ» (Наказъ, § 378). Даже французскіе высшіе суды, парламенты, съ ихъ правомъ возраженій на указы, исходящіе отъ верховной власти, кажутся ей какимъ-то абсолютно необходимымъ, общечеловѣческимъ учрежденіемъ.

Сохранились замѣтки Екатерины по разнымъ вопросамъ, мысли по поводу прочитаннаго, относящіяся къ послѣднимъ тремъ годамъ предъ вступленіемъ ея на престолъ. Это — мысли и планы человѣка, думающаго о власти. Набросанныя бѣгло и размашисто карандашомъ, онѣ какъ бы отражаютъ нетерпѣливое ожиданіе; въ нихъ чувствуется наклонность къ отвлеченной, торжественной постановкѣ вопросовъ, очень естественная въ вынужденномъ уединеніи натуры честолюбивой и жадной до дѣла. Здѣсь намѣчается уже та общая идея государственной педагогіи, которая потомъ такъ ясно выступаетъ въ Наказѣ.

Можно сказать, что каждая эпоха выставляетъ свой идеалъ вождя общества, организатора его и направителя его мысли. Вѣкъ Вольтера искалъ вождя общества въ просвѣщенномъ и всемогущемъ законодателѣ. Понятіе о законодательствѣ, какъ великой творческой функціи, о томъ, какъ оно осуществляется, какую роль играетъ въ общественной жизни, было въ прошломъ вѣкѣ весьма своеобразно. Оно слагалось прежде всего подъ впечатлѣніемъ всесилія центральной власти, которая ворочала участью массъ, направляла огромный бюрократическій механизмъ, воздѣйствовала непрерывно на судьбу отдѣльныхъ личностей. Казалось, эта великая воля можетъ преодолѣть всѣ препятствія, все предусмотрѣть, направить каждаго на дѣло, отвѣчающее общему благу. Далѣе, законодательство въ большей части европейскихъ странъ въ XVIII в. имѣло предъ собой спеціальную задачу, далеко выходившую за рамки текущей жизни: дѣло шло о приспособленіи дѣйствующаго права къ новымъ требованіямъ централизованнаго государства и дисциплинированнаго, объединеннаго общества, объ упрощеніи и систематизаціи всего того, что̀ примѣнялось до тѣхъ поръ въ качествѣ права обычнаго, мѣстнаго, сословнаго, что̀ разбито было во множествѣ указовъ, наконецъ, объ устраненіи устарѣлыхъ элементовъ. Задача эта не сводилась къ простой кодификаціи и не могла замкнуться въ кабинетѣ ученаго юриста или тѣсной коммиссіи профессіональныхъ дѣятелей; она затрогивала живо общественный интересъ, такъ какъ, въ сущности, предстояла выработка новаго права, болѣе гуманнаго и болѣе простого, которое должно было придти на смѣну пестрыхъ запутанныхъ формъ, на смѣну жесткихъ судебныхъ принциповъ и пріемовъ. Въ этомъ правѣ, предполагалось, сотрутся всѣ частные интересы, всѣ узкія привиллегіи и будетъ господствовать идея общаго блага. Наконецъ, законодательная задача вѣка получила особую научную обработку и научную санкцію, главнымъ образомъ подъ вліяніемъ Монтескьё. Выработано было понятіе о методѣ. Мысль законода-

теля должна быть направлена на отысканіе общаго духа даннаго народа въ зависимости отъ различныхъ физическихъ и общественныхъ условій его жизни; законодательство должно быть приспособлено къ этому общему духу, а матеріалъ для его содержанія пріобрѣтается путемъ сравнительнаго изученія. Задача законодателя, облегченнаго безусловнымъ авторитетомъ, одушевленнаго исключительно идеей общаго блага, вооруженнаго научнымъ методомъ, въ силу господствующей теоріи,—не только организаторская, но и воспитательная. Массы инертны и слабо сознаютъ общій интересъ; законы должны пробудить въ нихъ это сознаніе.

Такъ широко смотрѣла на законодательную проблему, на роль «законодавца» и Екатерина, когда созывала коммиссію объ Уложеніи и когда готовила для нея Наказъ. Конечно, многочисленное и разнородное собраніе депутатовъ отъ сословій, народностей и областей было плохо сообразовано съ непосредственной цѣлью коммиссіи, редакціей законодательнаго свода, но если имѣть въ виду общую законодательную задачу эпохи въ ея тогдашней теоретической постановкѣ, т. е. выработку систематическаго кодекса опирающагося на общіе принципы разума и справедливости и соглашеннаго съ условіями данной страны, опытомъ и желаніями даннаго общества, то надо сказать, что никто не передалъ мечты вѣка такъ близко къ подлиннику, какъ Екатерина. Вчитываясь въ Наказъ, мы ясно видимъ, что онъ предназначался не къ тому только, чтобы намѣтить принципы и направленіе работы для членовъ коммиссіи,—нѣтъ, онъ долженъ былъ, очевидно, служить въ то же время и дѣлу просвѣтительной пропаганды, какъ выразилась Екатерина въ немъ самомъ—«пріуготовить умы». Сославшись на то, что почти весь Наказъ состоитъ изъ заимствованій у Монтескьё и Беккарія, показавши, что онъ скомпилированъ, и не вездѣ гладко, мы еще не порѣшили съ ролью въ немъ Екатерины. Нужды нѣтъ, что всѣ историческіе примѣры и аналогіи изъ древности и современной жизни, которыми подкрѣпляются общія положенія, взяты у Монтескьё,—важно то, что Екатерина изучила ихъ и считала необходимымъ помѣстить ихъ въ Наказѣ. Съ просвѣтительной цѣлью она хотѣла какъ бы дать повтореніе книги Монтескьё, этого «молитвенника государей, разъ только въ нихъ есть хоть капля здраваго смысла», повтореніе его системы, но въ другой, болѣе прикладной формѣ. Изъ замѣчаній Екатерины на критику Сумарокова противъ Наказа видно, что императрица отождествляла свое дѣло съ дѣломъ мыслителя, опредѣлявшаго «духъ законовъ»: «многіе критиковали Монтескіу, не разумѣя его; я вижу, что я сей жребій съ нимъ раздѣлю».

При такой постановкѣ законодательной задачи понятно, почему на ней сосредоточивается все вниманіе публики, преданной философіи. Фридрихъ II проситъ Екатерину быть воспріемницей дочери прусскаго наслѣдника. «Ея крещеніе будетъ отмѣчено въ лѣтописяхъ этого времени эпохою законовъ, которую вы открыли въ Россіи. Скажутъ, что ея крестная мать была той императрицей, которая своею мудростью положила основы счастью подданныхъ, установивъ справедливые законы». Понятно также, почему въ глазахъ Екатерины это—какая-то особая дѣятельность, стоящая выше всего, какое-то священнодѣйствіе. Самыя ея шутки надъ своею болѣзнью, легисломаніей, маніей законодательства, указываютъ на чрезвычайную форму, въ которую облекалось это дѣло.

Но въ Россіи просвѣтительная роль «законодавца» получаетъ еще большее значеніе, потому что здѣсь, за неимѣніемъ «философовъ», онъ казался единственнымъ источникомъ свѣта. Екатерина пишетъ Вольтеру: «у васъ поученіе идетъ снизу (т. е. изъ среды самого общества), а высокопоставленные удобно могутъ этимъ воспользоваться. У насъ полная противоположность, намъ (т. е. государю у насъ) нѣтъ такого облегченія». Въ глазахъ французскихъ просвѣтителей это обстоятельство поднимало интересъ проблемы. Затрудняло ли оно рѣшеніе? Здѣсь мнѣнія расходились. Дѣло въ томъ, что иные, исходя отъ пріемовъ простого и систематическаго отвѣта на политическія задачи, обнаруживали замѣтное пристрастіе къ полуварварскому Востоку, къ государствамъ съ примитивнымъ бытомъ, напр., къ Китаю. Здѣсь, думали теоретики, внѣ притязаній утонченной, капризной культуры, легче найти сырой человѣческій матеріалъ, способный поддаться формировкѣ и воспитанію, здѣсь больше мѣста широкой дѣятельности просвѣщеннаго властнаго государя. Правленіе Екатерины въ Россіи представляло для ея учителей и друзей въ литературно-публицистическомъ мірѣ любопытный экспериментъ культурнаго воспитанія неиспорченной, способной и грубой нации. Въ значительной мѣрѣ и Екатерина смотрѣла такъ на свое призваніе и раздѣляла преувеличенный оптимизмъ своихъ ученыхъ руководителей. Очень характерно ея письмо Вольтеру во время первой турецкой войны. Оправдываясь въ фактѣ веденія войны предъ апостоломъ мирнаго просвѣщенія, Екатерина развивала Вольтеру картину матеріальнаго процвѣтанія русскаго крестьянства и вмѣстѣ съ тѣмъ увѣряла, что русскій народъ чуждъ вскаго фанатизма На одобрительный отзывъ «патріарха» она отвѣчаетъ словами въ которыхъ слышится тонъ европейца, смотрящаго сверху внизъ

на варварскую страну: «Я очень рада, что вы довольны русскими. Нашъ народъ вообще обладаетъ счастливѣйшими данными въ свѣтѣ; нѣтъ ничего легче, какъ внушить ему расположеніе къ добру, къ разумному. Не знаю, вслѣдствіе чего такъ часто ошибались въ средствахъ воздѣйствія; я охотно отнесу вину на долю правительства, которое бралось за него неумѣло». Екатерина любила возвращаться къ темѣ о естественной терпимости у русскихъ и настаивала на томъ, что она съумѣла обратить это счастливое предрасположеніе народа въ сознательное убѣжденіе. Въ другомъ письмѣ къ Вольтеру, которое часто цитировалось, она рисуетъ ему, въ виду предстоящаго созванія коммиссіи, картину мирной бесѣды за однимъ столомъ христіанина, еретика, мусульманина и язычника. «Среди созываемыхъ депутатовъ не найдется ни одного, который бы захотѣлъ сжечь сосѣда, чтобы угодить Высшему Существу. Всякій отвѣтитъ: онъ—такой же человѣкъ, какъ и я, а въ силу перваго параграфа инструкціи ея величества, мы должны дѣлать другъ другу какъ можно больше добра... Увѣряю васъ, это такъ; если бы потребовалось подтвержденіе, то нашлось бы 640 подписей съ епископомъ во главѣ».

Считала ли Екатерина уроки философіи поконченными вмѣстѣ съ прочтеніемъ книги, или она думала, что философы призваны къ живому и постоянному контролю въ государствѣ? Въ началѣ царствованія Екатерина отдаетъ Наказъ на разсмотрѣніе Дидро, зоветъ д'Аламбера въ воспитатели наслѣдника престола, открывая ему перспективу возможности облагодѣтельствовать цѣлый народъ, въ письмахъ къ Вольтеру не находитъ для себя обиднымъ именоваться его любимицей (favorite). Конечно, здѣсь есть доля фразеологіи начинающаго правителя, пущенъ ловкій ходъ, чтобы пріобрѣсти популярность. Но въ основѣ лежитъ и болѣе глубокое убѣжденіе.

«Просвѣтители», «философы» половины XVIII в. представляли съ нѣсколько пророческимъ, шумнымъ, сантиментальнымъ, оттѣнкомъ, первую формацію того, что мы называемъ теперь прессой. Вниманіе со стороны правительства къ руководителямъ прессы было признаніемъ общественнаго ея вліянія и ея общественныхъ заслугъ. Вотъ примѣръ того, какъ цѣнила Екатерина непосредственное воздѣйствіе на общество перваго публициста или, если угодно, журналиста эпохи. Когда, вслѣдъ за смертью Вольтера, Гриммъ сталъ собирать подписку на изданіе его сочиненій, Екатерина горячо отозвалась и просила прислать ей 100 полныхъ экземпляровъ «ея учителя»: «я хочу, чтобы ихъ изучали, чтобы ихъ учили наизусть, чтобы умы питались имъ; это образуетъ граж-

данъ, геніевъ, героевъ и авторовъ; это разовьетъ сто тысячъ талантовъ» и т. п. Слова эти помѣщены въ интимной перепискѣ въ сравнительно поздніе годы и, конечно, отличаются вполнѣ искреннимъ характеромъ. Въ болѣе раннюю пору Екатерина считала необходимымъ оповѣщать французскую, т. е. европейскую публицистику о своихъ дѣйствіяхъ и о русскихъ дѣлахъ. Она заботится о томъ, чтобы препарировать въ извѣстномъ освѣщеніи свѣдѣнія, которыя отдаются въ распоряженіе литераторовъ. Такъ, напр., дѣло Арсенія Мацѣевича, въ которомъ Вольтеръ торжествовалъ побѣду разума надъ фанатизмомъ, Екатерина представила ему и другимъ въ ходячей и популярной на Западѣ формулѣ столкновенія двухъ властей, просвѣщенной свѣтской и суевѣрной духовной, и притомъ обрисовала безъ той рѣзкости, которую сама она обнаружила въ ходѣ конфликта. Въ то время, какъ на ходатайство Бестужева за Арсенія Екатерина отвѣчала напоминаніемъ, что непокорнымъ владыкамъ за меньшіе проступки безъ церемоніи головы сѣкали, въ письмѣ къ Вольтеру говорилось только о несчастіи (mésaventure) съ епископомъ. Нерѣдко, однако, проскальзывало и пренебреженіе къ человѣку литературы. Замѣчанія Дидро на Наказъ Екатерина прямо назвала болтовней. Въ личной бесѣдѣ съ Дидро императрица дала ему почувствовать въ насмѣшливо-высокомѣрной формѣ, что философъ, въ сущности—блестящая игрушка: «Я съ удовольствіемъ васъ слушала, но съ вашими великими началами хорошо писать книги, да плохо дѣйствовать. Вы имѣете дѣло съ бумагой, которая все терпитъ, между тѣмъ какъ я, бѣдная императрица, имѣю дѣло съ людьми, которые чувствительнѣе и щекотливѣе».

Но дальше, какое мѣсто думаетъ отвести просвѣщенный государь обществу въ дѣлѣ законодательства, вообще въ политической жизни? Восемнадцатый вѣкъ на материкѣ Европы былъ эпохой, когда авторитетъ центральной власти, монархіи, достигъ наибольшаго подъема и напряженія. Въ то же самое время приходилось дѣлая уступку развитому и требовательному общественному сознанію, искать оправданія этой сильной власти въ ея служеніи исключительно народу и въ ея отвѣтственности предъ народомъ, довѣріемъ котораго она должна пользоваться. Отсюда для политической теоріи половины XVIII в. получалась необычайно трудная задача отыскать въ абсолютной монархіи твердыя конституціонныя нормы, найти такую комбинацію ея элементовъ, или такое распредѣленіе ея учрежденій, которыя бы заключали въ себѣ гарантію противъ произвола. Стремленіе разрѣшить эту проблему отражается и въ идеяхъ Екатерины, причемъ у нея неизбѣжно сказались

извѣстныя колебанія и противорѣчія эпохи въ терминахъ и образахъ, принадлежавшихъ столь различнымъ группамъ идей.

Въ замѣткахъ Екатерины, относящихся къ концу 50-хъ годовъ, есть горячее восклицаніе: «свобода, душа всего, что̀ есть, безъ тебя все мертво! Хочу, чтобы повиновались законамъ, но не рабства». Нѣсколько ниже Екатерина пишетъ: «власть безъ довѣрія народа—ничто для того, кто хочетъ быть любимъ и пользоваться славой». Часто, и даже еще въ 1789 г., говоритъ Екатерина о своемъ «республиканизмѣ въ духѣ Монтескьё». Что это значитъ въ переводѣ на реальный политическій языкъ? У политическаго историка можетъ явиться извѣстный соблазнъ предполагать переходъ къ новому политическому принципу въ попыткѣ созыва обширнаго представительства отъ разныхъ группъ населенія въ началѣ царствованія. Даже если коммиссія была созвана только для чрезвычайной спеціальной цѣли, только для того, чтобы запечатлѣть единственный по своему значенію моментъ національной жизни, даже и тогда ея форма, составъ, характеръ дебатовъ и т. д. должны были произвести извѣстное политическое впечатлѣніе. Въ какой мѣрѣ сознавала это Екатерина и до какой границы думала она идти въ привлеченіи общественныхъ силъ? Коммиссія и въ позднѣйшіе годы была предметомъ гордости Екатерины, но всегда она формулировала цѣль и характеръ этого собранія одинаково, а именно, говоря французскими терминами, какъ собраніе нотаблей, обсуждавшихъ предъявленные имъ вопросы и подававшихъ правительству свѣдѣнія и желанія, т.-е. только матеріалъ для правительственной дѣятельности. Въ спорахъ и мечтаніяхъ депутатовъ одно правительство, по ея мнѣнію, способно было выдѣлить то, что имѣло отношеніе къ общему благу. Между собраніемъ нотаблей, служебнымъ и вспомогательнымъ по своему смыслу, и собраніемъ государственныхъ чиновъ съ рѣшающимъ голосомъ—въ ея глазахъ была пропасть, и французское правительство въ эпоху революціи пало, по ея мнѣнію, потому, что перешло роковую границу. Наказъ не допускаетъ никакихъ сомнѣній въ томъ, что самодержавіе—единственная форма, отвѣчающая условіямъ государственной жизни Россіи. Но Екатерина къ этому тотчасъ же присоединяетъ опредѣленіе свободы въ монархическомъ государствѣ, данное у Монтескьё. «Самодержавныхъ правленій намѣреніе и конецъ есть слава гражданъ, государства и государя. Но отъ сея славы происходитъ въ народѣ, единоначаліемъ управляемомъ, разумъ вольности, который въ сихъ державахъ можетъ произвести столько же великихъ дѣлъ и столько споспѣшествовати благополучію, какъ и самая вольность». Такимъ

образомъ, западная формула—свобода для охраны законности—повернута такъ: охрана законности, чтобы дать чувство свободы.

Екатерина заимствовала у Монтескьё еще другую мысль, осуществленіе которой такъ занимало потомъ людей александровскаго времени: именно, она желала найти въ неограниченной монархіи своего рода конституціонную норму, сообразовать функціонированіе ея учрежденій съ извѣстной твердой основой, съ фундаментальнымъ закономъ. Этого предполагается достигнуть путемъ установленія органовъ низшихъ, промежуточныхъ и подчиненныхъ, образующихъ «малые протоки, чрезъ которые изливается власть государева». Главнымъ изъ этихъ органовъ «правительствъ», какъ выражается Екатерина, въ Россіи является сенатъ, «хранилище законовъ», и роль его Екатерина опредѣляетъ совершенно аналогично старымъ французскимъ парламентамъ, включительно съ ихъ правомъ возраженія на указы, противные «государственному благочинію» и законамъ «во основаніе положеннымъ», и даже съ правомъ «отрицанія» такихъ распоряженій, т. е. отказа заносить ихъ въ списки дѣйствующихъ постановленій.

Наконецъ, Екатерина любитъ говорить о мягкихъ формахъ, въ которыхъ должна, по ея мнѣнію, выступать монархія. По поводу дѣла Волынскаго, которое она съ интересомъ пересматривала, она замѣчаетъ: «всякій государь имѣетъ неисчислимые кроткіе способы къ удержанію въ почтеніи своихъ подданныхъ. Всегда государь виноватъ, если подданные противъ него огорчены. Волынскій отличался дерзостью, но надо было умѣть его привлечь». Эта мысль, что монархъ долженъ найти средства утилизировать безпокойныя общественныя силы и направить въ спокойное русло службы честолюбивые и вольнолюбивые таланты, особенно занимаетъ Екатерину въ эпоху революціи; она какъ бы озирается теперь назадъ на свою политику съ горячими и непокорными головами, которыя помогли ей пріобрѣсти власть: «со вступленія на престолъ я всегда думала, что ферментаціи тамъ (т. е. во Франціи) быть должно; нынѣ (1789 г.) не умѣли пользоваться расположеніемъ умовъ; Файета (т. е. Лафайета) comme un ambitieux взяла бы къ себѣ и сдѣлала своимъ защитникомъ. Замѣть, что дѣлала здѣсь съ восшествія».

Въ трехъ практическихъ вопросахъ заключалась, главнымъ образомъ, проба силы просвѣтительной философіи, именно въ церковномъ, крестьянскомъ и въ вопросѣ судебной реформы. Каковы были въ этомъ отношеніи взгляды Екатерины?—Религіозный вопросъ для людей середины XVIII в., примыкавшихъ къ кругу воззрѣній французскихъ просвѣтителей, существовалъ только какъ проблема политики, благочинія; признавая незыблемость нѣкото-

рыхъ общихъ положеній, скорѣе философскихъ, чѣмъ религіозныхъ, они относились безразлично или даже недовѣрчиво къ проявленіямъ религіознаго чувства и легко склонны были зачислять эти проявленія въ категорію фанатизма. Екатерина выросла въ этихъ воззрѣніахъ, на привычныхъ аргументахъ и историческихъ построеніяхъ этой школы. Такъ, напр., въ крестовыхъ походахъ она видѣла только смѣшную сторону. Папа, часто фигурировавшій въ ея шутливой перепискѣ съ Вольтеромъ, выступалъ здѣсь какимъ-то анахронизмомъ въ обществѣ великаго турецкаго муфтія. Въ іезуитахъ Екатерина не могла даже заподозрить религіознаго рвенія, и этимъ отчасти объясняется та легкость, съ которою она стала оказывать имъ покровительство, прикрытое снаружи снисходительной усмѣшкой: для нея это были ловкіе авгуры (mes bons coquins de jésuites), продѣлывавшіе свои пріемы съ полной серьезностью, но полезные своей педагогической техникой и своимъ умѣньемъ держать населеніе, гдѣ они утвердились, въ полной дисциплинѣ. Одобряя, согласно кодексу вѣка, шумную кампанію философовъ противъ черныхъ отцовъ, выражая сочувствіе своимъ друзьямъ по поводу преслѣдованій, которыя они терпѣли въ своей литературной борьбѣ, Екатерина, въ сущности, смѣялась надъ ихъ страхами и оказывалась, можетъ быть, болѣе послѣдовательной тѣмъ принципамъ, которые она съ ними раздѣляла: іезуиты, по ея мнѣнію, сами себѣ повредили своимъ скептицизмомъ.

Уже въ своихъ раннихъ замѣткахъ Екатерина подчеркиваетъ требованіе разсудочности и принципіальности въ правленіи... Холоднымъ, чисто политическимъ взглядомъ руководилась Екатерина и въ своихъ столкновеніяхъ съ духовенствомъ въ началѣ царствованія, съ тѣмъ только добавленіемъ, что теперь наступила ея очередь волноваться, какъ раньше волновались философы. Правда, въ концѣ жизни, когда Екатерина, вмѣстѣ съ другими испуганная ростомъ революціи, оглядывалась на всѣ консервативныя силы, какія только можно было сплотить противъ духа отрицанія и разрушенія, мы встрѣтимъ у нея другой тонъ. Теперь Екатерина осуждаетъ Энциклопедію и ея авторовъ, прежнихъ друзей своихъ, за то, что они посѣяли невѣріе. Екатерина предлагаетъ всѣмъ протестантамъ присоединиться къ греческой церкви, чтобы предохранить себя отъ «языческаго безвѣрія, безнравственнаго, анархическаго, злодѣйскаго и дьявольскаго, враждебнаго Богу и престоламъ. Наша церковь—одна апостольская и истинно христіанская. Это—дубъ съ глубокимя корнями». Но для того, чтобы судить, насколько такія рѣчи выражали именно возрастающее рели-

гіозное чувство, а не одинъ политическій страхъ, крайне любопытенъ тотъ фактъ, что Екатерина не хотѣла признавать движенія, въ которомъ крылось начало религіозной реакціи противъ революціоннаго духа: въ масонствѣ она видѣла только «одно изъ величайшихъ сумасбродствъ, бывшихъ когда-либо въ ходу среди рода человѣческаго».

Въ мечтахъ и проектахъ начинающей правительницы большую роль играетъ вопросъ о положеніи крестьянъ. О противорѣчіи между ранними планами, возбудившими въ интеллигентномъ мірѣ столько интереса и надеждъ, и послѣдующей безплодностью царствованія для улучшенія участи низшаго класса, много говорилось. Въ виду этого стоитъ всмотрѣться въ самый характеръ желаній Екатерины въ области крестьянскаго вопроса; должно попытаться опредѣлить реальные мотивы ихъ. Изучая особенно тѣ ея бумаги и наброски, которые не могли въ свое время добиться публичности, первоначальный проектъ Наказа и ея замѣчанія на критику Наказа, мы видимъ, что Екатерина несомнѣнно обнаружила здѣсь ясное пониманіе существенныхъ сторонъ крестьянскаго вопроса и отчетливое представленіе о его положеніи въ разныхъ странахъ. Екатерина различаетъ зависимость личную и «существенную», прикрѣпленіе къ лицу и къ землѣ, холопство и собственно крѣпостничество; она считаетъ великимъ злоупотребленіемъ со стороны господствующаго класса соединеніе (какъ въ Россіи) обоихъ видовъ зависимости. Она указываетъ далѣе и на реформы, проведенныя въ Пруссіи и Австріи въ смыслѣ огражденія крѣпостныхъ, сведенія ихъ обязанностей на опредѣленныя повинности. Она ссылается даже на существованіе народныхъ учрежденій, напр., крестьянскаго суда въ Финляндіи, служащихъ гарантіей противъ произвола помѣщиковъ. Наконецъ, какъ въ Наказѣ, такъ и въ темѣ, предложенной Вольному Экономическому Обществу, Екатерина ставитъ вопросъ о способѣ наилучшаго обезпеченія крестьянъ земельной собственностью или земельнымъ пользованіемъ. И все же сама она не имѣетъ опредѣленной программы относительно крестьянъ, или, лучше сказать, позади ея программы нѣтъ опредѣленнаго политическаго и соціальнаго принципа. Въ своихъ замѣткахъ Екатерина указываетъ на легкій, по ея мнѣнію, способъ повести освобожденіе крестьянъ, не раздражая собственниковъ; стоитъ лишь освобождать при продажѣ имѣній крестьянъ соотвѣтствующаго владѣнія. Черезъ 100 лѣтъ, когда всѣ собственники перемѣнятся, освободятся и всѣ крестьяне. Но при этомъ неясно, какой же въ такомъ случаѣ остается мотивъ для освобожденія, а затѣмъ и

дальше можно спросить, какой могъ быть при такомъ взглядѣ мотивъ для ограниченія крѣпостного права?

Для государей средней Европы, примѣръ которыхъ всего болѣе привлекалъ вниманіе Екатерины, существовали важные политическіе мотивы въ пользу огражденія крестьянъ; прусское и австрійское правительства стояли передъ грозными явленіями роста крупнаго, капиталистическаго землевладѣнія и обезземеленія, пролетаризаціи крестьянства; эти соціальныя перемѣны сулили впереди нападеніе дворянской олигархіи на монархію, а въ настоящемъ влекли за собой паденіе финансовыхъ рессурсовъ государства. Екатерина видѣла хорошо результаты этой политики, но ничто не даетъ права заключить, чтобы она раздѣляла или даже понимала побужденія къ такой политикѣ. Напротивъ, въ разсужденіяхъ Екатерины объ участи крестьянъ и желательности улучшенія ихъ быта совершенно ясно выступаетъ другой мотивъ, именно мотивъ чисто моральный: «противно христіанской религіи и справедливости,—говорится въ замѣткахъ,—дѣлать людей рабами, такъ какъ, рождаясь, всѣ приносятъ съ собою свободу». Наличностью этого моральнаго мотива объясняется и то, что идея освобожденія крестьянъ преобладаетъ надъ идеей огражденія ихъ правъ и собственности; исходя отъ нравственныхъ соображеній, человѣкъ любитъ думать прежде всего о результатѣ, о второмъ шагѣ, и притомъ крайне неопредѣленно, когда не сдѣланъ еще и первый, болѣе скромный и реальный. Надо къ этому прибавить, что факту матеріальныхъ тягостей и разоренія крестьянъ Екатерина никогда не придавала большого значенія. Въ этомъ отношеніи письма къ Вольтеру во время первой турецкой войны поражаютъ своимъ оптимизмомъ. Русскимъ легко вести войны: «наши подати такъ умѣренны, что въ Россіи нѣтъ крестьянина, который бы не ѣлъ курицы, когда ему вздумается, а съ нѣкоторой поры они предпочитаютъ курамъ индюшекъ»; населеніе быстро растетъ, войны не разоряютъ: послѣ каждой войны Россія становится болѣе цвѣтущей, чѣмъ была и т. д. При такомъ взглядѣ возможно было утѣшиться и формулой Вольтера, что государственная иниціатива въ освобожденіи крестьянъ нужна лишь въ отношеніи церковныхъ владѣній, что въ остальномъ желателенъ и достаточенъ добрый примѣръ. Въ крестьянскомъ вопросѣ Екатерина, въ сущности, не примыкала ни къ консервативной, ни къ либеральной программѣ; она вносила съ собой въ русскій умственный обиходъ филантропическое направленіе.

Моральный принципъ привелъ Екатерину къ болѣе яснымъ требованіямъ въ области уголовнаго права и суда, и здѣсь она

встрѣтилась съ наиболѣе энергичными усиліями своего поколѣнія. Обращаясь опять къ Наказу въ соотвѣтствующихъ отдѣлахъ, мы замѣчаемъ, что заимствованія, на этотъ разъ у Беккарія, носятъ еще болѣе прямой, неприкрытый характеръ, чѣмъ изъ сочиненія Монтескьё; это—буквальная передача. Но дѣло въ томъ, что самъ Беккарія не сказалъ ничего оригинальнаго и лишь облекъ въ систему, въ сжатую, аподиктическую и вмѣстѣ съ тѣмъ горячую форму желанія своего времени, мысли, выражавшіяся порознь: онъ составилъ катихизисъ морально - юридическихъ принциповъ; Екатеринѣ оставалось только, выучивъ этотъ катихизисъ самой, привыкнувъ говорить его формулами, перевести ихъ во всеобщее пользованіе. Но прежде всего надо имѣть въ виду существенное отступленіе Екатерины отъ оригинала. Беккарія выводитъ понятіе закона изъ общественнаго договора, въ силу котораго отдѣльныя личности лишились части своей свободы ради охраны остальныхъ правъ. На этомъ принципѣ строится и система наказаній, которыя не должны превышать мѣры, необходимой для огражденія хранилища свободы. Екатерина благоразумно опускаетъ ученіе о договорѣ. Вслѣдствіе этого основной смыслъ разсужденія Беккарія оказывается стертымъ, и въ той общей формѣ, которую сохранила Екатерина, оно не могло служить фундаментомъ для дальнѣйшаго построенія. Естественно, что въ ученіи о наказаніяхъ осталось налечь на моральную основу. Такъ аргументировала Екатерина и послѣ въ отвѣтахъ критикамъ Наказа. Баскаковъ доказывалъ, что въ извѣстныхъ случаяхъ пытка практически необходима. Екатерина возражаетъ только одно: «о семъ слышать не можно, и казусъ—не казусъ, гдѣ человѣчество страждетъ».

Обстоятельно выписано у Беккарія все, что говорится о безчеловѣчности и безполезности пытки, о необходимости смягченія наказаній и приведеніи ихъ въ соотвѣтствіе съ проступками и, наконецъ, о системѣ мѣръ, предупреждающихъ преступленія. Въ послѣднемъ пунктѣ морально-педагогическая точка зрѣнія выступаетъ всего ярче. Цѣль законодательства именно заключается въ предупрежденіи преступленій, иначе говоря, доброе законодательство есть сдержка дурныхъ страстей. Средства, которыми всего вѣрнѣе предупреждаются преступленія, это—главнымъ образомъ общее просвѣщеніе и совершенство воспитанія, затѣмъ равенство всѣхъ предъ закономъ и отсутствіе произвола. Но рядомъ съ мотивомъ гуманности у Екатерины пробивается и другой, принципъ личной свободы, главная гарантія которой — правильный судъ: пытка осуждается не только, какъ жестокость, не ведущая къ цѣли, но и потому, что она подрываетъ основное начало граж-

данской жизни: «человѣка не можно почитати виновнымъ прежде приговора судейскаго, и законы не могутъ его лишить защиты своей, прежде нежели доказано будетъ, что онъ нарушилъ оные». Та же мысль лежитъ въ основѣ другого важнаго требованія, которое примыкаетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, къ господствующей теоріи раздѣленія властей, именно требованія, чтобы толкованіе закона находилось въ рукахъ законодателя, а не того, кто примѣняетъ законъ, т. е. судьи. Наконецъ своими замѣчаніями относительно судопроизводства и характера законодательнаго кодекса Екатерина примыкаетъ къ главной формулѣ западныхъ дѣятелей XVIII в.: она хочетъ гласнаго и скораго суда, она находитъ, что законы должны быть писаны простымъ языкомъ, а «уложеніе, всѣ законы въ себѣ содержащее, должно быть книгой весьма употребительной и которую бы за малую цѣну достать можно было на подобіе букваря».

Въ характерѣ идей, увлекавшихъ Екатерину въ 50-хъ и 60-хъ годахъ прошлаго вѣка, заключается отчасти объясненіе того противорѣчія, въ которомъ стоитъ ея программа къ ея практическому дѣлу. Прямыя задачи западнаго просвѣщенія превращались въ Россіи, на почвѣ другихъ общественныхъ условій, въ общіе моральные порывы или симпатіи. Лежала ли причина превращенія также въ характерѣ личности «просвѣтителя»? «Философія» XVIII в. вѣрила вообще въ магическую силу слова, увѣщанія, обращеннаго къ разуму. У Екатерины эта черта выразилась въ наклонности къ благожелательной фразеологіи, которую она внесла въ государственный языкъ. Но уже у ней обнаружилось то свойство, которое потомъ съ такою яркостью сказалось въ личности ея внука: всякая идея занимательна, пока она стоитъ на высотѣ пророчества, торжественнаго назиданія; разъ она произнесена, она должна сама дѣлать свое дѣло въ сердцахъ; великому просвѣтителю и благодѣтелю массы людской невозможно спускаться за ней и охранять ее въ будничной ея работѣ. Поэтому, не реальныя только препятствія могутъ останавливать такую дѣятельность, не внѣшняя только реакція будетъ ей страшна; она сама теряется въ неясномъ сознаніи тѣхъ шаговъ, которые должны слѣдовать за провозглашеніемъ благотворнаго принципа.

Въ оцѣнкѣ общихъ идей Екатерины II невозможно обойти ея отношеніе въ поздніе годы къ великому французскому перевороту, а въ связи съ этимъ нельзя не затронуть вопроса: произошла ли реакція въ воззрѣніяхъ старѣющей императрицы, или такъ велика была перемѣна, совершавшаяся кругомъ нея, что ея прежніе взгляды оказались отсталыми? Рѣзкость тона въ отзывахъ Ека-

терины за послѣдніе ея 7—8 лѣтъ, сплошной характеръ обвиненій противъ новыхъ порядковъ и идей во Франціи, а иногда и противъ всей просвѣтительной культуры,—все это указываетъ какъ будто бы на первое; но если мы приглядимся къ вкусамъ и тенденціямъ лучшей ея поры и сравнимъ ихъ съ идеями новаго поколѣнія, выступавшаго въ литературѣ и жизни на Западѣ съ 70-хъ гг., то увидимъ, что, даже оставаясь вѣрною себѣ, Екатерина не могла примириться съ этими идеями. Поколѣніе, примыкавшее къ Руссо, такъ рѣзко отдѣлялось отъ вольтеровскаго, какъ будто бы между ними уже прошла революція. Теперь тотъ «средній родъ людей», отъ котораго ждали извѣстной пользы государству, объявлялъ себя господиномъ всѣхъ вещей; старый сословный порядокъ, съ которымъ отлично уживались «философы», совершенно сметался, и общество обращалось въ сумму вполнѣ равныхъ, одинаково свободныхъ личностей; государь, въ глазахъ стараго поколѣнія, воплощеніе идеи общаго блага, нисходилъ теперь на степень исполнителя общественной воли, получалъ роль простого служебнаго лица. Съ этими порядками не могли мириться люди, къ складу воззрѣній которыхъ примыкала Екатерина. Но она пережила ихъ всѣхъ, она пережила свое время. Можно указать однако, что и въ лучшую свою пору Екатерина раздражалась при встрѣчѣ съ провозвѣстниками новыхъ идей. Таково было ея отношеніе къ Руссо: Эмиль былъ запрещенъ въ Россіи. Франклина Екатерина не захотѣла видѣть въ 1782 году. Съ энциклопедистами она рано разошлась, а въ 1795 г. припоминала Гримму, что еще за 18 лѣтъ до того въ средѣ, ее окружавшей, стали замѣчать тенденцію энциклопедіи къ атеизму и республиканству.

Въ отрицательномъ отношеніи Екатерины къ революціи любопытны нѣкоторыя особенности. Во-первыхъ, въ ея представленіяхъ о дорогомъ старомъ строѣ неожиданно объединились съ неограниченной монархіей сословныя привиллегіи. Едва ли не больше всего раздражена была Екатерина въ реформахъ національнаго собранія отмѣной дворянскихъ преимуществъ и, наконецъ, самаго дворянства. Мэру Парижа, Бальи, она не хочетъ посылать предположеннаго подарка, бюста своего, потому что съ нимъ, какъ съ гонителемъ монархіи (démonarchiseur), не можетъ быть никакихъ отношеній у «самой аристократической» императрицы. На адресъ, поднесенный французскими эмигрантами, Екатерина отвѣчаетъ: «дѣло королей есть дѣло дворянства», а далѣе — старой формулой Монтескьё: «нѣтъ дворянства, нѣтъ и монарха». Вспоминается теперь и старая аристократическая теорія расъ, какъ основа разрушенной соціальной іерархіи, и Екатерина съ горечью

пишетъ: «Галлы (революціонная, низкородная Францiя) силятся изгнать франковъ (дворянъ), но вы увидите, франки опять вернутся и дикіе звѣри будутъ истреблены».

Другая черта, это—близорукое сужденіе о причинахъ революціи и средствахъ къ ея прекращенію. Въ запасѣ соціологическихъ и культурно-историческихъ свѣдѣній, которыми располагали люди XVIII в. не было аналогій великой революціи, не было средствъ, чтобы подступить къ ея пониманію. Въ популярномъ руководствѣ политической науки, принадлежащемъ поклоннику Фридриха II, Бильфельду, и заключающемъ въ себѣ сумму политической мудрости екатерининскаго вѣка (авторъ былъ въ перепискѣ съ Екатериной, и въ концѣ 60-хъ гг. она поручила перевести на русскій языкъ его «Политическія наставленія»)—въ книгѣ Бильфельда есть опредѣленіе революціи, и указано 12 внѣшнихъ и 20 внутреннихъ причинъ, «когда (какъ сказано въ русскомъ переводѣ) перемѣны упадаютъ на великіе предметы, и все лицо земли измѣняется». Въ числѣ причинъ есть и «странность образа правленія», и «примѣненіе фундаментальныхъ законовъ», въ родѣ введенія трибуновъ въ Римѣ, но между всѣми 32 причинами революціи нѣтъ ничего похожаго на борьбу классовъ, на народное движеніе, на стремленіе къ политической свободѣ. Понятно, что Екатерина, при всей своей ненависти къ революціи, при всѣхъ своихъ планахъ поднять противъ нея Европу, «понеже сіе есть дѣло всѣхъ королей», думала о ней невысоко. По ея мнѣнію, революція можетъ быть прекращена простой внѣшней диверсіей. «Пусть напряженіе перельется за предѣлы королевства, и оно тотчасъ перестанетъ подтачивать и грызть его». Въ другой разъ она пишетъ: «20.000 казаковъ (для подавленія революціи) было бы слишкомъ много; достаточно двухъ тысячъ, да шести тысячъ кроатовъ».

Историкъ отмѣтитъ всегда съ интересомъ, что, вопреки этому настроенію и взглядамъ, въ непосредственной близи, въ качествѣ воспитателя своего любимаго внука, своей лучшей надежды, Александра, Екатерина продолжала удерживать живого представителя идей обновленной Франціи, Лагарпа, и удерживать, несмотря на упреки и предостереженія окружающихъ. Эта непослѣдовательность стараго друга и ученицы «философовъ» какъ бы указываетъ на нѣкоторую нить, служащую связью между поколѣніями и направленіями,—нить, безъ которой вся ихъ работа была бы только безплоднымъ ворочаніемъ Сизифова камня.

Проф. Новорос. унив. Р. Випперъ.

ВЪ СѢТЯХЪ.

Повѣсть Вацлава Сѣрошевскаго.

*(Окончаніе *).*

VII.

— Папочка, правда, растетъ!—докладывала Соня, присѣдая на корточки и разсматривая на свѣтъ ниву точь-въ-точь, какъ это дѣлалъ въ первое время Александръ. Теперь это было совершенно лишнее, густая и сочная рунь покрывала поле. Александръ стоялъ, облокотившись на изгородь, и смотрѣлъ на ниву. Онъ часто посѣщалъ ее, лучшій отдыхъ, лучшее успокоеніе для него было посмотрѣть, какъ растетъ. Онъ зналъ здѣсь почти каждую былинку, скорбѣлъ и болѣлъ за ихъ неудобства, за изъяны отъ дурной обработки, отъ незнанія. Онъ съ отвращеніемъ глядѣлъ на свои „огрѣхи", гдѣ рядомъ съ плѣшами выросталъ хлѣбъ густыми кустами, низенькій и тоненькій, точно дѣти заморыши. Что-то совершенно новое, не испытанное вошло въ его жизнь вмѣстѣ съ Соней и этой пашенькой, между этими чувствами была самая тѣсная связь и сходство. Такъ точно, какъ онъ не разъ ночью просыпался отъ безпричинной тревоги и съ ужасомъ прислушивался, дышетъ ли его дочь, не умерла ли? не больна ли?—такъ точно, при малѣйшемъ лаѣ Аякса, онъ вскакивалъ и, приложивъ лицо къ крошечному окошку, провожалъ долгимъ взглядомъ сѣрую фигуру пѣшехода или всадника, проѣзжающаго далеко по тропѣ. Долго ли взломать изгородь и пустить скотъ? Якуты готовы это сдѣлать!

Безконечно тоскливая жизнь его вдругъ наполнилась и украсилась. Ежедневно всплывали новыя заботы и необходимый трудъ: дни летѣли невѣроятно быстро, но длинны ка-

---

*) См. «Міръ Божій», № 11, ноябрь.

зались минувшіе мѣсяцы. Сколько происшествій, сколько волненій пережилъ онъ за послѣднее время! А впереди уже готовы ихъ цѣлыя полчища. Вотъ къ пахотѣ приготовляться нужно, къ сѣнокосу; нужно торопиться съ рубкой жердей и кольевъ; нужно приниматься за рыбную ловлю, подходитъ время. Но главный вопросъ въ данный моментъ былъ несомнѣнно вопросъ чайный, волосяной и ниточный. Чай у него подходилъ къ концу, осталось всего нѣсколько заварокъ; волосъ необходимъ былъ для починки сѣтей, а безъ нитокъ имъ грозило превратиться совсѣмъ въ оборванцевъ. Все это можно было достать у Капитона, но послѣ ссоры тщетно было обращаться къ нему. Онъ навѣрно отказалъ бы, да еще поглумился бы. Александръ рѣшилъ ѣхать за ними на тотъ берегъ къ Якову и попросить его достать у сосѣдей.

Рѣка Алданъ только-что входила въ берега послѣ весенняго розлива. И русло, и протоки все еще были напружены мощными струями мутной воды. Нигдѣ—ни желтыхъ песковъ, ни каменистыхъ отмелей. Пѣнистыя быстрины съ шумомъ и рокотомъ неслись по нимъ, и только крутые, обрывистые берега материковъ вздымались всюду прямо изъ воды, да лиственичный, сосновый и еловый нагорный лѣсъ отражался въ нихъ. Тальниковыя низменныя рощи вездѣ почти были залиты половодьемъ; мѣстами онѣ образовали растительные перекаты, по которымъ быстро съ грохотомъ лились волны, разбитыя на мелкія струи сѣтью вѣтвей. Александръ пробирался по нимъ ради сокращенія пути, хватаясь руками за верхушки деревьевъ. Александръ прекрасно зналъ этотъ путь, зналъ рѣку, зналъ, что его ждетъ впереди и сберегалъ силы. Онъ осторожно пробирался вдоль самаго берега, гдѣ слабѣе теченіе, пользовался тихими плёсами и пересѣкалъ протоки наискось, гдѣ ўже. Бѣшеная рѣка бурлила и клокотала, вся въ водоворотахъ и бурунахъ. Даже въ болѣе тихихъ мѣстахъ теченіе такъ и рвало и грозило ежеминутно снести лодку на пѣнистые шивера. Все время пришлось Александру плыть противъ теченія, и онъ сильно усталъ, когда, наконецъ, выбрался на лѣсистый, далеко выдающійся въ рѣку мысъ, откуда переваливали на тотъ берегъ главнаго русла. Александръ вытащилъ лодку на берегъ и прилегъ отдохнуть. Тяжелыя тучи съ серебристыми краями плыли по небу. Свѣтъ солнца, закрываемый ими, то тускнѣлъ, то ярко вспыхивалъ. Тускнѣла и вспыхивала въ отвѣтъ широкая гладь катящейся мимо воды. Противуположные лѣсистые берега чуть

синѣли, а надъ ними, точно куски кружевъ, бѣлѣли тамъ и сямъ вершины отдаленныхъ снѣговыхъ горъ. Александръ съ наслажденіемъ обозрѣвалъ эту мощь и просторъ, но когда онъ отчалилъ отъ берега и стремительное теченіе подхватило его, удовольствіе исчезло въ борьбѣ. Онъ вмѣстѣ съ лодочкой чувствовалъ себя такимъ крошечнымъ среди этого моря быстро несущейся воды. Между тѣмъ, онъ не долженъ былъ позволять снести себя внизъ даже на нѣсколько десятковъ лишнихъ саженей. Это было больше, чѣмъ опасно, это было гибельно. У того берега быстрая горная рѣчка, вливаясь почти перпендикулярно въ Алданъ, образовала опасный водоворотъ. Нужно было во что бы то ни стало выгрести противъ теченія, а солнце жгло и руки млѣли... Александръ все время напряженно глядѣлъ въ даль, гдѣ блестѣла чистая гладкая полоса воды. Съ одной ея стороны подымался высокій крутой мысъ съ тремя склонившимися черезъ край надъ водою лиственицами, съ другой—клокотали и шумѣли, несмотря на совершенное безвѣтріе, пѣнистыя волны. Чѣмъ ближе подплывалъ онъ къ этому мѣсту, тѣмъ чаще вскипали подъ нимъ неожиданные, летучіе буруны, вызванныя изъ глубины ударами струй о подводные камни. Рѣка сопѣла и охала. Руки нестерпимо ныли, весло жгло ихъ, потъ градомъ струился по лбу и заливалъ глаза. Александръ впервые безъ проводника рѣшился переправляться на ту сторону. Не взялъ ли онъ черезчуръ мало въ сторону? Успѣетъ ли? Сможетъ ли? При такой высокой водѣ даже рыбаки якуты избѣгали проплывать этимъ проходомъ. Другого не было къ Якову. Шипѣніе и свистъ волнъ все ближе и ближе, вода подъ лодочкой мчится съ головокружительной быстротой, и та, неувѣренно покачиваясь и неохотно слушаясь веселъ, бредетъ все тише и тише впередъ... Вотъ, гдѣ-то сбоку, замелькали водяные, скользкіе бугры, гулъ сталъ оглушителенъ; лодочка заколыхалась, подхваченная мощными ударами... Все погибло... Онъ несется быстро, бокомъ, прямо въ чудовищную воронку, гдѣ струи спутались, какъ клубокъ громадныхъ удавовъ. Онъ гребетъ изо всѣхъ силъ и боится оглянуться на гибель, чтобы не потерять минуты. Онъ вспоминаетъ строгое лицо якутскихъ проводниковъ въ этомъ мѣстѣ и ему кажется, что оно у него такое же... Но нѣтъ!.. Одинъ, два удара и лодка какъ-то особенно легко, и стремительно понеслась по болѣе тихой водѣ... Онъ вытеръ потъ рукавомъ и оглянулся. Бѣлое, пѣнистое чудовище напрасно хлопало своими водяными клыками... Ему

стало весело, такъ любимое имъ ощущеніе удали и силы охватило его...

Часъ спустя онъ причаливалъ къ обрыву, по склону котораго вилась змѣей тропинка, а вершину вѣнчалъ густой сумрачный лѣсъ. Онъ вытащилъ лодку на берегъ, въ носу ея поставилъ маленькій крестикъ изъ вѣтокъ, въ знакъ, что лодка скоро будетъ нужна, что брать ея нельзя. Весло унесъ съ собою на верхъ и бросилъ въ кусты. Юрта Якова стояла въ верстѣ отъ берега. Прежде всего онъ увидѣлъ огромное черное озеро въ черной оправѣ сплошного лѣса. Мѣстами боръ подступалъ вплоть къ самой водѣ и набрасывалъ на нее густую тѣнь еще болѣе черныхъ отраженій, мѣстами немного отступалъ и узкая нить болѣе свѣтлой зелени веселила берега. Въ стѣнѣ лѣса не было видно нигдѣ ни просѣки, ни просвѣта, и, казалось, не было оттуда выхода никуда.

„Вотъ глушь! И какіе подлецы якуты... поселить здѣсь одинокаго человѣка“!.—раздумывалъ Александръ, быстро шагая по узенькой густо-протоптанной тропинкѣ. Даже птицы не водились здѣсь, и изрѣдка только заблудящая чайка залетала съ рѣки и жалобнымъ крикомъ и бѣлымъ цвѣтомъ крыльевъ еще болѣе оттѣняла траурные цвѣта долины и ея мертвенность. Полчища комаровъ обступили вскорѣ Александра, лѣзли въ ротъ, глаза. Онъ закрылъ шею и щеки платкомъ и бросился почти бѣгомъ къ низенькой, обвалившейся юртѣ, показавшейся у поворота дорожки на бугрѣ.

Въ юртѣ было совершенно темно и тихо; на каминѣ тлѣлъ слабый огонекъ.

— Ушелъ!.. Никого нѣтъ!..—проговорилъ вслухъ Александръ; только вглядѣвшись пристальнѣе, онъ замѣтилъ фигуру товарища, спящаго на нарѣ. Онъ лежалъ навзничь съ вытянутыми вдоль руками; слабый свѣтъ изъ окошка, задернутаго рыбьимъ пузыремъ, падалъ на его желтое, одутловатое лицо. Ротъ—широко открытый, глаза—провалившіеся, совсѣмъ мертвецъ.

— Яковъ!..—позвалъ его Александръ.

Яковъ открылъ глаза и быстро вскочилъ.

— Спишь?.. Все спишь! Вѣдь тебѣ запрещено!.. Твое сердце скоро превратится въ комокъ жиру!...

Яковъ даже не поздоровался съ Александромъ, онъ сидѣлъ неподвижно и смотрѣлъ на гостя, точно не понималъ, что случилось.

— Спишь—не грѣшишь!—проговорилъ онъ тихо.

Александръ замѣтилъ, что его руки и нижняя челюсть, даже все тѣло порывисто дрожатъ.

— Что съ тобою, ты боленъ?

— Нѣтъ!.. Такъ... со сна. Людей давно не видѣлъ, недѣли съ двѣ... вотъ и волнуюсь!..—улыбнулся онъ виновато.— Подожди, пройдетъ... Какъ я радъ, что ты пріѣхалъ. Не повѣришь... Скучно, ужасно скучно... Раздѣвайся... я сейчасъ схожу за водой!..

Онъ схватилъ чайникъ и засуетился. Александръ повѣсилъ ружье, шляпу и вышелъ вслѣдъ за нимъ. Сгорбившись брелъ Яковъ съ чайникомъ обратно отъ озера. Его сѣрая фигура съ опущенной на грудь головой, имѣла до того печальный, нестерпимо тоскующій видъ, что у Александра сердце сжалось.

— Ты бы, Яковъ, чѣмъ-нибудь занялся. Ну, хоть рыбу бы ловилъ, все-таки веселѣе... Хочешь, я поставлю тебѣ удочки...

— Пожалуй, поставь!.. А только здѣсь такіе комары, что иногда страшно изъ дому носъ высунуть...

— Мерзавцы, якуты... безсердечные!.. Какой гиблый тебѣ отвели уголъ. Прямо—воронъ костей не заноситъ... Нѣтъ, какъ хочешь, съ ними тоже нужно сурово!..

— Александръ, Александръ!.. Намъ ли съ тобою воевать съ дикарями?! Ну, что жъ: годомъ раньше, годомъ позже... А между тѣмъ, что-нибудь да пристанетъ къ твоей совѣсти въ этой сутолокѣ... Конечно, они клевещутъ, пишутъ доносы... лгутъ, но мы даемъ имъ поводъ... На меня вѣдь не пишутъ!..

— А что, развѣ опять?

— А ты развѣ не знаешь? Цѣлое дѣло противъ тебя возбудить хотятъ, что ты на сходѣ ругался и грозилъ всему міру, что караулишь проѣзжихъ съ ружьемъ у дороги, что держишь злую собаку, что самовольно захватилъ земли, что стрѣлялъ въ капитоновскаго работника, что...

— Продолжай, продолжай!..

— Что ты... въ отсутствіе Меиляха, зашелъ въ его юрту и... Ну, конечно, всѣ знаютъ, что за женщина его жена, но ты сдѣлалъ ошибку, что далъ ей деньги...

Александръ вскочилъ и быстро заходилъ по юртѣ:

— Ахъ, что за мерзавцы!.. И она... шельма! Впрочемъ оставимъ это. Мнѣ стыдно защищаться противъ такихъ обвиненій...

— А вѣдь защищаться придется...

Александръ на минуту задумался, затѣмъ махнулъ рукою:

— Ну ихъ къ дьяволу!.. Ничего не сдѣлаютъ!.. Если бы ты зналъ, какой у меня хлѣбъ! Лучшій въ окрестности... Растетъ здѣсь все, какъ на дрожжахъ. Дни длинные, жаркіе, подпочвенный ледъ исподволь оттаиваетъ, не даетъ высыхать корнямъ. Такъ и претъ вверхъ. Я ставилъ мѣрку, такъ не повѣришь: на два дюйма въ сутки выростаетъ...

— А Соня?

— Соня тоже растетъ... Вездѣ вмѣстѣ ходимъ... Теперь комары, оставляю ее дома, скучаетъ. Знаешь, Яковъ, зачѣмъ я пріѣхалъ: чаю у меня нѣтъ, соли... нитокъ и волоса купить нужно...

Лицо Якова вытянулось и стало печально; онъ жалобно поглядѣлъ на товарища. Тотъ разсмѣялся.

— Да, нѣтъ... нѣтъ! Не бойся. Я хорошо знаю, что у тебя ничего нѣтъ. У меня есть деньги, остались отъ продажи вещей. Да, видишь, не ловко мнѣ идти къ Капитону... Такъ, вотъ, купи ты у своего князя. Только поторопись, прошу тебя... Я бы хотѣлъ ночью вернуться. Сердце, что-то не на мѣстѣ... далеко отъ дочки! Ты иди, а я сосну, чтобы отдохнуть немного...

Такъ и сдѣлали.

VIII.

Обыкновенно лошадь Александра все лѣто паслась съ якутскими табунами. Каждые нѣсколько дней онъ навѣдывался къ ней и возвращалъ ее обратно, если она уходила далеко. Такъ поступаютъ здѣсь всѣ хозяева. Какъ ни обострились у него въ послѣднее время отношенія съ сосѣдями, онъ не предполагалъ, что они рѣшатся украсть у него лошадь. Впрочемъ, что же онъ могъ сдѣлать... Держать лошадь на привязи было немыслимо, она и безъ того исхудала. Убѣдившись, что лошади, дѣйствительно, нѣтъ нигдѣ въ окрестности, онъ доложилъ, не медля, князю о пропажѣ. Сдѣлалъ онъ это для очистки совѣсти, самъ мало вѣрилъ въ успѣхъ и только окончательно озлился. Князь принялъ его очень учтиво, сейчасъ распорядился послать людей и даже самъ поѣхалъ искать. Розыски ни къ чему не привели. Обшарили тайгу, сдѣлали нѣсколько обысковъ у сосѣдей. Въ результатѣ всѣ напустились на Лягушечьи Глаза.

— Онъ!.. Никто, какъ онъ, Ликсандра!—кричали родовичи.—Онъ твой ближайшій сосѣдъ! Птица не пролетитъ, чтобы якутъ не замѣтилъ,—ехидно доказывалъ Тусъ.

Лягушечьи Глаза божился и отпирался.

— Полно, старикъ, врать-то! Губы вытри раньше, лоснятся отъ кобыльяго жиру!

— Давно я говорилъ тебѣ, уходи отсюда? чего дожидаешься!?—кричалъ на него князь.

— Да конь-то не здѣсь ходилъ.

Александръ молча слушалъ эти препирательства.

— Какъ хотите, а вы заплатите мнѣ за коня!.. Я этого такъ не оставлю!..—хмуро заявилъ онъ.

— Какъ оставить... Вотъ онъ и заплатитъ!—указывали на Лягушечьи Глаза.

Нѣсколько дней спустя Лягушечьи Глаза собрался кочевать. Напрасно удерживалъ и успокоивалъ якута Александръ.

— Я на тебя не думаю! Останься.

— Они что хотятъ, то сдѣлаютъ... Да я и не по этому, а сѣнокосъ... Все равно, днемъ раньше, днемъ дольше... Мои луга на островахъ, уходить нужно... Я вернусь, скоро вернусь! Ты меня жди!

Однако, по нѣкоторымъ признакамъ Александръ заключилъ, что якутъ совсѣмъ ушелъ. Онъ увезъ съ собою не только оконныя рамы, но и двери. Кругомъ Александра образовалась настоящая пустыня, и могли проходить многіе дни, а онъ не увидитъ человѣка. Главное, самому трудно было удаляться: не на кого было оставить Соню.

— Ничего, дочка!.. Все обойдется—и коня купимъ, и люди вернутся, и Майка придетъ, только пусть хлѣбъ уродится!..—утѣшалъ онъ дочь, требующую свѣдѣній о своей подругѣ.

Хлѣбъ росъ быстро, роскошно кустился и мѣстами пошелъ уже въ трубочку. Жары стояли не стерпимые; все млѣло. Въ полдень даже комары не рѣшались летать на солнцѣ.

Уровень воды въ Алданѣ постоянно то падалъ, то подымался въ зависимости отъ таянія въ горахъ снѣговъ.

Наступило лучшее рыболовное время. Александръ сталъ ежедневно ставить сѣти. Его уловъ находился въ верстѣ отъ дома. Это была тихая „старица“, соединенная съ рѣкой узенькой протокой.

Высокіе и прямые, какъ бамбукъ, тальники съ изсѣра-зелеными кудрявыми верхушками, густой стѣной окружали

ее. Тонкія колонны ихъ купались въ водѣ, и воздушная ихъ тѣнь и тѣнь водныхъ ихъ отряженій сливалась въ одно, только мѣстами разъединенныя желтой нитью прибрежныхъ песковъ. Выше тальниковъ, гдѣ бугры, гдѣ сухо, вскипали острые, темные верхушки елей и золотисто-зеленые туманы лиственицъ. Серебристый истокъ, точно лента, перевязывалъ въ одномъ мѣстѣ этотъ сплошной вѣнокъ бора, окружившаго одинокую лагуну. Въ пролетъ истока видна была рѣчная даль, гдѣ безустанно лились сердитыя воды. Старица всегда, даже въ вѣтеръ, была тиха и спокойна: вмѣсто нея колыхались вѣтви стерегущихъ ее деревьевъ. Внутрь заглядывали только солнце, луна да проходящія облака. Въ столбахъ ихъ свѣта любили спать большія щуки, серебристые сиги суетливо сновали у береговъ, мелькая въ прозрачной водѣ, точно мелкая монета въ мошнѣ; остромордыя, сизыя стерляди забредали сюда и, важно плавая, хватали своимъ хоботомъ земляныхъ червей и корешки свѣже упавшихъ листьевъ. Здѣсь раньше осѣдала изъ воды муть, и позже она дѣлалась грязной въ моментъ разлива.

У Александра было всего пять сѣтей. Три изъ нихъ онъ ставилъ, двѣ—сушилъ. Онъ учился рыбачить у туземцевъ и, не мудрствуя лукаво, перенялъ у нихъ всѣ пріемы, примѣты и даже нѣкоторые предразсудки. Онъ вѣрилъ, напримѣръ, что отпущенная изъ рукъ или вырвавшаяся изъ сѣтей рыба пугаетъ и уводитъ другихъ; онъ въ этомъ убѣждался нѣсколько разъ, потому что рыба послѣ того нѣкоторое время не ловилась. Не разъ, притаившись на берегу или плывя на лодочкѣ, онъ наблюдалъ стаи рыбъ, видѣлъ, какъ они тревожно слѣдятъ за поведеніемъ своего главы, какъ осторожны и хитры послѣдніе, какъ зорки ихъ не смежающіеся глаза и какъ много въ ихъ поведеніи таинственнаго и непонятнаго. Стаи ихъ то являлись, то исчезали, то играли на поверхности, покрывая всю рѣку блестящими кружками зыби, то падали на дно и тихо лежали тамъ, какъ полѣнья.

Иногда онѣ обильно попадались въ сѣти, иногда совсѣмъ не ловились, хотя вездѣ, кругомъ да около сновали также густо и беззаботно. Среди неустанно мѣняющихся струй милліарды существъ жили жизнью, такъ на другихъ не похожею и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ похожею... Тѣ же опасности, тревоги, радости и страданія. Онъ даже вѣрилъ въ рыбье отчаяніе, такъ какъ не разъ вытаскивалъ совершенно свободныхъ великановъ, уснувшихъ, ухватившись зубами за тонкій волосъ сѣтей, преграждающихъ имъ отступленіе.

Онъ всегда старался осматривать сѣти до восхода солнца, потому что опытные рыбаки утверждали, что рыба въ сѣтяхъ не любитъ свѣта, что она видитъ веревки, ей скучно и она вертится до тѣхъ поръ, пока не выпутается и не уйдетъ. Дѣйствительно, среди дня ему чаще случалось вытаскивать спутанныя, пустыя сѣти. Онъ вскакивалъ съ постели до восхода солнца, и осторожно, чтобы не разбудить Соню, выскальзывалъ на дворъ. Въ этотъ моментъ лѣта жаркіе дни здѣсь чередуются съ холодными росистыми ночами. Лугъ, по которому вела тропинка на уловъ, казался усыпаннымъ жемчугомъ. На каждой вѣточкѣ, на каждомъ прутикѣ, на каждой былиночкѣ была нанизана росинка. Лопасти листьевъ были сплошь усыпаны ихъ бѣло-матовой пылью; крупныя капли, прозрачныя, какъ топазы, выполняли чашечки цвѣтовъ. Онъ всегда шелъ босой, сберегая сухость обуви на обратный путь, когда усталыя ноги окоченѣютъ отъ работы и холода рѣки. Студеный ароматный душъ падалъ на его бѣлыя, красивыя ступни, проворно мелькавшія среди нависшихъ надъ тропинкой травъ, и пріятная, бодрящая, дрожь пробѣгала по его сильнымъ плечамъ. За спиной у него висѣло ружье и корзина для рыбы, у праваго бедра—ножъ. Беззвучно, какъ тѣнь, не тронувши ни одной вѣточки, онъ проскальзывалъ среди тальниковъ и съ ружьемъ въ рукахъ замиралъ на мгновеніе на краю ихъ. Сюда, на заливъ, залетали часто пображничать парочки утокъ, и сѣрые гуси любили здѣсь ночевать. Зоркіе его глаза быстро обыскивали спящую воду. Въ этотъ часъ утра она всегда слегка дымилась. Лучи солнца чуть золотили верхушки деревьевъ, прозрачная кисея тумановъ качалась, маленькія кудерки мглы ерошились и клубились у ея краевъ, легкій вѣтерокъ—утренникъ набѣгалъ съ рѣки, врывался между ними, и все вдругъ колыхалось.

Александръ быстро сталкиваетъ челнокъ и плыветъ, осторожно огребая воду длиннымъ двулопастнымъ весломъ. Носъ челнока плавно колышется, разступаются передъ нимъ беззвучно вода и туманы. Александру весело и любопытно, что дала ночь, что тамъ подъ водою застряло въ сѣтяхъ. Длинный неподвижный рядъ берестяныхъ поплавковъ дрогнулъ отъ набѣжавшей съ челнока волны. Александръ вынулъ палку, къ которой былъ подвязанъ одинъ конецъ веревки и осторожно сталъ собирать кольцами на палецъ переметъ сѣти. Онъ заранѣе волновался, если чувствовалъ,

что сѣть не трется, что попавшая въ нее рыба дергаетъ и водить ее. Вотъ уже близко: на поверхности мелькнулъ хвостъ, затѣмъ появилась разинутая пасть, затѣмъ опять хвостъ, все исчезло, и забурлила, заметалась у самаго борта крупная рыба. Если она была очень крупная, онъ отпускалъ сѣть изъ опасенія, чтобы она не порвала ее или не опрокинула челнока, а на глубинѣ легко было и самому запутаться и утонуть. Онъ тихонько велъ ее на мель и глушилъ ударомъ рукояти ножа по головѣ. Съ мелкой рыбой было меньше хлопотъ: онъ ее просто вынималъ и бросалъ на дно лодки, гдѣ она долго плескалась и лопотала у его ногъ. Только здѣсь, въ старицѣ, чаще попадалась крупная рыба, зато она была рѣдка, и отъ поимки до поимки проходило иногда нѣсколько дней. Особенно стало это повторяться съ момента, когда Александръ началъ осматривать сѣти разъ въ сутки. Дѣло въ томъ, что сѣти для дневнаго и ночного улова нужно было ставить въ разныхъ мѣстахъ, иначе онѣ днемъ мѣшали свободно плавать рыбѣ, забираться въ потайные уголки, и постояннымъ присутствіемъ въ одних и тѣхъ же мѣстахъ пугали ее и отучали посѣщать удобныя для ловли отмели. Ихъ было въ старицѣ далеко не такъ много. Переносить сѣти на другой, болѣе дальній уловъ было для Александра немыслимо, и безъ того онъ находилъ не разъ Соню плачущей и полуодѣтой на дворѣ, когда почему-либо дольше обыкновеннаго замѣшкается на рѣкѣ. Добычи становилось все меньше. Между тѣмъ провизія у нихъ истощалась, мука была на исходѣ, а съ отъѣздомъ Лягушечьихъ Глазъ не стало и молока. Къ тому же, якуты прослѣдили его продолжительное на уловѣ отсутствіе и возобновили свои продѣлки. Онъ разъ и другой нашелъ сѣти вытащенными изъ воды и порванными; изгородь пашни изрубленной; даже разъ угнали его челнокъ. Челнокъ былъ очень маленькій и верткій; они не осмѣлились сѣсть въ него, но столкнули его прочь на рѣку. Послѣ долгихъ поисковъ, Александръ нашелъ его въ излучинѣ, куда прибило его теченіемъ.

Въ то же время случилось, что Аяксъ, отпущенный, ради сбереженія запасовъ, промышлять пищу на свой страхъ, принесъ домой кусокъ гнилого мяса, покрытаго подозрительной шерстью. Александра сразу толкнуло прослѣдить собаку и онъ нашелъ въ глухомъ лѣсу полувырытыя изъ ямы голову, ноги и кожу Воронка, части животнаго, которыя легче всего могли обличить вора. Все это въ значительной степени раз-

ложилось. Онъ преодолѣлъ себя и поднялъ за ухо голову друга съ судорожно стиснутыми зубами, съ печально отвисшей губой. Изъ глазъ, недавно еще такихъ огненныхъ и ласковыхъ, вываливались черви; осклизлое ухо выскользнуло изъ его пальцевъ, и голова мордой шлепнулась въ яму. Онъ вытеръ руку о траву и поспѣшно ушелъ, не позвавши даже Аякса, который виновато поджалъ хвостъ и спрятался въ кусты. Онъ чувствовалъ, что способенъ разревѣться. Онъ купилъ этого коня молодымъ жеребенкомъ. самъ объѣздилъ его, и долго онъ да Аяксъ были единственными товарищами его одиночества...

— Мерзавцы... Они на все готовы! Ну нѣтъ: будетъ имъ пусто! Шутки...

Опять проходящіе якуты стали встрѣчать, въ разное время дня и ночи на своемъ пути, его плотную фигуру съ ружьемъ за спиной.

— Этотъ русскій дьяволъ не спитъ, что ли? Все бродитъ кругомъ своего поля и своихъ сѣтей, точно медвѣдь кругомъ берлоги...

Онъ ничего имъ не дѣлалъ, не угрожалъ, не упрекалъ, только провожалъ каждаго долгимъ внимательнымъ взглядомъ и освѣдомлялся у незнакомыхъ:

— Кто? Куда и откуда?

— Упаси Богъ, другой кто сдѣлаетъ, а ты отвѣтишь!— пугали другъ друга инородцы, разсказывая о встрѣчахъ съ нимъ. Всадники, завидя его, пошевеливали плетью и подбирали поводья, пѣшеходы снимали издали шапки и учащенно кивали головами.

— Пусть!.. Тѣмъ лучше!.. Они знаютъ только страхъ... Съ ними нужно быть суровымъ...

И блѣдность лица, дрожащія губы, широко раскрытыя отъ испуга глаза застигнутыхъ невзначай въ лѣсу людей уже не волновали, не трогали его. Онъ не подходилъ къ нимъ больше съ ласковымъ упрекомъ:

— Чего боитесь? Не бойтесь: я другъ вашъ!

— Между тѣмъ, я имъ другъ; я искренно желаю имъ добра...—увѣрялъ онъ себя. Онъ понималъ ихъ, иногда даже оправдывалъ, но когда прежней внутренней лаской онъ пробовалъ вновь ихъ включить въ кругъ тѣхъ, кого жалѣлъ, сердце его угрюмо молчало. Онъ не могъ простить имъ тѣхъ минутъ отчаянія, когда на берегу находилъ пустыя, порванныя сѣти, а голодъ грозилъ дома, не могъ забыть покорно-печаль-

ной морды убитаго коня, лжи, сплетенъ, клеветы, вѣчной своей тревоги, раздраженія и гнѣва, отъ которыхъ онъ чувствовалъ, что дичаетъ и душевно падаетъ.

— У меня не было выхода!—оправдывалъ онъ себя.—Или вѣчное нищенство, зависимость, униженіе, вѣчный страхъ, что откажутъ въ подачкѣ, и вѣчная изъ-за нея война съ міря-нами, или то, что есть... А вѣдь это только начало... Хорошо, если можно соединять борьбу изъ-за личныхъ интересовъ съ какой-либо общей борьбой... Но здѣсь съ кѣмъ я могу соединиться? Съ ворами и разбойниками?.. Я не виноватъ,—отмахивался онъ и углублялся въ работу, которая одна смягчала его душевную боль.

Хуже всего, что большинство работъ требовало отлучекъ изъ дому, всѣ онѣ были, главнымъ образомъ, направлены на поиски пищи, а Соню не на кого было оставить. Онъ пробовалъ перегородить истокъ „старицы", чтобы съ убылью воды воспользоваться мелкой, уходящей изъ нея, рыбой; сѣти онъ поневолѣ перенесъ въ другія мѣста. Пробовалъ даже забрасывать ихъ на карасей въ озерѣ, что лежало далеко въ глуши у подножія горъ. Все это удерживало его долго внѣ дома, и всякій разъ все время онъ ощущалъ смутную тревогу.

Разъ онъ пробылъ на уловѣ дольше обыкновеннаго; съ сѣтями что-то не ладилось: крупныя рыбы путали ихъ, рвали и уходили. Онъ внимательно осмотрѣлъ подвѣски, поплавки и очки и очень старательно поставилъ ихъ вновь. Сѣть натянулась правильно. Ужъ въ этотъ разъ что-нибудь да должно попасться. Вдругъ на тропинкѣ въ лѣсу недалеко отъ улова послышались голова и странные звуки... — Вотъ она, вѣрно, причина!..—подумалъ Александръ, быстро вытащилъ лодку на берегъ и крадучись, сквозь чащу, направился на перерѣзъ. Какъ ни тихо онъ шелъ, а вѣтка нѣсколько разъ треснула подъ его ногой и голоса умолкли. Въ отверстіи среди вѣтвей онъ замѣтилъ что-то темное и мохнатое. Неужели медвѣдь? Александръ быстро снялъ ружье и остановился... Кусты раздвинулись и оттуда, сверхъ ожиданія, высунулась похудѣвшая, печальная морда Аякса...

— Аяксъ?!. Тебѣ что здѣсь нужно!..

Собака бросилась къ нему и въ то же отверстіе, вмѣсто нея, выглянула бѣлокурая головка Сони.

— И ты здѣсь? Это какъ?!—въ ужасѣ вскричалъ онъ.

— Папа, я тебя ищу! Комары больно кусаются!..

— Ахъ, не хорошая дѣвочка!.. Зачѣмъ ушла изъ дому?

— Папочка, мнѣ скучно, мнѣ ужасно скучно... Никого нѣтъ... Не сердись, папочка!.. Я вѣдь тебя нашла!—Она улыбалась и такъ была мила въ рамкѣ позлащенной солнцемъ зелени, что Александръ не выдержалъ, схватилъ ее на руки и сталъ цѣловать.

— Дурочка моя! Вѣдь тебя медвѣдь съѣстъ! Ты могла зайти, Богъ знаетъ, какъ далеко... Ахъ дѣвочка, дѣвочка, какъ я просилъ: не отходи отъ дому... Ты не добрая, ты меня огорчаешь...

— И ты меня огорчаешь!.. Якуты приходили, тебя спрашивали...

— Ну, ладно! Садись!..—Онъ посадилъ ее на плечи и двинулся опять къ протокѣ оканчивать работу.

Раньше онъ развелъ на мысу костеръ и усадилъ около него Соню.

— Сиди, не двигайся, не то отведу домой!

Съ тѣхъ поръ онъ нѣсколько разъ пробовалъ брать ее съ собою. Но ея присутствіе сильно стѣсняло свободу его движеній, онъ боялся вмѣстѣ съ ней переплывать на своей лодочкѣ быстрины; держать дѣвочку приходилось на колѣняхъ, она все вертѣлась и ежеминутно могла выскользнуть изъ рукъ, упасть въ воду и захлебнуться. Оставлять ее на берегу было еще опаснѣе. Къ тому же, жары все усиливались, въ полдень трудно было ходить босикомъ по накаленному песку. Вода въ рѣкѣ быстро падала, обнажая топкіе берега, отъ нихъ неслись удушливыя міазмы, и Александръ, наклоняясь къ теплой, нагрѣтой водѣ, всякій разъ чувствовалъ, что вдыхаетъ ядъ. Онъ не болѣлъ пока, но дочь, конечно, пересталъ брать съ собою. Оставляя дома, онъ сталъ ее запирать на ключъ. Бѣдная дѣвочка не разъ плакала до изступленія въ пустой избѣ...

— Ты, папа, хоть мнѣ Аякса оставь!—просила она. Онъ запиралъ и Аякса, но голодная, исхудалая собака доставляла въ заключеніи мало утѣшенія.

Все дольше приходилось Александру оставаться на промыслахъ, блуждая по тайгѣ, чтобы добыть что-нибудь. Утки съ утятами прятались въ камышахъ, куропатки и тетерева ушли въ горы; рыба тоже откочевывала, и все чаще приходилось перемѣнять мѣсто лова. Только мелкая рыбешка продолжала въ небольшомъ количество идти въ верши, уставленныя въ истокѣ „старицы“. Развязка приближалась. Все

зависѣло отъ того, вызрѣетъ ли раньше хлѣбъ, или... придется обратиться къ проклятымъ якутамъ за помощью. Въ амбарѣ совсѣмъ не осталось запасовъ.

Обычная въ это время здѣсь засуха была въ полномъ разгарѣ. Дождь давно не падалъ; солнце палило немилосердно, и природа просыпалась ежедневно не на радость, а на мученія. Сухая, какъ кирпичъ, земля накаливалась за день, какъ печка. Порыжѣлыя, свернувшіяся отъ жары травы плохо защищали потрескавшуюся ея грудь. Запыленные лѣса, съ порѣдѣлой листвой, стояли въ знойныхъ синеватыхъ мглахъ и, казалось, истекали ароматомъ смолы, выжатой изъ нихъ солнцемъ. Хлѣба наливались крайне туго. Только ночью роса на короткій мигъ освѣжала спекшіяся поры растеній. Вскорѣ и это прекратилось. Сухіе туманы своей пепельной занавѣсью подернули окрестности. И день, и ночь слились подъ ними въ одну сѣрую, сплошную, безобразную ленту. Солнце свѣтило красное и тусклое, какъ луна; звѣзды исчезли, а луна стала мѣдно-красною. Было и жарко, и душно, какъ въ банѣ, воздухъ сталъ горекъ и густъ, какъ вата. Напрасно измученная грудь широко вздымалась, тщетно возбужденные цвѣтки широко растопыривали свои лепестки— ни вѣтерка, ни росинки... Уныло мелькали въ горячемъ туманѣ силуэты деревьевъ, птицъ совсѣмъ не было замѣтно, а люди и животныя двигались вяло и неохотно.

Такъ прошло нѣсколько томительныхъ дней. Вода въ Алданѣ стала наконецъ быстро прибывать; очевидно, тронулись и растаяли въ горахъ послѣднія твердыни льда. Ловъ прекратился, сѣти пришлось вынуть. Александръ все крѣпился. Собиралъ шиповникъ, ягоды, пробовалъ варить нѣчто въ родѣ каши изъ незатвердѣлыхъ еще зеренъ ячменя.

— Ѣшь, дочка, ѣшь!..—говорилъ онъ Сонѣ, отдавая ей все лучшее; тѣмъ не менѣе, дѣвочка худѣла, блѣднѣла, а самъ онъ чуть держался на ногахъ.

— Нѣтъ, нужно съ этимъ покончить... Не дождемся мы хлѣба!.. Пойдемъ съ повинною...

По утру, раньше, чѣмъ отправиться къ сосѣдямъ, онъ пошелъ провѣдать на рѣку. Въ воздухѣ чувствовалась перемѣна, хотя туманъ продолжалъ висѣть рыжей пеленой. Дѣйствительно, прибыль воды остановилась. Можетъ быть, достаточно будетъ купить пищи, занять, а просить не нужно будетъ. Но добыть пищи нужно было во что бы то ни стало: у нихъ не осталось ни крошки. Его пугала необходимость уйти отъ дому за пять почти верстъ.

— Дѣвочка!.. Дочурочка... милая!.. Не плачъ, не шали, сиди смирненько, я скоро приду и всего принесу... много— и масла, и молока... И уточку тебѣ убью... Хорошо, дѣвочка?.. Я оставлю тебѣ Аякса, ты съ нимъ сиди... играй... Ничего здѣсь не трогай!.. Не бойся... я приду!..

— Хорошо... папочка! Хорошо!

Онъ вышелъ и заперъ ее. Проходя мимо окна, онъ взглянулъ еще разъ; Соня стояла на скамьѣ у самаго стекла, кивала ему головой и показывала что-то пальчиками. Онъ улыбнулся ей.—Прощай дочурка! Аяксъ на прощаніе тявкнулъ въ глубинѣ дома. Будь что будетъ, а онъ достанетъ пищи... Рѣшимость и надежда возвратили ему силы. Онъ быстро пошелъ по знакомой тропѣ. На лугахъ ему показалось, что окаменѣлый воздухъ всколыхнулся, что слегка тянетъ, что мгла стала рѣже и заструилась. Сквозь нея тамъ и сямъ вверху просвѣчивала закоптѣлая лазурь. На востокѣ появилось что-то темное, безформенное, точно облако.

— Наконецъ-то!.. будетъ перемѣна!.. А можетъ быть, дождь выпадетъ. Если такъ, то дней черезъ 10 будемъ съ хлѣбомъ! Просить не буду...—рѣшилъ онъ,—да и далеко ходить къ князю!

Онъ зашелъ въ первую юрту ближайшаго къ нему поселка. Она оказалась совершенно пустой, но присутствіе телятъ во дворѣ, посуда внутри дома, икона на полкѣ въ углу убѣдили Александра, что жильцы не совсѣмъ еще укочевали. Поискавши, онъ нашелъ въ ясляхъ въ скотскомъ хлѣву спящую старуху. На зовъ она вышла къ нему въ юрту.

— Ты кто и что тебѣ нужно?—спросила баба, отгребая съ лица космы сѣдыхъ волосъ. Она была почти голая, какія-то невозможно грязныя тряпки на шеѣ и груди совершенно не прикрывали ея наготы. Кожа высохшая и темная, какъ на муміи, висѣла на ней многими складками, тонкія, какъ лучинки, подогнутыя ноги дрожали, дрожали и руки, худыя и кривыя, какъ когти... Она упорно всматривалась въ него гнойными слезящимися глазами и заблаговременно повторяла:

— Не знаю... ничего не знаю... Я старая и глупая!..

— Гдѣ жильцы?

— Укочевали... на островъ... всѣ на островахъ... Сѣно...— Она показала рукой, какъ косятъ.

— Молоко есть у тебя? Продай!..

— Всѣ ушли.. работай... Сѣно!.. Я не знаю... ничего не знаю...

— Что же сама-то ѣшь? Подѣлись со мною. Я тебѣ заплачу!

Старуха трясла головой и рукой и отвѣчала все тоже:

— Всѣ ушли... сѣно... работай... ничего не знаю!

— А кто изъ сосѣдей остался?

— Не знаю... не знаю... много лѣтъ... сѣно... работай... всѣ ушли!..

Александръ ушелъ, хлопнувъ съ досадой дверями.

Въ слѣдующей юртѣ, очевидно, были люди, но убѣжали и спрятались. На столѣ стояла чашка недопитаго чаю и лежали крошки мелкой, изжаренной на палкѣ рыбёшки. Напрасно онъ звалъ, никто не откликался. Можетъ быть, здѣсь были только молодыя, скромныя женщины, тогда понятно: такъ поступать велитъ имъ этикетъ.

Онъ пошелъ дальше и опять никого не нашелъ. Всѣ, очевидно, ушли на сѣнокосъ. Это, впрочемъ, его не особенно пугало, онъ зналъ, гдѣ найти пищу, онъ возьметъ ея и оставитъ на ея мѣсто деньги, но раньше онъ обойдетъ всѣ дома и испробуетъ всѣ средства, чтобы избѣжать нареканій и новыхъ кляузъ. Прежде всего онъ направился въ юрту отца Той, какъ болѣе близкаго знакомаго, къ тому же, оттуда струился дымъ изъ трубы.

Онъ засталъ старика грѣющимся у камина; его внезапное появленіе вызвало нѣкоторую тревогу. Присутствующіе засуетились. Парнишка выскочилъ на дворъ и кого-то окликнулъ.

— Здравствуй, русскій! Зачѣмъ пришелъ?

Александръ присѣлъ за столъ, у него слегка кружилась отъ усталости голова.

— Накорми меня, старикъ, я голоденъ!

— Боже мой!.. Такой господинъ и такой промышленникъ! — Той, подай русскому чашку молока... У насъ самихъ-то пища прикончилась. На рѣкѣ нѣтъ промыслу, а на озерахъ не промышляемъ—сѣнокосъ, всѣ на островахъ!.. Чаемъ живемъ—живемъ—голодаемъ!

— Все-таки продадите мнѣ, думаю, сколько-нибудь кислаго молока или масла?

— Продать?!—Старикъ помолчалъ.—Что жъ, я бы тебѣ не прочь продать, а только не велѣно... Господа приказывали отсылать тебя со всякими просьбами къ князю... Да, ты иди къ нему, онъ тебѣ даромъ дастъ. А намъ нельзя!.. Мнѣ прошлый разъ за быка досталось... Не повѣрили, что ты силой взялъ...

— Не повѣрили, а въ доносѣ-то написали?

Старикъ смутился.

— Бумагу не я писалъ!

— Хорошо. Какъ хочешь, а безъ пищи я отъ тебя не уйду.

— Что жъ: сиди! Избы я тебѣ не жалѣю, а только я долженъ слушаться нашихъ господъ... Какъ міръ, такъ и я!.. Иди ты къ князю...—мигнулъ онъ въ сторону вошедшаго въ избу работника.

— Къ князю мнѣ далеко идти, некому дочку оставить!

— Это правда, а только и мы тебѣ продать не можемъ!

— Ну такъ дай въ долгъ, старикъ, или такъ дай!..

Якутъ замялся.

— Нѣтъ у насъ! Знаешь, русскій, дочку-то завтра къ намъ неси, а самъ отправляйся къ князю. Все у тебя мигомъ будетъ!..

Александръ раздумывалъ. Въ немъ боролись отвращеніе и необходимость.

— Хорошо, я пойду!..—вздохнулъ онъ и сталъ прощаться. Не ушелъ онъ десяти шаговъ, какъ его окликнули, и Той выбѣжала изъ-за угла съ ведеркомъ въ рукахъ.

— Возьми, русскій, только не говори! Ведро возврати!— Раньше чѣмъ онъ успѣлъ разсмотрѣть подачку, дѣвушка исчезла. Въ ведрѣ болталось немного кислаго молока—соратъ и крохотный кусокъ масла. У Александра въ груди вскипѣли какія-то давно забытыя слезы, вмѣстѣ съ тѣмъ ему стало нестерпимо стыдно и больно. Первымъ движеніемъ было вернуть ведро обратно, но никого во дворѣ не оказалось, и онъ раздумалъ.

— Она добрая... куплю въ городѣ подарокъ...

Назадъ онъ пошелъ по другой дорогѣ мимо озера, въ надеждѣ встрѣтить и убить какого-нибудь неосторожнаго утенка. Въ травахъ у берега трепыхалось и пищало ихъ много, но на середину не выплыва ни одна стайка. Обширная, черная гладь стояла въ яркой рамкѣ камышей совершенно пустынная и неподвижная. Когда Александръ приближался или палкой пробовалъ пугать птицъ, все мгновенно стихало и только. Всѣ эти опыты заняли порядочно времени. Наконецъ, нѣсколько невѣроятно легкомысленныхъ утятъ покинули спасительные тростники; увидѣвъ голову Александра сквозь рѣдкія верхушки послѣднихъ, они, впрочемъ, во время спохватились и поспѣшно вернулись назадъ. Только одинъ поплылъ дальше, испуганный во время брошеннымъ Александромъ кускомъ палки, по-

гналъ впередъ, затѣмъ нырнулъ и выплылъ очень ужъ далеко. Онъ былъ настолько маленькій, что Александръ колебался, стоитъ ли стрѣлять, но онъ былъ уже настолько хитеръ, что постоянно плылъ, погрузившись по шею въ водѣ, и нырялъ при малѣйшемъ движеніи Александра. Все-таки онъ не могъ разобраться въ положеніи и напрасно подавала ему неумолчно сигналы испуганная мать, утенокъ жалобно пищалъ, но плылъ все дальше и дальше. Александръ увидѣлъ мать, она выплыла на край тростниковъ; онъ быстро сообразилъ разстояніе, спрятался и, крадучись за тростниками, поползъ къ тому мѣсту вдоль берега. Тутъ онъ взобрался на поваленный пень дерева, приготовилъ ружье и кашлянулъ. Тишина, затѣмъ плескъ, утята бросились гдѣ-то въ сторону, а старая утка еще дальше отплыла отъ берега и, повернувъ голову, стала тревожно осматривать берегъ. Александръ приложился и выстрѣлилъ. Птица съ крикомъ вспорхнула и низко понеслась надъ водою Второй разъ онъ выстрѣлилъ на лету; утка шлепнулась, но не опрокинулась, а стала плавать, призывая отчаянно дѣтенышей, кружась и хлопая по водѣ подшибленнымъ крыломъ. Александръ поспѣшно заряжалъ ружье; утята, чирикая, плыли къ матери, по шею погрузившись въ воду и часто ныряя. Александръ еще разъ выстрѣлилъ по самкѣ; та опрокинулась на бокъ и забилась.

— Ура! Такого обѣда давно не бывало у Сони!—чуть не вскричалъ Александръ.

Онъ бросилъ ружье и быстро сталъ раздѣваться. Тутъ только онъ замѣтилъ, что на долинѣ совершились большія перемѣны. Туманъ исчезъ. Небо стояло тусклое съ мѣднымъ отливомъ, но чистое. По нему быстро неслись съ востока клубы одинокихъ облаковъ, черныхъ, какъ дымъ, плотныхъ, какъ скатанная шерсть. Палящій, удушливый, какъ лихорадочное дыханіе, вѣтерокъ пахнулъ оттуда; оттуда же, задѣвая мѣдной грудью за гребни горъ, летѣло на долину облачное чудовище. Стаи лохматыхъ тучъ бѣжали передъ нимъ, лохматыя его лапы и края загибались внутрь и тихо шевелилась на нихъ спутанная, воздушная шерсть. Летѣло оно противъ солнца, все шире изъ края въ край по небу расправляя черныя крылья. Черная тѣнь бѣжала за нимъ слѣдомъ по землѣ, покрывая лѣса, луга и рощи. Обѣ онѣ охватили уже полъ-неба и полъ-земли. Наконецъ, верхушка бури вбѣжала туда, гдѣ еще сверкали лучи склонившагося къ закату солнца. Грома не было слышно, но глухой гулъ росъ и приближался...

*

Кругомъ Александра еще было тихо, даже тише, чѣмъ прежде, птицы спрятались, воды помертвѣли, вытянулся въ струнку оробѣлый камышъ, полный удушливаго аромата лѣсъ притаилъ дыханіе. Гудѣла только и мчалась буря, прикрывая все на пути непроницаемой дождевой занавѣсью, да орелъ, очевидно, въ надеждѣ обогнать, летѣлъ впереди нея, широко распластавъ крылья, крошечный отъ высоты, золотой отъ солнца. Наконецъ и онъ потухъ, поглощенный бурей.

Вѣтеръ съ воемъ набросился на долину...

Александръ только-что успѣлъ схватить утку и поплылъ назадъ къ берегу. Варомъ окатили его вздувшіяся вдругъ волны, стали хлестать черезъ голову, брызгать въ лицо пѣну, рвать изъ рукъ добычу. Онъ взялъ ее въ зубы, какъ собака, потому что обѣ руки стали ему нужны. Волны крутили имъ; онъ съ трудомъ правилъ наискось къ тому мѣсту, гдѣ было не такъ топко, гдѣ лежало его платье. Длинныя и скользкія водоросли, вымытыя со дна волненіемъ, обвивались кругомъ его членовъ, точно щупальцы проснувшихся спрутовъ. Наконецъ, одна изъ волнъ выкатила его прямо въ тростники съ такой силой, что онъ поранилъ себѣ грудь и руки. Стуча зубами отъ холода, онъ быстро одѣвался подъ ливнемъ и съ ужасомъ думалъ о Сонѣ. Вѣтеръ вылъ, ревѣлъ; молніи сверкали изъ конца въ конецъ, озеро пѣнилось и кипѣло, не менѣе его шумѣли и колыхались вѣтви мокраго лѣса. Александръ съ трудомъ нашелъ ведро съ молокомъ, спрятанное имъ въ кустахъ и, насквозь промоченный дождемъ, бросился бѣгомъ къ дому. Потоки воды, льющіеся по скатамъ, по тропинкѣ, мѣшали двигаться, ноги скользили, глаза, залитые ливнемъ, не замѣчали препятствій. Наконецъ, онъ выбрался на луга, обогнулъ озеро, и домъ его смутно зарисовался передъ нимъ сквозь сѣтку дождя. Онъ обогнулъ уголъ и сердце его ёкнуло: оконная рама была вынута, на столѣ горѣла, невѣроятно мигая и оплывая, сальная свѣча, Аяксъ сидѣлъ по серединѣ избы и выжидательно глядѣлъ въ недоступное для него окошечко... Завидѣвши Александра, онъ угодливо встряхнулъ длинными ушами и взвизгнулъ. Гдѣ же Соня? Лихорадочно дрожащими руками Александръ открылъ, почти оторвалъ замокъ. Дѣвочки не было въ избѣ. Онъ мгновенно обшарилъ всѣ углы.

— Соня!—простоналъ онъ. Юрта, собака, столъ со свѣчей... весь міръ завертѣлся у него передъ глазами. Онъ ослабѣлъ и покачнулся...

— Нѣтъ, нѣтъ! Нельзя!

Онъ выскочилъ на непогоду и побѣжалъ по дорогѣ къ юртѣ Лягушечьихъ Глазъ.

— Соня!.. Соня!..

Голосъ его терялся въ воѣ вѣтра; Аяксъ бѣжалъ за нимъ, прыгалъ и лизалъ руки. Онъ обшарилъ, ощупалъ всѣ углы въ юртѣ Лягушечьихъ Глазъ, звалъ, кричалъ, зажегъ лучину и опять искалъ. Тщетно.

— Боже мой!.. Боже!..

Обезумѣлый, онъ опять выскочилъ на непогоду.

— Соня!.. Сонечка!..

Охриплый, дикій его голосъ исчезъ, какъ песчинка въ милліонѣ уносимыхъ вѣтромъ частицъ; слышалъ его только одинъ онъ да Аяксъ.

Вдругъ его осѣнила мысль.

— Аяксъ, Аяксъ, ищи!.. Аяксъ, поди сюда!..—Собака возбужденно слушала, но не понимала.

Александръ опрометью бросился обратно къ дому, разыскалъ рубашечку Сони.

— Аяксъ... на! на... Нюхай... ищи!..—тыкалъ онъ ей въ морду и указывалъ рукою въ темноту, останавливался и опять бросался бѣжать. Собака не оставляла его, но кружилась сбитая съ толку, взволнованная, но не понимающая.

— Аяксъ!.. Собачка... песюкъ!.. Милая!.. ищи!..—стоналъ онъ, лаская ее. Собака съ радостнымъ визгомъ отбѣжала нѣсколько шаговъ и прилегла въ траву. Давно уже не ласкалъ ее, не говорилъ такъ нѣжно съ ней господинъ. Она прыгнула къ нему и положила на грудь мокрыя, грязныя лапы, затѣмъ бросилась на спину и задрала ихъ вверхъ. Александръ схватилъ себя за голову.

— Нѣтъ... нельзя!..—сказалъ онъ съ силой, чувствуя, что опять подъ нимъ подкашиваются ноги. Онъ присѣлъ на пень упавшаго дерева и прикрылъ глаза рукою, силясь среди грохота и движенія бури собрать разбѣжавшіяся мысли. Аяксъ положилъ ему морду на колѣни. Ручьи дождя сѣкли его, блескъ молніи сверкалъ въ глазахъ сквозь закрытыя вѣки, сквозь пальцы рукъ, шумъ бури, казалось, увлекалъ его въ вѣчность...

— Нельзя... нельзя!.. Нужно спокойствіе... нужно подумать... Какія дорожки она знаетъ? Не пошла ли она къ „старицѣ“ по той тропѣ, гдѣ уже разъ онъ нашелъ ее? Нужно стараться увидѣть слѣдъ... Спокойствіе... спокойствіе!..

Онъ всталъ и, низко наклонившись, побрелъ уставивъ глаза въ землю, съ нетерпѣніемъ выжидая грома.. Молніи зажигались и тухли, частыя, какъ искры, отрывистыя, какъ удары пламеннаго меча. Аяксъ тоже уставился носомъ въ землю и побѣжалъ, фыркая. Въ одномъ мѣстѣ собака остановилась дольше и въ то же время болѣе спокойная молнія, полыхнувшая по всему небу, показала на мгновеніе лужи воды, скомканныя травы калтуса и среди нихъ блестящую ленту тропы. На ней недалеко что-то чернѣло, сильно прибитое къ землѣ. Александръ замѣтилъ это въ послѣдній моментъ, когда молнія потухла и свѣтились еще только струи дождя, напитавшіеся ея фосфорическимъ блескомъ. Онъ, не двигаясь, выждалъ вторую молнію и затѣмъ поползъ по тропинкѣ къ предмету. Это была кукла Сони. Александръ, не трогая ея, выждалъ еще молнію. Нѣтъ ли гдѣ-нибудь слѣда? Но нѣтъ: поверхность дорожки была дочиста слизана дождемъ. Онъ нагнулся низко, совсѣмъ низко, касаясь чуть ли не губами влажной глины... Ему показалось, что одна изъ ямокъ полныхъ воды, имѣетъ видъ ступни, но ступня обращена была носкомъ къ дому.

— Соня!.. Соня!.. Аяксъ!..

Аяксъ исчезъ; на зовъ онъ выпрыгнулъ откуда-то съ боку и остановился въ нѣкоторомъ разстояніи. Блеснула молнія. Собака стояла въ нѣсколькихъ шагахъ, глядѣла на него и махала хвостомъ.

— Ищи... ищи... Аяксъ!..

Собака бросилась прочь; Александру почудилось, что въ той сторонѣ раздалось что-то тихое, не похожее на звуки бури. Онъ притаилъ дыханіе и подвинулся въ этомъ направленіи.

— Соня!.. Аяксъ!..

Аяксъ опять выскочилъ и опять бросился назадъ и тявкнулъ. Да, это она, его дочка лежитъ въ грязи, уткнувшись личикомъ въ кочку, и истерически вздрагиваетъ. Она жива... Онъ схватилъ ее на руки, прижалъ къ груди и помчался домой.

Раздѣть дѣвочку, уложить въ постель, затопить каминъ было дѣломъ нѣсколькихъ минутъ.

Затѣмъ онъ сбросилъ и свое грязное, промокшее платье и до суха вытерся простыней. Живительное тепло согрѣло усталые его члены. Онъ поставилъ чайникъ. Дѣвочка все время стонала съ закрытыми глазками.

— Дочурка... Сонечка!.. Открой глазки... Это я, твой папа!..

Дѣвочка не отвѣчала, а только ощупью положила ручку на его лицо. Наконецъ, она уснула; личико у нея раскраснѣлось; немного спустя открылся сильный жаръ, она бредила. Александръ влилъ ей въ ротъ немного раствора хинина, небольшое количество котораго хранилъ въ своихъ вещахъ, какъ величайшую драгоцѣнность. Онъ отдохнулъ, съѣлъ немного масла и сыру и къ утру немного уснулъ.

Разбудилъ его крикъ.

— Папочка... я боюсь!.. Медвѣди ходятъ кругомъ... Папочка, я никогда не буду, не бей меня!

Соня сидѣла на кроваткѣ и протягивала къ нему руки. Густые золотистые локоны спутались кругомъ головки, на лицѣ горѣлъ румянецъ, голубые глаза лихорадочно блестѣли... Точная копія матери въ тотъ мигъ, когда она потянулась къ нему при встрѣчѣ въ якутской юртѣ! Онъ уложилъ, успокоилъ ребенка, баюкалъ его, пока тотъ опять не затихъ. Тогда онъ вышелъ на дворъ и задумался. Какъ быть? Что дѣлать?

Долина проснулась послѣ бури, невыразимо лучистая и свѣжая. Нигдѣ, ни на небѣ, ни на землѣ, не замѣтно было ни крошки тумана; желтые и рыжые, знойные тона исчезли, цвѣты подняли головки, лепестки ихъ налились яркими красками, деревья и кусты расправили вѣтки, иглы и листья, зелень травъ, промытая и сочная, роскошно завилась. Солнце ласково глядѣло съ безоблачной лазури. Точно не осень близилась, а вторично прошла здѣсь весна.

Александръ полной грудью вдохнулъ мягкій, освѣжающій воздухъ и взглянулъ на далекіе, темные лѣса. Онъ рѣшилъ уйти. Пусть съ нимъ сдѣлаютъ, что хотятъ. Это необходимо, во-первыхъ, чтобы спасти дочь, а во-вторыхъ... Онъ въ новомъ мѣстѣ постарается создать новыя, болѣе правильныя отношенія... Здѣсь все испорчено! Онъ побѣжденъ, онъ боится... Онъ чувствуетъ себя виноватымъ и безпомощнымъ... Но въ чемъ же его вина? Ахъ, не стоитъ разбираться... Лучше уйти... уйти! Но какъ? Ему не хотѣлось идти къ князю... Не потому, чтобы это казалось ему обиднымъ; нѣтъ... теперь ему было все равно. Онъ, къ тому же, имѣлъ право требовать подводы въ управу, даже въ городъ, — его дочь была больна, и якуты не отказали бы ему въ этомъ, онъ былъ увѣренъ... Но это страшно бы затянулось: къ князю день, пока соберутъ лошадей — другой. Да еще, пожалуй, князя дома не будетъ, уѣхалъ на острова, тогда Богъ знаетъ

сколько... Въ результатѣ путешествіе верхомъ на лошади съ больнымъ ребенкомъ на рукахъ! Другіе способы сообщенія лѣтомъ не практиковались по здѣшнимъ дорогамъ. Онъ лучше пойдетъ пѣшкомъ. Это безъ всякихъ хлопотъ, проволочекъ, сейчасъ же! Носятъ же цыганки своихъ дѣтей въ плахтахъ за спиною десятки верстъ; что значатъ для него 70 верстъ съ пудомъ груза! Онъ быстро, на скорую руку, сталъ укладывать вещи, связывать ихъ и опечатывать. Ихъ безъ него привезутъ на подводахъ въ управу. Онъ уже не вернется... ни за что не вернется! Онъ вычистилъ ружье, насыпалъ въ пороховницу пороху, отлилъ нѣсколько пуль и одинъ стволъ зарядилъ ими, на всякій случай, на медвѣдя, которыхъ много шаталось въ горахъ. Наточилъ ножъ, поправилъ одежду, подшилъ обувь, поправилъ, подтянулъ все хорошо, туго, чтобы не мѣшало, чтобы было ловко и удобно. Утку сварилъ, половину съѣлъ, половину положилъ въ котомочку. Соню, пылающую, какъ зажженная головешка, онъ заставилъ выпить немного бульону; затѣмъ одѣлъ дѣвочку во все чистое и сухое, усадилъ на толстую шерстяную шаль, затѣмъ взялъ на спину, какъ садятъ обыкновенно ребятъ и концы шали завязалъ себѣ на груди. Съ одного боку подвязалъ котелокъ, съ другого—маленькій берестяной туесокъ съ плотной крышкой; тамъ были остатки вчерашней соры и кусокъ масла. Ружье повѣсилъ впереди на шеѣ, въ руки взялъ палку и свистнулъ на Аякса. Соня хныкала и жаловалась. У поворота онъ остановился и оглянулся на свою усадьбу. Ничего ему, ничего не было жаль; взоръ его пробѣжалъ по долинѣ съ сознаніемъ, что это въ послѣдній уже разъ... Онъ скользнулъ взглядомъ по голубой пропасти Алдана, мгновеніе остановился на матерыхъ лиственицахъ рощи, на домикѣ, убогомъ, обсыпанномъ землею и поросшемъ травой, на озерѣ, на лугу. Все такъ хорошо знакомо. Наконецъ, взглядъ его упалъ на поле ячменя... Низко вылегъ буйный хлѣбъ послѣ бури, но съ краевъ да мѣстами, гдѣ рѣже, гдѣ солнце его уже подсушило, онъ уже подымался напухшій, съ повисшими внизъ усами, какъ бы еще пьяный отъ избытка влаги, отъ чуднаго, мягкаго, ведренаго дня. Здѣсь каждая былинка была хорошо знакомый ему другъ, выросла на его глазахъ... Каждая грудка земли была имъ разрыхлена, каждый колъ вбитъ его руками... Онъ уйдетъ и полынь вновь зароститъ землю. Жерди унесетъ Лягушечьи Глаза на растопку... и не останется ничего послѣ него, кромѣ легенды.

Былъ, молъ, русскій дьяволъ, что не спалъ по ночамъ и хотѣлъ отнять отъ якутовъ силою землю, съ нимъ была золотоволосая дочь и черная злая собака...

Александръ махнулъ рукою и зашагалъ ровнымъ солдатскимъ шагомъ по гладкой, убитой ливнемъ, хорошо уже подсохшей дорогѣ. Первыя десять верстъ не показались ему трудными, но чѣмъ дальше углублялся онъ въ лѣсъ, чѣмъ становилось жарче и дѣлалась хуже дорога, тѣмъ яснѣе начиналъ онъ понимать, какой трудный, непосильный почти подвигъ онъ взялъ на себя. Дѣвочка больше пребывала въ забытьи; тѣльце ея жгло его, какъ накаленный камушекъ; она совсѣмъ повисла; края шали врѣзались въ плечи; ихъ постоянно приходилось подтягивать; вскорѣ подъ ними образовалися красноты и пропаркались жгучіе рубцы; всѣ мелочи, такія легкія и, казалось, ничтожныя, когда онъ подвязывалъ ихъ дома, стали вдругъ мѣшать, болтаться и пріобрѣли тяжесть свинца. Онъ часто останавливался, отыскивая такіе пни, на которыхъ могъ бы, прислонившись, положить Соню. Мысль о возвращеніи не приходила даже ему въ голову. Онъ прошелъ такимъ образомъ треть пути, напился чаю; къ ночи онъ рѣшилъ пройти непремѣнно половину.

Пошли горы. Тропинка вилась по откосу пологого ската. Густой крупный лѣсъ тянулся съ обѣихъ сторонъ; ниже, далеко въ прогалинахъ, сверкала рѣчка среди террассы плавно спускающихся вѣтвей и верхушекъ. Солнце закатывалось. Нужно пройти еще версту и онъ заночуетъ на лужкѣ, гдѣ тропинка сбѣгаетъ къ самой рѣчкѣ. Стало прохладнѣе, раны не такъ мучили, но усталыя ноги чуть ступали.

На ночевкѣ онъ прежде всего развелъ огонь; наломалъ свѣжихъ лиственичныхъ и кедровыхъ вѣтокъ и сдѣлалъ Сонѣ постель. Затѣмъ, оставивъ при ней Аякса, онъ пошелъ въ ближайшіе кусты, гдѣ замѣтилъ куропатокъ; онъ убилъ одну, и у нихъ былъ хорошій ужинъ. Дѣвочка, впрочемъ, тяжело дышала, металась и ничего не хотѣла ѣсть. Онъ провелъ ночь, сидя у костра и прислонившись спиною къ дереву. Около него стояло ружье, на рукахъ онъ держалъ дочь, опасаясь оставить ее спать на землѣ. Аяксъ жался къ нему, тоже напуганный необычностью обстановки. Нѣсколько разъ съ просонокъ ему почудилось, что онъ слышитъ далекій вой, то подозрительный трескъ въ чащѣ у рѣчки. Онъ осторожно клалъ ребенка на вѣтки, набрасывалъ на огонь свѣжихъ вѣтвей и съ ружьемъ въ рукахъ, съ бьющимся

сердцемъ долго всматривался въ непроглядную темноту лѣса. Наконецъ, встало солнце и онъ тронулся дальше. Были минуты, когда онъ думалъ, что не дойдетъ. Но самымъ мучительнымъ оказался тотъ незначительный кусокъ дороги отъ первыхъ изгородей сѣнокосовъ до перваго жилья. Стиснувъ зубы, онъ шелъ, шелъ и, казалось ему, не будетъ никогда конца этимъ изгородямъ и этой пыткѣ...

— Русскій... русскій, какой усталый и что-то несетъ!.. Ребенка!! — всплеснула руками старая якутка, когда онъ вошелъ колеблющимся шагомъ въ юрту и, отвезавши шаль, положилъ Соню на кровать...

— Господи... что случилось!?—Его здѣсь знали.

Онъ не могъ отвѣтить, у него стиснуло глотку; якуты подали ему молока.

Онъ объяснилъ, что поторопился нести больную дочку въ управу, а затѣмъ въ городъ, что не былъ у князя, въ надеждѣ, что самъ сможетъ снести ее скорѣе. Якутъ хозяинъ удивленно кивалъ головой. Отсюда до управы осталось пять верстъ и онъ за 50 копѣекъ охотно согласился свезти Александра на своей скрипучей телѣгѣ. Здѣсь уже начиналась культура...

— Вы пріѣхали? Какъ вы узнали?—встрѣтилъ его удивленно управскій писарь. — Вѣдь бумага-то еще князю не послана.

— Какая бумага?..

— Вы не знаете?.. Вамъ большая милость... Васъ поздравить... Вамъ вышло на родину...

Александръ сталъ дрожать, какъ осиновый листъ...

— Покажите бумагу!..

— Охотно... Вотъ она. А я думалъ, вы знаете... Вамъ товарищи изъ города увѣдомленіе послали!..

Александръ читалъ, низко опустивъ голову; крупныя капли слезъ тихо падали на бумагу.

Конецъ.

БАЙРОНЪ И ГЁТЕ.

(Литературная параллель Дж. МАДЗИНИ).

Переводъ съ англійскаго Т. Криль.

Я остановился въ ожиданіи грозы въ одной швейцарской деревенькѣ, у подножія Юры. Тяжелыя, темныя тучи, озаренныя по краямъ лучами заходящаго солнца, быстро заволакивали улыбающееся небо надъ всей Европой, кромѣ Италіи. Въ отдаленіи слышны были глухіе раскаты грома; крупныя капли дождя, приносимыя бурными порывами вѣтра, падали на жаждущую долину. Взглянувъ вверхъ, я увидѣлъ большого альпійскаго сокола; то поднимаясь, то опускаясь, онъ смѣло носился въ самомъ центрѣ бури, казалось, вызывая ее на бой. При каждомъ новомъ раскатѣ грома, благородная птица взлетала еще выше, какъ-будто отвѣчая ему новымъ вызовомъ. Я долго слѣдилъ за нимъ, пока онъ не скрылся на востокѣ. На землѣ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня стоялъ аистъ, спокойный и невозмутимый среди разбушевавшихся стихій. Раза два или три онъ поворачивалъ голову въ ту сторону, откуда дулъ вѣтеръ, съ непередаваемымъ выраженіемъ равнодушнаго любопытства; наконецъ, онъ поднялъ одну изъ своихъ сильныхъ ногъ, спряталъ голову подъ крыло и спокойно приготовился спать.

Я вспомнилъ Байрона и Гёте, мрачныя, грозныя небеса надъ ними обоими, бурную жизнь, непрерывную борьбу одного и спокойствіе другого, два могущественные источника поэзіи, найденные и исчерпанные ими.

Байронъ и Гёте, именно они оба господствуютъ и, что бы ни случилось, всегда будутъ господствовать надъ нашими воспоминаніями о прожитомъ полустолѣтіи. Они царили,—властители думъ, можно, пожалуй, сказать—тираны цѣлаго періода поэзіи, блестящіе, но печальные, славные и смѣлые въ юности, но подточенные червемъ сомнѣнья еще въ зародышѣ и рано поддавшіеся разо-

чарованію. Они были представителями двухъ крупныхъ школъ; вокругъ нихъ должны мы группировать всѣ остальныя имена, прославившія эту эпоху. Черты, украшающія и отличающія ихъ произведенія, разсѣяны, хотя въ значительно меньшемъ количествѣ, и у другихъ современныхъ поэтовъ; но, когда мы хотимъ характеризовать основныя теченія того періода, въ который они жили, намъ невольно приходятъ на умъ именно ихъ имена. Геній ихъ развивался въ разныхъ, даже противоположныхъ направленіяхъ,—и, тѣмъ не менѣе, когда мы думаемъ объ одномъ изъ нихъ, въ нашемъ воображеніи почти неизбѣжно встаетъ образъ другого, какъ его необходимое дополненіе. Глаза Европы были устремлены на нихъ обоихъ, какъ глаза зрителей на двухъ главныхъ борцовъ на одной и той же аренѣ, а они, какъ великодушные и благородные противники, признавали, цѣнили и прославляли другъ друга. Многіе поэты шли по ихъ стопамъ,—ни одинъ не пользовался такой популярностью. Другіе находили судей и критиковъ, оцѣнившихъ ихъ спокойно и безпристрастно,—не то было съ ними: у нихъ были только страстные поклонники или враги, ихъ вѣнчали или побивали каменьями,—и когда они погрузились въ вѣчную ночь, одинаково преобразующую и скрывающую отъ насъ и людей, и вещи, молчаніе воцарилось надъ ихъ могилами. Поэзія мало-по-малу покидала нашъ міръ, и ихъ послѣдній вздохъ, казалось, совсѣмъ погасилъ ея священный огонь.

Затѣмъ началась реакція, благотворная, по скольку она пробуждала стремленіе и вселяла надежду на новую жизнь, вредная, по скольку она обнаруживала узость взгляда, несправедливое отношеніе къ умершимъ геніямъ и отсутствіе у насъ всякой, твердо установленной точки зрѣнія при оцѣнкѣ прошлаго. Людскія мнѣнія, подобно пьяницѣ Лютера, стараясь не склониться въ одну сторону, падаютъ часто на другую. Реакція противъ Гёте въ его собственной странѣ, смѣло и правильно начатая Менцелемъ еще при его жизни, дошла послѣ его смерти до крайностей и преувеличеній. Извѣстныя соціальныя теоріи, которыхъ я и самъ придерживаюсь, основанныя, безъ сомнѣнія, на священныхъ принципахъ, не должны, тѣмъ не менѣе, вліять на безпристрастность нашихъ сужденій. Въ данномъ случаѣ онѣ мало-по-малу склонили чашку вѣсовъ на другую сторону; нѣкоторые молодые энтузіасты нашихъ дней рѣшили вмѣстѣ съ Бёрне, что Гёте худшій изъ деспотовъ, язва Германіи.

Реакція противъ Байрона въ Англіи—я говорю не о тупоумномъ ханжествѣ, отказавшемъ дать поэту мѣсто въ Вестминстерскомъ аббатствѣ, а о литературной реакціи—была еще болѣе безсмысленна. Я встрѣчалъ поклонниковъ Шелли, отрицавшихъ поэ-

тическій геній Байрона; иные серьезно сравнивали его поэмы съ поэмами Вальтеръ Скотта. Наконецъ, одинъ очень извѣстный критикъ писалъ, что Байронъ фабрикуетъ мужчинъ по своему подобію, а женщинъ по своему вкусу: первый—капризный тиранъ, вторая—послушная рабыня. Первые забываютъ строки, посвященныя Байрону ихъ любимцемъ Шелли:

«The pilgrim of eternity, whose fame
Over his living head like Heaven is bent» *);

вторые упускаютъ изъ вида, что послѣ появленія *Гяура* и *Чайльдъ-Гарольда* Вальтеръ Скоттъ рѣшилъ никогда болѣе не писать стиховъ. Послѣдній же позабылъ, что пока онъ мирно писалъ критику, Байронъ проливалъ свою кровь за новорожденную свободу Греціи. Всѣ судили и очень многіе до сихъ поръ еще судятъ обоихъ поэтовъ, Байрона и Гёте, прикидывая къ нимъ мѣрку абсолютной красоты, истины или лжи, созданную ими самими, не принимая во вниманіе соціальныхъ условій, при которыхъ они жили, не имѣя правильнаго представленія о роли и значеніи поэзіи и о законахъ, управляющихъ ею, какъ и всякимъ другимъ художественнымъ проявленіемъ жизни.

На землѣ нѣтъ ничего абсолютнаго; абсолютное существуетъ только какъ божественная идея, постепеннаго пониманія которой суждено достигнуть человѣку, хотя полное воспріятіе ея и невозможно на землѣ; но земная жизнь только ступень въ вѣчной эволюціи жизни, проявляющейся въ мысли и дѣятельности, и каждый шагъ впередъ укрѣпляетъ это поступательное движеніе, постепенно приближая къ болѣе совершенному выраженію этой идеи. Наша земная жизнь—лишь одна изъ фазъ въ вѣчномъ стремленіи духа къ совершенствованію, составляющемъ законъ жизни, — постоянное порыванье силы и чистоты отъ конечнаго къ безконечному, отъ реальнаго къ идеальному, отъ того, что есть, къ тому, что должно быть. Въ обширной сокровищницѣ воспоминаній о прошлой жизни человѣчества, въ пророческомъ инстинктѣ, проникающемъ въ глубь человѣческаго духа, должна искать вдохновенія поэзія. Она измѣняется вмѣстѣ съ временемъ, такъ какъ служитъ его выраженіемъ; она преобразуется вмѣстѣ съ обществомъ, такъ какъ, сознательно или безсознательно, воспѣваетъ человѣчество; кромѣ того, подчиняясь индивидуальнымъ склонностямъ и условіямъ жизни поэта, она принимаетъ окраску настоящаго или будущаго, какъ его провидитъ вдохновеніе генія.

---

*) Скиталецъ вѣчности, слава котораго и при жизни осѣняетъ, какъ небо, его голову.

Она внушаетъ то похоронныя, то колыбельныя пѣсни, являясь предвозвѣстникомъ будущаго или выраженіемъ настоящаго.

Байронъ и Гёте служили воплощеніемъ современой имъ жизни. Можно ли ставить это имъ въ упрекъ? Нѣтъ,—таковъ общій законъ жизни, и все-таки даже въ наши дни, когда пѣсни ихъ давно умолкли, ихъ обвиняютъ за то, что они слишкомъ рано родились. Счастливы поэты, которыхъ Провидѣніе посылаетъ въ міръ при началѣ новой эры! Цѣлыя поколѣнія съ любовью повторяютъ ихъ пѣсни и приписываютъ имъ то новое теченіе жизни, которое они только предвидѣли въ зародышѣ.

Байронъ и Гёте служили воплощеніемъ современной имъ жизни. Въ этомъ заключается философское значеніе ихъ произведеній, въ этомъ же тайна ихъ популярности. Духъ, оживлявшій въ теченіе долгаго періода весь европейскій міръ, раньше чѣмъ покинуть его, нашелъ въ нихъ свое воплощеніе, точно такъ же, какъ въ области политики, духъ Греціи и Рима, передъ тѣмъ какъ окончательно оставить ихъ, воплотился въ Александрѣ и Цезарѣ. Они были поэтическимъ выраженіемъ того самаго принципа, экономическимъ выраженіемъ котораго была Англія, политическимъ—Франція и философскимъ—Германія: въ нихъ сказалось послѣднее усиліе, результатъ жизни общества, основаннаго на принципѣ индивидуализма. Задачей этой эпохи была реабилитація, освобожденіе и подъемъ человѣческой личности, сначала посредствомъ греческой философіи, а потомъ христіанства; въ нихъ обоихъ, въ Фихте, въ Адамѣ Смитѣ, въ ученіи о правахъ человѣка во Франціи—сказалось во всей силѣ и яркости то, что было достигнуто на этомъ пути человѣчествомъ. Достигнуто было многое, но далеко не все; поэтому эпоха индивидуализма должна была также миновать; казалось, она уже была близка къ цѣли, но, увы! открылись новые безграничные горизонты, обширныя невѣдомыя страны, по дѣвственнымъ лѣсамъ которыхъ принципъ индивидуализма не могъ служить проводникомъ. Послѣ долгихъ, тяжелыхъ усилій человѣкъ освободился, наконецъ, хоть отчасти отъ разнородныхъ путъ, какими былъ связанъ въ началѣ этой эпохи, но, освобожденный отъ нихъ, онъ стоялъ слабый, потерянный, смущенный одиночествомъ, въ которомъ онъ очутился. Политическія школы эпохи объявляли, что единственной основой соціальной организаціи можетъ служить право на свободу и равенство (свободу прежде всего), но на этомъ пути люди натолкнулись на соціальную анархію. Философія провозглашала самодержавность человѣческаго *я* и пришла къ преклоненію передъ *фактами* въ *гегельянскомъ* индифферентизмѣ. Экономія воображала, что организуетъ *свободную* конкурренцію, и организовала порабощеніе

слабаго сильнымъ, труда капиталомъ, бѣднаго богатымъ. Поэзія изображала личность въ разныхъ ея проявленіяхъ, заставляла перечувствовать то, что наука доказывала, и дошла до пустоты. Въ концѣ-концовъ общество пришло къ заключенію, что судьба человѣчества зависитъ не исключительно отъ достиженія свободы, а отъ соединенія свободы и сотрудничества. Въ то же время поэзія убѣдилась, что жизнь, заключенная въ рамки индивидуализма, должна погибнуть отъ недостатка питанія, и что ея дальнѣйшая судьба зависитъ отъ измѣненія и расширенія ея области. У общества, также какъ и у поэзіи, вырвался крикъ ужаса и отчаянія; предсмертная агонія старыхъ общественныхъ формъ вызвала смуты, потрясавшія Европу съ 1815 года; предсмертная агонія индивидуалистической поэзіи породила Байрона и Гёте. Я думаю,—это единственная точка зрѣнія, могущая привести насъ къ правильной и безпристрастной оцѣнкѣ обоихъ геніевъ.

Есть два рода индивидуальности—проявленіе внутренней жизни личности и внѣшней, или, какъ говорятъ нѣмцы, ея субъективной и объективной жизни. Байронъ былъ поэтъ перваго рода, Гёте—втораго. Въ Байронѣ «я» проявляется во всей полнотѣ своей силы, свободы и могущества, во всемъ блескѣ своихъ дарованій; оно дышетъ всѣми порами, пылко стремясь найти «жизнь жизни». Окружающій міръ никогда не можетъ ни управлять имъ, ни покорить его. Напротивъ, байроновское «я» стремится управлять міромъ, но управлять исключительно ради проявленія своей власти, упражненія своей титанической воли. Точнѣе говоря, Байронъ никогда не заимствуетъ у міра красокъ, образовъ или мелодій; онъ самъ его окрашиваетъ, самъ создаетъ свои пѣсни, его собственный образъ отражается и воспроизводится всюду. Его поэзія рождается въ его душѣ, и уже потомъ распространяется на внѣшній міръ; онъ помѣщаетъ себя въ центрѣ вселенной, и лучи свѣта, идущіе изъ глубины его духа, освѣщаютъ ее,—лучи, жгучіе и палящіе, какъ лучи солнца. Отсюда то сосредоточенное единство его поэзіи, которое только поверхностный читатель можетъ принять за однообразіе.

Байронъ явился при концѣ одной эпохи и до наступленія другой, среди аристократіи, пережившей свое могущество, въ Европѣ, лишившейся всѣхъ великихъ людей, кромѣ Наполеона и Питта,—генія, низведеннаго на степень жалкаго слуги эгоизма, и великаго ума, скованнаго узами отжившаго прошлаго. Нѣтъ пророковъ, возвѣщающихъ будущее,—мысль угасла, живетъ только воспоминаніе о ней; нѣтъ болѣе молитвъ,—только движенія губъ въ опредѣленные дни и часы, ради семьи или ради того, что называютъ

народомъ; нѣтъ любви,—желанія замѣнили ее; борьба мнѣній оставлена,—ея мѣсто заступило столкновеніе интересовъ. Преклоненіе передъ великими мыслями исчезло. Угасающая жизнь настоящаго хватается за обрывки мертвыхъ преданій; начинающаяся жизнь будущаго подымаетъ знамя физическихъ потребностей и матеріальныхъ вожделѣній; вокругъ развалины, впереди пустыня, горизонтъ мраченъ. Крикъ ужаса и негодованія вырывается изъ груди Байрона, ему отвѣчаютъ проклятіями. Онъ покидаетъ родину, проносится по Европѣ въ поискахъ за идеаломъ, бѣжитъ, нигдѣ не находя успокоенья, подобно Мазепѣ, привязанному къ дикому коню; его гонитъ вдаль непреодолимая сила, зависть и клевета преслѣдуютъ его. Онъ посѣщаетъ Грецію, посѣщаетъ Италію: если гдѣнибудь сохранилась еще немеркнущая искра священнаго огня, лучъ божественной поэзіи,—онъ долженъ быть *здѣсь*. Но нѣтъ. Славное прошлое и жалкое настоящее; поэзія ушла изъ жизни; никакого движенія, кромѣ судорогъ страдальца, корчащагося на ложѣ, чтобы сколько-нибудь утишить свои муки. Въ одиночествѣ изгнанія Байронъ снова бросаетъ взглядъ назадъ, въ Англію, онъ начинаетъ пѣть. Но о чемъ можетъ онъ пѣть? Что можетъ возникнуть изъ того тайнаго и единственнаго въ своемъ родѣ пониманія жизни, которое, почти помимо его воли, господствуетъ надъ всѣми призраками, наполняющими его безсонныя ночи? Эпитафіи, похоронныя пѣсни и гимны аристократической идеѣ. Мы понимаемъ это, мы—жители континента, но не его сограждане. Онъ находитъ свои типы среди аристократіи силы, красоты и личнаго могущества. Они величественны, поэтичны, полны героизма, но—они одиноки; они стоятъ далеко отъ окружающаго міра и соприкасаются съ нимъ только для того, чтобы покорять его себѣ; они одинаково презираютъ и хорошія и дурныя жизненыя правила; они никогда не связываютъ себя ими. И въ жизни, и въ смерти они нарушаютъ ихъ. Они противятся всякой силѣ, такъ какъ сами для себя составляютъ все; они покупаютъ это

знаньемъ,
Усильями ума и трезвой мысли,
Тревожными, безсонными ночами
И изученіемъ науки той древнѣйшей.

Каждый изъ нихъ—воплощеніе одного типа, одной идеи—*индивидуализма;* онъ свободенъ, но и только; его создала такимъ эпоха, уже закончившаяся; это Фаустъ, но до договора, подчинившаго его власти Мефистофеля,—ибо герои Байрона не заключаютъ такихъ договоровъ. Каинъ не преклоняетъ колѣнъ передъ Ариманомъ, а Манфредъ восклицаетъ передъ смертью:

Безсмертный, гордый разумъ человѣка
Лишь самому себѣ даетъ отвѣты
За каждое движенье тайной мысли.
Добро и зло, послушныя разсудку,
Родятся въ немъ и въ немъ же умираютъ.
Отъ времени и мѣста не зависитъ
Свободный умъ; стряхнувъ оковы праха,
Условьями минутными не связанъ,
Въ самомъ себѣ находитъ онъ
Страданіе иль счастье...

У нихъ нѣтъ близкихъ, ихъ жизнь одинока. Они избѣгаютъ людей и презираютъ толпу. Каждый изъ нихъ говоритъ: «*я вѣрю въ себя*», и никто—«*я вѣрю въ насъ*». Они всѣ жаждутъ власти и счастья. Но и то, и другое ускользаетъ отъ нихъ, потому что въ душѣ они носятъ невысказанное, почти безсознательное представленіе о такой жизни, какой не можетъ имъ дать одна свобода. Они свободны, ихъ желѣзный духъ заключенъ въ желѣзныя формы. Они чувствуютъ себя легко на вершинахъ земныхъ горъ и на вершинахъ человѣческой мысли. На лицѣ ихъ лежитъ печать грусти и невыразимаго страданья. Ихъ духъ, смущенный идеей вѣчности, или погружается въ пучину безконечнаго, какъ у Манфреда и Каина, или, гонимый тайнымъ ужасомъ, скитается съ Корсаромъ и Гяуромъ по безграничному простору океана. Они какъ будто обречены влачить за собой обрывки цѣпей, которыя они разорвали, но отъ которыхъ не могли освободить своихъ ногъ. Они чувствуютъ себя въ оковахъ не только среди жалкаго общества, противъ котораго возстали, но и въ сферѣ духовной жизни. Ихъ поражаетъ не только людская ненависть; они падаютъ подъ давленьемъ невыразимой тоски, подъ напоромъ низменныхъ, но могущественныхъ силъ, подъ гнетомъ внутренняго разочарованія. Но какъ воспользуются они свободой, завоеванной съ такимъ трудомъ? Какъ, на что израсходуютъ они переполняющую ихъ жизненную энергію? *Они одиноки*,—въ этомъ тайна ихъ страданій и безсилія. Они «жаждутъ добра»,—Каинъ говоритъ это отъ лица ихъ всѣхъ,—но не умѣютъ приносить его, потому что не имѣютъ никакихъ сношеній съ окружающимъ міромъ, не довѣряютъ ему, не знаютъ его. Они никогда не прилагали понятія *человѣчества* къ тѣмъ людямъ, которые жили на землѣ прежде нихъ, вмѣстѣ съ ними и будутъ жить послѣ. Они никогда не думали о своемъ отношеніи къ прошлому и будущему, объ общей работѣ, связующей всѣ поколѣнія въ единое цѣлое, о той цѣли, къ которой ведетъ вся эта совмѣстная работа, о посмертной жизни человѣка на землѣ—жизни идей, завѣщанныхъ имъ своимъ ближнимъ, или,—

если онъ жилъ и умеръ съ вѣрою,—иной жизни, полной заботливой охраны тѣхъ, кого онъ любилъ въ этомъ мірѣ.

Одаренные силою и энергіей, которыхъ они не умѣютъ примѣнять, свободою, которой они не умѣютъ пользоваться, не понимая цѣли и смысла жизни, они ведутъ тревожное и безполезное существованіе. Байронъ умерщвляетъ ихъ одного за другимъ, какъ будто онъ самъ является орудіемъ воли, начертанной на небесахъ. Они падаютъ, никѣмъ не оплаканные, какъ увядшіе листья.

«Ни земля, ни небо не прольютъ слезы, не сгустится облако, не упадетъ листъ, не вздохнетъ ни разу вѣтеръ на ихъ могилѣ».

Они умираютъ, какъ жили, одинокіе, и проклятія толпы оскорбляютъ ихъ уединенныя могилы.

Вотъ что пѣлъ Байронъ, если читать его пѣсни глазами души, или, вѣрнѣе говоря, вотъ что пѣло его устами человѣчество. Никто не доказалъ съ такою очевидностью, какъ Байронъ, ничтожество жизни и смерти отдѣльнаго человѣка. Толпа не понимала его, на мгновенье онъ привлекалъ, очаровывалъ ее, но потомъ наступало разочарованіе, и толпа мстила за свое минутное увлеченіе, осыпая поэта клеветой и оскорбленіями. Его предчувствіе разрушенія общественныхъ формъ называли раненнымъ самолюбіемъ; его скорбь о людяхъ объясняли трусливымъ эгоизмомъ. Не вѣрили печати глубокаго страданья, лежавшей на его лицѣ, не вѣрили предсказаньямъ близкаго наступленья новой жизни, вырывавшимся иногда изъ его дрожащихъ устъ, — не вѣрили искренности безнадежной любви, съ которой онъ относился ко всему внѣшнему міру—къ звѣздамъ, озерамъ, горамъ и морямъ—отожествляя себя съ нимъ, а черезъ него и съ Богомъ, ибо онъ считалъ міръ символомъ божества. Въ то же время вели точный счетъ тѣхъ несчастныхъ моментовъ, когда, утомленный пустотой жизни, онъ подносилъ къ устамъ кубокъ низменныхъ наслажденій, ища въ немъ забвенія. Какъ часто его обвинители опоражнивали тотъ же самый кубокъ, не искупая ничѣмъ этого грѣха, никогда не неся на себѣ, даже не будучи способными оцѣнить тяжесть того бремени, какое всегда лежало на Байронѣ. А онъ? — онъ тотчасъ же разбилъ этотъ кубокъ, лишь только жизнь его оказалась нужна для болѣе благороднаго дѣла.

Гёте — индивидуальность объективная — видѣлъ, подобно Байрону, зло и фальшь окружающаго міра, но самъ шелъ по совершенно иному пути. Написавъ въ юности Вертера — этотъ крикъ отчаянія — и поставивъ въ Фаустѣ проблему жизни во всей ея ужасающей наготѣ, отъ нашелъ, что сдѣлалъ достаточно и болѣе

не хотѣлъ заниматься исканіемъ ея рѣшеній. Можетъ быть, негодованіе противъ соціальнаго зла, прорвавшееся у него въ Вертерѣ, долго втайнѣ тревожило его душу, но онъ считалъ, что не въ силахъ сдѣлать что-либо для устраненія зла. Когда однажды какой-то французъ воскликнулъ при видѣ его: «Вотъ лицо человѣка, много страдавшаго», Гёте отвѣтилъ: «Лучше бы вы сказали, вотъ лицо человѣка, много боровшагося»; но въ его произведеніяхъ мы не находимъ слѣдовъ этой борьбы. Въ то время, какъ Байронъ страдалъ и мучился отъ окружавшаго его зла,—онъ все время хранилъ спокойствіе безразличія. Въ Байронѣ человѣкъ всегда господствовалъ, а иногда и подавлялъ художника, въ Гёте человѣкъ былъ убитъ художникомъ. Въ немъ не было совсѣмъ субъективной жизни, она не била ключомъ изъ его сердца или головы. Гёте былъ центромъ, принимавшимъ, переработывавшимъ и воспроизводившимъ впечатлѣнія, навѣянныя на него всѣмъ окружающимъ, всѣми предметами внѣшняго міра. Онъ жилъ одинъ, высоко надъ землей, наблюдая оттуда за земными дѣлами. Съ одинаковымъ вниманіемъ и съ одинаковымъ интересомъ изучалъ онъ бездну океана и чашечку цвѣтка. Чело поэта сохраняло то же спокойствіе, когда онъ изучалъ розу, посылающую къ небесамъ тонкое благоуханіе, и океанъ, выбрасывающій на берегъ обломки разрушеннаго корабля; въ его глазахъ и то, и другое представляетъ два рода красоты, два объекта для художника.

Гёте называли пантеистомъ. Не знаю, въ какомъ смыслѣ примѣняли къ нему критики это неопредѣленное и плохо понимаемое названіе. Есть пантеизмъ матеріалистическій и пантеизмъ спиритуалистическій, пантеизмъ Спинозы, Джордано Бруно, св. Павла и многихъ другихъ, и всѣ они различны. Но поэтическій пантеизмъ возможенъ только въ томъ случаѣ, когда весь міръ явленій объединяется одной идеей. Ничего подобнаго мы не встрѣчаемъ у Гёте. Мы можемъ найти пантеистическое міровоззрѣніе въ нѣкоторыхъ произведеніяхъ Вордсворта, въ третьей пѣснѣ «Чайльдъ-Гарольда», въ большей части того, что писалъ Шелли, но ничего подобнаго нѣтъ въ самыхъ замѣчательныхъ произведеніяхъ Гёте. Онъ тонко наблюдалъ и воспроизводилъ жизнь въ *каждомъ* изъ ея послѣдовательныхъ *проявленій*, но не стремился постигнуть жизнь въ ея *цѣломъ*.

Гёте—поэтъ частностей, а не цѣлаго, анализа, а не синтеза. Никто не умѣетъ такъ, какъ онъ, объяснить частности, придать блескъ и значеніе, повидимому, ничтожнымъ предметамъ, никто не съумѣетъ такъ освѣтить отдѣльныя части явленія, но связать въ одно звенья цѣпи онъ не въ состояніи. Его произведенія напо-

минаютъ замѣчательную, но не систематизированную энциклопедію. Онъ чувствовалъ все *въ отдѣльности*, но не чувствовалъ *цѣлаго*. Открывая лучъ красоты въ скромной былинкѣ, украшенной капелькой росы, отыскивая элементъ поэзіи въ самыхъ, повидимому, прозаическихъ явленіяхъ, онъ былъ неспособенъ свести все къ общему источнику, возстановить тотъ рядъ, въ которомъ, употребляя прекрасное выраженіе Гердера, «каждое созданіе есть одинъ изъ числителей великаго знаменателя—природы». И какъ, въ самомъ дѣлѣ, могъ онъ понимать явленія, когда ни въ его произведеніяхъ, ни въ его сердцѣ не нашлось мѣста для понятія человѣчества, — понятія, при свѣтѣ котораго только и можетъ быть опредѣлена дѣйствительная цѣнность всѣхъ предметовъ подлуннаго міра? «Религія и политика, —говорилъ онъ,—мѣшаютъ искусству. Я всегда старался держаться какъ можно дальше отъ нихъ». Вопросъ жизни и смерти милліоновъ людей волновалъ всѣхъ вокругъ него; Германія отзывалась на воинственныя пѣсни Кернера; Фихте, въ концѣ одной изъ своихъ лекцій, схватилъ ружье и сталъ во главѣ волонтеровъ, спѣшившихъ сражаться за отечество (увы, что сдѣлали короли изъ этого взрыва національнаго чувства!). Почва старой Германіи содрогалась подъ ихъ шагами; а онъ—художникъ, съ невозмутимымъ видомъ смотрѣлъ на нихъ; его сердце не отзывалось отвѣтнымъ трепетомъ на волненье, потрясавшее его родину; его спокойный геній направлялся въ сторону отъ потока, увлекавшаго цѣлые народы. Онъ видѣлъ французскую революцію во всемъ ея страшномъ величіи, видѣлъ старый міръ, разрушавшійся подъ ея ударами, и въ то время, какъ лучшіе умы Германіи, введенные въ заблужденіе предсмертной агоніей стараго міра, вызванной мучительными родами новаго, приходили въ отчаяніе, смотря на картину общаго разрушенія,— онъ видѣлъ въ ней только сюжетъ для фарса; онъ видѣлъ славу и паденіе Наполеона, былъ свидѣтелемъ реакціи попранныхъ національностей—славнаго пролога великой эпопеи народовъ, предназначенныхъ раньше или позже проявить свою національную мощь, и, наблюдая все это, оставался равнодушнымъ зрителемъ. Онъ никогда не умѣлъ уважать человѣка, работать надъ улучшеніемъ его участи или хоть страдать вмѣстѣ съ нимъ. Если мы исключимъ прекрасный образъ Берлихингена, весь сотканный изъ мысли и энергіи, это поэтическое созданіе его юности,—мы больше не найдемъ въ его произведеніяхъ творцовъ будущаго, такъ благородно изображенныхъ Шиллеромъ въ его драмахъ. Такіе же пробѣлы мы замѣчаемъ у него и въ изображеніи любви его героевъ. Алтарь Гёте украшенъ лучшими цвѣтами, избран-

ными плодами земли, онъ курится тончайшимъ фиміамомъ, но жрецъ отсутствуетъ. Въ своей творческой работѣ, — такъ какъ нельзя отказать ему въ творчествѣ, — онъ охватилъ весь міръ видимыхъ предметовъ, но остановился до наступленія седьмого дня. Богъ раньше отступился отъ него, и созданія поэта остались безгласными и неодухотворенными, тщетно ожидая человѣка, который дастъ имъ имя и укажетъ ихъ назначеніе.

Нѣтъ, Гёте не можетъ быть названъ поэтомъ пантеизма, онъ, скорѣе, политеистъ по характеру творчества: онъ—поэтъ-язычникъ новаго времени. Для него міръ—по преимуществу міръ формъ, расширенный Олимпъ. Еврейское, также какъ и христіанское, небо закрыто для него. Подобно язычникамъ, онъ дѣлитъ природу на части и обожествляетъ ихъ; подобно имъ, онъ ставитъ матеріальный міръ выше духовнаго, видитъ, слышитъ и ощущаетъ болѣе, чѣмъ чувствуетъ. Сколько заботъ и труда посвящаетъ онъ внѣшней отдѣлкѣ своихъ произведеній, сколько значенія придаетъ, не могу сказать—самимъ предметамъ, но внѣшнему изображенію предметовъ! Онъ самъ сказалъ однажды: «Прекрасное есть результатъ удачно выбраннаго положенія».

Въ этомъ опредѣленіи заключается цѣлая система поэтическаго матеріализма, замѣняющая религію идеала; она влечетъ за собой цѣлую цѣпь слѣдствій, логическимъ путемъ ведущихъ Гёте къ индифферентизму, этому моральному самоубійству благороднѣйшихъ свойствъ генія. Ограниченіе сферы наблюденія отдѣльными предметами, взятыми внѣ связи *съ цѣлымъ*, отрицаніе всякой общей идеи, могущей измѣнить взглядъ на эти предметы—вотъ пріемы его художественной дѣятельности. Поэтъ, по его мнѣнію, не долженъ походить на быстрый потокъ, безпрестанно выходящій изъ береговъ, орошая окружающую землю, ни на свѣтлое пламя, сгорающее возносясь къ небесамъ, разливая вокругъ свѣтъ и тепло; онъ напоминаетъ, скорѣе, спокойное озеро, отражающее и мирные берега, и грозовую тучу; ни малѣйшій вѣтерокъ не возмущаетъ его гладкой поверхности. Невозмутимое и равнодушное спокойствіе, и вмѣстѣ съ тѣмъ чрезвычайная ясность и отчетливость послѣдовательно переживаемыхъ имъ ощущеній, составляютъ характеристическую особенность Гёте. «Я предоставляю предметамъ, которые я хочу понять, спокойно *воздѣйствовать на меня*,—говоритъ онъ.—*Затѣмъ, я изучаю полученныя отъ нихъ впечатлѣнія* и пытаюсь по мѣрѣ силъ передать ихъ». Гете изображаетъ здѣсь въ совершенствѣ свои собственныя черты. Онъ былъ при жизни такимъ, какимъ предлагала изобразить его послѣ смерти госпожа фонъ-Арминъ: почтенный старецъ, съ яснымъ, почти лучезарнымъ

лицомъ, въ одеждѣ древнихъ, держитъ на колѣняхъ лиру и прислушивается къ мелодіи, которую извлекаетъ изъ нея рука генія или дуновеніе вѣтра. Съ послѣднимъ аккордомъ его душа уносится на востокъ, въ страну созерцательнаго бездѣйствія. И это было своевременно. Европа стала слишкомъ неспокойна для него.

Такова въ общихъ чертахъ характеристика Байрона и Гете, двухъ великихъ поэтовъ; различіе между ними чрезвычайно велико; они идутъ разными путями, но, тѣмъ не менѣе, въ концѣ концовъ приходятъ къ одному пункту. И жизнь, и смерть, и характеръ поэзіи—все въ нихъ различно, а между тѣмъ они служатъ дополненіемъ одинъ другого. Оба являются орудіями судьбы и предназначаются ею къ безсознательному выполненію великой миссіи: въ концѣ всякой эпохи законъ, управляющій поколѣніями, дѣйствуя черезъ отдѣльныхъ личностей, принимаетъ характеръ предопредѣленія. Гете изучаетъ отдѣльныя міровыя явленія и передаетъ полученныя отъ нихъ впечатлѣнія одно за другимъ, по мѣрѣ того, какъ судьба посылаетъ ихъ ему. Байронъ смотритъ на міръ съ единственной, доступной ему точки зрѣнія; онъ претворяетъ въ своей душѣ впечатлѣнія, полученныя имъ отъ внѣшнихъ предметовъ. Гёте растворяетъ свою личность въ каждомъ изъ объектовъ, которые онъ воспроизводитъ; Байронъ отмѣчаетъ каждый изображаемый объектъ печатью своей личности. Гёте слышитъ въ природѣ симфонію, Байронъ—только прелюдію. Для одного она даетъ все содержаніе его произведенія, для другого—только поводъ. Одинъ воспроизводитъ ея мелодіи, другой творитъ на внушенныя ею темы. Гёте лучше изображаетъ жизни, Байронъ—жизнь. Первый изъ нихъ шире, второй—глубже. Одинъ ищетъ вездѣ прекрасное и всему предпочитаетъ гармонію и спокойствіе; другой стремится къ возвышенному и любитъ силу и энергію. Такіе характеры, какъ Коріоланъ или Лютеръ, смущаютъ Гёте. Не знаю, говорилъ ли онъ когда-нибудь о Данте въ своихъ многочисленныхъ критическихъ очеркахъ; во всякомъ случаѣ, онъ раздѣлялъ антипатію къ нему Вальтеръ Скотта, и хотя онъ, конечно, признавалъ геній Данте и отводилъ ему мѣсто въ своемъ Пантеонѣ, но неохотно останавливалъ взоръ на мрачной фигурѣ изгнанники пророка, предвѣщавшаго близкое наступленіе господства его родины надъ всѣмъ міромъ и гармоническое развитіе міра подъ властью его родины. Байронъ любилъ Данте и искалъ у него вдохновенія. Онъ любилъ также Вашингтона и Франклина, съ сочувствіемъ человѣка, исполненнаго силъ и энергіи, слѣдилъ за сверкнувшей подобно метеору судьбой величайшаго изъ геніевъ нашего вѣка—Наполеона, и испытывалъ негодованіе,

быть можетъ, несправедливое, на то, что его любимецъ не искалъ славной смерти въ борьбѣ.

Путешествуя по Италіи, этой родинѣ поэтовъ, Байронъ и Гете переживали совершенно различныя настроенія: одинъ получалъ *впечатлѣнія*, другой испытывалъ *волненія*; одного интересовала исключительно природа, другого—великія воспоминанія, пережитая слава, переживаемыя бѣдствія *).

Но, несмотря на противоположность между ними, о которой я только упомянулъ, но которая можетъ быть доказана сравненіемъ ихъ произведеній, они оба пришли къ эгоизму,—у Гёте, пѣвца личности въ ея объективной жизни, онъ явился слѣдствіемъ индифферентизма, у Байрона — пѣвца личности въ ея субъективной жизни—слѣдствіемъ разочарованія; въ обоихъ сказалась эпоха, которую имъ суждено было выразить и закончить.

Оба—я не говорю о ихъ чисто литературныхъ, неоспоримыхъ и всѣми признанныхъ заслугахъ,—содѣйствовали духовному осво-

*) Контрастъ между обоими поэтами всего ярче выразился въ томъ, какъ они изобразили впечатлѣніе, произведенное на нихъ Римомъ. Въ *Элегіяхъ* и *Путешествіи по Италіи* Гёте мы находимъ только художественныя впечатлѣнія. Онъ не понялъ Рима. Вѣчный синтезъ, расходящійся концентрическими кругами съ высотъ Капитолія и св. Петра, и обнимающій сначала націю, потомъ Европу, а въ будущемъ и все человѣчество, былъ недоступенъ ему,—онъ видѣлъ только внутренній кругъ язычества, наиболѣе безплодный и наименѣе, въ сущности, связанный съ Римомъ. Силой воображенія онъ провидѣлъ нѣчто подобное, когда писалъ слѣдующія строки: «Здѣсь исторія понимается совершенно иначе, чѣмъ на всѣхъ остальныхъ пунктахъ земного шара. Вездѣ внѣшняя природа помогаетъ намъ понимать духъ народа; здѣсь же, наоборотъ,—пониманіе духа необходимо для пониманія самой природы». Но, высказавъ, онъ очень скоро забываетъ это и сосредоточиваетъ все вниманіе на внѣшней природѣ. «Гдѣ бы мы ни находились, мы вездѣ открываемъ все новые и новые виды. Передъ нами дворцы и руины, сады и пустынныя степи, горизонтъ то уходитъ въ безконечность, то вдругъ стягивается; хижины и плетни, колонны и тріумфальныя арки, все перемѣшано и часто такъ близко другъ отъ друга, что мы могли бы помѣстить все на одномъ листѣ бумаги».

Въ Римѣ Байронъ забылъ всѣ страсти, страданья. свою собственную личность,—все, передъ лицомъ великой идеи.

О Римъ родной! друзья страданья
Пускай къ тебѣ теперь придутъ:
Ничтожно горе наше тутъ.
Что наши скорби и рыданья?

Когда онъ, наконецъ, вспомнилъ о себѣ и о своей судьбѣ, его первой мыслью было прощенье врагамъ и надежда на лучшее будущее для міра. Изъ 4-й пѣсни Чайльдъ-Гарольда дочь Байрона могла бы узнать лучше душу своего отца, чѣмъ изъ всѣхъ доходившихъ до нея слуховъ и изъ всѣхъ написанныхъ о немъ томовъ.

божденію человѣчества и пробуждали въ людяхъ чувство свободы,— одинъ достигалъ этого, поднимая знамя возстанія противъ всего существующаго; другой—ставя независимое искусство выше всѣхъ соціальныхъ отношеній и подвергая ихъ непріязненной насмѣшкѣ. Оба боролись съ аристократическими предразсудками и развивали въ людяхъ сознаніе равенства: одинъ то прямо, объявляя войну порокамъ и предразсудкамъ привилегированныхъ классовъ, то косвенно, облекая своихъ героевъ во всѣ блестящіе доспѣхи деспота и потомъ, въ порывѣ гнѣва, разбивая ихъ въ дребезги; другой— окружая поэтическимъ ореоломъ самыя скромныя, самыя незамѣтныя личности, придавая значеніе самымъ мелкимъ событіямъ. Обладая громаднымъ художественнымъ талантомъ, они исчерпали оба вида индивидуалистической поэзіи и закончили циклъ поэтовъ-индивидуалистовъ; этимъ способомъ они низвели всѣхъ, слѣдовавшихъ за ними по этому пути, на степень подражателей и создали потребность въ новомъ родѣ поэзіи; они заставили насъ признать необходимымъ то, что мы прежде считали только желательнымъ. Вмѣстѣ они похоронили цѣлую эпоху, набросивъ на нее покровъ, котораго никто не долженъ приподымать. Обращаясь затѣмъ къ идущимъ на смѣну поколѣніямъ, Гёте, въ своей поэзіи, изобразилъ исторію этой эпохи, Байронъ—начерталъ ей эпитафію.

А теперь прощайте, и Гёте, и Байронъ! простите, страданія, угнетавшія, но не очищавшія душу, поэтическій огонь, свѣтившій но не согрѣвавшій, скептическая философія, разрушавшая, но не создававшая, поэзія, призывавшая насъ къ созерцательному бездѣйствію въ то время, когда надо было работать, говорившая о разочарованіи тамъ, гдѣ было такъ много достойнаго преклоненія. Прощайте, безплодныя силы, одинокія души, ищущія и не находящія цѣли и смысла своего существованія, прощайте, всѣ эгоистическія радости и горести! Прощайте:

«— Пасынки души, надменныя дѣти праздности, плевелы, выростающія порой на тучной почвѣ, порожденія той самой души, которая, посвятивъ себя божественной любви, находитъ свою цѣль и назначеніе въ мирѣ, довольствѣ и счастіи».

Прости на вѣкъ, прошедшее! Заря будущаго уже предчувствуется тѣми, кто умѣетъ понимать ея признаки, и мы всѣ должны привѣтствовать ея наступленіе.

Духъ двойственности среднихъ вѣковъ, господствовавшій цѣлыя столѣтія подъ знаменемъ папы и императора, оставившій свои плоды и слѣды своего существованія на каждой вѣтви духовнаго развитія, исполнивъ свое назначеніе, взвился къ небу двумя огненными языками—поэзіей Гёте и Байрона. Два отъ вѣка различные

способа пониманія жизни нашли свое воплощеніе въ этихъ двухъ людяхъ. Байронъ изображалъ исключительно внутреннюю сторону жизни, Гете—исключительно внѣшнюю.

Но надъ этими односторонними проявленіями жизни, на той точкѣ, гдѣ столкнулись обѣ эти, отвергнутыя небомъ, молитвы, должна возникнуть поэзія будущаго, поэзія человѣчества, полная новой гармоніи, новаго единства, новой жизни.

Но должны ли мы, начиная смутно предчувствовать новую соціальную поэзію, которая успокоитъ страждущую душу, указавъ ей на человѣчество, какъ на путь къ божеству,—стоя на порогѣ новой эпохи, въ которую мы еще пока не вступили,—должны ли мы бросать упрекъ людямъ, сдѣлавшимъ для насъ все, что было въ ихъ силахъ, бросившись сами въ бездну, передъ которой мы стояли, смущенные и подавленные, заполнивъ ее своими гигантскими фигурами? Общество никогда не испытывало недостатка въ людяхъ, которые довольствовались тѣмъ, что упрекали современныхъ имъ Чатертоновъ за недостатокъ самоотверженія, ставя имъ въ вину физическое или моральное самоубійство; эти люди не задавались вопросомъ, сдѣлали ли они сами за всю свою жизнь что-нибудь, чтобы облегчить страданія и сомнѣнія, вѣчно преслѣдующія подобныхъ Чатертону людей. Во мнѣ невольно поднимается негодованіе на нѣкоторыхъ мыслителей, начавшихъ реакцію противъ великихъ душой, служившихъ всегда мишенью для придирчивой посредственности. Есть что-то жестокое, неблагодарное, возмутительное въ томъ инстинктѣ, благодаря которому люди часто забываютъ, что *сдѣлали* жившіе прежде нихъ великіе люди, и упрекаютъ ихъ за то, что они не сдѣлали гораздо большаго. Неужели ложе скептицизма такъ мягко для геніевъ, что они остаются на немъ исключительно изъ эгоизма? Неужели зло, отразившееся въ ихъ произведеніяхъ, такъ далеко отъ насъ, что мы имѣемъ право осудить ихъ память? Не они свели зло на землю. Они видѣли его, чувствовали, вдыхали, оно было и вверху, и внизу, и по сторонамъ, они были его первыми жертвами. Какъ же могли они не изображать его въ своихъ произведеніяхъ? Осуждая Байрона и Гёте, мы не уничтожимъ тѣмъ скептическаго или анархическаго индифферентизма, царящаго среди насъ. Мы достигнемъ этого только тогда, когда въ насъ самихъ воскреснетъ вѣра и духъ творчества. Если бы мы были одушевлены и тѣмъ, и другимъ, намъ нечего было бы бояться. Какова среда, таковъ и поэтъ. Если мы преклоняемся передъ энтузіазмомъ, если чтимъ родину и человѣчество, если чисты наши сердца, а души тверды,—геній вдохновится нашими стремленіями и вознесетъ къ небу наши чувства и страданія. Не при-

касайтесь къ этимъ ббразамъ минувшаго. Благородные памятники феодальной эпохи не порождаютъ желанія возвратиться къ вѣкамъ рабства.

Я долженъ сознаться, однако, что подражатели все-таки явились. Я слишкомъ хорошо это знаю; но какое вліяніе на общественную жизнь могутъ оказать тѣ, у кого нѣтъ своей собственной жизни? Тѣмъ не менѣе, пока вокругъ нихъ пустота, они будутъ замѣтны. Въ тотъ день, когда *живое* придетъ на смѣну отжившему, они исчезнутъ, какъ призраки при пѣніи пѣтуха. Неужели мы никогда не почувствуемъ себя настолько твердыми въ нашей собственной вѣрѣ, чтобы осмѣлиться преклониться передъ могучими ббразами прошлаго? Къ чему говорить о соціальномъ искусствѣ, о любви къ человѣчеству, если не можемъ воздвигнуть алтаря новымъ богамъ, не опрокинувъ стараго? Только тотъ имѣетъ право употреблять священное слово прогрессъ, чей духъ способенъ понимать прошедшее, а сердце полно поэтически-религіознаго преклоненія передъ его величіемъ. Храмъ истинно вѣрующихъ въ искусство не молельня сектантовъ,—это обширный пантеонъ, въ которомъ славныя имена Байрона и Гёте будутъ занимать почетныя мѣста еще долго послѣ того, какъ *гётизмъ* и *байронизмъ* перестанутъ существовать.

Когда люди, освободившись и отъ недовѣрія, и отъ подражанія, научатся воздавать должное павшему величію,—будетъ ли тогда Гёте вызывать больше удивленія, какъ художникъ,—не знаю, но я увѣренъ, что Байронъ будетъ всегда внушать больше любви и какъ человѣкъ, и какъ поэтъ. Источникомъ этой любви служитъ въ значительной степени величайшая несправедливость, преслѣдовавшая его всю жизнь. Въ то время, какъ Гёте держался вдали отъ насъ и съ высоты своего олимпійскаго спокойствія смотрѣлъ съ презрительной улыбкой на наши стремленія, борьбу и страданія, Байронъ скитался среди людей, печальный, мрачный, безпокойный. Въ груди его была рана, и стрѣла оставалась въ ней. Съ дѣтства онъ былъ одинокъ и несчастенъ, несчастенъ былъ онъ въ первой любви и несравненно болѣе въ своемъ неудачномъ бракѣ; его ненавидѣли и бранили не только за дѣла, но даже за намѣренія, не спрашивая его, не позволяя ему защищаться; его тревожили денежныя затрудненія; онъ былъ вынужденъ покинуть свою страну, свой домъ, своего ребенка; покинутый друзьями, скитался онъ по континенту, преслѣдуемый по пятамъ нелѣпой и гнусной клеветой, не пощадившей даже его сестры; а онъ, несмотря на охватившую его справедливую ненависть къ людямъ, сумѣлъ сберечь свою любовь къ сестрѣ и къ своей Адѣ,

сохранить состраданіе къ несчастнымъ, остался вѣренъ привязанностямъ дѣтства и юности, начиная съ лорда Клэра и кончая старой служанкой Муррей и нянькой Мэри Грэй. Онъ былъ щедръ ко всѣмъ, кому хотѣлъ помочь или услужить, начиная съ своихъ литературныхъ друзей и кончая жалкимъ пасквилянтомъ Ашe. Хотя и свойства его таланта, и время, когда онъ жилъ, и роль, къ которой его предназначила судьба, все влекло его на путь поэтическаго индивидуализма, односторонность котораго я пытался показать,—онъ никогда не выставлялъ его на своемъ знамени. Обладая пророческимъ даромъ генія, онъ предвидѣлъ будущее: доказательство этого мы находимъ въ опредѣленіи поэзіи, которое онъ сдѣлалъ въ своемъ журналѣ. Многіе невѣрно понимаютъ это опредѣленіе, но все-таки оно остается лучшимъ изъ всѣхъ, какія я знаю: «*Поэзія—это схваченное чувствомъ пониманіе прошлаго и грядущаго нашего міра*». Истинный поэтъ, онъ всегда предпочиталъ искусству дѣятельность во имя добра. Окруженный рабами и угнетателями, путешествуя по странамъ, гдѣ, казалось, умерли самыя воспоминанія, онъ никогда не измѣнялъ дѣлу народовъ, никогда не переставалъ любить людей. Присутствуя при прогрессѣ реставраціи и при торжествѣ принциповъ священнаго Союза, онъ никогда не покидалъ мужественной оппозиціи. Онъ хранилъ и громко выражалъ вѣру въ права народа и въ окончательное торжество свободы *). Слѣдующія строки содержатъ въ себѣ краткое выраженіе закона, управляющаго дѣятельностью борцевъ прогресса нашихъ дней: «Впередъ! Настало время дѣйствовать. Что значитъ собственная жизнь, если ты можешь передать будущему малѣйшую искру того, что было хорошаго въ прошломъ? Для дѣла важенъ не одинъ человѣкъ и не милліоны людей, а самый духъ

---

*) Но все же ты жива свобода!
Твой стягъ, изорванный кругомъ,
Стоитъ святынею народа;
Твой голосъ, слышный словно громъ,
Теперь усталый, грянетъ снова,
И въ сердцѣ дерева больного
Подъ старой ветхою корой,
Гдѣ слѣдъ оставила сѣкира,
Еще теперь кипитъ для міра
Сокъ жизни съ прежнею игрой,
И сѣмена его донынѣ
Найдемъ и въ сѣверной пустынѣ,
И скоро міру лучшій плодъ
Весна иная принесетъ.

Переводъ Минаева, изданіе 1883 г.

свободы. Волны, кидавшіяся одна за другой на берегъ, разбивались, но, не смотря на то, *океанъ* побѣждаетъ. Онъ разбиваетъ армады, онъ срываетъ скалы, и если вѣрить нептуніанцамъ, онъ не только разрушаетъ, но и создаетъ міры» *). Въ Неаполѣ, въ Романьи, гдѣ онъ замѣтилъ тлѣющую искру свободы, онъ былъ готовъ на всякій трудъ и опасность, чтобы превратить ее въ пламя. Онъ поражалъ низость, лицемѣріе и несправедливость, въ чемъ бы они ни проявлялись.

Такъ жилъ Байронъ, носимый ураганомъ посреди бѣдствій настоящаго, вѣчно порываясь впередъ, къ будущему; часто имъ овладѣвала ненависть, иногда скептицизмъ, но всегда онъ страдалъ, быть можетъ, всего болѣе тогда, когда смѣялся, и всегда сердце его билось любовью, даже когда онъ разражался проклятіями.

Никогда «вѣчный духъ свободы» не являлся передъ нами въ такомъ блескѣ. Иногда онъ самъ казался воплощеніемъ безсмертнаго Прометея, котораго воспѣлъ съ такою силой; вопли Прометея раздавались надъ колыбелью европейскаго міра; его таинственная и могучая фигура появляется отъ времени до времени среди насъ въ новомъ образѣ при смѣнѣ двухъ эпохъ; воплотившись въ генія, онъ предвидитъ близость новой эпохи и оглашаетъ воздухъ рыданіями, сознавая, что при жизни его она не наступитъ. У Байрона также была «твердая воля» и «глубокія чувства», и онъ также одержалъ побѣду цѣною своей смерти. Когда онъ услышалъ кличъ свободы и національной независимости въ странѣ, которую любилъ и воспѣвалъ въ ранней юности, онъ разбилъ свою арфу и бросился туда. Въ то время, какъ христіанскія государства обмѣнивались нотами, или еще хуже, въ то время, какъ христіанскіе народы посылали ядра на помощь кресту, боровшемуся съ полумѣсяцемъ, онъ—поэтъ, прославленный скептикъ, спѣшилъ отдать свое состояніе, геній, жизнь первому народу, возставшему во имя свободы и попранной національности.

Я не знаю болѣе прекраснаго символа будущей судьбы и роли искусства, чѣмъ смерть лорда Байрона въ Греціи. Священный союзъ поэзіи съ дѣломъ народовъ, рѣдко встрѣчающееся единство мысли и дѣйствія,—единство, которому суждено освободить міръ,—солидарность всѣхъ народовъ при завоеваніи правъ, данныхъ Богомъ всѣмъ его дѣтямъ,—словомъ, все, что наполняетъ вѣрой и надеждой борцовъ прогресса всей Европы, воплотилось въ этомъ величественномъ образѣ, который мы, варвары, уже успѣли забыть.

---

*) Писано въ Италіи.

Настанетъ день, и народы вспомнятъ, чѣмъ они обязаны Байрону. Вспомнитъ и Англія,—надѣюсь,—о томъ, что сдѣлалъ для нея Байронъ на континентѣ, вспомнитъ, что онъ далъ общеевропейское значеніе англійской литературѣ и возбудилъ среди насъ интересъ и сочувствіе къ Англіи.

До него единственное, что знала Европа объ англійской литературѣ, былъ французскій переводъ Шекспира и произнесенное Вольтеромъ проклятіе противъ «пьяныхъ варваровъ». Только благодаря Байрону научились мы, европейцы, цѣнить Шекспира и другихъ англійскихъ писателей. Съ него ведетъ начало симпатія лучшихъ среди насъ къ этой странѣ свободы, вѣрнымъ представителемъ которой онъ явился передъ угнетенными. Онъ проложилъ британцамъ путь въ Европу.

Когда-нибудь Англія пойметъ, какъ вредно, не для Байрона, а для нея самой, что иностранцы, пристающіе къ ея берегамъ, напрасно ищутъ въ ея національномъ Пантеонѣ прахъ поэта, предъ которымъ преклонялись всѣ народы Европы, и котораго оплакивали Греція и Италія, какъ лучшаго изъ своихъ сыновъ.

Цѣлью моей настоящей замѣтки было не разобрать Гёте или Байрона, для чего у меня не хватило бы ни мѣста, ни времени, а внушить, по возможности, болѣе широкій, болѣе безпристрастный и правильный взглядъ англійской критикѣ. Нѣкоторые путешественники XI вѣка разсказывали, что они видѣли на Тенерифѣ чудесное, высокое дерево, собиравшее своей густой листвой всю влагу изъ атмосферы; когда вѣтеръ колебалъ его вѣтви, съ нихъ падалъ чистый, освѣжающій дождь. Геній подобенъ этому дереву, а задача критики должна заключаться въ томъ, чтобы колебать его вѣтви. Теперь же отношеніе критики напоминаетъ скорѣе дикую попытку срубить подъ корень благородное дерево *).

---

*) Заключительныя слова этого этюда, написаннаго Джузепе Мадзини въ 1839 г., для англійскаго журнала «Monthly Chronicle», не теряютъ значенія и теперь, въ виду хотя бы странной и непонятной попытки англійскаго критика Даудена развѣнчать Гёте. Въ нашемъ объявленіи на 1896 г. мы, между прочимъ, помѣстили работу этого критика, посвященную разбору произведеній Гёте. Но, послѣ появленія въ «Cosmopolis» его послѣдняго этюда о Гёте, въ которомъ онъ относится къ великому поэту болѣе, чѣмъ пристрастно, мы сочли за лучшее ограничиться настоящей блестящей параллелью Мадзини.

Ред.

О ЦѢННОСТИ ЖИЗНИ.

(Изложеніе и критика пессимизма).

Прив.-доцента Г. Челпанова.

*(Окончаніе *).*

Переходя къ критикѣ доктрины пессимизма, мы должны замѣтить, что оставляемъ безъ разсмотрѣнія *метафизическую* оболочку ея, такъ какъ метафизика Шопенгауэра и Гартманна почти всецѣло осуждена современной философской мыслью; кромѣ того, *психологическая* основа пессимизма можетъ быть защищаема безъ всякой связи съ ихъ метафизикой. Правда, въ такомъ случаѣ пессимистическая теорія будетъ имѣть болѣе ограниченное значеніе, но она не утратитъ вслѣдствіе этого своей доказательности.

Прежде всего возьмемъ ихъ опредѣленіе *воли*, которая, какъ мы видѣли, считается тождественной съ стремленіемъ; стремленіе происходитъ вслѣдствіе недостатка, слѣд., по своей природѣ оно есть страданіе, поэтому, воля является истиннымъ источникомъ несчастья въ мірѣ, такъ какъ по существу своему представляетъ страстное желаніе, а слѣдовательно, неудовлетворенность. Въ этомъ опредѣленіи Шопенгауэръ слишкомъ широко понимаетъ волю. Правда, современная психологія согласна съ Шопенгауэромъ въ томъ, что воля есть основной элементъ психической жизни **), но воля въ этомъ смыслѣ является въ трехъ различныхъ видахъ: въ видѣ *влеченія*, *желанія* и *воли* въ собственномъ смыслѣ; строго отграничить одно состояніе отъ другого въ высшей степени трудно, но все-таки психологически они отличаются другъ отъ друга.

Влеченіе—это тотъ психическій моментъ, который происходитъ вслѣдствіе неудовлетворенія какой-либо потребности; оно сопровождается чувствомъ неудовольствія и очень неяснымъ сознаніемъ

---

*) См. «Міръ Божій», № 11, ноябрь.

**) См. Паульсенъ. Введеніе въ философію. М. 1894, стр. 114 и д.

предмета влеченія и средствъ удовлетворенія влеченія. Когда у насъ является представленіе о томъ, что̀ составляетъ предметъ нашего влеченія, а также является сознаніе недостижимости въ данное мгновеніе того или другого предмета влеченія, то такое состояніе можетъ быть названо *желаніемъ*; оно, слѣдовательно, уже сопровождается болѣе или менѣе яснымъ сознаніемъ.

Наконецъ, третье состояніе—*хотѣніе*, или воля въ собственномъ смыслѣ, характеризуется опредѣленнымъ сознательнымъ выборомъ или рѣшеніемъ дѣйствовать въ томъ или иномъ направленіи.

Эти три момента различно относятся къ чувствамъ удовольствія и страданія; кромѣ того, они въ составъ психической жизни входятъ въ очень различныхъ пропорціяхъ.

Влеченіе, какъ продуктъ неудовлетворенія той или другой потребности, дѣйствительно сопровождается чувствомъ страданія почти всегда.

Нельзя сказать того-же самаго относительно *желанія*. Оно есть состояніе, отчасти непріятное, отчасти пріятное: непріятное постольку, поскольку желаніе не удовлетворяется, пріятное постольку, поскольку оно сопровождается представленіемъ предмета, доставляющаго намъ удовольствіе. Напр., аппетитъ есть-ли состояніе пріятное или непріятное? Надо думать, что смѣшанное.

Третій моментъ—*хотѣніе* (воля въ собственномъ смыслѣ) не только само по себѣ не есть страданіе, а даже, напротивъ, есть единственное орудіе для борьбы съ страданіемъ; если мы обладаемъ сильной волей, то можемъ заставить себя спокойно смотрѣть на предметъ желанія.

Слѣдовательно, изъ трехъ моментовъ воли только лишь первый моментъ—влеченіе—сопровождается страданіемъ, второй моментъ есть состояніе смѣшанное, и, наконецъ, третій моментъ даже совсѣмъ не есть страданіе. Поэтому утвержденіе Шопенгауэра, будто бы наша жизнь есть сплошь страданіе, потому что она всецѣло состоитъ изъ воли, было бы вѣрно только въ томъ случаѣ, если бы психическая жизнь складывалась исключительно изъ одного влеченія, чего, разумѣется, ни въ коемъ случаѣ утверждать нельзя.

Шопенгауэръ изображаетъ дѣло такимъ образомъ, какъ будто бы вся наша психическая жизнь вращается между двумя противоположностями: она есть или неудовлетворенное стремленіе, или скука (въ томъ случаѣ, когда стремленіе удовлетворено).

Это изображеніе не соотвѣтствуетъ дѣйствительности: моменты совершеннаго неудовлетворенія и скуки (происходящей отъ полнаго удовлетворенія или отсутствія потребности) являются момен-

тами *крайними* и въ этомъ смыслѣ случайными, далеко не постоянными. Гораздо правильнѣе было бы сказать, что жизнь исихическая складывается, главнымъ образомъ, изъ промежуточныхъ состояній: когда влеченіе не доходитъ до состоянія невыносимаго страданія и когда удовлетвореніе не доходитъ до состоянія полной скуки. Мы считаемъ тѣ случаи исключительными, когда человѣкъ доводитъ неудовлетвореніе своихъ потребностей до состоянія мучительности или когда онъ, за удовлетвореніемъ всѣхъ своихъ потребностей, находится въ состояніи скуки. Эти случаи представляютъ исключеніе, тогда какъ нормальная жизнь состоитъ изъ того, что находится между этими границами.

Наслажденіе и страданіе, по мнѣнію пессимистовъ, есть только удовлетвореніе или неудовлетвореніе воли (желанія). Разъ наслажденіе есть только удовлетвореніе желанія, оно представляетъ явленіе *отрицательнаго* характера, т. е. оно означаетъ не что иное, какъ *отсутствіе страданія*. Но это утвержденіе Шопенгауэра едва ли справедливо. Вѣдь съ такимъ же правомъ можно было бы утверждать, что страданіе имѣетъ отрицательный характеръ, потому что оно есть не что иное, какъ устраненіе удовольствія.

Какъ мы видѣли, отрицательный характеръ удовольствія доказывается тѣмъ, что *удовольствію всегда предшествуетъ страданіе*, но на это можно возразить, что всякое удовольствіе, вызываемое неожиданнымъ возбужденіемъ, совершенно свободно отъ какого бы то ни было предваряющаго страданія. Кромѣ того, можно привести массу и другихъ примѣровъ удовольствій такого рода. Напр., удовольствіе, доставляемое высшими органами чувствъ (зрительныя, слуховыя и др.), удовольствія, происходящія отъ умственной дѣятельности, удовольствія, доставляемыя наукой и искусствами. Если мы слышимъ какую-либо мелодію, мы получаемъ удовольствіе непосредственно, безъ подавленія какого бы то ни было предшествующаго страданія. «Первая падающая звѣзда, которую видитъ ребенокъ, очаровываетъ его безъ всякаго предварительнаго желанія. Открытіе, сдѣланное по счастливой случайности, есть чистая прибыль, неожиданное наслѣдство» *). Изъ этихъ примѣровъ ясно, въ какой мѣрѣ Шопенгауэръ былъ неправъ, когда

---

*) *Фулье.* «Страданіе и удовольствіе». Спб. 1895, стр. 36. Тамъ же біологическое обоснованіе того явленія, что одни удовольствія, напр., органическія, вкусовыя, температурныя и пр., всегда предваряются страданіями, а другія удовольствія, связанныя съ зрительными и слуховыми ощущеніями, не предваряются страданіемъ. Критику пессимизма съ точки зрѣнія психологіи см. *Н. Я. Гротъ.* О научномъ значеніи пессимизма и оптимизма какъ міровоззрѣній Od. 1884,

утверждалъ, что удовольствія имѣютъ исключительно отрицательный характеръ.

Пессимисты утверждаютъ, что *никакая комбинація наслажденій не можетъ уравновѣсить того страданія, которое вызывается пыткой*, другими словами, что возможный maximum удовольствій никогда не можетъ сравниться съ возможнымъ maximum'омъ страданій, а отсюда слѣдуетъ тотъ выводъ, что величина страданій больше, нежели величина удовольствій, или что въ жизни страданій всегда должно быть больше, чѣмъ наслажденій. Кажется даже, есть рядъ физіологическихъ соображеній, доказывающихъ справедливость этого положенія; именно, по общепринятымъ воззрѣніямъ, удовольствіе должно быть отнесено къ нормальной дѣятельности здоровыхъ нервовъ, страданіе—къ разрушенію, повреждeнію или истощенію нервной ткани. Если согласиться съ этимъ, то не трудно доказать, что максимумъ страданій превосходитъ максимумъ удовольствій. «Сильное удовольствіе,—говоритъ Грантъ-Алленъ,—рѣдко или почти никогда не достигаетъ напряженности сильнаго страданія, потому что въ своемъ истощеніи организмъ можетъ дойти почти до какой угодно степени, тогда какъ въ своей созидательной дѣятельности онъ не можетъ подняться особенно высоко надъ среднимъ уровнемъ. Точно также всякій органъ легко можетъ подвергаться всевозможнымъ насильственнымъ разрушеніямъ или истощенію, что порождаетъ чрезвычайно острыя страданія; но весьма рѣдко органы бываютъ такъ хорошо упитаны, чтобы могли возникнуть чрезвычайно острыя удовольствія» *).

Съ этимъ, пожалуй, можно согласиться, можно признать, что если бы удовольствія и страданія могли быть измѣряемы, то *максимумъ* страданій никогда не могъ бы уравновѣситься *максимумомъ* удовольствій, но практически для рѣшенія общаго вопроса относительно количества удовольствій и страданій въ жизни это рѣшительно никакого значенія не имѣетъ, такъ какъ въ дѣйствительности мы всегда имѣемъ дѣло съ *средними* удовольствіями и страданіями. Легко можетъ случиться, что справедливое относительно максимума страданій и удовольствій совсѣмъ несправедливо относительно среднихъ страданій и удовольствій.

Болѣе существенной ошибкой пессимистической психологіи является стремленіе *вычислять количество удовольствій и страданій*, подводить итоги или, выражаясь языкомъ коммерческимъ, составлять балансъ удовольствій и страданій; эта пессимистическая бухгалтерія строится на весьма сомнительныхъ началахъ. Для

*) Цит. у *Селли*. «Пессимизмъ». Спб., 1893, стр. 323.

того, чтобы такое подведеніе итоговъ могло осуществляться, чтобы вообще могло существовать сравненіе удовольствій и страданій, нужно было бы сравнивать *однородныя* единицы, а между тѣмъ, страданія и удовольствія не только не представляютъ чего-либо однороднаго, а даже, напротивъ, они суть совершенно разнородныя явленія. Поэтому, *они представляютъ несоизмѣримыя величины*; они не представляютъ такихъ противоположностей, какъ, напр., черное и бѣлое, но они абсолютно не однородны. Можно себѣ представить такую душевную жизнь, въ которой удовольствіе существуетъ безъ страданій; можно также представить себѣ такую душевную жизнь, въ которой страданія существуютъ безъ удовольствій, т. е. для которой вѣдомы только лишь страданія и совершенно невѣдомы удовольствія. Поэтому, можно утверждать, что удовольствія и страданія такъ же неоднородны, какъ цвѣтъ и звукъ. Подобно тому, какъ мы не можемъ сравнивать цвѣтъ и звукъ по ихъ величинѣ, такъ не можемъ мы сравнивать удовольствія и страданія. Мы можемъ сравнивать удовольствіе съ удовольствіемъ, страданіе съ страданіемъ по отношенію къ ихъ величинѣ, но мы не въ состояніи отыскать для страданія соотвѣтствующій ему эквивалентъ въ области удовольствій, и наоборотъ. Слѣдовательно, въ этомъ самомъ основномъ пунктѣ психологія пессимистовъ оказывается совсѣмъ несостоятельной *).

Защитники пессимистическаго ученія очень часто ссылались на тотъ психологическій фактъ, что *мы припоминаемъ страданія гораздо лучше, чѣмъ удовольствія*. Рибо опрашивалъ множество лицъ относительно того, что они лучше припоминаютъ, удовольствія или страданія? Оказалось, что различныя лица давали различные отвѣты на этотъ вопросъ. Нѣкоторыя съ удивительной легкостью воспроизводятъ образы радостные, причемъ печальные образы оттѣсняются немедленно по возникновеніи. «Я знаю,—говоритъ Рибо,—одного убѣжденнаго оптимиста, которому все удается; ему стоитъ большого труда представить себѣ тѣ рѣдкіе случаи печали, которые онъ испыталъ. «Я гораздо лучше припоминаю радостныя состоянія, нежели тягостныя». Вотъ отвѣтъ, очень часто встрѣчающійся въ моихъ отмѣткахъ; наоборотъ, другіе говорятъ: «Я болѣе живо воспроизвожу состояніе печали, нежели радости». Одно изъ спрошенныхъ мною лицъ говорило: «Я съ большею легкостью воспроизвожу непріятныя чувства, отсюда моя склонность къ пессимизму. Радостныя впечатлѣнія мимолетны. Непріятное воспоминаніе

*) См. *Rehmke*, «Lehrbuch d. Psychologie» 1894.

дѣлаетъ меня печальнымъ въ радостную минуту, радостныя воспоминанія не дѣлаютъ меня веселымъ въ моменты печали» *).

Слѣдовательно, и это утвержденіе пессимистовъ нужно считать не обоснованнымъ психологически.

Пессимисты говорятъ, что если бы умершему предложить вопросъ, желаетъ ли онъ повторить свой жизненный путь, то онъ навѣрно отвѣтилъ бы отрицательно, а это доказываетъ, что страданій въ жизни гораздо больше, чѣмъ радостей. Это замѣчаніе, конечно, справедливо, но вопросъ, поставляемый такимъ образомъ, содержитъ въ себѣ двусмысленность. Если умершему предложить повторить свою прошлую жизнь, то, само собою разумѣется, онъ откажется, потому что скучно повторять одно и то же; то, что уже пережито, заранѣе уже хорошо извѣстно. Совсѣмъ иначе представилось бы дѣло, если бы умершему было предложено жить, но жизнью новой, полной интереса новизны; едва ли въ такомъ случаѣ умершій далъ бы отвѣтъ отрицательный. Это показываетъ, что жизнь всегда представляется привлекательной, и пессимисты напрасно это отрицаютъ. Конечно, и то, и другое предположеніе, будучи вполнѣ гадательнаго характера, не имѣютъ силы доказательства, и мы остановились на нихъ, чтобы показать, что на предположеніе пессимистовъ можно отвѣтить не менѣе сильнымъ обратнаго характера.

Пессимисты, какъ мы видѣли, на вопросъ, *становится ли человѣчество подъ вліяніемъ культуры лучше*, отвѣчали отрицательно. Какъ извѣстно, еще въ прошломъ столѣтіи та мысль, что люди становятся тѣмъ хуже, чѣмъ болѣе они удаляются отъ некультурнаго состоянія, защищалась Руссо, который въ началѣ своего «Эмиля» говоритъ: «Все хорошо, что исходитъ изъ рукъ Творца всѣхъ вещей. Въ рукахъ человѣка все вырождается». Эту же мысль о вырожденіи человѣчества въ физическомъ и нравственномъ отношеніи по мѣрѣ развитія культуры мы встрѣчаемъ все чаще и чаще (Гартманнъ, Нитче, Нордау и др.).

Что касается вопроса о *физическомъ* вырожденіи человѣчества, то едва ли на него можно отвѣтить въ томъ смыслѣ, какъ отвѣчаютъ на него пессимисты. Мы подъ вліяніемъ романовъ Купера и Майнъ-Рида о некультурныхъ народахъ составляемъ себѣ такое представленіе, какъ будто бы они сплошь состоятъ изъ однихъ только богатырей и силачей. На дѣлѣ же это не такъ. Ученые склоняются къ предположенію, что средняя продолжительность

*) Рибо. «Изслѣдованія аффективной памяти». Спб., 1895, стр. 22. См. его же Psychologie des sentiments. 1896, стр. 168—9.

*

жизни больше у культурныхъ народовъ, чѣмъ у не культурныхъ. Совсѣмъ нельзя считать доказаннымъ, что первобытные народы сильнѣе современныхъ: среди авторитетныхъ представителей науки существуетъ какъ разъ обратное мнѣніе. Такой знатокъ первобытной культуры, какъ Гербертъ Спенсеръ, по этому вопросу говоритъ: «Очень часто утверждаютъ, что величина и сила нашей расы убываютъ, между тѣмъ какъ изъ разсмотрѣнія костей, мумій, вооруженій, а также изъ изслѣдованій примитивныхъ народовъ оказывается, что онѣ въ среднемъ *увеличились*» *).

Если мы обратимся къ цифровымъ даннымъ, мы найдемъ что вопросъ о физическомъ развитіи человѣчества чрезвычайно сложенъ и вовсе не можетъ быть рѣшаемъ въ томъ смыслѣ, что человѣчество подъ вліяніемъ культуры вырождается. Въ самомъ дѣлѣ, что считать признакомъ высшаго физическаго развитія? *Мускульную силу* или *ростъ*?

Измѣренія *мускульной силы* различныхъ народовъ посредствомъ динамометра доставляетъ намъ слѣдующія цифры:

У бѣлой расы. . .	144,4	килограммометра.
У негра.	146,7	»
У мулата.	158,3	»
У индѣйца . . .	159,2	»

Это среднія цифры. Но трудно сказать, чтобы эти цифры имѣли рѣшающее значеніе, потому что если взять цифры для отдѣльныхъ индивидуумовъ, подвергавшихся изслѣдованію, то окажутся очень большія уклоненія отъ средней цифры въ зависимости отъ *возраста* и *рода занятій*. Вотъ, напр., нѣкоторыя цифры для отдѣльныхъ индивидуумовъ различныхъ расъ по отношенію къ *роду занятій*:

У одного изъ бѣлой расы (бочаръ) .	295	килограммометровъ.
У одного бѣлаго (кузнеца)	381	»
У негра (полевой работникъ). . . .	283	»
У мулата (полевой работникъ). . .	315	»
У индѣйца (крестьянинъ).	336	»

Что касается *роста*, то цифры также получаются различныя; напримѣръ, средняя длина тѣла различныхъ народовъ въ центиметрахъ:

Патагонцы.	180	центиметр.
Сѣверо-американск. дикари.	177	»
Англичане	173	»
Шведы	170	»

*) Объ изученіи соціологіи.

Бельгійцы.	168 центиметр.
Итальянцы	162 »
Малайцы.	157 »
Лапландцы	152 »
Бушмены.	137 »

Слѣдовательно, цифры показываютъ, что есть некультурные народы, обладающіе болѣе высокимъ ростомъ, чѣмъ культурные и, наоборотъ. Словомъ сказать, мы не имѣемъ никакихъ научныхъ основаній утверждать, что *вмѣстѣ съ культурой уменьшаются физическія силы народовъ.* Можно предположить, что мускульная сила и ростъ обусловливаются причинами, которыя не находятся въ прямой связи съ некультурнымъ состояніемъ *).

Въ недавнее время одинъ мало серьезный писатель, сочиненія котораго, однако, очень сильно читаются, именно *Нордау* **) старался доказать, что человѣчество вырождается съ удивительною быстротой. По его мнѣнію, нервныя болѣзни, въ особенности истерія, страшно увеличились за послѣднее время, и онѣ непрерывно продолжаютъ возрастать во всѣхъ культурныхъ странахъ; во всѣхъ слояхъ населенія обнаруживается нервная слабость, о которой нашимъ предкамъ ничего не было извѣстно. Нейрастенія и истерія, подобно эпидеміи, распространяются, поражая одинаково низшіе и высшіе классы населенія. Образованному классу грозитъ гибель отъ полной нервной расшатанности. Большая часть культурнаго человѣчества находится въ состояніи полнаго вырожденія; искусство, поэзія и философія нашего времени представляютъ лишь воплощеніе истеріи и вырожденія.

Нордау находитъ, что новыя направленія въ искусствѣ: реализмъ, натурализмъ суть проявленія вырожденія и истеріи. Нѣкоторыя спеціальныя особенности въ области живописи онъ объясняетъ разстройствами зрѣнія художниковъ. Удивительные пріемы нѣкоторыхъ новыхъ художниковъ импрессіонистовъ, по его мнѣнію, тотчасъ же становятся намъ понятными, какъ только мы вспомнимъ объ изслѣдованіяхъ школы Шарко на счетъ разстройствъ зрѣнія у выродившихся и истеричныхъ. Туманность контуровъ объясняется дрожаніемъ глазного яблока. Нѣкоторые художники обладаютъ воспріимчивостью лишь къ опредѣленнымъ краскамъ, иногда только къ одной какой-нибудь краскѣ. Этимъ онъ

---

*) Ранке, «Der Mensch». Lepzig 1887. Band I, 459—464. Band II, 128.

**) Его сочиненіе «Entartung» въ двухъ томахъ вышло 2-мъ изданіемъ въ 1893 г. (первое изд. 1892). На русскомъ языкѣ вышло въ нѣсколькихъ изданіяхъ одновременно.

объясняетъ своеобразный колоритъ, предпочтеніе отдаваемое нѣкоторымъ краскамъ и часто наблюдаемое однообразіе въ современномъ искусствѣ. Сѣрая живопись—это слѣдствіе полной нечувствительности къ цвѣтамъ. Нѣкоторыя краски, по мнѣнію Нордау, оказываютъ особенное вліяніе на нервную систему; такъ, напр., красный цвѣтъ имѣетъ динамогенныя или силу возбуждающія свойства, а потому понятно, говоритъ Нордау, что истеричные живописцы неумѣренно тратятъ красныя краски, а истеричные зрители съ особеннымъ удовольствіемъ останавливаются предъ красными картинами; другіе цвѣта, особенно фіолетовый, вліяютъ задерживающимъ и ослабляющимъ образомъ на нервную систему. Видъ этой краски дѣйствуетъ угнетающимъ образомъ и вызываемое имъ чувство недовольства меланхолически настраиваетъ душу. Очевидно, что истеричные и нейрастеничные художники будутъ склонны постоянно пользоваться въ своихъ картинахъ краской, соотвѣтствующей ихъ состоянію усталости и истощенія. Если цѣлыя стѣны современныхъ салоновъ и художественныхъ выставокъ кажутся погруженными въ полутрауръ, то въ этомъ предпочтеніи, отдаваемомъ фіолетовому цвѣту, сказывается просто нервная слабость живописцевъ, а равнымъ образомъ и зрителей, наслаждающихся ихъ произведеніями.

Нордау не дѣлаетъ попытки доказать свои произвольныя утвержденія дѣйствительными фактами, объективными наблюденіями. Все, что Нордау говоритъ о разстройствахъ зрѣнія у живописцевъ, объ ихъ недостаткахъ на сѣтчаткѣ, о дрожаніи глазного яблока,—все это продуктъ его фантазіи, его воображенія. «Почему, справедливо спрашиваетъ Гиршъ, онъ не подвергъ дѣйствительному изслѣдованію извѣстное число живописцевъ, чтобы удостовѣриться въ истинности своего утвержденія? Мы знаемъ, что существуютъ живописцы, которые могутъ принадлежать къ новымъ направленіямъ, не страдая дрожаніемъ глазного яблока или слѣпотой къ цвѣтамъ».

Тоже самое можно сказать и о его взглядахъ на литературныя направленія, которыя онъ называетъ ибсенизмомъ, толстоизмомъ и т. п. и въ которыхъ онъ также видитъ признаки вырожденія. Но утвержденія Нордау совсѣмъ бездоказательны. *Статистика* душевныхъ и нервныхъ болѣзней очень сомнительна *).

---

*) «Важный статистическій матеріалъ для нервныхъ болѣзней доставляютъ многочисленныя поликлиники въ большихъ городахъ. Всякій, кто хоть сколько-нибудь знакомъ съ этимъ дѣломъ, знаетъ, что многіе изъ пользуемыхъ тамъ больныхъ вообще не прибѣгли бы къ врачебной помощи, если бы имъ пришлось заплатить врачу за совѣтъ, какъ это бывало въ доброе старое время. Наши бабушки такъ же страдали ими, какъ и современныя жен-

Въ средніе вѣка, судя по историческимъ описаніямъ, количество душевныхъ и нервныхъ болѣзней было очень велико.

Наконецъ, если бы даже взглядъ относительно увеличенія нервныхъ болѣзней и оказался справедливымъ, то можно ли это считать доказательствомъ того, что культурная раса *вырождается* въ собственномъ смыслѣ слова. Увеличеніе количества нервныхъ болѣзней указываетъ только лишь на частное предрасположеніе къ извѣстнаго рода заболѣваніямъ, которыя, въ свою очередь, указываютъ на существованіе какой-либо частной ненормальности въ современной жизни.

Въ послѣднее время особенно часто высказывался тотъ взглядъ, что *и въ нравственномъ отношеніи человѣчество становится все хуже и хуже.* Обыкновенно приводятъ въ примѣръ Францію, нравственное положеніе которой все больше и больше ухудшается; беллетристы изображаютъ семью и семейные нравы въ очень непривлекательныхъ краскахъ. Если въ одной изъ наиболѣе культурныхъ странъ совершается нѣчто подобное, то не есть ли это указаніе на то, что такая же участь ожидаетъ и другіе народы, идущіе по пути такъ-называемаго прогресса?

Мы, разумѣется, не рѣшаемся отрицать самыхъ фактовъ, но мы не согласны съ толкованіемъ ихъ. Дѣло въ томъ, что область нравственнаго развитія человѣка такова, что въ ней никакая *статистика* невозможна, и потому высказываемыя предположенія чаще всего являются выраженіемъ извѣстнаго личнаго настроенія писателя, человѣка науки или художника, чѣмъ полное, научное выраженіе фактовъ.

Утвержденіе, что современные нравы хуже, чѣмъ прежніе, было бы достовѣрнымъ только въ томъ случаѣ, если бы мы имѣли какіе-либо факты, которые доказывали бы, что *въ прошлые вѣка нравственное состояніе было лучше, чѣмъ въ настоящемъ*; а это едва ли возможно. Мы не только такихъ фактовъ не имѣемъ, но имѣемъ факты какъ разъ обратные. Въ дѣйствительности человѣчество въ моральномъ отношеніи улучшается. Прочтите, напр., у Леббока и Спенсера тѣ свѣдѣнія, которыя они сообщаютъ о нравственномъ состояніи первобытныхъ народовъ, и вы убѣдитесь, что Руссо говорилъ о нихъ, совсѣмъ ихъ не зная. Естественное состояніе, полное невинности, сердечной чистоты и добродѣтели,

---

щины; онѣ только не обращались тотчасъ же къ врачу, а потому не доставляли статистическаго матеріала для доказательства сильнаго распространенія нервныхъ болѣзней». (*Гиршъ*, «Геніальность и вырожденіе». Одесса. 1895, стр. 144. Тамъ же опроверженіе другихъ взглядовъ Нордау. Нѣмецкій переводъ этой книги Genie und Entartung. Berlin. 1894, (2-е изд.).

есть чистая химера. Такіе качества какъ: мужество, правдивость, справедливость, пріобрѣтаются путемъ развитія. Слѣдовательно, *нравственность есть несомнѣнный продуктъ культуры* *).

Нѣкоторые, въ доказательство того, что съ развитіемъ культуры нравственность ухудшается, говорятъ, что въ настоящее время нѣкоторыя формы разврата и нравственной распущенности доходятъ, такъ сказать, до виртуозности, совершенно неизвѣстной патріархальнымъ временамъ. Это, пожалуй, справедливо, но едва ли

*) *Уоллесъ* въ послѣдней главѣ своего сочиненія «Малайскій архипелагъ» говоритъ, что цивилизованныя общины, быстро идя впередъ въ умственномъ развитіи, далеко не такъ же быстро подвигаются въ развитіи нравственномъ. «Въ идеальномъ общественномъ строѣ,—говоритъ онъ,—человѣкъ долженъ имѣть настолько гармонично развитую организацію, чтобы понимать нравственный законъ во всѣхъ его подробностяхъ и не нуждаться ни въ какихъ побужденіяхъ для того, чтобы повиноваться этому закону, кромѣ свободнаго импульса своей личной натуры. Любопытно, что народы на самой низшей ступени цивилизаціи близко подходятъ именно къ такому идеальному общественному строю, тогда какъ народы цивилизованные не только не подошли къ нему ближе, но во многихъ случаяхъ отдалились». Но *Леббокъ* съ этимъ не согласенъ. «По моему крайнему разумѣнію,—говоритъ онъ,—человѣкъ ни въ чемъ не шагнулъ такъ далеко впередъ, какъ въ нравственности. Дикарямъ гораздо легче дается прогрессъ внѣшній, матеріальный, наши идеи, наша наука, чѣмъ наши правила, наше нравственное развитіе. Равенство членовъ коммуны, которымъ восхищались многіе путешественники—въ дикаряхъ вовсе не служитъ доказательствомъ ихъ нравственнаго развитія. Послѣ этого мы должны были бы за пчелами, бобрами, и другими живущими въ коммунахъ животными, признавать нравственное развитіе выше развитія, достигнутаго европейскими народами. Отсутствіе преступленій еще не составляетъ добродѣтели, и безъ искушеній, невинность еще не заслуга. Кромѣ того, въ маленькихъ общинахъ почти всѣ члены въ родствѣ между собой и семейныя привязанности замѣняютъ добродѣтель». (См. его «Начала цивилизаціи»). Ср. съ этимъ многочисленные факты, приводимые Гербертомъ Спенсеромъ въ его «Научныхъ основаніяхъ нравственности» въ отдѣлѣ «Индукція этики» и доказывающіе то же самое. Тѣ, которые утверждаютъ, что человѣчество морально не совершенствуется, игнорируютъ историческіе факты. Существуютъ добросовѣстныя историко-антропологическія изслѣдованія, которыя опровергаютъ указанный взглядъ. Мы не имѣетъ возможности подробно разсматривать этого вопроса и считаемъ нужнымъ удовольствоваться только лишь указаніемъ литературы. Прежде всего укажемъ на изслѣдованіе *Летурно*, «L'evolution de la morale». Paris. 1887 (имѣется русскій пер. въ изд. Павленкова), затѣмъ *Wake*, «The Evolution of Morality» Vol. I—II. 1878 и, наконецъ, замѣчательное изслѣдованіе *Pike'a*, «A History of Crime in England». Vol. I—II. 1873—1874; авторъ подробно разсматриваетъ исторію *преступленій* отъ начала исторіи Англіи и до 74 года и, сопоставляя многочисленыя данныя, приходитъ къ тому выводу, что, по мѣрѣ развитія цивилизаціи, въ Англіи *количество* преступленій уменьшалось и *форма* ихъ видоизмѣнялась такъ, что мы можемъ съ достовѣрностью заключить, что за этотъ періодъ исторіи Англія въ моральномъ отношеніи сдѣлала несомнѣнные успѣхи.

говоритъ въ пользу пессимистической теоріи. Самый фактъ можно объяснить слѣдующимъ образомъ. Человѣкъ первобытный представляетъ нѣчто однородное, мало дифференцированное; по мѣрѣ того, какъ онъ развивается, онъ дифференцируется и въ одно и то же время видоизмѣняется къ лучшему и къ худшему. «Животныя, напр., находятся на нулевой точкѣ: они ни хороши, ни дурны. У человѣка начинается моральное дифференцированіе. На первыхъ ступеняхъ различіе еще незначительно. Съ возрастающей культурой увеличивается индивидуализированіе: хорошее и дурное выступаетъ въ болѣе рѣзкихъ чертахъ. На одной сторонѣ появляется святая любовь, вѣрность, доходящая до самопожертвованія, преданность истинѣ и праву, на другой сторонѣ совершенная испорченность» *). То же самое нужно сказать и относительно общественной жизни. Если мы возьмемъ, напр., Англію, то въ ней на ряду съ многочисленными бѣдствіями, являющимися прямымъ продуктомъ современной культуры, мы находимъ развитіе *филантропіи*, какъ ни въ одной другой странѣ. Весьма возможно, что одно не только совершенно компенсируется другимъ, но даже значительно превосходитъ его.

То обстоятельство, что *съ возрастаніемъ культуры человѣческія страданія увеличиваются*, пессимисты доказываютъ тѣмъ, что существа съ болѣе развитымъ сознаніемъ страдаютъ больше, что существа съ болѣе высокимъ умственнымъ развитіемъ болѣе чувствительны къ страданіямъ. Этого факта, конечно, нельзя отрицать, но нельзя также не признать, съ другой стороны, и того, что съ умственнымъ развитіемъ являются и новые источники наслажденій: эстетическія, этическія, соціальныя, научныя и т. п. Другими словами, съ возростаніемъ интеллектуальнаго развитія человѣкъ становится болѣе чувствительнымъ какъ къ страданіямъ, такъ и къ удовольствіямъ **).

---

*) *Paulsen*, «System d. Ethik». Berlin. 1894. B. I, стр. 289.

**) Какъ стоитъ вопросъ въ современной психологіи относительно способности чувствовать у существъ съ менѣе развитымъ интеллектомъ? Отвѣтить на этотъ вопросъ чрезвычайно трудно. Мы не можемъ надѣяться узнать, какъ ощущаютъ непозвоночныя. До какой степени они чувствительны? Весьма возможно, что мы склонны переоцѣнивать интенсивность чувствъ даже у высшихъ позвоночныхъ. Какъ кажется, есть основаніе предполагать, что даже высшія животныя менѣе чувствительны къ стрададанію, чѣмъ мы. У Ллойда Моргана въ его книгѣ «Animal Life and Intelligence». 1890—1891, приводится рядъ наблюденій, доказывающихъ это положеніе. Такъ, напр., онъ приводитъ наблюденіе Роуэля, который разсказываетъ, что одна почтовая лошадь упала съ такой силой, что у нея на передней ногѣ сорвалась кожа и мяса выпало такое количество, что кость была

Что человѣчество съ развитіемъ культуры становится менѣе счастливымъ, доказывается и тѣмъ, что количество *самоубійствъ* въ культурныхъ странахъ возрастаетъ. Въ девятнадцатомъ столѣтіи у большинства европейскихъ народовъ замѣчено сильное и довольно равномѣрное увеличеніе самоубійствъ. Въ общемъ оказывается, что число самоубійствъ тѣмъ больше, чѣмъ интенсивнѣе участіе даннаго народа въ культурѣ и притомъ въ образованныхъ классахъ того или другого народа больше, чѣмъ въ необразованныхъ. Считая статистическія данныя точными, мы всетаки думаемъ, что эти факты вовсе не доказываютъ того, что хотятъ пессимисты. Нѣтъ ничего невозможнаго въ томъ, что съ прогрессомъ цифра самоубійства будетъ падать и стремиться къ нулю. *Морселли* *), извѣстный итальянскій ученый, изслѣдователь по вопросу о самоубійствѣ, замѣчаетъ что цифра самоубійствъ въ Парижѣ уменьшилась. Въ Даніи и Норвегіи нѣкогда огромная цифра самоубійствъ также нѣсколько уменьшилась. Въ Англіи она сдѣлалась стаціонарной, т. е. количество самоубійствъ не увеличивается и не уменьшается. Эти обстоятельства заставляютъ насъ надѣяться на то, что возрастаніе самоубійства, дойдя до извѣстнаго пункта, остановится **).

Наконецъ, спрашивается, находится ли цифра самоубійствъ въ *необходимой* связи со всею культурой или съ какими-либо случайными обстоятельствами, напр., *алкоголизмомъ* ***), который во-

---

совершенно обнажена. Лошадь пустили пастись и она паслась съ такимъ спокойствіемъ, какъ если бы ничего не случилось. Другіе подобные же примѣры, см. тамъ же стр. 391—3.

«Многіе путешественники распространялись не разъ по поводу странной загрубѣлости и безчувственности, обнаруживаемой дикарями, искалѣченными въ битвѣ или вслѣдствіе какого-либо несчастнаго случая; а хирурги, служащіе въ Индіи, говорятъ, что раны и операціи переносятся туземцами гораздо лучше, чѣмъ европейцами. Далѣе мы имѣемъ обратный фактъ, заключающійся въ томъ, что между высшими типами людей, отличающимися бо̀льшимъ мозгомъ и бо̀льшею чувствительностью къ боли, чѣмъ низшіе типы, наибольшею чувствительностью обладаютъ тѣ, у которыхъ нервное развитіе, обнаруживающееся въ силѣ ихъ умственныхъ способностей, оказывается всѣхъ выше: часть относящихся сюда фактовъ заключается въ сравнительной невыносливости по отношенію къ непріятнымъ ощущеніямъ, общей большинству геніальныхъ людей, и въ той общей раздражительности, которой они отличаются». (Г. Спенсеръ, «Даннныя науки о нравственести», стр. 221—2.

*) Его сочиненіе въ переводѣ на нѣмецкій языкъ «Der Selbstmord». 1881.

**) *Laas*, «Idealismus u. Positivismus», 1882. Ч. 2, стр. 358.

***) Напр., «въ Англіи 30 процентовъ, въ Россіи даже 40 проц. самоубійствъ является слѣдствіемъ пьянства». *Бунге*. «Объ употребленіи алкоголя». Спб. 1896, стр. 17—18.

все не представляетъ чего-либо необходимо связаннаго съ культурой? весьма вѣроятно, что онъ представляетъ явленіе, которое можетъ быть устранено *). Можетъ быть, причиной самоубійствъ являются: уклоненіе отъ нормальныхъ условій жизни, чрезмѣрно истощающая работа, утонченныя формы наслажденій. Все это — явленія преходящія и культура вполнѣ мыслима безъ нихъ.

Мы спѣшимъ замѣтить, что, приводя всѣ эти соображенія, мы вовсе не имѣемъ намѣренія доказать съ полной очевидностью, что человѣчество несомнѣнно совершенствуется. Это доказательство вовсе не входитъ въ наши планы **); единственно, что мы хотѣли доказать, заключается въ томъ, что *методъ* или *пріемъ* изслѣдованія пессимистовъ не выдерживаетъ рѣшительно никакой научной критики. Ихъ утвержденія относительно болѣе высокаго нравственнаго состоянія прошлыхъ временъ ни на чемъ не основаны. Если же существуетъ обыкновеніе ссылаться на лучшее прошлое, то это основывается не столько на научныхъ и строго провѣренныхъ фактахъ, сколько на той психологической особенности людей, въ силу которой они находятъ весьма поучительнымъ для назиданія современныхъ поколѣній ссылаться на лучшее прошлое и сѣтовать на паденіе нравовъ. Почти въ каждую эпоху исторіи мы находимъ какого-либо жалобщика на современное положеніе вещей.

---

*) «Въ Сѣверной Америкѣ уже въ *шести* штатахъ добились полнаго воспрещенія производства и продажи спиртныхъ напитковъ, а во всѣхъ остальныхъ штатахъ ежедневно возрастающая партія требуетъ того же. 16 штатовъ приняли такъ-называемые Local Option Laws, т. е. законы, предоставляющіе отдѣльнымъ городамъ или сельскимъ обществамъ, или даже цѣлымъ графствамъ право воспрещать у себя производство и продажу спиртныхъ напитковъ. Этимъ правомъ, напр., въ штатѣ Георгіи изъ 136 графствъ воспользовалось 101. Въ Англіи число лицъ, давшихъ обѣтъ полнаго воздержанія, уже равняется пяти милліонамъ и въ скоромъ времени тамъ надо ожидать изданія закона Local Option. Въ Швеціи воздерживающихся отъ спиртныхъ напитковъ 300.000 человѣкъ, въ Норвегіи 100.000, въ Даніи 50.000. Въ Финляндіи законъ Local Option уже существуетъ и имъ воспользовались всѣ сельскія общества, т. е. около *двухъ* милліоновъ людей». Бунге, стр. 26.

**) Здѣсь мы не предполагаемъ разсматривать взгляды *оптимистовъ* (Сёлли, Дюринга и пр.). *Сёлли* въ своей книгѣ «о пессимизмѣ» доказываетъ достижимость счастья и называетъ свое ученіе не оптимизмомъ, а *меліоризмомъ*. *Дюрингъ* въ своей книгѣ «О цѣнности жизни» (Спб. 1896. 2-е изд.) доказываетъ на основаніи метафизическихъ положеній свою оптимистическую гипотезу (онъ отрицаетъ и крайній оптимизмъ, и крайній пессимизмъ) и даетъ практическіе совѣты относительно улучшенія жизни и повышенія ея цѣнности. Книга *Леббока* «О радостяхъ жизни» посвящена вопросу о разумномъ пользованіи жизнью.

На нашъ взглядъ обычно выражаемое недовольство современнымъ положеніемъ вещей объясняется еще и тѣмъ, что нашъ *нравственный критерій выше, чѣмъ критерій прошедшихъ временъ*; мы, такъ сказать, судимъ строже, чѣмъ наши предки; и это происходитъ отъ того, что нравственныя идеи и сознаніе ихъ жизненной важности растутъ быстрѣе, чѣмъ наши нравственныя способности или наши способности проводить ихъ въ жизнь. Напр., идея уничтоженія рабства существовала значительно раньше самого освобожденія отъ рабства. Человѣчество еще и теперь не въ состояніи вполнѣ освободиться отъ рабства, а между тѣмъ сознаніе нравственнаго значенія свободы развивается и распространяется съ каждымъ годомъ. Отсюда глубокое недовольство положеніемъ вещей. Отсюда утвержденіе, что теперь стало гораздо хуже, чѣмъ было прежде. Это не значитъ, что человѣчество, на самомъ дѣлѣ, нравственно становится хуже, а это значитъ, что нашъ критерій нравственности сталъ выше.

Можетъ быть, взглядъ на моральное ухудшеніе объясняется и тѣмъ обстоятельствомъ, что историки, хроникеры, отмѣчая событія, находятся подъ вліяніемъ факторовъ, мѣшающихъ правильной оцѣнкѣ явленій. «Если бы кто-либо, говоритъ Селли, задался цѣлью составить себѣ правильный взглядъ на общественныя явленія, то онъ встрѣтился бы съ большими затрудненіями. Наши газеты и журналы гораздо внимательнѣе отмѣчаютъ и комментируютъ различныя соціальныя бѣдствія, злоупотребленія и несчастія, чѣмъ свѣтлыя стороны и факты общественной жизни. Преступленіе представляетъ фактъ общественный и всегда заносится въ отчетъ о судебныхъ засѣданіяхъ. Благородный же поступокъ частнаго лица не получаетъ такой огласки. Политическая и общественная критика отчасти подъ вліяніемъ глубоко-коренящагося въ людяхъ инстинкта преимущественно отыскивать недостатки, отчасти вслѣдствіе громадной практической пользы такой критики, обращается, главнымъ образомъ, если не исключительно, опять-таки на недостатки и несовершенства общественной жизни. Ея же благодѣтельныя и свѣтлыя стороны обходятся молчаніемъ. Отсюда мрачный взглядъ на современный соціальный и политическій прогрессъ» *).

Теперь мы должны поставить вопросъ о *причинахъ распространенности пессимизма* и, главнымъ образомъ, въ Германіи, потому что въ ней пессимистичаская философія находитъ наибольшее число представителей. Французскій философъ *Каро* **) ду-

---

*) «Пессимизмъ». 300—301.

**) «Пессимизмъ въ XIX вѣкѣ». М. 1883, стр. 243—254.

маетъ, что «одна изъ наиболѣе дѣйствительныхъ причинъ успѣха пессимистической философіи заключается въ томъ, что «она даетъ выраженіе глухому недовольству, злобѣ и всевозможнымъ требованіямъ, волнующимъ нѣмецкое общество. Это реакція нѣкоторыхъ инстинктовъ расы, подавленныхъ крайне развитымъ милитаризмомъ, который создалъ ея славу и казарменную жизнь, сдѣлавшей эту славу для нея обязательной. Старинный нѣмецкій идеализмъ, грубо ведомый желѣзной дисциплиной въ безпрерывный бой, замѣнившій прежнія идилліи и метафизическія эпопеи, нашелъ убѣжище въ горестной философіи, которая, проклиная жизнь, измѣряетъ суетность славы тѣми трудами, которыми она покупается, кровью, которая ради нея проливается, ничтожностью результатовъ, которые всегда нужно или завоевывать, или поддерживать силою. Пессимизмъ есть оборотная сторона военнаго тріумфа народа, который отъ природы не воинственъ, но сдѣлался такимъ вслѣдствіе необходимости и политическихъ разсчетовъ, котораго принуждаютъ къ роли завоевателя противъ его воли и который среди тріумфа вспоминаетъ былую мирную жизнь и какъ бы тоскуетъ по родинѣ, припоминая прежній покой. Если нѣтъ иного успокоенія, онъ желаетъ нирваны».

«Въ послѣднія двадцать лѣтъ въ Германіи замѣчалось какъ бы умственное изнеможеніе, результатъ разрушенія великихъ умственныхъ надеждъ, несостоятельности политическаго и соціальнаго идеала и банкротства чрезмѣрныхъ претензій нѣкоторыхъ эстетическихъ и философскихъ школъ... Прибавьте сюда постепенное разрушеніе критикою религіозныхъ традицій и вѣрованій, которыя, казалось, унесли съ собой при своемъ удаленіи все, что придавало красу и цѣну жизни».

«Безспорно, что нигдѣ въ Европѣ пессимизмъ не пустилъ такихъ глубокихъ корней, какъ, повидимому,—замѣчаетъ Селли *),—въ Германіи, но было бы рисковано говорить, въ чемъ именно заключаются эти особенности. Иностранецъ, посѣщавшій Германію, вскорѣ послѣ ея національнаго объединенія и имѣвшій случай познакомиться съ народными чувствами и сужденіями, невольно поражается той массой недовольства, которая готова вырваться наружу. Буржуазія, изнемогающая подъ тяжестью все растущихъ налоговъ и отъ требованій суровой военной системы, почти забыла, повидимому, о лаврахъ Седана и Парижа. Рабочіе классы сильно проникнуты соціализмомъ. У того, кто наблюдаетъ это соціальное броженіе, совершенно естественно возникаетъ мысль, что

---

*) «Пессимизмъ», стр. 307. См. также у Дюринга «Цѣнность жизни». Спб. 1896. Гл. I-я.

именно эти условія являются причинами, содѣйствующими развитію пессимизма въ Германіи».

Брюнетьеръ находитъ, что пессимизмъ распространенъ не только въ Германіи, но и во Франціи, и думаетъ, что «онъ родился изъ контраста мечты и дѣйствительности, величія иллюзій и посредственности результатовъ, изъ неспособности молодежи удовлетвориться жизнью и міромъ послѣ того, какъ революціи не удалось водворить на землѣ царство справедливости и братства» *).

Слѣдовательно, по мнѣнію указанныхъ писателей, распространеніе пессимизма находится въ тѣсной связи съ экономическими неурядицами, соціальными бѣдствіями, неудовлетвореніемъ политическихъ идеаловъ. Это, такъ сказать, *соціальныя* причины, но можно указать еще и на *индивидуальныя* причины, которыя, можетъ быть, играютъ не менѣе существенную роль. Это причины, лежащія въ *характерѣ* человѣка, оцѣнивающаго жизнь.

Есть много основаній думать, что пессимистическое отношеніе къ дѣйствительности находится въ зависимости отъ того или иного *темперамента*. Есть также много основаній думать, что видоизмѣненія темперамента находятся въ зависимости отъ физіологическихъ особенностей организма, именно, большей или меньшей возбудимости нервной системы, большей или меньшей силы кровообращенія, болѣе или менѣе сильнаго теченія процесса пи-

---

*) Брюнетьеръ, «Источники пессимизма». Одесса. 1893.

Интересенъ вопросъ, въ какихъ странахъ пессимизмъ нашелъ для себя убѣжище? На этотъ вопросъ обыкновенно отвѣчаютъ различно. Каро говоритъ только о пессимизмѣ въ Германіи. Брюнетьеръ находитъ, что онъ имѣется и во Франціи. Министръ народнаго просвѣщенія, Лейгъ, въ 1892 г. обращается къ молодежи со словами ободренія. Многіе изъ французскихъ писателей пессимисты, причемъ ихъ пессимизмъ принимаетъ форму безнадежнаго отчаянія. (См. рѣчь проф. Дашкевича «Мрачное міровоззрѣніе». Кіевъ. 1894).

Въ то время, какъ большинство писателей считаютъ Германію мѣстопребываніемъ пессимизма, сами нѣмецкіе писатели склонны видѣть его и въ Россіи, напр., Юргенъ-Бона-Мейеръ еще въ 1872 г. высказывался въ томъ смыслѣ, что пессимизма скоро уже не будетъ въ Германіи, такъ какъ она вслѣдствіе объединенія успѣетъ осуществить свои національно-политическіе идеалы, но что онъ еще нѣкоторое время будетъ «оставаться среди русскихъ нигилистовъ». (См. его «Weltelend und Weltschmerz». 1872).

Муффъ въ своей книгѣ «Idealismus» 1892 находитъ, что мѣстопребываніе пессимизма есть Россія. Возьмите, напр.,—говоритъ онъ,—произведенія Достоевскаго и Толстого, картины Верещагина: ихъ образцы, заимствованы изъ выродившейся общественной жизни, ихъ герои — это хрупкіе характеры, и воздухъ, которымъ они дышатъ, зараженъ. «Власть тьмы» и «Крейцерова соната» Толстого являются показателями того ужаснаго вырожденія и той безнадежности, въ которой находится современная общественная жизнь въ Россіи» (стр. 44—5). Очевидно, это описаніе продиктовано непремѣннымъ желаніемъ видѣть пессимизмъ именно въ Россіи, а не въ Германіи!

танія. То или другое состояніе организма дѣйствительно оказываетъ глубокое вліяніе на направленіе характера; по преимуществу такое вліяніе она оказываетъ на такъ называемое *чувство жизни*. Дѣло въ томъ, что безпрестанно совершающіеся въ насъ органическіе процессы: питаніе, кровеобращеніе, обмѣнъ матеріи сопровождаются тѣми или другими чувствами, которыя, конечно, доходятъ до сознанія, но не производятъ яснаго сознанія, а отличаются смутностью и неопредѣленностью. Притомъ, надо замѣтить, что сознается, такъ сказать, ихъ сумма или равнодѣйствующее, а не каждое изъ нихъ въ отдѣльности. Если всѣ указанные выше процессы совершаются нормально, то въ общей равнодѣйствующей или въ суммѣ ихъ получается пріятное чувство; если количество ненормальныхъ процессовъ преобладаетъ, то и вызываемое ими чувство будетъ непріятнымъ. (Строго говоря, это не столько чувство, сколько *настроеніе*, т. е. неопредѣленное чувство). Нѣкоторыя, даже незначительныя нарушенія кровеобращенія, напр., вызываютъ чувства неопредѣленной тоски. Пріемъ опьяняющихъ веществъ, которыя на мгновеніе повышаютъ энергію въ обмѣнѣ матерій, даетъ пріятное настроеніе. Гиппохондрія (меланхолія)—есть результатъ нарушенія нѣкоторыхъ важныхъ органическихъ процессовъ.

Отсюда понятно, что *то или другое настроеніе благопріятствуетъ появленію тѣхъ или другихъ представленій*. Въ самомъ дѣлѣ, если у меня, вслѣдствіе тѣхъ или другихъ органическихъ процессовъ, настроеніе непріятное, то всякія мысли болѣе или менѣе пріятныя будутъ скользить по поверхности моей души, не будутъ глубоко западать, не находя тамъ благопріятной почвы, и наоборотъ, мысли печальныя будутъ имѣть всѣ данныя для того, чтобы водвориться въ ней *). Отсюда понятно, отчего одни имѣютъ пессимистическій взглядъ на жизнь, а другіе оптимистическій. Именно, то или другое органическое состояніе даетъ поводъ для возникновенія тѣхъ или иныхъ представленій, благопріятствуетъ появленію тѣхъ или другихъ мыслей. Это, кажется, подтверждается на примѣрѣ Шопенгауэра.

Изъ біографіи Шопенгауэра намъ извѣстно, что онъ обладалъ болѣзненнымъ предрасположеніемъ организма къ меланхоліи **).

*) «Меланхоликъ испытываетъ самыя интенсивныя чувствованія страданія; маніакъ упивается блаженствомъ, потому что въ ихъ организмѣ произошли соотвѣтственныя измѣненія. Ничто не можетъ обрадовать, вызвать удовольствіе у меланхолика, огорчить маньяка, потому что сравнительно съ тѣми измѣненіями въ организмѣ, которыя вызвали ихъ чувствованія, всѣ другія измѣненія очень ничтожны». (Чижъ, «Біологическое обоснованіе пессимизма». «Неврологическій Вѣстникъ». 1895. Т. III, в. I, стр. 53).

**) «Вѣроятно въ силу наслѣдственности. Дѣдъ Шопенгауэра былъ помѣщикомъ въ мѣстечкѣ Ора близъ Данцига. Изъ четырехъ его сыновей отецъ

Что удивительнаго въ томъ, что это настроеніе способствовало тому, что онъ остановился на пессимистической философіи, потому что вѣдь относительно философіи всегда останутся справедливыми слова Фихте: «Выборъ той или другой философіи зависитъ отъ личныхъ свойствъ человѣка. Ибо философская система не есть какая-либо мертвая утварь, которую можно по желанію или достать, или отдать, но она есть нѣчто одушевленное и находится въ зависимости отъ личныхъ свойствъ того, кому она принадлежитъ».

Такимъ образомъ, пессимистическія утвержденія о полной непригодности жизни можетъ быть въ концѣ концовъ, въ большинствѣ случаевъ, основываются на личныхъ особенностяхъ философа-пессимиста. Они, можетъ быть, въ концѣ концовъ сводятся къ утвержденію: «жизнь не дала мнѣ того, что я отъ нея ожидалъ». Пессимистическое отношеніе къ жизни иногда имѣетъ въ себѣ нѣчто успокаивающее и утѣшительное. Если какого-нибудь писателя публика долго не признаетъ, то онъ говоритъ: «масса никогда не въ состояніи отличать хорошее отъ дурного». Страданіе усиливается, если сказать: «то, что ты претерпѣлъ, есть исключеніе», страданіе ослабляется, если мы говоримъ: «это общая участь» *). Этимъ, между прочимъ, объясняется и пессимизмъ Шопенгауэра. Первые годы его литературной дѣятельности прошли въ безвѣстности. Это заставляло его относиться съ полнымъ презрѣніемъ къ жизни. Въ молодые годы онъ училъ, что не жить лучше, чѣмъ жить, но потомъ обстоятельства перемѣнились. Онъ былъ признанъ выдающимся философомъ. Его ученіе стало пріобрѣтать большое число поклонниковъ, и вотъ 70-ти-лѣтній Шопенгауэръ, восхищенный оваціями, которыя были ему устроены по случаю 70-ти-лѣтія его рожденія, писалъ своему другу: «въ Упанишадахъ говорится: 100 лѣтъ продолжается жизнь человѣка. Это утѣшительно!» «Если кто надѣется на столѣтнюю жизнь и даже утѣшается этимъ, то его пессимизмъ не долженъ насъ безпокоить», справедливо замѣчаетъ по этому поводу Куно-Фишеръ.

Но само собою разумѣется, что однѣми индивидуальными причинами никакъ нельзя было бы объяснить распространенія пессимизма въ различныхъ слояхъ современнаго культурнаго общества.

Шопенгауэра былъ самый младшій. Бабушка была признана, по опредѣленію суда, душевно-больною и отдана подъ опеку; старшій братъ отца былъ слабоуменъ отъ рожденія, второй братъ сдѣлался таковымъ же вслѣдствіе распутной жизни, и самъ отецъ страдалъ подъ конецъ до того тяжелыми разстройствами памяти, что его внезапная смерть была, по всей вѣроятности, дѣломъ помутившагося ума»: Куно-Фишеръ, «А. Шопенгауэръ». М. 1896, стр. 8.

*) Paulsen, System d. Ethik. B. I. стр. 279.

Существуютъ еще причины, которыя находятся въ тѣснѣйшей связи съ недовольствомъ современной культурой и ея идеалами.

Въ самомъ дѣлѣ, на какомъ основанiи обыкновенно утверждаютъ, что пессимизмъ очень распространенъ? На томъ, что книги философовъ-пессимистовъ распространяются въ очень большомъ количествѣ. По нашему мнѣнiю, этотъ взглядъ не совсѣмъ основателенъ. Книгу читаютъ не только потому, что сочувствуютъ изложеннымъ въ ней взглядамъ, а также и потому, что въ ней изложены взгляды, отличные отъ общепринятыхъ, что въ ней много парадоксальностей, изложенныхъ остроумно, что въ ней содержится сатира на все современное и вообще на жизнь. Наконецъ, еще и потому, что книга исходитъ изъ такого авторитетнаго источника, какъ философiя, которая въ прочихъ отношенiяхъ для обыкновеннаго читателя является мало доступной. Всѣ эти причины создаютъ извѣстный кругъ читателей, число которыхъ въ концѣ концовъ создаетъ моду, въ свою очередь увеличивающую число читателей въ геометрической прогрессiи. Немаловажной причиной успѣха пессимистическихъ писателей является и то обстоятельство, что всѣ они (Шопенгауэръ *), Гартманнъ, Нитче) обладали выдающимися литературными талантами; само собой разумѣется, что философская мысль, облеченная въ художественную форму, оказывается и болѣе доступною для большинства, и болѣе привлекательной для изученiя, а также болѣе убѣдительной въ силу той простой причины, что гдѣ аргументъ отсутствуетъ или гдѣ онъ недостаточно убѣдителенъ, тамъ его можетъ замѣнить красота формы, которая предназначена къ тому, чтобы производить чарующее влiянiе на воображенiе читателя. Но самая главная причина увеличенiя числа поклонниковъ или, можетъ быть, вѣрнѣе сказать, читателей пессимистической философiи заключается въ томъ, что она служитъ откликомъ глухого недовольства современной культурой. Въ наше время сдѣлалось возможнымъ появленiе такихъ писателей, какъ Нитче и Толстой, которые отрицаютъ современную культуру и требуютъ поворота назадъ, и совпаденiе это совсѣмъ не случайно. Оба эти писателя требуютъ того, къ чему неопредѣленно стремятся десятки тысячъ людей **).

Извѣстное недовольство культурой всегда является въ крупные историческiе моменты. За вѣкомъ Перикла слѣдуетъ *Антисѳенъ*, этотъ отрицатель культуры. За эпохой римскаго цесаризма слѣ-

---

*) Существующiй на русскомъ языкѣ переводъ сочиненiй Шопенгауэра «Мiръ, какъ представленiе и воля» М. 1888 не даетъ рѣшительно никакого понятiя о красотѣ стиля Шопенгауэра.

**) См. *Гротъ*, «Нравственные идеалы нашего времени». М. 1895.

довалъ *Эпиктетъ* съ его моралью воздержанія. За блестящей эпохой германскаго гуманизма слѣдуетъ *Агриппа Нетесгеймскій* съ его трактатомъ «о недостовѣрности и тщетѣ всѣхъ наукъ и искусствъ». За вѣкомъ просвѣщенія слѣдуетъ Руссо, наконецъ, XIX-й вѣкъ выдвигаетъ Нитче и Толстого. Такимъ образомъ, почти въ каждую историческую эпоху находятся свои отрицатели культуры, писатели, которые даютъ счастливое выраженіе инстиктивному неудовольствію, происходящему отъ чрезмѣрной культуры и невысказанно находящемуся въ устахъ тысячи людей *).

Въ этомъ всеобщемъ недовольствѣ современной культурой и таится загадка того поклоненія пессимистической философіи, которое замѣчается отъ времени до времени. Каждый думаетъ найти объясненіе своего неудовлетворенія въ причинахъ общаго характера, въ пессимистическомъ міропониманіи. Каждый стремится видѣть въ бѣдствіяхъ жизни что-то роковое, необходимое. Все *необходимое*, *непреоборимое* вліяетъ успокаивающимъ образомъ!

Какъ бы то ни было, является весьма важнымъ вопросъ, какое настроеніе въ нравственномъ отношеніи нужно считать болѣе желательнымъ, оптимистическое или пессимистическое? Казалось бы несомнѣннымъ, что лучше быть оптимистомъ, потому что оптимистъ всегда вѣритъ въ лучшее будущее и потому что для дѣятельности онъ имѣетъ гораздо болѣе побужденій. Другіе находятъ, что лучше быть пессимистомъ, потому что «пессимистъ изобрѣтаетъ идеалъ, оптимистъ же довольствуется дѣйствительностью». Но это послѣднее утвержденіе мы не можемъ считать истиннымъ. Какъ мы замѣтили въ началѣ статьи, нужно отличать пессимизмъ безнадежный отъ пессимизма, вытекающаго изъ неудовлетворенія современной дѣйствительностью. Ни крайній пессимизмъ, ни крайній оптимизмъ не представляютъ желательнаго настроенія души человѣческой; желательное настроеніе есть тотъ *оптимизмъ*, *который мы назвали бы идеализмомъ*. Безпристрастное, всестороннее разсмотрѣніе дѣйствительности, трезвое наблюденіе фактовъ жизни, свободное отъ личнаго отношенія и отъ случайности настроенія, разсмотрѣніе исторіи человѣчества, анализъ человѣческой души, приводятъ насъ къ тому неотразимому убѣжденію, что міръ, человѣческая жизнь прогрессируютъ, улучшаются. Правда, ходъ міровой колесницы тормазится, она дѣлаетъ зигзаги и движется медленно, но все же движется впередъ. Это пробуждаетъ въ насъ вѣру въ лучшее будущее, вѣру въ торжество нравственнаго начала, а эта вѣра есть то, что среди невзгодъ индивидуальной и соціальной жизни является свѣточемъ, руководящимъ, дающимъ бодрость и силу въ борьбѣ за идеалъ.

---

*) См. *Stein*. Nietsche's Weltanschauung. 1893.

ОБЪЯСНЕНІЕ.

(ЭТЮДЪ).

I.

Далеко на улицѣ показались извозчичьи сани. Среди ослѣпительно-бѣлаго снѣга онѣ рѣзко чернѣли и какъ бы росли по мѣрѣ приближенія къ школѣ. Анна Николаевна вздрогнула и пылавшимъ лицомъ прильнула къ стеклу.

Черезъ десять минутъ желанный гость уже сидѣлъ за самоваромъ. Анна Николаевна, раскраснѣвшаяся, помолодѣвшая на нѣсколько лѣтъ, наливала Васильеву душистаго чаю въ *его* стаканъ... И чай этотъ она только для него бережетъ; сама она пьетъ вдвое дешевле. Во всемъ убранствѣ стола, заставленнаго *его* любимыми закусками, съ двумя бутылками — англійской горькой и краснаго вина,—сказывалось вниманіе любящей женщины. Онъ это понималъ и снисходительно улыбался въ бороду.

— Ахъ, какая даль!.. Никакъ не привыкну!..—замѣтилъ онъ, потирая озябшія руки.—Ну, ужъ, и морозецъ же сегодня!..

— Пейте скорѣй!

Она налила ему водки и подвинула жестянку съ омарами.

«Нынче и кутить можно! Жалованье только вчера получили»...— мелькнуло у нея въ головѣ.

— Роскошь какая!—пошутилъ онъ.—За ваше здоровье, дорогая Анна Николаевна!..

Она молча кивнула головой и влюбленнымъ взоромъ глядѣла на его руку съ поднятой рюмкой, глядѣла, какъ онъ опрокинулъ рюмку въ ротъ, какъ поднялась при этомъ его темная борода, открывая бѣлую, выхоленную, какъ у женщины, шею. Внутри ея что-то начало дрожать мелкой дрожью. Она машинально сцѣпила похолодѣвшіе пальцы рукъ и хрустнула ими. «О, Боже! Какое счастье вотъ такъ стоять рядомъ и смотрѣть-смотрѣть на него!..»

*

Онъ замѣтилъ и этотъ взглядъ, и волненіе ея. Выраженіе лица его смягчилось. Онъ подвинулся къ дѣвушкѣ, смѣло взялъ ея руку и поднесъ къ губамъ.

— Дорогая... какъ мнѣ хорошо всегда у васъ... съ вами...

Пальцы ея дрожали. Съ пылающимъ на лицѣ румянцемъ она попробовала высвободить руку, но онъ еще крѣпче сжалъ ея пальцы. Она тихо, безсильно опустилась на стулъ и свободной рукой закрыла лицо.

Нѣсколько секундъ онъ молча смотрѣлъ на дѣвушку, и торжествующая усмѣшка раскрыла его губы.

Онъ не былъ въ нее влюбленъ, нѣтъ!.. Она даже никогда не волновала его своей близостью. Отъ природы онъ вообще влюбчивъ не былъ. Въ концертахъ, еще будучи ученикомъ консерваторіи, онъ любовался розовыми, юными барышнями-аристократками. Онѣ строили ему глазки изъ первыхъ рядовъ креселъ, когда онъ появлялся на эстрадѣ, всегда готовыя завести невинный романъ съ артистомъ — «человѣкомъ въ модѣ»... Онъ мечталъ о любви такой дѣвушки — изящной, нѣжной, незнакомой съ лишеніями и горемъ... Съ нимъ знакомились и курсистки; эти взапуски со студентами апплодировали его игрѣ и говорили съ нимъ умышленно фамильярнымъ тономъ, чтобъ не допустить его смотрѣть на нихъ сверху внизъ только потому, что онъ — не «человѣкъ толпы». Все это скоро приглядѣлось Васильеву и не льстило ему.

Здѣсь передъ нимъ былъ новый типъ. Анна Николаевна была старшей учительницей въ городской школѣ. Она мало говорила о себѣ, не сыпала трескуче-эффектными фразами, но была серьезной работницей. Стороной онъ узналъ, что при жизни матери она зарабатывала на однихъ урокахъ до ста рублей въ мѣсяцъ. Изъ ея признаній онъ догадался, что въ молодости она не имѣла увлеченій; но и безъ ея признаній онъ зналъ, что эта спокойная съ виду дѣвушка любитъ его безумно.

Пусть она не хорошенькая и даже не первой молодости!.. Что до того? Она нужна ему... О такой именно любви—мучительной, беззавѣтной—онъ мечталъ давно, какъ другіе мечтаютъ о повышеніи, о дорогой обстановкѣ, о выигрышѣ двухсотъ тысячъ... Спокойно и тепло будетъ ему житься съ такой женой. Такая женщина любитъ разъ въ жизни. И страдая, и разочаровываясь даже, она остается вѣрна тому, за кѣмъ пошла... Неизбалованная поклонниками, она оцѣнитъ счастье, улыбнувшееся ей такъ поздно, и будетъ снизу вверхъ глядѣть на человѣка, избравшаго ее подругой... О! Иныхъ отношеній къ себѣ онъ не допускалъ ни въ любви, ни въ дружбѣ... Не потому ли до сихъ поръ онъ не имѣлъ друзей и никому не внушилъ искренней страсти?

Онъ давно надумалъ сдѣлать предложеніе и сегодня рѣшилъ объясниться. Близость этой рѣшительной минуты не страшила его. Выборъ его хорошъ. Анна Николаевна не стѣснитъ свободы его, не помѣшаетъ росту его таланта. Она стушуется въ его жизни, спрячется въ тѣни его огромной славы, какъ стушевывается теперь, аккомпанируя ему, вся поглощенная движеніемъ его смычка. Онъ не чувствовалъ потребности самому любить безумно, жить чужой жизнью, нести жертвы, забывать о себѣ... Къ чему? Позволять любить себя... О! это гораздо удобнѣе и легче!..

Поздній часъ, хмель, бросившійся ему въ голову отъ выпитой рюмки, послѣ цѣлаго дня занятій; переходъ отъ этой прекрасной, синей—но очень холодной все-таки—ночи къ уютной, теплой комнатѣ, раздражающій запахъ закусокъ,—всѣ эти предусмотрѣнныя мелочи разнѣжили Васильева. Теплота разливалась по его жиламъ и самая душа какъ бы согрѣвалась. И въ ту минуту, когда у дѣвушки голова кружилась отъ счастья, онъ глядѣлъ на нее и снисходительно думалъ: «А, вѣдь... ничего себѣ—очень мила»...

II.

Кухарка Анисья нарушила очарованье.

— Осетрину сейчасъ подавать, что ли?

Анна Николаевна очнулась.

— Да, конечно... Неси скорѣй...

И подвинула къ Васильеву блюдо съ котлетами.

— Кушайте, Николай Модестовичъ, пока горячи...

Онъ началъ ѣсть съ завиднымъ аппетитомъ, какъ уставшій и проголодавшійся человѣкъ.

— Ну, что у васъ новенькаго?—полюбопытствовалъ Васильевъ.

— Ахъ, есть новенькое... И очень даже хорошее... Къ намъ назначена женщина-врачъ... Ныньче была у насъ...

— Поздравляю!—иронически усмѣхнулся Васильевъ.—Ну, и вы счастливы теперь?

— Н-нѣтъ... Я, видите ли, совсѣмъ другого ждала... Хотя, конечно, и это хорошо, что врачъ при школѣ есть...

— Въ чемъ же дѣло?

— Я думала, что у насъ хоть небольшая да своя аптечка будетъ... потому что вы знаете средства этихъ дѣвочекъ... Докторъ пропишетъ капли или порошки на тридцать-сорокъ копѣекъ... А откуда она возьметъ эти деньги? Или вотъ малокровнымъ желѣзо велитъ принимать, молоко... «Надо—говоритъ—мяса ѣсть побольше»... Я тутъ стояла рядомъ, не могу смолчать. — «У нихъ

мясо въ двунадесятые праздники не всегда найдется»,—говорю. «Она мѣсяца три—говорю—въ школу не ходила, потому что башмаки износила, а на другіе денегъ не было»...

— Ну, и что же она?

— Ну, что же? Только плечами пожимаетъ... Что же она сама тутъ можетъ? Ей вмѣнили въ обязанность слѣдить за гигіеническими условіями школы... Это разъ-то въ недѣлю!.. Внѣ школы дѣятельность ея кончается. А если на дому заболѣетъ дѣвочка? Тогда что? Наконецъ, это прекрасно — предупреждать развитіе хроническихъ болѣзней. А если онѣ уже развились? Вотъ золотушной нынче рыбій жиръ прописала. Вѣдь, это насмѣшка,—вы знаете, чего онъ стоитъ?

— Я же вамъ говорилъ: у насъ всегда такъ, вполовину дѣлается,—усмѣхнулся Васильевъ, заканчивая вторую котлету.

— Да, но, вѣдь, я и не разсчитываю, что на этомъ остановятся. Будемъ хлопотать объ аптечкѣ. Да и вообще надо взглянуть шире на этотъ вопросъ народной гигіены... Изъ двадцатичетырехъ часовъ—шесть только дѣти проводятъ въ школѣ. Гдѣ же тутъ смыслъ ограничивать дѣятельность врача школой? Нѣтъ, знаете ли, — пока не оздоровятъ помѣщеній, гдѣ тѣснится эта бѣднота, пока у дѣтей хорошаго питанія не будетъ,—вся эта школьная гигіена одними милыми словами останется...

— Многаго хотите, Анна Николаевна... У насъ не только среди народа,—у насъ даже въ средѣ интеллигенціи не распространены гигіеническія познанія... Если даже заграницей не доросли до пониманія всего значенія профилактики — чего вы требуете отъ насъ?..

Онъ сухо разсмѣялся. Изъ груди Анны Николаевны вырвался глубокій вздохъ.

— А наша интеллигентная молодежь? Въ какихъ условіяхъ она живетъ?

И онъ заговорилъ о своей жизни въ нумерахъ.

Что за отвратительный столъ! Какъ не нажить катарра желудка и малокровія? Да и вообще эти гостинницы... Вотъ, недавно одинъ въ тифѣ лежалъ рядомъ съ нумеромъ Васильева. Хорошо, что онъ узналъ рано и поспѣшилъ перебраться въ другой этажъ... (Анна Николаевна подняла голову и стала вслушиваться). А пріятна эта суматоха? Да, наконецъ, чѣмъ онъ гарантированъ, что рядомъ кто-нибудь въ оспѣ не сляжетъ?.. А ничего онъ такъ не боится, какъ болѣзни... Цѣлый день грохотъ... галдятъ даже за полночь... въ одномъ углу визжитъ невозможная скрипка, въ другомъ—на рояли двадцать разъ одну и ту же гамму играютъ и все съ

тѣми же ошибками... Просто въ бѣшенство придти можно!.. У него, положимъ, въ комнатѣ всегда чистота. Онъ совсѣмъ не можетъ работать при безпорядкѣ. Но сколько приходится переплачивать прислугѣ, чтобъ хлама въ нумерѣ не было. Да и вообще тамъ трудно работать. Товарищи поминутно врываются, наслѣдятъ грязными сапогами на полу, разбросаютъ окурки... денегъ выпрашиваютъ... безъ отдачи, конечно... Не хотятъ понять, что одному побыть хочется послѣ цѣлаго дня работы, или въ праздникъ, когда свободенъ, наконецъ...

Анна Николаевна слушала, облокотясь на столъ и опершись подбородкомъ на скрещенные пальцы рукъ. Чашка ея стыла, забытая, въ сторонѣ.

— Отчего-жъ бы вамъ не нанять квартиру?

— Пробовалъ... Но, во-первыхъ, кухарки эти балуются, когда хозяевъ цѣлыми днями дома нѣтъ... Въ хорошей мебели заводятъ моль... Въ кухню назовутъ родственниковъ... вѣчное чаепитіе... Хорошо, какъ не обворуютъ еще!.. Пріѣдешь,— обѣдъ не готовъ, либо жаркое перегорѣло... Дрова жгутъ безъ жалости... А ужъ на провизіи наживаются самымъ безбожнымъ образомъ... Я самъ на рынокъ ходилъ...

— Вы!?

— Да, я... Ну что же тутъ удивительнаго? Неужели вы-то сами никогда не ходите на рынокъ?

— Никогда... Да у насъ тутъ и нѣтъ рынка...

— Лавки есть же... Все равно... Помилуйте! Эти кухарки, мало того, что цѣнъ не знаютъ... онѣ бѣлужины отъ осетрины не отличатъ... И самыя честныя изъ нихъ,—если только есть такія,— никуда, какъ хозяйки, не годятся...

Анна Николаевна смущенно затеребила бахрому скатерти. Густая краска залила ея лицо. Она тоже не умѣла отличить бѣлужины отъ осетрины...

— И хорошо еще, если не пьяницы... Долго ли домъ поджечь съ пьяныхъ глазъ? Вотъ я разъ пріѣхалъ съ урока часомъ раньше... Почувствовалъ себя плохо что-то... Да и плясалъ больше часа у воротъ, поджидая кухарку... Она, видите-ли-съ, письмо получила, что у нея тамъ кто-то умираетъ въ больницѣ, — и помчалась... А квартиру заперла... Разсчитывала, будто бы, къ сроку вернуться, да запоздала...

— И что же?

Анна Николаевна впилась глазами въ собесѣдника.

— Ну, конечно, прогналъ... Сейчасъ же разсчетъ... Развѣ такія безобразія можно терпѣть?.. Пари держу, что съ пріятелемъ

въ трактирѣ сидѣла... Вотъ съ тѣхъ поръ и живу въ нумерахъ... Хоть отъ прислуги не зависишь... Нѣтъ... Жениться надо, вотъ что!..

Это вышло такъ неожиданно, что Анна Николаевна даже не поняла.

— Почему жениться?

Онъ поглядѣлъ на нее съ минуту, и довольная усмѣшка мелькнула на его лицѣ. Онъ часто думалъ о томъ, какъ откроетъ свои планы Аннѣ Николаевнѣ, и всегда представлялъ себѣ ея лицо вотъ именно такимъ—растеряннымъ, почти страдальческимъ...

— Пора, Анна Николаевна... Во всѣхъ отношеніяхъ пора... Надоѣло быть богемой безъ угла и семьи.

Но она уже не слушала... Она такъ глубоко задумалась, что отвѣтъ его для нея пропалъ.

— А славно она готовитъ, право! Вы сколько ей платите?

Анна Николаевна растерянно взглянула на блюдо, какъ бы желая сосредоточиться.

— Отъ себя пять... Школа платитъ три...

— Ничего... Жалованье хорошее... Только почему же это у васъ самоваръ такъ запущенъ?.. И вотъ шишечку отбили?

Она удивленно подняла глаза. Дѣйствительно, и самоваръ грязенъ, и шишечки нѣтъ... Только почему она сама этого не замѣчала?

Краска на мгновеніе прилила къ ея щекамъ и тотчасъ сбѣжала.

— Не хозяйка я, Николай Модестовичъ,—не то печально, не то насмѣшливо отвѣтила она.—Да и Анисьѣ дѣла много.

— Она у васъ запиваетъ, кажется...—вскользь бросилъ Николай Модестовичъ, глядя на свѣтъ вино и наливая въ рюмку, которую предварительно вытеръ салфеткой. Она и этого не замѣтила.

— Да, случается...

— Охота жъ вамъ держать ее!.. На это жалованье...

Анна Николаевна подняла голову. Брови ея хмурились.

— Она отличный человѣкъ — моя Анисья... А пьетъ она съ горя... Тамъ у нихъ семейная драма разыгралась... Мужъ по болѣзни ушелъ съ мѣста... Кондукторомъ былъ при конной дорогѣ и ноги простудилъ... А вы понимаете, что̀ для нихъ значитъ лишиться тридцати рублей въ мѣсяцъ?.. Дочь же во всѣ тяжкія пустилась.. Не всякій день, и не со всѣми такія несчастія случаются... Трудно, конечно, и удержать Анисью отъ пьянства...

Онъ пилъ вино, не подымая глазъ.

— А гдѣ же мужъ ея теперь? въ больницѣ?

— Нѣтъ, у меня на кухнѣ...

— Какъ? при ней?..

Анна Николаевна молчала съ полминуты, сощурившись на оскорбленное лицо гостя и не скрывая насмѣшки.

— Да, на моемъ иждивеніи... Вамъ это удивительнымъ кажется?

— Д-да, признаться сказать... Вѣдь, вы... вы такъ мало сами получаете...

— На меня хватаетъ...

— Да... гм... только, знаете ли, дорогая Анна Николаевна, это ужъ совсѣмъ неразсчетливо... А главное, это не оцѣнится...

— Я вовсе и не гонюсь за оцѣнкой...

На этотъ разъ онъ ужъ совсѣмъ нетерпѣливо передернулъ плечами. И какая муха ее вдругъ укусила? Терпѣть онъ не можетъ у нея этого тона и лица!

Дверь распахнулась. Анисья внесла осетрину подъ краснымъ соусомъ. Блюдо было одного цвѣта, соусникъ—другого и притомъ безъ ручки. Васильевъ внимательно посмотрѣлъ на эту половину ручки, и на этотъ разъ Анна Николаевна подмѣтила его взглядъ.

— Извините,—заговорила она, стараясь казаться добродушнѣе,—у меня сервировки нѣтъ...

— Изъ принципа?—пошутилъ онъ.—А вотъ вино хорошо. Гдѣ берете?

— Право, не знаю... Анисья, ты гдѣ брала?.. Нѣтъ, и вовсе не изъ принципа, а просто потому, что нѣтъ денегъ купить сервизъ...

— «А кормить и лѣчить Анисьина мужа есть деньги...»—пронеслось въ головѣ скрипача.

— Да и право, какъ-то, никогда я этого не замѣчала... Мнѣ бы, съ моими запросами, студентомъ быть...

Она увидала тутъ свою чашку и жадно стала пить остывшій чай.

— И очень напрасно, Анна Николаевна. Женщина прежде всего должна быть *женщиной*.

— То-есть?

Она поставила чашку опять на столъ, чувствуя, что теперь уже ни глотка не сдѣлаетъ... Для нея,—она это сознавала,—эти пустые съ виду разговоры, какъ и весь этотъ вечеръ, будутъ имѣть рѣшающее значеніе.

— Ахъ, Боже мой! Вы меня какъ будто не понимаете... Намъ нужны женщины, а не дѣльцы, работники... Положите мнѣ, пожалуйста, рыбы...

Глаза ея блеснули.

— Я думаю, Николай Модестовичъ, что женщина прежде всего должна *человѣкомъ* быть, настоящимъ человѣкомъ, и чувствующимъ, и мыслящимъ, какъ развитое существо...

Онъ брезгливо поморщился, и видя, что она не замѣчаетъ его протянутой руки съ тарелкой, самъ подвинулъ себѣ блюдо и началъ старательно класть рыбу, очевидно, опасаясь брызнуть на чистую скатерть.

— Всѣ эти фразы, разсужденія о женскомъ вопросѣ, и т. п. хороши для старыхъ дѣвъ и для насъ, пока мы холосты. Когда же мы женимся, намъ пріятно, чтобъ жена прежде всего была хозяйкой и блюла интересы нашего кармана... Кстати, почему ей не удался этотъ соусъ сегодня? Вотъ въ четвергъ на той недѣлѣ она великолѣпно его приготовила... Вы сами умѣете его дѣлать, Анна Николаевна?

— Представьте, Николай Модестовичъ, не умѣю!.. Ничего не умѣю... Ни соусовъ дѣлать, ни рыбу покупать, ни зандкухеновъ печь... ничего!.. Хорошо, что никому не придетъ блажная мысль на мнѣ жениться...

Она расхохоталась истеричнымъ, отрывистымъ смѣхомъ.

Онъ зорко поглядѣлъ на дѣвушку. Что съ ней сегодня? Ахъ да!.. догадался онъ вдругъ. Бѣдняжка! Она думаетъ, что онъ собирается жениться на другой, и ревнуетъ... А какъ она мила съ этимъ непривычнымъ румянцемъ, въ такомъ возбужденіи!

— Да, а не мѣшало бы вамъ у Анисьи поучиться зандкухены дѣлать, — пошутилъ онъ, но тонъ все-таки вышелъ внушительный.—Она у васъ мастерица...

Но она перебила его съ тѣмъ же блескомъ въ глазахъ.

— Ахъ, кстати... Вы такъ и не узнали, дѣйствительно, у нея умиралъ кто-нибудь, или это просто выдумка была?

Онъ широко раскрылъ глаза.

— Кто умиралъ? Гдѣ?

— Ахъ, да вотъ у вашей кухарки!..—раздражительно повысила она голосъ.

Васильевъ невольно расхохотался.

— Какая вы чудачка!.. Нашли о чемъ спрашивать!.. Я-то почемъ знаю? Ѣздилъ я, что-ли, справляться?

— А почему жъ бы и нѣтъ?...—горячо вырвалось у Анны Николаевны.—А если вправду у нея кто-нибудь умиралъ, а вы выгнали ее въ эти минуты?

Смѣхъ исчезъ съ лица Васильева и въ глазахъ мелькнула злоба.

— Къ сожалѣнію, Анна Николаевна, я не сообразилъ такого

важнаго обстоятельства... Я вернулся съ урока уставшій, голодный и почти больной... и зябъ подъ воротами... Мнѣ не приходило въ голову,—продолжалъ онъ еще внушительнѣе и ядовито,—что заботиться о себѣ преступно... Я привыкъ видѣть отъ этихъ людей недобросовѣстное отношеніе къ ихъ обязанностямъ и ложь на каждомъ шагу... И такъ именно я понялъ эту выходку ея... А если и вправду у нея кто-нибудь умиралъ или умеръ,—опять-таки *я* тутъ не при чемъ... Мнѣ нужны обѣдъ во-время, покой во-время, потому-что нужны силы и здоровье... И, извините, Анна Николаевна, если я позволю себѣ думать, что моя жизнь нужна другимъ,—нужна обществу, а я рисковалъ схватить простуду, и слечь... и умереть, наконецъ... Все бываетъ...

— О, да, конечно!.. Искусство выше всего...

Въ тонѣ ея на этотъ разъ слышалось столько желчи, что у Николая Модестовича вдругъ аппетитъ пропалъ. Онъ не привыкъ слушать оскорбительные отзывы о значеніи искусства и уклонялся отъ подобныхъ споровъ. Отъ Анны Николаевны всѣхъ менѣе согласился бы онъ выслушать, что есть въ жизни что-нибудь важнѣе искусства.

Онъ отодвинулъ тарелку и помолчалъ, стараясь сдержать овладѣвшее имъ раздраженіе.

— Вы, конечно, это серьезно сказали объ искусствѣ?—освѣдомился онъ, понизивъ голосъ.

— Нѣтъ-съ, Николай Модестовичъ... съ ироніей сказала, представьте!... Для меня есть въ жизни кое-что выше и завѣтнѣе искусства...

Она смотрѣла ему въ лицо прямо, дерзко, словно бросая вызовъ...

Онъ удивленно раскрылъ красивые глаза и губы его задергало чуть замѣтной судорогой волненія.

— Выше? Напримѣръ?

— Ахъ! Да что объ этомъ говорить! Вы, все равно, со мной не согласитесь...

Она шумно встала и прошлась по комнатѣ.

— Гм... Вы прежде такъ не выражались...

— Это чего? Объ искусствѣ-то? Не приходилось, Николай Модестовичъ... Мы, вѣдь, съ вами вообще «умныхъ» разговоровъ никогда не водили... Вы—мастеръ отъ нихъ отдѣлываться,—нервно усмѣхнулась она, но улыбка тотчасъ сбѣжала съ губъ,—но я никогда не думала иначе... И, конечно, теперь не измѣню своихъ взглядовъ... Поздно! Я уже не молоденькая...

«Дуритъ...—рѣшилъ Васильевъ, успокоиваясь.—Однако, я вижу, ни одна баба отъ блажи не застрахована»...

Видя, что хозяйка не обращаетъ на него вниманія, Васильевъ самъ подлилъ себѣ кипятку въ остывшій чай, подвинулъ къ себѣ корзину съ зандкухенами, втянулъ ихъ вкусный запахъ и съ удовольствіемъ принялся за чай.

III.

На рояли Анна Николаевна увидала футляръ со скрипкой и остановилась. Взглядъ ея смягчился.

— Вы привезли съ собой что-нибудь?—черезъ комнату спросила она, не оборачиваясь.

— Да,—забормоталъ онъ, съ полнымъ ртомъ.

— Тамъ, въ карманѣ шубы прелестная вещица... Не хотите ли разобрать? Я готовлю ее къ будущему концерту...

— Нѣтъ... Потомъ, потомъ... когда уберутъ со стола, и мы останемся вдвоемъ, безъ помѣхи...

Она опять нервно заходила по комнатѣ, вытягивая пальцы рукъ.

Онъ слѣдилъ за ней глазами.

— Анна Николаевна, почему вы нынче не въ духѣ?

Она не отвѣчала... Казалось, она и не слышала, поглощенная борьбой, которая шла въ ея душѣ.

Когда она проходила мимо, Васильевъ опять окликнулъ ее и пододвинулъ ей стулъ.

— Присядьте, Анна Николаевна... Я, вѣдь, не для того сюда тащился на ночь глядя, чтобъ пріятно помолчать... Мнѣ поговорить съ вами нужно по душѣ...

«Начинается... Я это предчувствовала»...

Она замѣтно поблѣднѣла, но покорно подошла и тихо опустилась на стулъ.

Васильевъ тщательно вытеръ салфеткой свои яркія губы, стряхнулъ съ бороды крошки и съ блескомъ насытившагося, удовлетвореннаго чувства въ глазахъ, подвинулся къ хозяйкѣ и взялъ ея руку.

— Постойте... Ну, зачѣмъ же вы руку выдергиваете? Сидите смирно, вотъ такъ, и слушайте: я очень скучаю, дорогая Анна Николаевна... Жизнь въ нумерахъ положительно опостылѣла мнѣ... Напрасно думаютъ, что эта цыганщина по душѣ артисту. Меня все это угнетаетъ... Надо нанять квартиру, обзавестись хозяйствомъ съизнова и—вы слушаете меня, Анна Николаевна?

— Да, продолжайте...

— И ввести въ домъ хозяйку... Жениться надо...

Онъ стиснулъ крѣпко ея руку и заглянулъ ей въ глаза. Она отвернулась, но лицо ея какъ бы застыло.

— Ну, что жъ? Съ Богомъ!

— Вы одобряете?

— Конечно...

Она сказала это безстрастно съ виду, и надо было имѣть очень музыкальное ухо, чтобъ уловить горечь въ ея тонѣ.

У него было музыкальное ухо.

— Видите ли, Анна Николаевна, мы, артисты, вообще не долговѣчны... Но губятъ насъ не столько труды, расшатывающіе нервную систему, и всѣ эти волненія, сопряженныя съ появленіемъ на сценѣ и эстрадѣ, передъ судомъ публики (между нами говоря, понимающей весьма мало), сколько безпорядочный образъ жизни, отсутствіе осѣдлости, колеи... и всѣ эти эксцессы... Толпа воображаетъ, что всевозможные кутежи и оргіи необходимы намъ, какъ воздухъ... Вздоръ!.. Они только разрушаютъ здоровье и губятъ талантъ... Намъ, артистамъ (онъ чуть-чуть не обмолвился «великимъ людямъ») положительно также необходимо жениться, какъ и простымъ смертнымъ...

Онъ помолчалъ, выжидая, какое впечатлѣніе произведетъ его рѣчь; но Анна Николаевна даже глазъ не подняла, и рука ея все также безстрастно лежала въ его теплой ладони.

— Теперь перейдемъ къ частностямъ. Я—человѣкъ, какъ вы знаете, обезпеченный... Моего заработка хватитъ на то, чтобъ содержать жену прилично... Приданаго я не ищу.,. Оно какъ-то лучше, видите ли, чтобъ мужъ не зависѣлъ отъ жены...

— А еще лучше, конечно, чтобъ жена всѣмъ была обязана мужу?—рѣзко подхватила дѣвушка и на этотъ разъ вырвала свои пальцы изъ его руки.

Онъ прямо поглядѣлъ ей въ глаза, съ упорнымъ выраженіемъ человѣка, не привыкшаго идти на компромиссы.

— Да, такъ лучше... Потомъ, я не возьму молодой дѣвушки, лѣтъ двадцати... У нихъ вѣтеръ въ головѣ... Мнѣ нужна серьезная особа, которой я могу ввѣрить мое счастье, и не раскаяться въ выборѣ... Всѣ эти ссоры, бури, сомнѣнія въ чувствѣ вредятъ и здоровью, и работѣ... Мнѣ нужно глубокое чувство...

— И глубокое знаніе кулинарнаго искусства...

— И это, конечно... *Это* даже обязательно,—подчеркнулъ онъ, не смущаясь ея ѣдкимъ тономъ.—Жена должна быть хозяйкой. Я признаю, какъ видите, раздѣленіе труда... Весь домъ остается на рукахъ жены, когда мужъ уходитъ на заработокъ. Мы, мужья, особенно мужья-артисты, не должны спускаться до будничныхъ сторонъ жизни... Это—женское дѣло... Настоящій женскій вопросъ,—пошутилъ онъ.—А научиться всему можно... Была бы охота...

И онъ выразительно посмотрѣлъ ей въ глаза.

— Далѣе: моя жена должна быть музыкальна...

Она вдругъ закрыла лицо руками и истерически захохотала.

— Что съ вами?

— Ничего... ничего... ха!.. ха!.. ха!

Она на мгновеніе открыла лицо, и ему показалось, что глаза ея влажны.

— Продолжайте... это такъ любопытно!.. ха... ха!.. ха!

— Но я не понимаю, право... — началъ Васильевъ, видимо оскорбленный этой неумѣстной веселостью.

— Совсѣмъ по рецепту: столько-то гранъ того-то, столько-то другого... а главное... съ такимъ апломбомъ... ха!.. ха!.. ха!

Смѣхъ ея сорвался разомъ.

Васильевъ пристально поглядѣлъ въ ея какъ бы потухшіе глаза, и ему стало жаль ея... «Ревнуетъ, бѣдняжечка!.. не подозрѣваетъ, чѣмъ кончитъ онъ свое признанье»...

— Васъ, стало быть, удивляетъ моя разсудительность?.. Но, вѣдь, бракъ, Анна Николаевна, дѣло не шуточное... Вы позволите закурить?.. Я, видите ли-съ, все обдумалъ... Правда, многіе женятся, очертя голову, въ чаду увлеченія... И каются потомъ всю жизнь... Темпераментъ, что ли, у меня спокойный,—не знаю... Но на такую слѣпую страсть я не способенъ...

— Счастливый человѣкъ!..—съ страстной горечью вырвалась у нея.

— Я женюсь сознательно... Съ своей стороны я приношу избранной мною дѣвушкѣ имя, которое, надѣюсь, будетъ знаменитымъ, несомнѣнно обезпеченное положеніе, не растраченныя силы тѣла и души... сердце, наконецъ, готовое привязаться прочно... Надѣюсь, не мало... (Онъ съ наслажденьемъ затянулся)... Смѣю думать, что мнѣ позволительно заявлять мои требованія...

— Дальше... нервно торопила Анна Николаевна, опять принимаясь за бахраму скатерти.

— Я продолжаю: знаете-ли, Анна Николаевна, кто чаще всего губитъ нашихъ великихъ людей?.. Нашихъ артистовъ? Ихъ жены... Да, это такъ... Эти дюжинныя натуры не умѣютъ цѣнить счастья, которое имъ выпадаетъ на долю... Онѣ не раздѣляютъ стремленій своихъ мужей, не понимаютъ ихъ потребностей... ну, словомъ, не умѣютъ подняться до нихъ... Я въ такую ошибку не впаду...

— Ваша жена тоже будетъ великой женщиной?

— Шутки въ сторону!.. Моя жена будетъ любить мое искусство и будетъ вѣрно служить ему... Дѣтей у насъ не будетъ... Я, по крайней мѣрѣ, рѣшительно противъ дѣтей...

Все лицо Анны Николаевны дрогнуло. Глаза сверкнули ненавистью. Одну минуту, казалось, она броситъ ему въ лицо страшное, оскорбительное слово, но она сдержалась и отвернулась, негодующая.

Онъ не глядѣлъ на нее, и вся эта смѣна чувствъ, отразившаяся въ ея подвижномъ лицѣ, прошла для него безслѣдно.

— Дѣти—вообще помѣха, обуза... а для талантливаго артиста и композитора, въ особенности... Скажу вамъ откровенно: я поставленъ въ самое дурацкое положеніе... Ивановъ—вы знаете моего аккомпаніатора?—онъ играетъ со мной отвратительныя штуки...

— Это онъ былъ съ вами въ концертѣ тогда? Прекрасный піанистъ...

— Еще бы!.. Кончилъ въ консерваторіи... Человѣкъ несомнѣнно... не талантливый, положимъ, но способный несомнѣнно... И при этомъ очень недобросовѣстный человѣкъ... Что онъ прекрасно аккомпанируетъ, я съ этимъ не согласенъ... Вы играете лучше...

— Ахъ, перестаньте!..

— Вы играете лучше, говорю вамъ!.. Конечно, концертъ *Beriot*, напримѣръ, вы не исполните, какъ онъ... Но вѣдь такія блестящія вещи скрипачъ обыкновенно играетъ съ оркестромъ... А вотъ всѣ эти легкодоступныя для публики вещицы, какъ *Mazurka* и *Легенда* Венявскаго, *Элегія* Эрнста, напримѣръ,—о! я никогда не сравню съ вашей игрой... Ивановъ все не хочетъ забыть, что онъ былъ когда-то моимъ товарищемъ по консерваторіи, и мечталъ міръ удивитъ, какъ всѣ они... Онъ и тутъ все стремится удивить, оглушить слушателя, внести свою индивидуальность, такъ сказать, въ аккомпаниментъ... ну, словомъ, совсѣмъ выступаетъ изъ намѣченныхъ для него границъ... Онъ забываетъ, что служитъ у меня по найму... И замѣтьте, я плачу ему дорого... А главное,—манкируетъ...

— Хвораетъ, можетъ быть?..

Анна Николаевна теперь такъ и впилась глазами въ собесѣдника.

— Немудрено! Запоемъ пьетъ... А тутъ еще жениться надумалъ...

— Что жъ? Можетъ быть, это излѣчитъ его...

— Полноте!.. Развѣ такіе люди смѣютъ жениться? Нищій!.. Чѣмъ онъ жену содержать будетъ?..

— Вы сбиваетесь, Николай Модестовичъ... Жена—не содержанка... Она сама заработаетъ...

— Ахъ! Вздоръ... Все это фразы... И эдакое самомнѣнье!.. Вѣдь онъ черезъ свой запой всѣ уроки потерялъ... И потомъ, это такъ неудобно... Женатый помощникъ — какой же работникъ!

Будетъ только о семьѣ думать... весь зависѣть отъ здоровья жены и дѣтей... къ дѣлу относиться станетъ уже въ конецъ небрежно... Концертировать при такихъ условіяхъ мнѣ совсѣмъ немыслимо...

— Еще бы!.. Какъ жаль, что не выдумали машины, способной и тутъ замѣнить человѣка!.. Эта не взбунтуется, и жениться не вздумаетъ... И правъ человѣка за собой не сознаетъ...

— Вы нынче удивительно раздражительны, Анна Николаевна... Но согласитесь: вѣдь имѣю же я право и о собственныхъ интересахъ позаботиться... Мнѣ съ Ивановымъ не ужиться... Это конченный человѣкъ... Мы надняхъ крупно съ нимъ поговорили... Но пока—я вынужденъ его держаться... Замѣнить его еще некѣмъ... Онъ сознаетъ это и позволяетъ себѣ непростительныя дерзости... Все это такъ заботитъ меня, что я даже работать не могу. Моя соната для скрипки и рояля остановилась вотъ ужъ съ мѣсяцъ, словно замерзла... ни звука не могу выжать больше...

Съ усталымъ видомъ онъ провелъ своей бѣлой рукой по лицу и кудрямъ.

Съ минуту Анна Николаевна глядѣла на него съ тоской и отчаяніемъ.

«Ахъ, зачѣмъ ты такъ красивъ? Зачѣмъ?»—говорилъ этотъ мучительный взглядъ.

— Вотъ почему я еще болѣе пришелъ къ убѣжденію, что моя жена не можетъ не быть піанисткой, и, замѣтьте, притомъ развитой піанисткой... Съ ея помощью я смѣло обойдусь безъ Ивановыхъ и tutti quanti... Я, если захочу, могу безпрерывно концертировать... и, когда отъ меня удалятъ всѣ житейскія дрязги,—я буду писать...

Анна Николаевна горько разсмѣялась.

— Бѣдный Ивановъ!.. Невольно просится на сравненіе съ вами... Какая разница! Для него жена—непростительная роскошь, для васъ, дѣйствительно,—предметъ необходимости... И дешевый, между прочимъ, предметъ!.. Она и нянька ваша, и экономка, она же и аккомпаніаторъ... Какой вы практичный человѣкъ, Николай Модестовичъ!..—Въ лицѣ ея не было ни кровинки, губы дергались...

«Она сейчасъ заплачетъ»,—вдругъ понялъ онъ, и бросилъ докуренную папиросу... «Пора объясниться»...

Онъ всталъ и насильно взялъ ея руку.

— Анна Николаевна... Аня...

Она вздрогнула и быстро отшатнулась.

— Нѣтъ! Нѣтъ... Молчите!.. Молчите, прошу васъ!.. Я ничего больше не могу слышать... Звуковъ дайте!. звуковъ...

Она пошла къ рояли. Васильевъ двинулся за ней.

— Знаете, Анна Николаевна? Бросьте вы эту школу! Серьезно совѣтую... Вы посмотрите на себя... У васъ каждый нервъ ходитъ... Гдѣ та спокойная, кроткая, разсудительная дѣвушка, которую я зналъ годъ тому назадъ? Теперь я не узнаю васъ...

— Молчите, ради Бога!.. Вы и такъ измучили меня... Дайте мнѣ опомниться!.. Дайте успокоиться!..

Въ голосѣ ея звенѣли слезы. Она низко наклонилась надъ футляромъ и открыла его. Дорогая скрипка была укутана въ атласную блѣдно-голубую покрышку, подбитую лебяжьимъ пухомъ. Весь футляръ съ этимъ атласомъ былъ ея собственнымъ подаркомъ.

Безсознательно, гладя рукой скрипку, какъ ласкаютъ красивое дитя, дѣвушка поднесла ее къ губамъ.

Какъ ни былъ хладнокровенъ Васильевъ, но такое наивное, полное граціи, трогательное выраженіе любви потрясло его...

Онъ взялъ дѣвушку за талію. Она вдругъ опомнилась.

— Берите скрипку... Давайте играть!..

— Нѣтъ, Аня, постойте минуту... Мнѣ можно такъ называть васъ? Будьте откровенны... Скажите, что съ вами?

Онъ былъ такъ тщеславенъ, что даже въ эту минуту ждалъ отъ нея перваго шага... Какъ гастрономъ откладываетъ лакомый кусочекъ на закуску, такъ онъ оттягивалъ моментъ своего торжества.

Онъ загородилъ ей дорогу, стоя съ протянутыми къ ней руками, такъ что она прижалась къ рояли и съ какимъ-то отчаяніемъ взглянула ему въ лицо.

— Я школы не оставлю... Слышите-ли? Я не оставлю ее...

Съ минуту они глядѣли другъ другу въ глаза. Онъ понялъ, что она разгадала его намѣренія, и ему стало нестерпимо досадно, что все это вышло такъ просто, неэффектно... Ея поведеніе ошеломило его.

— Вы губите ваше здоровье,—нашелся онъ только сказать,

— Пусть! Это дѣло мое...

Руки его опустились...

— Какая экзальтація! Да кто вамъ спасибо скажетъ?—грубо вырвалось у него.

— Почемъ знать? Можетъ быть, многіе скажутъ сердечное спасибо... Ахъ, да не въ этомъ дѣло!.. Школа для меня—все, поймите!.. Другой семьи у меня нѣтъ и не будетъ... Пусть мое дѣло неприглядное, маленькое, и трудъ мой муравьиный... пусть. Что жъ! Большому кораблю—большое плаваніе!.. Овому талантъ, овому два... (она задыхалась)... но и мы послужимъ честно, на

пользу... другимъ... Мы въ свое дѣло всю душу вложимъ, и безслѣдно оно не исчезнетъ... Ну, а теперь... пойдемте играть...

Она сѣла за рояль.

IV.

Васильевъ молча взялъ скрипку. Лицо его было непривычно-задумчиво, какъ будто онъ хотѣлъ рѣшить трудную загадку. Тѣмъ не менѣе, онъ не придавалъ серьезнаго значенія выходкѣ Анны Николаевны. «Нервничаетъ... Пустяки!.. Не можетъ она собственными руками оттолкнуть отъ себя счастье»... Ему не приходило въ голову, что дѣло его проиграно.

Нѣсколькими привычными аккордами онъ настроилъ скрипку.

— Что играемъ?

— Элегію Эрнста...

— Ахъ, да!..—улыбнулся онъ.—Какъ я не догадался! Начинайте...

Его скрипка запѣла. Закрывъ глаза, можно было думать, что это поетъ голосъ человѣка—глубокій, сильный, хватающій за сердце... Мелодія постепенно ширилась, росла, какъ растетъ въ человѣческой душѣ всеобъемлющее, непобѣдимое чувство, и сколько страстной тоски, сколько страданій, слышалось въ звукахъ!.. Осень... Хмурыя тучи нависли надъ кладбищемъ. Вѣтеръ срываетъ послѣдніе листы съ одинокаго дерева и съ воемъ крутитъ ими въ холодномъ воздухѣ. У могилы стоитъ человѣкъ... Свѣтлыя мечты, радости жизни—все это позади, тамъ же, гдѣ молодость, гдѣ солнце и весна... въ далекомъ прошломъ... Затаенныя силы дрожатъ въ печальныхъ, тихихъ звукахъ... «Къ чему протесты? Къ чему отчаянные вопли?..» ясно говоритъ разсудокъ... Могила не возвращаетъ своихъ мертвецовъ... Надо смириться!.. Здѣсь все тлѣнно, мимолетно... Молись и вѣрь, если можешь, что есть другая жизнь и что возможна встрѣча...

Вдругъ крикъ боли!.. Еще... еще!.. Вопль тоски прорвался... Безумныя рыданія потрясаютъ спящій воздухъ. Сердце не хочетъ, не можетъ помириться съ невозвратимой утратой... Что намъ до загробной встрѣчи, до небеснаго блаженства, когда тутъ, на землѣ, никогда не прильнетъ къ намъ дорогое существо!?.. Когда закрылись навѣки глаза, свѣтившіе звѣздочками въ безрадостныхъ сумеркахъ жизни!?..

Скрипка рыдала подъ искусной рукой. Затаивъ дыханіе, не чувствуя себя, Анна Николаевна трепетными пальцами касалась клавишъ... Она тоже играла наизусть и не сводила потемнѣвшихъ глазъ съ блѣднаго, прекраснаго лица Васильева... Это было лицо артиста... Видно было, что онъ, забылъ гдѣ онъ, съ кѣмъ... Чудные

звуки унесли его въ иной волшебный міръ, не вѣдающій будничныхъ заботъ, мелкихъ огорченій, мелкихъ страстей... О, какъ дорогъ онъ ей въ эти минуты!..

Трудно было вѣрить, что это игра двухъ людей, такъ гармонично сливался аккомпаниментъ съ мелодіей, такъ единодушно замирали въ *fermat'ѣ* звуки рояли и скрипки; такъ дружно ускорялся темпъ, и снова, снова, постепенно переходя въ *diminuendo.*, слабѣли звуки и какъ бы таяли въ нѣжнѣйшемъ *pianissimo*. Она предугадывала всѣ движенія его смычка... она, казалось, видѣла всѣ движенія его сердца...

Мелодія гасла... какъ догорающее пламя... Слезы стихли... Вопли измученной души не нарушаютъ тишины кладбища... Надо уважать вѣчный сонъ, царящій здѣсь... Все кончено... Къ чему протесты?.. Надо смириться... надо молиться и вѣрить... и ждать...

Послѣдніе, умирающіе звуки еще разъ дрогнули, постояли въ воздухѣ и растаяли... Нѣсколько секундъ они оба молчали, оба счастливые, потрясенные и измученные.

Васильевъ очнулся первымъ, подошелъ къ Аннѣ Николаевнѣ и поцѣловалъ ея руку.

V.

Она вздрогнула и далекимъ-далекимъ взглядомъ погладѣла на скрипача.

Онъ поднялъ голову, такъ что лицо его было въ уровень съ ея губами. Ему хотѣлось поцѣловать ихъ.

— Аня, дорогая, какъ вы прекрасно аккомпанируете!

Она отшатнулась, поблѣднѣвъ. Выраженіе его загорѣвшихся глазъ вызвало въ ней отвѣтное волненіе страсти.

— Пустите меня!.. Пустите, говорятъ вамъ!..—Она перешла комнату и сѣла въ мягкія кресла передъ столомъ.

— Сыграйте мнѣ теперь что-нибудь одни... только свое... въ послѣдній разъ...

Она откинулась на спинку креселъ и закрыла лицо руками.

— Хорошо, Аня... Я сыграю вамъ теперь то, что поетъ у меня въ душѣ...

И скрипка заговорила опять... И что за чудныя сказки говорила она! Здѣсь не было уже ни тоски, ни обманутыхъ надеждъ, ни отчаяннаго сознанія своего безсилія передъ нѣмымъ и страшнымъ лицомъ природы... Радость бытія, побѣдный гимнъ счастья... трепетъ поцѣлуя, жаръ любовныхъ рѣчей, соловьиныя трели, грезы въ лѣтнюю ночь... вся весна молодого чувства, и блескъ, и звонкій хохотъ... и—ни одной слезы...

Онъ кончилъ и оглянулся...

Упавъ головой на столъ, она рыдала.

Съ минуту Васильевъ глядѣлъ на дѣвушку, наслаждаясь своей властью надъ чужой душой. Лицо его стало добрѣе, въ глазахъ засвѣтился тотъ мягкій блескъ, который Анна Николаевна была безсильна вызвать до сихъ поръ... Но теперь она этого не видѣла... Поздно!.. Она плакала и сладко, и мучительно, переживая послѣднія грезы—и хороня свою любовь... Это былъ только волшебный сонъ, навѣянный чарами музыки, сонъ, длившійся годъ,—теперь настало пробужденье...

Васильевъ тихо подошелъ и взялъ ее за плечи.

— Милая...

Онъ прильнулъ загорѣвшимися губами къ ея затылку, тамъ, гдѣ вились мелкіе, золотистые волосики.

Дрожь пробѣжала по тѣлу Анны Николаевны. Она открыла лицо, смоченное слезами, и обернулась къ Васильеву. Она была, прекрасна въ эту минуту!.. Изъ глазъ ея бѣжали непокорныя слезы, но глаза сіяли чуднымъ блескомъ счастья,—сіяли, какъ звѣзды...

Она обхватила руками голову Васильева. Невольно онъ опустился на колѣни, прижалъ къ себѣ ея тонкую фигурку и оба они забылись минуту, больше... Она прижала лицо къ его роскошнымъ волосамъ, касалась робко и нѣжно губами его красиваго лба... А онъ съ новымъ для себя чувствомъ нѣжности и страннаго, отраднаго успокоенія пряталъ лицо на груди дѣвушки и слушалъ, какъ тревожно и неровно стучало ея сердце...

Вдругъ она заговорила тихо, словно боясь нарушить очарованіе.

— Спасибо, милый... спасибо вамъ...

Онъ взглянулъ вверхъ на ея губы и глаза его вспыхнули.

Она отодвинулась разомъ.

— Нѣтъ!.. Такъ не надо... Встаньте!.. Отойдите...

Онъ повиновался безсознательно.

— Слушайте меня... Если бъ я умѣла красно говорить, я высказала бы вамъ, какое блаженство дали вы мнѣ вашей игрой!.. И какія муки... Нѣтъ... Довольно!.. Я понимаю, такія минуты не повторяются. Сердца не хватитъ... О, да!.. Вы несомнѣнно прославитесь... Дай вамъ Богъ счастья!.. (Голосъ ея дрогнулъ)... За эти чудныя минуты я прощаю вамъ всѣ страданія, которыя вы заставили меня пережить...

Онъ рванулся къ ней.

— Вы меня любите...

— Нѣтъ!.. Нѣтъ!.. Не подходите... Я не люблю васъ... Зачѣмъ это? Простимся, не краснѣя... друзьями...

— Какой вздоръ!.. Я знаю, вы меня любите... Зачѣмъ прощаться? Развѣ вы ѣдете?

— Да, въ деревню... на время... Окрѣпнуть душой надо... гдѣ-нибудь въ глуши... Я надломилась... Для работы силы нужны...

Онъ заметался по комнатѣ, ероша волосы... Въ эту минуту, когда онъ понялъ, что она ускользаетъ изъ его рукъ, когда впервые онъ разглядѣлъ въ этой дѣвушкѣ и недюжинную волю и еще что-то, непонятное для него, онъ тутъ же почувствовалъ, что не только она нужна ему, но что она страшно дорога ему, и что уступить безъ борьбы онъ не можетъ...

— Аня, это безуміе!.. Поѣзжайте, отдохните... Но вернитесь ко мнѣ уже моей невѣстой... Эту школу бросьте... Живите для меня...

— Нѣтъ...

Онъ кинулся къ дѣвушкѣ и схватилъ ея руки. Она стояла, прислонясь къ стѣнѣ, блѣдная, но уже спокойная. Борьба была кончена въ ея душѣ.

— Но пойми же, ты нужна мнѣ!.. Вѣдь, я люблю тебя!..

— Вы ошибаетесь... Вы любите только себя... И я ошиблась... Я полюбила въ васъ свою мечту... Я талантъ вашъ любила... О, Боже! Какъ можно такъ дивно играть, имѣя такую мелкую душу!.. Нѣтъ!.. Простите... Не сердитесь... Не надо вражды... Я, глупая, мечтала расшевелить—ваше сердце!.. Лучше одиночество — все лучше, чѣмъ такой страшный духовный разладъ!..

Онъ сдѣлалъ порывистое движеніе, но она перебила его:

— Постойте!.. Вы говорили: «живите для меня»... Ни для васъ, ни для кого на свѣтѣ не отрекусь я отъ людей, которымъ нужна... Знаете ли, Васильевъ, зачѣмъ я уѣду?... Не отдыхать—нѣтъ!.. Я уѣду, чтобъ отвыкнуть отъ васъ... чтобъ выплакаться на досугѣ... и постараться васъ... забыть... Я не могу —я не хочу любить, не уважая... А я... я не уважаю васъ...

Весь блѣдный, съ трясущимися губами, онъ глядѣлъ на нее.

— За что? Ну говорите же за что? Я требую отвѣта...

Его голосъ дрожалъ. Онъ сдѣлалъ къ ней шагъ. Она стояла, опустивъ голову, и не двинулась. Васильевъ съ трудомъ перевелъ дыханье. Глаза его засверкали.

— Вы первый человѣкъ, который позволилъ себѣ такую дерзость со мной... Анна Николаевна...

Она молчала, закрывъ лицо руками. Онъ продолжалъ дрожащимъ голосомъ.

— Я съ дѣтства привыкъ уважать себя и гордо глядѣть всѣмъ въ глаза... Свою карьеру я создалъ себѣ самъ... Я никому не обязывался—даже рублемъ... Я никому въ жизни не дѣлалъ

зла... сознательно, по крайней мѣрѣ... Даже въ ранней юности у меня не было ни ошибокъ, ни паденій... Карты, вино, развратъ—я не зналъ ничего... Я васъ полюбилъ—и честно предложилъ вамъ руку... Да... Я считаю себя честнымъ человѣкомъ и имѣю право на уваженіе другихъ... Въ чемъ мое преступленіе передъ вами?.. Назовите... Говорите же...

Она подняла голову и провела рукой по глазамъ, словно просыпаясь.

— Постойте... Съ мыслями не соберусь... Да... Вы правы... У васъ не было ни слабостей, ни ошибокъ, ни паденія... Вы всегда будете правы—въ своихъ собственныхъ глазахъ... Вы говорите, никому не дѣлали зла сознательно... Но кому вы сдѣлали добро?.. Припомните... ради Бога, припомните... Вѣдь все, что вы высчитали сейчасъ въ свое оправданіе—это все отрицательныя достоинства... На *мое* по крайней мѣрѣ, уваженіе—правъ они не даютъ... Сознайтесь, Васильевъ—о, прошу васъ именемъ всего завѣтнаго для васъ—вѣдь есть же у васъ что-нибудь завѣтное... должно оно быть... сознайтесь, что я справедлива, что не безумна я, отказываясь отъ васъ... сознайтесь, что вамъ претитъ видъ чужого горя, страданія, чужихъ слезъ, нужды... что вы спѣшите мимо, дорожа своимъ покоемъ... Помните? У Данте въ «*Аду*» есть кругъ, гдѣ мучаются грѣшники... Они никому не дѣлали зла, но и никому не дѣлали добра... Они—себялюбцы... Много такихъ людей, Васильевъ... Вы—одинъ изъ нихъ...

Онъ выслушалъ ее въ угрюмомъ молчаніи и долго не отвѣчалъ, какъ бы подавленный ея признаніемъ. Когда онъ заговорилъ опять, тонъ его былъ суровъ и слова тяжело падали, какъ удары молота.

— Анна Николаевна, есть оскорбленія, которыхъ не прощаютъ... Когда пройдетъ ваша болѣзненная экзальтація—потому что вы несомнѣнно больны—вы поймете, какую глупость... какую непоправимую глупость вы сдѣлали сейчасъ... На вашемъ мѣстѣ многія пожелали бы очутиться... Вѣдь я не какой-нибудь сбившійся съ пути Ивановъ... Лѣтъ черезъ десять, когда мое имя станетъ извѣстнымъ, вы вспомните этотъ вечеръ и раскаетесь...

— Никогда!.. Никогда я не раскаюсь... Но вы правы, я съ вѣчной признательностью буду вспоминать вашу чудную игру... И этотъ вечеръ я не забуду никогда... Вѣдь, это конецъ личнымъ радостямъ. Впереди уже ничего—ничего для себя... Но и не надо!.. При такихъ условіяхъ счастья не надо!..

Его глаза сверкнули.

— Вы сами придете просить у меня прощенья,—но я не прощу васъ... Я даже больному человѣку не прощу такого оскорбленія...

Она схватила его руку.

— О, не сердитесь... Милый, дорогой человѣкъ... Поймите, вѣдь вы еще дороги мнѣ... Поймите, чего мнѣ стоитъ отказаться отъ васъ!? Но я не хочу годами раскаянья платить за минуту увлеченья... Я не хочу и вамъ портить жизни... Счастья, какъ вы его понимаете, я вамъ дать не могу... А забыть меня вамъ легко... Вѣдь вы меня никогда не любили... Не вырывайте вашей руки!.. Разстанемтесь друзьями... (она была какъ въ истерикѣ)... Когда-нибудь... мы встрѣтимся—спокойно... безъ вражды... И опять вы сыграете мнѣ элегію—и я буду плакать... отъ радости... О! я не пропущу ни одного концерта вашего... Затерявшись въ толпѣ, я буду радоваться вашимъ успѣхамъ... буду благословлять ваше счастье...

Слезы брызнули изъ глазъ ея. Не совладавъ съ собой, она порывисто прильнула губами къ его рукѣ.

Нервный трепетъ прошелъ по чертамъ Васильева. Въ теченіе минуты онъ глядѣлъ на склоненную голову дѣвушки съ состраданьемъ и тоской, не отымая своей руки.

— Безумная, жалкая женщина!..

Она выпрямилась.

— Нѣтъ!.. Жалки и бѣдны вы—вы, а не я... Боже! Онъ не понимаетъ меня...

Она отошла къ окну и оперлась пылающимъ лбомъ о стекло.

Васильевъ медленно подошелъ къ рояли, осторожно и бережно уложилъ скрипку въ футляръ, потомъ взялъ шапку и въ недоумѣніи оглянулся. Она стояла попрежнему, спиной къ нему, захвативъ зубами носовой платокъ,—не двигаясь...

«Неужели же кончено все? И такъ глупо?.. внезапно?»—пронеслось въ его головѣ.

— Анна Николаевна!.. Прощайте...

Она такъ и вскинулась. Схвативъ его протянутую руку, она глядѣла молча въ его лицо, глядѣла жадно, страстно, съ тоской, съ отчаяніемъ, какъ бы желая запечатлѣть навѣки въ памяти эти дорогія черты.

— Прощайте,—прошептала она, отворачиваясь.

«Не можетъ быть... Не можетъ быть»... мелькало въ головѣ Васильева.—«Это безобразный сонъ... Вотъ-вотъ проснусь... сейчасъ»... Эти двѣ минуты, пока онъ одѣвался, она не шевелилась у окна. Она, казалось, ждала чего-то... Ей тоже не вѣрилось, что сейчасъ все кончится... Она словно оцѣпенѣла.

Переламывая свою гордость, все еще не сознаваясь въ своемъ пораженьи, Васильевъ въ дверяхъ спросилъ:

— Анна Николаевна... Это ваше послѣднее слово?

— Да, да... Уходите, ради Бога!..—отчаянно прозвенѣлъ ея голосъ.

Она слышала, какъ распахнулась и опять затворилась тяжелая парадная дверь; слышала, какъ Васильевъ сходилъ по лѣстницѣ,—медленно, шагъ за шагомъ, словно ждалъ, вотъ-вотъ она одумается, вернетъ его...

Она стояла, вся зацѣпенѣвъ, и все ждала,—ждала...

Вдругъ внизу, въ сѣняхъ, съ визгомъ хлопнула входная дверь... Все стихло...

Онъ ушелъ...

Тогда изъ груди ея вырвался вопль. Охваченная какимъ-то безуміемъ, въ порывѣ смертной тоски, она схватилась за голову и кинулась за Васильевымъ, какъ была... Она ни о чемъ не думала въ эту минуту... ничего не взвѣшивала... ни въ чемъ не раскаявалась... Она сознавала только, что никогда, никогда не увидитъ она вотъ здѣсь, близъ себя, этихъ глазъ, глядѣвшихъ на нее еще недавно со страстной мольбой.

На послѣдней ступени, въ сѣняхъ, она остановилась. Казалось, холодъ мѣдной ручки двери, за которую она взялась, проникъ ей въ сердце и подавилъ ея порывъ. Къ чему вернетъ она его? Къ чему? Вѣдь, онъ не измѣнится къ лучшему подъ вліяніемъ чувства, на которое неспособенъ... А такимъ, какимъ онъ есть, она не возьметъ его сама...

Она подымалась по лѣстницѣ медленно, тяжко, волоча ноги, какъ умирающее животное, которому переѣхали туловище, мучительно останавливаясь на каждомъ шагу. Когда она дошла до комнаты, она была совсѣмъ разбита...

Лунный свѣтъ заливалъ бѣлѣющую снѣгомъ окрестность, но въ залѣ было уже темно.

Анна Николаевна сѣла на первый попавшійся ей стулъ и оглянулась... Неужели все по старому?.. все на мѣстѣ?..

Отъ остывшихъ блюдъ и закусокъ стоялъ вкусный запахъ. Самоваръ угасъ; свѣчи на столѣ догорали... Тонкій, еле уловимый, какъ далекое, смутное воспоминаніе, ароматъ *его* духовъ носился по комнатѣ... И, казалось, въ воздухѣ еще дрожали рыдающіе звуки скрипки...

Его нѣтъ... Ушелъ... Исчезъ изъ ея жизни, какъ красивая грёза, какъ яркій, послѣдній лучъ угасшаго дня... Впереди сумерки..

А. Вербицкая.

ОСНОВНЫЯ ПОНЯТІЯ И ВОПРОСЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМІИ.

[По поводу книги: «Карлъ Марксъ. Критика нѣкоторыхъ положеній политической экономіи» (Zur Kritik der politischen Oekonomie 1859). Перев. съ нѣмецкаго П. П. Румянцева подъ редакціей А. А. Мануилова. Москва. 1896].

Есть книги и авторы, которые, что называется, «не нуждаются въ рекомендаціи». Но очень часто значеніе самыхъ выдающихся явленій и именъ художественной, а тѣмъ болѣе научной, литературы недостаточно ясно для большинства читателей. «Знаменитая книга», «знаменитый писатель», но какое содержаніе заключается въ громкой репутаціи, этого даже въ самыхъ общихъ чертахъ не могутъ сказать усердные повторяльщики общепринятыхъ хвалебныхъ характеристикъ. Между тѣмъ, изучать хотя бы самую замѣчательную книгу безъ знанія мѣста ея въ научной литературѣ, значитъ по бо́льшей части извлечь изъ нея лишь половину или даже меньше возможной пользы.

Рѣдко дѣйствительно замѣчательныя, оригинальныя книги бываютъ учебниками по предмету данной науки, онѣ всегда односторонни, потому ли, что проводятъ одну какую-нибудь опредѣленную точку зрѣнія въ вопросѣ, о которомъ въ наукѣ существуетъ цѣлый пестрый калейдоскопъ мнѣній, или потому, что захватываютъ лишь небольшой и рѣзко очерченный кругъ явленій. Учиться по такимъ книгамъ большинство читателей можетъ лишь съ запасомъ извѣстныхъ, ранѣе пріобрѣтенныхъ понятій и представленій, которыя, быть можетъ, отличаются поверхностностью, но безъ которыхъ невозможно усвоеніе новыхъ, идущихъ болѣе вглубь знаній.

Мы думаемъ, что начинать изученіе политической экономіи по классическимъ трактатамъ Рикардо, Маркса и Родбертуса невозможно, что глубокомысліе этихъ авторовъ останется темнымъ для начинающихъ читателей, и «полезная работа» послѣднихъ сведется до минимума. Рикардо и Марксъ покажутся скучными, а послѣдній мѣстами совершенно непонятнымъ. Легко можетъ случиться,

что внѣшніе пріемы изложенія запечатлѣются въ памяти, а дѣйствительное содержаніе ученія останется скрытымъ. Напомнимъ, напр., что Марксъ выводитъ какъ живые общественные типы капиталиста и рабочаго, вступающихъ между собою въ свободый договоръ. Тому, кто манеру изложенія Маркса не съумѣетъ отличить отъ содержанія его взглядовъ, легко покажется, что авторъ «Критики» объективныя общественныя отношенія, въ которыя люди вступаютъ въ процессѣ производства, представляетъ какъ плодъ сознательныхъ дѣйствій участниковъ этого процесса, что «прибавочная стоимость» (сверхстоимость) есть хитроумная выдумка отдѣльнаго капиталиста и т. д. Словомъ, общественная экономія сведется къ индивидуальной психологіи, и ученіе автора «Критики» превратится въ головѣ нашего читателя въ свою *прямую противуположность*.

Мѣсто того или другого автора въ наукѣ указывается въ ея исторіи. Исторія науки есть необходимое дополненіе систематическаго изложенія ея теоріи. Въ частности, въ политической экономіи, на нашъ взглядъ, прямо желательно параллельное изложеніе теоріи и исторіи; теорію политической экономіи, въ виду историческаго характера основныхъ экономическихъ категорій, нельзя научно излагать внѣ связи съ исторіей хозяйственнаго быта, а исторія экономическихъ идей цѣликомъ отражаетъ на себѣ развитіе экономическихъ отношеній. Къ сожалѣнію, въ русской литературѣ нѣтъ ни одной достаточно полной исторіи политической экономіи. Единственная удовлетворительная книга по этому предмету—лекціи профессора Чупрова— очень бѣгло касается воззрѣній позднѣйшихъ экономистовъ и недостаточно выясняетъ ихъ значеніе въ развитіи науки. Поэтому, читателю неспеціалисту, желающему надлежащимъ образомъ приняться за изученіе «Критики», нельзя указать вполнѣ доступнаго пособія *) въ русской литературѣ, которое помогло бы ему уяснить себѣ значеніе этой замѣчательной книги и вообще трудовъ ея автора въ экономической наукѣ. А между тѣмъ, дѣло идетъ тутъ какъ разъ объ основныхъ началахъ политической экономіи, глубокое, чисто философское, въ лучшемъ смыслѣ этого слова, построеніе которыхъ составляетъ научную заслугу автора «Критики». Всякій мало-мальски образованный человѣкъ считаетъ основныя экономическія понятія своими хорошими знакомыми и при случаѣ охотно пускаетъ въ ходъ соотвѣтствующія слова: цѣнность, капиталъ, заработная плата, прибыль

---

*) Извѣстный трудъ Н. И. Зибера «Давидъ Рикардо и Карлъ Марксъ» раза въ четыре объемистѣе «Критики» и очень трудно читается.

и т. д. Смыслъ этихъ словъ, повидимому, такъ ясенъ, содержаніе выражаемыхъ ими понятій, кажется, раскрывается само собой, при помощи простого «здраваго смысла». Но уже Гегель замѣтилъ, что научное мышленіе не имѣетъ ничего общаго съ такъназываемымъ «здравымъ смысломъ».

Между тѣмъ, въ такихъ наукахъ, которымъ недоступенъ опытъ въ его чистомъ видѣ, «здравый смыслъ», повидимому, самъ напрашивается въ наши спутники и руководители. И вотъ поэтому-то именно въ этихъ наукахъ онъ такъ опасенъ. Философія «здраваго смысла» не даромъ пользуется репутаціей самой плоской и нефилософской доктрины. Меркантилисты разсуждали согласно «здравому смыслу», когда отожествляли деньги съ богатствомъ, но это отожествленіе, не смотря на свою навязчивую очевидность, оказалось заблужденіемъ, исторически, правда, *очень поучительнымъ*, но, во всякомъ случаѣ, заблужденіемъ. Можно привести много другихъ примѣровъ научныхъ заблужденій, вытекшихъ изъ подчиненія «здравому смыслу»; всякій знаетъ, напр., что Птоломеевское представленіе о движеніи солнца и планетъ вокругъ земли гораздо болѣе соотвѣтствуетъ здравому смыслу, чѣмъ теорія Коперника.

Значеніе автора «Критики» въ политической экономіи и заключается въ томъ, что онъ окончательно разрушилъ въ этой наукѣ господство здраваго смысла.

Возьмемъ самое элементарное и основное понятіе теоретической экономіи—цѣнность. Что такое цѣнность? При научномъ анализѣ этого понятія мы уже натыкаемся на вопросы, непредвидѣнные для самаго остраго «здраваго смысла». Представляютъ ли экономическія понятія, съ которыми мы обращаемся, выраженіе какихъ-нибудь вѣчныхъ и неизмѣнныхъ явленій и отношеній, или же и они подчинены общему закону развитія, который господствуетъ одинаково надъ формой и надъ содержаніемъ? Если и въ области природы наука раскрыла процессы развитія тамъ, гдѣ прежде все считалось безусловно прочнымъ, неизмѣннымъ, существующимъ «отъ вѣка и до вѣка», то тѣмъ болѣе она должна была усмотрѣть измѣняемость отношеній человѣка къ природѣ и къ себѣ подобнымъ. Эту относительную измѣняемость и неустойчивость всего человѣческаго признавалъ всегда и «здравый смыслъ», но онъ никогда сознательно не смотрѣлъ на людскую жизнь съ этой *эволюціонной* точки зрѣнія. Вѣчная (конечно, тоже относительно) зависимость человѣка отъ природы, которая выражается въ необходимости трудиться для того, чтобъ существовать,—и передъ глазами изслѣдователей заслоняла историческую измѣнчивость *отношеній между людьми.*

Въ исторіи политической экономіи на первыхъ ступеняхъ ея

развитія замѣтны двѣ струи: философская, тѣсно связанная съ метафизикой и правовѣдѣніемъ того времени, и практическая, эмпирическая, непосредственно вытекавшая изъ потребности найти отвѣты на настоятельные запросы общественной и государственной жизни. Даже самые выдающіеся представители первой философской струи, видѣвшіе въ человѣческой природѣ и ея основныхъ свойствахъ ключъ къ пониманію всѣхъ явленій и сторонъ индивидуальной и общественной жизни, склонны были считать общественныя отношенія людей вѣчными и неизмѣнными. Еще болѣе свойственна была эта точка зрѣнія практикамъ и эмпирикамъ, умственный кругозоръ которыхъ всегда является ограниченнымъ тѣми непосредственными задачами, которыя имъ ставитъ узкій кругъ ихъ жизненныхъ отношеній. Философія и практика въ данномъ случаѣ сходились въ одномъ и томъ же заблужденіи. Оно оказалось очень живучимъ и до сихъ поръ обезображиваетъ политическую экономію. Даже представители оффиціальной «исторической» школы, не смотря на свою эволюціонную фразеологію, еще по уши сидятъ въ старомъ заблужденіи. И лишь авторъ «Критики» окончательно освободился отъ него. Въ предисловіи къ этому труду мы читаемъ знаменитую формулировку экономическаго пониманія историческаго процесса:

«Мои изслѣдованія привели меня къ заключенію, что правовыя отношенія, наравнѣ съ формами государства, не могутъ быть поняты ни изъ самихъ себя, ни изъ такъ-называемаго общаго развитія человѣческаго духа, но скорѣе коренятся въ матеріальныхъ условіяхъ существованія, совокупность которыхъ Гегель, по примѣру англичанъ и французовъ XVIII-го ст., называлъ «гражданскимъ обществомъ»; анатомію же этого общества нужно искать въ политической экономіи. Начатое мною въ Парижѣ изученіе этой послѣдней, я продолжалъ въ Брюсселѣ... Общій результатъ, къ которому я пришелъ и который, разъ онъ былъ найденъ, служилъ мнѣ руководящей нитью въ дальнѣйшихъ занятіяхъ, можно кратко формулировать слѣдующимъ образомъ. Въ отправленіи своей общественной жизни люди вступаютъ въ опредѣленныя, неизбѣжныя, отъ ихъ воли независящія отношенія — производственныя отношенія, которыя соотвѣтствуютъ опредѣленной ступени развитія матеріальныхъ производительныхъ силъ. Сумма этихъ производственныхъ отношеній составляетъ экономическую структуру общества, реальное основаніе, на которомъ возвышается правовая и политическая надстройка и которому соотвѣтствуютъ опредѣленныя формы общественнаго сознанія... Не сознаніе людей опредѣляетъ формы ихъ бытія, но, напротивъ, общественное бытіе опредѣляетъ формы ихъ сознанія. На извѣстной ступени своего развитія матеріальныя производительныя силы общества впадаютъ въ противорѣчіе съ существующими производственными отношеніями, или, употребляя юридическое выраженіе, съ имущественными отношеніями, среди которыхъ онѣ до сихъ поръ дѣйствовали. Изъ формъ развитія производительныхъ силъ эти отношенія дѣлаются ихъ оковами. Тогда наступаетъ эпоха кризисовъ... При ихъ разсмотрѣніи слѣдуетъ всегда имѣть въ виду разницу между мате-

ріальнымъ переворотомъ въ экономическихъ условіяхъ производства, который можно опредѣлить съ естественно-научной точностью, и идеологическими формами, въ которыхъ люди воспринимаютъ въ своемъ сознаніи этотъ конфликтъ и въ которыхъ вступаютъ съ нимъ въ борьбу. Насколько нельзя судить объ индивидуумѣ по тому, что онъ о себѣ думаетъ, настолько же нельзя судить о такой эпохѣ кризиса, по ея сознанію; напротивъ, нужно это сознаніе объяснить изъ противорѣчія матеріальной жизни, изъ существующаго конфликта между общественными производительными силами и производственными отношеніями. Ни одна общественная формація не погибаетъ раньше, чѣмъ разовьются всѣ производительныя силы, для которыхъ она даетъ достаточно простора, и новыя, высшія производственныя отношенія никогда не появляются на свѣтъ раньше, чѣмъ созрѣютъ матеріальныя условія ихъ существованія въ лонѣ стараго общества. Поэтому, человѣчество ставитъ себѣ всегда только такія задачи, которыя оно можетъ рѣшить, такъ какъ при ближайшемъ разсмотрѣніи всегда окажется, что сама задача только тогда выдвигается, когда существуютъ уже матеріальныя условія, необходимыя для ея разрѣшенія, или когда они, по крайней мѣрѣ, находятся въ процессѣ возникновенія. Въ общихъ чертахъ можно отмѣтить какъ прогрессивныя эпохи экономическаго формированія общества: азіатскій, античный, феодальный и современный буржуазный способы производства. Буржуазныя производственныя отношенія составляютъ послѣднюю антагонистическую форму общественнаго процесса производства, антагонистическую не въ смыслѣ индивидуальнаго антагонизма, но такого, который выростаетъ изъ условій общественнаго существованія индивидуумовъ. Но производительныя силы, развивающіяся въ лонѣ буржуазнаго общества, создаютъ въ то же время матеріальныя условія, необходимыя для разрѣшенія этого антагонизма. Этой общественной формаціей завершается, поэтому, предшествовавшая исторія человѣческаго общества»... (Предисловіе къ «Критикѣ», стр. X, XI русск. перев.) *).

Здѣсь не мѣсто объяснять смыслъ и значеніе экономическаго пониманія исторіи, но мы считаемъ безусловно необходимымъ обратить вниманіе читателя на то, что эта историко-философская теорія, по собственному признанію автора «Критики», послужила ему руководящей нитью въ его дальнѣйшихъ изслѣдованіяхъ. Болѣе чѣмъ кто-либо другой, авторъ «Критики» отличался цѣлостностью своего научнаго и практическаго міровоззрѣнія, и всѣ разсужденія, что политическая экономія этого писателя одно, а историческая философія его—другое, должны смолкнуть передъ его собственнымъ категорическимъ свидѣтельствомъ, что они едино суть. Но тѣ, кто внимательно читали автора «Критики» и внимательно вдумывались въ его соціологическое и экономическое ученіе, и безъ его собственнаго признанія всегда знали и утверждали, что здѣсь всѣ отдѣльныя звенья представляютъ дѣйствительно неразрывную логическую цѣпь.

---

*) Мы цитируемъ это мѣсто по переводу г-на Румянцева, но, къ сожалѣнію, не можемъ не замѣтить, что именно это классическое мѣсто переведено имъ не совсѣмъ удачно.

Что такое хозяйство? Вульгарная экономія отвѣчаетъ намъ на это: хозяйство есть та дѣятельность человѣка или совокупности людей, при посредствѣ которой онъ, входя въ непосредственное общеніе съ природой, добываетъ предметы, служащіе для удовлетворенія потребностей. Но совершенно очевидно, что въ это или какое-нибудь другое аналогичное опредѣленіе можно вставить вмѣсто слова *хозяйство* слово *трудъ*, и, такимъ образомъ, окажется, что содержаніе понятія хозяйства исчерпывается фактомъ труда, т. е. затраты мускульной и нервной энергіи для поддержанія существованія. Но эта затрата есть фактъ не только общечеловѣческій, онъ общъ всему животному міру, и изъ него никакихъ дальнѣйшихъ выводовъ, объясняющихъ даже наиболѣе простыя явленія экономической жизни, сдѣлать нельзя. Въ дѣйствительности, однако, всякая организація хозяйства подразумѣваетъ не только «общеніе человѣка съ природою», которое есть фактъ, столько же экономическій, сколько и біологическій, но и извѣстныя *общественныя отношенія между людьми* въ процессѣ производства. Всякое хозяйство, такимъ образомъ, есть строй общественныхъ производственныхъ отношеній. Первобытная община, въ которой общинники сообща обрабатываютъ свою землю, въ которой и неземледѣльцы работаютъ по указаніямъ всей общины, получая отъ нея жалованье натурой, въ которой, словомъ, производительная дѣятельность людей—общественный трудъ—организованъ по опредѣленному плану, и общество, въ которомъ каждый производитель работаетъ за свой счетъ и на свой страхъ и соприкасается съ другими производителями, лишь вынося на рынокъ или вообще предлагая для обмѣна продукты своего труда, и болѣе или менѣе наугадъ приспособляя свою личную хозяйственную дѣятельность къ потребностямъ общества,—представляютъ двѣ различныя общественно-экономическія формаціи. *Экономическій* характеръ этихъ формацій мы отнюдь не обозначимъ, выдѣливъ ту общую ихъ черту, что онѣ представляютъ собой общеніе человѣка съ природой. Съ экономической точки зрѣнія гораздо важнѣе, что онѣ суть *разныя* организаціи *общественнаго* производительнаго труда, хотя и это опредѣленіе ничего не говоритъ намъ о содержаніи каждой данной экономической формаціи. Но мы увидимъ дальше, почему такъ необходимо подчеркивать во всякой хозяйственной организаціи ея общественный характеръ.

Тамъ, гдѣ, какъ въ первобытной общинѣ, производство организовано по опредѣленному плану, всякій ростъ производительныхъ силъ общества въ той или другой области труда, совершенно явственно измѣняетъ распредѣленіе и взаимное соотношеніе этихъ

силъ. Положимъ, кузнечный трудъ сталъ вдвое производительнѣе, а общественная потребность въ немъ осталась прежняя: община можетъ занимать теперь вдвое меньше кузнецовъ и направить ихъ рабочую силу на какое-нибудь другое дѣло. Во всякомъ случаѣ, для всей общины совершенно ясно, что соотношеніе между кузнечнымъ и другими видами труда, производительность которыхъ осталась прежней, рѣзко измѣнилось. Прежнее количество кузнечныхъ продуктовъ воплощаетъ въ себѣ вдвое меньшую затрату труда, потребнаго для общества, и потому для сохраненія равновѣсія въ общественномъ производствѣ и распредѣленіи продуктовъ, община должна признавать это количество равнымъ вдвое меньшему, чѣмъ прежде, количеству другихъ продуктовъ. Здѣсь совершенно ясно, что отношеніе между вещами выражаетъ собой, въ сущности, *общественное* отношеніе производителей. Иное дѣло въ обществѣ, гдѣ каждый *производитель*—въ данномъ случаѣ безразлично, трудится ли онъ самъ или заставляетъ работать другихъ—производитъ совершенно независимо и соприкасается съ другими производителями лишь на рынкѣ. Тутъ прежде всего каждому бросается въ глаза, что обмѣниваются вещи. Ихъ отношенія заслоняютъ отношенія производителей, и чѣмъ больше продуктовъ труда подпадаетъ обмѣну, т. е. производится для обмѣна, тѣмъ сильнѣе общественно-человѣческія отношенія маскируются отношеніями вещными. Мѣновая цѣнность продуктовъ—учила классическая политическая экономія Смита и Рикардо—есть мѣновое отношеніе вещей. Безспорная заслуга классиковъ состоитъ въ томъ, что они сознательно подхватили нечуждое и ихъ предшественникамъ разграниченіе цѣнности потребительной, или полезности, и цѣнности мѣновой, или стоимости, и поняли, что послѣдняя для огромнаго большинства продуктовъ образуется только трудомъ и измѣряется его затратой. Но они остановились на вещной видимости общественныхъ отношеній производства, и лишь авторъ «Критики» сорвалъ вещныя маски съ общественныхъ отношеній и разоблачилъ истинную сущность стоимости, капитала и др. экономическихъ категорій товарно-капиталистическаго производства. Совершенно понятно, что тамъ, гдѣ продукты производятся непосредственно для всего общества и по его порученію, общественный характеръ производства и общественныя отношенія производителей выступаютъ совершенно явственно. При такихъ условіяхъ общество управляетъ производственными отношеніями въ своей средѣ.

Когда же каждый производитель начинаетъ работать независимо отъ другихъ, хотя и по прежнему для другихъ, обществен-

ныя отношенія производителей ускользаютъ изъ рукъ общества, и этотъ фактъ въ сознаніи участниковъ производства отражается въ томъ, что они представляютъ себѣ общественныя отношенія сперва—сверхъестественными силами, нечеловѣческими установленіями, а потомъ силами природы, дѣйствующими по «естественнымъ законамъ».

Продуктъ общественнаго труда — товаръ надѣляется «естественными» свойствами, независимыми отъ людскихъ отношеній, и такимъ образомъ превращается въ мистическую вещь. То же происходитъ и съ капиталомъ. Это-то обвеществленіе общественныхъ отношеній, «характерное для товарнаго производства», авторъ «Критики» называетъ фетишизмомъ *) данной общественно-экономической формаціи.

Эта точка зрѣнія на экономическія категоріи товарнаго производства рѣзко отличаетъ автора «Критики» отъ Рикардо, продолжателемъ котораго онъ явился въ теоріи цѣнности и прибыли, и отъ Родбертуса, съ которымъ у него обще то, что обще Родбертусу и Рикардо.

Ученіе объ экономическихъ категоріяхъ, какъ объ исторически-опредѣленныхъ общественныхъ отношеніяхъ людей въ процессѣ производства, есть самое существенное изъ того новаго и самостоятельнаго, что далъ экономической теоріи авторъ «Критики», — оно ключъ ко всѣмъ его теоретическимъ построеніямъ. Только два года тому назадъ стала извѣстной теорія прибыли этого писателя; многихъ она поразила своею кажущейся несогласованностью съ теоріей трудовой цѣнности, но эта несогласованность превращается въ полную гармонію для того, кто видитъ всю систему въ свѣтѣ основного для нея ученія объ экономическихъ категоріяхъ...

Теперь мы можемъ дать отвѣтъ на поставленный нами выше вопросъ: что такое цѣнность (мѣновая) или стоимость? Это исторически опредѣленный общественный способъ выражать трудъ, затраченный на производство продуктовъ,—способъ, въ которомъ подъ вещной оболочкой выступаютъ общественныя отношенія людей въ процессѣ производства. Итакъ, цѣнность не есть отношеніе между вещами, какъ учили предшествующіе экономисты и какъ говоритъ и «здравый смыслъ». Въ цѣнности, какъ и во всѣхъ другихъ основныхъ экономическихъ категоріяхъ, выражаются общественныя отношенія людей.

---

* Фетишемъ называются предметы, которые язычники надѣляютъ сверхъестественными свойствами и которымъ они поклоняются.

Послѣ всего сказаннаго, читатель вполнѣ пойметъ и оцѣнитъ по достоинству важность сдѣланнаго нами выше указанія, что хозяйство есть исторически - опредѣленный строй *общественныхъ* производственныхъ отношеній, а не просто общеніе человѣка съ природой.

Пусть теперь читатель, уже прочитавшій или собирающійся прочесть «Критику», внимательно изучитъ первую главу этого знаменитаго изслѣдованія. Теперь для него, надо надѣяться, не останется темной слѣдующая мастерская страница, которую мы позволяемъ себѣ привести цѣликомъ, чтобы собственными словами геніальнаго экономиста закрѣпить въ умѣ читателя основныя положенія истинно-историческаго пониманія экономическихъ явленій.

«Трудъ, создающій мѣновую цѣнность, характеризуется тѣмъ, что общественное отношеніе лицъ представляется, наоборотъ, какъ общественное отношеніе вещей. Лишь поскольку одна потребительная цѣнность относится къ другой, какъ мѣновая цѣнность, постольку и трудъ различныхъ лицъ принимаетъ по отношенію другъ къ другу характеръ одинаковаго всеобщаго труда. Если, слѣдовательно, справедливо положеніе, что мѣновая цѣнность есть взаимное отношеніе лицъ, то слѣдуетъ помнить, что это отношеніе прикрыто вещественной оболочкой. Какъ фунтъ желѣза и фунтъ золота, независимо отъ химическихъ и физическихъ свойствъ, представляютъ *одинаковый* вѣсъ—точно также двѣ потребительныхъ цѣнности товаровъ, заключающихъ равное рабочее время, представляютъ *одинаковую мѣновую цѣнность*. Такимъ образомъ, мѣновая цѣнность является какъ естественно присущее даннымъ потребительнымъ цѣнностямъ общественное назначеніе, какъ свойство, которое принадлежитъ имъ въ качествѣ вещей и благодаря которому въ процессѣ обмѣна онѣ замѣщаются въ опредѣленныхъ количественныхъ отношеніяхъ и составляютъ эквиваленты, точно такъ же, какъ простыя химическія тѣла соединяются въ опредѣленныхъ количественныхъ отношеніяхъ, составляя химическіе эквиваленты. Только, благодаря привычкѣ повседневной жизни, кажется совершенно обычнымъ и само собою понятнымъ, что общественныя отношенія производства принимаютъ форму вещей и что отношеніе лицъ въ ихъ трудѣ является скорѣе какъ отношеніе, въ которое вещи вступаютъ другъ къ другу и къ людямъ. Въ товарѣ эта мистификація еще очень проста. Каждый болѣе или менѣе сознаетъ, что отношенія товаровъ, какъ мѣновыхъ цѣнностей, представляютъ скорѣе отношенія лицъ, опирающіяся на ихъ производственную дѣятельность другъ для друга. Въ высшихъ производственныхъ отношеніяхъ эта внѣшняя простота исчезаетъ. Всѣ иллюзіи монетной системы (Monetar, system) *) происходятъ оттого, что золото разсматривается не какъ представитель общественнаго отношенія производства, но какъ предметъ природы съ опредѣленными свойствами. У современныхъ экономистовъ, высмѣивающихъ иллюзіи монетной системы, возникаетъ та же самая иллюзія, какъ только они принимаются разсуждать о высшихъ экономическихъ категоріяхъ, напримѣръ, о капиталѣ. Эта иллюзія проявляется у нихъ въ наивномъ удивле-

*) Подъ монетной системой авторъ подразумѣваетъ меркантилизмъ.

ніи, когда то, что они съ трудомъ опредѣлили, какъ имъ казалось, вещью, выступаетъ предъ ними въ качествѣ общественнаго отношенія, и затѣмъ то, что они едва успѣли установить какъ общественное отношеніе, снова принимаетъ оболочку вещи». (Карлъ Марксъ. «Критика нѣкоторыхъ положеній политической экономіи», стр. 8—9).

Ученіе объ экономическихъ категоріяхъ, какъ объ общественныхъ отношеніяхъ людей въ процессѣ производства, особенно яркимъ свѣтомъ освѣтило экономическую категорію, называемую капиталомъ. Капиталъ не есть просто вещь или совокупность вещей, предназначенныхъ для дальнѣйшаго производства («средства производства»): лукъ и стрѣлы дикаря-охотника, плугъ крестьянина, станокъ токаря-ремесленника, сложныя механическія приспособленія современной капиталистической фабрики—различны не только въ техническомъ отношеніи; гораздо важнѣе и глубже недоступныя для «здраваго смысла», видящаго въ капиталѣ лишь вещи, различія въ общественныхъ условіяхъ, при которыхъ люди пользуются тѣми или другими средствами производства. Поэтому, не имѣетъ никакого научнаго смысла называть капиталомъ лукъ дикаря-охотника и машины капиталиста-фабриканта. Капиталъ не есть просто «средства производства», онъ—исторически опредѣленное отношеніе людей въ процессѣ производства. Здѣсь не мѣсто развивать во всей полнотѣ современную научную теорію капитала, такъ какъ это завело бы насъ слишкомъ далеко. Достаточно сказать, что капиталъ есть общественное отношеніе, по своему существенному содержанію сводящееся къ продажѣ рабочими рабочей силы, для поддержанія своего существованія, и къ покупкѣ ея капиталистами, ради производства *прибавочной стоимости*. Что же такое эта *прибавочная стоимость?* Англійскіе «классики» политической экономіи (Смитъ, Рикардо) установили положеніе, что мѣновая цѣнность, или стоимость, создается только трудомъ и измѣряется его затратой и что стоимость, производимая работникомъ въ данный рабочій періодъ, значительно выше стоимости его рабочей силы, стоимости, выражающейся въ заработной платѣ. Разница между этими двумя величинами составляетъ прибавочную стоимость, производство которой и является основной пружиной современнаго капиталистическаго хозяйства. Капиталъ, такимъ образомъ, существуетъ только тамъ, гдѣ есть свободные, не порабощенные наемные рабочіе, не имѣющіе своихъ собственныхъ средствъ производства и потому вынужденные продавать свою рабочую силу, и капиталисты-предприниматели, покупатели этой рабочей силы.

Вещная форма капитала («средства производства») засло-

няетъ его истинное общественное содержаніе и до сихъ поръ путаетъ многихъ экономистовъ; созданіе прибавочной стоимости, производство которой представляетъ историческую особенность и цѣль «капиталистическаго хозяйства, приписывается тѣми, кто видитъ въ капиталѣ вещь, «средства производства», не живому человѣческому труду, поставленному въ извѣстныя общественныя условія, а мертвымъ результатамъ труда, вещамъ, яко бы обладающимъ какой-то чудесной, независимой отъ труда, производительной силой,—«капиталу» въ вульгарномъ смыслѣ слова. Для этихъ экономистовъ капиталъ тоже является фетишемъ съ мистическими свойствами.

Мистификація эта разрушается ученіемъ объ экономическихъ категоріяхъ, какъ общественныхъ производственныхъ отношеніяхъ. Но общественнымъ отношеніемъ между покупателями и продавцами рабочей силы не исчерпывается все содержаніе капитала. Капиталъ объемлетъ собой еще общественное отношеніе между различными получателями прибавочной стоимости, выражающееся въ ихъ конкурренціи другъ съ другомъ. Условія *этого* общественнаго отношенія объясняютъ всѣ сложныя явленія прибыли, процента и ренты, которыхъ мы не можемъ здѣсь касаться.

Сказаннаго достаточно для цѣли, которую мы поставили себѣ въ настоящей статьѣ: показавъ, какую новую точку зрѣнія на экономическія явленія выдвинулъ авторъ «Критики», облегчить читателю пониманіе и оцѣнку классическаго экономическаго трактата, переведеннаго г. Румянцевымъ.

Наша статья была кончена, когда мы узнали, что первое изданіе русскаго перевода «Критики» уже разошлось и вышло второе. Интересъ къ такого рода книгамъ есть одно изъ самыхъ утѣшительныхъ и знаменательныхъ явленій переживаемаго нами времени.

П. Струве.

„ТАБУ“.

Разсказъ Стефана Жеромскаго.

Выйдя изъ вагона, пани Эва быстро прошла вокзалъ и очутилась на его грязномъ дворѣ. Тамъ стоялъ оборванный, развинченный экипажъ, запряженный парою старыхъ, тощихъ лошадей. Увидѣвъ вновь прибывшую, обладатель пролетки сильными ударами разбудилъ спавшія клячи и съ шумомъ подкатилъ къ ней.

— Свезешь меня въ больницу?—спросила пани Эва.

— А отчего же не свезти? Вѣдь, для того и стоимъ здѣсь день-деньской. Больного везете, сударыня?

— Нѣтъ, я ѣду сама... навѣстить больного.

— Ну, такъ садитесь, сударыня.

— А сколько же ты возьмешь за это?

— Э! пустяки! Полтинничекъ пожалуете, сударыня, вотъ и все тутъ.

Пани Эва усѣлась, и старый экипажъ запрыгалъ и застучалъ по каменистой, ухабистой дорогѣ. Когда клячи прошли черезъ все мѣстечко и вытащили экипажъ за послѣднія хаты въ чистое поле, вдали показался рядъ больничныхъ зданій. Въ чистомъ, насыщенномъ свѣтомъ, весеннемъ воздухѣ, на фонѣ новорожденной апрѣльской зелени полей и луговъ, эти огромные, кирпичнаго цвѣта дома выступали точно громадныя, мрачныя глыбы.

Эва смотрѣла на нихъ и на окрестности съ нѣкоторымъ удивленіемъ. Когда она ѣхала сюда въ первый разъ въ концѣ февраля съ больнымъ мужемъ, въ самый моментъ несчастія, она почти ничего вокругъ не видѣла. Только нѣкоторыя воспоминанія сохранились въ ея памяти: маленькое, болѣзненное, какъ зимой, такъ и лѣтомъ, деревцо у дороги, съ оторванной вѣткой, грустное, какъ видъ безрукаго человѣка; наклонившійся верстовой столбъ, внезапный поворотъ дороги. На мягкой поверхности полей они выступали съ жестокой тираніей и становились передъ ѣдущей

точно безжалостныя орудія пережитой пытки. По мѣрѣ приближенія къ больницѣ, число ихъ все увеличивалось.

Извозчикъ остановился передъ главнымъ зданіемъ; Эва сошла съ пролетки, заплатила извозчику, съ трудомъ отворила тяжелыя входныя двери и поднялась по широкой каменной лѣстницѣ. Въ канцеляріи она застала молодого доктора, завѣдующаго именно тѣмъ отдѣленіемъ менѣе опасныхъ больныхъ, гдѣ находился ея мужъ. Докторъ говорилъ съ ней привѣтливо, и болѣе чѣмъ привѣтливо смотрѣлъ на ея прекрасное, поблѣднѣвшее лицо. Успокоивъ ее нѣсколькими фразами, производившими впечатлѣніе глубокомысленности и научности, которыя, вѣроятно, говорились имъ всѣмъ матерямъ, сестрамъ и женамъ, навѣщавшимъ его паціентовъ, онъ повелъ ее внизъ по широкому двору въ одноэтажное строеніе, стоявшее отдѣльно среди пустого садика.

— Я долго вамъ съ нимъ сидѣть не позволю,—говорилъ онъ, входя въ корридоръ, раздѣлявшій пополамъ все зданіе.

— Хорошо, докторъ.

— Вы раньше подождете въ комнатѣ сестры Юліи, послѣ я его введу и минутку посижу съ вами, потому что, видите ли, онъ еще иногда бываетъ раздражителенъ. Потомъ я уйду въ корридоръ. Если онъ будетъ безпокоенъ, я сейчасъ вернусь.

— Хорошо, докторъ...

Они прошли нѣсколько запертыхъ дверей и остановились передъ шестымъ нумеромъ съ правой стороны. Докторъ тихонько отворилъ дверь своимъ ключемъ и вошелъ въ комнату, предназначавшуюся для пріемовъ.

Эва остановилась вблизи дверей, а когда врачъ ушелъ, сѣла на маленькій диванчикъ. Грусть, страхъ, безпокойство, скорбь, овладѣвавшія поочередно ея существомъ передъ тѣмъ, теперь исчезли одно за другимъ. Вмѣсто нихъ, изъ глубины подымалось мужественное и крѣпкое спокойствіе, героическое спокойствіе глубоко-страдающей души. Вскорѣ дверь отворилась, и въ комнату вошелъ человѣкъ, молодой, худой, съ растрепанными волосами и одеждой въ безпорядкѣ. Блѣдноголубые глаза его, выпученные и неподвижные, зловѣще блестѣли, губы, высохшія отъ жара, болѣзненно вздрагивали, а высохшій языкъ напрасно пытался ихъ смочить.

Помѣшанный, казалось, не обращалъ никакого вниманія ни на посѣтительницу, ни на врача, прошелъ небрежно мимо и вскричалъ охрипшимъ голосомъ:

— Войтѣхъ Ястржембовскій написалъ сочиненіе по агрономіи, а я, Генрихъ Домбровскій, положу широкія соціологическія основы альтруистической лукономіи...

Онъ вдругъ посмотрѣлъ и какъ будто теперь только замѣтилъ Эву. Онъ тотчасъ подошелъ къ ней и, поднося ей высохшій и обгрызенный кусочекъ корки швейцарскаго сыра, говорилъ:

— Смотри, моя законная жена, посмотри, сдѣлай одолженіе, что я грызу, что я лижу, что я облизываю съ чрезвычайнымъ аппетитомъ...

— Господинъ Домбровскій! развѣ это хорошо даже не поздороваться съ женой? Она пріѣхала навѣстить васъ, поговорить съ вами, а вы что же? Поцѣлуйте ей сейчасъ руку.

Больной посмотрѣлъ на него подозрительно и бѣгло и зашагалъ по комнатѣ.

Докторъ незамѣтно приблизился къ двери, быстро открылъ ее и вышелъ. Тогда пани Эва достала изъ небольшой корзиночки коробку конфектъ, открыла ее и подала мужу. Онъ набросился на конфекты, набралъ полную горсть и сунулъ въ ротъ. Проглотивъ первую порцію, онъ схватилъ вторую, третью, наконецъ, взялъ коробку и вылизалъ крошки. Когда отъ конфектъ не осталось уже и слѣда, онъ взглянулъ на жену и сталъ снова говорить. Шагая взадъ и впередъ по комнатѣ, среди цѣлой массы самыхъ разнообразныхъ словъ онъ произнесъ нѣсколько разъ:

— Эвуня, Эвуня...

Она пыталась взять его за руку и посадить возлѣ себя, но онъ вырвался. Тогда она усѣлась на кровати и опустила голову на руки. Прикоснувшись къ его тѣлу, къ его дрожащимъ рукамъ со вздутыми жилами, она опять почувствовала въ сердцѣ остріе копья, которое пронзило ея жизнь. Быстро, молніей мелькнули въ умѣ ея образы темныхъ ночей, пережитыхъ въ этомъ домѣ ея несчастнымъ мужемъ,—ночей, похожихъ на таинственныя пространства, залитыя мертвой водой, надъ которой виситъ вѣчная тьма. Въ теченіе нѣсколькихъ минутъ она пыталась здоровыми нервами перечувствовать и измѣрить всю глубину его ужаснаго страданія, его страшныхъ тревогъ; вся сосредоточившись на одной мысли, она пробовала сломать закрытый входъ во внутрь этой норы, спокойно разсмотрѣть тайны этого чудовищнаго убѣжища и бороться. Ахъ! бороться! Вѣдь она затѣмъ только и пріѣхала: соединить всѣ душевныя силы, какія только присущи человѣку, и ударить на неизвѣстнаго врага,—если это злой духъ—онъ убѣжитъ, если рана—она заживетъ, если страхъ—онъ разсѣется, если непонятое страданіе—оно затихнетъ...

Помѣшанный остановился передъ ней на минуту, потомъ сѣлъ на кровать и сталъ громко зѣвать, шепча что-то про себя. Она обняла его съ безпредѣльной нѣжностью, прижала его голову къ груди и заговорила тихимъ, вдохновеннымъ голосомъ:

— Генрихъ, слушай внимательно, Генрихъ... Скажи мнѣ, что съ тобой, что тебѣ кажется? Скажи мнѣ это ясно-ясно, чтобы я могла тебѣ объяснить. Подумай хорошенько и увидишь, я тебя безо всего этого вылѣчу. Развѣ ты все еще боишься?..

Больной молчалъ, смотрѣлъ въ землю и безсмысленно продѣлывалъ свои странные жесты.

— Развѣ ты все еще боишься?—шептала Эва, прижимаясь къ нему всѣмъ тѣломъ. Голосъ ея звучалъ такъ странно, что если бы она была въ состояніи сознательно услышать его, она бы его навѣрно не признала.

— Ахъ, ахъ...—шепталъ Домбровскій.

Она умолкла, поглощенная сверхчеловѣческимъ напряженіемъ души. Она хотѣла въ это мгновеніе усиліемъ воли перелить въ больного свое здоровье, невидимыми руками она искала въ темнотѣ раны его души, взбиралась по какимъ-то непонятнымъ ступенямъ, чтобы узнать всѣ его страданія...

— Подумай только,—говорила она,—подумай теперь и всегда потомъ думай то же самое, какъ только на тебя нападетъ страхъ...

— Да онъ всюду, онъ за всѣми вещами, всюду, отдѣльно, самъ по себѣ...

— Не бойся, скажи только мнѣ, твоей Эвуни. Я тебѣ все это объясню сейчасъ! Чего ты боишься?..

Больной поднялъ голову и взглянулъ на нее прежними, дорогими глазами. На лицѣ его отпечатлѣлось невыразимое страданіе; онъ прижался къ женѣ и таинственно прошепталъ ей на ухо:

— Меня возьмутъ...

— Я тебѣ сейчасъ объясню! Возьми меня за руку, вотъ такъ, держи крѣпко... вѣдь я же тебя люблю...

— Опять меня возьмутъ, опять возьмутъ,—сталъ онъ повторять, смотря на нее широко-раскрытыми глазами. Вдругъ онъ вскочилъ, сталъ ходить по комнатѣ, трясти головой и выкрикивать свое:

— Войтѣхъ Ястржембовскій написалъ сочиненіе по агрономіи, а я...

Руки, въ которыхъ пани Эва держала голову мужа, повисли безъ силъ, точно мертвыя; она заплакала. Неистощимыя слезы текли по ея лицу, слезы, которыя не уносятъ съ собой изъ сердца страданія, но берутъ жизнь, слезы, которыя уходятъ изъ человѣка, точно кровь изъ перерѣзанныхъ жилъ. Слезы эти обнажали рану, открывали какую-то мель въ душѣ, показывали самое дно страданія...

Она не одолѣла зла. Ничего здѣсь не подѣлаетъ любовь, ко-

торая, будто бы, горы двигаетъ, не поможетъ воля, тверже всякаго труда, и постоянное мужество, и смѣлая вѣра въ спасительное правосудіе...

Она смотрѣла въ землю, не поднимая головы. Больной усѣлся рядомъ и заговорилъ. Сквозь слезы она видѣла дикіе глаза, трясущуюся голову, движенія безпокойныхъ рукъ, черепъ, въ которомъ ничего уже не было, безполезное туловище животнаго...

— Гдѣ же твоя безсмертная душа?—думала она, подавленная ужаснымъ страданіемъ, и мысль эту, точно мечъ, вонзала въ свое сердце и наносила ему ударъ за ударомъ, доходя до дикой жестокости.

Вдругъ больной толкнулъ ее въ плечо. Взглянувъ на него, она смертельно поблѣднѣла. Лицо его исказилось выраженіемъ дикой страсти; онъ улыбался. Вскочивъ, она однимъ прыжкомъ очутилась у дверей. Помѣшанный схватилъ ее на половинѣ дороги. Дверь внезапно распахнулась, и врачъ оттолкнулъ сумасшедшаго въ уголъ комнаты, схвативъ его мощной рукой за отвороты сюртука. Пани Эва выбѣжала въ корридоръ, нашла выходъ и очутилась на вымощенномъ дворѣ. Идя по камнямъ, она прерывисто рыдала, глубоко, громко, почти съ крикомъ, не роняя ни одной слезы. Она была почти увѣрена, что башмаки ея, ступая по этимъ камнямъ, топчутъ, обижаютъ и мучатъ какія-то несчастныя существа. Не отдавая себѣ отчета, куда идетъ, она очутилась у воротъ, ведущихъ на окольный путь. Болотистая тропинка, недавно проложенная по невоздѣланной землѣ, вывела ее на большую дорогу. Она шла, не подымая головы, не въ силахъ оторвать глазъ отъ земли, задержать или замедлить шаги. Движеніе машинальное и безсознательное, инертное движеніе вещи, удерживало ее отъ громкаго крика. На дорогѣ стояли тамъ и сямъ мелкія лужи сѣрой воды. Кое-гдѣ виднѣлся на болотѣ слѣдъ босой ноги. Передъ Эвой отъ одной лужи къ другой перелетала маленькая трясогузка. Птичка вспархивала съ мѣста, когда Эва слишкомъ къ ней приближалась, летѣла по волнистой линіи къ слѣдующему болоту, тамъ вступала въ воду, шагала въ ней по разнымъ направленіямъ, наклоняла головку, испытующе поглядывала на воду и составляла какіе-то экономическіе разсчеты, тихонько посвистывая отъ времени до времени, точно сердясь...

Глаза Эвы, которые послѣ ухода изъ больницы видѣли только какъ бы мертвые останки предметовъ, теперь упорно устремились на маленькую птичку, точно постоянную и живую точку.

— Какая ты счастливая, какая ты счастливая!—шептали ея дрожащія губы.

Мало-по-малу взглядъ несчастной перешелъ на мелкую травку около дороги. Безчисленное множество блестящихъ стебельковъ пыталось вырваться на шоссе, расположиться между плотно сжатыми камнями. Эва подумала одно краткое мгновеніе о мягкихъ корешкахъ этой травы, которые тамъ, въ глубинѣ земли, трудолюбиво ощупываютъ острые края камней, вбитыхъ въ почву, неутомимо толпятся подъ ногами идущихъ, ища себѣ дороги и пищи. За рвомъ шли мокрые луга. Весенніе дожди оставили на нихъ мелкія озера темносиней воды, разбросанныя тамъ и сямъ; съ ними чередовались длинныя полосы свѣтложелтыхъ одуванчиковъ; на сухихъ мѣстахъ въ тѣни орѣшниковъ виднѣлись блѣдноголубые подснѣжники. Кругомъ блестѣли на солнцѣ задорные стебли молодой травы. Наболѣвшіе глаза Эвы, безсильно блуждая по мягкимъ пучкамъ ближайшей травы, собирали съ нихъ и вносили въ душу какой-то укрѣпляющій и чудно-цѣлебный бальзамъ.

— Какія вы счастливыя, какія вы счастливыя!—говорила она тихо.

Свѣтлая зелень, безконечное разнообразіе формъ, мягкость широкихъ сочныхъ листьевъ и ритмическое покачиваніе высокихъ стебельковъ отъ дуновенія вѣтра дѣйствовали на душу такимъ успокаивающимъ образомъ, какъ соки нѣкоторыхъ травъ, уничтожающіе дѣйствіе смертельныхъ ядовъ. Прежде всѣхъ сжалился надъ ней теплый и душистый полевой вѣтерокъ. Она поддалась обманчивому представленію, будто этотъ быстрый путникъ покидаетъ ради нея стройныя травы, спархиваетъ съ самыхъ душистыхъ цвѣтовъ, чтобы обвѣвать и ласкать ее, чтобы высушить потъ на ея лбу, войти въ легкія, коснуться нервовъ и въ глубинѣ души, надъ разбушевавшимися волнами страданія воскликнуть своимъ сладкимъ голосомъ: «Утихни, буря, я тебѣ приказываю!»

По правую сторону отъ дороги шла поперекъ луга узенькая тропинка. Колеи ея чуть виднѣлись изъ-подъ короткой, кудрявой, точно шерстка, травы. Въ ту именно сторону полетѣла трясогузка. И Эва пошла за ней, смутно сознавая, что идетъ не къ желѣзнодорожной станціи. Какъ долго она шла, она точно также не съумѣла бы отвѣтить. Она остановилась только тогда, когда довольно широкій прудъ загородилъ ей дорогу. Она вошла на плотину, обросшую высокими травами, у другого конца которой виднѣлась широкая, черная крыша мельницы, спрятавшейся за плотиною и густыми зарослями. Тутъ же рядомъ простирались настоящія рощи прошлогодняго тростника, мертвенно желтаго, издающаго какой-то похоронный шорохъ при малѣйшемъ дуновеніи вѣтерка. Вблизи этихъ стеблей, видъ которыхъ тяготилъ Эву, какъ воспоминаніе

кладбища, выглядывали изъ воды первые побѣги аира. Около нихъ въ мелкой водѣ плескались на солнцѣ рыбы. Пучки высохшаго тростника и молодой ситовникъ ежеминутно вздрагивали и дрожали, точно любовной дрожью. Далеко въ тростникѣ слышались сладкіе оклики маленькихъ птичекъ, которыя вспархивали со своихъ мѣстъ, подымались вверхъ и опять опускались въ кусты. На поверхности воды между мелкой рыбой мелькали солнечныя пятна. Можно было подумать, что и они дрожатъ отъ какого-то всеобщаго волненія.

Эва опустилась на землю и вскорѣ почувствовала такое утомленіе, точно она, не переставая, шла десятки миль. По тѣлу ея пробѣгалъ еще отъ времени до времени потрясающій вздохъ, но мысли и чувства улетѣли далеко отъ дѣйствительнаго несчастія. Она видѣла вокругъ себя уединенный уголокъ, заросли, воду, но дальше, какъ будто за всѣмъ, окружающимъ ее, она ясно замѣчала иное странное явленіе. Ей казалось, она отлично знаетъ, почему все такъ совершается, а не иначе, видитъ насквозь всякую вещь и обнимаетъ дремлющимъ взглядомъ все до послѣднихъ границъ.

— Какъ это все безжалостно, холодно, какъ неумолимо,— шептала она, глядя въ пространство, застланное кустами, которые казались издали похожими на тучки зеленоватаго тумана.— Если бы я здѣсь умерла въ эту минуту, если бы я скатилась въ воду и утонула, раки и черви съѣли бы меня, а эта вода такъ же чудесно рябила бы надо мной, эти рыбы точно также плескались бы и эта нѣга, что идетъ изъ расцвѣтшей земли, шла бы точно также для другихъ...

Минуту спустя, она опять заговорила про себя, горько вздыхая:

— Кто падаетъ, тотъ долженъ гибнуть. Смерть приходитъ къ намъ не съ торжественнымъ мечемъ, не съ предательскимъ кинжаломъ, не съ грубымъ ножомъ мясника. Съ улыбкой убиваетъ она согласно своимъ законамъ, согласно своимъ разсчетамъ, И нѣтъ во всемъ этомъ жалости; ахъ! зачѣмъ же мы ее чувствуемъ, зачѣмъ, къ чему?

Глухо рыдая, она припала лицомъ къ землѣ и долго лежала такъ, разбитая, точно уничтоженная. И только свистокъ поѣзда, пробѣгающаго вдали равнину, разбудилъ ее и призвалъ къ дѣйствительности. Она поспѣшно встала и, отряхнувъ платье, какъ можно скорѣе направилась къ вокзалу, красная крыша котораго рѣзко выдѣлялась на горизонтѣ.

Когда, запыхавшись отъ быстрой ходьбы, она пробѣжала вокзалъ и очутилась на платформѣ, чтобы узнать, когда ближайшій

поѣздъ идетъ въ городъ, она увидѣла «этого господина». Онъ стоялъ, опершись о желтую рѣшетку, съ глазами, по обыкновенію, опущенными, однако замѣчающими всякую мелочь, и со своей своеобразной улыбкой. Когда она вошла на платформу, онъ разъ только поднялъ на нее глаза, но она поняла тотчасъ ихъ выраженіе, такъ какъ они говорили ей яснѣе всякихъ словъ: «если ты хочешь, чтобы я удалился, я не медля исчезну»...

«Этотъ господинъ» былъ чертежникомъ въ одномъ техническомъ правленіи. Эва уже давно, еще до болѣзни мужа встрѣчала его на своей дорогѣ, но лично не была съ нимъ знакома. Уходя изъ фабрики по вечерамъ, она замѣчала его, то притаившагося на уединенной скамьѣ между кустами бульвара, то проходящаго вдоль стѣны сосѣдней улицы. Она знала отъ одной подруги, что это очень хорошій, «общественный» малый, знала также, уже не отъ подруги, но по собственному инстинкту, что онъ знаетъ всю ея жизнь; она не разъ читала въ мимолетномъ блескѣ его взглядовъ, какъ нѣжно онъ ей сочувствуетъ, или, можетъ быть, какъ сильно любитъ.

Она цѣнила въ немъ то, что онъ не искалъ знакомства, чтобы не подвергать ее людскимъ толкамъ, удовлетворяясь тѣмъ, что видѣлъ ее въ продолженіе нѣсколькихъ мгновеній разъ въ сутки, иногда разъ въ два, три дня...

Все это, конечно, было предано абсолютному забвенію во время ужаснаго несчастія, когда Генрихъ сошелъ съ ума. Она погрузилась тогда въ такое отчаяніе, что каждая мало-мальски веселая мысль возбуждала въ ней суевѣрный страхъ и была поводомъ горькихъ угрызеній совѣсти. Случалось ей тогда встрѣчать незнакомца, но она не умѣла бы даже точно опредѣлить, было ли то во снѣ, или на яву. Она знала только, что онъ былъ ей милъ, какъ воспоминаніе о тѣхъ дняхъ, когда и ей еще свѣтило солнце.

Замѣтивъ его на платформѣ, она сейчасъ же удалилась въ станціонный залъ, купила билетъ и усѣлась на деревянной скамьѣ. Въ окно она видѣла молодого человѣка. Онъ стоялъ, какъ и прежде, держа въ рукѣ большой букетъ блѣдно-голубыхъ подснѣжниковъ, и смотрѣлъ на цвѣты. Потомъ онъ сталъ гулять по платформѣ. Она невольно всматривалась въ его мягкую шляпу, облитую солнечнымъ свѣтомъ и отлично гармонирующую съ его свѣтлыми волосами, наблюдала изящное лѣтнее пальто, букетъ цвѣтовъ, медленныя, ловкія движенія и слѣдила глазами за каждымъ шагомъ «господина».

Буря страданія сожгла всю глубь ея души, наполняя ее развалинами и пепломъ; какой-то дымъ окуталъ ея мозгъ, а сердце

буквально ничего не было въ состояніи чувствовать. Подошелъ поѣздъ. Эва быстро сѣла въ вагонъ и очутилась въ маленькомъ, совершенно пустомъ отдѣленіи. Минуту спустя, вошелъ туда ея поклонникъ. Онъ сѣлъ въ уголъ и продолжалъ разсматривать свои цвѣты. Поѣздъ тотчасъ тронулся. Эва, не отрывая глазъ отъ разстилавшагося за стекломъ вида, оставалась по прежнему безчувственной. Быстрый ходъ поѣзда, казалось, уносилъ ее, уносилъ... Но скоро она почувствовата на себѣ взглядъ своего спутника. Она знала, какъ онъ въ эту минуту на нее смотритъ, чувствовала, съ какимъ безумнымъ нетерпѣніемъ ожидаетъ онъ одного ея взгляда; она отлично понимала его тоскливое желаніе такой минуты, длившееся мѣсяцы, можетъ быть, годы... И вдругъ сердце въ ней дрогнуло. Ей страстно захотѣлось взглянуть на этого человѣка, увидѣть его лицо, глаза, улыбку.

— Почему я должна страдать, чѣмъ я виновата?—спросила она, возмущаясь и почувствовавъ вдругъ такое желаніе отказаться отъ всякихъ страданій, что, если бы онъ всталъ и простеръ къ ней объятія, она положила бы голову къ нему на грудь, выплакала бы все свое горе и пошла бы съ нимъ. Только бы онъ вырвалъ изъ ея сердца страданіе, которое его гложетъ. Весь человѣческій эгоизмъ поднялся въ ней: зачѣмъ страдать, зачѣмъ бороться съ неизбѣжностью, которую ничто на землѣ не можетъ одолѣть? Голова ея, прислоненная къ деревянной доскѣ надъ скамейкой, безсильно покачивалась въ тактъ съ ходомъ поѣзда; жгучая, какъ огонь, краска выступала на щекахъ. Чтобы скрыть ее, она поднялась съ мѣста и стала у окна. Зеленыя поля и луга убѣгали въ неизмѣримую даль. На горизонтѣ виднѣлась уже только высокая, красная труба больницы для умалишенныхъ; изъ трубы этой появлялись одинъ за другимъ бурые клубы дыма. Эва смотрѣла внимательно на этотъ дымъ и въ шумѣ колесъ, ударяющихся о рельсы, послышались ей опять проклятыя слова:

— «И быть стражемъ могилъ, которыя просятъ слезъ и любви, и быть только тѣнью»...

Она чувствовала смыслъ этихъ словъ сжатымъ сердцемъ, даже слышала ихъ страдальческій звукъ. Это не былъ, однако, голосъ ея мужа; это былъ просто голосъ ничей. Она сѣла на мѣсто, блѣдная, со сжатыми губами. Опираясь лѣвой рукой на скамью, она коснулась букета подснѣжниковъ. «Этотъ господинъ» положилъ его рядомъ съ занимаемымъ ею раньше мѣстомъ.

Эва взяла въ руки букетъ, положила его на колѣни и, глядя на лепестки хорошенькихъ цвѣтковъ, шептала мысленно: «слишкомъ поздно, слишкомъ поздно»...

Долго сидѣла она такъ задумавшись. Когда, наконецъ, она подняла глаза, они были страшно грустны. Медленно развязавъ букетъ и съ улыбкой, которая точно солнечный лучъ освѣтила ея лицо, она стала маленькими пучками ронять на полъ эти цвѣты, до послѣдняго. Затѣмъ она взглянула на своего спутника и сказала тихо, точно оправдываясь и прося прощенія:

— Мой мужъ боленъ, ему все хуже...

Молодой человѣкъ сидѣлъ неподвижно до ближайшей товарной станціи подъ самымъ городомъ, но только поѣздъ остановился, онъ поспѣшно сошелъ и быстро зашагалъ по направленію къ городу.

И долго еще видѣла Эва его свѣтлые волосы и слышала отголосокъ его шаговъ глухой... глухой...

Пер. съ польскаго В. Зеленевской.

ПИСЕМСКІЙ.

*(Окончаніе *).*

XXIX.

Въ декабрьской книгѣ *Библіотеки для Чтенія* за 1861 годъ появился фельетонъ, подписанный *Старая фельетонная кляча—Никита Безрыловъ*. Фельетонъ не занимаетъ и пяти страницъ, но содержанія въ немъ вполнѣ достаточно, чтобы возбудить у читателей энергическія чувства. Авторъ начинаетъ безобидной болтовней на счетъ столичныхъ удовольствій, потомъ переходитъ къ «невинному и юному человѣчеству» и касается темы, уже разъ затронутой въ *Запискахъ Салатушки*, въ началѣ того же года. Салатушка возмущался, что ему, въ угоду супруги начальника, приходится бывать въ воскресныхъ школахъ и созерцать «этихъ мальчишекъ, мужичье въ чуйкахъ, полушубкахъ, въ дегтярныхъ сапогахъ». Статскому совѣтнику чуть дурно не сдѣлалось...

Но такъ, можетъ быть, и надлежитъ чувствовать г-ну Салатушкѣ; какимъ же чудомъ фельетонистъ *Библіотеки для Чтенія* могъ заговорить въ томъ же самомъ духѣ о тѣхъ же школахъ?

Никиту Безрылова смутило обращеніе учителей съ «разными замарашками-мальчиками и дѣвочками» ни *вы*. Онъ увѣренъ,—школьники вовсе не понимаютъ этой вѣжливости и «гораздо лучше учатся у какого-то крикуна-помѣщика и полковыхъ унтеръ-офицеровъ, чѣмъ у самыхъ современныхъ молодыхъ». Вообще—«фактъ великой гуманности» выходилъ очень забавнымъ, также и «благодѣтельное средство гласности», но въ особенности «ученіе эмансипаціи». Оно фельетонистомъ разъяснялось такъ: «у вашей супруги будетъ, во-первыхъ—вы, мужъ, во-вторыхъ, любимый ею любовникъ, въ-третьихъ, любовникъ, который ее любитъ». Въ заключеніе поднимались на смѣхъ литературные вечера: литераторы до того надоѣли публикѣ, что рѣшили дать представ-

---

*) См. «Міръ Божій», № 11, ноябрь 1896 г.

леніе по совершенно особой программѣ. Объявлялось и участіе Писемскаго вмѣстѣ съ презрѣннѣйшимъ литераторомъ Аскоченскимъ: они, будто бы, вступятъ другъ съ другомъ въ задушевную бесѣду, станутъ закусывать соленымъ судакомъ и г. Писемскій обнаружитъ полное пренебреженіе къ другой закускѣ и крѣпкимъ напиткамъ—перечисляются излюбленныя блюда и питія Писемскаго. Никита Безрыловъ, слѣдовательно, не пощадилъ и редактора журнала...

Уже самъ по себѣ фельетонъ былъ очень краснорѣчивъ для современныхъ читателей, необычайно чуткихъ и нервныхъ ко всякой реакціонной или просто скептической нотѣ. Но немедленно воспослѣдовавшая полемика еще яснѣе опредѣлила не только общее положеніе Писемскаго, но и почти всѣ главнѣйшія темы его послѣдующихъ произведеній.

На фельетонъ отвѣчали *Сѣверная Пчела* и *Искра*. Особенной запальчивостью отличилась статья «Искры»—въ настоящее время даже странно читать невѣроятно яростныя нападки не столько на автора фельетона, сколько на самого редактора. Въ сущности, *Искра* и мѣтила въ Писемскаго, справедливо отожествляя его съ Никитой Безрыловымъ. Оказывалось, «никогда еще русское печатное слово не было низводимо до такого позора, до такого поруганія, до какого низвела его *Библіотека для Чтенія*», грязь, пошлость, тупоуміе, «самый жалкій паяцъ», «гнусный, позорный для человѣческаго смысла смѣхъ», «человѣкъ, надѣленный ограниченнымъ умомъ отъ природы, закоснѣвшій въ постоянной лѣни и безпутствѣ», всѣ эти эпитеты казались *Искрѣ* недостаточными для характеристики Никиты Безрылова и журналъ прямо справлялся: «Принадлежитъ ли онъ, Никита Безрыловъ, къ числу рожденныхъ или какъ-нибудь случайно попалъ въ человѣческое общество? Шевелилась ли въ немъ когда-нибудь человѣческая мысль, волновало ли его когда-нибудь и какое-нибудь человѣческое чувство?..»

Въ заключеніе—вина за фельетонъ слагалась всецѣло на Писемскаго и высказывался основной принципъ публицистической литературы шестидесятыхъ годовъ:

«Прошли тѣ времена, когда литературную извѣстность можно было пріобрѣтать ловкой фразой, сладкимъ стихомъ, даже блестящимъ остроуміемъ, даже умѣньемъ сочинять повѣсти и романы. Нынѣ всякому, даже и не учившемуся въ семинаріи, извѣстно, что талантъ, который не имѣетъ искренняго стремленія служить общественному дѣлу, не заслуживаетъ никакого уваженія, а талантъ, употребляющій свои силы на разрушеніе этого

дѣла, достоинъ всякаго презрѣнія». И журналъ грозилъ съ этихъ поръ записать имя Писемскаго въ разрядъ Аскоченскихъ...

Угроза далеко не шуточная: *Искра* расходилась въ количествѣ семи тысячъ экземпляровъ, изъ журналовъ только *Современникъ* могъ соперничать съ ней по вліянію и распространенности. А потомъ *Искра* взывала къ столь доступнымъ и несомнѣнно благороднымъ чувствамъ читателей. Ударъ становился вдвойнѣ жестокимъ и неотразимымъ. Писемскій рѣшилъ защищаться.

Въ январѣ появились два «отвѣта»—отъ имени Писемскаго и Никиты Безрылова «своимъ врагамъ». Обѣ статьи не заключали никакихъ оправданій по существу, ничего не доказывали и не объясняли, а въ рѣзкомъ категорическомъ тонѣ осыпали жестокими укоризнами противниковъ. Писемскій ссылался на публику, которой извѣстны его «симпатіи» и «антипатіи» и выражалъ надежду, что его «честное имя» не будетъ почеркнуто въ глазахъ соотечественниковъ взмахомъ пера какихъ то рьяныхъ и неизвѣстныхъ ему, Писемскому, оскорбителей. Никита Безрыловъ шелъ гораздо дальше.

Онъ обвинялъ «враговъ» въ праздныхъ *словоизліяніяхъ*, фразерствѣ, а себя объявлялъ сторонникомъ *дѣла*. «Я радикалъ, а вы—шарлатаны-докторишки: замазавши больному то въ томъ, то въ другомъ мѣстѣ общее разстройство организма, вы увѣряете его, изъ личныхъ вашихъ выгодъ, что онъ уже здоровъ». «И понимаете ли вы,—спрашивалъ авторъ у своихъ противниковъ,—какъ человѣкъ съ нефельетонной душой, не развращенной до тла, въ которомъ осталась еще кровь и сердце, для котораго только одна правда имѣетъ высокую цѣну, какъ онъ долженъ бѣситься, мучиться, терзаться, когда вотъ уже около десяти почти лѣтъ, онъ только и слышитъ около себя слова, слова, слова и ни на вершокъ дѣла?» Дальше удостовѣрялось, что женскую эмансипацію рѣшительно всѣ понимаютъ на одинъ манеръ съ Никитой Безрыловымъ, и если «враги» толкуютъ иначе, то «съ чужого голоса», притомъ «и не понимая еще хорошенько этого голоса». Отвѣтъ заканчивался откровенными эпитетами, не уступающими выстрѣламъ *Искры*.

Издатели *Искры* не приняли во вниманіе обоюдности оскорбленій и вызвали Писемскаго на дуэль. Тотъ отказался, но не избѣгъ новой, еще горшей обиды. Еженедѣльная газета *Русскій Міръ* объявила, что она вмѣстѣ съ другими литераторами протестуетъ противъ выходокъ *Искры* и будто этотъ протестъ нашелъ сочувствіе у *Современника*. Безтактность совершенно непонятная, такъ какъ въ первомъ фельетонѣ Никита Безрыловъ крайне безцере-

монно издѣвался надъ сребролюбіемъ Панаева, мнимой любовью Некрасова къ бѣднымъ и его пристрастіемъ къ картежной прибыльной игрѣ. Остальные члены редакціи еще менѣе могли «сочувствовать» остроумію *Библіотеки для Чтенія*. Они и поспѣшили заявить объ этомъ печатно, т. е. выразили *полное одобреніе* статьѣ *Искры*... Оказалось, два вліятельнѣйшихъ органа печати сошлись въ безпощадномъ презрѣніи къ Писемскому.

Тогда-то нашему автору пришлось пережить впервые жесточайшую душевную муку человѣка, присутствующаго на собственныхъ нравственныхъ похоронахъ, даже больше,—созерцающаго свои униженія и безсильнаго отвѣтить на нихъ, подняться хотя бы даже въ уровень съ своими врагами. На сторонѣ враговъ стояла вся дѣятельная просвѣщенная публика и, по условіямъ времени, вполнѣ была согласна съ мнѣніемъ *Искры* на счетъ чисто-художественнаго дарованія, безполезнаго или даже вреднаго въ дѣлѣ общественнаго развитія. Потомъ на сторонѣ враговъ было и самое просвѣщеніе, часто весьма основательныя знанія и крупные таланты въ областяхъ, совершенно недоступныхъ Писемскому. Наконецъ, у него не оказалось просто *публицистическаго* оружія, сколько-нибудь пригоднаго въ столь запальчивой борьбѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, какіе аргументы приводилъ Никита Безрыловъ противъ «своихъ враговъ»? То, что они много говорили и мало дѣлали. Но вѣдь кому же было неизвѣстно, что и говорить-то было далеко не безопасно и не просто именно въ то десятилѣтіе, о какомъ писалъ фельетонистъ. *Искру* рѣшительно всѣ слишкомъ хорошо понимали, когда она говорила о «безчисленныхъ препятствіяхъ, какія новыя идеи встрѣчаютъ при своемъ появленіи въ русскомъ обществѣ». И самъ Писемскій на себѣ лично испыталъ это и даже впослѣдствіи счелъ нужнымъ напомнить о «препятствіяхъ» въ романѣ *Люди сороковыхъ годовъ*. Еще въ 1858 году *слово* «прогрессъ» было запрещено употреблять въ печати, и въ то самое время, когда писались фельетоны Никиты Безрылова, вопросъ о новомъ цензурномъ уставѣ проходилъ самыя трудныя и тернистыя стадіи. И послѣ этого фельетонистъ находилъ возможнымъ издѣваться надъ «благодѣтельнымъ средствомъ гласности»! Потомъ, фельетонистъ не могъ не знать, съ какими затрудненіями встрѣтилось *дѣло* крестьянской реформы въ высшихъ правительственныхъ сферахъ, не могъ не знать, что не будь доброй воли царя и энергіи великаго князя Константина Николаевича, врядъ ли бы скоро народная свобода вышла изъ области *словъ* и намѣреній. Если такъ трудно и медленно рождалось *дѣло* тамъ, гдѣ находились и сила, и власть, можно ли было бросать камнемъ

въ *печать* и *общество* за ихъ бездѣятельность? Но даже и это оказывалось неправдой: дѣятельность печати, положительная и благотворная въ современныхъ преобразовательныхъ вопросахъ, была признана *оффиціальными* лицами, менѣе всего расположенными къ газетному либерализму. Такіе журналисты и ученые, какъ, напримѣръ, Кавелинъ, могли принести и дѣйствительно принесли существенную пользу, разъясняя .спорныя и темныя стороны крестьянскаго быта. Морское министерство, въ лицѣ великаго князя Константина Николаевича, обращалось именно къ литераторамъ, къ печати за помощью въ изученіи русской жизни и основъ болѣе совершенной гражданственности. *Морской Сборникъ*, оффиціальное изданіе, становится самымъ живымъ общественнымъ органомъ, печатаетъ разнообразнѣйшія статьи, начиная съ педагогическихъ *Вопросовъ жизни* Пирогова и кончая полубеллетристическими очерками на важнѣйшія современныя темы. Естественно, остальные органы спѣшатъ обильно черпать изъ этого источника и такимъ путемъ во главѣ общественнаго мнѣнія идетъ *слово*, освященное самой властью.

Морское вѣдомство являлось исключеніемъ, и великій князь отнюдь не находилъ сочувствія въ высшей бюрократіи, но тѣмъ поучительнѣе фактъ, свидѣтельствовавшій о небывалой новой роли печати и гласности. И вдругъ *писатель* ополчается на *гласность*!.. Правда, онъ могъ разумѣть злоупотребленія ею, но что значили эти злоупотребленія *въ 1861 году*, т. е. за четыре года до новаго устава о безцензурной печати? Не достаточно ли было вполнѣ бдительныхъ оффиціальныхъ глазъ для пресѣченія и кары за злоупотребленія и неужели требовалось еще напоминаніе со стороны самой печати о своихъ злокозненныхъ поступкахъ? Такіе, надо полагать, разсудительные и трезвые публицисты, какъ редакторы *Московскихъ Вѣдомостей* и *Русскаго Вѣстника*, защищали гласность и свободу печати безъ всякихъ оговорокъ и издѣвательствъ, а писатель-художникъ находилъ нужнымъ оттѣнить грѣхи и пройти молчаніемъ добродѣтели! Далѣе, съ точки зрѣнія абсолютной справедливости и безпристрастія такое дѣйствіе слѣдовало бы признать несправедливымъ и пристрастнымъ. Какъ же на него можно было взглянуть съ точки зрѣнія не партійной, а просто писательской, литературной? Естественно, *Искра* загорѣлась пламенемъ.

То же самое и относительно воскресныхъ школъ.

Самъ же Никита Безрыловъ писалъ: «всякій человѣкъ, по плохому ли темпераменту, по невѣжеству ли своему, но всегда виноватъ въ томъ, что съ нимъ дѣлаютъ». Вотъ эту-то истину отлично сознавали «враги» фельетониста, выступая стѣной на не-

вѣжество народа. Воскресныя школы показались самымъ подходящимъ, по крайней мѣрѣ на первое время, оружіемъ, и надо знать, какой восторгъ они вызвали у всѣхъ классовъ русскаго общества! Салатушка справедливо жалуется на супругу своего начальника: свѣтскія барыни, дѣйствительно, схватились за новую затѣю, какъ за свѣжую моду, и, конечно, немедленно сообщили совершенно серьезному дѣлу комическій и подчасъ недостойный характеръ. Являлись, конечно, и помимо барынь нежелательные элементы... Но, вѣдь, самъ же авторъ выразилъ прекрасную мысль по поводу такихъ явленій: «ко всѣмъ добрымъ начинаніямъ, когда они войдутъ въ силу и моду, какъ къ памятникамъ въ губернскихъ городахъ, всего больше напристанетъ грязи и навозу». И ужъ, конечно, Никита Безрыловъ могъ быть увѣренъ, что помимо его найдутся проницательные наблюдатели за «грязью» воскресныхъ школъ, и писателю нечего было безпокоиться именно въ этомъ направленіи.

Наконецъ, самое тяжелое обвиненіе — на счетъ эмансипаціи...

Если одинъ изъ лучшихъ современниковъ шестидесятыхъ годовъ увлеченіе общества воскресными школами называетъ «неистовымъ», какъ же онъ долженъ бы выразиться объ увлеченіи идеей женской свободы при изображеніи переходныхъ историческихъ эпохъ? Надо всегда помнить, *какъ* и *при какихъ условіяхъ* воспринимается новая мысль.

Здѣсь можетъ быть нѣсколько очень рѣзкихъ оттѣнковъ, въ прямой зависимости отъ историческаго развитія дѣйствительности.

Она—дѣйствительность—можетъ стоять въ двоякомъ отношеніи къ идеѣ: или свободно воспринимать ее, или оказывать ей упорное непреодолимое сопротивленіе. Сообразно съ этимъ мѣняется и судьба идеи и характеръ идеалистовъ. Гдѣ идея не встрѣчаетъ завѣдомой стихійной вражды, тамъ она не представляетъ какого-либо экстреннаго, чрезвычайнаго явленія и люди, усвоившіе ее, не имѣютъ права на исключительное положеніе, на какой либо героизмъ. Имъ, конечно, приходится бороться, но если они умѣютъ доказать жизненность и настоятельность своей идеи, они могутъ быть увѣрены въ побѣдѣ. Все, слѣдовательно, зависитъ отъ достоинства идеи и силъ идеалистовъ.

Совершенно другая картина тамъ, гдѣ дѣйствительность невоспріимчива къ идеямъ только потому, что онѣ—идеи, гдѣ она отстаиваетъ свой status quo просто во имя его самого, а не логики или даже практической пользы. На этой почвѣ идея—своего рода контрабанда, и совершенно мѣняется и ея значеніе, и роль идеалистовъ. Идея начинаетъ высоко цѣниться не по своему положи-

тельному достоинству, а потому, что она вообще *идея*, а не *фактъ* окружающей дѣйствительности, т. е. одна крайность вызываетъ другую. Отсюда—неизбѣжныя увлеченія самыми отважными теоріями, часто менѣе всего жизненными и цѣлесообразными,—фантастическія построенія въ противовѣсъ реальной жизни. Достаточно, если то или другое отвлеченное представленіе противорѣчитъ дѣйствительности, уже оно въ силу этого увлекательно, во-первыхъ, потому, что дѣйствительность органически враждебна идеалу, а потомъ она не воспитала у людей здраваго, трезваго и спокойнаго отношенія къ идеаламъ и дискредитировала все реальное и положительное *вообще*, враждуя съ идеальнымъ *безусловно*.

Это одно. Съ другой стороны тамъ, гдѣ идея — контрабанда, всякій ее исповѣдующій невольно выростаетъ въ своихъ и чужихъ глазахъ до героя, до подвижника, и тамъ, гдѣ не умѣютъ опредѣлить дѣйствительной цѣнности идеи, столь же мало умѣютъ оцѣнить и положительныя качества идеалиста.

Въ результатѣ за идеи сходятъ самые легкомысленные и дикіе продукты воображенія и теоретическаго ума, за идеалистовъ — невѣжественнѣйшіе и пустѣйшіе фантазеры, за героевъ—мишурные лицедѣи и вздорные говоруны.

И нигдѣ всѣхъ этихъ прелестей не появлялось и не могло появиться въ такомъ количествѣ, какъ въ затхломъ, застоявшемся воздухѣ дореформенной Россіи, нигдѣ, однимъ словомъ,— «ко всѣмъ добрымъ начинаніямъ» не приставало столько «грязи и навозу», Для «добрыхъ начинаній» и вообще даже самыхъ разумныхъ идей надо предварительно дорости, надо пройти продолжительный искусъ воспитанія нравственнаго и общественнаго, а кто же проходилъ этотъ искусъ тамъ, гдѣ Костанжогло являлись солью земли, Рудины и Онѣгины — существами высшей породы, Татьяны—идеальными натурами? Уже не малымъ успѣхомъ было появленіе Онѣгиныхъ, т. е. извѣстнаго чувства неудовлетворенности окружающей дѣйствительностью, и особенно Рудиныхъ, т. е. нѣкоторыхъ порывовъ за предѣлы этой дѣйствительности. Это все-таки волны, теченіе, т. е. *движеніе* въ болотномъ царствѣ, и именно въ такомъ смыслѣ Тургеневъ оцѣнилъ Рудина устами Басистова. Писемскій, мы видѣли, не усмотрѣлъ рѣшительно ничего положительнаго и жизненнаго ни въ томъ, ни въ другомъ типѣ. Это — односторонность и несомнѣнный пробѣлъ въ авторскомъ представленіи. Но то же самое останется у Писемскаго и въ эпоху реформъ и позже. Мало этого. Именно *односторонность* онъ признаетъ *правдой* своего позднѣйшаго творчества. Такъ онъ самъ заявитъ совершенно опредѣленно.

Естественно, «эмансипація» должна была доставить Писемкому особенно обильный матеріалъ. Именно въ этой области ненормальная судьба идей и странныя роли идеалистовъ неизбѣжно обнаружились съ особенной яркостью. Если питомцы университетовъ — часто и русскихъ и заграничныхъ — выпускали изъ своей среды Кисляковыхъ и Ворошиловыхъ, сколько же изъ среды русскихъ дѣвушекъ, искони вѣковъ не знавшихъ ни умственной работы, ни даже настоящей грамотности, и болѣе или менѣе человѣчески-достойнаго положенія, новыя идеи могли прямо сбить съ толку? Вѣдь, у самого автора жоржъ-зандизмъ не поднялся выше понятія о свободной любви, о внѣбрачныхъ удовольствіяхъ, а вѣдь авторъ могъ читать все, что угодно, слушать лекціи, вращаться въ какомъ угодно обществѣ... Какъ же могла представить себѣ жоржъ-зандизмъ какая-нибудь Нина, Мари, Софи—героини Писемскаго — изъ того самаго типа дрессированныхъ куколъ, какой изображалъ Бѣлинскій? Отвѣтъ ни для кого не подлежитъ сомнѣнію, но не для всѣхъ онъ *единственный* отвѣтъ и *единственный* смыслъ «эмансипаціи». Онъ только можетъ имѣть въ виду то, что «пристало» къ движенію, а не само движеніе. Для Никиты Безрылова не существуютъ подобныя тонкости.

Въ заключеніе, онъ, очевидно, разсчитывалъ наповалъ убить своихъ противниковъ, уличивъ ихъ въ плагіатѣ словъ и идей... Но гдѣ разграничить плагіатъ отъ собственности въ исторіи русской цивилизаціи? Вѣдь и то, что Писемскій столь увѣренно считалъ своимъ, русскимъ достояніемъ, стало таковымъ опять-таки путемъ заимствованія, взято «съ чужого голоса». Ужъ если авторъ «радикалъ», онъ долженъ быть неумолимо послѣдователенъ, и идти вплоть до Аскоченскаго, или даже еще дальше, до московскаго домостроя. Онъ полковыхъ унтеръ-офицеровъ въ качествѣ учителей предпочитаетъ «самымъ современнымъ молодымъ», но, вѣдь, было время, когда грамотный солдатъ или унтеръ-офицеръ, да еще, пожалуй, выученный на службѣ, казался столь же дикимъ явленіемъ, какимъ автору кажется гуманный педагогъ или эмансипированная дама. Онъ съ сочувствіемъ упоминаетъ о благородствѣ военной молодежи первой четверти нашего вѣка, но пусть бы онъ припомнилъ, какъ смотрѣли на эту молодежь въ свое время, на ея идеи и чувства! Именно такъ, какъ авторъ смотритъ на «самыхъ современныхъ молодыхъ» и обвиненія были тѣ же на счетъ заимствованія и «чужого голоса».

Весь вопросъ, слѣдовательно, не въ *заимствованіяхъ*: все русское просвѣщеніе заимствовано, а въ *качествѣ* заимствованнаго. Вотъ на этотъ-то пунктъ и долженъ бы направить вниманіе са-

тирикъ. Но, мы уже знаемъ, для него не существуетъ оттѣнковъ и ограниченій: ему достаточно общаго *впечатлѣнія* и *сужденіе* готово.

Мы такъ подробно остановились на двухъ статьяхъ Писемскаго потому, что онѣ предвосхищаютъ всю его позднѣйшую литературу. Писемскій, неумолимо послѣдовательный въ сатирѣ надъ дореформенными героями и порядками, остался также вѣренъ себѣ и въ гоненіи на новыхъ людей и не отступилъ ни на шагъ отъ разъ высказанныхъ приговоровъ.

XXX.

Исторія съ *Искрой* произвела потрясающее впечатлѣніе на нервную натуру Писемскаго. Онъ, по словамъ очевидца, «впалъ въ то состояніе изнеможенія, нервнаго упадка силъ, какое находило на него при всякихъ крупныхъ неудачахъ жизни» *). Этому настроенію не суждено окончательно исчезнуть; даже и причины, его вызвавшія, изъ году въ годъ углублялись. Разрывъ Писемскаго съ прогрессивной и вліятельной печатью былъ непоправимъ. Объ уступкахъ со стороны нашего автора не могло быть рѣчи; напротивъ, по самой натурѣ, Писемскій могъ только еще выше поднять тонъ и «прать противъ рожна». Въ результатѣ—способность художественнаго творчества быстро понижалась и уступала мѣсто личнымъ изліяніямъ, публицистикѣ самаго крайняго направленія. И скоро самъ писатель призналъ этотъ упадокъ и принялся за въ высшей степени рѣзкія драматическія сатиры.

Но одновременно съ преобразованіемъ авторскаго таланта совершилась не менѣе роковая перемѣна и въ человѣкѣ. Наслѣдственная нервность переходила въ тяжелый недугъ, врожденный скептицизмъ, инстинктивная недовѣрчивость къ человѣчеству, боязнь внѣшнихъ враждебныхъ силъ и болѣзненная чуткость къ ихъ малѣйшему мнимо-злокозненному посягательству—все это, унаслѣдованное еще отъ отца, теперь подъ вліяніемъ вполнѣ реальныхъ публичныхъ преслѣдованій, ненависти и оскорбленій—всѣ эти задатки превратились въ источникъ жестокихъ душевныхъ страданій. Бывали минуты, когда Писемскій могъ чувствовать себя въ положеніи затравленной жертвы, и именно такія минуты наступили послѣ перваго же художественнаго произведенія автора, слѣдовавшаго за журнальной полемикой. Естественно, эти ощущенія на болѣзненной, мучительно-раздраженной почвѣ быстро выросли въ настоящую пытку. Ипохондрія и мнительность развились до крайнихъ

*) Анненковъ. *O. c.*

предѣловъ, и напрасно Писемскій старался отвести душу въ романахъ и письмахъ, не щадя своихъ противниковъ, напрасно онъ клеймилъ газеты и газетную критику въ письмахъ къ французскому переводчику своихъ романовъ, напрасно не уставалъ развѣнчивать «эмансипацію» и «благодѣтельную гласность»,—глубокій мракъ окутывалъ его душу. По временамъ имъ овладѣвало «полнѣйшее отвращеніе» къ умственной работѣ; такъ онъ самъ выражается, нападала безграничная грызущая тоска, «не уступавшая никакимъ резонамъ»: такъ разсказываетъ Анненковъ.

Въ первое время еще бывали проблески, Писемскому возвращался его юморъ и благодушное настроеніе, но въ началѣ семидесятыхъ годовъ надъ нимъ разразилось жесточайшее несчастье всей его жизни: старшій, любимый сынъ, блестяще одаренный ученый математикъ покончилъ самоубійствомъ, и съ этихъ поръ жалобы Писемскаго на «страшнѣйшую ипохондрію» не прекращаются. Онъ окончательно дряхлѣетъ физически и нравственно, уже въ половинѣ семидесятыхъ годовъ представляетъ «руину» и его безпрестанно обуреваетъ смутный ужасъ предъ воображаемыми катастрофами и бѣдами. Великихъ усилій и безграничной любви стоило со стороны окружающихъ вносить жизнь и свѣтъ въ эту страдальческую душу...

При такихъ условіяхъ шла литературная дѣятельность Писемскаго въ эпоху реформъ. Первое произведеніе—романъ *Взбаламученное море*—уже отражаетъ жгучія нравственныя боли, терзавшія автора. Онъ писался въ самый разгаръ полемики, начатъ въ Петербургѣ и оконченъ въ Москвѣ. Полемика вынудила Писемскаго отказаться отъ редакторства, уѣхать изъ Петербурга и пристроиться на первое время къ *Русскому Вѣстнику*, въ качествѣ завѣдующаго беллетристическимъ отдѣломъ. Въ этомъ журналѣ и появился романъ въ 1863 году, годомъ позже *Отцовъ и дѣтей*.

Надъ романомъ въ критикѣ былъ произнесенъ единодушный обвинительный приговоръ, и эпитетъ *Русскаго Слова*.—«взбаламученный романистъ» являлся еще однимъ изъ безобидныхъ среди повальныхъ осужденій и упрековъ. Многія статьи не утратили *историческаго* интереса и до сихъ поръ: въ нихъ прекрасно отразились настроенія и идейныя пристрастія энергичнѣйшихъ людей эпохи. Но собственно *критика* не представляла ни малѣйшаго труда для противниковъ романа. Она просто была подсказана самимъ авторомъ. Послѣднія строки романа въ высшей степени любопытны: онѣ яснѣе всѣхъ критическихъ изслѣдованій и доводовъ характеризуютъ и отношеніе автора къ эпохѣ, и сущность

его литературныхъ трудовъ—съ начала шестидесятыхъ годовъ. Нѣкоторыя слова подчеркиваемъ мы.

«Разсказъ нашъ, на сколько было въ немъ *задачи*, конченъ. За *откровенность* нашу, мы напередъ знаемъ, тысячи обвиненій падутъ на нашу голову. Но изъ всѣхъ ихъ мы принимаемъ только одно: пусть насъ уличатъ, что мы *наклеветали* на дѣйствительность!.. Не мы виноваты, что въ быту нашемъ *много* грубаго и чувственнаго, что такъ называемая образованная *толпа* привыкла говорить фразы, привыкла или ничего не дѣлать, или болтать вздоръ; что не цѣня и не прислушиваясь къ нашей главной народной силѣ—*здравому смыслу* (подчеркиваетъ авторъ), она кидается на первый *фосфорическій свѣтъ*, гдѣ бы и откуда ни мелькнулъ онъ, и дѣтски вѣритъ, что въ немъ вся сила и спасеніе... Трудъ нашъ мы предпринимали вовсе не для образованія ума и сердца *шестнадцатилѣтнихъ читательницъ* и не для услады задорнаго самолюбія разныхъ *слабоголовыхъ юношей*, имъ лучше даже не читать насъ; мы имѣли совершенно иную, чтобы не сказать *высшую* цѣль и желаемъ *гораздо большаго*: пусть будущій *историкъ* со вниманіемъ и *довѣріемъ* прочтетъ наше сказаніе; мы представляемъ ему *вѣрную*, *хотя и не полную* картину нравовъ нашего времени, и если въ ней не отразилась *вся Россія*, то за то тщательно собрана *вся ея ложь*».

Трудно искреннѣе и наивнѣе оцѣнить свой трудъ!

Прежде всего, такія выраженія—*задача, откровенность*... Да, весь романъ написанъ ради задачи, въ немъ и слѣда нѣтъ той творческой объективности, какую провозглашалъ авторъ въ статьѣ о *Мертвыхъ душахъ*. И не только *задача*, а еще *откровенно* поставленная и еще откровеннѣе выполненная. Въ какомъ направленіи—опять объясняетъ авторъ: *толпа*, *фосфорическій свѣтъ*, *вся ложь*, т. е. опять не то, о чемъ авторъ даже позже романа писалъ проф. Буслаеву: онъ вовсе не «клалъ въ мѣшокъ» всѣхъ жизненныхъ явленій и не предоставлялъ самому читателю «разобрать, что пригодно и что нѣтъ», а самъ раньше отобралъ пригодное отъ непригоднаго, именно *ложь*, по собственному сужденію, отъ *правды*, *фосфорическій свѣтъ* отъ подлиннаго, *толпу* отъ героевъ. И послѣ этого авторъ говоритъ объ *исторіи* и взываетъ къ *довѣрію*!

Мы можемъ не питать ни малѣйшаго сомнѣнія въ искренности и въ чистотѣ намѣреній автора: этого именно и заслуживаетъ Писемскій, но вѣдь представить ложь и фальшивый свѣтъ—значитъ произвести оцѣнку фактовъ и людей съ извѣстной опредѣленной точки зрѣнія—нравственной и даже политической, т. е. ввести въ

дѣло *личное пониманіе* наблюдаемой дѣйствительности и притомъ еще отбросить все, что не ложь и не обманчивый блескъ. Очевидно, при такой двойной операціи личнаго *усмотрѣнія* и *выбора* не можетъ быть и рѣчи объ исторіи, и въ словахъ автора *вѣрная, хотя и не полная* картина заключается противорѣчіе—и съ точки зрѣнія логики и простого здраваго смысла. *Не полная*, т. е. картина односторонняя, составленная съ выборомъ однѣхъ тѣней— не можетъ быть *вѣрной*. Это не исторія и даже не искусство, а натурализмъ, точнѣе золаизмъ.

Авторъ, слѣдовательно, раньше всѣхъ критиковъ произнесъ приговоръ надъ своимъ произведеніемъ и нѣсколько лѣтъ позже еще прочнѣе установилъ свое сужденіе, заявивъ, что онъ утратилъ эпическое спокойствіе художника и потому взялся за драматическую литературу: пьесы можно писать отрывками, особенно не углубляясь въ психологическую и художественную обработку матеріала.

Это сознаніе не мѣшало Писемскому въ письмѣ къ французскому переводчику его романовъ утверждать, что именно въ романѣ *Взбаламученное море* «обширнѣе», чѣмъ въ прочихъ, «изображена Россія шестидесятыхъ годовъ». Не *ложь*, слѣдовательно, а вообще Россія: такъ думалъ авторъ въ концѣ семидесятыхъ годовъ.

И дѣйствительно, стоитъ прочесть романъ, чтобы оцѣнить дѣйствительную *задачу* Писемскаго. Его односторонность—не обычная партійная тенденція, а всеобъемлющій пессимизмъ и отчаяніе. Онъ одинаково безпощаденъ ко всѣмъ поколѣніямъ и сословіямъ, нигдѣ не видитъ здоровья, свѣта и силы. При утратѣ спокойствія автору трудно рисовать характеры полной, широкой кистью, только нѣкоторыя фигуры вышли болѣе или менѣе живыми типами, прежде всего Евпраксія, отчасти—ея мужъ, главный герой—Баклановъ и Софи—«эмансипированная» дама въ извѣстномъ намъ смыслѣ. Остальные герои и героини—необычайно рѣзкіе силуэты, однотонные и необычайно прямолинейные: къ каждому изъ нихъ можно пріурочить самую лаконическую этикетку, выражающую то или другое преимущественно анекдотическое и исключительно-уродливое явленіе «взбаламученной» эпохи.

Баклановъ уже въ началѣ преисполненъ всякихъ мерзостей: въ университетѣ распутный фанфаронъ, въ семьѣ нахальный сынъ, стыдящійся своей матери, въ деревнѣ баричъ—донъ-жуанъ. Это до новыхъ вѣяній. Потомъ, рабъ модной литературы, трусливо обезьянничающій радикаловъ и готовый примазаться къ первому встрѣчному юнцу. Въ общемъ,—фигура пошлая, тщедуш-

ная и жалкая, эстетикъ и сибаритъ въ роляхъ политика и народолюбца, по внѣшнему внушенію итальянскую оперу смѣнившій на *Колоколъ*.

Въ этомъ портретѣ, несомнѣнно, много жизненныхъ чертъ и именно потому, что автору легче было справиться съ *отцами*: онъ самъ принадлежалъ къ ихъ поколѣнію. Увлеченіе нѣкоторыхъ *отцовъ* радикализмомъ и политикой, дѣйствительно могло произвести впечатлѣніе фарса и безумія, хотя не одинъ же Баклановъ воплощалъ въ своей личности все поколѣніе! Но здѣсь, по крайней мѣрѣ, предъ нами—отрывокъ изъ жизни. Дальше слѣдуютъ *дѣти*, и—сравните тургеневскихъ нигилистовъ съ героями Писемскаго!

Мы знаемъ, еще Никита Безрыловъ издѣвался надъ «гласностью»; въ романѣ ея представителями будутъ Викторъ Басардинъ, совершеннѣйшій негодяй и шантажистъ, и братья Галкины—столь же доблестные, и всѣ они далеко превосходятъ Бакланова жестокостью по отношенію къ отцамъ, въ точномъ смыслѣ слова,—къ своимъ родителямъ. Это, очевидно, неотъемлемый признакъ нигилизма. Потомъ, Никита Безрыловъ уничтожалъ эмансипацію: въ романѣ явится дѣвица Елена, некрасивая, неопрятная, читающая порнографическія произведенія во имя оппозиціи русскому правительству, будто попугай, напичканный новыми словами. Никита Безрыловъ сильно налегалъ на «чужой голосъ»: въ романѣ всѣ герои вообще, а нѣкоторые въ особенности—выученики литературы: «на героя моего ужасно вліяло литература», говорится о Баклановѣ, и тоже можно сказать о Сабанѣевѣ, самомъ юномъ изъ *дѣтей*. Есть и другія фигуры, повидимому, болѣе самостоятельныя, но не менѣе странныя: напримѣръ, семинаристъ Проскриптскій. Онъ простираетъ свой скептицизмъ до того, что даже астрономическія предсказанія считаетъ случайностью и безпрестанно ядовито хихикаетъ.

Это—передовые люди. Одновременно дѣйствуютъ крѣпостники, изъ подъ палки участвующіе въ реформахъ. Чиновники, въ родѣ статскаго совѣтника Салатушки или «молодыхъ генераловъ», впадаютъ въ азартъ, пишутъ проекты, либеральничаютъ сломя голову, горятъ жаждой—«дѣлать преобразованія», о дворянахъ выражаются не иначе, какъ «дрянное сословіе», о мужикахъ «нашъ добрый, умный, честный мужичекъ»... Но все это «фосфорическій свѣтъ».

Тоже и дворяне. Авторъ изображаетъ сцену подписи либеральнаго адреса: никто адресу не сочувствуетъ, но всѣ подписываютъ—одни изъ страха передъ начальствомъ, другіе изъ рабства предъ »модными идейками».

Вообще, куда бы ни оглянулся наблюдатель, всюду одни отрицательныя, часто удручающія явленія. И здѣсь нѣтъ снисхожденія даже освобожденному народу, и онъ вноситъ богатую лепту во всеобщую смуту, лепту дикости, животныхъ инстинктовъ, злобной мести и неразумія.

Таковы герои; не менѣе эффектна и исторія, т. е. самый разсказъ. Онъ безпрестанно переходитъ въ тонъ запальчивой журнальной статьи, авторъ нерѣдко лично появляется на сцену дѣйствующимъ и разсуждающимъ лицомъ, даже заставляетъ одного изъ героевъ высказывать общее критическое сужденіе о литературной дѣятельности «г-на Писемскаго» и, послѣ такихъ любопытныхъ отступленій, слѣдуетъ замѣчаніе: «перехожу снова къ объективному методу».

Но объективность, въ сущности, до конца остается недостижимой цѣлью. Вотъ названія отдѣльныхъ главъ въ тѣхъ частяхъ романа, гдѣ авторъ думаетъ писать по «объективному методу»: *Благодѣтельная гласность*, *Начинающееся служеніе идеѣ*, *Братскій праздникъ съ народомъ*... Достаточно этихъ выраженій, чтобы предугадать содержаніе. Если это исторія, то развѣ только въ тэновскомъ смыслѣ, т. е. въ смыслѣ заранѣе обдуманнаго памфлета на непріятныхъ людей и ненавистныя событія.

И особенно любопытенъ *Братскій праздникъ съ народомъ*. Авторъ имѣетъ въ виду изобразить настроеніе освобожденныхъ мужиковъ, и подчеркиваетъ исключительно крестьянскія недоразумѣнія и замѣшательства. И то, и другое, дѣйствительно, было—не могло же безслѣдно пройдти трехвѣковое рабство, преисполненное неправдъ и насилій! Вѣдь самъ же авторъ причиной умственной смуты среди *образованнаго общества* считаетъ, между прочимъ, «нравственный гнетъ, который мы пережили»,—какъ же долженъ былъ отразиться этотъ гнетъ на народной массѣ? А потомъ сцены, изображенныя Писемскимъ, представляли рѣдкія, исключительныя явленія,—въ громадномъ большинствѣ случаевъ реформа 19-го февраля прошла спокойно и осуществленіе ея не оправдало ни томительныхъ страховъ друзей, ни злорадныхъ ожиданій враговъ. Спокойствіе и здравый смыслъ, обнаруженные двадцатитрехмилліонной освобожденной «темной толпой», вызвали невольное удивленіе у русскихъ и даже иноземныхъ современниковъ событій. Этотъ фактъ засвидѣтельствованъ *подлинной исторіей*, а нашъ писатель—*въ романѣ* «собирая» одну «ложь»,—неизбѣжно завѣдомо выбираемымъ фактамъ придалъ *не-историческое* значеніе.

Если мы теперь спросимъ, какое же положеніе должно зани-

мать *Взбаламученное море* въ литературѣ шестидесятыхъ годовъ, отвѣтъ не представитъ никакихъ затрудненій. Романъ только отчасти, случайно и независимо отъ авторскихъ намѣреній отражаетъ дѣйствительную Россію преобразовательной эпохи, и притомъ Россію, если можно такъ выразиться, не существенную, не характерную, столь же мало имѣющую отношеніе съ настоящей Россіи, какъ «грязь и навозъ» къ «памятникамъ въ губернскихъ городахъ». Авторъ остался вѣренъ исконному способу писателей извѣстнаго типа изображать новыя идейныя теченія: клеймя смѣхомъ и позоромъ уродство и глупость *Иванушекъ*. И Писемскій даже прямо сравниваетъ новыхъ юношей съ «Ванюшей въ *Бригадирѣ*». Многіе юноши, конечно, иной участи и не заслуживаютъ. Но даже въ екатерининское время «галломанія» не исчерпывалась «Ванюшами» и восклицанія идіота не вмѣщали въ себѣ всю современную французскую мысль. Еще менѣе это можно было бы сказать о шестидесятыхъ годахъ.

Но съ теченіемъ времени обстоятельства измѣнились, и уже одно заглавіе произведенія Писемскаго *Взбаламученное море* краснорѣчиво свидѣтельствуетъ о глубокомъ, всеохватившемъ движеніи эпохи. Общество, по самой сущности преобразованій, должно было выставить изъ своей среды достойныхъ исполнителей и помощниковъ правительственной власти, оно, въ лицѣ своихъ лучшихъ представителей, должно было вынести на своихъ плечахъ весь ходъ событій, коренную перемѣну общественныхъ отношеній, и все это почти непосредственно послѣ самой пристальной чиновничьей опеки надъ мыслью и жизнью того же общества! Очевидно, если говорить о «Россіи шестидесятыхъ годовъ», ее надо искать не въ темныхъ закоулкахъ, переполненныхъ «грязью и навозомъ», не въ эфемерныхъ хотя бы и эффектныхъ безумствахъ Иванушекъ, не въ личныхъ преступленіяхъ шантажистовъ, а тамъ, гдѣ билъ ключъ живыхъ умственныхъ и общественныхъ силъ, разнесшій новыя сѣмена по громадному крѣпостническому царству. Иванушки—*вездѣ и всегда одинаковы*: неразуміе, попугайство, наглость—ихъ родовыя черты, какъ вообще «грязь и навозъ» вездѣ одни и тѣ же, и въ сущности ничего нѣтъ особенно поучительнаго художнику направлять свой анализъ на эти отбросы. Но совершенно иначе стоитъ вопросъ о самихъ «памятникахъ»; только они характеризуютъ духъ извѣстной эпохи и они должны сосредоточить преимущественное вниманіе писателей. А Иванушки и въ литературѣ должны занимать то самое положеніе, какое имъ достается въ жизни: посторонняго *наноснаго* элемента, той гари и копоти, которая всегда образуется при горѣніи

самаго благороднаго дерева и тѣмъ въ большемъ количествѣ, чѣмъ ярче и обильнѣе горѣніе, чѣмъ больше, слѣдовательно, получается тепла и свѣта.

XXXI.

Произведенія Писемскаго, слѣдовавшія за романомъ *Взбаламученное море*, не представляютъ ни одного новаго мотива въ общественномъ смыслѣ, и не блещутъ художественными или даже литературными достоинствами. Подвергши жестокой карѣ преобразовательную эпоху, авторъ отнюдь не думалъ пойти въ лагерь реакціи и крѣпостничества, взять на себя защиту дворянства или какихъ бы то ни было консервативныхъ направленій.

Онъ каралъ молодое поколѣніе не изъ партійнаго чувства, не на основаніи какого-либо опредѣленнаго общественнаго или политическаго ученія, а во имя *здраваго смысла* и *національнаго чувства*, т. е. противъ и молодежи шестидесятыхъ годовъ направилъ то самое оружіе, какимъ его предшественники поражали разныхъ Jean de France, и онъ самъ москоскихъ—Чайльдъ-Гарольдовъ и Рудиныхъ, вообще выучениковъ «чужого голоса».

Но уже и въ той ранней войнѣ здравый смыслъ далеко не былъ послѣднимъ словомъ истины и справедливости, даже въ чайльдъ-гарольдствѣ и рудинствѣ, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, сатирикъ могъ бы открыть нѣчто не вполнѣ смѣшное и не безусловно отрицательное. Здравый смыслъ и здѣсь обнаруживалъ недостаточное пониманіе врага, ограниченный кругозоръ, и подчасъ могъ быть *мимо цѣли*.

Недоразумѣнія должны были тѣмъ болѣе усилиться и умножиться, чѣмъ серьезнѣе могли явиться идейныя теченія въ русскомъ обществѣ, и старое оружіе могло показаться почти непригоднымъ, когда костюмы, слова на европейсгвующій ладъ уступили мѣсто убѣжденіямъ, и дѣламъ настоятельнаго, разумно-прогрессивнаго характера. Это именно и произошло постепенно, почти незамѣтно съ молодыми русскими поколѣніями, начиная еще съ первой четверти столѣтія. Преобразованіе шло къ опредѣленной цѣли, къ сознательной критикѣ господствующихъ общественныхъ отношеній, прежде всего, конечно, крѣпостного строя, и къ глубокому, часто пламенному стремленію «видѣть падшее рабство». Эта цѣль и для нашего представителя здраваго смысла существовала, но только въ скрытомъ состояніи, въ тайникахъ его творческой художественной натуры. Мы видѣли, вся литературная дореформенная дѣятельность Писемскаго *логически*

и *разумно* приводила къ вопросу: что же дальше? Неужели народная тягота и чиновничій разгулъ такъ и пребудутъ въ неприкосновенномъ видѣ? Неужели маіоры Одинцовы и господа Гавриловы, статскіе совѣтники Салатушки и легіонъ губернаторовъ такъ и останутся царить надъ городами и весями? У автора были *свои* отвѣты: добрый баринъ, честный администраторъ спасутъ родину. Но тоже самое неуклонно искреннее и жизненно-правдивое творчество подвергло сомнѣнію и эти цѣлительныя средства. Что же оставалось?

Здравый смыслъ не находилъ, точнѣе, не искалъ выхода. Онъ, по природѣ, неподвиженъ, недовѣрчивъ къ новшествамъ и перемѣнамъ, одинаково и мелкимъ, и крупнымъ. Извѣстно, съ какимъ трудомъ умнѣйшіе, богатые мужики рѣшаются курныя избы замѣнить болѣе удобными хатами, шведскими спичками сѣрныя, даже сивуху болѣе чистой водкой. Это—частныя бытовыя явленія, но они —плодъ «практической мудрости».

И нашъ авторъ не устаетъ прославлять это національное достояніе. Мы уже видѣли примѣры; можно развѣ прибавить еще разсужденіе изъ романа *Люди сороковыхъ годовъ*.

«Геній нашего народа пока выразился только въ необыкновенно *здравомъ умѣ* и вслѣдствіе этого въ сильной *устойчивости* (курсивы автора); въ насъ нѣтъ ни французской галантерейности, ни глубокомыслія нѣмецкаго, ни предпріимчивости англійской, но мы очень *благоразумны* и *разсудительны*: насъ ничѣмъ нельзя очень порадовать, но за то ничѣмъ и не запугаешь. Мы строимъ наше государство медленно, но изъ хорошаго матеріала: удерживаемъ только настоящее, а все ложное и фальшивое выкидываемъ».

И дальше, на основаніи здраваго ума отвергаются сословія и русское государство признается безсословнымъ, *хоровымъ*.

И мы не сомнѣваемся, здравый смыслъ можетъ додуматься до многихъ дѣльныхъ вещей. Мы въ теченіе всей нашей работы могли оцѣнить изумительную проницательность и силу Писемскаго въ изображеніи многообразныхъ неустройствъ старой Россіи. Въ качествѣ *критической способности* здравый смыслъ незамѣнимъ, но въ качествѣ *созидательной силы* онъ не поднимается надъ землей, вѣчно цѣпляется за особенно «устойчивый» матеріалъ, «медленность» движенія можетъ довести до полной неподвижности, «разсудительность» до непреодолимаго недовѣрія и даже отвращенія ко всему, что можетъ показаться «непрочнымъ» и рискованнымъ. И все равно, какъ идеализмъ, отрѣшенный отъ благоразумія и разсудительности, можетъ впасть въ праздное фанта-

зерство, такъ и здравый смыслъ, оградившій себя отъ всякой возможности идеальныхъ замысловъ и увлеченія, можетъ спуститься до нестерпимо презрѣннаго «ума» и «житейскаго опыта» «нашихъ мудрецовъ», столь возмущавшихъ поэта «страданій и гнѣва»...

Писемскій, въ порывѣ личнаго раздраженія, пожалуй, способенъ былъ вступить на этотъ путь, только необычайно богатая органически честная натура до конца удержала его въ прежнемъ направленіи.

Послѣ *Взбаламученнаго моря* Писемскій принялся казнить героевъ, только намѣченныхъ въ романѣ и вызванныхъ къ дѣятельности коренными экономическими перемѣнами въ русской жизни. Уже въ разсказѣ *Фанфаронъ* брошена ядовитая стрѣла въ акціонерныя компаніи, теперь быстро слѣдовали одна за другой пьесы *Ваалъ*, *Просвѣщенное время*, *Финансовый геній* (съ 1873 по 1876 годъ). Всѣ онѣ написаны въ какомъ-то лихорадочномъ тонѣ, представляютъ скорѣе рядъ внезапно и разновременно вырвавшихся у автора набросковъ. Языкъ очень энергиченъ, дѣйствіе сценично, и нѣкоторыя пьесы имѣли успѣхъ въ представленіи, но всѣ онѣ *задачи* въ сильнѣйшей степени, чѣмъ *Взбаламученное море*, тѣмъ болѣе, что авторъ «Ваала» считалъ «сильнѣйшимъ, можетъ быть, врагомъ человѣческимъ» и при извѣстныхъ намъ болѣзненныхъ нервныхъ настроеніяхъ не могъ избѣжать той самой «напряженности», какую раньше осуждалъ у другихъ.

Одновременно съ «Вааломъ» доставалось и исконному врагу Писемскаго—бюрократіи. Ниже по значенію и даже драматическому достоинству драмы изъ помѣщичьяго дореформеннаго быта: *Самоуправцы* и *Бывые соколы*. Послѣдняя построена на вопіющемъ злодѣяніи отца надъ дочерью и дала развитіе другой драмѣ среди слѣдующаго поколѣнія *Птенцы послѣдняго слета*, гдѣ на сценѣ уже не крѣпостное право, а акціонерное мошенничество. Всѣ сцены переполнены ужасами, противоестественными злодѣйствами и насильственными смертями. Онѣ краснорѣчивое отраженіе душевнаго мрака, овладѣвшаго писателемъ въ этотъ періодъ дѣятельности.

Наконецъ, въ промежуткахъ между драмами явились четыре большихъ романа—*Люди сороковыхъ годовъ*, *Въ водоворотѣ*, *Мѣщане и Масоны*. О первомъ и послѣднемъ мы говорили. Остальные два любопытны только по нѣкоторымъ частностямъ. *Въ водоворотѣ*, помимо обычнаго уничтожающаго изображенія бюрократовъ и карьеристовъ вынедена представительница нигилистическаго направленія, по имени Елена, какъ и нигилистка изъ

Взбаламученнаго моря. Авторъ на этотъ разъ нѣсколько усложнилъ вопросъ и затемнилъ свою «задачу»: Елена—польская необычайно азартная патріотка, этотъ патріотизмъ убиваетъ въ ней рѣшительно всякое нравственное и гуманное чувство и совершенно лишаетъ ее смысла и самообладанія. Во имя своего «Молоха», она губитъ князя, искренне ее любящаго, правда, очень страннаго князя, съ нигилистической окраской, съ полонофильскими чувствами, съ революціонными наклонностями и въ то же время настоящаго *князя*, по образу жизни, по состоянію и по инстинктамъ. Но все-таки онъ, по замыслу автора, честный и добрый человѣкъ. И вотъ онъ-то жертва польской интриги.

Но и нигилизмъ не менѣе уродуетъ умъ и сердце дѣвицы. Она, напримѣръ, «по принципамъ» не признаетъ дѣвической стыдливости, человѣка считаетъ животнымъ во всѣхъ смыслахъ, переноситъ это понятіе и на отношенія дѣтей къ родителямъ и родителей къ дѣтямъ, вообще съ достаточной точностью воспроизводитъ философію Ванюши и вдобавокъ продаетъ себя богатому идіоту—не то изъ патріотизма, не то изъ оскорбленнаго самолюбія княжеской любовницы, не то «по принципамъ». Вообще, фигура, по меньшей мѣрѣ, двусмысленная и, несомнѣнно, отнюдь не реабилитирующая «модныхъ идеекъ».

Въ романѣ *Мѣщане* тоже старые мотивы, только будто обобщенные, приподнятые на нѣкоторую идеальную высоту. На сценѣ разные аферисты и негодяи въ новѣйшемъ стилѣ, но авторъ протестуетъ вообще противъ прозаическаго, низменно-матеріальнаго духа времени. Изображенію «мѣщанства» въ этомъ романѣ онъ придавалъ большое значеніе, и, несомнѣнно, «задача» была бизка его истомленной природѣ.

Коммерческой разсчетливости, пошлому міросозерцанію, животнымъ радостямъ «мѣщанъ» противопоставлена старая симпатія автора — эстетикъ и романтикъ на рыцарски-благородной почвѣ. Мы упоминали объ этомъ героѣ—великолѣпномъ Бѣгушевѣ, обломкѣ экзотической барской культуры, отшельникѣ среди царства Ваала, мечтателѣ и поэтѣ рядомъ съ дѣльцами и «людьми-звѣрями». Женщина и кухня, конечно, играютъ роль центральныхъ свѣтилъ въ этомъ возвышенномъ существованіи и умѣнье поѣсть и любить—самимъ героемъ отровенно причисляется къ суммѣ преимуществъ его, Бѣгушева, надъ мѣщанами. Но что же дѣлать! Такова ужъ почва всякихъ экзотическихъ продуктовъ, и она не мѣшаетъ имъ высказывать такую философію исторіи:

«Смотри, что съ міромъ сдѣлалось: реформація и первая французская революція страшно двинули и взбудили умы. Геній твор-

чества облеталъ всѣ лучшія головы: электричество, паръ, рабочій вопросъ,—все въ идеяхъ предъявлено было человѣчеству, но стали эти идеи реализировать и кто на это пришелъ? Торгашъ, ремесленникъ, дрянь разная, шваль и, однако, они теперь герои дня!»

Да, это не эстетично—и «торгашъ и ремесленникъ» не менѣе, чѣмъ эпитеты «дрянь и шваль».

Бѣгушеву пріятель замѣчаетъ насчетъ одного изъ самыхъ любопытныхъ современныхъ вопросовъ,—рабочаго,—эстетикъ вопитъ:

«Пусть лучше сойдетъ на землю огненный дождь, потопъ, лопнетъ кора земная, но я этой курицы во щахъ, о которой мечталъ Генрихъ IV, міру не желаю... Бога на землю! Пусть сойдетъ снова Христосъ и обновитъ души, а иначе въ человѣкѣ все порядочное исчезнетъ и издохнетъ во мракѣ вашихъ матеріальныхъ благъ».

Очень сильно, но Христосъ сказалъ: «родъ сей требуетъ знаменія и знаменіе не дастся ему», т. е. сверхъестественныхъ чудесъ: достаточно тѣхъ, какія у всѣхъ предъ глазами. Вотъ это-то великое изреченіе не мѣшало бы припомнить нашему герою.

Но авторъ твердитъ одно: Бѣгушевъ «не былъ рабомъ чужой мысли», и по поводу его отщепенства отъ современныхъ людей—заключаетъ: «Кто изъ нихъ лучше: онъ-ли съ своимъ отвлеченнымъ міросозерцаніемъ, или окружающіе его люди, полные практической кипучей дѣятельности,—это я предоставляю судить вкусу каждаго».

Вопросъ не во вкусѣ, а въ кое-чемъ, несравненно болѣе серьезномъ и безспорномъ. Бѣгушеву съ его міросозерцаніемъ приходится сторониться рѣшительно отъ всякой *жизни*, онъ даже не трогается восточнымъ вопросомъ, гдѣ, повидимому, обладаетъ самыми основательными свѣдѣніями по личному опыту. Его судьба или запить съ горя въ трудныя минуты, что̀ онъ и дѣлаетъ, или развѣ послѣдовать примѣру другого симпатичнаго героя, полковника Марфина, изъ романа *Массоны*, т. е. предаться «умному дѣланію». А это дѣлается такъ: «онъ сидѣлъ неподвижно на своемъ креслѣ и держалъ свою руку подъ ложечкой, потомъ все болѣе и болѣе сталъ поднимать глаза къ небу и видимо одушевлялся». Это тоже происходило въ трудныя минуты...

Нѣтъ, здѣсь не только нѣтъ «кипучей дѣятельности», а просто человѣческаго существованія, и не таковъ выводъ и плодъ творчества нашего автора. Писемскій до конца дней оставался натурой художественной, даже бросившись въ беллетристическую публицистику. Искусство и творчество, независимо отъ идей и задачъ, пребывали его символомъ... Но знаете-ли, какъ ему случалось выражаться о чисто-художественныхъ настроеніяхъ? Вотъ неболь-

шой поучительный разсказъ о деревенскихъ впечатлѣніяхъ одной изъ героинь *Взбаламученнаго моря*:

• «Ея *артистическій взглядъ* только и увидалъ, какъ весной задѣльные мужики, по большей части все старики, съ перекошенными отъ натуги лицами, взрывали неуклюжими косулями глинистую почву, а вечеромъ ужинали однимъ квасомъ съ хлѣбомъ, и хорошо-хорошо когда холодными щами съ забѣлкой, или какъ дворовыя женщины, а въ томъ числѣ и ходившая послѣднее время беременности, не чувствуя собственной спины, часто, послѣ заката солнца дожинали отмѣренныя имъ десятины и ихъ же потомъ бранили, что они высоко жнутъ»...

Такова проницательность *артистическаго* взгляда. А какимъ же взглядомъ надо было смотрѣть, чтобы увидѣть *не только* это—и *что̀ именно*?

Отвѣтъ отчасти даетъ интереснѣйшій герой того же романа, хотя и второстепенный, дѣйств. т. сов. Ливановъ, необычайно умный, ловкій, прошедшій огни и воды канцелярской и житейской школы, совершенно тунеядный, но слывущій за государственнаго мужа. Ему также приходится имѣть дѣло съ эстетиками, и послушайте, что̀ онъ кричитъ:

«Всѣ очень хорошо понимаютъ, что человѣческія общества стоятъ на вулканѣ. Вотъ откуда идутъ всѣ эти безпокойства и стремленія къ реформамъ; но врагъ идетъ,—дудки! Не убаюкаете его ни вашими искусствами, открытыми для всѣхъ въ музеяхъ и картинныхъ галлереяхъ, ни божескимъ, по вашему мнѣнію, правосудіемъ вашихъ жюри, ни превосходными парламентскими рѣчами, ни канальскимъ молчаніемъ, ни канальскими словами въ Тюльери,—врагъ идетъ! и въ лицѣ англійскаго пролетаріата, и во французскомъ работникѣ, и въ угнетенномъ итальянцѣ, и въ истерзанномъ негрѣ, а тамъ, пожалуй, сдуру-то и мы, русскіе, попристанемъ по пословицѣ, что и наша рука не щербата»...

Трудно энергичнѣе поразить эстетику и «умное дѣланіе»... Откуда у автора такія стрѣлы? Ужъ не отточило-ли ихъ то самое «взбаламученное» время, отъ котораго открещивался писатель? Не поднялась-ли отвѣтная волна и въ его душѣ? Вѣдь нельзя же было писать такія рѣчи и въ такомъ тонѣ, безъ внутренняго личнаго движенія.

Вопросъ для самого автора до конца остался открытымъ, точнѣе не существующимъ, но для насъ онъ настоятеленъ: въ немъ смыслъ всей дѣятельности Писемскаго.

XXXII.

Не смотря на рѣшительный разрывъ съ крупной журналистикой и даже съ *Русскимъ Вѣстникомъ*, у Писемскаго среди писателей осталось не мало доброжелателей. Тургеневъ продолжалъ съ особенно теплымъ чувствомъ относиться къ загнанному автору, внимательно слѣдилъ за его новыми произведеніями, давалъ, по возможности, лестные отзывы, подробно сообщалъ о популярности *Тысячи душъ* въ Германіи и лично участвовалъ во французскомъ переводѣ романовъ Писемскаго. Та же самая литературная дружба устроила его юбилей, 19-го января 1875 года, съ участіемъ *Общества любителей россійской словесности.*

На юбилеѣ, конечно, говорилось не мало пріятныхъ рѣчей, и въ результатѣ герой дня долженъ былъ вынести искреннее отрадное чувство. Но празднество все-таки вышло исключительно литературнымъ, общество принимало въ немъ самое слабое участіе, и фактъ подтвердился при другомъ уже всероссійскомъ событіи, во время пушкинскихъ дней.

Очевидцы до сихъ поръ не могутъ забыть многочисленныхъ подробностей, связанныхъ съ именами Тургенева и Достоевскаго по поводу праздника, но участіе въ немъ Писемскаго прошло совершенно безслѣдно. Онъ также говорилъ рѣчь, праздникъ Пушкина называлъ «своимъ праздникомъ», но мы напрасно стали бы искать отголосковъ словъ и чувствъ нашего автора у слушателей и свидѣтелей. И причина, конечно, не въ качествахъ рѣчи: на торжествахъ, подобныхъ пушкинскому, этотъ вопросъ не имѣетъ рѣшающаго значенія, а въ личности оратора. Когда мы въ настоящее время прочитываемъ рѣчи Достоевскаго и Тургенева, впечатлѣнія очевидцевъ кажутся намъ слишкомъ нервными, до крайней степени приподнятыми. Очевидно, на юбилейную публику дѣйствовало не столько содержаніе торжественныхъ словъ, сколько привходящія, собственныя чувства присутствовавшихъ читателей, ихъ заранѣе составленныя мнѣнія о личности и дѣятельности того и другого оратора. У Писемскаго, какъ человѣка и писателя, не нашлось данныхъ, способныхъ воодушевить даже снисходительныхъ, празднично-настроенныхъ слушателей, не оказывалось обаянія, окружавшаго такимъ блескомъ его сверстниковъ.

Это, несомнѣнно, чувствовалъ и самъ писатель, — чувствовалъ настолько глубоко и тяжело, что еще раньше, на своемъ юбилеѣ, принужденъ былъ отмѣтить основную заслугу своей долголѣтней литературной работы.

Такія отмѣтки, обыкновенно, не дѣлаются героями дня: на

юбилеяхъ всегда слишкомъ много охотниковъ вѣнчать даже и фальшивыми лаврами виновниковъ торжества. Писемскій попалъ на особое положеніе. Рѣчь онъ составилъ раньше, съ большою тщательностью и обдуманностью, и явился, слѣдовательно, на юбилей съ нѣкоторымъ чувствомъ недовѣрія къ безпристратію и проницательности ораторовъ-чествователей и критиковъ-друзей. Несомнѣнно, упорное и безпощадное бойкотированіе писателя со стороны популярнѣйшей печати накопило въ его сердцѣ бездну горечи и обиды, и онъ будто облегчалъ свою наболѣвшую душу публичнымъ самоутѣшеніемъ, извнѣ смиреннымъ, но на самомъ дѣлѣ полемическимъ и вызывающимъ.

Это не значило, будто рѣчь заключала сплошное самохвальство,— Писемскій и теперь, обвѣянный суровой атмосферой непопулярности и даже вражды, сохранилъ исконную прямоту души и смѣлую искренность. Въ его словахъ звучала цѣнная для современниковъ и для насъ задушевная исповѣдь художника, сознательно, по всей мѣрѣ своего разумѣнія подводящаго итоги своей жизни.

Писемскій говорилъ:

«Милостивыя государыни и милостивые государи! Благодарю за ваше привѣтствіе. Волнующія меня въ настоящую минуту чувствованія мѣшаютъ мнѣ высказать то, что̀ хотѣлось бы сказать. Ограничусь немногими словами. Пройденный мною двадцатипятилѣтній литературный путь, какъ и путь товарищей моихъ по дѣлу, былъ не легокъ. Сознавая всю слабость и недостаточность трудовъ моихъ, я считаю себя вправѣ сказать только то, что я никогда въ нихъ не становился ни подъ чье чужое знамя, худо ли, хорошо ли, но всегда писалъ только то, что̀ думалъ и чувствовалъ, и ни для какихъ внѣшнихъ и суетныхъ цѣлей не ломалъ и не насиловалъ моего пониманія людей и событій и маленькихъ авторскихъ способностей, которыя даны мнѣ отъ природы. Единственной путеводной звѣздой во всѣхъ трудахъ моихъ было желаніе сказать моей странѣ, по крайнему разумѣнію, хотя, можетъ быть, и нѣсколько суровую, но все-таки *правду* про нее самое. Насколько я успѣвалъ въ этомъ случаѣ—не мое дѣло судить».

Вся эта рѣчь ничто иное, какъ сводъ мыслей и признаній, разсѣянныхъ авторомъ задолго до юбилея въ романахъ. Мы неоднократно могли оцѣнить неудержимое и глубокое отвращеніе Писемскаго къ самой идеѣ о *чужомъ знамени*, именно только *чужомъ*— безъ всякихъ соображеній на счетъ какихъ бы то ни было положительныхъ или отрицательныхъ признаковъ знамени. Такое усиленное подчеркиваніе одной и той же мысли въ теченіе многихъ лѣтъ, съ самаго начала преобразовательнаго движенія,

очевидно, знаменовало своего рода авторскій девизъ Писемскаго, его собственное *знамя*. На немъ стояла краткая и на первый взглядъ въ высшей степени простая и почтенная надпись: *пребыть самимъ собой*, не смотря ни на какіе внѣшніе соблазны, ни на какія волны кругомъ взбаломученнаго моря. И девизъ нашего автора можетъ произвести впечатлѣніе античныхъ гордыхъ изреченій, украшавшихъ оружіе доблестнѣйшихъ паладиновъ стараго времени. Въ самомъ дѣлѣ, что можно представить выше и самоотверженнѣе, чѣмъ вѣрность своей нравственной личности и своему принципіальному жизненному пути?.. Достаточно этихъ добродѣтелей, чтобы человѣкъ имѣлъ законнѣйшее право говорить о своемъ безкорыстномъ служеніи *правдѣ* и съ полнымъ сознаніемъ своего подвига—ставить себя предъ лицомъ *своей страны*.

Но тогда почему же эта самая облагодѣтельствованная страна будто отвернулась отъ своего, несомнѣнно, даровитѣйшаго сына и облекла его былую славу въ трауръ смерти и забвенія? *Страна* не могла быть фантастически капризной дамой столь постояннаго рыцаря. Очевидно, здѣсь скрывалось какое-то недоразумѣніе, страна и писатель различно понимали благородный девизъ, и что одному казалось *правдой*, другая считала чуть ли не ложью и заушеньемъ настоящей правды. Страна, въ теченіе болѣе десятилѣтія, давала одинъ и тотъ же отвѣтъ на заключительныя слова рѣчи Писемскаго: по ея мнѣнію, онъ *не успѣлъ* въ своемъ стремленіи сказать правду или не уразумѣлъ ея точно и ясно.

Подобное недоразумѣніе, можетъ быть, жесточайшій трагическій мотивъ, какой только можетъ поразить дѣятеля мысли и слова, даже вообще человѣка, обязаннаго считаться съ теченіями общественной жизни. Еще Шекспиру была ясна эта истина и онъ заставилъ исповѣдывать ее средневѣковаго государя. Ричардъ II причиной своего паденія считаетъ разладъ, возникшій между нимъ—королемъ и запросами времени. Этотъ именно разладъ всей тяжестью обрушился на Писемскаго, и драма оказалась тѣмъ мрачнѣе и безнадежнѣе, что Писемскій не обнаружилъ до конца проницательности и раскаянія даже средневѣковаго человѣка. Онъ рѣшительно сталъ въ оборонительную, даже вызывающую позу, и сохранилъ ее до послѣдней строки своего художественнаго творчества. Въ результатѣ, разладъ неминуемо долженъ былъ перейти въ полное взаимное отчужденіе страны и писателя. Это такого рода чувства, предъ которыми нѣтъ пощады одинаково настоящему и прошлому, и Писемскій *весь*—со всѣмъ своимъ талантомъ и первостепенными созданіями искусства—становился все болѣе постороннимъ, внѣшнимъ,—именно для *своей страны*.

Но разладъ только слѣдствіе, внѣшнее проявленіе извѣстной психологической и нравственной основы. Вся сущность въ этой основѣ, и она первая и послѣдняя виновница преждевременной литературной смерти Писемскаго. Мы объяснили культурный составъ его личности, поставили ее въ связь съ особымъ, вполнѣ опредѣленнымъ типомъ русскаго писателя, провели параллель между Писемскимъ и даровитѣйшими его духовными родичами въ нашей общественной исторіи. Мы могли убѣдиться, источники рокового разлада существовали и у многихъ другихъ русскихъ художниковъ, существовали не въ силу преднамѣреннаго непониманія извѣстныхъ явленій русской общественности, а въ силу естественнаго, можно сказать, роковаго инстинкта. Здѣсь сама *натура* являлась цѣлымъ *міросозерцаніемъ*, необычайно устойчивымъ и послѣдовательнымъ и все равно, какъ, напримѣръ, Фонвизину никогда не удалось бы написать любовнаго лирическаго стихотворенія, по достоинству равнаго *Недорослю*, а у Гоголя, цѣною величайшихъ нравственныхъ мученій и художественныхъ усилій, не возникло положительныхъ героевъ, такъ же трудно, неестественно было бы тому и другому автору обнаружить тонкую культурную чуткость, горячую и глубокую воспріимчивость ко внѣшнимъ, европейскимъ умственнымъ движеніямъ.

Писемскій принадлежалъ именно къ этой расѣ людей и писателей, и особенно много *гоголевскихъ* чертъ мы могли отмѣтить въ его талантѣ. Не только *чертъ*, т. е. *общихъ* совпаденій, но даже въ высшей степени характерныхъ частностей, часто похожихъ на прямыя заимствованія. Этотъ фактъ имѣетъ для насъ исключительное значеніе: онъ, обнаруживая родственность талантовъ двухъ писателей приводитъ къ рѣшительному вопросу: почему же литературная и личная судьба Писемскаго вышла совершенно не похожей на судьбу Гоголя?

Авторъ *Мертвыхъ душъ* слышалъ отъ современнаго неограниченно вліятельнаго критика не менѣе жестокія укоризны, чѣмъ Писемскій отъ либеральной журналистики. И Гоголь такъ же, подобно Писемскому, счелъ возможнымъ облегчить свою раздраженную душу въ печати, бросилъ нѣсколько стрѣлъ по адресу своего противника, и стрѣлы эти своимъ ядомъ удивительно напоминаютъ выходки Писемскаго противъ неразумныхъ верхоглядовъ и выучениковъ чужого голоса. Очевидно, оба сатирика подъ конецъ жизни попали въ сходныя положенія относительно живыхъ публицистическихъ и культурныхъ силъ современной критики. И это сходство явилось вполнѣ естественнымъ результатомъ общаго родства натуръ учителя и ученика. Но пятый

актъ драмы вышелъ совершенно различнымъ для Гоголя и Писемскаго. У одного рѣзкое столкновеніе съ Бѣлинскимъ и его партіей осталось будто мимолетнымъ эпизодомъ, не легло тѣнью ни на его личность, ни на его творчество, хотя вторая часть *Мертвыхъ душъ* и въ особенности *Переписка* менѣе всего могли поддержать раннюю славу автора. Смерть Гоголя рѣшительно всѣхъ читателей и критиковъ поразила, какъ бѣдствіе, какъ страшная, потрясающая утрата. Всѣ недоразумѣнія и размолвки смолкли у могилы писателя, и до нашихъ дней надъ ней не перестаетъ горѣть ни на минуту не тускнѣющая звѣзда побѣдоносной славы.

А между тѣмъ, вѣдь Гоголь тоже вполнѣ сознательно говорилъ своей странѣ отнюдь не лестную и усладительную правду. По поводу *Ревизора* онъ высказалъ почти буквально тѣ самыя мысли, какими Писемскій закончилъ *Взбаломученное море*.

«Въ *Ревизорѣ* я рѣшился собрать въ одну кучу все дурное въ Россіи, какое я тогда зналъ, всѣ несправедливости, какія дѣлаются въ тѣхъ мѣстахъ и въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ больше всего требуется отъ человѣка справедливости, и за однимъ разомъ посмѣяться надъ всѣми».

Мы знаемъ, какъ принято было произведеніе Гоголя: *все дурное*, тщательно собранное имъ, поразило зрителей—самыхъ равнодушныхъ и безпечныхъ—до глубины души, вызвало бездну негодованія и ненависти противъ автора. И онъ не остался безучастнымъ къ этимъ чувствамъ: его не менѣе, чѣмъ Писемскаго шестидесятыхъ годовъ, охватило скорбное настроеніе... Онъ бѣжалъ за границу «разгулять свою тоску», бѣжалъ, жестоко сѣтуя на «всеобщее невѣжество, движущее столицу», на «жалкое состояніе» русскаго писателя, на повальную вражду къ нему со стороны людей, слывущихъ образованными...

Позже писатель не пощадилъ и людей, на самомъ дѣлѣ образованныхъ, стремился воспѣть Костанжогло и Муразова въ ущербъ «рѣзкаго направленія недоучившемуся студенту», превознести ученье на мѣдныя деньги предъ «мудростью изъ современныхъ брошюръ и газетъ», ручной трудъ направить противъ «эстетика, недокончившаго учебнаго курса»...

Развѣ это не мотивы автора *Взбаломученнаго моря*? Развѣ намекъ на участіе недоучившагося студента, духовнаго дѣтища брошюръ и газетъ,—въ противозаконномъ обществѣ, не первый камень въ молодое поколѣніе «рѣзкаго направленія»? И побудительныя причины воинственной вылазки тѣ же: оскорбленное авторское самолюбіе, военные пріемы одинаковы: каррикатура на

личность противника, цѣль тожественна: унизить цѣлое общественное направленіе путемъ сатиры на одного изъ его представителей...

Развѣ все это не смертные грѣхи? И ни одинъ изъ нихъ не зачтенъ геніальному сатирику въ такой мѣрѣ, какъ его позднѣйшему соратнику и послѣдователю.

И замѣтьте, личность Гоголя, какъ человѣка, далеко не столь опредѣленна и цѣльна, какъ личность Писемскаго. Самые восторженные почитатели автора *Ревизора* не могли не признать въ его душѣ темныхъ, по крайней мѣрѣ, не совсѣмъ ясныхъ и свѣтлыхъ стихій. Онъ совершенно не обладалъ прямой, подчасъ грубой откровенностью и наивной искренностью Писемскаго, страдалъ несомнѣннымъ пристрастіемъ къ фразѣ и позѣ съ молодыхъ лѣтъ до послѣдняго періода жизни, не прочь былъ облечь романтической фальшивой таинственностью и трагическимъ эффектомъ свою внѣшнюю жизнь и свои помыслы. Одновременно развивался особаго рода деспотизмъ, надменная нетерпимость прославленнаго писателя, притязательность своего рода «директора чужой совѣвѣсти». Вообще, Гоголю въ минуты смиренія, дѣйствительно, можно было покаяться во многихъ душевныхъ изъянахъ, большею частью безобидныхъ для ближнихъ, но, во всякомъ случаѣ, весьма далекихъ отъ идеальныхъ совершенствъ.

Писемскій въ этомъ отношеніи рѣшительно выигрываетъ сравнительно съ Гоголемъ. Его природѣ чужды всякіе извороты, всякое поползновеніе показать товаръ лицомъ и сообщить своей особѣ, или фактамъ своей біографіи феерическое освѣщеніе. Даже самые ожесточенные критики упрекали Писемскаго въ свойствѣ, на самомъ дѣлѣ врядъ ли отрицательномъ: въ неуклонномъ стремленіи идти вездѣ и всегда напроломъ, не взирая ни на какія сопутствующія обстоятельства и возможныя препятствія. Именно этимъ стремленіемъ критики и объясняли нестерпимую запальчивость выходокъ Писемскаго противъ враждебнаго лагеря.

Конечно, имѣть дѣло съ такимъ противникомъ лицомъ къ лицу не всегда удобно, но, во всякомъ случаѣ, здѣсь, по крайней мѣрѣ, обезпеченъ безусловно опредѣленный смыслъ и ходъ борьбы, разъ навсегда можно поручиться за общую тактику и стратегическіе пріемы борца. А это обстоятельство, не только не маловажное на поприщѣ общественныхъ и литературныхъ междоусобицъ, а прямо самое существенное, единственно обезпечивающее точное разрѣшеніе вопроса.

И все-таки, эти, вовсе не заурядныя преимущества Писемскаго не создали ему почетнаго, даже просто спокойнаго, литературнаго

положенія при жизни и не сообщили ни капли привлекательности его имени въ потомствѣ. Разгадка этого явленія можетъ быть достигнута съ полной ясностью именно путемъ точнаго сопоставленія Писемскаго и Гоголя, любопытнѣйшей психологической параллели, какая только умѣстна въ исторіи нашей общественной мысли.

XXXIII.

Писемскій, мы знаемъ, восторженно привѣтствовалъ сатирическое творчество своего учителя и отнесся съ безпощаднымъ осужденіемъ къ идеальнымъ потугамъ второй части *Мертвыхъ Душъ*, а особенно къ *Перепискѣ*. Писемскій былъ правъ съ художественной и даже нравственной точки зрѣнія, но онъ ни на минуту не задумался надъ психологическимъ смысломъ странныхъ произведеній великаго сатирика, не задалъ себѣ вопроса, какъ Гоголь могъ додуматься до идеи изобразить добродѣтельнаго человѣка, раньше столь остроумно устраненнаго имъ же самимъ съ литературнаго горизонта и одновременно съ проповѣдью въ лицахъ—сочинить цѣлую книгу витійственныхъ поученій?

Вопросъ далеко не праздный, напротивъ, въ высшей степени настоятельный. Вѣдь, творецъ Костанжогло и авторъ *Переписки* цѣлые годы переживалъ жесточайшія нравственныя муки именно ради и во имя своихъ жалкихъ и, подчасъ, уродливыхъ дѣтищъ, до трехъ разъ сжигалъ поэму и, несомнѣнно, болью сердца писалъ нѣкоторыя изліянія друзьямъ. Здѣсь, на этихъ, столь притязательныхъ и часто раздражающихъ страницахъ, чувствуется страдальческая, безпомощно мятущаяся человѣческая душа и мы съ невольнымъ волненіемъ и искреннимъ сочувствіемъ къ самому автору читаемъ его пламенный вопль, обращенный къ поэту-другу, мы готовы его же слова цѣликомъ оправдать на немъ самомъ:

«На колѣна передъ Богомъ, и проси у Него гнѣва и любви! Гнѣва противъ того, что губитъ человѣка, любви къ бѣдной душѣ человѣка, которую губятъ со всѣхъ сторонъ и которую губитъ онъ самъ»...

И дальше, величественное изображеніе поэта-пророка, вооруженнаго огненными, неотразимыми рѣчами,—изображеніе, столь излюбленное въ русской поэзіи, горѣвшее предъ очами величайшихъ нашихъ поэтовъ въ благороднѣйшія минуты вдохновенія.

И это видѣніе не пустой сонъ, не игра своевольнаго и самонадѣяннаго воображенія. Въ немъ подлинный нравственный и культурный смыслъ нашей классической литературы. Пророкъ-страдалецъ—не художественный только образъ для нашихъ поэ-

товъ, а жизненная стихія ихъ талантовъ, сущность ихъ труда и вдохновенія. Сознаніе ея наполняло Гоголя отъ начала до конца его дѣятельности, съ первыхъ юношескихъ наивныхъ мечтаній «сдѣлать жизнь свою нужною для блага государства», до гордой, высокопарящей надежды сказать своей родинѣ спасительное слово, если не творческими образами, то прямыми проповѣдями.

Это не суетныя притязанія геройствующаго юноши и замечтавшейся знаменитости, это—въ полномъ смыслѣ божественное пламя сердца, стихійная жгучая жажда,—все, о чемъ другой поэтъ говорилъ въ своемъ *Пророкѣ*.

Послушайте, что пишетъ Гоголь своему родственнику задолго до своей славы; сопоставьте эти слова съ позднѣйшимъ прорицательскимъ экстазомъ, съ предсмертными муками ради совершеннаго, *нужнаго для души* литературнаго труда, вамъ не придетъ на мысль усомниться ни въ искренности автора, ни въ его изумительно-возвышенной задачѣ цѣлой жизни.

«Тревожная мысль, что я не буду мочь, что мнѣ преградятъ дорогу, что не дадутъ возможности принести хоть малѣйшую пользу, бросала меня въ глубокое уныніе. Холодный потъ проскакивалъ на лицѣ моемъ при мысли, что, можетъ быть, мнѣ доведется погибнуть въ пыли, не означивъ своего имени ни однимъ прекраснымъ дѣломъ. Быть въ мірѣ и не означить своего существованія была для меня мысль ужасная».

Подобныя мечты въ молодости могутъ обуревать даже заурядныхъ людей, прекраснодушныхъ идеалистовъ исключительно по неопытности и неразумію: отъ такихъ мечтаній и идеаловъ чаще всего остаются лишь одни прекрасныя, но ни на что негодныя и ни къ чему не ведущія воспоминанія.

Не то съ Гоголемъ.

Онъ несетъ свою мечту сквозь всѣ житейскія, подчасъ удручающія положенія, и она растетъ одновременно съ успѣхами, становится тѣмъ нетерпѣливѣе и болѣзненнѣе, чѣмъ шире разростается слава. И когда Гоголь въ концѣ *Мертвыхъ Душъ* говорилъ объ очахъ Россіи, будто бы устремленныхъ на него съ тоской ожиданія, чего-то требующихъ отъ него и отъ его таланта, эти слова являлись отнюдь не лирической фразой: авторъ готовился искупить ее годами одинокихъ страданій, лишь бы отвѣтить на чудившуюся ему надежду его родины.

Но даже если бы у насъ не было подлинныхъ біографическихъ свидѣтельствъ о настроеніяхъ Гоголя, его произведенія раскрыли бы намъ ту же тайну его творческаго духа. Они показали бы намъ, сколько личной боли, личныхъ душевныхъ опытовъ заклю-

чено въ самыя, повидимому, спокойныя созданія поэта, сколько нервнаго трепета великаго человѣческаго сердца вложено въ страницы, сверкающія юморомъ и смѣхомъ.

Откуда эта грусть, неотвязно подстерегающая автора ежеминутно, среди роскошнѣйшей малороссійской природы, въ разгаръ ослѣпительнаго лѣтняго дня, въ толпѣ молодыхъ красавицъ и влюбленныхъ паробковъ, въ минуты ихъ наивнаго веселья и яснаго счастья, откуда этотъ невольно тоскливый припѣвъ, будто издали врывающійся въ шумъ пѣсенъ и смѣха?

«Не такъ ли и радость, прекрасная и непостоянная гостья, улетаетъ отъ насъ, и напрасно одинокій звукъ думаетъ выразить веселье? Въ собственномъ эхо слышитъ онъ уже грусть и пустыню и дико внемлетъ ему... И тяжело, и грустно становится сердцу и нечѣмъ помочь ему»...

Этотъ мотивъ не прерывается во всѣхъ юношескихъ повѣстяхъ Гоголя, съ теченіемъ времени чисто-поэтитеская грусть и мимолетное раздумье выростаютъ въ совершенно опредѣленное чувство—жалости ко всѣмъ немощнымъ и несчастнымъ. Если раньше пѣсни обрывались тоскующей нотой, теперь явно въ смѣхѣ начинаютъ звучать слезы и надорванный, едва внятный вопль забитаго Акакія Акакіева: «я—братъ твой»,—не замолкаетъ вплоть до стремительнаго воззванія о любви къ душѣ человѣка.

И посмотрите, какую теорію искусства проповѣдуетъ родоначальникъ русскаго художественнаго реализма! Онъ низвелъ поэзію съ неба на землю, съ высотъ героизма и чистой красоты въ юдоль пошлости и уродства, и онъ же, одушевленный все тѣмъ же страданіемъ за человѣка, потребовалъ отъ самого художника души и сердца во всякомъ его созданіи.

«Рабское, буквальное подражаніе натурѣ есть уже проступокъ и кажется яркимъ нестройнымъ крикомъ... Если возьмешь предметъ безучастно, безчувственно, не сочувствуя съ нимъ, онъ непремѣнно предстанетъ только въ одной ужасной своей дѣйствительности, не озаренный свѣтомъ, какой-то непостижимой, скрытой во всемъ мысли, предстанетъ въ той дѣйствительности, какая открывается тогда, когда, желая постигнуть прекраснаго человѣка, вооружаешься анатомическимъ ножомъ, разсѣкаешь его внутренность и видишь отвратительнаго человѣка».

Никто не станетъ обвинять автора этихъ словъ въ прикрашиваніи человѣка; напротивъ, всѣ произведенія Гоголя—своего рода умыселъ противъ фальшивой красоты и щегольской добродѣтели. Подчасъ самому писателю становилось будто тяжело изображать все мелкое и низкое въ человѣческой природѣ, и онъ

предъ своими же созданіями впадалъ въ пессимизмъ и душевную горечь:

«Боже, что за жизнь наша! Вѣчный раздоръ мечты съ существенностью»... И первый виновникъ раздора—самъ же вѣнецъ созданья: «сколько въ человѣкѣ безчеловѣчья!»...

Нѣтъ, здѣсь не было снисхожденія къ злу и близорукости въ оцѣнкѣ мельчайшихъ явленій дѣйствительности. Было нѣчто большее, что самъ Гоголь сравниваетъ съ солнцемъ. Безъ солнца великолѣпнѣйшій пейзажъ кажется несовершеннымъ, такъ и реальнѣйшее произведеніе искусства, не одухотворенное авторскимъ участіемъ и сочувствіемъ, теряетъ въ силѣ и даже въ правдѣ.

Такъ думалъ Гоголь. Мы можемъ пойти дальше—авторъ такихъ произведеній обрекаетъ себя на истинно-драматическую участь. У него не будетъ читателей-друзей, между нимъ и публикой не установится той таинственной связи, того духовно-родственнаго единенія, какое писателя, даже для людей, лично его никогда не знавшихъ, превращаетъ въ своего, дорогого человѣка, въ совѣтника, учителя, часто вдохновителя и утѣшителя. Книга тогда замѣняетъ живую личность, даже больше,—являетъ эту личность воображенію читателя болѣе яркой, будто приподнятой и облагороженной. Иллюзія можетъ дойти до глубочайшихъ чувствъ любви и преданности извѣстному имени, до отождествленія всего нравственнаго существа писателя съ переиспытанными впечатлѣніями отъ его таланта, съ общими, не всегда достовѣрными выводами изъ его литературной дѣятельности.

Тогда именно возможны такіе тріумфы, какіе видѣли у насъ Тургеневъ и Достоевскій, естественны поразительно единодушные стихійные взрывы общественнаго мнѣнія. Писатель пожинаетъ плоды *участія* и *сочувствія*, вложенные въ его произведенія, воспринимаетъ отраженія своей *души*, разсѣянной въ творческихъ образахъ...

Гоголь зналъ тайну *этой* славы. Достоинства и успѣхъ своихъ произведеній онъ объяснялъ совершенно согласно съ своей эстетикой: съ его книгами «соединялась» его «собственная душевная исторія». И будто ради художественной живой иллюстраціи идеи онъ изобразилъ трогательную картину русскаго восторженнаго читателя за книгой любимаго автора.

Поэтъ перенесъ свое изображеніе въ бѣдную, нищенскую среду, окружилъ его всей неприглядною прозой нашихъ будней, и все затѣмъ, чтобы въ возможно яркомъ блескѣ показать значеніе писательскаго слова у лучшихъ русскихъ людей. И что особенно любопытно, гоголевская картина цѣликомъ перешла въ талантли-

вѣйшую европейскую критику о нашей литературѣ, и тамъ отличительной чертой русскаго искусства признали именно это духовное единеніе автора и читателя, неотразимое *нравственное* дѣйствіе художественныхъ произведеній на душу и умъ юношески-чуткой публики.

Вы помните, съ какимъ трогательнымъ чувствомъ авторъ *Мертвыхъ душъ* говорилъ о «наслажденіяхъ», почерпаемыхъ молодыми сердцами на «свѣтлыхъ страницахъ вдохновеннаго русскаго поэта», помните, что подобныхъ наслажденій, по мнѣнію Гоголя, можетъ быть «не водится и подъ полуденнымъ небомъ», что петербургская вьюга и тьма—единственный въ своемъ родѣ фонъ для мерцающихъ искръ идейнаго свѣта и восторженнаго чувства.

Такъ писалъ авторъ, отнюдь не склонный къ преднамѣреннымъ изліяніямъ, — писалъ по непосредственному внушенію своей писательской натуры, сливавшей въ изумительной гармоніи силу творчества съ неизсякаемымъ источникомъ *участія* и *сочувствія*.

Много лѣтъ спустя французскій критикъ Вогюэ, съ нѣкоторымъ завистливымъ чувствомъ, сравнивалъ общественное положеніе русской литературы и западной. Въ Россіи, «писатель—вождь своего племени», «поэтъ въ древнемъ и полномъ смыслѣ этого слова, vates, поэтъ-пророкъ». Литературное произведеніе—не предметъ моды, магазинной выставки, мимолетнаго повседневнаго интереса, а насущный хлѣбъ для души читателя, фактъ его личнаго нравственнаго бытія... И Вогюэ имѣлъ право высказывать эти мысли, приступая къ характеристикѣ первостепенныхъ русскихъ художниковъ. Онъ только не заинтересовался психологической основой оригинальнаго явленія: она именно и составляетъ сущность русской литературы, по крайней мѣрѣ, составляла въ періодъ ея высшаго развитія.

Повсюду, одинъ и тотъ же мотивъ творчества, какъ бы ни различались таланты писателей. Пушкинъ, истерзанный современными условіями, страстно негодовалъ, что родился въ извѣстной средѣ «*съ душой* и талантомъ». Та же душа подсказала ему идею такой же литературной службы родинѣ, о какой мечталъ Гоголь, и великій поэтъ нашелъ смерть въ эпоху искреннѣйшихъ гражданскихъ стремленій и общественно-просвѣтительныхъ задачъ. Его восторженный ученикъ, Тургеневъ вложилъ всю свою душу въ свое творчество и съ молодыхъ лѣтъ произнесъ «аннибалову клятву», послужить своей странѣ борьбой съ ея жестокимъ недугомъ, крѣпостнымъ правомъ. И мы бы могли назвать цѣлый рядъ другихъ, менѣе сильныхъ талантомъ писателей, но не менѣе горячихъ *душою* и, слѣдовательно, дѣятельными гражданскими инстинктами.

И всѣ они—*vates*, поэты-пророки на сценѣ общественныхъ вопросовъ, и ближайшіе друзья, лично дорогіе люди для каждаго отдѣльнаго читателя. Нерѣдко можно встрѣтить людей разнаго возраста, того и другого пола, которые связываютъ цѣлыя эпохи своего нравственнаго бытія съ прочтеніемъ того или другого литературнаго произведенія. Это чаще всего бываетъ въ молодости, но тѣмъ яснѣе духовная сила искусства, его сродство съ чуткими натурами и «безпокойными умами».

Это сродство отнюдь не результатъ какой-либо тенденціи: ни Гоголь, ни Пушкинъ совершенно не были доступны ей. Они, подобно Писемскому, также могли сказать о себѣ, что не становились ни подъ чье чужое знамя, не насиловали своихъ талантовъ ради внѣшнихъ теченій и неизмѣнно слѣдовали внушеніямъ своего генія, но также и своей души. Вотъ она-то и сообщила ихъ произведеніямъ нѣчто, несравненно болѣе мощное и долговѣчное, чѣмъ какая угодно благонамѣренная тенденція. Она въ высокой степени очеловѣчила и воодушевила ихъ созданія, согрѣла ихъ теплотой человѣческаго сердца. Это не преднамѣренный замыселъ, а извѣстный строй самой натуры, одинаково свойственный и даровитымъ, и обыкновеннымъ людямъ. Одинъ и тотъ же предметъ, въ передачѣ двухъ разныхъ очевидцевъ, принимаетъ совершенно различные, хотя часто едва уловимые оттѣнки. Нѣтъ никакихъ видимыхъ усилій со стороны разсказчика произвести эффектъ, поразить или растрогать, а на слушателей вѣетъ какимъ-то таинственнымъ, влекущимъ дыханіемъ проникновенной правды, будто невѣдомыми путями сообщается имъ чужая нервная сила, и тогда говорятъ: съ какой душой, какъ симпатично, какъ увлекательно ведетъ этотъ человѣкъ свою бесѣду!.. Его хочется слушать не столько по значительности и разнообразію его разговора, сколько по общему, трудно даже выразимому впечатлѣнію.

Таковы и писательскіе таланты. Одинъ можетъ быть необыкновенно силенъ, разностороненъ, блестящъ, другой—скроменъ по формѣ и содержанію, но присоедините къ послѣднему чудный даръ *участія* и *сочувствія*, вы навѣрное затмите его соперника, если не въ строго разсудочной критикѣ и литературной исторіи, то непремѣнно въ кругу читателей, въ области общественной популярности. Одного будутъ любить, ради любви многое прощать и приписывать даже не вполнѣ основательныя достоинства, другого будутъ читать съ холоднымъ любопытствомъ, просмотрятъ крупнѣйшія заслуги его таланта, и безъ колебаній перейдутъ отъ холода къ полному равнодушію, лишь только окажется для этого достаточно сильный, даже случайный мотивъ.

Личность и судьба Писемскаго едва ли не самые яркіе примѣры сравнительнаго безсилія несомнѣнно великаго таланта и незаслуженно жестокой расплаты за совершенно несущественную вину.

Идейныя орудія Писемскаго—здравый смыслъ и національное чувство, вовлекшія его въ близорукую и пристрастную оцѣнку важнѣйшихъ общественныхъ явленій, сами по себѣ не могли бы создать для него столь трагической участи. Доказательство—другой писатель съ такимъ же умственнымъ складомъ. У Писемскаго проявилось съ самаго начала и оставалось до конца другое нравственное свойство, то самое безучастіе, о какомъ Гоголь говорилъ съ такимъ порицаніемъ.

Въ созданіяхъ автора *Тысячи душъ* всегда было много жизни, чрезвычайно правдивой, значительной, но не было солнца, согрѣвающаго пейзажъ, не было напряженнаго трепета человѣческаго существа автора, блисталъ *талантъ* и отсутствовала *душа*. Авторъ все время будто говорилъ читателямъ: вотъ вамъ, читайте мои писанія, а «мое дѣло сторона». Тоже самое и относительно героевъ: ихъ нѣсколько сотъ, авторъ признаетъ ихъ сплошной «дрянью»; то же самое могъ бы сказать и Гоголь о своихъ дѣтищахъ, но съ одною великою разницей: на языкѣ Гоголя слово «дрянь» звучало бы недоступнымъ для Писемскаго тономъ, сквозь негодованіе и смѣхъ звучали бы слезы и чуялся бы тайный голосъ: «это братъ твой», «любви къ бѣдной душѣ человѣка!»...

Нигдѣ, ни на одной страницѣ Писемскаго мы не уловимъ даже и намека на подобное чувство; напротивъ, авторъ будто испытываетъ особенное удовольствіе очерствить наши впечатлѣнія и лишить своихъ героевъ права на наше состраданіе и снисхожденіе. А если ему и вздумается обратиться къ этимъ мотивамъ, онъ сдѣлаетъ это путемъ логическихъ доказательствъ, юридическихъ и житейскихъ соображеній, обратится къ нашему разсудку, а не къ душѣ и сердцу.

XXXIV.

Шекспировскій Гамлетъ, весь гнѣвъ и отчаяніе, съ особенной силой возстаетъ противъ тлетворнѣйшаго, по его мнѣнію, явленія человѣческаго общества, противъ *кажущагося*, противъ всякой личины, не соотвѣтствующей сущности предмета, его внутреннему содержанію и дѣйствительному смыслу. Писемскій можетъ стоять рядомъ съ датскимъ принцемъ по не менѣе глубокому чувству отвращенія ко всякой поддѣлкѣ и шарлатанству.

У него безпрестанно встрѣчается одинъ и тотъ же пріемъ въ характеристикахъ героевъ и въ объясненіяхъ событій: *два объяс-*

ненія,—одно, такъ сказать, для большой легковѣрной публики, другое—для избранныхъ, болѣе проницательныхъ знатоковъ человѣческой натуры.

Напримѣръ, дама деревнѣ предпочитаетъ Петербургъ: существуютъ двѣ причины этого пристрастія, не имѣющія между собой ничего общаго: одна—страстная любовь къ дѣтямъ, живущимъ въ столицѣ, другая—гвардейскій уланъ. Чрезвычайно умный государственный мужъ дѣльно и горячо поражаетъ юныхъ мечтателей, изъ-за чего?—опять два мотива—или изъ совершенно естественнаго негодованія на скоропалительныя фантазіи, или потому, что красавица Софи раздражила его, отвергнувъ его деньги и любовь. Старый слуга приходитъ въ крайнее огорченіе по случаю болѣзни своего барина,—отчего: отъ жалости, неизбѣжной уже въ силу привычки, или отъ страха утратить тунеядную лакейскую жизнь?..

И такъ безъ конца—отъ крупныхъ до самыхъ мелкихъ движеній человѣческой души, отъ рѣшительныхъ событій до ничтожныхъ будничныхъ случайностей,—всюду непремѣнно таится злополучная ложка дегтю, саркастическая стрѣла, несравненно болѣе безпощадная и леденящая, чѣмъ даже мефистофелевская улыбка.

У гётевскаго героя по временамъ является какой-то едва уловимый оттѣнокъ горечи, грустнаго пессимизма и нервнаго разочарованія. Это—духъ, не порвавшій всѣхъ связей съ бренными страданіями смертныхъ, онъ подчасъ производитъ впечатлѣніе острослова, будто кѣмъ-то свыше назначеннаго состоять на роли презрительнаго насмѣшника и жестокаго отрезвителя поэтическихъ душъ.

Мы не хотимъ сказать, будто нашъ писатель—человѣкъ чистой мефистофелевской породы, мы только указываемъ, что его сарказмы и души холодной воды спокойнѣе, уравновѣшеннѣе и даже откровеннѣе, чѣмъ шуточки Мефистофеля. Писемскій не оттачиваетъ тонкой изящной стрѣлы, а дѣйствуетъ въ высшей степени громоздкими снарядами, и тамъ, гдѣ Мефистофель только пронзаетъ извѣстное явленіе, Писемскій расплющиваетъ его до послѣдняго живого мѣста.

Сравните, напримѣръ, вольтерьянскія насмѣшки Мефистофеля надъ любовной тоской Фауста съ разсказомъ о путешествіи Калиновича въ Петербургъ, о встрѣчѣ его съ блондинкой нѣмецкой національности, и позже стремительныя рѣчи Настеньки о женской любви. Остроты Мефистофеля, въ сущности, остаются совершенно безобидными и никакого дѣйствія не оказываютъ ни на Фауста, ни на читателей. Просто—оригинальный взглядъ на любовь, ни для кого не обязательный, хотя и не лишенный интереса.

И рядомъ съ этой игрой словъ—систематическое издѣвательство русскаго автора надъ тѣмъ, чего «не допускается въ романахъ»!—издѣвательство, здѣсь же подкрѣпляемое блестящими художественными сценами и, повидимому, неопровержимыми жизненными доказательствами.

Приключеніе Калиновича съ Амальхенъ уполномочиваетъ автора сдѣлать общій выводъ самаго удручающаго смысла: мужчина особенно способенъ измѣнить любимой женщинѣ, не переставая любить ее «съ прежнею страстью», именно въ первое время разлуки съ ней, потому что «чувства жаждутъ привычныхъ наслажденій»...

Теорію женской любви мы уже знаемъ со словъ Настеньки. И замѣтьте, практика и теорія связаны будто нарочно съ достойнѣйшими, умнѣйшими и сильнѣйшими героями: истины, очевидно не должны подлежать сомнѣнію.

Такова *дѣйствительность* въ той области, гдѣ предполагается особенно законное вмѣшательство романа, т. е. героическихъ и идеальныхъ чувствъ и происшествій.

Писемскій не желаетъ ограничиться такимъ суровымъ результатомъ,—онъ по временамъ станетъ смягчать обстоятельства и оправдывать героевъ, и будетъ производить эту операцію въ высшей степени оригинально. Самое смягченіе и оправданіе, вмѣсто того, чтобы просвѣтлять слишкомъ мрачныя впечатлѣнія читателей, еще больше прибавятъ мрака и весьма двусмысленнаго настроенія, похожаго на отчаяніе.

Гуманные приговоры Писемскаго основаны не на вѣрѣ въ человѣческую природу и сравнительную силу добра надъ зломъ, а въ сущности на самомъ пессимистическомъ принципѣ: что жъ? за что ее или его осуждать,—на свѣтѣ бываетъ и хуже, другимъ сходятъ съ рукъ и не такіе грѣхи и преступленія.

На сценѣ, напримѣръ, изумительно чувственная и развратная особа женскаго пола, настоящая femme-bête—и по грубости инстинктовъ, и по слѣпому безсердечью, и по цинической откровенности натуры. Авторъ изображаетъ всѣ эти мерзости съ невозмутимымъ реализмомъ, повторяетъ по нѣскольку сценъ на одинъ и тотъ же мотивъ, и вдругъ совершенно неожиданно проникается нѣжнымъ чувствомъ къ своему чудовищу и пишетъ такую мораль:

«Катринъ прежде всего недюжинное существо, не лимфа, условливающая во многихъ особахъ прекраснаго пола всевозможныя добродѣтели», и съ другимъ мужемъ, по мнѣнію автора, эта Катринъ «вышла бы вѣрная и нѣжная жена». И это послѣ того, какъ она причинила смерть отцу своей жестокостью до заму-

жества, питалась въ дѣвицахъ романами Поль-де-Кока, какъ «высшей поэзіей»!..

Такъ удачно авторъ вводитъ въ свои изображенія гуманность и снисхожденіе!

Другая героиня, на этотъ разъ жена идеальнаго человѣка и мужа, извѣстнаго намъ масона Марѳина, влюбляется въ молодого офицера; мужъ разрѣшаетъ ей эту любовь, и симпатичнѣйшій для автора — докторъ Сверстовъ освящаетъ всю исторію такой философіей:

«Что дѣлать? Законъ природы, его же не прейдеши»...

Соображеніе, конечно, основательное, но оно давитъ нашу мысль удручающимъ холодомъ резонерства. Мы не видимъ ни капли сердечности, поэзіи, красоты женскаго искренняго увлеченія,—всего, что дѣйствительно смягчаетъ вины и приближаетъ къ нашему сочувствію грѣшниковъ и грѣшницъ. Выходитъ какая-то сдѣлка, гдѣ авторъ устами дѣйствующихъ лицъ по всѣмъ правиламъ бухгалтеріи подводитъ итоги, и преподноситъ намъ въ результатѣ математическую формулу, оставляетъ насъ совершенно равнодушными къ героямъ и не даетъ дѣйствительно жизненнаго и психологическаго освѣщенія фактамъ.

И такъ вездѣ, гдѣ авторъ попадаетъ въ область якобы сердечныхъ построеній и задушевныхъ воззрѣній на ходъ человѣческихъ дѣлъ. Въ одномъ изъ разсказовъ *Русскіе лгуны—Красавецъ*—мы узнаемъ, что «любовь сдѣлала бѣдную женщину даже юристкою», т. е. изощрила ея логическія способности и практическую сообразительность, не измѣнивъ ея чувства къ ея герою.

То же самое можно примѣнить къ самому автору, съ одной существенной оговоркой: гуманное настроеніе дѣлаетъ Писемскаго юристомъ, но совершенно не сообщаетъ ему любви. По поводу той же влюбленной юристки авторъ пускается въ пріятныя, повидимому, для него оправданія женскихъ увлеченій. У героини любовь къ «Красавцу» смѣнилась презрѣніемъ и перешла на другой предметъ,—авторъ замѣчаетъ: «За будущее никто не можетъ поручиться: смѣемъ васъ завѣрить, что самъ пламенный Ромео покраснѣлъ бы до конца ушей своихъ, или взбѣсился бы до-нельзя, еслибъ ему напомнили буква въ букву тѣ слова, которыя онъ расточалъ своей божественной Юліи, стоя передъ ея балкономъ, особенно если бы жестокіе родители не разлучили ихъ, а женили».

Вы видите, авторъ готовъ даже завѣрять васъ въ весьма спорныхъ истинахъ, лишь бы остаться вѣрнымъ особенному способу сглаживать тѣни, выставляя предъ нами еще болѣе густой мракъ.

И это не пессимизмъ въ обычномъ смыслѣ. Писемскій въ личной жизни проявлялъ крайнія эпикурейскія наклонности, въ литературѣ менѣе всего старался провести отчаянный взглядъ на жизнь. Напротивъ, жить слѣдуетъ возможно лучше и возможно дольше, жить хотя бы подобно Катринъ, не насилуя своей природы и не вступая въ борьбу съ темными инстинктами. Въ жизни много хорошаго, прежде всего та же женская любовь и особенно комфортъ: Писемскій умнѣйшаго и даровитѣйшаго своего героя Калиновича гипнотизируетъ комфортомъ, очевидно, сливая въ одно свои личныя вожделѣнія и задачи художественной характеристики...

Нѣтъ, предъ нами не пессимистъ въ смыслѣ системы извѣстныхъ воззрѣній. Даже ипохондрія и озлобленіе послѣднихъ лѣтъ не результатъ принциповъ и взглядовъ, а нервнаго разстройства и оскорбленнаго самолюбія. Предъ нами человѣкъ съ малой любовью, точнѣе, съ ограниченной *сердечной* чуткостью къ жизни и къ людямъ. Какъ это ни кажется удивительнымъ, но таково органическое свойство чисто художественныхъ натуръ.

Необычайно воспріимчивыя къ явленіямъ внѣшняго міра, какъ таковымъ, они болѣе или менѣе равнодушны къ ихъ нравственному смыслу. Есть, конечно, множество степеней чисто-художественной даровитости—отъ Фета до нашего автора,—степеней въ способности вообще воспринимать или наблюдать разныя области явленій, или природы, или человѣческой жизни. Это, такъ сказать, поэтическій вкусъ; отъ разнообразія его не мѣняется самая сущность психологіи.

Фетъ отличался изумительнымъ непониманіемъ общественной дѣйствительности, часто жестокимъ равнодушіемъ или прямой ненавистью къ ея благороднѣйшимъ и гуманнѣйшимъ запросамъ. Пѣвцу «робкаго дыханья» и «трелей соловья» общественныя и даже литературныя отношенія рисовались въелико первобытной формѣ, полнѣйшаго торжества аристократическаго принципа и всякихъ другихъ привилегій. Поэтъ мало понималъ, потому что, глядя на многое, ничего не видѣлъ. У Писемскаго художественный взоръ неизмѣримо изощреннѣе. Онъ не сталъ бы посвящать своихъ досуговъ сладкимъ звукамъ и идиллическимъ пейзажамъ. Его поэтическая воспріимчивость охватывала громадный горизонтъ людскихъ отношеній, вниманіе сосредоточивалось на человѣкѣ и обществѣ по преимуществу, и, естественно, изъ подъ его пера выходили картины, исполненныя значенія и смысла.

Но было ли для самого художника ясно значеніе и установленъ смыслъ его собственныхъ созданій? Мы видѣли, съ полнымъ основаніемъ можно дать отрицательный отвѣтъ. И теперь мы знаемъ

нравственныя стихіи въ личности Писемскаго, сдѣлавшія неизбѣжнымъ именно такой отвѣтъ.

Прежде всего крайне бѣдный источникъ для всякаго рода идей—непосредственный здравый смыслъ, благородная, но для новой русской исторіи слишкомъ узкая основа общественныхъ идеаловъ—національное чувство; это — недостатки ума, міросозерцанія. Они помѣшали автору вдуматься въ движеніе шестидесятыхъ годовъ, съ этой эпохи до конца его дѣятельности—держали его личную мысль и писательскія сочувствія далеко позади современной дѣйствительности, на уровнѣ своего рода старовѣрія и домостроевскихъ идеаловъ.

Писемскій отнюдь не злоумышлялъ противъ молодого поколѣнія, и искренне не считалъ своего *Взбаломученнаго моря*—памфлетомъ. Тотъ фактъ, что онъ слишкомъ приналегъ на нѣкоторые эпизоды и черты, не представлялъ ничего исключительнаго въ его творчествѣ. Вѣдь признавался же онъ съ своеобразной наивностью, что именно этотъ пріемъ нарочитаго сгущенія красокъ онъ употребилъ въ своемъ лучшемъ романѣ и относительно героя, во многихъ отношеніяхъ близкой его собственной личности.

«Въ продолженіи всего моего романа, — писалъ авторъ *Тысячи душъ*,—читатель видѣлъ, что я нигдѣ не льстилъ моему герою, а напротивъ, всѣ нравственные недостатки его старался представить въ усиленно-яркомъ видѣ»...

Зачѣмъ же, спросите вы, непремѣнно въ *усиленно*-яркомъ видѣ, а не просто въ правдивомъ? Приходится помириться, что у автора особенная наклонность къ подчеркиванію отрицательныхъ явленій, и намъ невольно припоминается удивительный разговоръ двухъ симпатичныхъ героевъ изъ романа *Въ водоворотѣ*. Одинъ доказываетъ такую истину: «Тотъ, кто не хочетъ обманываться въ людяхъ, долженъ непремѣнно со всякимъ человѣкомъ дѣйствовать юридически и нравственно такъ, какъ бы онъ дѣйствовалъ съ величайшимъ подлецомъ въ мірѣ».

Слушатель согласенъ, и оба они, несомнѣнно, снабжены многими личными чувствами автора; напримѣръ, одинъ изъ нихъ, побывавшій въ Европѣ и вывезшій изъ путешествія крайній скептицизмъ на счетъ европейскихъ «людишекъ», явно говоритъ за счетъ самого Писемскаго.

Вотъ, слѣдовательно, господствующая струя въ философіи писателя. Естественно, она должна была, сама по себѣ, независимо отъ тенденціи захватить прогрессивную молодежь. Писемскій чувствовалъ себя по всему складу своей натуры чужимъ среди этой молодежи, и этого чувства было совершенно достаточно, чтобы

живопись вышла до крайней степени мрачной, «усиленно яркой». Оскорбленное самолюбіе только привходящій, второстепенный мотивъ. Онъ могъ подсказать автору нѣкоторыя отдѣльныя выходки, частные штрихи, вся композиція заранѣе была точно предопредѣлена неуклонной логикой личной авторской психологіи.

Но, если бы духовные изъяны Писемскаго ограничились только слишкомъ узкимъ умственнымъ и нравственнымъ кругозоромъ, результаты его дѣятельности отнюдь не вышли бы столь прискорбными для его имени. Мы указали на Гоголя, какъ предшественника нашего автора по воззрѣніямъ, не соотвѣтствовавшимъ общему культурному духу эпохи, и видѣли, это несоотвѣтствіе не поколебало высокаго писательскаго пьедестала автора *Ревизора* и *Переписки*. Гоголя спасла сила души и сердца, и она то какъ разъ не одушевляла великаго таланта Писемскаго. Съ культурной ограниченностью идей соединялась чистая художественность натуры. Она одарена изумительной способностью наблюдать и творчески воспроизводить дѣйствительность, но лишена одной незамѣнимой стихіи, свойственной первостепенымъ русскимъ писателямъ и уже давно замѣченной и оцѣненной даже иностранцами: лишена чувствительнаго, точнѣе *сердечнаго идеализма*, въ ней не живетъ безграничнаго *чувства жалости*, придающаго въ глазахъ иностранцевъ столь оригинальный и возвышенный характеръ новой русской литературѣ, она не одушевлена *инстинктомъ всепрощенія*, спасающимъ человѣка среди самыхъ удручающихъ житейскихъ мелочей и пошлостей.

Будь этотъ инстинктъ у Писемскаго, его представленія о новыхъ русскихъ людяхъ неизбѣжно смягчились бы, приблизились бы къ настоящей правдѣ, сердце возмѣстило бы недостатокъ пониманія, все равно, какъ то же сердце внушило Гоголю не мало высокихъ мыслей даже въ эпоху *Переписки*. Онѣ будто свѣтъ съ мглою борется, напримѣръ, въ изображеніи идеальнаго педагога во второй части *Мертвыхъ душъ*, будто молнія прорѣзываютъ угнетенное настроеніе писателя въ трогательныхъ строкахъ о судьбѣ русскихъ идеалистовъ.

Ничего подобнаго не найти въ безучастной эпохѣ Писемскаго, и до конца ни откуда не являлось къ нему спасеніе отъ невольныхъ недоразумѣній и несправедливостей. Мы говоримъ *невольныхъ* и настаиваемъ на этомъ, потому что все отрицательное такъ же, какъ и положительное въ литературной дѣятельности Писемскаго— прямое слѣдствіе его натуры. Онъ дѣйствительно былъ правъ, что всю жизнь оставался самимъ собой и не склонялся ни предъ какими внѣшними теченіями. *Вообще* это свойство—великое нрав-

ственное достоинство—вѣрность себѣ, своей личности, и особенно рѣдкостное, почти исключительное на русской почвѣ... Но, помимо человѣческой личности, существуетъ другая, отнюдь не менѣе законная сила—общество съ его неуклоннымъ историческимъ развитіемъ, и вотъ эта-то сила можетъ самодовлѣющую личность поставить въ самое критическое положеніе. Чѣмъ личность самобытнѣе и устойчивѣе, тѣмъ положеніе неотвратимѣе и тягостнѣе. Именно оно и выпало на долю нашего автора непосредственно послѣ славы...

XXXV.

Нашъ выводъ послѣ подробнаго изученія таланта и личности Писемскаго можетъ быть очень краткимъ и вполнѣ опредѣленнымъ. Мы хотѣли уяснить общественный смыслъ дѣятельности нашего писателя, показать, насколько великъ и проченъ этотъ смыслъ въ нашей литературѣ, мы также разсчитывали установить правильный историческій взглядъ на исключительную судьбу великаго дарованія и оригинальнѣйшихъ созданій Писемскаго среди цѣлаго ряда поколѣній русскихъ читателей. Смѣемъ думать, наша цѣль достигнута.

Для насъ не представилось особенно трудной задачей—показать все богатство именно идейнаго содержанія произведеній Писемскаго, прослѣдить ихъ изумительно краснорѣчивый и высокопоучительный смыслъ для того самого преобразовательнаго теченія, которое должно было унести славу автора. Читатели легко согласятся, болѣе полной, исторически подлинной и художественно-яркой картины дореформенной Россіи нѣтъ ни у одного изъ русскихъ писателей и, можно думать, никогда и не появится. Писемскій навсегда останется единственнымъ лѣтописцемъ стараго русскаго общества и народнаго быта по всесторонности и достовѣрности личныхъ свѣдѣній, по добросовѣстности и неуклонной правдивости ихъ художественнаго воплощенія. Искусство Писемскаго, въ сильной степени благодаря самымъ недостаткамъ его личной натуры, его умственнаго склада, выполнило единственное въ своемъ родѣ назначеніе: слилось съ исторіей и завѣщало потомству документы и свидѣтельства, часто болѣе надежные, чѣмъ чистофактическія записки и свидѣтельскія показанія.

Но именно громадная художественная талантливость Писемскаго, безотносительная значительность его литературнаго дѣла выдвинули предъ нами не менѣе важный вопросъ общаго нравственнаго и культурнаго смысла.

Мы могли изобразить цѣлый многолѣтній періодъ дѣятельности писателя, какъ исторію невольной расплаты за свою писательскую и человѣческую личность. Писемскій былъ по своему правъ, когда начиналъ и упорно продолжалъ вести безпощадную войну противъ новой Россіи: онъ искренне не замѣтилъ, что всѣ стремленія его враговъ, всѣ мотивы ихъ новой дѣятельности, всѣ основы ихъ вражды къ старому и страстной жажды иного будущаго,—что все это можетъ быть вполнѣ удовлетворительно *оправдано* его же собственными произведеніями. Но были правы и тѣ, кто подвергался гнѣву писателя... Не въ разгаръ борьбы соображать о тонкихъ психологическихъ причинахъ недоразумѣнія: въ глаза рѣзко и больно мечутся факты, вполнѣ наглядные результаты авторскихъ настроеній, и воинственный крикъ поднимается подъ вліяніемъ исключительно этихъ данныхъ.

Въ этомъ подъемѣ есть и *общая* доля истины, независимо отъ полной естественности его при извѣстныхъ обстоятельствахъ. Это— истина не новая и въ сущности не требующая доказательствъ: только по нашимъ временамъ она становится спорной и даже совсѣмъ ненужной.

Исторія Писемскаго доказываетъ, какъ недостаточно для безупречнаго осуществленія великаго призванія писателя однѣхъ художественныхъ силъ, къ какимъ ошибкамъ и настоящимъ паденіямъ можетъ привести даровитѣйшаго автора талантъ, не возвышенный вдумчивой идейной работой и не облагороженный чуткимъ сердцемъ.

Личность Писемскаго, въ результатѣ, не менѣе поучительна для насъ и для самыхъ отдаленныхъ поколѣній, чѣмъ исторически значительно его творчество. Въ его произведеніяхъ читатели вѣчно будутъ находить нелицепріятное объясненіе и, если бы потребовалось, краснорѣчивѣйшее оправданіе одной изъ благороднѣйшихъ эпохъ нашей исторіи; его личность столь же неуклонно будетъ свидѣтельствовать о незыблемости лучшихъ преданій нашего литературнаго слова, вообще нашего художественнаго творчества: поэтъ-подвижникъ и пророкъ, писатель-вождь и учитель.

Ив. Ивановъ.

СЭРЪ ДЖОРЖЪ ТРЕССЕДИ.

Романъ Гемпфри Уордъ.

Переводъ съ англійскаго А. Анненской.

*(Окончаніе *).*

XXIII.

Летти Тресседи сидѣла около дверей одного изъ маленькихъ кирпичныхъ домиковъ, образующихъ деревню Фёртъ. День былъ октябрьскій, дождливый, черезъ открытую дверь она видѣла черную улицу, мокрые дома и грязную дорогу. На улицѣ стояла кучка женщинъ и дѣтей въ старыхъ платкахъ, накинутыхъ на голову отъ дождя. Она знала, что это значило. Онѣ ждали, когда откроютъ дверь народной столовой, основанной баптистскимъ священникамъ черезъ три недѣли послѣ прекращенія работъ. Другая столовая была устроена на противоположномъ концѣ деревни, и Джоржъ немедленно по пріѣздѣ сталъ жертвовать на нее деньги. Она находила, что съ его стороны очень глупо поддерживать рабочихъ въ ихъ борьбѣ съ нимъ же самимъ. Но теперь, наблюдая несчастную толпу около баптистской молельни, она почувствовала гнетъ тѣхъ новыхъ вопросовъ, которые открылись передъ ней послѣ ея замужества и лишили ее прежней беззаботности, прежней способности веселиться.

Рядомъ съ ней сидѣла беззубая старуха и говорила безъ умолку, такимъ тономъ, который Летти считала въ значительной степени лицемѣрнымъ.

— Да, ужъ надо правду сказать, когда мужчины заберутъ себѣ что-нибудь въ голову, съ ними ничего не подѣлаешь. Многимъ и очень хотѣлось бы опять взяться за работу да боятся за свою шкуру, потому у этого Бёррау такіе помощники, настоящіе разбойники. Вотъ приходитъ сынъ мой домой, лица на немъ нѣтъ. Я и спрашиваю: «Что, Джонъ, нѣтъ ли чего новенькаго въ вашемъ комитетѣ?»—«Нѣтъ, говоритъ, мать, они все на своемъ стоятъ».—А самъ смотритъ печально, видитъ, что я ему ужина

*) См. «Міръ Божій», № 11, ноябрь 1896.

никакого не приготовила. А мнѣ какъ готовить, когда у меня ничего нѣтъ? Я и то сама ничего не ѣмъ. Намедни докторъ говоритъ: «У васъ, миссисъ Амерслей, скоро ужъ и крови совсѣмъ не останется. Что вы сегодня готовили на обѣдъ?»—А я говорю: «ничего; это кушанье не долго приготовить, ничего да и все тутъ». До сихъ поръ, слава Богу, не приходилось просить подаянія, что будетъ дальше—не знаю. Конечно, не буду хвастать своимъ житьемъ, въ домѣ ни кусочка хлѣба, и черезъ крышу дождь льетъ на голову.

Старуха обвела глазами свою кухню и остановила ихъ на Летти. Въ концѣ концовъ Летти дала ей денегъ и ушла отъ нея, недовольная и ею, и своею щедростью. Эта старуха была едва ли не единственная жительница деревни, способная при данныхъ обстоятельствахъ выпрашивать помощь у «жены Тресседи». Кромѣ того, Летти имѣла основаніе предполагать, что сынъ этой старухи былъ однимъ изъ самыхъ грубыхъ сателитовъ Бёррау, а старуха была нисколько не бѣднѣе своихъ сосѣдей.

На улицѣ Летти, не смотря на дождь, встрѣчала толпы мужчинъ и женщинъ, которые провожали ее непріязненными взглядами. Она проходила мимо нихъ торопливыми шагами. Отчего это она не знала никого въ деревнѣ, кромѣ нѣсколькихъ лицемѣрокъ и попрошаекъ?

Какимъ путемъ можно проникнуть въ этотъ безобразный, непонятный міръ, называемый: «народъ»? Самая идея о томъ, чтобы попытаться сблизиться съ нимъ, возбуждала въ ней отвращеніе и скуку. Она боялась рабочихъ. Она жалѣла, что такъ долго просидѣла у этой старой сплетницы, миссисъ Гаммерслей, и что такъ много саженъ грязной дороги отдѣляютъ ее отъ дома. Гдѣ это Джоржъ? Она знала, что онъ ушелъ къ копямъ поговорить съ своимъ управляющимъ о починкѣ какихъ-то насосовъ, и досадовала, зачѣмъ не попросила его зайти за ней.

Прежде чѣмъ выйти изъ деревни, она остановилась въ нерѣшительности и затѣмъ повернула въ боковую улицу, къ Мэри Бачелоръ, старой нянькѣ Джоржа, потерявшей единственнаго сына во время одной изъ катастрофъ въ копяхъ.

Когда нѣсколько минутъ спустя она шла по дорожкѣ къ дому, она смутно чувствовала, что сдѣлала доброе дѣло, даже нѣсколько добрыхъ дѣлъ, не доставившихъ ей ни малѣйшаго удовольствія. Ни она не чувствовала расположенія къ Мэри, ни Мэри къ ней. Летти не находила о чемъ говорить съ этою матерью, до сихъ поръ цѣликомъ поглощенною горемъ объ умершемъ сынѣ. Она жалѣла ее, но такое сильное чувство было недоступно ей, и она отступала передъ нимъ. Что касается Мэри, то она до сихъ поръ принимала посѣщенія лэди Тресседи съ мрачнымъ удивленіемъ, весьма не лестнымъ для посѣтительницы. Летти казалось, что несчастная женщина чувствуетъ всякій разъ въ глубинѣ души обиду, отчего пришелъ не Джоржъ. Кромѣ того, хотя она никогда не говорила ни слова объ этомъ женѣ Тресседи, но всѣ знали, что она горячая сторонница рабочихъ и противница хозяевъ. Можетъ быть, именно это чувство примиряло ее съ ея дурачкомъ-

внукомъ, котораго полиція уже два раза сажала подъ арестъ за то, что онъ бросалъ камни въ рабочихъ, не принадлежавшихъ къ рабочему союзу. Во всякомъ случаѣ, она начала заботиться о немъ гораздо больше, чѣмъ прежде.

Нѣтъ, всѣ попытки Летти сблизиться съ деревней оказывались неудачными. Она съ нѣкоторымъ отвращеніемъ вспоминала эти попытки. Она навѣщала стариковъ и больныхъ и старалась не думать о пріостановкѣ работъ; но въ душѣ она чувствовала сильнѣйшее негодованіе противъ этихъ буяновъ и лѣнтяевъ, которые толпятся на деревенской улицѣ, вмѣсто того, чтобы быть въ копяхъ, которые морятъ голодомъ собственныхъ дѣтей и приносятъ убытки владѣльцамъ. Неужели они воображаютъ, что люди могутъ тратить деньги на устройство шахтъ и не получать за это ничего? Ихъ религіозныя убѣжденія были почти такъ же противны ей, какъ ихъ пьянство. Она ненавидѣла обоихъ диссидентскихъ священниковъ, жившихъ въ деревнѣ, не меньше, чѣмъ Бёрроу, и, встрѣчаясь съ ихъ женами, гордо отвертывала голову.

И для чего же заставляла она себя ходить къ нимъ утѣшать несчастныхъ, помогать неимущимъ? Конечно, бѣдные старики ни въ чемъ не виноваты, но бывать у нихъ совершенно безполезно. Она не говорила о своихъ посѣщеніяхъ Джоржу и думала, что онъ ихъ не замѣчалъ. Съ самаго пріѣзда ихъ въ Фёртъ онъ былъ такъ занятъ разными совѣщаніями да комитетами, что она рѣдко видалась съ нимъ. Всѣ думали, что работы должны въ скоромъ времени возобновиться, но Джоржъ не надѣялся на это.

Теперь, когда она шла по темной дорогѣ, съ одной стороны которой возвышались деревья, а съ другой — высокая насыпь главной шахты, мысли ея, по обыкновенію, вернулись къ ея собственному положенію. О, какъ мрачно тянулась жизнь въ Фёртѣ эти три недѣли! Она думала о городскихъ удовольствіяхъ, о помѣстьяхъ, въ которыхъ они могли бы весело проводить время, если бы не гордость Джоржа, думала даже и о Казединѣ, и въ душѣ ея поднимались раздраженіе и жалость къ себѣ самой. Джоржъ постоянно уходитъ, въ этомъ безобразномъ домѣ дѣлать нечего, а надняхъ должна еще пріѣхать лэди Тресседи; она задыхалась отъ гнѣва, ломала свои маленькія ручки и говорила сама себѣ, что готова лишить себя жизни.

Вдругъ она услышала шаги за собой и въ ту же минуту что-то сильно ударило ее по плечу. Она вскрикнула и ухватилась за деревянный столбъ забора, а комъ грязи, пущенный въ нее съ насыпи, упалъ на землю подлѣ нея.

— Летти, это ты?—раздался голосъ со стороны деревни, голосъ ея мужа. Она услышала, чьи-то быстрые шаги. Черезъ нѣсколько секундъ Джоржъ подбѣжалъ къ ней.

— Чѣмъ тебя ударили? А, вижу! Подлецы! Проклятые подлецы! У тебя рука сломана? Попробуй, можешь ли ты двигать ею?

Почти теряя сознаніе отъ страшной боли, она попыталась поднять руку.

— Нѣтъ,—сказала она слабымъ голосомъ, — не сломана; кажется, нѣтъ.

— Ну, это хорошо!—обрадовался онъ,—навѣрно просто ушибъ. Къ счастью, негодяй бросилъ не камень,—онъ оттолкнулъ ногой комъ грязи.—Позволь мнѣ подвязать тебѣ руку моимъ шарфомъ. А, что это? Летти, можешь ты подождать одну минутку? Я далеко не уйду.

И онъ указалъ ей на темную точку, которая пробиралась кустами вдоль насыпи.

— Я постою здѣсь,—согласилась Летти.

Джоржъ перескочилъ черезъ заборъ и побѣжалъ. Темная фигура тоже побѣжала какими-то странными прыжками и скачками. Послышался шумъ борьбы, затѣмъ Джоржъ вернулся, таща за собой кого-то или что-то.

— Я такъ и зналъ, — сказалъ онъ, подходя къ женѣ и съ трудомъ переводя духъ;—это негодяй, внукъ Мэри Бачелоръ. Ну, слушай, стой у меня смирно! Я двухъ такихъ, какъ ты, могу удержать одной рукой. Мэденъ!

Онъ только-что разстался съ своимъ управляющимъ на той дорожкѣ, которая спускалась съ противоположной стороны насыпи, и надѣялся, что шотландецъ услышитъ его голосъ. Но никто не отвѣчалъ ему. Онъ еще разъ крикнулъ; затѣмъ приложилъ два пальца ко рту и громко свистнулъ, продолжая крѣпко держать мальчика.

Въ эту минуту двое рабочихъ показались на дорогѣ со стороны деревни. Джоржъ закричалъ имъ изъ-за забора:

— Эй, послушайте-ка! Вотъ этотъ мальчишка бросилъ комъ грязи въ лэди Тресседи и зашибъ ей руку. Не можете ли вы отвести его въ полицію, пока я провожу жену домой?

Рабочіе остановились и уставились глазами на лэди, стоявшую около забора, и на сэра Джоржа, продолжавшаго держать мальчика, блѣдное, грязное лицо котораго смутно рисовалось при свѣтѣ сумерекъ.

— Нѣтъ,—сказалъ одинъ изъ нихъ,—это не наше дѣло. Вѣдь не наше, Билъ?

— Не наше!—рѣшительно подтвердилъ другой, и они пошли дальше.

— Эхъ, вы, герои!—закричалъ имъ въ слѣдъ Джоржъ. — Не понимаете даже того, что нельзя въ темнотѣ нападать на женщину. Мэденъ!

Онъ снова свистнулъ и на этотъ разъ надъ головой его послышались торопливые шаги.

— Сэръ Джоржъ!

— Спуститесь, пожалуйста, поскорѣй сюда!

Черезъ нѣсколько минутъ управляющій направился съ мальчикомъ къ ближайшему полицейскому посту, и Джоржъ могъ все свое вниманіе отдать Летти.

Онъ ловко подвязалъ ея больную руку, поддерживалъ ее за здоровую и они скоро подошли къ воротамъ своего дома.

— Тебѣ трудно будетъ войти на холмъ, — сказалъ онъ заботливо;—останься здѣсь, я пріѣду за тобой въ экипажѣ.

— Я совершенно хорошо могу идти, такъ будетъ скорѣе.

Онъ невольно удивлялся тому, что она не преувеличиваетъ, а напротивъ, отчасти скрываетъ боль. Поднимаясь въ темнотѣ на холмъ, они оба не могли не вспомнить другое, подобное же происшествіе и другую жертву. Летти снова и снова представляла въ воображеніи всю сцену съ лэди Максвель послѣ эстъ-индскаго митинга, а передъ нимъ изъ тумана и дождя выступалъ образъ, который онъ не въ силахъ былъ прогнать. Это было странное совпаденіе мыслей. Сознавая свою скрытую вину, онъ тѣмъ болѣе старался окружать жену заботливостью.

— Зачѣмъ ты ходила въ деревню?—спросилъ онъ, наклоняясь къ ней.—Я не зналъ, что у тебя тамъ есть дѣла.

— Я была у старой Бесси Гаммерслей и у миссисъ Бачелоръ,— отвѣчалъ она какъ можно болѣе равнодушнымъ тономъ.—Бесси, какъ всегда, выпросила денегъ.

— Это было очень мило съ твоей стороны. Ты часто ходила въ деревню эти дни?

— Да, я была въ нѣсколькихъ домахъ.

Джоржъ вздохнулъ.

— Къ чему это, вообще, къ чему дѣлать что-нибудь? Они ненавидятъ насъ, а мы ихъ. Скоро работы возобновятся, и чувства противъ хозяевъ станутъ еще болѣе враждебными.

— Ты увѣренъ, что возобновятся?

— Да, во всякомъ случаѣ еще до Рождества. Но все-таки придется перенести не мало непріятностей! Подумать только, что даже женщина не можетъ спокойно идти по дорогѣ, не рискуя подвергнуться опасности и оскорбленію. Можно ли жить въ мирѣ и согласіи съ такими скотами!

Его гнѣвныя и горькія выходки почему-то заставляли ее меньше чувствовать боль. Она попробовала даже возражать.

— Ну, вѣдь это же былъ мальчикъ, и ты самъ говорилъ, что онъ не совсѣмъ въ умѣ.

— Не совсѣмъ въ умѣ!—съ досадой отвѣчалъ Джоржъ,—если это признакъ неполнаго ума, то половину всѣхъ ихъ придется засадить въ домъ умалишенныхъ. Дня не проходитъ, чтобы они не устроили какой-нибудь гадости рабочимъ не союзнымъ. Сегодня утромъ я слышалъ, что около Рильстона двухъ человѣкъ столкнули въ бассейнъ и закидывали каменьями.

— Можетъ быть, и мы на ихъ мѣстѣ поступили бы такъ же,— замѣтила она вяло...

— Опирайся хорошенько на меня; мы сейчасъ придемъ. Ты думаешь, что на ихъ мѣстѣ и мы превратились бы въ звѣрей? Очень возможно. Мы, кажется, всѣ поступаемъ другъ съ другомъ, какъ звѣри; этого требуетъ конкурренція, управляющая нашимъ милымъ свѣтомъ. Такъ ты ходила къ разнымъ старухамъ? Тебѣ, должно быть, было очень скучно эти три недѣли; не думай, что я этого не понимаю.

Онъ говорилъ съ чувствомъ. Ему показалось, что рука ея, лежавшая на его рукѣ, дрогнула, но она не сказала ни слова.

— А какъ ты думаешь, что если бы мнѣ, какъ только работы возобновятся, бросить все это дѣло, сдать въ аренду копи и домъ и уѣхать? Я могу это устроить.

— Неужели можешь?—съ живостью спросила она.

— Мы, конечно, будемъ получать меньше денегъ, чѣмъ даютъ копи въ хорошіе года; не за то доходъ будетъ опредѣленный. Какъ ты думаешь, можемъ мы прожить, если будемъ получать на тысячу меньше, чѣмъ теперь?

— Положимъ, и съ тѣмъ, что мы теперь получаемъ, трудно сводить концы съ концами, если бы даже это все шло на насъ,— сказала она ѣдко.

Онъ понялъ, что она намекаетъ на долги матери, и замолчалъ.

Очевидно, воспоминаніе объ этихъ долгахъ возбуждало въ ней обычное раздраженіе: подходя къ дверямъ дома, она вдругъ проговорила съ такою ѣдкостью, какой онъ не замѣчалъ въ послѣднее время въ ея рѣчахъ:

— Конечно, владѣть помѣстьемъ и не имѣть средствъ ни на поправку дома, ни на пріемъ друзей, ни на приличную обстановку—это все очень непріятно. А главное, намъ вовсе не было надобности проводить здѣсь весь октябрь...

Она остановилась, не рѣшаясь договорить фразу, но онъ успѣлъ подумать:

— «Она это говоритъ! Какое безобразіе!» Вслухъ онъ холодно замѣтилъ:

— Трудно сказать гдѣ я могъ быть въ нынѣшнемъ октябрѣ, если бы не былъ здѣсь.

Двери дома открылись, и при свѣтѣ лампы онъ увидѣлъ ея поблѣднѣвшее отъ боли личико, крѣпко сжатыя губы. Онъ сразу забылъ все, и чувствовалъ одно только—жалость къ женщинѣ. Онъ повелъ, почти понесъ ея по лѣстницѣ. Черезъ нѣсколько минутъ она лежала раздѣтая въ постели; онъ послалъ за докторомъ, а до его пріѣзда употребилъ для облегченія боли всѣ средства, какія зналъ, но она была въ дурномъ расположеніи духа и холодно относилась къ его заботливости.

Вечерняя почта принесла ей письмо, которое она тотчасъ спрятала. Онъ зналъ этотъ твердый, четкій почеркъ и зналъ также, что за послѣдній мѣсяцъ Летти получила нѣсколько писемъ, писанныхъ тою же рукою. Онъ съ минуту стоялъ подлѣ нея и хотѣлъ попросить ее дать ему письмо прочесть, но слова не сходили съ его языка. Онъ видѣлъ, что она не хочетъ читать письмо при немъ, и вышелъ изъ комнаты. Когда онъ вернулся съ книжкой новаго журнала въ рукахъ и спросилъ, не почитать ли ей вслухъ, она лежала, подложивъ руку подъ щеку, устремивъ глаза на огонь камина, и была такъ блѣдна, имѣла такой жалкій видъ, что сердце его сжалось. Неужели онъ женился на ней, молодой 24-лѣтней дѣвушкѣ, только для того, чтобы лишить ее всякой возможности счастья? Какой-то ужасъ охватилъ его. Все время ихъ жизни въ Фёртѣ онъ былъ ласковъ съ ней, насколько позволяли ему дѣла и ея расположеніе духа; внѣшнихъ столкновеній между ними почти не происходило; но онъ отлично сознавалъ, что между ними не было искренней дружбы.

Онъ опустился на колѣни подлѣ нея и положилъ свое лицо къ ней на подушку.

— Не будь такой несчастной!—прошепталъ онъ, поглаживая ея руку. Она ничего не отвѣтила; онъ всталъ, въ отчаяніи, не зная, что сказать, что дѣлать; тогда она вдругъ спросила:

— Былъ у тебя полицейскій?

Онъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на нее.

— Да; все устроено; мальчика будутъ судить во вторникъ.

Она съ минуту колебалась и затѣмъ проговорила:

— Я бы лучше хотѣла, чтобы его отпустили.

— Это очень хорошо съ твоей стороны,—отвѣчалъ онъ нерѣшительно,—но это неудобно; его надо судить ради примѣра.

Она не стала настаивать, но когда онъ отошелъ въ сторону, она сказала раздраженнымъ тономъ:

— Хоть бы ты мнѣ почиталъ что-нибудь, мнѣ невыносимо больно.

Онъ радъ былъ что-нибудь сдѣлать для нея и старался всячески развлекать и занимать ее. Но въ срединѣ чтенія журнальной повѣсти она прервала его:

— Твоя мать пріѣдетъ, кажется, послѣ завтра?

— Да, судя по ея сегодняшнему письму. — Онъ отложилъ книгу.—Но ты, кажется, совершенно не въ состояніи ухаживать за ней. Не написать ли мнѣ ей, чтобы она прожила еще нѣсколько дней въ Лондонѣ?

— Нѣтъ, докторъ сказалъ, что мнѣ скоро будетъ лучше. Я хочу сказать Эстеръ —Эстеръ была ея новая горничная — чтобы она не приготовляла ей голубую комнату. Я входила туда сегодня; тамъ, кажется, сыро. Задняя комната надъ столовой меньше, но теплѣе.

Она посмотрѣла на него и покраснѣла.

— Дѣлай, какъ знаешь, — отвѣчалъ онъ, улыбаясь, — я увѣренъ, что ты придумаешь, какъ лучше. Но я не допущу ее пріѣхать, пока ты не будешь здорова.

Онъ продолжалъ читать до поздняго вечера, и ему показалось, что она засыпаетъ. Онъ хотѣлъ тихонько пройти въ свою спальню, которая была устроена въ большой уборной рядомъ съ ея комнатой. «Покойной ночи!»—проговорила она слабымъ голосомъ.

Онъ вернулся и она протянула ему горячую руку. Онъ нагнулся и поцѣловалъ ее. Она отвернулась и, повидимому, тотчасъ же уснула.

Онъ пошелъ наверхъ въ библіотеку и хотѣлъ просмотрѣть разныя бумаги, которыя принесъ съ послѣдняго засѣданія комитета копевладѣльцевъ. Но на самомъ дѣлѣ онъ провелъ цѣлый часъ въ безпорядочныхъ мысляхъ. Когда разскажетъ она ему, по собственному почину, что-нибудь о своихъ отношеніяхъ къ лэди Максвель, о причинахъ того подчиненія, въ которомъ та, очевидно, держала ее? Она должна понимать, что ему страстно хочется знать все это, но она тѣмъ ревнивѣе оберегаетъ свою тайну, вѣроятно, чтобы наказать его. Онъ думалъ о ея посѣщеніяхъ деревни полугрустно, полунасмѣшливо; потомъ о ея словахъ насчетъ голубой комнаты и его матери; все это казалось ему признакомъ чьего-то сильнаго вліянія.

Наконецъ, онъ съ тяжелымъ вздохомъ вернулся къ своимъ бумагамъ. Тотъ пессимизмъ, съ которымъ онъ обыкновенно относился къ окружающимъ фактамъ, подсказывалъ ему, что всѣ обстоятельства его жизни сложились такъ дурно, какъ только возможно: этотъ мрачный домъ, враждебное населенiе, его денежныя дѣла, постоянная забота о матери, жажда Летти къ удовольствiямъ и отсутствiе въ немъ того чувства, которое могло бы впослѣдствiи вознаградить ее за настоящiя непрiятности. Можно, пожалуй, притвориться любящимъ? Но поддастся ли она обману? Она достаточно ясно доказала, что способна на страстную ревность; это чувство, разъ возбужденное, будетъ постоянно находить новую пищу во всѣхъ поступкахъ мужа, переставшаго быть любовникомъ.

Черезъ два дня прiѣхала лэди Тресседи съ Жюстиной, съ своими собаками, со всѣми своими нарядами. Она объявила, что чувствуетъ себя хорошо, но на самомъ дѣлѣ это была тѣнь той женщины, которая, годъ тому назадъ, въ Мальфордгаусѣ такъ мучила Джоржа своими долгами и своимъ жеманствомъ. Она, по обыкновенiю, была всѣмъ недовольна въ Фѳртѣ, и въ особенности недовольна тѣмъ, что Летти велѣла приготовить ей заднюю комнату вмѣсто большой лицевой.

— Сырость? Глупости! — говорила она въ первый вечеръ по прiѣздѣ Жюстинѣ, которая старалась успокоить ее.—Я увѣрена, что лэди Тресседи ждетъ къ себѣ какого-нибудь прiятеля и хочетъ его помѣстить туда. Это ясно, совершенно ясно!

Француженка напомнила, что, показывая ей эту комнату, милэди сказала, что если она пожелаетъ, можно тотчасъ все измѣнить и устроить ее по прежнему.

— Да, конечно,—вскричала лэди Тресседи,—но я не намѣрена просить у нея милостей, и она очень хорошо знаетъ это.

— Но, милэди, вѣдь мнѣ стоитъ только поговорить съ горничной.

— Очень благодарна! А потомъ, что бы у меня ни заболѣло, хоть палецъ, она все будетъ повторять: «вѣдь я вамъ говорила». Нѣтъ, она все очень ловко устроила, очень ловко, пусть все такъ и будетъ.

Послѣ этого начались постоянныя жалобы на все: на комнату, на пищу, на скуку, на обращенiе невѣстки. Можетъ быть, болѣзнь ея достигла такого перiода, когда воля не могла дольше бороться съ нею, или, можетъ быть, вся бодрость, всѣ естественныя привязанности покинули это легкомысленное созданiе при грозномъ приближенiи смерти,—трудно сказать. Во всякомъ случаѣ, даже Джоржъ находилъ, что часто невозможно сохранять съ ней тотъ ласковый тонъ, какой онъ принялъ въ послѣднее время. Онъ, главнымъ образомъ, страдалъ изъ-за Летти. Послѣ первыхъ же дней его симпатiя была положительно на ея сторонѣ и къ своему удивленiю, онъ скоро замѣтилъ, что, не смотря на случайныя рѣзкости и минуты раздраженiя, отъ которыхъ и ангелъ не могъ бы удержаться, она, въ сущности, гораздо терпѣливѣе его переносила всѣ причуды матери. Лэди Тресседи была спокойнѣе въ его присутствiи и иногда сдерживалась ради него, но Летти она старалась на каждомъ шагу дѣлать непрiятности.

Въ послѣднее время она усвоила одну привычку, которая доставила ему много тяжелыхъ минутъ: привычку разсуждать о религіозныхъ вопросахъ. Въ здоровомъ состояніи лэди Тресседи никогда не задумывалась надъ этими вопросами и беззаботно называла себя невѣрующею, вѣроятно для того, какъ думалъ Джоржъ, чтобы избавиться отъ всякихъ стѣсненій въ родѣ семейныхъ молитвъ, соблюденія воскреснаго дня, постовъ,—всего, что могло бы помѣшать ей предаваться развлеченіямъ.

Но теперь бѣдная лэди сильно безпокоилась о невѣдомомъ «томъ свѣтѣ» и гордилась оригинальностью своихъ воззрѣній на этотъ счетъ. До поздней ночи держала она около себя Джоржа, утомленнаго дневными непріятностями, объясняла ему свои взгляды «на Бога, природу и человѣческую жизнь» и старалась выпытывать его мысли обо всемъ этомъ. Это выпытываніе было для нея особенно пріятно, вѣроятно, вслѣдствіе трудности получить благопріятный результатъ. Джоржъ всю жизнь былъ очень сдержанъ, не любилъ высказывать своихъ убѣжденій и не чувствовалъ ни малѣйшаго желанія вести съ матерью бесѣды на столь серьезныя темы. Но она безпрестанно возвращалась къ нимъ.

— Нѣтъ, послушай, Джоржъ, что ты въ самомъ дѣлѣ думаешь о загробной жизни? Пожалуйста, говори прямо и откровенно! Не толкуй пустяковъ на томъ основаніи, что я больна. Я не ребенокъ, право, не ребенокъ. Скажи мнѣ серьезно все, что думаешь. Положа руку на сердце: ожидаешь ты будущей жизни?

— Я уже говорилъ вамъ, матушка, что никогда не задумывался надъ этими вопросами. Это не по моей спеціальности,—отвѣчалъ Джоржъ, улыбаясь съ нѣкоторымъ смущеніемъ и недоумѣвая, долго ли продержится у нея эта новая прихоть.

— Не раздражай меня, Джоржъ! Ты долженъ имѣть извѣстныя убѣжденія по этому поводу. Пожалуйста, не хитри и не виляй, скажи мнѣ просто, что ты думаешь?

И она наклонялась къ нему съ выраженіемъ нетерпѣливаго ожиданія.

Наступало молчаніе, во время котораго Джоржъ ни о чемъ не думалъ, кромѣ какъ о страшной фигурѣ, сидѣвшей передъ нимъ на софѣ. Она сидѣла обыкновенно прямо, обложенная подушками, одѣтая въ бѣлую, французскую блузу, которая прежде красиво облегала ея формы, а теперь была слишкомъ широка для ея исхудалой фигуры, на ея провалившихся щекахъ лежали красныя пятна румянъ, голова была покрыта завитками и локончиками крашеныхъ волосъ. Руки ея нетерпѣливо теребили платье на колѣняхъ. Пальцы страшно исхудали, кольца безпрестанно сваливались съ нихъ и падали на полъ, что давало возможность Джоржу прекратить на время затруднявшій его разговоръ.

— Отчего не говорите вы съ мистеромъ Фиронъ, матушка?—ласково замѣтилъ онъ, наконецъ,—вѣдь это его обязанность разсуждать о всѣхъ подобныхъ предметахъ.

— Говорить со священникомъ! Очень благодарна! Что онъ мнѣ можетъ сказать? Онъ знаетъ не больше всякаго другого человѣка. Мнѣ интересно знать, каковы убѣжденія моего родного сына! Послушай, Джоржъ, скажи мнѣ только одно: если суще-

ствуетъ загробная жизнь, какъ ты думаешь, что дѣлаетъ въ эту минуту твой отецъ? Я часто думаю объ этомъ, Джоржъ. По правдѣ сказать, я бы не хотѣла, чтобы будущая жизнь совершенно походила на настоящую. Помнишь, какой онъ былъ? какъ онъ бродилъ по всему дому, ходилъ на копи, бранился со всѣми слугами, дѣлалъ мнѣ исторіи изъ-за счетовъ, помнишь всѣ его маленькія, несносныя причуды? Ну, какъ думаешь, что же другое можетъ онъ дѣлать? Неужели пѣть гимны?

Она сдѣлала выразительный жестъ руками. Джоржъ засмѣялся и закурилъ папиросу. Но онъ продолжалъ молчать, и лэди Тресседи начала раздражаться.

— Вотъ ты всегда такъ увертываешься отъ моихъ вопросовъ,—капризнымъ голосомъ сказала она,—это ужасно гадко съ твоей стороны.

— Я совѣтовалъ вамъ обратиться къ священнику,—отвѣчалъ онъ, лаская ея руку,—право, это всего лучше.

— А знаешь, что мнѣ говорилъ М. д'Естрель въ Монте-Карло? Что мы не должны обращать никакого вниманія на разглагольствованія священниковъ.

— Неужели?—спросилъ Джоржъ съ улыбкой, глядя на нее.— А вы считаете д'Естреля компетентнымъ судьею въ этомъ дѣлѣ?

Въ умѣ его проснулись воспоминанія объ этомъ давнишнемъ поклонникѣ матери; пріѣзжая на праздники домой изъ Итона, онъ видѣлъ, какъ тотъ ухаживалъ за нею.

— Ахъ, пожалуйста, не насмѣхайся, Джоржъ!—съ досадой вскричала мать —М. д'Естрель былъ очень образованный человѣкъ, хотя онъ игралъ точно сумасшедшій. Всѣ говорили, что у него была удивительная память. Онъ приводилъ мнѣ цѣлыя страницы изъ Вольтера и другихъ, когда мы съ нимъ гуляли въ саду Монте-Карло послѣ того, какъ онъ, бывало, проиграется. Онъ всегда говорилъ, что не понимаетъ, почему нѣкоторыя вещи скрываютъ отъ женщинъ, почему мужчины не говорятъ женщинамъ всего, что думаютъ. И я знаю, что въ молодости онъ былъ католикомъ, такъ что онъ испыталъ и то, и другое. Но мнѣ нѣтъ дѣла до М. д'Естрель, мнѣ нужно знать твое мнѣніе. Ну, Джоржъ!—ея голосъ начиналъ измѣнять ей,—какъ ты можешь быть такимъ недобрымъ? Тебѣ бы слѣдовало постараться успокоить меня, какъ говорятъ доктора.

И онъ видѣлъ, какъ сквозь ея обычное легкомысліе проглядывалъ ужасъ, наполнявшій ея душу. Тогда онъ подходилъ къ ней, обнималъ ее одной рукой и уговаривалъ идти спать.

Въ одинъ вечеръ, отведя ее наверхъ, онъ почувствовалъ себя до того усталымъ и раздраженнымъ, что отбросилъ въ сторону всѣ свои письма и попытался забыться за чтеніемъ. Его литературныя познанія были такъ же несовершенны, какъ и его характеръ. Нѣкоторыхъ англійскихъ поэтовъ—Россета, Морриса, Китса и Шелли онъ зналъ почти наизусть. Путешествія и біографіи разныхъ дѣятелей онъ одно время поглощалъ съ жадностью. Что касается классическихъ произведеній новаго времени, онъ былъ мало знакомъ съ ними.

Со времени пріѣзда въ Фёртъ, онъ сталъ часто перебирать книги, собранныя его дѣдомъ, и читалъ, ложась спать, чтобы отвлечь мысль отъ всѣхъ дневныхъ непріятностей. Въ этотъ вечеръ на его столѣ лежали двѣ книги: томъ сочиненій г-жи Севиньи и «Исповѣдь» св. Августина. Онъ открылъ первую изъ нихъ и прочелъ:

«Вообще, дочь моя, мнѣ очень хотѣлось бы сдѣлаться религіозной; теперь я не принадлежу ни Богу, ни дьяволу; такое состояніе тяготитъ меня, хотя я нахожу его вполнѣ естественнымъ. Мы не можемъ отдаться дьяволу, потому что мы боимся Бога и въ глубинѣ души у насъ живетъ начало религіозности; съ другой стороны, мы не можемъ отдаться Богу, потому что его законъ кажется намъ суровымъ и мы не хотимъ самоуничтоженія».

— Превосходно!—подумалъ онъ про себя,—превосходно! Это подходитъ ко всѣмъ намъ, и къ матери, и ко мнѣ, и... къ тремъ четвертямъ всего человѣчества.

Онъ взялъ другую книгу и его поразила красота слѣдующихъ строкъ:

«Beatus qui amat te, et amicum in te, et inimicum propter te. Solus enim nullum eorum amittit cui omnes in illo cari sunt qui non amittitur» *).

Онъ сидѣлъ передъ каминомъ, обдумывая эти два отрывка.

— Чудная музыка,—подумалъ онъ наконецъ,—но я столь же мало понимаю ея смыслъ, какъ смыслъ какой-нибудь симфоніи Брамса. А нѣкоторые люди говорятъ, что понимаютъ. Можетъ быть, и *она* понимаетъ...

Время шло. Работы все еще не начинались, хотя Джоржъ продолжалъ надѣяться, что онѣ начнутся до Рождества. Во многихъ мѣстностяхъ происходили безпорядки и вездѣ господствовала нищета. Владѣльцы копей пытались принимать рабочихъ, не состоявшихъ членами союзовъ, но это вызывало такое негодованіе со стороны членовъ союзовъ, что ради собственной безопасности приходилось отказаться отъ этой мѣры. Пресса и общество принимали участіе въ дѣлѣ и высказывали свое мнѣніе за и противъ.

— Каждый дуракъ думаетъ, что можетъ лучше насъ рѣшить дѣло,—съ горечью замѣтилъ Джоржъ въ разговорѣ съ Летти.

Бёррау разъѣзжалъ по округу и вездѣ произносилъ рѣчи съ нечеловѣческою энергіей, прерываемой лишь припадками пьянства, отъ котораго онъ не могъ избавиться; Джоржъ не выходилъ изъ дому иначе, какъ съ револьверомъ въ карманѣ. Борьба утомляла его до смерти; онъ чувствовалъ полнѣйшее уныніе. Въ то же время Летти съ удивленіемъ замѣчала въ немъ тоже упорство и жесткость, какія отличали Фонтеноя. Въ немъ какъ бы боролись два человѣка. Онъ могъ совершенно спокойно обсуждать дѣла съ точки зрѣнія углекоповъ и признавать, что они дѣй-

*) Блаженъ, кто любитъ Тебя, и друга во имя Твое, и врага по Твоему завѣту. Ибо только тотъ никого изъ сердца не потеряетъ (не выронитъ), кому всѣ милы во имя Присносущнаго.

ствуютъ подъ вліяніемъ матеріальной нужды; но въ то же время онъ былъ однимъ изъ самыхъ несговорчивыхъ хозяевъ.

Между тѣмъ, въ ихъ домашней жизни безпрестанно повторялись разныя непріятности и столкновенія. За послѣднія три, четыре недѣли у лэди Тресседи было нѣсколько припадковъ и слабость ея, очевидно, возрастала. А вмѣстѣ со слабостью возрастала ея радзражительность, ея капризы, истощившіе терпѣніе всѣхъ сидѣлокъ. Она ни за что не соглашалась сидѣть у себя въ комнатѣ, и сердилась, когда ее оставляли хоть на минуту одну. Она требовала, чтобы ее постоянно занимали; Джоржу удавалось иногда успокоить и развлечь ее, но все, что дѣлала, говорила или надѣвала на себя Летти, сердило ее, вызывая въ ней горькія воспоминанія о собственной молодости.

Наконецъ, въ началѣ ноября болѣзнь приняла угрожающій характеръ. Докторъ провелъ почти цѣлый день около больной; Джоржъ до начала припадка уѣхалъ по дѣламъ въ противоположный конецъ графства и не могъ вернуться раньше вечера.

Когда онъ пріѣхалъ, Летти встрѣтила его въ передней. Припадокъ кончился; докторъ уѣхалъ, удивляясь, что больной стало лучше; онъ находилъ, что непосредственная опасность устранена

— Но, Боже мой, какъ она страдала!—прошептала Летти, сжимая руки и дрожа всѣмъ тѣломъ.

Ея глаза были красны, щеки блѣдны, она съ трудомъ держалась на ногахъ отъ усталости, и у него мелькнуло въ головѣ, что онъ еще никогда не видалъ ее такою.

Онъ побѣжалъ къ матери, она еле говорила отъ слабости, но ожидала съ очевиднымъ нетерпѣніемъ своего обѣда. Пока онъ и Летти грустно сидѣли за столомъ, Жюстина вбѣжала въ столовую вся въ слезахъ. Милэди не желаетъ кушать того, что для нея приготовлено; она волнуется; съ ней будетъ опять припадокъ. Мужъ и жена выбѣжали изъ комнаты. Въ передней они встрѣтили лакея, который только что принялъ посылку отъ желѣзнодорожнаго разсыльнаго. Джоржъ посмотрѣлъ на ящикъ съ ужасомъ и отвращеніемъ. На немъ стояла крупная надпись: «Отъ Ворта и К°» и адресъ лэди Тресседи. Но Летти остановилась и на лицѣ ея промелькнуло выраженіе удовольствія.

— Иди къ ней. Я раскупорю это.

Онъ пошелъ и уговорилъ мать, точно маленькаго ребенка, поѣсть супу и выпить шампанскаго. Въ ту минуту, когда она оправилась настолько, что могла разговаривать, вошла Летти. Лэди Тресседи нахмурилась, но Летти обратилась къ ней съ веселой улыбкой:

— На ваше имя пришла посылка изъ Парижа,—сказала она.— Я велѣла раскрыть ее. Не принести ли ее сюда?

Лэди Тресседи сначала жалобно отвѣчала, что надобно отослать посылку обратно, что умирающей женщинѣ такія вещи не нужны, а потомъ нетерпѣливо потребовала, чтобы ей показали, что прислано.

Летти сама принесла посылку. Оказалось, что это новое платье для вечеровъ, блѣдно-зеленое съ розовымъ, годное для перваго

сезона новобрачной. Видѣть, какъ эта умирающая, съ землисто-блѣднымъ лицомъ, протягивала руки и ощупывала его, было такъ ужасно, что Джорджъ съ трудомъ выносилъ это зрѣлище. Но Летти вынула платье изъ картонки, надѣла на себя юбку, расхаживала въ ней взадъ и впередъ, и поворачивалась во всѣ стороны, чтобы лэди Тресседи могла лучше разсмотрѣть ее; при этомъ она усердно расхваливала фасонъ.

— Мнѣ навѣрно не придется надѣвать его до Рождества,— сказала, наконецъ, лэди Тресседи, продолжая глядѣть на платье полузакрытыми, жадными глазами.—Не правда ли, какъ мило положено кружево! Унесите его. Джорджъ, вѣдь, это первое платье, которое я отъ него выписала въ нынѣшнемъ году.

Она посмотрѣла на него умоляющими глазами. Онъ нагнулся и поцѣловалъ ее.

— Я очень радъ, что оно вамъ нравится, дорогая мама. Не заснете ли вы теперь?

— Да, пожалуй. Прощайте, покойной ночи, Летти!

Летти подошла, лэди Тресседи взяла ее за руку и съ какимъ-то страннымъ выраженіемъ устремила на нее свои голубые глаза, въ которыхъ еще оставался отпечатокъ только что вынесеннаго страданія.

— Благодарю тебя, Летти, что ты его надѣла. Я этого отъ тебя не ожидала. Я очень рада, что ты находишь его красивымъ. Мнѣ бы хотѣлось, чтобы ты заказала себѣ такое же. Поцѣлуй меня!

Летти поцѣловала ее. Джорджъ взялъ жену подъ руку и они вмѣстѣ вышли изъ комнаты. Какъ только дверь за ними затворилась, Летти поблѣднѣла и едва не упала. Джорджъ обнялъ ее и повелъ внизъ, въ свой кабинетъ. Онъ усадилъ ее на софу и нѣжно глядѣлъ на нее, согрѣвая ея похолодѣвшія руки въ своихъ.

— Какъ ты это вынесла!—сказалъ онъ, наконецъ, когда увидѣлъ, что она въ силахъ говорить, — какъ ты это вынесла! Я никогда не забуду этой сцены!

— Ты тоже сдѣлалъ бы все, если бы видѣлъ ее сегодня утромъ,—отвѣчала она, не открывая глазъ.

Онъ молча сидѣлъ подлѣ нея, раздумывая о всѣхъ непріятностяхъ послѣднихъ недѣль. Конечнымъ результатомъ ихъ являлась, какъ онъ съ удивленіемъ замѣтилъ, новая нравственная связь между нимъ и Летти. Эта связь подготовлялась постепенно въ то самое время, когда онъ не ждалъ ничего, кромѣ дурного. Какъ могла она быть такой снисходительной? Онъ не видѣлъ въ ея прошломъ ничего, что объяснило бы ему это явленіе.

Онъ вспомнилъ, съ какой неохотой, какъ мрачно она дѣлала первыя приготовленія къ пріему лэди Тресседи. Но она все-таки дѣлала ихъ. Неужели вѣрно, что каждый, хотя бы и несовершенный, актъ самопожертвованія заключаетъ въ себѣ какую-то таинственную силу, вызывающую повтореніе его? Для него лично эта точка зрѣнія не имѣла значенія, и онъ не останавливался на ней мыслью. Онъ зналъ одно: какой-то ангелъ возмутилъ воду, старыя раны болѣли меньше, надежда стала возможна.

Летти сразу почувствовала, что онъ смотритъ на нее, что онъ сжимаетъ ея руку не такъ, какъ всегда. Она и сама не понимала, что съ нею дѣлалось. Въ теченіе этихъ послѣднихъ недѣль на нее нѣсколько разъ находили припадки дикой злобы, когда она ненавидѣла все окружающее, ненавидѣла свекровь и проклинала свою несчастную жизнь. За этими припадками слѣдовали часы какого-то страннаго спокойствіи и умиротворенности,—часы, въ которые она проявляла лучшія стороны своей натуры и видѣла со стороны мужа выраженія нѣжнаго сочувствія.

— Хочешь, я тебѣ разскажу, какъ она въ первый разъ пришла ко мнѣ?—спросила она вдругъ, открывая глаза.

Онъ покраснѣлъ и съ минуту колебался, затѣмъ онъ поцѣловалъ ея руку.

— Нѣтъ, не теперь; ты слишкомъ утомлена; въ другой разъ. Я благодаренъ тебѣ и за желаніе разсказать мнѣ это.

Чувство спокойствія и довольства наполнило его душу. Къ счастью, онъ не сталъ ни въ чемъ увѣрять ее и она этого не требовала, но сердца ихъ какъ-то незамѣтно сблизились. Воспоминаніе объ этомъ часѣ, объ этомъ вечерѣ не разъ впослѣдствіи спасало ее отъ отчаянія.

Черезъ два дня послѣ этого, лэди Тресседи скончалась, безболѣзненно, во время сна. Когда Джоржъ увидѣлъ ее въ гробу, ея нѣжное личико, лишенное прикрасъ, скрывавшихъ ею годы, и обрамленное неподкрашенными сѣдыми волосами, въ первый разъ показалось ему красивымъ. Онъ не помнилъ, чтобы когда-нибудь, даже въ дѣтствѣ, любовался ею, а между тѣмъ она считалась въ свое время одною изъ самыхъ хорошенькихъ женщинъ. Ея смерть принесла всѣмъ окружающимъ облегченіе и отдыхъ, но Летти ни разу не сказала о ней ни одного жосткаго слова, а Джоржъ ощущалъ какое-то странное смиреніе, какъ будто онъ былъ за что-то въ долгу передъ ней.

Прошелъ ноябрь и декабрь; отношенія между мужемъ и женой стали значительно ровнѣе и лучше. «Мы уживемся понемногу»,—говорилъ самъ себѣ Джоржъ.—«Пожалуй, дѣло выйдетъ лучше, чѣмъ мы надѣялись»,—больше этого онъ пока ничего не могъ сказать, но и этого было довольно.

На другой день послѣ смерти его матери Летти неожиданно, какъ бы подъ вліяніемъ внутренняго возбужденія, разсказала ему исторію своего свиданія съ Марчеллой. Затѣмъ, бросивъ ему пачку писемъ, она разрыдалась и выбѣжала изъ комнаты. Когда онъ пошелъ отъискивать ее, на его глазахъ были слезы.

— Кто кромѣ нея могъ такъ поступить?—сказалъ онъ, и Летти не возражала.

Эти письма дали на много дней пищу его уму. Они были для него почти такимъ же откровеніемъ, какимъ была личность Марчеллы для Летти. Не смотря на все, что онъ чувствовалъ къ женщинѣ, писавшей ихъ, онъ не могъ читать безъ непрестаннаго изумленія.

А между тѣмъ эти письма вполнѣ обусловливались характеромъ Марчеллы и данными обстоятельствами. Марчелла была охва-

чена сильнѣйшимъ раскаяніемъ и, чтобы избавиться отъ тяготившихъ ее упрековъ совѣсти, принялась за дѣло примиренія супруговъ со всею страстностью, со всѣмъ пылкимъ усердіемъ и тонкимъ тактомъ, на которыя была способна. Она нѣсколько недѣль ухаживала за лэди Тресседи, стараясь добиться ея расположенія; и ея усилія не пропали даромъ. Подъ вліяніемъ того впечатлѣнія, какое произвела на нее Марчелла, какъ хозяйка дома и какъ жена, Летти не имѣла силъ противиться ея обаянію и среди мрачнаго уединенія Фёрта это обаяніе съ каждой недѣлею все болѣе и болѣе подчиняло себѣ ея волю, ея чувства. Ея самолюбію льстило то упорство, съ какимъ такая знаменитая женщина старалась сначала понять ее, а затѣмъ и плѣнить. Естественная сдержанность, инстинктивная осторожность, проявлявшіяся въ обращеніи Марчеллы, пока Летти гостила въ Кертѣ, были изгнаны изъ этихъ писемъ, которыя съ каждымъ днемъ дышали все большею искренностью и откровенностью. Летти понимала, что Марчелла отнимаетъ часть своего времени отъ политики, отъ общества, отъ любимыхъ занятій, чтобы писать къ ней, къ какой-то незначительной женщинѣ, которую она не боялась и отъ которой ничего не ждала, которая не имѣла никакихъ правъ на ея дружбу и которая, при самомъ началѣ ихъ сближенія, нанесла ей тяжелое оскорбленіе.

Обыкновенно Марчелла не любила писать писемъ; она считала это потерей времени. Но къ Летти она писала много и подробно; она говорила обо всемъ, касавшемся лично ея, о мужѣ, о дѣтяхъ, о политическихъ дѣлахъ, о людяхъ, съ которыми она видалась, о праздникахъ, на которыхъ она присутствовала, о книгахъ, которыя читала, о разныхъ своихъ планахъ; затѣмъ, она нѣжно упоминала о томъ, какъ, судя по письмамъ Летти, ей должно быть тяжело и скучно въ Фёртѣ. То оживленіе, та дѣятельная доброта, какою были проникнуты эти письма, не могли не производить благотворнаго вліянія; но еще болѣе благотворно дѣйствовала та заботливость, та нѣжная преданность, какою дышала каждая страница ихъ.

Джоржъ понялъ, что Летти не могла оставаться нечувствительной къ такой неожиданной и странной чести—Марчелла отдавала ей свое сердце! Она, можетъ быть, не умѣла такъ глубоко и тонко чувствовать это, какъ многія другія женщины. Тѣмъ не менѣе, это смягчило жесткость и упорство ея натуры. Съ каждой уступкой, какую она дѣлала, у нея являлась новая способность уступать, новыя ощущенія удивлявшія ея самое, пока наконецъ она очутилась въ какомъ-то невѣдомомъ мірѣ, гдѣ ей приходилось пробираться ощупью съ помощью Марчеллы и проявлять такія чувства, которыхъ она не знала раньше. Она то гордилась своимъ новымъ другомъ, гордилась полуэгоистично, то чувствовала себя недостойной ея общества; но сквозь то и другое смутно свѣтились какіе-то новые идеалы.

Одинъ разъ, войдя въ будуаръ Летти, чтобы переговорить съ ней о домашнихъ дѣлахъ, Джоржъ вдругъ увидѣлъ на ея письменномъ столѣ тотъ самый фотографическій портретъ лэди Макс-

вель съ сыномъ, который она когда-то уничтожила въ припадкѣ гнѣва. Онъ подошелъ къ нему и не могъ удержаться отъ радостнаго восклицанія. Летти не было въ комнатѣ. Но въ эту самую минуту она вошла въ дверь. Онъ не пытался скрыть, что смотрѣлъ на портретъ, напротивъ—онъ нарочно наклонился и подольше не отводилъ отъ него глазъ. Потомъ онъ подошелъ къ окну и сталъ спокойно говорить о томъ дѣлѣ, за которымъ пришелъ. Летти отвѣчала разсѣянно; краска прилила къ щекамъ ея; она нервно перебирала книги и бумаги, лежавшія на столѣ, въ умѣ ея тѣснились воспоминанія о пережитыхъ волненіяхъ.

Переговоривъ о чемъ хотѣлъ, Джоржъ замолчалъ. Онъ продолжалъ стоять у окна и смотрѣлъ сквозь забрызганное дождемъ окно на долину съ ея трубами и разбросанными деревенскими домиками. Летти, дѣлавшая видъ, что пишетъ записку, подняла голову и смотрѣла на него полусердито, полужалобно. Она была далеко не такая хорошенькая, какъ годъ тому назадъ. Джоржъ часто замѣчалъ это, и это увеличивало его раскаяніе. Но лицо ея стало подвижнѣе, выразительнѣе и въ сущности казалось ему болѣе привлекательнымъ, чѣмъ было въ первое время послѣ ихъ свадьбы.

Прежде чѣмъ выйти изъ комнаты, онъ подошелъ къ ней, обнялъ ее одной рукой и поцѣловалъ въ голову. Она не подняла головы и не сказала ни слова; но когда онъ вышелъ, она вскочила съ мѣста, схватила портретъ и бросила его въ одинъ изъ ящиковъ стола. Потомъ она нѣсколько минутъ сидѣла неподвижно, приложивъ платокъ къ губамъ, стараясь заглушить рыданія. Наконецъ, она снова взяла портретъ дрожащими пальцами, завернула его въ тонкій листокъ бумаги и бережно уложила подальше отъ глазъ.

Что заставило ее сначала выпросить этотъ портретъ у Марчеллы, а затѣмъ поставить его на столъ, гдѣ Джоржъ не могъ не увидѣть его? Вѣроятно, какое-то смутное желаніе «загладить старое», наказать самое себя. Но когда она увидѣла, какъ онъ наклоняется надъ портретомъ, какъ всматривается въ него, сердце ея сжалось и она долго не могла освободиться отъ тяжелаго впечатлѣнія. На этой недѣлѣ она написала Марчеллѣ болѣе длинное, болѣе безсвязное и болѣе грустное письмо, чѣмъ когда-либо. Она съ горечью говорила о недостаткахъ своего образованія, спрашивала, какія ей читать книги, разсказывала о своихъ неудачныхъ посѣщеніяхъ деревни и о промахахъ въ хозяйствѣ; въ ея тонѣ слышалась досада, она какъ будто кого-то обвиняла. Первый разъ въ жизни искала она руководителя, который научилъ бы ее искусству жить. И хотя тонъ письма былъ недовольный, но она сознавала (и Марчелла угадала), что мрачный домъ на горѣ потерялъ для нея часть своей мрачности и тоскливости. Въ этомъ домѣ раздавались шаги Джоржа, а женщина, которая съ любовью прислушивается къ шагамъ мужа, не знаетъ скуки.

Летти не сознавала еще, насколько измѣнилось къ лучшему ея положеніе. Чтеніе писемъ лэди Максвель подѣйствовало на Джоржа успокоительно. Періодъ его страсти миновалъ, хотя все еще гордость, а въ особенности совѣсть не допускали его часто видѣться съ ней, снова стать въ какія бы то ни было близкія

отношенія къ ней или къ Максвелю. Между тѣмъ, очень многіе изъ его избирателей, люди, честность и умъ которыхъ онъ высоко ставилъ, упрашивали его не оставлять парламента. Немногіе публичные митинги, на которыхъ онъ говорилъ, были, правда, бурны, но въ общемъ благопріятны ему; его уговаривали, если онъ непремѣнно хочетъ выйти изъ парламента, по крайней мѣрѣ, выставить свою кандидатуру при слѣдующихъ выборахъ, причемъ онъ будетъ избавленъ отъ всякихъ избирательныхъ расходовъ. Послѣ принятія билля, оппозиціонное движеніе Фонтеноя значительно ослабѣло, и Джоржъ Тресседи легко могъ занять положеніе независимаго члена, симпатизирующаго министерству.

Но онъ чувствовалъ сильнѣйшее отвращеніе отъ возобновленія политической жизни; въ его характерѣ было нѣчто ослаблявшее, парализовавшее его дѣятельность, заставлявшее его во всѣхъ дѣлахъ предпочитать половину цѣлому и видѣть препятствія всякому увлеченію. Ему приходилось безпрестанно опровергать самые убѣдительные доводы, отвѣчать отказомъ на просьбы и это увеличивало для него непріятность послѣднихъ недѣль.

Настала половина декабря. Средства рабочихъ были истощены, хозаева упорно отказывались сдѣлать какія либо уступки. Они вели съ рабочими переговоры въ комитетѣ, состоявшемъ изъ выборныхъ отъ той и отъ другой стороны, но твердо отказывались отъ посредничества постороннихъ лицъ. Въ началѣ декабря были безпорядки въ одномъ округѣ, гдѣ союзъ былъ не особенно силенъ, безпорядки, вызванные, вѣроятно, предчувствіемъ скораго пораженія. На слѣдующей недѣлѣ близость этого пораженія чувствовалась повсюду.

Проѣзжая по деревнѣ и глядя на унылыя, мрачныя лица углекоповъ, Джоржъ не могъ радоваться предстоявшей побѣдѣ хозяевъ. 21 декабря онъ поѣхалъ въ сосѣдній городъ, гдѣ засѣдалъ комитетъ выборныхъ отъ хозяевъ и отъ рабочихъ, чтобы узнать, что рѣшено относительно работъ въ копяхъ долины Фёрта.

Около 8 часовъ вечера Летти услышала топотъ копытъ его лошади. Она знала, что онъ привыкъ ѣздить въ темнотѣ, но всюду носившіеся слухи о разныхъ насиліяхъ и общемъ возбужденіи умовъ, разстроили ей нервы, и она давно тревожно прислушивалась ко всякому звуку.

Когда дверь отворилась, она бросилась на встрѣчу мужу.

— Да, я запоздалъ,—отвѣчалъ Джоржъ на ея вопросы,—но нельзя было иначе, надо было подождать. Все кончено. Часть рабочихъ примется за дѣло черезъ недѣлю, остальные, когда найдется для нихъ мѣсто.

— На условіяхъ хозяевъ?

— Да, конечно, не иначе.

Она захлопала въ ладоши.

— Ахъ, пожалуйста, перестань!—сказалъ онъ, вѣшая шляпу на гвоздь; она думала, что онъ усталъ и потому такъ рѣзко остановилъ ее.

Они провели Рождество въ уединеніи. Джоржъ, понимая, насколько Фёртъ неподходящее жилище для молодой женщины,

любящей развлеченія, убѣждалъ Летти, несмотря на трауръ, пригласить кого-нибудь изъ знакомыхъ. Но она рѣшительно отказалась отъ этого, и они были одни, когда работы на копяхъ должны были возобновиться.

Наканунѣ этого дня Джоржъ вернулся очень поздно съ послѣдняго митинга хозяевъ. Летти начала обѣдать безъ него, и когда онъ вошелъ въ столовую, она сразу замѣтила, что съ нимъ случилось что-нибудь особенное.

— Дай мнѣ прежде поѣсть,—отвѣтилъ онъ на ея первые вопросы, и она оставила его въ покоѣ. Когда слуги вышли изъ комнаты, онъ сказалъ.

— У меня было, дорогая, нѣкоторое столкновеніе съ Бөррау—вотъ и все. Я пришелъ на станцію съ Аштономъ (Аштонъ былъ владѣлецъ сосѣднихъ копей) и тамъ мы встрѣтили Валентина Беррау. Два, три пріятеля были съ нимъ, въ послѣднее время говорили, будто онъ страдаетъ нервнымъ разстройствомъ, вслѣдствіе переутомленія, мнѣ онъ показался просто-на-просто пьянымъ. Во всякомъ случаѣ, какъ только онъ меня увидалъ, онъ пришелъ въ ярость и началъ браниться. По его мнѣнію, я во всемъ виноватъ. Я нахожу звѣрское удовольствіе въ страданіяхъ другихъ, я наживаюсь насчетъ углекоповъ и т. п. Онъ дошелъ до того, что набросился на меня съ своей толстой палкой. Намъ съ Аштономъ и двумъ рабочимъ, провожавшимъ его, удалось, впрочемъ, успокоить его безъ помощи полицейскихъ. Я надѣюсь, что это дѣло тѣмъ и кончится.

Онъ протянулъ руку за соленымъ миндалемъ и нарочно ѣлъ его какъ можно спокойнѣе.

Но послѣ обѣда онъ легъ на софу въ комнатѣ Летти и признался, что страшно усталъ. Она старалась устроить его спокойнѣе и, подкладывая ему подушку, вдругъ нагнулась и поцѣловала его.

— Поди сюда!—сказалъ онъ съ улыбкой, протягивая къ ней руку. Она покраснѣла, увернулась отъ него, вышла изъ комнаты, принесла письмо и молча передала ему.

Письмо было отъ Марчеллы Максвель, и въ первый разъ онъ читалъ съ неудовольствіемъ то, что она писала. Она высказывала самую горячую симпатію рабочимъ; осуждала хозяевъ за то, что они отказались отъ посредничества; съ волненіемъ говорила о страданіяхъ женщинъ и дѣтей и въ заключеніе сообщала, что расходится въ Максвелемъ по этому вопросу и даже не въ состояніи говорить съ нимъ объ этомъ. До сихъ поръ, въ своихъ письмахъ къ Летти, она ни слова не говорила о рабочихъ, но теперь не выдержала, и многія изъ ея фразъ больно отозвались въ сердцѣ Джоржа.

Онъ отложилъ письмо въ сторону и лежалъ нѣсколько минутъ въ раздумьѣ, заложивъ руки подъ голову.

— Нѣтъ, милэди, это не дѣло!—сказалъ онъ послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія.—Мы съ вами не можемъ и ѣсть сладкіе пироги, и печь ихъ. Или капиталъ долженъ давать прибыль и бóльшая способность получать большее вознагражденіе, или

пойдутъ «товарные склады» и все прочее. На полпути нельзя остановиться, абсолютно нельзя. Что меня касается, я не намѣренъ отдавать свой капиталъ за ничто и управлять работами задаромъ. Я беру себѣ очень небольшое вознагражденіе, это очевидно. Моя совѣсть совершенно чиста.

— Мнѣ кажется, Марчелла думаетъ, — обиженнымъ голосомъ проговорила Летти (его что-то точно кольнуло, когда онъ услышалъ, какъ она ее называла по имени),—что мы должны жить на меньшія средства. Но какъ же это возможно?

— И удивительно много пользы принесетъ это имъ!—съ раздраженіемъ воскликнулъ онъ.

Онъ снова замолчалъ, потомъ вскочилъ съ мѣста, началъ прохаживаться взадъ и впередъ по маленькой комнаткѣ, и она слышала, какъ онъ говорилъ вполголоса:

— А кто далъ мнѣ право распоряжаться ими, принуждать ихъ, людей, которые по своимъ годамъ годились бы мнѣ въ отцы, гнать ихъ завтра, пока я буду еще спать, подъ землю и за такую ничтожную плату.

— Джоржъ! Что съ тобой случилось? — вскричала она, глядя на него съ неподдѣльнымъ безпокойствомъ.

— Ничего, рѣшительно ничего! Не будемъ больше говорить объ этомъ. Я жалѣю, что ты показала мнѣ это письмо. Дорогая моя, кто у насъ боленъ? По дорогѣ домой я встрѣтилъ доктора; онъ сказалъ мнѣ, что былъ здѣсь, у него было какое-то особенно веселое лицо. Кто заболѣлъ? Кто-нибудь изъ прислуги?

Летти опустила работу на колѣни и положила сверху нея руки. Она покраснѣла, потомъ поблѣднѣла; потомъ отвернулась отъ него и уткнулась лицемъ въ спинку кресла. Онъ бросился къ ней, и она шепнула ему что-то. Это было, очевидно, что-то не вполнѣ пріятное для нея, она и сердилась, и боялась. Летти не принадлежала къ числу женщинъ, для которыхъ материнство является чѣмъ-то вполнѣ естественнымъ.

Но Джоржъ пришелъ въ восторгъ; онъ бросился къ ея ногамъ и положилъ голову къ ней на колѣна.

— Если у него не будетъ твоихъ глазъ и твоихъ волосъ, я лишу его наслѣдства! — вскричалъ онъ такъ весело, какъ будто усталости его и не бывало.

— Я не хочу *его*,—капризно отвѣчала она,—но если у *нея* будетъ твой подбородокъ, я отдамъ ее на воспитаніе кормилицѣ. О, какъ мнѣ страшно думать объ этомъ!—дрожь пробѣжала по ея тѣлу.

Онъ взялъ ея руку и старался успокоить ее.

— Въ концѣ концовъ вышло недурно, моя маленькая женушка?—шепнулъ онъ ей на ухо, обнимая ее и привлекая къ себѣ. Ихъ губы встрѣтились. Вдругъ Летти разразилась рыданіемъ. Джоржъ вскочилъ, посадилъ ее къ себѣ на колѣни и они долго сидѣли молча, прижимаясь другъ къ другу.

Вслѣдствіе сильной усталости Джоржъ плохо спалъ въ эту ночь. Его, какъ кошмаръ, преслѣдовалъ образъ людей, которые мрачно и неохотно спустятся въ шахты на первую смѣну.

Въ восьмомъ часу утра его разбудилъ какой-то странный шумъ.

Проснувшись, онъ увидѣлъ, что стоитъ подлѣ кровати и сдѣлалъ надъ собой усиліе, чтобы окончательно очнуться и сообразить въ чемъ дѣло. Страшный шумъ, подобный раскату грома, пронесся по долинѣ и былъ такъ силенъ, что весь домъ задрожалъ. Ужасъ охватилъ его. Онъ посмотрѣлъ на Летти, она крѣпко спала; онъ тихонько прошелъ въ уборную и началъ торопливо одѣваться.

Черезъ пять минутъ онъ уже бѣжалъ со всѣхъ ногъ внизъ, въ долину; было морозно и тихо, первый снѣгъ покрывалъ траву, туманъ висѣлъ сѣрой пеленой надъ холмами. Когда онъ добѣжалъ до того мѣста, откуда виднѣлась насыпь шахты, онъ увидѣлъ на ней толпу женщинъ; до слуха его долетѣлъ звукъ криковъ и рыданій, и въ ту же минуту мальчикъ, блѣдный и запыхавшійся, вбѣжалъ въ ворота на встрѣчу ему.

— Гдѣ это, Страустонъ?

— О, сэръ, въ шахтѣ № 2. Паръ идетъ черезъ вентиляторъ и клѣтка разорвана на части. Но въ нижней шахтѣ все въ порядкѣ и м. Мэденъ и м. Мкадональдъ собирались спуститься туда, когда я ушелъ. Восемьдесять шесть мужчинъ и мальчиковъ спустились на первую смѣну.

Джоржъ тяжело вздохнулъ и поспѣшилъ къ мѣсту катастрофы.

XXIV.

Англія слишкомъ хорошо знакома съ такого рода происшествіями.

Когда Тресседи, еле переводя духъ, вбѣжалъ на насыпь и окинулъ быстрымъ взглядомъ окрестность, ему показалось, что онъ когда-то уже видѣлъ все это: зимнее утро, толпы блѣдныхъ мужчинъ и плачущихъ женщинъ, полицейскіе, охраняющіе входъ въ шахты, даже блѣдное лицо управляющаго, который со штейгеромъ Макдональдомъ и двумя каменотесами только-что вышелъ изъ клѣтки, готовый снова спуститься въ потерпѣвшую шахту.

Мэденъ поспѣшилъ на встрѣчу Тресседи.

— Спускались вы внизъ?—крикнулъ ему Тресседи.

— Мы только-что вернулись оттуда, сэръ. Мы спустились на пятьдесятъ ярдовъ, воздухъ былъ хорошъ, затѣмъ мы наткнулись на обвалъ въ широкомъ коридорѣ. Мы пробрались черезъ два, три обвала, но дальше стоялъ удушливый газъ и намъ пришлось вернуться. Я такъ и зналъ, что вы уже здѣсь, сэръ. Макдональдъ думаетъ, что взрывъ произошелъ гдѣ-нибудь около Гальфордской галлереи.

Онъ быстро развернулъ планъ копей и показалъ это мѣсто.

— Сколько тамъ людей?

— Кажется, тридцать два человѣка, насколько мнѣ помнится.

— А остальные? Сколько человѣкъ спустилось?

— Восемьдесятъ шесть. Вскорѣ послѣ взрыва поднялась одна платформа съ людьми изъ нижней шахты. Больше ни о комъ ничего не слышно. Поперечная галлерея наполнена газомъ. Мичель, работавшій въ вентиляціонной камерѣ, насилу убѣжалъ онъ хлынувшаго и туда газа.

— Господи, Боже!—прошепталъ Джоржъ. И онъ, и управляющій глядѣлъ другъ на друга съ выраженіемъ страданія.

— Послали вы за инспекторомъ?—спросилъ Тресседи послѣ минутнаго молчанія.

— Онъ долженъ быть здѣсь черезъ пять минутъ, сэръ.

— Вентиляторъ не испорченъ?

— Нѣтъ сэръ, и онъ работаетъ съ удвоенной силой.

Тресседи въ сопровожденіи Мэдена подошелъ къ шахтѣ и самъ разспросилъ обо всемъ Макдональда и обоихъ каменотесовъ.

Потомъ онъ съ Мэденомъ направился къ сторожевому дому, обсуждая планъ дѣйствій для спасенія погребенныхъ въ шахтѣ людей. Когда они шли медленными шагами вдоль насыпи, глаза несчастной, перепуганной толпы слѣдили за каждымъ движеніемъ ихъ, но никто не произнесъ ни слова. Тресседи поднялъ глаза на толпу и встрѣтилъ мрачные, выразительные взгляды, которые сразу показали ему, что онъ не долженъ медлить.

— Я даю Диксону три минуты,—сказалъ онъ нетерпѣливо, посмотрѣвъ на часы,—если онъ не придетъ, мы спустимся безъ него.

Диксонъ былъ инспекторъ. Его всѣ знали въ округѣ, какъ мужественнаго, рѣшительнаго человѣка; послѣ всякаго несчастія онъ немедленно появлялся у входа въ шахту и готовъ былъ всегда сопровождать всякую спасательную партію, какъ бы это ни было опасно, исключительно изъ профессіональнаго и научнаго интереса, какъ онъ самъ говорилъ. Онъ жилъ въ концѣ деревни за милю отъ копей, такъ что посланному Мэдена пришлось идти недалеко. Пока Джоржъ говорилъ, онъ чувствовалъ, что кто-то сзади дергаетъ его за руку. Онъ обернулся и увидѣлъ Мэри Бачелоръ, отдѣлившуюся отъ группы женщинъ.

— Сэръ Джоржъ! Послушайте, сэръ Джоржъ!—ея морщинистое лицо и поблекшіе отъ слезъ глаза выражали мольбу.—Мальчикъ спустился вмѣстѣ съ другими въ пять часовъ. Не мстите ему, прошу васъ. Онъ несчастненькій, Богъ не далъ ему полнаго разума.

Джоржъ улыбнулся нелѣпой просьбѣ старухи и ласково потрепалъ ее по плечу.

— Не волнуйтесь, Мэри. Все, что можно сдѣлать, будетъ сдѣлано для всѣхъ. Мы подождемъ м. Диксона еще одну минуту и затѣмъ спустимся. Послушайте, что я вамъ скажу.—Онъ ввелъ ее въ сторожевой домикъ, чтобы избавиться отъ любопытной толпы, которая начинала тѣсниться вокругъ нихъ.—Не можете ли вы снести это письмо отъ меня къ намъ въ домъ? Теперь пока еще долго не будетъ ничего новаго здѣсь, а когда я уходилъ, лэди Тресседи спала.

Онъ оторвалъ поллистка отъ какого-то письма, бывшаго у него въ карманѣ, кое-какъ написалъ на немъ нѣсколько словъ и передалъ его Мэри. Старуха накинула шаль на голову и пошла къ воротамъ настолько скоро, насколько позволяли ея старыя ноги. Джоржъ вернулся къ Мэдену.

— А, вотъ и онъ!

Маленькая худощавая фигура инспектора показалась въ воротахъ. Тресседи поспѣшилъ къ нему на встрѣчу.

Они обмѣнялись нѣсколькими вопросами и отвѣтами. Тресседи обернулся, ища глазами Мэдена, и увидѣлъ, что онъ что-то сердито говоритъ высокому человѣку въ толстой курткѣ и полосатыхъ бархатныхъ панталонахъ, который вошелъ въ ворота вслѣдъ за м. Диксономъ.

— Уходите отсюда, м. Беррау! васъ здѣсь не нужно!

— Мэденъ!—позвалъ Тресседи, займитесь пожалуйста, мистеромъ Диксономъ. Я поговорю съ этимъ человѣкомъ.

И онъ подошелъ къ Беррау, между тѣмъ какъ вся толпа стѣснилась около той линіи, за которую полиція не пускала ее.

— Что вамъ нужно? зачѣмъ вы пришли?

— Я пришелъ работать въ спасательной партіи. Я много лѣтъ былъ углекопомъ. Я не мало видалъ несчастныхъ случаевъ. Я могу съ кѣмъ угодно поспорить силой.

Говоря это, высокій, коренастый силачъ оглянулся на толпу, и оттуда послышался ропотъ одобренія. Тресседи пристально посмотрѣлъ на него.

— Вы трезвы?—спросилъ онъ отрывисто.

Беррау покраснѣлъ.

— Такъ же трезвъ, какъ вы сами,—гордо отвѣчалъ онъ.

— Хорошо,—медленно проговорилъ Тресседи,—мы не можемъ отказываться отъ помощи сильныхъ людей. Если Мэденъ согласится, пойдемъ съ нами. Помните только, мы всѣ будемъ работать подъ его руководствомъ.

Онъ подошелъ къ управляющему и шепнулъ ему что-то на ухо. Въ отвѣтъ на это, Мэденъ не удостоилъ ни взглядомъ, ни словомъ человѣка, котораго онъ ненавидѣлъ больше, чѣмъ его хозяинъ; но онъ не возражалъ противъ желанія Беррау присоединиться къ партіи, отправлявшейся изслѣдовать шахту. Между тѣмъ всѣ приготовленія были сдѣланы. Сначала подъ предводительствомъ Мэдена спустились рабочіе съ кирками и плотники, которые должны были ставить крѣпи. Затѣмъ Джоржъ, м. Диксонъ, нѣсколько мѣстныхъ врачей, предложившихъ свои услуги, и Беррау. Пока они быстро неслись внизъ, окруженные мракомъ, Джоржъ испытывалъ странное возбужденіе. Основываясь на свѣдѣніяхъ, сообщенныхъ первою партіей, умъ его строилъ предположенія на счетъ причины несчастія и планы, какъ обойти могущія встрѣтиться препятствія. Ни разу въ теченіе всѣхъ послѣднихъ недѣль борьбы, суеты и самобичеванія не чувствовалъ онъ себя такимъ бодрымъ, такимъ энергичнымъ. Очутившись на днѣ шахты, онъ долженъ былъ даже напомнить самому себѣ, что въ этой мрачной глубинѣ ихъ ждутъ несчастныя жертвы, и дрожь пробѣжала по его тѣлу.

На нѣкоторомъ разстояніи отъ входа въ штольню не замѣтно было никакихъ признаковъ взрыва. У входа и вдоль главной галлереи горѣли, какъ обыкновенно, лампы и стояла нагруженная телѣжка, отъ которой рабочіе убѣжали при первомъ признакѣ опасности. Дверь въ комнатку помощника управляющаго была открыта. Мэденъ заглянулъ въ комнатку, гдѣ на столѣ все еще горѣла лампа, и тяжело вздохнулъ. Молодой человѣкъ, обыкновенно сидѣвшій тутъ, былъ его хорошимъ пріятелемъ. Нѣсколько дальше

стоялъ открытый сундукъ и изъ него высовывалась зажигательная нитка, оставшаяся нетронутой.

Но, пройдя еще шаговъ тридцать, они наткнулись на первые признаки катастрофы. Здѣсь имъ загородилъ путь обвалившійся кусокъ свода, а за нимъ уже ясно чувствовалось присутствіе удушающаго газа.

Беррау шелъ впереди всѣхъ и наткнулся на первую жертву катастрофы. Около стѣны лежалъ на боку человѣкъ, держа открытую лампу въ обожженныхъ рукахъ; другихъ обжоговъ у него не было замѣтно, очевидно, онъ задохся отъ газа, когда пытался спастись бѣгствомъ. Онъ, вѣроятно, прибѣжалъ изъ какого-нибудь бокового корридора и погибъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ безопаснаго мѣста. Доктора нагнулись къ тѣлу, а инспекторъ тотчасъ же схватилъ лампу, но сама по себѣ лампа мало что могла объяснить. Если несчастіе произошло отъ того, что лампа была открыта противно правиламъ,—во всякомъ случаѣ виноватъ былъ не этотъ человѣкъ и не эта лампа. Онъ, очевидно, погибъ, удаляясь отъ мѣста катастрофы, погибъ отъ послѣдствій этой катастрофы. Но инспекторъ, едва взглянувшій на погибшаго, съ недовольнымъ видомъ вертѣлъ въ рукахъ лампу.

— Плохая система! Плохая система! Если бы моя воля, я бы штрафовалъ каждаго управляющаго, у котораго лампы могутъ открыться,—проговорилъ онъ какъ бы про себя, но такъ, что его можно было слышать.

— Можетъ быть, рабочій самъ открылъ ее, сэръ, чтобы поправить огонь или зажечь чью-нибудь другую лампу,—сказалъ Мэденъ, чувствуя себя обиженнымъ.

— О, я знаю, что вы правы передъ закономъ, м. Мэденъ,—быстро отвѣтилъ инспекторъ.—Къ счастью для васъ, не я пишу законы.

Онъ сѣлъ на полъ, развинтилъ лампу на части и внимательно разсматривалъ ее все время, пока доктора возились съ тѣломъ. Онъ былъ однимъ изъ самыхъ гуманныхъ людей своей профессіи, но долголѣтній опытъ убѣдилъ его, что при подобныхъ обстоятельствахъ часть лампы или найденный остатокъ взрывчатаго вещества привлекаютъ вниманіе общества больше, чѣмъ убитые люди.

Между тѣмъ Джоржъ присѣлъ рядомъ съ докторами и слѣдилъ за всѣми ихъ движеніями. Убитый былъ крѣпкій, густоволосый юноша, безъ всякаго увѣчья, кромѣ опаленныхъ рукъ; глаза его были закрыты, лицо совершенно спокойно. Одинъ изъ рабочихъ громко вскрикнулъ, увидѣвъ его. Юноша былъ его племянникъ, любимецъ всей деревни, необыкновенно ловкій игрокъ въ мячъ. Молодая жизнь его погибла безвозвратно. Докторъ грустно покачалъ головой, вставая съ полу, и они всѣ поспѣшили впередъ, надѣясь найти живыхъ, которымъ нужна немедленная помощь.

Еще шаговъ черезъ 20 они нашли три трупа, двухъ пожилыхъ рабочихъ и одного мальчика. Они тоже погибли, спасаясь бѣгствомъ; задохлись отъ вредоноснаго газа.

Нѣсколько дальше обвалъ камней и угля совершенно преградилъ имъ путь, такъ что рудокопамъ и плотникамъ пришлось

долго работать, прежде чѣмъ они продѣлали небольшой проходъ. Между тѣмъ, вслѣдствіе сильной тяги, воздухъ въ корридорѣ быстро очищался, и Джоржъ могъ, сидя на грудѣ камней, наблюдать за работою людей при тускломъ свѣтѣ лампъ. Удары ихъ кирокъ гулко разносились по корридорамъ, и будили эхо копей. Слышитъ ли ихъ кто-нибудь, кромѣ этихъ бездушныхъ громадъ? Отъ нетерпѣнія и возбужденія онъ почти не могъ сидѣть на мѣстѣ. Бэррау работалъ киркой вмѣстѣ съ другими, и Джоржъ завидовалъ той физической силѣ и ловкости, которыя онъ сохранилъ, несмотря на свою безпорядочную жизнь.

Первой заботой ихъ было возстановить вентиляцію, и какъ только кирки очистили входъ въ боковой корридоръ, замѣтно стало сильное движеніе воздуха. Лицо Мэдена просіяло. Вентиляціонное сообщеніе между верхней и нижней штольней, вѣроятно, уже до нѣкоторой степени возобновилось. Если имъ удастся пробить еще нѣсколько заваловъ, вентиляторъ, дѣйствуя съ удвоенной силой, скоро прогонитъ всюду потокъ чистаго воздуха, и сдѣлается возможнымъ изслѣдованіе всей копи. Едва проходъ былъ пробитъ, спасательная партія поспѣшила впередъ.

Новые обвалы безпрестанно останавливали ихъ и починка крѣпей, поддерживавшихъ потолокъ, отнимала много времени. Рабочіе спасательной партіи обливались потомъ и поддерживали свои силы пищей и питьемъ, которые имъ передавали сверху; часы проходили незамѣтно. Наконецъ, проникнувъ сквозь самый большой изъ обваловъ, состоявшій изъ нагроможденной груды камней и угля, они увидѣли, что добрались до центра катастрофы. Дверь, которая вела направо къ одному изъ боковыхъ развѣтвленій штольни, извѣстному подъ именемъ Гальфордской галлереи, была завалена снаружи и нѣсколько тележекъ, выброшенныхъ оттуда, лежали безпорядочной грудой около стѣны главной галлереи. За этою дверью лежало нѣсколько жертвъ; всѣ они упали навзничь, пустившись бѣжать при первомъ шумѣ взрыва, сраженные потокомъ убійственнаго газа. Двое или трое были отброшены къ стѣнамъ корридора и лежали покрытые ранами и ожогами. Изъ 16 мужчинъ и мальчиковъ, лежавшихъ въ этомъ мѣстѣ, никто не услышалъ полустоновъ, полурыданій товарищей, отыскавшихъ ихъ.

— Ну, слава Богу! они не страдали, не *думали*, — говорилъ самъ себѣ Джоржъ, осматривая одно лицо за другимъ,—одна секунда, одинъ ударъ и все кончено.

Многіе изъ этихъ людей были знакомы ему. Онъ видѣлъ, какъ они въ послѣднее время бродили по улицамъ деревни, блѣдные отъ голода, и провожали его глазами, полными ненависти.

— Они вынесли голодъ, вынесли пораженіе, и послѣ этого сами копи возстали на нихъ, изувѣчили, сожгли, убили ихъ, а я въ это время спалъ.—Эта мысль преслѣдовала его съ убійственнымъ упорствомъ.

Онъ на минуту нагнулся надъ однимъ пожилымъ рабочимъ, котораго зналъ съ дѣтства, — худощавымъ, подслѣповатымъ человѣкомъ, любившимъ говорить проповѣди, и въ минуты раздраженія колотившимъ свою жену и дѣтей. Этотъ человѣкъ, во вся-

комъ случаѣ, умѣлъ чувствовать, нервы его возбуждались болѣе обыкновеннаго и страдали даже среди обыденной жизни. Онъ лежалъ съ полуоткрытыми глазами, со стиснутыми кулаками, какъ бы силясь бороться со смертью, побѣдившей его.

Джоржъ прикрылъ платкомъ лицо рабочаго, когда докторъ оставилъ тѣло.

— *Этотъ* страдалъ,—проговорилъ онъ вполголоса.

Докторъ услышалъ его и грустно кивнулъ головой.

— Шш... что это такое? Крикъ, слабый крикъ! Навѣрно нѣсколько человѣкъ остались живы, тамъ, въ концѣ галлереи!—радостнымъ голосомъ вскричалъ Мэденъ.—Идемъ, братцы, идемъ скорѣе!

И вся партія, за исключеніемъ м-ра Диксона, оставивъ мертвыхъ, пошла искать живыхъ, пробираясь по кучамъ камней и угля, среди душной атмосферы рудника.

— Оставьте мнѣ одного человѣка,—сказалъ м-ръ Диксонъ, удерживая на минуту управляющаго.—Я останусь здѣсь. Вамъ тамъ и безъ меня довольно будетъ. Если я не ошибаюсь, все дѣло началось здѣсь.

Одинъ изъ рабочихъ неохотно согласился остаться съ нимъ, ему хотѣлось лучше скорѣй идти на спасеніе своихъ, о спасеніи которыхъ онъ все время нетерпѣливо мечталъ.

Пока инспекторъ что-то измѣрялъ и чертилъ, въ отдаленной части галлереи, въ боковомъ корридорѣ, Бёррау первый замѣтилъ двадцать пять человѣкъ, изъ которыхъ восемнадцать были невредимы и въ сознаніи. Двое изъ нихъ, услышавъ приближающіеся шаги и крики, имѣли достаточно силъ, чтобы добраться до главной галлереи. Одинъ изъ нихъ, долговязый, худощавый юноша, несмотря на свою слабость, прыгалъ, подскакивалъ и упалъ у самыхъ ногъ Тресседи. Когда онъ узналъ высокаго человѣка, стоявшаго надъ нимъ, его блѣдные губы раздвинулись въ широкую улыбку.

— Говорю вамъ, не притѣсняйте насъ! Уведите меня отсюда поскорѣе! уведете?

Это былъ внукъ Мэри Бачелоръ. Въ наказаніе за нападеніе на Летти, онъ просидѣлъ три недѣли подъ арестомъ, и Джоржъ не видалъ его съ тѣхъ поръ. Онъ наклонился и влилъ нѣсколько капель водки въ горло юноши.

— Мы скоро выведемъ васъ отсюда,—сказалъ онъ,—только посмотримъ, что дѣлается съ другими.

— Тамъ есть такіе, которыхъ не стоитъ вытаскивать: они уже умерли,—говорилъ дурачекъ.—Ведите меня прежде всѣхъ.

— А другіе молятся!—прибавилъ онъ снова улыбаясь.

Дѣйствительно, маленькая группа людей въ боковомъ корридорѣ представляла на первый взглядъ странное и трогательное зрѣлище. Человѣкъ двѣнадцать сидѣло, окруживъ веслейянскаго проповѣдника, который читалъ молитвы и наизусть говорилъ отрывки изъ евангелія. Всѣ они, молодые и старые, пострадали отъ дѣйствія удушающаго газа и не имѣли силъ подняться на ноги. Несмотря на то, крикъ, который услышали избавители ихъ, былъ не крикъ

о помощи, а молитвенное воззваніе къ Богу, смиренно возносившееся изъ мрачной бездны рудника.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ молящихся стоялъ прислонясь къ стѣнѣ рабочій-скептикъ, другой рядомъ съ нимъ растянулся на землѣ; а дальше лежало семь человѣкъ, потерявшихъ сознаніе, можетъ быть, умершихъ. Двое молодыхъ рабочихъ, менѣе другихъ пострадавшихъ отъ газа, занимались тѣмъ, что катали другъ друга на телѣжкѣ съ горки, образовавшейся отъ обвалившагося угля.

— Развѣ вы не боялись?—спросилъ Тресседи одного изъ нихъ, съ удивленіемъ разглядывая его, пока доктора занимались наиболѣе слабыми, а загрубѣлые въ трудѣ рабочіе рыдали и пожимали руки найденнымъ товарищамъ.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ одинъ изъ молодыхъ рудокоповъ, желтовато-блѣдное лицо котораго освѣтила лампа Тресседи.—Нѣтъ, не боялись. Насъ было много. Старый Моисей навѣрно спасъ бы насъ.

Старый Моисей былъ тотъ веслейянскій проповѣдникъ, который читалъ молитвы. Онъ, кромѣ того, былъ штейгеромъ и уже двадцать шесть лѣтъ работалъ въ копяхъ. Въ моментъ катастрофы онъ работалъ недалеко отъ той двери, около которой смерть унесла столько жертвъ. Но огонь какъ-то случайно пощадилъ его, и онъ вмѣстѣ съ другимъ рабочимъ успѣлъ пробѣжать сквозь полосу газа назадъ въ галлерею. На встрѣчу имъ неслась толпа мужчинъ и мальчиковъ съ отдаленнаго конца копи. Эти люди, совершенно обезумѣвъ отъ ужаса, готовы были погрузиться въ смертоносное бѣлое облако тумана, надвигавшееся на нихъ. Но Моисею удалось удержать ихъ и вернуть назадъ, такъ что они добрались до бокового корридора, гдѣ воздухъ былъ болѣе сносенъ и гдѣ они могли ждать избавленія.

Джоржъ помогъ штейгеру подняться на ноги. Но, не слушая похвалъ окружавшихъ, онъ тотчасъ же позвалъ:

— Мистеръ Мэденъ, сэръ!

— Что вамъ, Моисей?

— Не знаете ли вы, что случилось съ тѣми, которые опустились въ западную галлерею?

— Нѣтъ, Моисей; мы прежде вытащимъ вотъ этихъ людей, а потомъ пойдемъ туда.

— Я тамъ оставилъ тридцать мужчинъ и мальчиковъ сегодня утромъ въ половинѣ седьмого.—Голосъ старика дрогнулъ.

Между тѣмъ Мэденъ и доктора занимались организаціей переноски семи человѣкъ, находившихся въ безсознательномъ состояніи. Для переноски каждаго изъ нихъ потребовалось двое человѣкъ, и когда печальная процессія составилась, оказалось, что только трое изъ спасательной партіи остались свободными: Тресседи, Бёррау и штейгеръ Макдональдъ. Тихо и осторожно несли тѣла вдоль галлереи, черезъ то мѣсто, гдѣ Диксонъ еще продолжалъ работать, черезъ обвалы и черезъ лужи, образовавшіяся отъ просочившейся воды; наконецъ, процессія достигла главной галлереи.

Джоржъ обратился къ Мэдену:

— Вамъ будетъ вдоволь дѣла съ этими несчастными. Мы съ Макдональдомъ и съ м. Бёррау, если онъ согласенъ, пройдемъ пока на западную сторону.

Мэдену это предложеніе не понравилось.

— Поднимитесь лучше наверхъ, сэръ Джоржъ,—сказалъ онъ ему шепотомъ,—и предоставьте все дѣло мнѣ. Вы не знаете, какъ я, свойства почвы. Восемь или девять часовъ послѣ взрыва самое опасное время, тогда-то именно и бываютъ обвалы. Посылайте намъ какъ можно скорѣй другую подъемную клѣтку.

— Съ какой стати вы будете рисковать больше меня?—спокойно отвѣчалъ Джоржъ.—Постойте! Который часъ?—онъ посмотрѣлъ на свои часы. Больше девяти часовъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ они опустились. Онъ не замѣчалъ, какъ шло время; при взглядѣ на часы, его кольнуло въ сердце.

— Пошлите кого-нибудь съ извѣстіемъ къ лэди Тресседи,—сказалъ онъ тихо Мэдену, отводя его въ сторону.—Пусть ей скажутъ, что я пошелъ немножко дальше и вернусь домой часа черезъ два. Если она тамъ на насыпи, попросите ее отъ моего имени вернуться домой. Скажите ей, что мы, по всей вѣроятности, найдемъ и тѣхъ рабочихъ, точно также, какъ этихъ, живыми и здоровыми.

Мэденъ обѣщалъ все исполнить, но все-таки имѣлъ недовольный видъ. Джоржъ взялъ у него нѣсколько сухарей и ключи, которые могли понадобиться для отпиранья дверей въ боковые корридоры.

— Макдональдъ, вы согласны идти со мной?

— Да, конечно, сэръ Джоржъ.

— А вы, м. Бѣррау?

— Разумѣется,—беззаботно отвѣчалъ Бѣррау, откидывая назадъ свою красивую голову.

Нѣкоторые изъ спасенныхъ рабочихъ повернули головы и пристально посмотрѣли на хозяина своими ввалившимися глазами; другіе не обращали на него вниманія. Они насильно возобновили работы и продолжали враждебно относиться къ нему; Джоржъ замѣтилъ, что они избѣгали всякихъ разговоровъ съ нимъ. Его участіе съ спасательной экспедиціей могло положить начало лучшимъ отношеніямъ.

— Ну, такъ пойдемте!—сказалъ Джоржъ, и они направились внутрь копи.

Старый Моисей, который до послѣдней минуты продолжалъ держаться за Джоржа, крикнулъ вслѣдъ ему хриплымъ голосомъ:

— Вы идете въ западную галлерею, сэръ Джоржъ?

— Да, въ западную,—уже на ходу отвѣтилъ ему Джоржъ?

— Да сопутствуетъ вамъ Господь Богъ, сэръ Джоржъ!—Это благочестивое пожеланіе осталось безъ отвѣта. Старикъ, съ трудомъ переводя духъ, взялъ подъ руку одного изъ болѣе сильныхъ товарищей и поплелся къ подъему. Двое или трое товарищей окружали его.

— Да,—сказалъ одинъ изъ нихъ такъ, чтобы Мэденъ не могъ слышать,—онъ, хозяинъ-то, порядкомъ тѣснитъ насъ, а все же надо сказать правду, онъ молодецъ, не трусъ.

— Говорятъ,—замѣтилъ другой,—Бѣррау славно отдѣлалъ его вчера на станціи, назвалъ его чортомъ, сорвавшимся съ цѣпи; мнѣ разсказывалъ сосѣдъ.

Первый изъ говорившихъ, все еще не оправившійся отъ дѣй-

ствія ядовитаго газа, молчалъ, а по движенію губъ стараго Моисея видно было, что онъ молится.

Между тѣмъ, Джоржъ и его два спутника осторожно подвигались впередъ; Макдональдъ отъ времени до времени подносилъ свою лампу къ потолку, чтобы посмотрѣть, не видно ли гдѣ слѣдовъ рудничнаго газа.

По дорогѣ они перебрасывались замѣчаніями на счетъ вѣроятной причины несчастія, причемъ Диксонъ, когда они проходили мимо него, упорно отказался сообщить имъ свои предположенія, пока не закончитъ изслѣдованія. Джоржъ съ презрѣніемъ интеллигента къ менѣе развитымъ людямъ сдѣлалъ нѣсколько насмѣшливыхъ замѣчаній на счетъ упорнаго непослушанія и безпечности нѣкоторыхъ рабочихъ,—непослушанія, которое на его глазахъ было причиной многихъ несчастныхъ случаевъ. Бѣррау, вѣроятно, раздраженный его тономъ, отвѣтилъ ему съ вызывающимъ видомъ: «рудокопу приходится выбирать одно изъ двухъ—или по недостатку освѣщенія для работы обрушить глыбу угля себѣ на голову, или, открывъ лампу, сгорѣть адскимъ пламенемъ; если онъ при этомъ иногда поступитъ неразумно, кто можетъ упрекать его?» При этихъ словахъ большіе, бычачьи глаза Бѣррау, освѣщенные огнемъ лампы, смотрѣли съ презрительнымъ вызывомъ на его собесѣдника. «Попробуй-ка, баринъ, самъ, побывать на ихъ мѣстѣ», какъ будто говорили они.

— Онъ подвергаетъ опасности не одну только свою жизнь, вотъ все, что я могу отвѣтить вамъ,—сказалъ Джоржъ рѣзко.— Послушайте-ка Макдональдъ, вѣдь эта дверь, кажется, ведетъ къ Луговой копи? Если что-нибудь отрѣжетъ насъ отъ шахты и намъ нельзя будетъ вернуться назадъ, вѣдь мы можемъ пройти черезъ нея?

Макдональдъ отвѣчалъ утвердительно, и Джоржъ остановился около тяжелой деревянной двери, чтобы попробовать отворить ее однимъ изъ ключей, которые были у него въ рукахъ.

Дверь давно не отворялась, и онъ потрясъ ее, чтобы повернуть ключъ.

Макдональдъ стоялъ сзади него, Бѣррау ушелъ на нѣсколько шаговъ впередъ. Вдругъ послышался трескъ, въ галлереѣ раздался отчаянный голосъ.

— Бѣгите, сэръ Джоржъ, бѣгите!

Страшный грохотъ точно громовой ударъ пронесся по всей копи. Его услышали наверху и собравшаяся тамъ толпа въ отчаяніи забѣгала взадъ и впередъ, думая, что произошелъ новый взрывъ.

Прошло нѣсколько часовъ. Наконецъ, въ запутанномъ мозгу Джоржа появился слабый проблескъ сознанія; онъ медленно открылъ глаза.

О, ужасъ! о, жестокость! вернуться изъ блаженнаго покоя и небытія къ этому невыносимому страданію тѣла и души. «Я былъ мертвъ,—думалъ онъ,—все было кончено». И въ немъ возникла дикая безсильная злоба какъ бы противъ какой-то несправедли-

вости, причиненной ему. Черезъ нѣсколько минутъ онъ сдѣлалъ первое легкое движеніе, и оно тотчасъ же вызвало движеніе человѣка, сидѣвшаго рядомъ съ нимъ. Этотъ человѣкъ нагнулся надъ нимъ и дотронулся до его пульса.

— Бёррау!—шопотъ былъ едва слышенъ.

— Это я, сэръ Джоржъ.

— Что случилось? Гдѣ Макдональдъ? Дайте мнѣ водки. Фляжка у меня во внутреннемъ карманѣ.

— Нѣтъ, она у меня. Можете вы проглотить? Я нѣсколько разъ пытался влить вамъ въ ротъ, но у васъ губы были крѣпко сжаты, она вся лилась мнѣ на пальцы.

— Дайте.

Ихъ руки встрѣтились, Джоржъ искалъ ощупью фляжку. Поднимая руку, онъ застоналъ отъ боли.

— Пейте, если можете.

Джоржъ всѣми силами своего существа старался проглотить нѣсколько капель. Но какая страшная боль! «О, Господи, спина! И ноги не двигаются!»

Эти слова онъ произнесъ лишь мысленно, но ему показалось, что онъ громко прокричалъ ихъ. На минуту онъ снова потерялъ сознаніе; затѣмъ водка начала производить свое дѣйствіе. Не смотря на боль, онъ тихонько протянулъ руку, чтобы ощупать свою правую ногу. Панталоны около бедра висѣли клочьями, куски ихъ прилипшія къ тѣлу, были тверды, а около ноги стояла лужа. Умъ его работалъ медленно, но правильно: «навѣрно бедро сильно разбито,—думалъ онъ,—вышло много крови, должно быть кровоизліяніе притупило нѣсколько боль. Спина и плечи обожжены».

Затѣмъ медленнымъ и нерѣшительнымъ движеніемъ ему удалось поднять руку къ головѣ, которая страшно болѣла. Правый високъ и волосы были также обожжены и мокры. Онъ опустилъ руку. «Сколько времени я...»—подумалъ онъ. Только что вернувшееся сознаніе снова исчезало, что-то выходившее изъ мрачныхъ туннелей рудника какъ бы прогоняло его, грозило окончательно потопить.

— Бёррау!—онъ дотронулся до него рукой.—Гдѣ Макдональдъ?

Изъ темноты, окружавшей его, послышался стонъ.

— Его раздавило сразу. Онъ только разъ вскрикнулъ. Лучше бы и насъ также!

— Сильный былъ обвалъ?

— Точно будто весь рудникъ провалился.—Джоржъ почувствовалъ, какъ дрожь пробѣгала по тѣлу силача.—Я спасся; васъ, должно быть, задѣло. Макдональдъ попалъ въ самую средину. Кромѣ того, былъ еще взрывъ.

— Лампа Макдональда... разбилась?—прошепталъ Джоржъ послѣ минутнаго молчанія.

— По всей вѣроятности. Взрывъ былъ не силенъ, а то бы насъ сразу убило. Меня только ошеломило, немного обожгло, не очень сильно. Вы счастливѣе... Мнѣ придется долго умирать.

— Не унывайте!—слабымъ голосомъ проговорилъ Джоржъ.—Я умру, а васъ спасутъ.

— Какъ они могутъ спасти насъ?—угрюмо отвѣчалъ Бёррау.—

Выходъ съ другой стороны навѣрно также заваленъ, иначе они бы ужъ пришли.

— Давно мы здѣсь?

— Богъ знаетъ! Судя по тому, какъ я долго сижу здѣсь, послѣ того какъ перетащилъ васъ, должно быть уже давно ночь.

— Вы меня перетащили?—чуть слышно спросилъ Джоржъ.

— Когда я очнулся, я лежалъ лицомъ внизъ въ какой-то душной ямѣ; должно быть газъ понемногу разошелся, такъ какъ я могъ поднять голову. Я сталъ ощупывать, что было подлѣ меня, и нашелъ васъ. Потомъ я немножко подвинулся и нащупалъ подпорки. Я пошелъ держась за нихъ и нашелъ пещеру гдѣ воздухъ былъ чище; я вернулся къ вамъ и втащилъ васъ сюда. Я сначала думалъ, что вы умерли; потомъ нащупалъ, что ваше сердце бьется. Я нашелъ въ стѣнѣ трубу, по которой идетъ воздухъ и разбилъ ее.

Джоржъ молчалъ. Но болѣе свѣжій воздухъ производилъ на него благотворное дѣйствіе и сознаніе его прояснялось. Его мучило только одно, какой-то шумъ, который казался ему страшно сильнымъ. Онъ сталъ раздумывать, что бы это могло быть, и догадался, что это струйка воды, которая просачивается сквозь стѣну. Несоотвѣтствіе его представленія съ реальнымъ фактомъ дало ему понять, какъ ужасающе было то безмолвіе, которое окружало ихъ,—безмолвіе, казавшееся само по себѣ чѣмъ-то живымъ, какимъ-то таинственнымъ существомъ, которому земля поручила отмстить созданіямъ, осмѣливающимся проникать въ ея нѣдры.

— Бёррау! эта вода сводитъ меня съ ума!—онъ съ усиліемъ повернулъ больную голову.—Не можете-ли вы дать мнѣ пить? На фляжкѣ есть стаканъ.

— Недалеко отсюда есть маленькое озерко. Я зачерпнулъ изъ него въ шапку и облилъ васъ, когда мы добрались сюда. Я схожу, принесу еще.

Джоржъ слышалъ, какъ длинная фигура съ трудомъ поднималась съ мѣста. Затѣмъ онъ опять потерялъ счетъ времени и всѣ ощущенія, пока не очнулся, почувствовавъ воду у своихъ губъ, чью-то руку, смачивающую ему лобъ.

Онъ сталъ съ жадностью пить.

— Благодарю! поставьте ее подлѣ меня, вотъ тутъ; тутъ она не разольется. Ну, Бёррау, я умираю. Оставьте меня. Вы ничего не можете мнѣ сдѣлать, а вы сами... вы можете спастись. Попробуйтп выйти тѣмъ или другимъ путемъ... Возьмите эти ключи... Я бы объяснилъ...

Но тонкая нить, на которой держалась его жизнь, сильно колебалась, пока онъ говорилъ. Беррау долженъ былъ приложить ухо къ его губамъ, чтобы что-нибудь слышать.

— Нѣтъ,—мрачно сказалъ онъ. — Я не могу оставить человѣка, пока въ немъ есть хоть искра жизни. Кромѣ того, мнѣ нѣтъ надежды спастись, я не знаю рудника.

Вдругъ, какъ бы въ отвѣтъ на отчаяніе, звучавшее въ словахъ его, Джоржа охватилъ такой страшный приступъ горя, какъ будто душа и тѣло его разрывались. Его бѣдная Летти! Его будущій ребенокъ! Вся энергія, вся жизненная сила, которую онъ

ощущалъ въ ту самую минуту, когда шелъ на эту ужасную, отвратительнуы смерть, все пропало, все кончено. Краткое мгновеніе бытія отнято у него неумолимой силой, которая ничего не возвращаетъ, ничего не объясняетъ. Ему вдругъ вспомнилось картина, эстампъ, который онъ видѣлъ въ Парижѣ въ окнѣ магазина: подъ ней стояла подпись: «Погребенъ»; она изображала рудокопа, которому обвалъ заграждалъ выходъ, онъ поднималъ руки, закрывая ими лицо, и казалось испускалъ отчаянный крикъ ропота на природу, которая призвала его къ жизни, дала ему нервы и мозгъ—и привела сюда!

Куда ни поворачивалъ онъ глаза, всюду во мракѣ ему являлась эта картина, поднятыя руки, голая спина человѣка, сознающаго весь ужасъ своего положенія, рабочіе инструменты, символы труда всей жизни, выпавшіе изъ рукъ, которые никогда больше не примутся за работу. Эта картина наводила на него ужасъ даже тамъ, среди веселой парижской улицы.

Затѣмъ это видѣніе исчезло и смѣнилось другимъ. Ему казалось, что онъ опять стоитъ на насыпи, около копи. Была ночь, но тамъ все еще толпился народъ, и горящіе костры освѣщали лица людей. На небѣ сіяли звѣзды, холмы были покрыты тонкимъ слоемъ снѣга. Онъ заглянулъ въ машинное отдѣленіе. Тамъ была она, его бѣдная Летти! О, Боже мой! Онъ пытался подойти къ ней, заговорить съ нею, невозможно!

Какой-то звукъ прогналъ его сонъ.

Его слухъ и мозгъ долго напрягались, силясь опредѣлить, что это такое. Кто-то тяжело, болѣзненно вздыхалъ, почти рыдалъ. Это навѣрно Бёррау думаетъ о любимой женщинѣ, о томъ несчастномъ, полуживомъ созданіи, за которымъ онъ такъ ухаживалъ въ саду котэджа, въ тотъ апрѣльскій день. Джоржъ протянулъ руку и дотронулся до своего товарища.

— Не отчаявайтесь,—прошепталъ онъ,—вы еще увидитесь съ ней. Какъ это странно! мы — два врага... но все кончено! Разскажите мнѣ о ней.

— Я отнялъ ее у одного негодяя, который чуть не убилъ и ее, и ребенка, — проговорилъ хриплый голосъ послѣ минутнаго молчанія.— Она была счастлива со мной, счастлива, не смотря на пьянство и на все другое; она была бы счастлива до самой смерти. Страшно думать, какъ она останется одна; другіе презирали ее, но я ее любилъ.

— Вы увидитесь съ ней,—повторилъ Джоржъ, едва сознавая, какія слова произноситъ.

Черезъ нѣсколько минутъ онъ опять заговорилъ, но гораздо громче, такъ что Бёррау удивился, откуда взялись у него силы.

— Бёррау, обѣщайте мнѣ одну вещь. Передайте мое порученіе женѣ. Наклонитесь поближе.

Когда онъ почувствовалъ на своей щекѣ дыханіе сотоварища, онъ собрался съ силами и проговорилъ совершенно внятно:

— Скажите ей, что я съ любовью думаю о ней; что я отъ всей души и отъ всего сердца благодарю ее за любовь ко мнѣ; что мнѣ очень тяжело оставлять ее и нашего ребенка. Запишите мои слова для нея, Бёррау. Скажите, что я не могъ писать самъ

и продиктовалъ вамъ.—Онъ пріостановился на нѣсколько времени и потомъ закончилъ:—Скажите ей также: это моя послѣдняя воля... пусть она попроситъ лорда и лэди Максвель — вы хорошо слышите?—онъ повторилъ имена—быть ея друзьями и покровителями. Пусть она попроситъ ихъ отъ моего имени, чтобы они не оставляли ее. Поняли вы? Пожалуйста, повторите.

Бёррау, снисходя къ прихоти умирающаго, повторилъ слово въ слово все, что тотъ говорилъ; самъ онъ былъ весь охваченъ ужасомъ при мысли о собственной смерти, которая, казалось, должна послѣдовать очень скоро за смертью Тресседи. Но онъ все-таки напрягалъ всѣ усилія, чтобы понять и запомнить; и это порученіе, запечатлѣвшееся въ его потрясенномъ мозгу, долго служило единственнымъ утѣшеніемъ несчастной женщинѣ.

— Благодарю васъ,—сказалъ Тресседи, съ трудомъ выслушавъ все до послѣдняго слова.—Дайте мнѣ руку. Прощайте. Вы и я— какъ странно идутъ дѣла на землѣ. Жаль, что я согласился взять васъ въ шахту. Я хотѣлъ показать, что не помню зла. Хорошо, по крайней мѣрѣ, я знаю...

Послѣдніе слова были невнятны. Бёррау разобралъ только «страданіе», «рабочіе». Голова Тресседи упала, и онъ не сказалъ больше ни слова.

Но мысль его еще продолжала работать. Ему представлялось, что онъ стоитъ въ ярко освѣщенномъ мѣстѣ, что онъ живъ и свободенъ. Разныя видѣнія являлись ему. Нѣсколько разъ видѣлось ему, что онъ въ Швейцаріи весной, гуляетъ по городамъ среди цвѣтущихъ луговъ! Какой чудный запахъ нарцисовъ, окрашенныхъ утренней росой; какой пріятный шелестъ травы! Желтые анемоны блестятъ на солнцѣ, изъ ущелья слышится ропотъ потока, вдали возвышается сѣрая вершина горы, стройные формы которой рѣзко рисуются на фонѣ ярко-голубого неба! Потомъ ему представилось, что онъ ѣдетъ среди горнаго ущелья, поросшаго красными рододендрами и передъ нимъ въ долинѣ, въ сожженной солнцемъ долинѣ Индіи, раскинулся какой-то большой, древній укрѣпленный городъ. Онъ видѣлъ море въ лучахъ заходящаго солнца, бѣлые паруса отражались въ прозрачныхъ синихъ и розовыхъ волнахъ, глазъ не успѣвалъ слѣдить за разнообразными переливами красокъ и тѣней, которыя вѣтерокъ — о, какъ пріятна была его прохлада!—причудливо рисовалъ и снова стиралъ на волнахъ, струившихся за кораблемъ.

Но среди всѣхъ этихъ обрывковъ воспоминаній сквозила мысль о томъ, что съ нимъ случилось что-то странное. Какъ будто что-то тяжелое лежало у него на рукахъ, на груди. Вѣроятно, этимъ выражалось его тоскливое сожалѣніе о Летти.

Но иногда, когда сознаніе его на минуту прояснялось, онъ удивлялся, что жалѣетъ ее. Она, повидимому, полюбила его? Но не лучше ли для нея, что его неуравновѣшенная жизнь прервется внезапно? Могло ли ихъ супружество, дурно начатое, дурно устроенное, привести въ концѣ концовъ къ счастью? Онъ съ горечью вспоминалъ девять мѣсяцевъ, прошедшіе послѣ ихъ свадьбы, съ горечью не противъ нея, а противъ самого себя, противъ ничтожества своей собственной жизни, своихъ усилій и желаній.

Но чѣмъ онъ хуже другихъ? Пустота, незначительность всѣхъ людскихъ стремленій, всего окружающаго, мучила его въ эти послѣднія минуты жизни; онъ страдалъ за всѣ тѣ миріады существъ, которыя должны испытывать то же, что онъ. Онъ вспомнилъ изображеніе человѣческой жизни, видѣнное имъ въ одной книгѣ: цвѣтущій лугъ, освѣщенный заходящимъ солнцемъ; цѣлый міръ былинокъ, росинокъ, насѣкомыхъ, цвѣтковъ; безконечное множество формъ и безконечное разнообразное движеніе живыхъ существъ; настала ночь, и все погрузилось во мракъ, въ безмолвіе— все исчезло.

Да, такова жизнь! Съ прибавкой, пожалуй, страданія. Его собственное страданіе не прекращалось никогда. Онъ могъ понимать вѣчность только какъ вѣчное страданіе. Съ какою страшною живостью проснулось въ немъ чувство состраданія, это та нестерпимая жалость, которую при жизни онъ считалъ смертью всякой естественной энергіи человѣка. Презрѣніе къ жалости, которое онъ когда-то высказывалъ Марчеллѣ Максвель, было точно вызвано тайнымъ и страшнымъ предчувствіемъ того, что самъ онъ когда-нибудь умретъ поглощенный, уничтоженный жалостью; да, въ тѣ минуты, когда онъ лежалъ, ожидая смерти, душа его, казалось, спускалась въ бездну страданій міра, какъ пловецъ опускается въ морскія волны.

Это чувство сопровождалось другимъ ощущеніемъ, въ которомъ не было ничего мучительнаго. Неодобрительные взгляды голодныхъ людей, сомнѣнія собственнаго колеблющагося сердца, всѣ соціальные вопросы и недоразумѣнія перестали преслѣдовать его. Переходя отъ жизни къ смерти, онъ чувствовалъ, что онъ, Джоржъ Тресседи, человѣкъ безъ увлеченій и фанатизма, всетаки исполнилъ свое назначеніе, съигралъ свою роль. Въ этой мысли было нѣчто смягчавшее для него скорбный путь. Разъ передъ самымъ концомъ онъ открылъ глаза и вздрогнулъ.

— Что это такое? Что-то успокаиваетъ, поддерживаетъ, примиряетъ меня. Если... *если*, какъ ничтожно было бы все это! «О, кто знаетъ путь, по которому я шелъ: пламя превратилось въ облако, облако снова стало пламенемъ и поднялось, и взлетѣло на верхъ». Его умиравшая мысль цѣплялась за эти слова, какъ мысль другого человѣка могла бы цѣпляться за слова молитвы. Его вдругъ охватило какое-то состояніе блаженнаго экстаза. Всѣ преграды рушились, всѣ оковы пали, душа его переполнилась радостью. Можетъ быть, это переходъ въ новую жизнь, управляемую новыми законами? Онъ не зналъ; но когда онъ открылъ свои уже незрячіе глаза, онъ увидѣлъ, что темная галлерея рудника расширяется и къ нему легко и свободно приближается женщина. Она шла твердо безъ колебаній. Она стала на колѣни около него и взяла его руку. Онъ увидѣлъ жалость въ ея темныхъ глазахъ.— «Тебѣ нехорошо, другъ мой? Ободрись! конецъ близокъ».—«Позаботься о ней и сохрани въ своемъ сердцѣ память обо мнѣ!»— молящимъ голосомъ сказалъ онъ ей. Она улыбнулась. Блеснулъ свѣтъ, ослѣпительный свѣтъ, видѣніе исчезло, и Джоржъ Тресседи пересталъ жить.

Конецъ.

ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ И БУДУЩЕЕ ВСЕЛЕННОЙ.

Космологическія письма Герм. Клейна.

Переводъ съ третьяго нѣмецкаго изданія К. Пятницкаго.

(*Окончаніе* *).

ПИСЬМО IX **).

Обитаемы ли планетные міры?

Планета Меркурій: общія свойства; изслѣдованія Скіапарелли относительно вращенія планеты; противоположность между двумя полушаріями планеты.— На Меркуріѣ не можетъ быть обитателей, подобныхъ людямъ.—Планета Венера: свойства; области вѣчнаго дня и области вѣчной ночи; блѣдное мерцаніе на ночной сторонѣ планеты; выводы.—Планета Марсъ: времена года на Марсѣ; скопленія льда у полюсовъ; выпаденіе снѣга; таяніе льдовъ весною; атмосфера и облака; материки и моря; окраска материковъ. — Изслѣдованія Скіапарелли относительно измѣненій на поверхности Марса: наводненія; двоеніе каналовъ.—Планетоиды.—Планета Юпитеръ: современное состояніе его поверхности.—Планета Сатурнъ: его атмосфера; состояніе планеты; система колецъ. — Уранъ и Нептунъ. — Выводъ относительно планетной системы.— Мнѣніе Ньюкомба относительно обитаемости міровыхъ тѣлъ за предѣлами нашей планетной системы.

Мы разсмотримъ главныя планеты, чтобы выяснить вопросъ: нѣтъ ли на нихъ живыхъ существъ, подобныхъ людямъ. Часто приходится слышать такое мнѣніе: нѣтъ никакихъ разумныхъ основаній предполагать, что среди всѣхъ міровыхъ тѣлъ одна земля населена мыслящими созданіями,—людьми. Трудно спорить противъ этого заключенія, если будемъ рѣшать поставленный вопросъ на основаніи общихъ соображеній. Въ самомъ дѣлѣ: сопоставимъ землю съ другими планетами; ни по величинѣ, ни по разстоянію отъ солнца она не представляетъ ничего исключительнаго, ничего необыкновеннаго. Если же взглянемъ на звѣздное небо, усѣянное милліонами солнцъ, если вспомнимъ, что, по всей вѣроятности, они также окружены планетами, ученіе объ исключительной роли земли среди безконечнаго мірового пространства покажется еще болѣе невѣроятнымъ. Мы не въ состояніи видѣть обитателей другихъ планетъ. Тѣмъ не менѣе, взвѣсивши указанные доводы, ни одинъ

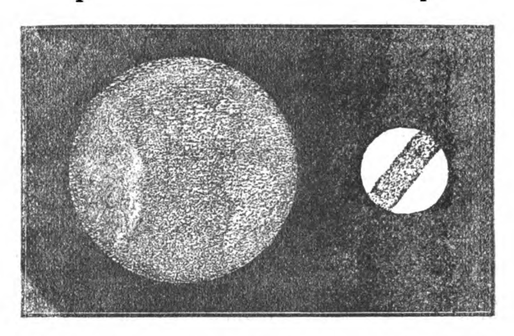
---

*) См. «Міръ Божій», № 11, ноябрь 1896 г.

**) Въ виду большого объема письма IX-го, редакція была вынуждена сдѣлать сокращенія, выпустивъ нѣсколько второстепенныхъ мѣстъ. *Ред.*

мыслящій человѣкъ не будетъ сомнѣваться, что и другія міровыя тѣла могутъ быть населены, подобно землѣ. Чтобы избѣжать праздныхъ умозрѣній, постараемся точнѣе опредѣлить тѣ необходимыя условія, при которыхъ на міровомъ тѣлѣ могутъ обитать живыя существа, похожія на жителей земли. Эти условія слѣдующія: существованіе атмосферы и существованіе жидкой воды; слѣдовательно, средняя температура должна лежать ниже точки кипѣнія и выше точки замерзанія. Примемъ во вниманіе этотъ выводъ и разсмотримъ особенности отдѣльныхъ планетъ.

Направляясь отъ солнца, мы встрѣчаемъ прежде всего планету *Меркурій*. Ее отдѣляетъ отъ солнца среднее разстояніе въ $7^3/_4$ милліоновъ миль; иногда это разстояніе уменьшается до $6^1/_5$ милліоновъ миль, иногда увеличивается до $9^1/_3$ милліоновъ миль. По размѣрамъ Меркурій значительно уступаетъ землѣ: его поперечникъ равенъ 644 милямъ; его поверхность—1.300.000 квадр. миль; его объемъ—132.000.000 куб. миль. Для сравненія приводимъ размѣры земли: поперечникъ—1.717 миль; поверхность — 9.260.000

Сравнительная величина земли и Меркурія.

кв. миль; объемъ 2.650.000.000 куб. миль. Если сравнивать объемы, земля въ 20 разъ больше Меркурія; но его плотность въ 1,56 разъ больше земной; поэтому вѣсъ Меркурія относится къ вѣсу земли, какъ $1 : 12^1/_3$. Представимъ, что на одной чашкѣ вѣсовъ лежитъ земля, для равновѣсія пришлось бы положить на другую 12 такихъ шаровъ, какъ Меркурій.

Меркурій слишкомъ близокъ къ солнцу; наблюдать его необыкновенно трудно, и если въ настоящее время мы располагаемъ нѣкоторыми точными данными относительно его физическихъ свойствъ, этимъ мы обязаны исключительно наблюденіямъ миланскаго астронома *Скіапарелли*. Онъ изложилъ свои выводы на годичномъ засѣданіи Academia dei Lincei въ Римѣ 8 декабря 1889 года. Привожу его собственныя слова:

«Сперва я буду говорить о вращеніи Меркурія. Онъ движется вокругъ солнца совершенно такъ же, какъ луна вокругъ земли. Совершая полетъ вокругъ земли, луна все время обращаетъ къ ней почти одну и ту же сторону, показываетъ одни и тѣ же пятна. То же наблюдается у Меркурія: при своемъ полетѣ вокругъ солнца онъ постоянно обращаетъ къ этому источнику свѣта почти одну

и ту же сторону. Я говорю «*почти* одну и ту же», потому что Меркурій, подобно лунѣ, представляетъ явленіе либраціи. Попробуйте наблюдать луну во время полнолунія, хотя бы со слабой зрительной трубой; вы увидите, что на срединѣ диска всегда темнѣютъ одни и тѣ же пятна. Но если вы изслѣдуете ихъ точнѣе и измѣрите ихъ разстояніе отъ восточнаго и западнаго краевъ луны, вы найдете, что они колеблются на извѣстную величину—то вправо, то влѣво. Это явленіе открыто *Галилеемъ* 250 лѣтъ назадъ; его называютъ либраціей по долготѣ. Отъ чего зависитъ оно? Главнымъ образомъ, отъ того, что одинъ изъ діаметровъ луны почти съ полной точностью направленъ все время къ одной точкѣ; но эта точка—не центръ земли и также не центръ лунной орбиты, а скорѣе, тотъ изъ фокусовъ лунной орбиты, въ которомъ не находится земля. Еслибъ наблюдатель помѣщался какъ разъ въ этомъ фокусѣ, онъ неизмѣнно видѣлъ бы одну и ту же сторону луны. Въ дѣйствительности мы отдѣлены отъ даннаго фокуса разстояніемъ въ 42.000 километровъ; поэтому луна обращаетъ къ намъ то восточныя, то западныя области; получается такое впечатлѣніе, какъ если бы она немного колебалась. Такую же картину представлялъ бы Меркурій для наблюдателя, помѣщеннаго на солнцѣ. Одинъ изъ діаметровъ планеты постоянно направленъ не къ тому фокусу ея эллиптической орбиты, въ которомъ помѣщено солнце, а къ другому. Разстояніе между фокусами орбиты Меркурія составляетъ не менѣе пятой части всего діаметра орбиты; слѣдовательно, либрація этой планеты очень велика. Та точка Меркурія, на которую лучи солнца падаютъ отвѣсно, мѣняетъ мѣсто на поверхности планеты; она движется вдоль экватора то къ востоку, то къ западу и описываетъ дугу въ 47°, значитъ, больше $^1/_8$ цѣлой окружности. Все движеніе въ ту и другую сторону занимаетъ столько же времени, сколько нужно Меркурію, чтобы пройти всю орбиту: 88 земныхъ сутокъ. Слѣдовательно, одна сторона Меркурія постоянно направлена къ солнцу, какъ магнитъ къ куску желѣза; но при этомъ допускаются колебанія то къ востоку, то къ западу, подобныя тѣмъ, какія наблюдаемъ у луны. Представимъ теперь, что наблюдатель находится на Меркуріѣ; онъ приписалъ бы это колебательное движеніе не планетѣ, а самому солнцу, совершенно такъ же, какъ мы приписываемъ солнцу суточное движеніе, хотя въ дѣйствительности оно принадлежитъ землѣ. Намъ кажется, что солнце движется отъ востока къ западу, описываетъ правильную дугу и такимъ образомъ производитъ въ теченіе 24 часовъ смѣну дня и ночи. Наблюдателю, помѣщенному на поверхности Меркурія, будетъ казаться, что солнце движется то къ востоку, то къ западу, что оно описываетъ на небесномъ сводѣ дугу въ 47°, и что положеніе этой дуги надъ горизонтомъ всегда остается неизмѣннымъ. Чтобы пройти эту дугу взадъ и впередъ, солнцу нужно ровно 88 земныхъ сутокъ. Есть мѣстности на поверхности Меркурія, гдѣ дуга сполна лежитъ надъ горизонтомъ; есть другія, гдѣ она скрыта подъ горизонтомъ; есть третьи, гдѣ часть дуги приходится надъ горизонтомъ и часть—подъ горизонтомъ. Сообразно съ этимъ, создаются различ-

ныя условія и различное распредѣленіе свѣта и теплоты. Мѣстности, гдѣ дуга солнечнаго пути совершенно скрыта подъ горизонтомъ, составляютъ 3/8 всей поверхности Меркурія. Тамъ никогда не показывается солнце; тамъ царитъ вѣчная ночь, вѣчный мракъ. Лишь случайно прерывается онъ, благодаря рефракціи, или сумеркамъ, или сѣверному сіянію и тому подобнымъ явленіямъ. Среди мрака бросаютъ слабый свѣтъ планеты и звѣзды. Другая часть Меркурія, гдѣ дуга вѣчно остается надъ горизонтомъ, занимаетъ также 3/8 всей его поверхности. Эти области вѣчно облиты лучами солнца; ночь тамъ абсолютно невозможна. Наконецъ, 1/4 поверхности Меркурія занимаютъ такія мѣстности, гдѣ часть дуги лежитъ надъ горизонтомъ, часть—подъ горизонтомъ. Тамъ возможна смѣна дня и ночи. Тамъ періодъ въ 88 дней распадается на двѣ части: одна характеризуется постояннымъ свѣтомъ, другая — непрерывной тьмой. Въ однихъ мѣстахъ день равенъ ночи, въ другихъ длиннѣе день, въ третьихъ—ночь. Все зависитъ отъ того, какая часть дуги лежитъ надъ горизонтомъ.

«Разъ планета представляетъ такія особенности, можетъ ли существовать на ней органическая жизнь? Для этого нужна атмосфера, которая въ состояніи распредѣлить запасы теплоты между различными областями и такимъ образомъ смягчить крайнія проявленія зноя и холода. Существованіе атмосферы на Меркуріѣ предполагалось еще *Шретеромъ*, сто лѣтъ назадъ. Мои наблюденія доставляютъ признаки, болѣе опредѣленные; существованіе атмосферы доказано ими съ бо́льшей степенью вѣроятности. Вотъ первый признакъ: постоянно приходится наблюдать, что темныя пятна поверхности Меркурія выступаютъ всего яснѣе, когда находятся близъ средины диска; какъ только они приблизятся къ краю, они становятся менѣе замѣтными и, наконецъ, исчезаютъ. Существуетъ причина, мѣшающая видѣть ихъ съ полной ясностью ея дѣйствіе—замѣтнѣе, когда пятно приходится близъ краевъ планеты. Повидимому, возможно лишь одно объясненіе. Лучи, идущіе къ землѣ отъ краевъ диска, проходятъ болѣе длинный путь въ атмосферѣ Меркурія, чѣмъ тѣ лучи, которые идутъ отъ средины: первые пересѣкаютъ атмосферу Меркурія наискось, вторые—отвѣсно. Слѣдовательно, есть основанія полагать, что атмосфера Меркурія менѣе прозрачна, чѣмъ атмосфера Марса; въ этомъ отношеніи она скорѣе походитъ на земную. Кромѣ того, край планеты, гдѣ пятна становятся менѣе ясными, всегда кажется свѣтлѣе другихъ частей диска. Его блескъ часто бываетъ неровнымъ: однѣ точки—ярче, другія—тусклѣе. Иногда на этомъ краю можно различить довольна свѣтлыя, бѣлыя области, которыя сохраняются въ теченіе многихъ дней; вообще же онѣ измѣняются и показываются то въ томъ, то въ другомъ мѣстѣ. Я приписываю это явленіе сгущеніямъ, которыя происходятъ въ атмосферѣ Меркурія. Чѣмъ эти сгущенія плотнѣе, тѣмъ сильнѣе отражаютъ они солнечный свѣтъ. Такія бѣлыя пятна часто показываются и на внутреннихъ частяхъ диска; но тамъ они не достигаютъ такой яркости, какъ на краю.

«Далѣе. Хотя темныя пятна этой планеты по формѣ и взаим-

ному расположенію представляются постоянными, ясность ихъ не остается неизмѣнной. Иногда они видны отчетливѣе, иногда становятся блѣднѣе; бываетъ, что то или другое пятно мгновенно становится невидимымъ. Эти своеобразныя явленія можно приписать лишь одной причинѣ: атмосфернымъ сгущеніямъ, сходнымъ съ нашими облаками; такія сгущенія скрываютъ отъ нашихъ взоровъ то одну, то другую часть поверхности Меркурія. Если бъ наблюдатель перенесся въ глубину небеснаго пространства и взглянулъ оттуда на землю, онъ увидѣлъ бы такую же картину, благодаря существованію земныхъ облаковъ.

«О самой поверхности Меркурія мы знаемъ очень мало. Прежде всего нужно отмѣтить, что $^{3}/_{8}$ этой поверхности недоступны для лучей солнца и, слѣдовательно, для нашихъ наблюденій. Нѣтъ никакой надежды получить точныя данныя относительно этой части планеты. Мало того: если мы захотимъ изучить тѣ области Меркурія, которыя доступны наблюденію, мы всетаки встрѣтимъ большія трудности. Выберемъ время, когда атмосферныя сгущенія не закрываютъ темныхъ пятенъ; всетаки послѣднія представляются лишь слабыми тѣнями; нужно потратить много усилій и много вниманія, чтобы различить ихъ при обыкновенныхъ условіяхъ. Воспользуемся самымъ благопріятнымъ моментомъ: тогда эти тѣни обнаруживаютъ темно-коричневый теплый тонъ, напоминающій сепію. Этотъ тонъ очень мало отличается отъ обыкновенной окраски планеты, которая большею частью представляется свѣтло-розовой. Крайне трудно воспроизвести эти расплывчатыя пятна съ надлежащей точностью: очертанія ихъ такъ неотчетливы, что становится возможнымъ произволъ. Между тѣмъ, у меня есть основаніе думать, что эта неопредѣленность очертаній, въ большинствѣ случаевъ, только кажущаяся и зависитъ отъ слабости телескопа. Чѣмъ благопріятнѣе были условія наблюденія и чѣмъ лучше получались изображенія, тѣмъ больше мелкихъ подробностей выступало на пятнахъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что, если примѣнить сильный телескопъ, пятна получатъ болѣе рѣзкія очертанія. Такъ, пятна луны, которыя простому глазу представляются расплывчатыми и неопредѣленными, отчетливо обнаруживаютъ массу подробностей, если разсматривать ихъ въ бинокль. Разъ точное изслѣдованіе пятенъ Меркурія представляетъ такія трудности, не легко составить сколько-нибудь обоснованное мнѣніе относительно ихъ природы. Можно было бы приписать ихъ просто неровностямъ поверхности; мы знаемъ, что такъ объясняются пятна луны. Но если бы кто-нибудь вздумалъ видѣть въ этихъ темныхъ пятнахъ нѣчто подобное нашимъ морямъ и, въ подтвержденіе своего мнѣнія, указалъ бы на атмосферу Меркурія, на сгущенія въ атмосферѣ, я не думаю, чтобы можно было привести сильныя возраженія. Пятна Меркурія не образуютъ большихъ массъ: они расположены полосами малаго протяженія; они сильно вѣтвятся и постоянно чередуются съ довольно свѣтлыми пространствами. Нужно заключить, что на Меркуріѣ нѣтъ ни большихъ океановъ, ни большихъ материковъ; участки суши постоянно смѣняются участками моря.

«Меркурій, это—міръ, который отличается отъ нашего. Солнце освѣщаетъ и согрѣваетъ его сильнѣе, чѣмъ землю; распредѣленіе свѣта и тепла совсѣмъ иное. Если на этомъ міровомъ тѣлѣ существуетъ жизнь, мы встрѣтимъ тамъ отношенія, которыя настолько отличаются отъ нашихъ, что мы едва рѣшаемся вообразить ихъ. Надъ одной стороной Меркурія вѣчно виситъ солнце, обливающее ее почти отвѣсными лучами; на другой—царитъ вѣчный мракъ; то и другое кажется намъ одинаково невыносимымъ...»

Меркурій такъ близокъ къ солнцу, что получаетъ отъ него въ семь разъ больше свѣта и тепла, чѣмъ земля. Чтобы наши глаза могли переносить такой ослѣпительный свѣтъ, необходима была бы атмосфера, превосходящая земную по высотѣ и плотности больше, чѣмъ въ пять разъ. Въ то же время на сторонѣ, освѣщенной солнцемъ, температура поднялась бы такъ высоко, что органическая жизнь не могла бы развиваться. Между тѣмъ на противоположной сторонѣ планеты господствуетъ ужасный холодъ, который, быть можетъ, лишь незначительно смягчается теплыми атмосферными теченіями.

Предположимъ, что жизнь воображаемыхъ обитателей Меркурія продолжается въ теченіе 50—60 обращеній планеты около солнца, какъ наблюдаемъ это на землѣ. Въ такомъ случаѣ средняя продолжительность жизни на Меркуріѣ не превышаетъ $12^1/_2$—15, въ крайнемъ случаѣ, 25 земныхъ лѣтъ. Необходимо отмѣтить, что это предположеніе—совершенно произвольное: у насъ нѣтъ никакихъ доводовъ въ его пользу. Такъ какъ масса планеты не велика, сила тяжести на ея поверхности меньше, чѣмъ на землѣ: если тяжесть на землѣ обозначимъ чрезъ 1, на Меркуріѣ она—$^3/_5$. Пространство, проходимое падающимъ тѣломъ въ первую секунду паденія, равно 87 парижскимъ футамъ. Длина простого секунднаго маятника—1,8 пар. фут. Для ночной стороны Меркурія самыми блестящими свѣтилами являются планеты: Венера и Земля. При наиболѣе благопріятныхъ условіяхъ Венера освѣщаетъ поверхность Меркурія въ 600 разъ слабѣе, чѣмъ луна освѣщаетъ землю во время полнолунія.

Вообще, наши данныя относительно особенностей Меркурія не слишкомъ обширны. Но какими богатыми покажутся они, если вспомнить, какъ мало открывала намъ сама природа! Въ глубинѣ пространства искрится точка, которая слѣдуетъ за солнцемъ вечеромъ или предшествуетъ ему въ сіяніи утренней зари. Различные народы древности поклонялись ей, какъ божеству. Но разумъ человѣка призналъ въ ней міровое тѣло, подобное нашему жилищу, землѣ; онъ открылъ на ней атмосферу, онъ опредѣлилъ размѣры свѣтила и взвѣсилъ его какъ бы на вѣсахъ.

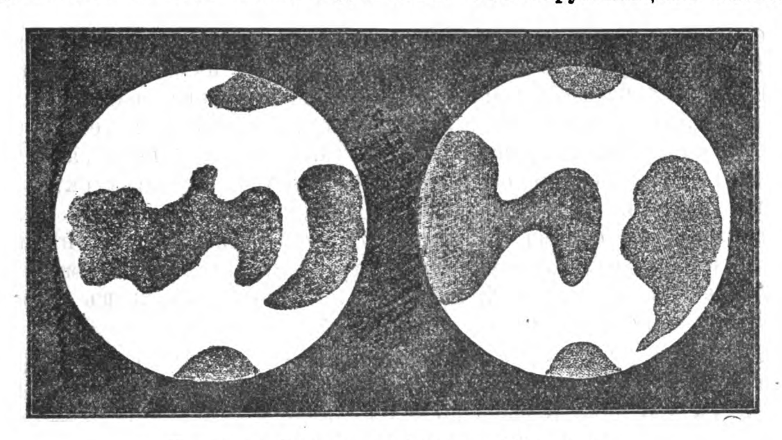
Планета *Венера* во многихъ отношеніяхъ обнаруживаетъ большое сходство съ землей. Величина и масса обѣихъ планетъ почти одинаковы; то же можно сказать о плотности. Высота паденія и длина маятника на поверхностяхъ обоихъ міровыхъ тѣлъ представляютъ лишь незначительную разницу. Солнце изливаетъ на Венеру вдвое больше свѣта, чѣмъ на землю. Сама земля представлялась бы большимъ и блестящимъ свѣтиломъ, еслибъ взгля-

нуть на нее съ ночной стороны Венеры. Она освѣщаетъ тогда поверхность Венеры въ 800 разъ слабѣе, чѣмъ ея собственная ночная сторона освѣщается лучами полнолунія. Продолжительность года на Венерѣ—224,7 земныхъ дня.

Когда планета наиболѣе приближается къ землѣ, мы видимъ только темное, неосвѣщенное полушаріе. Вотъ почему у насъ такъ мало свѣдѣній о физическихъ свойствахъ Венеры. Ея близость къ солнцу также сильно мѣшаетъ наблюденіямъ.

Тѣмъ не менѣе, наблюдатели Боткампской обсерваторіи, пользуясь сильнымъ телескопомъ, получили очень интересные результаты. Они изложены въ слѣдующемъ отрывкѣ:

«На той части Венеры, которая освѣщена солнцемъ, при благопріятныхъ условіяхъ, можно видѣть различные оттѣнки освѣщенія, также свѣтлыя и темныя пятна. Форма и положеніе этихъ пятенъ измѣняются крайне медленно. Большею частью они неясно ограничены и такъ слабо отдѣляются отъ окружающихъ частей

Пятна на Венерѣ, замѣченныя Біанкини.

диска, что даже при полной ясности атмосферы открываются предъ взорами наблюдателя лишь временно. Схватить ихъ очертанія очень трудно. Этимъ отчасти объясняется, почему внѣшній видъ планеты такъ мало измѣняется въ теченіе нѣсколькихъ часовъ и даже сутокъ. При такихъ условіяхъ можно подмѣтить только болѣе крупныя измѣненія.

«Туманныя расплывчатыя очертанія пятенъ и рѣзкая убыль свѣта въ направленіи къ свѣтовой границѣ, особенно замѣтная, когда Венера имѣетъ видъ серпа, — все это приводитъ къ слѣдующему, очень правдоподобному выводу: *планета окружена атмосферою, въ которой плаваетъ очень плотный и толстый слой продуктовъ сгущенія*; просвѣты въ этомъ слоѣ никогда не заходятъ такъ далеко, чтобы обусловить рѣзко ограниченныя пятна на дискѣ Венеры или открыть предъ нашими взорами самую поверхность планеты. Что атмосфера очень плотна,—за это говорятъ также спектрально-аналитическія наблюденія. Спектры Марса, Юпитера, Сатурна, особенно же спектры Урана и Нептуна, обна-

руживаютъ нѣкоторыя своеобразныя полосы; нужно приписать ихъ тому поглощенію, которому подвергается солнечный лучъ, проходя чрезъ атмосферу этихъ планетъ. Напротивъ, спектръ Венеры почти вполнѣ совпадаетъ со спектромъ солнца. Вѣроятно, солнечные лучи проникаютъ въ атмосферу лишь на небольшую глубину, большею же частью отражаются отъ поверхности облачнаго слоя.

«При такихъ условіяхъ представляется *невозможнымъ* — изъ наблюденій надъ пятнами Венеры вывести заключеніе относительно времени вращенія этой планеты и относительно положенія оси вращенія».

Эту невозможность признавали многіе другіе наблюдатели. За весь періодъ, въ теченіе котораго пользовались телескопомъ, въ высшей степени рѣдко удавалось различить на поверхности Венеры сколько-нибудь опредѣленныя темныя или свѣтлыя мѣста. Выводы, полученные прежними наблюдателями относительно времени вращенія Венеры, поразительно отличаются одинъ отъ другого. *Біанкини* полагалъ, что продолжительность вращенія равна 25 днямъ, *Шрётеръ* и за нимъ *Де-Вико* дали совсѣмъ другую величину: 23 часа 21 мин. Существуютъ, наконецъ, изслѣдованія *Скіапарелли.* Они разсѣяли этотъ мракъ: изъ нихъ слѣдуетъ почти несомнѣнный выводъ, что, подобно Меркурію, Венера заканчиваетъ поворотъ около оси какъ разъ въ тотъ промежутокъ, который нуженъ ей для полнаго обращенія вокругъ солнца. Слѣдовательно, на одномъ полушаріи Венеры господствуетъ вѣчный свѣтъ и вѣчный зной, тогда-какъ другое является царствомъ вѣчнаго мрака и холода. Обѣ планеты, наиболѣе близкія къ солнцу, въ этомъ отношеніи рѣзко отличаются отъ земли.

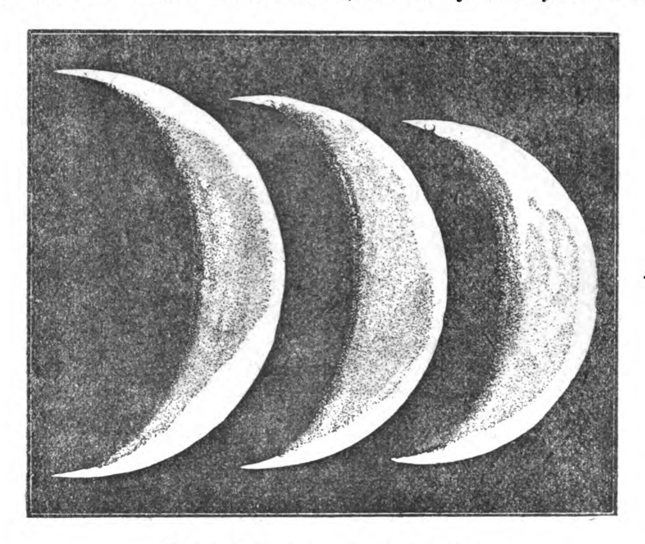
На Венерѣ наблюдалось иногда замѣчательное явленіе: блѣдное мерцаніе на темномъ, не освѣщенномъ полушаріи. За послѣднія 150 лѣтъ это явленіе видѣли, по крайней мѣрѣ, 22 раза,—даже днемъ, даже въ полдень и притомъ въ телескопы средней силы.

Сопоставивъ всѣ данныя, едва-ли придемъ къ выводу, что на Венерѣ могутъ обитать существа, подобныя людямъ. Количество свѣта и теплоты, изливаемыхъ на нее солнцемъ, вдвое больше, чѣмъ на землѣ. Благодаря особенностямъ вращенія, создается противоположность между двумя полушаріями планеты: на одномъ—свѣтъ и зной, на другомъ—тьма и холодъ. Правда, существуетъ пограничная полоса, гдѣ, вслѣдствіе либраціи, солнце то показывается, то скрывается; но и она крайне узка, потому что орбита Венеры имѣетъ почти круговую форму. Блѣдное мерцаніе на темной сторонѣ Венеры, быть можетъ, указываетъ на мощные электрическіе процессы: они могутъ развиваться при сгущеніи водяныхъ паровъ, которые переносятся съ нагрѣтой стороны на холодную. За этимъ предположеніемъ нужно признать извѣстную и притомъ не малую степень вѣроятности; но въ этомъ случаѣ мы должны представлять поверхность Венеры, какъ огромный театръ ужаснѣйшихъ грозъ, которыя могутъ мѣшать развитію высшихъ организмовъ, подобныхъ людямъ. Быть можетъ, на ночной сторонѣ Меркурія происходятъ такіе же процессы; но мы не

въ силахъ разсмотрѣть ихъ съ земли, вслѣдствіе большого разстоянія и малыхъ размѣровь этой планеты.

Обратимся теперь къ верхнимъ планетамъ,—къ тѣмъ, которыя лежатъ за предѣлами земной орбиты. Прежде всего остановимся на *Марсѣ*.

Когда планета Марсъ наиболѣе приближается къ землѣ, разстояніе между ними уменьшается до 7³/₅ милліоновъ миль. Обращенное къ намъ полушаріе планеты залито тогда полнымъ свѣтомъ; мы получаемъ возможность изучать его съ помощью сильныхъ телескоповъ. Вотъ почему поверхность Марса извѣстна лучше, чѣмъ поверхность любой изъ крупныхъ планетъ. Мы созерцаемъ на ней распредѣленіе материковъ и морей; мы сравниваемъ его съ тѣми отношеніями, какія существуютъ на землѣ.

Серпъ Венеры въ разные дни.

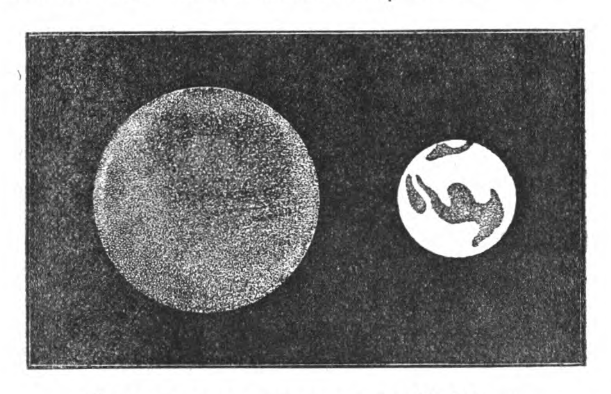
Мы убѣждаемся, что кислородъ и водородъ давно вступили тамъ въ соединеніе, образовавши воду; что полярныя страны покрыты громадными скопленіями льдовъ, бѣлая окраска которыхъ остается совершенно ясною, не смотря на милліоны миль, отдѣляющіе насъ отъ планеты.

Среднее разстояніе между Марсомъ и солнцемъ равно 30.500.000 миль; иногда планета приближается къ солнцу на 27³/₅ милліоновъ миль, иногда удаляется до разстоянія въ 33¹/₃ милліона миль. Слѣдовательно, орбита Марса значительно отличается отъ круга; эксцентрицитетъ ея — 0,09225. Дневной свѣтъ на этой планетѣ значительно слабѣе, чѣмъ на землѣ. Ея поверхность получаетъ отъ солнца въ перигеліѣ 0,52, въ афеліѣ — только 0,36 того количества лучей, какое досталось бы подобной площади на земной поверхности. Если для какой-нибудь точки на поверхности Марса солнце стоитъ въ зенитѣ, оно освѣщаетъ сосѣднія области съ тою степенью яркости, какая получается на землѣ уже при высотѣ

20—25° надъ горизонтомъ. Поэтому человѣкъ, внезапно перенесшійся съ земли на поверхность Марса, немедленно замѣтилъ бы разницу въ силѣ освѣщенія. Особенно бросилась бы она въ глаза въ часы восхода и заката солнца, потому что въ это время дня свѣтъ сильно ослабляется очень плотною атмосферою Марса и кажется крайне слабымъ.

Свой полетъ вокругъ солнца Марсъ заканчиваетъ въ 686 земныхъ дней 22 часа 18 минутъ. Такова продолжительность года на этой планетѣ.

Діаметръ Марса равенъ почти 900 милямъ; стало быть, онъ, приблизительно, вдвое меньше діаметра земли и въ $1^1/_2$ раза больше діаметра Меркурія. Поверхность Марса составляетъ только $^3/_{10}$ земной поверхности; объемъ равенъ $^1/_7$, а средняя плотность—$^7/_{10}$, сравнительно съ объемомъ и плотностью земли.

Сравнительная величина земли и Марса.

Планета вращается вокругъ оси въ направленіи отъ запада къ востоку; оборотъ заканчивается въ 24 часа 37 минутъ 22,6027 секунды. Экваторъ Марса наклоненъ къ плоскости орбиты на 27°16′. Поэтому разница между временами года выражена на Марсѣ сильнѣе, чѣмъ на землѣ. Годъ на Марсѣ тянется 668 дней, причемъ здѣсь имѣются въ виду дни Марса, а не земли. Этотъ промежутокъ распредѣленъ между временами года слѣдующимъ образомъ:

Весна на сѣверномъ полушаріи Марса продолжается 191 день, на южномъ—149 дней;

Лѣто на сѣверномъ полушаріи продолжается 181 день, на южномъ—147 дней;

Осень на сѣверномъ иолушаріи продолжается 149 дней, на южномъ 191 день;

Зима на сѣверномъ полушаріи продолжается 147 дней, на южномъ 181 день.

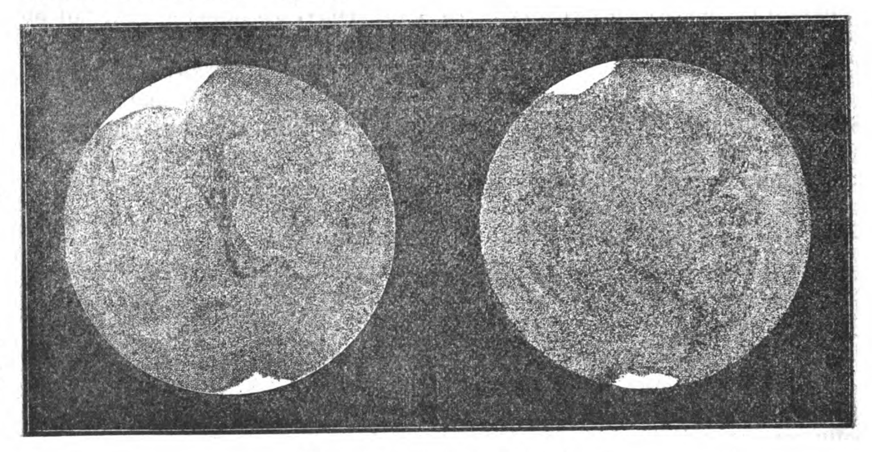
Весна и лѣто вмѣстѣ занимаютъ на сѣверномъ полушаріи Марса 372 дня, на южномъ только 296 дней. Слѣдовательно, осень и зима южнаго полушарія на 76 дней длиннѣе, чѣмъ тѣ же времена года на сѣверномъ полушаріи. Вообще, на южномъ полушаріи Марса

мы встрѣтили бы слѣдующія условія: лѣтнее полугодіе короче зимняго; разстояніе отъ солнца въ это время—наименьшее, и лѣтній зной бываетъ очень сильнымъ; за то зима совпадаетъ съ наибольшимъ удаленіемъ отъ солнца и должна быть очень холодной. На сѣверномъ полушаріи господствуютъ совсѣмъ другія отношенія: продолжительное лѣто съ умѣреннымъ тепломъ и короткая зима съ умѣренными холодами. Можно подумать, что при такихъ обстоятельствахъ крайности будутъ уравновѣшиваться, и оба полушарія будутъ обладать одинаковой годичной температурой. Въ дѣйствительности этого не происходитъ. Южное полушаріе Марса гораздо холоднѣе. На это ясно указываютъ наблюденія надъ скопленіями льдовъ на полюсахъ планеты. Въ 1837 году, въ такое время, когда на южномъ полушаріи Марса была зима, *Медлеръ* и *Бееръ* нашли, что льды южнаго полюса сплошною бѣлою массою тянулись до 55° южной широты. Если бъ полярные льды получили такое же распространеніе на землѣ, они спускались бы отъ сѣвернаго полюса вплоть до береговъ Балтійскаго и Нѣмецкаго морей. Но вотъ на южномъ полушаріи Марса наступаетъ лѣто, начинаются жары, и ледяной покровъ, затянувшій въ теченіе зимы большую часть полушарія, таетъ очень быстро. Тѣ же астрономы нашли, что лѣтомъ граница южныхъ льдовъ отодвигается до 87° южной широты. Отсюда видно, что таяніе льдовъ происходитъ съ замѣчательной быстротой, благодаря чему поглощается значительное количество теплоты; поэтому климатъ южнаго полушарія Марса долженъ быть умѣреннымъ и влажнымъ. На сѣверномъ полушаріи Марса льды никогда не заходятъ такъ далеко, какъ на южномъ. За то въ теченіе лѣта они таютъ менѣе быстро. Поэтому поперечникъ области льдовъ не бываетъ меньше 12—14° или 100 нѣмецкихъ миль.

Въ 1890 году на обсерваторіи Гарварда, въ Калифорніи, были сдѣланы попытки фотографировать поверхность Марса. 9-го и 10-го апрѣля снимки удались превосходно. На обѣихъ фотографіяхъ видимъ однѣ и тѣ же области Марса, такъ какъ въ тѣ моменты, когда были получены снимки, планета была обращена къ землѣ почти одной и той-же стороной. На этихъ изображеніяхъ легко различить темныя пятна, соотвѣтствующія извѣстнымъ морямъ Марса, и бѣлое пятно около южнаго полюса планеты. Замѣчательно, что на фотографіи 10 апрѣля послѣднее значительно крупнѣе, чѣмъ на снимкѣ, сдѣланномъ наканунѣ. Отмѣтимъ еще одно обстоятельство: утромъ 9 апрѣля бѣлое пятно выдѣлялось менѣе рѣзко; можно было подумать, что его покрыло облако или скопленіе мелкихъ полупрозрачныхъ тѣлъ, которыхъ нельзя было различить въ отдѣльности. Напротивъ, 10 апрѣля эта область казалась ярко-блестящей, и полярное пятно простиралось до 30° южной широты. Еслибъ на сѣверномъ полушаріи земли образовался снѣжный покровъ такихъ размѣровъ, онъ занялъ бы всю Европу, Сѣверную Африку, Персію, Китай и Сѣверную Америку вплоть до Мексиканскаго залива. Давно было извѣстно, что на Марсѣ являются иногда обширные ледяные покровы, но быстрое разростаніе пятна въ теченіе какихъ-нибудь 24 часовъ представляется въ высшей степени поразительнымъ. Между тѣмъ оно бросается въ глаза при сличеніи

*

фотографій. Въ данной области Марса было тогда время года, которому на сѣверномъ полушаріи земли соотвѣтствуетъ средина февраля. Какъ объяснить такое измѣненіе размѣровъ пятна? Проще всего предположить выпаденіе снѣга: по всей вѣроятности, когда дѣлали снимокъ 10 апрѣля, на южномъ полушаріи Марса на громадномъ пространствѣ падалъ обильный снѣгъ. Область, покрытая имъ, страшно велика: она занимала около 9 милліоновъ квадратныхъ километровъ. Нужно вспомнить при этомъ, что, по своимъ размѣрамъ, Марсъ значительно уступаетъ землѣ. Отношенія, какія теперь наблюдаются на Марсѣ, могли господствовать на землѣ во время ледниковаго періода.

Полярные льды на Марсѣ.

Уже въ 1858 году *Секки* сдѣлалъ любопытное наблюденіе: когда для одного изъ полюсовъ наступало лѣто, области, которыя раньше казались бѣлыми, пріобрѣтали розовую окраску; въ то же время нѣкоторыя голубоватыя полосы незамѣтно измѣняли свою форму. Самымъ естественнымъ объясненіемъ будетъ слѣдующее: при наступленіи лѣта таютъ массы льда и открывается собственная поверхность Марса, обладающая красноватымъ цвѣтомъ. Весеннее таяніе льдовъ не можетъ не отразиться на атмосферѣ: она переполняется парами, и прозрачность ея становятся значительно меньше, чѣмъ лѣтомъ. Дѣйствительно, уже *Медлеръ* и *Бееръ* замѣтили, что участки суши на Марсѣ видны всего яснѣе именно въ теченіе лѣта.

Новѣйшіе астрономы, благодаря громаднымъ и сильнымъ инструментамъ, наблюдали облака на Марсѣ непосредственно. Иногда эти облака имѣютъ видъ маленькихъ свѣтлыхъ пятенъ, которыя блестятъ немного слабѣе, чѣмъ полосы снѣга. Въ другое время, подобно мрачнымъ тучамъ земной зимы, они простираются на Марсѣ надъ обширными пространствами и скрываютъ отъ нашихъ взоровъ его моря и материки.

Простому глазу планета Марса кажется интенсивно-красною. Когда разсматриваютъ ее въ телескопъ, участки суши принимаютъ

красновато-желтую окраску. Когда пятно, вслѣдствіе вращенія планеты приближается къ ея краю, оно становится все блѣднѣе, все туманнѣе и, наконецъ, исчезаетъ еще прежде, чѣмъ достигнетъ края. Ужъ одного этого обстоятельства довольно, чтобы доказать существованіе плотной атмосферы, окружающей планету. Спектроскопическія изслѣдованія не оставляютъ мѣста никакимъ сомнѣніямъ.

Когда *Гёгинсъ* изслѣдовалъ спектръ Марса при благопріятныхъ атмосферныхъ условіяхъ, онъ открылъ сорокъ черныхъ линій, расположенныхъ по обѣ стороны линіи D. Повидимому, онѣ совпадали съ тѣми полосами, которыя становятся замѣтны въ солнечномъ спектрѣ, когда солнце приближается къ горизонту. Мнѣ кажется, отсюда можно вывести, что атмосфера Марса содержитъ тѣ же газы и пары, какъ наша земная. Затѣмъ *Фогель*, изслѣдовавши атмосферу Марса съ помощью спектроскопа, нашелъ, что составъ ея лишь незначительно отличается отъ состава земной атмосферы, и что она должна быть крайне богата водяными парами. Но красный цвѣтъ планеты нельзя объяснять поглощеніемъ, которому подвергаются лучи въ атмосферѣ Марса: достаточно указать, что свѣтъ, посылаемый къ намъ полярными областями планеты, представляется совершенно бѣлымъ, хотя онъ проходитъ наиболѣе длинный путь среди ея атмосферы. Остается предположить, что поверхность планеты, дѣйствительно, обладаетъ краснымъ цвѣтомъ.

Вообще, эта поверхность существенно отличается отъ земной. До сихъ поръ мы излагали такіе факты, которые дозволяютъ допустить, что на Марсѣ возможны обитатели, подобные людямъ. Но стоитъ вспомнить о результатахъ, полученныхъ *Скіапарелли*, и это предположеніе покажется намъ крайне шаткимъ.

Прошло больше 150 лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ на Марсѣ впервые замѣтили темныя пятна. Ихъ положеніе и общія очертанія не измѣнялись, и потому стали разсматривать ихъ, какъ твердыя части поверхности планеты. Между тѣмъ, сказать, что пятна кажутся всегда совершенно одинаковыми было бы ошибкой: иногда на нихъ отчетливо выступаютъ подробности, которыя въ другое время представляются неясными; иногда передвигаются границы, и, наконецъ, пятна становятся то свѣтлѣе, то темнѣе, смотря по состоянію атмосферы Марса, чрезъ которую мы ихъ наблюдаемъ. «Благодаря такимъ измѣненіямъ,—говоритъ *Скіапарелли*,—изученіе планеты пріобрѣтаетъ особенный интересъ. Ее нельзя представлять сухой, окаменѣлой пустыней. Она живетъ, и развитіе ея жизни проявляется въ очень сложной системѣ явленій, и часть этихъ явленій охватываетъ такія громадныя области, что обитатели земли получаютъ возможность слѣдить за ними. Передъ нами открывается цѣлый міръ новыхъ вещей, которыя способны въ высшей степени возбудить любознательность изслѣдователя. Здѣсь хватитъ работы для многихъ телескоповъ и на много лѣтъ. Въ самомъ дѣлѣ, эти явленія такъ разнообразны и представляютъ такое обиліе подробностей, что только полное и точное изученіе ихъ позволитъ открыть ихъ закономѣрность и приведетъ насъ къ опредѣленнымъ выводамъ относительно причины явленій и физи-

ческихъ свойствъ планеты». Самъ *Скіапарелли* очень много способствовалъ изученію явленій, которыя происходятъ на поверхности Марса. Темныя области онъ считаетъ морями, свѣтлыя—материками или островами. Впрочемъ, по его мнѣнію, необходимо болѣе полное и болѣе точное изученіе фактическихъ данныхъ для того, чтобы рѣшить, въ какой степени такое обозначеніе соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Существуютъ затѣмъ любопытныя области, характеръ которыхъ мѣняется: иногда онѣ кажутся морями, иногда материками, иногда же тѣмъ и другимъ вмѣстѣ. Размѣры такихъ областей, насколько до сихъ поръ извѣстно, не бываютъ особенно большими. Вотъ описаніе *Скіапарелли*: «На этихъ областяхъ можно наблюдать различные оттѣнки окраски; иногда онѣ обнаруживаютъ сходство съ морями, иногда съ материками; такимъ образомъ, онѣ представляютъ рядъ переходовъ отъ первыхъ къ послѣднимъ. Насколько я могъ наблюдать до настоящаго времени, характеръ ихъ не вездѣ одинаковъ. Нѣкоторыя больше похожи на моря, другія—на континенты. Указать границу между такими областями и окружающими материками и морями не всегда удается: переходъ однихъ въ другія, благодаря постепенному измѣненію окраски, часто становится незамѣтнымъ».

На материковыхъ мѣстностяхъ замѣчаются по *Скіапарелли*, медленныя измѣненія, которыя иногда охватываютъ громадныя пространства. Миланскій астрономъ указываетъ, напримѣръ, на большую область, которая лежитъ ниже Mare Sirenum и простирается между 120° и 170° долготы до 40° сѣверной широты. «Съ 1877 до 1879 года вся эта область свѣтилась гораздо сильнѣе, чѣмъ остальныя материковыя мѣстности, особенно въ верхней части, прилегающей къ названному морю. Слѣды темныхъ полосъ казались очень неопредѣленными, и разсмотрѣть ихъ было крайне трудно. Въ 1882 году желтая окраска этой области стала выступать гораздо сильнѣе; явилась возможность различить здѣсь сложную систему темныхъ линій; онѣ были замѣтны также въ 1884 и въ 1886 году, только менѣе ясно. Напротивъ, въ 1888 году эта область снова сдѣлалась свѣтлѣе и бѣлѣе; нужны были большія усилія, чтобы открыть слѣды темныхъ линій, наблюдавшихся при прежнихъ противустояніяхъ планеты. Моря также представляютъ очень замѣтныя измѣненія въ окраскѣ, только эти измѣненія происходятъ медленно и съ большею правильностью. На основаніи моихъ наблюденій, я рѣшаюсь утверждать, что когда, вслѣдствіе суточнаго движенія планеты, какое-нибудь море переходитъ отъ центральнаго меридіана къ положенію болѣе наклонному, окраска его не мѣняется. Этотъ фактъ показываетъ, что поверхности такъ называемыхъ морей въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ отличаются отъ другихъ областей, разсмотрѣнныхъ нами до сихъ поръ; во всякомъ случаѣ, при изслѣдованіи физической природы Марса на нихъ слѣдуетъ обращать особенное вниманіе. Съ другой стороны, установлено не менѣе точно, что въ промежуткѣ отъ одного противустоянія до другого на моряхъ происходятъ очень замѣтныя перемѣны окраски.

Итакъ, несомнѣнно, что состояніе тѣхъ областей, которымъ

присвоено названіе «морей», нельзя считать постояннымъ; быть можетъ, здѣсь происходятъ измѣненія, которыя стоятъ въ связи съ временами года на планетѣ.

Отъ нѣкоторыхъ темныхъ участковъ моря идутъ узкія полосы, которымъ дано названіе *каналовъ*. Легче всего разсмотрѣть тотъ каналъ, который былъ замѣченъ *Шрётеромъ* еще въ прошломъ столѣтіи; *Скіапарелли* назвалъ его *Нилосиртисъ*. Въ настоящее время извѣстно, что сложною сѣтью такихъ каналовъ покрыты всѣ материки Марса; но темныя линіи каналовъ являются обыкновенно настолько тонкими и незамѣтными, что только *Скіапарелли* открылъ ихъ. Этотъ ученый нашелъ далѣе, что всякій каналъ на обоихъ концахъ впадаетъ или въ море, или въ озеро, или въ другой каналъ; иногда же нѣсколько каналовъ сходятся въ одной точкѣ.

Можно указать много мѣстъ, гдѣ три, четыре, даже шесть и семь каналовъ сходятся къ одному участку поверхности. Этотъ последній въ такихъ случаяхъ имѣетъ обыкновенно видъ темнаго пятна.

«Устройство системы каналовъ и ея однообразіе,—продолжаетъ *Скіапарелли*,—представляется настолько страннымъ и поразительнымъ, что невольно является вопросъ: нѣтъ ли простого закона, объясняющаго расположеніе этихъ линій? Пытался же *Эли-де-Бомонъ* создать теорію, объясняющую направленіе крупныхъ горныхъ хребтовъ на поверхности земли. Я держусь мнѣнія, что такая попытка не могла бы въ настоящее время увѣнчаться успѣхомъ».

При нормальныхъ условіяхъ каналъ, по указанію *Скіапарелли*, имѣетъ видъ темной, иногда совершенно черной, рѣзко ограниченной линіи; такъ и кажется, будто кто-то провелъ перомъ черту на желтой поверхности планеты. «Въ этой фазѣ существованія каналы, за немногими исключеніями, имѣютъ совершенно одинаковый видъ по всей своей длинѣ; общій ходъ ихъ правиленъ; лишь изрѣдка, когда мнѣ удавалось отчетливо различать оба края канала, я видѣлъ на нихъ небольшіе изгибы или зубцы. Эта подробность замѣчена мною въ 1879 году у каналовъ Евфрата и Тритона, въ 1888 году у Ганга. Каждый край канала рисуется отчетливо, такъ же отчетливо, какъ границы материковъ и морей. Если сравнивать каналы по ширинѣ, встрѣтимъ большое разнообразіе. Нилосиртисъ достигаетъ ширины 300 километровъ. Многіе другіе каналы кажутся просто линіями безъ замѣтной ширины и, слѣдовательно, едва ли истинная ширина ихъ больше 60 километровъ.

«Съ теченіемъ времени ширина одного и того же канала можетъ измѣняться между очень разнообразными предѣлами: иногда при наилучшихъ атмосферныхъ условіяхъ онъ кажется едва замѣтною нитью; иногда становится широкою черною полосою, которая бросается въ глаза съ перваго взгляда. Прекрасный примѣръ представляетъ исторія развитія канала Симоисъ. Въ сентябрѣ 1877 года онъ былъ невидимъ. Въ октябрѣ казался необыкновенно тонкою линіею. Напротивъ, въ 1879 году онъ сдѣлался чернымъ и настолько широкимъ, что его можно было причислить къ болѣе значительнымъ каналамъ.

«Такимъ же измѣненіямъ подвергался Тритонъ. Въ 1887 году я могъ разсмотрѣть только правую половину этого канала. При

слѣдующемъ противустояніи можно было съ большею или меньшею легкостью прослѣдить его на всемъ протяженіи. Въ маѣ 1888 года онъ былъ необыкновенно широкъ и представлялъ значительный морской проливъ. Крайне любопытно было наблюдать, какъ въ то же время Syrtis Parva сильно расширился на счетъ Ливіи, и эта послѣдняя сильно потемнѣла.

«Какъ объяснить такое совпаденіе? Почему Симоисъ и Тритонъ расширились какъ разъ въ то время, когда громадная сосѣдняя область сдѣлалась темнѣе? Этого нельзя объяснять простою случайностью. Можно предположить, что всѣ вообще каналы планеты подвергаются подобнымъ измѣненіямъ.

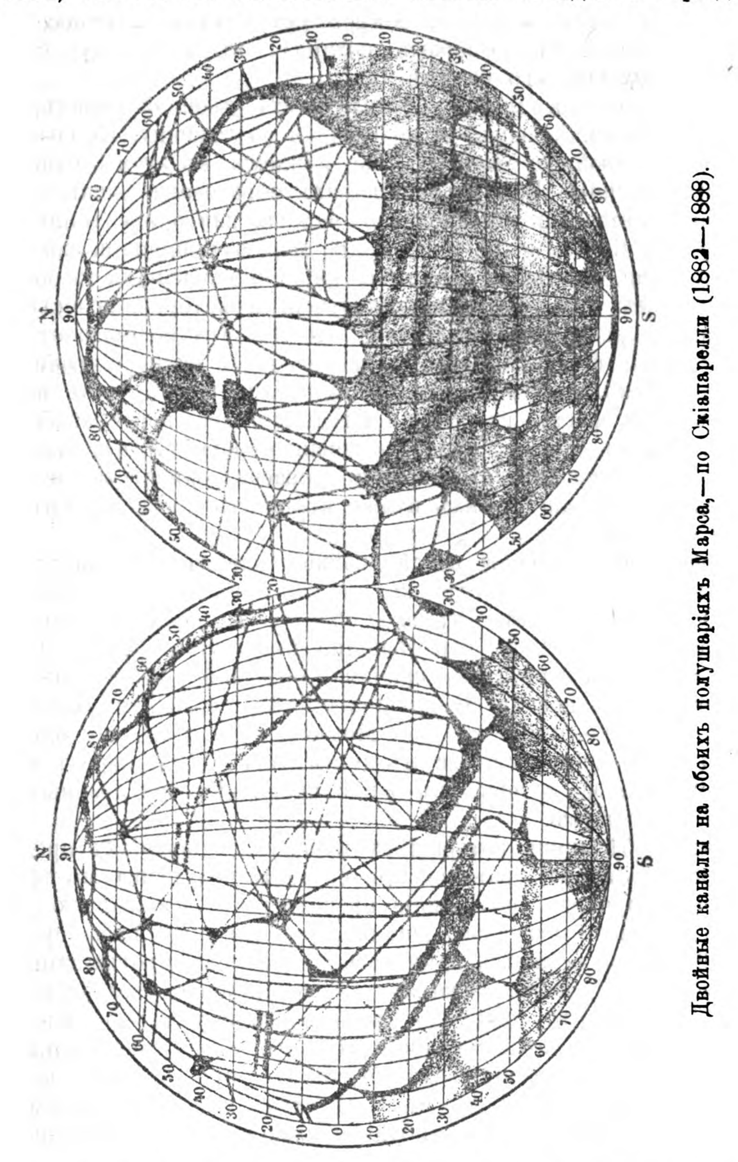
«Такое же событіе во время противустоянія 1884—1886 года произошло въ окрестностяхъ сѣвернаго полюса, только масштабъ былъ больше. Каналы, расположенные вокругъ бѣлаго полярнаго пятна, сдѣлались очень широкими и черными; въ то же время полосы, лежащія между ними, замѣтно потемнѣли. Когда телескопическое изображеніе дѣлалось неяснымъ, всѣ эти подробности сливались: казалось, будто бѣлое пятно окружено сѣроватымъ поясомъ. Возможно, что, благодаря подобному наблюденію, явилась мысль о сѣверномъ полярномъ морѣ, хотя на Марсѣ его нѣтъ».

Уже эти наблюденія *Скіапарелли* крайне любопытны. Когда же онъ открылъ двоеніе каналовъ, мы познакомились съ фактомъ совершенно неожиданнымъ. Передъ нами — явленіе, настолько странное и настолько непонятное, что трудно указать другое подобное.

Вотъ описаніе *Скіапарелли*: «Мы видимъ каналъ обычной формы. Чрезъ нѣсколько дней, — быть можетъ, даже чрезъ нѣсколько часовъ,—вслѣдствіе какого-то превращенія, подробности котораго до сихъ поръ неизвѣстны намъ, онъ вдругъ становится двойнымъ: можно разсмотрѣть, что онъ состоитъ изъ двухъ полосъ, которыя очень сближены, очень схожи по формѣ и тянутся параллельно. Иногда замѣчается различіе въ толщинѣ, но это бываетъ довольно рѣдко. Во многихъ случаяхъ возможно было доказать, что одна изъ этихъ двухъ полосъ занимаетъ мѣсто прежняго одиночнаго канала, или проходитъ очень близко отъ него. Но въ 1888 году мнѣ удалось убѣдиться, что это правило нельзя считать всеобщимъ, что иногда ни тотъ, ни другой изъ новыхъ каналовъ не совпадаетъ съ мѣстомъ прежняго канала... Всякій слѣдъ стараго канала исчезаетъ, чтобы уступить мѣсто двухъ новымъ линіямъ.

«Если сопоставить нѣсколько случаевъ двоенія, разстояніе между обѣими параллельными линіями окажется неодинаковымъ Крайній предѣлъ—10—12°. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, когда двоеніе было медленнымъ и неопредѣленнымъ, это разстояніе увеличивалось до 15°. Часто обѣ составныя линіи настолько сближены, что нѣтъ возможности различить каждую изъ нихъ въ отдѣльности, и только своеобразный видъ данной полосы позволяетъ догадаться, что здѣсь произошло двоеніе. Обыкновенно промежутокъ шире, чѣмъ каждая изъ двухъ линій; впрочемъ, иногда онъ одинаковой ширины съ ними, бываетъ даже уже, особенно, когда сами линіи очень широки».

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ *Скіапарелли* наблюдалъ, какъ двоеніе исчезало: каналъ, который недавно казался двойнымъ, вдругъ дѣлался простымъ, или пропадалъ совершенно. *Скіапарелли* полагаетъ, что все это таинственное явленіе обладаетъ періодиче-

Двойные каналы на обоихъ полушаріяхъ Марса,—по Скіапарелли (1882—1888).

скимъ характеромъ и, вѣроятно, связано съ временами года на Марсѣ: съ наибольшею полнотою оно выражается вскорѣ послѣ весенняго равноденствія и незадолго до осенняго равноденствія; просуществовавши нѣсколько мѣсяцевъ, двойные каналы уменьшаются въ числѣ—обыкновенно около времени сѣвернаго солнце-

стоянія и, наконецъ, ко времени южнаго солнцестоянія исчезаютъ совершенно.

Наблюденія 1890 года показываютъ, что двоеніе темныхъ каналовъ на Марсѣ продолжается, что оно охватило даже болѣе крупные участки моря: на Марсѣ есть круглое темное пятно, которое называютъ «Озеромъ солнца»; въ 1890 году свѣтлая полоса раздѣлила его на двѣ части.

Цвѣтъ обѣихъ линій, составляющихъ двойной каналъ, представляется одинаковымъ—и по силѣ, и по оттѣнку. Но сравнивая различные двойные каналы, мы найдемъ въ этомъ отношеніи большія различія. Если двойной каналъ образованъ очень тонкими линіями, цвѣтъ ихъ обыкновенно черный или очень темный; напротивъ, линіи болѣе широкія рѣдко бываютъ черными или темнокоричневыми, скорѣе онѣ кажутся кирпично-красными съ большею или меньшею примѣсью темныхъ лучей. Нѣкоторыя полосы представлялись настолько блѣдными, что ихъ трудно было отличить отъ желтаго фона планеты, хотя онѣ были очень широки и занимали нѣсколько градусовъ. *Скіапарелли* много разъ видѣлъ, что въ томъ мѣстѣ, гдѣ такая блѣдная полоса пересѣкалась другимъ каналомъ, окраска дѣлалась гораздо сильнѣе. Онъ полагаетъ, что у всѣхъ двойныхъ каналовъ окраска одинакова; если же наблюдаются различія, ихъ нужно приписать измѣненію интенсивности окраски.

Представимъ случай, когда двойной каналъ разсѣкается другимъ каналомъ на два отрѣзка; въ каждомъ двѣ составныхъ линіи. Обѣ линіи даннаго отрѣзка обладаютъ одинаковой толщиной и окраской. За точкой пересѣченія, въ другомъ отрѣзкѣ видъ линій можетъ измѣниться, причемъ обѣ линіи подвергаются совершенно одинаковому превращенію: обѣ становятся свѣтлѣе и шире, или обѣ—темнѣе и уже. Можетъ случиться, что одна изъ узкихъ линій сдѣлается совсѣмъ незамѣтною. Тогда передъ нами—примѣръ канала, который въ одной части кажется двойнымъ, въ другой—простымъ.

Часто обѣ линіи, которыя въ другихъ отношеніяхъ представляются совершенно правильными, окутаны полутѣнью; но въ большинствѣ случаевъ обѣ линіи проведены съ абсолютною, почти геометрическою точностью: ширина, окраска и свойства промежуточной полосы остаются одинаковыми на всемъ протяженіи. Если при изученіи двойныхъ каналовъ ограничимся увеличеніемъ въ 322—650 разъ, то, даже при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ, намъ не удастся открыть ни малѣйшаго слѣда неправильностей: получается впечатлѣніе, какъ будто все проведено съ помощью линейки и циркуля. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда простой каналъ представляетъ какія-нибудь отклоненія отъ совершенно правильной формы, они исчезаютъ, какъ только происходитъ раздвоеніе. Когда на мѣстѣ изогнутаго канала образуется двойной, онъ оказывается совершенно прямымъ. Однимъ словомъ, существуетъ ясно выраженное стремленіе къ полному однообразію и къ устраненію всякихъ неправильностей.

Раздвоеніе каналовъ происходитъ очень быстро. Часто оно

заканчивается въ нѣсколько дней; это установлено съ полной точностью. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ переворотъ совершался въ какіе нибудь 24 часа,—въ теченіе промежутка между двумя послѣдовательными наблюденіями. *Скіапарелли* нашелъ, что процессъ раздвоенія происходитъ одновременно по всей длинѣ канала.

«Довольно часто,—говоритъ онъ,—приходилось наблюдать мнѣ, что обѣ линіи выдѣлялись одновременно изъ сѣрой, болѣе или менѣе плотной облачной массы, растянувшейся въ направленіи канала. Я готовъ думать, что когда происходитъ раздвоеніе, это облачное состояніе является главнымъ фактомъ. Отсюда нельзя выводить, что мы имѣемъ дѣло съ какимъ-то предметомъ, который былъ покрытъ облакомъ и сдѣлался видимымъ послѣ его исчезновенія. Мое мнѣніе такое: то, что представляется здѣсь облакомъ, нельзя считать препятствіемъ, которое мѣшаетъ видѣть предметы, существовавшіе раньше; скорѣе, это—особаго рода матерія, въ которой постепенно обрисовываются формы, не существовавшія раньше. «Чтобы выразить мою мысль яснѣе, я могъ бы сказать такъ: данный процессъ нельзя сравнивать съ постепеннымъ выступаніемъ предметовъ изъ рѣдѣющаго облака; скорѣе можно сравнить его съ движеніями толпы солдатъ, которые раньше были разсѣяны безъ всякой правильности, а потомъ постепенно выстроились рядами и колоннами. Долженъ прибавить здѣсь, что этимъ сравненіемъ я выражаю лишь непосредственное впечатлѣніе, — что на него нельзя смотрѣть, какъ на продуманный выводъ изъ спеціальныхъ наблюденій».

Сопоставимъ теперь всѣ изложенные факты, примемъ во вниманіе всѣ новѣйшія изслѣдованія относительно поверхности планеты Марса и поставимъ вопросъ: можетъ ли такая планета быть жилищемъ человѣка? Мнѣ кажется, отвѣтъ не можетъ быть утвердительнымъ. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что на этомъ міровомъ тѣлѣ до сихъ поръ совершаются грандіознѣйшіе перевороты, которые мы должны считать катастрофами. Неужели это выраженіе могло бы показаться преувеличеннымъ, если бы на землѣ такое море, какъ Красное, внезапно раздвоилось, или если бы рядомъ съ Женевскимъ или Боденскимъ озеромъ почти въ одну ночь произошло другое озеро такой же величины? Или если бы участокъ земной поверхности, величиною со Среднюю Европу, въ короткій срокъ былъ затопленъ волнами моря? Вспомнимъ затѣмъ, что массы полярныхъ льдовъ ежегодно надвигаются до 50° и даже до 40° широты, что всѣ континенты ежегодно исчезаютъ подъ снѣжнымъ покровомъ и что весеннее таяніе снѣговъ неизбѣжно сопровождается наводненіями. Ясно, что такое состояніе планеты могло бы оказаться опаснымъ для существованія рода человѣческаго. Мы полагаемъ поэтому, что Марсъ былъ бы очень неудобнымъ жилищемъ для существъ, подобныхъ людямъ.

За предѣлами орбиты Марса мы встрѣтимъ большую толпу *планетоидовъ* или малыхъ планетъ. Орбиты ихъ перепутаны и наклонены одна къ другой. Всѣ онѣ расположены въ предѣлахъ пояса, ширина котораго на 9 милліоновъ миль больше, чѣмъ разстояніе планеты Марса отъ солнца. Любопытно положеніе, которое эти

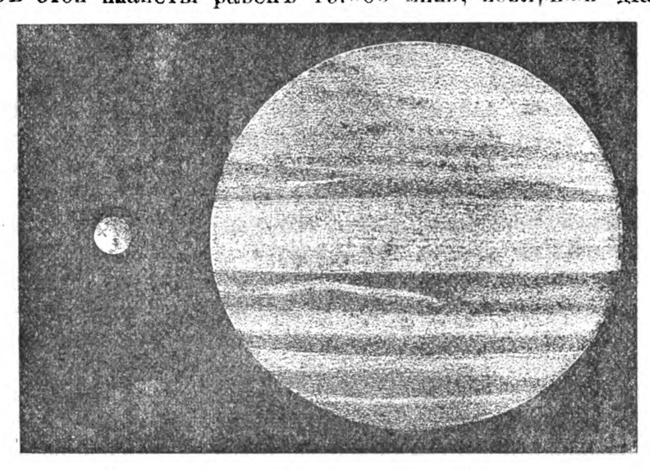
крошечныя планеты занимаютъ въ солнечной системѣ. Ихъ орбиты сильно отклоняются отъ круга и значительно наклонены относительно плоскости земной орбиты; при этомъ онѣ пересѣкаютъ одна другую, такъ что еслибъ мы изготовили модель всей системы, и передвинули одно изъ этихъ колецъ, изобразивши орбиты въ видѣ колецъ, мы сдвинули бы съ мѣста всю группу. Какъ объяснить происхожденіе этихъ міровыхъ тѣлъ и ихъ удивительныхъ орбитъ? Исторія развитія была у нихъ нѣсколько иная, чѣмъ у остальныхъ планетъ. Согласно съ гипотезой Канта-Лапласа, можно представлять ее въ такомъ видѣ: сначала отъ первичной массы отдѣлилось туманное кольцо; оно занимало какъ разъ ту область, гдѣ теперь расположенъ поясъ планетоидовъ. Притяженіе громаднаго Юпитера заставило его распасться на множество отдѣльныхъ кусковъ; такъ произошли планетоиды. Извѣстно, что вскорѣ послѣ открытія первыхъ малыхъ планетъ *Ольберсъ* высказалъ смѣлую гипотезу, что эти міровыя тѣла являются обломками громадной исчезнувшей планеты; какая-то ужасная катастрофа разбила ее на множество частей, и теперь онѣ описываютъ орбиты въ качествѣ отдѣльныхъ планетъ. Возможна ли, вообще, такая катастрофа? Я не рѣшаюсь дать отвѣтъ вполнѣ опредѣленный; замѣчу только, что подобная катастрофа, во всякомъ случаѣ, представляется крайне невѣроятной. Трудно допустить, чтобы планету могли разорвать на куски внутреннія силы—вулканическія или плутоническія. Математическое изслѣдованіе вопроса о происхожденіи астероидовъ было сдѣлано *Симономъ Ньюкомбомъ*. Оно также приводитъ къ выводу, что нельзя приписывать астероидамъ такого общаго происхожденія, на которое указываетъ гипотеза *Ольберса*.

Размѣры астероидовъ крайне малы. Это обстоятельство сильно мѣшало изучить ихъ поверхность. Даже величину этихъ крошечныхъ планетъ нельзя опредѣлить прямымъ измѣреніемъ. *Гершелю* и *Шрётеру* показалось сначала, что они видятъ туманныя оболочки, окружающія отдѣльные планетоиды; они вывели, что на этихъ тѣлахъ существуетъ атмосфера больше 100 миль вышиною. Но потомъ это наблюденіе было признано оптической ошибкой. До сихъ поръ, разсуждая объ истинной величинѣ планетоидовъ, приходилось руководиться исключительно фотометрическими опредѣленіями. Этимъ путемъ я получилъ слѣдующія данныя: діаметръ самаго большого астероида, именно Цереры, равенъ 46 милямъ; діаметръ Весты—43 милямъ. Послѣдняя цифра довольно близко сходится съ выводомъ *Медлера*, который на основаніи прямыхъ измѣреній, конечно, крайне неточныхъ, принялъ для діаметра Весты величину въ 66 миль. Самые мелкіе планетоиды обладаютъ діаметромъ отъ 4 до 5 миль Такъ, вся поверхность планетоида Аталанты меньше 80 географическихъ квадратныхъ миль. Курьерскій поѣздъ, который дѣлаетъ 10 нѣмецкихъ миль въ часъ, пронесся бы кругомъ этой планеты въ $1^3/_4$ часа. Пѣшеходъ, употребляя на ходьбу 8 часовъ въ сутки, закончилъ бы на ней кругосвѣтное путешествіе черезъ 4 дня. Вся поверхность Аталанты въ 5 тысячъ разъ меньше той площади, которую занимаетъ Россійская имперія; объемъ же ея въ

40 милліоновъ разъ меньше объема земли. Какимъ тѣснымъ жилищемъ оказалась бы эта крошечная планета, еслибъ мы допустили, что она населена людьми!

Немыслимо, однако, чтобы на такихъ маленькихъ планетахъ могла развиться органическая жизнь. Ихъ размѣры и масса такъ ничтожны, что атмосфера ихъ была бы страшно рѣдкою, если бы даже онѣ обладали ею; затѣмъ, поверхность ихъ должна бы охладиться гораздо ниже точки замерзанія воды. Но даже такой атмосферы до сихъ поръ не обнаружено на нихъ. Вотъ почему необходимо предположить, что эти мелкія планеты совершенно лишены органической жизни, что это—мертвыя каменныя массы, летающія вокругъ солнца.

За астероидами описываетъ круги исполинскій *Юпитеръ*. Среднее разстояніе его отъ солнца—104 милліона миль. Время обращенія—11 лѣтъ 314 дней 20 часовъ 2 минуты. Экваторіальный діаметръ этой планеты равенъ 19.000 миль; полярный діаметръ,

Сравнительная величина земли и Юпитера.

или ось вращенія—17.900 миль; сплюснутость—$^1/_{16}$. Такая громадная сплюснутость гармонируетъ съ быстротою вращенія, потому что исполинскій шаръ Юпитера заканчиваетъ оборотъ около оси въ изумительно короткое время: 9 часовъ $55^1/_2$ минутъ. Поэтому каждая точка экватора въ теченіе секунды описываетъ вслѣдствіе вращенія дугу длиною въ 38.000 парижскихъ футовъ. Почти то же разстояніе дѣлаетъ въ секунду вся планета, подвигаясь по своей орбитѣ вокругъ солнца.

По своему объему, Юпитеръ въ 1.270 разъ больше земли; по массѣ же только въ 309 разъ тяжелѣе. Слѣдовательно, средняя плотность его составляетъ $^1/_4$ плотности земли, и только въ $1^1/_2$ раза превосходитъ плотность чистой воды. Вспомнимъ теперь, что плотность планетъ быстро возрастаетъ съ приближеніемъ къ центру. Ясно, что плотность веществъ, составляющихъ поверхность Юпитера, ни въ какомъ случаѣ не можетъ превосходить плотности воды. Слѣдовательно, эта поверхность покрыта легкимъ

жидкимъ веществомъ, природа котораго не опредѣлена съ точностью. Этотъ фактъ имѣетъ громадное значеніе для всѣхъ теорій и умозрѣній относительно состоянія данной планеты. Онъ показываетъ, что на Юпитерѣ господствуютъ совсѣмъ иныя условія, чѣмъ на нашей землѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, достаточно вооружиться сильнымъ телескопомъ и бросить взглядъ на планету, чтобы замѣтить, что дискъ ея представляетъ картину вполнѣ своеобразную. Мы видимъ полосы, болѣе или менѣе параллельныя экватору. Въ такомъ расположеніи обнаруживается ихъ облачная или парообразная природа. На нихъ замѣтны темныя пятна, которыя позволяютъ намъ судить о продолжительности вращенія планеты; мы уже говорили, что оно заканчивается въ 9 часовъ $55^1/_2$ минутъ. Средняя продолжительность дня на Юпитерѣ—4 часа 58 минутъ. Подъ 60° сѣверной или южной широты самый долгій день равенъ 5 часамъ 15 минутамъ, и только на 87° широты можно видѣть полуночное солнце.

Всѣ образованія, которыя наблюдаются на поверхности Юпитера, не долговѣчны. Поэтому, нѣтъ возможности составить для него карту, какъ это сдѣлано для Марса, или для луны. Въ различные годы видъ Юпитера мѣняется настолько сильно, что невольно является мысль о бурныхъ переворотахъ, которые совершаются на его поверхности и, по всей вѣроятности, подчинены опредѣленнымъ періодамъ. Вотъ что говоритъ *Лозе* о наблюденіяхъ, сдѣланныхъ имъ въ 1871 году.

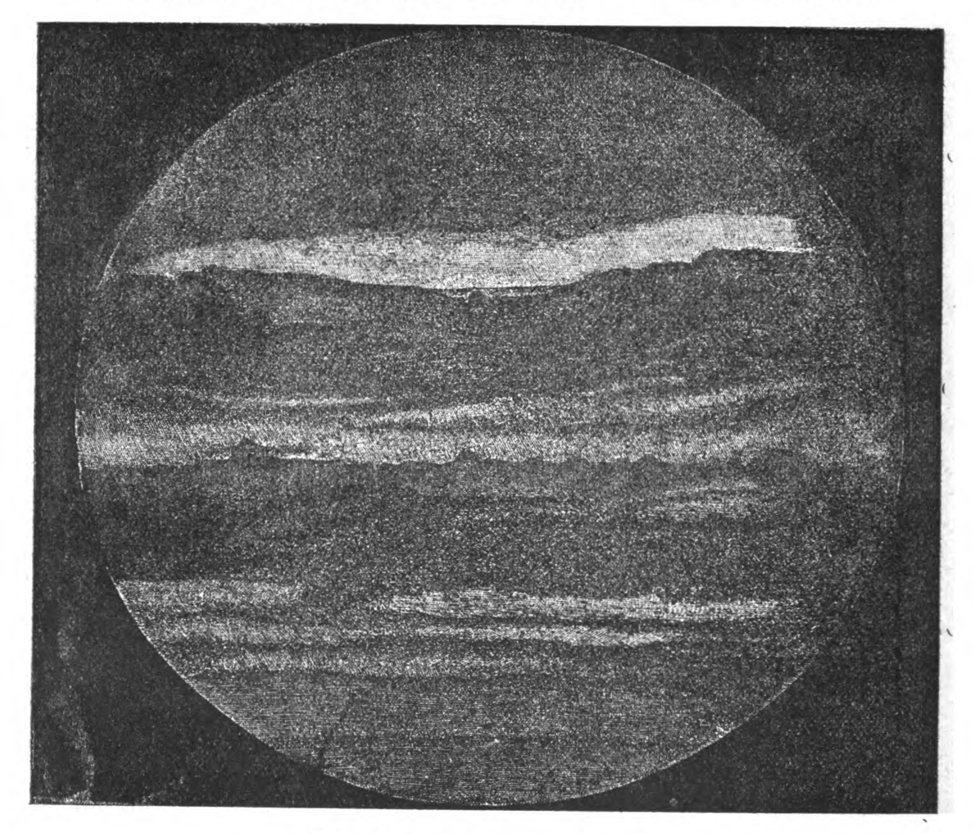
«Первое, что бросилось въ глаза при взглядѣ на планету, блестѣвшую желтоватымъ свѣтомъ,—это была широкая темная полоса, занимавшая область экватора. Будемъ называть ее «экваторіальною полосою». Опредѣлить ея окраску было трудно. Другіе наблюдатели давали всевозможныя опредѣленія; каждое изъ нихъ заключаетъ долю истины, и только всѣ вмѣстѣ могутъ они сообщить правильное представленіе объ окраскѣ данной полосы, которая вообще является крайне слабою и нѣжною. Вотъ какіе цвѣта приписывали этой полосѣ: желтовато-красный, сѣровато-коричневый, красноватый, желтоватый, охристо-желтый, красно-бурый, красновато-коричневый и мѣдно-красный. Если судить по старымъ наблюденіямъ, этой окраски раньше не было; точно также экваторіальная область описывается, какъ самое свѣтлое мѣсто на поверхности планеты. Ширина экваторіальной полосы оказалось измѣнчивой; на это ясно указывали произведенныя измѣренія. На срединѣ полосы она равнялась $^1/_6$ полярнаго діаметра. Обыкновенно эта темная, слегка красноватая полоса была покрыта рядомъ бѣлыхъ пятенъ; они вытягивались въ линію вдоль ея южнаго края. Въ здѣшній телескопъ можно было отчетливо различить, что это—образованія облачнаго характера. Форма и величина ихъ были крайне разнообразны. Длина наиболѣе крупныхъ облаковъ колебалась между 2.500 и 3.000 географическихъ миль. Слѣдовательно, они представляли громадный объемъ. Ихъ яркость измѣнялась такъ сильно, что иногда нужно было дѣлать усиліе, чтобы различить ихъ, иногда же они блестѣли ослѣпительнымъ свѣтомъ. Обык-

новенно самыми свѣтлыми казались облака, расположенныя по срединѣ диска; но случалось и такъ, что облака, лежащія въ сторонѣ, блестѣли сильнѣе среднихъ. Въ одномъ изъ такихъ случаевъ можно было убѣдиться, что эти облака плаваютъ на различной высотѣ. Поэтому, свѣтъ ихъ, проходя чрезъ атмосферу планеты, ослабляется то меньше, то больше. Кромѣ того ряда облаковъ, который вытянулся вдоль южной окраины экваторіальной полосы, можно было наблюдать на ней другія облака: яркость ихъ была меньше, число ихъ постоянно измѣнялось; но иногда ихъ являлось такъ много, что покрытая ими полоса мало отличалась отъ свѣтлыхъ частей диска. Границы экваторіальной полосы на сѣверѣ и на югѣ иногда выдѣлялись рѣзко и казались нѣсколько темнѣе остальныхъ частей полосы, иногда становились неясными. Наибольшей отчетливости онѣ достигали на срединѣ планетнаго диска, между тѣмъ какъ у краевъ его онѣ дѣлались почти незамѣтными. Любопытно, что ту же особенность обнаруживаютъ всѣ другія полосы, выступающія на планетѣ. Отсюда видно, что она окружена очень высокою и сильно поглощающею атмосферою. Какое положеніе занимаетъ эта экваторіальная полоса? Измѣренія показали слѣдующее: если провести по длинѣ ея линію, которая раздѣлитъ ее на двѣ половины, эта линія не пройдетъ черезъ центръ диска; она будетъ сдвинута нѣсколько къ югу. Отклоненіе становится иногда столь значительнымъ, что едва ли можно объяснять его наклоненіемъ оси Юпитера относительно линіи зрѣнія».

Лозе продолжалъ свои наблюденія надъ Юпитеромъ. Въ 1881 году онъ пришелъ къ убѣжденію, что можно говорить только объ одной широкой экваторіальной полосѣ, которая простирается почти на одинаковое разстояніе къ сѣверу и къ югу отъ экватора. Сѣверная и южная границы выдѣлялись, благодаря особенно интенсивной окраскѣ. По срединѣ же между ними наблюдались ряды облаковъ, которые мѣстами скрывали красноватый тонъ, свойственный всей полосѣ. Другіе наблюдатели представляли эти отношенія нѣсколько иначе: они признавали существованіе двухъ отдѣльныхъ экваторіальныхъ полосъ,—сѣверной и южной,—и считали ихъ, наравнѣ къ прочими полосами планеты, временнымъ образованіемъ. «Я никогда не раздѣлялъ этого представленія,—продолжаетъ *Лозе*,—когда я примѣнялъ сильные инструменты, экваторіальный поясъ представлялся мнѣ единымъ образованіемъ значительной прочности. Въ пользу этого мнѣнія говорятъ также фотографіи, снятыя съ планеты, такъ какъ химическое дѣйствіе свѣта, идущаго отъ экваторіальной полосы, существенно отличается отъ дѣйствія прочихъ частей диска. Можно указать затѣмъ на страшную быстроту вращенія и привести физическія основанія въ пользу моего представленія. Вообще, признавши существованіе единаго обособленнаго экваторіальнаго пояса, мы можемъ съ большей полнотой и точностью описать процессы, которые происходятъ на экваторѣ».

Если разсмотримъ рисунки, сдѣланные *Лозе* въ промежутокъ 1870—1881 года, не останется никакого сомнѣнія въ томъ, что Юпитеръ казался тогда опоясаннымъ одной широкой темной полосою, которая тянулась вдоль экватора и представляла на сре-

динѣ ряды свѣтлыхъ облаковъ. Но очевидно, что это было временное состояніе; теперь нельзя уже видѣть этой картины. По крайней мѣрѣ, осенью 1890 года я наблюдалъ на Юпитерѣ двѣ темныхъ полосы. Сѣверная была темнѣе и представляла красновато-коричневую окраску. Ниже ея, къ сѣверу лежалъ наиболѣе свѣтлый поясъ планеты; между тѣмъ экваторіальный поясъ казался ничуть не свѣтлѣе, чѣмъ большинство другихъ свѣтлыхъ частей планеты. Мое мнѣніе такое: въ экваторіальной области Юпитера въ теченіе періода, обнимающаго много лѣтъ, происхо-

Полосы на поверхности Юпитера.

дитъ правильное измѣненіе; бываютъ годы, когда планету охватываетъ одинъ широкій темный поясъ, покрытый свѣтлыми облаками; бываютъ другіе годы, когда по диску протягиваются двѣ узкихъ главныхъ полосы, которыя удалены на довольно большое разстояніе къ сѣверу и къ югу отъ экватора.

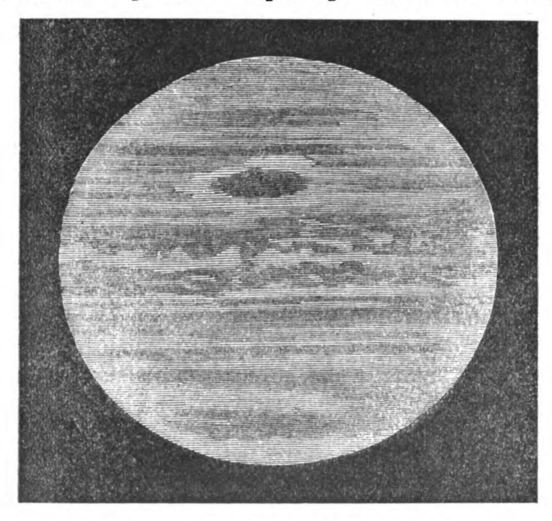
Подобный взглядъ выраженъ также *Lamey* еще въ 1887 году. Онъ представляетъ эту періодичность слѣдующимъ образомъ. Пятна Юпитера указываютъ на періодъ въ $5^2/_3$ года, подробно тому, какъ солнечныя пятна обнаруживаютъ періодъ въ $11^1/_3$ года. Незадолго до главнаго максимума полосы лежатъ вдоль экватора Юпи-

тера, плотно прилегая одна къ другой; затѣмъ онѣ расходятся и удаляются одна отъ другой, и одновременно между ними выступаютъ узкія полосы. Обѣ главныхъ полосы продолжаютъ свое движеніе по направленію къ высокимъ широтамъ; наконецъ, полоса южнаго полушарія, обыкновенно менѣе обособленная, начинаетъ блѣднѣть и исчезать. Затѣмъ полосы образуются снова, сходятся на экваторѣ и начинають новый циклъ. Послѣднее соединеніе на экваторѣ, по мнѣнію *Lamey*, достигло максимума въ концѣ марта 1885 года. Согласно съ его теоріей, новое соединеніе обѣихъ полосъ на экваторѣ должно было послѣдовать въ 1890 году. Вмѣсто того, наблюденія показали, что въ этомъ году обѣ сѣрыхъ полосы были раздѣлены значительнымъ промежуткомъ. По моему мнѣнію, періодъ — гораздо длиннѣе, длиннѣе даже, чѣмъ періодъ солнечныхъ пятенъ. Чтобы выяснить этотъ вопросъ, необходимо наблюдать Юпитера въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій, постоянно дѣлая снимки съ его поверхности.

Особенно любопытно появленіе яйцеобразныхъ свѣтлыхъ облаковъ на экваторіальной полосѣ Юпитера. Эти образованія не были замѣчены прежними наблюдателями, очевидно, потому, что инструменты ихъ не обладали достаточной силой. Впервые они отмѣчены на рисункѣ *Груитуйзена*, сдѣланномъ 12 февраля 1838 года; затѣмъ ихъ наблюдали *Лассель* и *Даусъ* въ 1850 и 1851 году. Но только *Лозе* изслѣдовалъ и нарисовалъ ихъ съ полной точностью. Послѣдній замѣчаетъ, что они появляются особенно обильно какъ разъ во время максимума солнечныхъ пятенъ. Этотъ выводъ согласуется съ болѣе раннимъ наблюденіемъ *Груитуйзена*. Когда образуются яйцеобразныя свѣтлыя облака, полосы обнаруживаютъ наиболѣе яркую окраску, хотя ее можно различить и въ другое время. Я нашелъ, что онѣ рисуются особенно ясно, когда изслѣдуютъ Юпитера днемъ и примѣняютъ слабое увеличеніе. Тогда можно различить не только красновато-коричневую окраску, но также зеленоватые и голубоватые пояса на планетѣ.

Въ срединѣ 1878 года на южномъ полушаріи Юпитера явилось громадное пятно красновато-коричневаго цвѣта. Въ теченіе многихъ лѣтъ оно сохраняло яркую окраску. По наблюденіямъ *Шмидта*, въ первое время своего существованія, отъ іюля до ноября 1879 года, пятно нѣсколько разъ измѣняло свою длину, обнаруживая періодъ въ 51 день; послѣ этого размѣры его оставались постоянными. Наблюдая это пятно отъ ноября 1879 года до сентября 1880 года, *Шмидтъ* нашелъ, что вращеніе планеты совершается въ 9 часовъ 55 минутъ 34 секунды. Этотъ выводъ близко сходится съ данными *Медлера* (1835). Наблюденія *Лозе*, продолжавшіяся гораздо дольше, показываютъ, что въ промежутокъ отъ 1878 до 1881 года положеніе краснаго пятна немного измѣнялось: оказывается, что продолжительность вращенія пятна въ 1881 году была на 4 секунды больше, чѣмъ въ 1879—1880 году. Уже со временъ *Кассини* извѣстно, что темныя пятна на Юпитерѣ въ разное время представляютъ различную продолжительность вращенія. Такъ какъ оборотъ самой планеты около оси заканчивается всегда въ одинъ и тотъ же промежутокъ времени, ясно, что темныя пятна обла-

даютъ собственнымъ движеніемъ. Это значитъ: они перемѣщаются, благодаря вихрямъ въ атмосферѣ Юпитера. Особенно замѣтно это собственное движеніе у свѣтлыхъ пятенъ. Въ 1880 году *Шмидтъ* наблюдалъ подобное пятно, пролетавшее 124 метра въ секунду въ направленіи отъ запада къ востоку. Слѣдовательно, оно двигалось гораздо быстрѣе самыхъ сильныхъ ураганов. *Лозе* наблюдалъ то же самое свѣтлое облако въ теченіе 1880—1881 гг. Вычисленіе показало, что оно заканчивало вращеніе въ 9 часовъ 50 минутъ, слѣдовательно, на 5—6 минутъ быстрѣе планеты. Итакъ, оно неслось по направленію къ востоку съ быстротою 124 метровъ въ секунду. Получается полное согласіе къ данными *Шмидта*. Мы видимъ, что въ экваторіальномъ поясѣ Юпитера въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ наблюдался большой предметъ обычнаго характера, который вращался гораздо быстрѣе краснаго пятна. Замѣчательно,

Пятна на поверхности Юпитера.

что еще *Кассини* въ 1692 году и позднѣе *Шретеръ* въ 1787 году видѣли въ экваторіальной области Юпитера такія свѣтлыя облака, которыя дѣлали оборотъ вокругъ оси планеты въ 9 час. 50 мин. или въ 9 часовъ 51 минуту. Вспомнимъ, что наблюденія надъ темными пятнами, расположенными въ болѣе высокихъ широтахъ, указываютъ на нѣсколько иной періодъ вращенія: 9 часовъ 55½ мин. Лозе обращаетъ особенное вниманіе на это обстоятельство и указываетъ, что первая величина, полученная изъ наблюденій надъ экваторіальными облаками, быть можетъ, точнѣе соотвѣтствуетъ истинной продолжительности вращенія Юпитера. Чтобы лучше разобраться рвъ этомъ вопросѣ, важн oзнать, случайно ли красное пятно покрыто бѣлыми облаками, или дѣйствительно оно лежитъ на бóльшей глубинѣ. Наблюденій, относящихся къ этому вопросу, крайне мало. Мнѣ извѣстно только наблюденіе *Юнга*, сдѣланное съ помощью большого рефрактора въ Princeton'Ѣ: красный цвѣтъ пятна былъ замѣтенъ только на краю его; средина же, напротивъ, ка-

залась свѣтлою, какъ будто ее покрывало бѣлое облако. Въ другомъ случаѣ опытный наблюдатель, разсматривавшій Юпитера въ превосходный пятидюймовый рефракторъ, ясно видѣлъ, какъ бѣлое облако покрывало въ одномъ мѣстѣ красновато-коричневую полосу южнаго полушарія, какъ бы внѣдряясь въ нее.

Слѣдовательно, свѣтлыя облака расположены выше, чѣмъ полосы и, вѣроятно, выше, чѣмъ красное пятно. Послѣднее, въ свою очередь, лежитъ выше, чѣмъ темныя пятна, которыя иногда виднѣются на облакахъ. Дѣйствительно, 20 іюля 1890 года *Стэнли Вильямсъ* видѣлъ, что красное облако лежитъ надъ темнымъ пятномъ.

Все это факты очень важные; ихъ должна принять во вниманіе всякая гипотеза относительно свойствъ поверхности Юпитера. Я допускаю, что бѣлыя экваторіальныя облака плаваютъ въ атмосферѣ Юпитера выше всѣхъ другихъ образованій. Но если такъ, нельзя принимать, что ихъ вращеніе совпадаетъ съ истинной продолжительностью вращенія всей планеты; скорѣе придется приписать имъ собственное движеніе, которое совершается съ громадною скоростью—больше 100 метровъ въ секунду. Такая скорость показываетъ, что состояніе атмосферы ва Юпитерѣ совсѣмъ иное, чѣмъ у насъ на землѣ. Впрочемъ, согласно съ послѣдними сообщеніями *O. Jesse*, въ высшихъ областяхъ земной атмосферы, на высотѣ 10 миль надъ поверхностью существуютъ воздушныя теченія, которыя обладаютъ такою же и даже еще бо́льшею скоростью. Конечно, отсюда нельзя выводить, что состояніе поверхности и даже свойства глубокихъ слоевъ атмосферы на Юпитерѣ тѣ же, какъ на землѣ. Скорѣе можно считать ихъ противоположными. Замѣчательно, что край Юпитера никогда не рисуется съ тою рѣзкостью, какая соотвѣтствуетъ силѣ даннаго инструмента. Мнѣ удалось установить этотъ фактъ, благодаря многочисленнымъ наблюденіямъ. Онъ былъ подтвержденъ затѣмъ наблюденіями *Раньяра*: слѣдя за покрытіями спутниковъ Юпитера, этотъ ученый нашелъ, что край Юпитера никогда не рисуется отчетливо, что онъ отчасти прозраченъ, и вдоль него разсѣяны области, которыя кажутся болѣе темными.

Къ какому выводу приводятъ эти и подобныя наблюденія? Къ тому, что видимый намъ край Юпитера состоитъ изъ матеріи, которую можно сравнить съ плотными массами облаковъ. Имѣется ли подъ ними твердое ядро, мы не можемъ судить объ этомъ. Во всякомъ случаѣ, спектроскопическія изслѣдованія показываютъ, что Юпитеръ окруженъ плотною атмосферою, такъ какъ темныя линіи поглощенія представляются усиленными и очень широкими. Существованіе водяныхъ паровъ въ этой атмосферѣ нужно считать крайне вѣроятнымъ. При этомъ, по фотометрическимъ измѣреніямъ, Юпитеръ излучаетъ слишкомъ много свѣта, какъ будто вся поверхность его состоитъ изъ совершенно бѣлой бумаги. *Цельнеръ* первый вывелъ отсюда заключеніе, что Юпитеръ обладаетъ собственнымъ свѣтомъ, и этотъ выводъ все полнѣе и полнѣе подтверждается новѣйшими наблюденіями. *Лозе* также держится мнѣнія, что въ этой планетѣ скрыты громадныя количе-

ства теплоты, что на ней всего удобнѣе изучать ту фазу развитія міровыхъ тѣлъ, которая приходится между періодомъ охлажденія, въ какомъ находится земля, и періодомъ самосвѣтящагося тѣла, подобнаго солнцу; только Юпитеръ гораздо ближе къ стадіи земли, чѣмъ къ стадіи солнца. Профессоръ *Hough* въ Чикаго, который въ теченіе многихъ лѣтъ изучалъ Юпитера съ помощью большого телескопа, указываетъ, что физическія свойства Юпитера до сихъ поръ не выяснены, что это—тайна для насъ. Всетаки онъ полагаетъ, что изученныя явленія лучше всего объясняются слѣдующей гипотезой. Поверхность планеты покрыта жидкою, раскаленною почти до-бѣла массою. Полосы, большое красное пятно и другія темныя пятна состоятъ изъ вещества болѣе низкой температуры. Яйцеобразныя полярныя бѣлыя пятна это—отверстія въ полужидкой корѣ. Эта гипотеза могла бы дать отчетъ въ медленныхъ и постепенныхъ измѣненіяхъ, какія происходятъ на поверхности и какія кажутся несовмѣстимыми съ простой атмосферной теоріей. Надъ жидкой поверхностью простирается атмосфера, въ которой образуются экваторіальныя бѣлыя пятна; ихъ нужно считать облаками. Какимъ же образомъ произошло большое красное облако? Вѣроятно, ему дало начало мощное изверженіе, во время котораго изъ нѣдръ планеты были выброшены въ атмосферу раскаленныя массы. Первоначально онѣ обладали высшею степенью жара и находились въ парообразномъ состояніи, затѣмъ охладились до краснаго каленія и вслѣдствіе своего удѣльнаго вѣса опустились въ болѣе глубокія области атмосферы. Бѣлыя облака, которыя висятъ преимущественно надъ экваторіальнымъ поясомъ планеты, соотвѣтствуютъ массамъ болѣе легкихъ газовъ и паровъ; выброшенныя въ болѣе высокія области атмосферы, эти массы циркулируютъ тамъ съ большою скоростью. Эти бѣлыя яйцеобразныя облака появляются преимущественно въ опредѣленные годы. Быть можетъ, этотъ фактъ указываетъ на періодическую дѣятельность коры. Во всякомъ случаѣ, на поверхности Юпитера господствуютъ состоянія, которыя сильно отличаются отъ земныхъ условій. Поэтому считать Юпитера жилищемъ созданій, подобныхъ людямъ, это значило бы пренебрегать самыми точными данными науки.

Прошли милліоны лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ возникло это исполинское тѣло, и до сихъ поръ на немъ нѣтъ органической жизни. Между тѣмъ, болѣе юная земля давно уже населена живыми существами, и высшее изъ нихъ, человѣкъ, успѣло достигнуть той степени развитія, которое позволяетъ ему изслѣдовать прошлое и будущее мірового организма.

Мы достигли теперь планеты *Сатурна*. Свой полетъ вокругъ солнца онъ заканчиваетъ въ 29 лѣтъ 166 дней 5 часовъ $16^1/_2$ минутъ; поэтому греки называли его «медлительной» планетой. Среднее разстояніе его отъ солнца — 190 милліоновъ миль, наибольшее—203, наименьшее—181 милліонъ. Разстояніе отъ земли измѣняется между 220 и 159 милліонами миль. Сила солнечнаго свѣта и теплоты составляетъ при наименьшемъ удаленіи Сатурна $^6/_{500}$, при наибольшемъ — $^5/_{500}$ той силы, съ какой освѣщается и согрѣвается земля.

По величинѣ и массѣ Сатурнъ уступаетъ только Юпитеру. Его экваторіальный діаметръ равенъ 15.900 географическимъ милямъ, его полярный діаметръ — только 14.300 милямъ; его сплюснутость—$^1/_{10,2}$. По объему Сатурнъ превосходитъ землю въ 780 разъ, по массѣ — только въ 92 раза. Средняя плотность Сатурна въ 8 разъ меньше земной, слѣдовательно, составляетъ только $^3/_4$ плотности воды. Ни у одной планеты мы не встрѣчаемъ меньшей плотности. Это фактъ крайне любопытный и характерный для индивидуальной природы Сатурна.

Если пользоваться сильнымъ телескопомъ, можно разсмотрѣть на дискѣ Сатурна много сѣрыхъ полосъ: онѣ идутъ параллельно экватору, охватываютъ весь шаръ планеты и обнаруживаютъ перерывы и новообразованія. На нихъ видны темныя пятна и узловатыя уплотненія. Эти образованія позволили *Вильяму Гершелю* опредѣлить продолжительность вращенія Сатурна. По его мнѣнію, она равна 10 часамъ 29 минутамъ 17 секундамъ. Значитъ, общая продолжительность дня и ночи на Сатурнѣ нѣсколько больше, чѣмъ на Юпитерѣ.

Зимою 1876—1877 года на Сатурнѣ показалось бѣлое облако. Слѣдя за нимъ, профессоръ *Галль* въ Вашингтонѣ опредѣлилъ продолжительность вращенія планеты въ 10 часовъ 14 минутъ 24 секунды.

Существованіе атмосферы на Сатурнѣ само по себѣ очень правдоподобно; но можно привести прямое доказательство. Полосы и пятна, покрывающія поверхность Сатурна, никогда не удается прослѣдить до самаго края планеты. Согласно съ принципами фотометріи, отсюда можно вывести, что планета окружена атмосферою. Къ тому же заключенію приводятъ данныя спектроскопическихъ изслѣдованій. Въ этомъ отношеніи Сатурномъ много занимался *Секки*. Въ красной части его спектра онъ нашелъ рѣзкую, совершенно черную полосу. Наружная граница красной части спектра казалась смутной, и можно было различить слѣды другой полосы. Между красною и желтою частями спектра виднѣлась черная линія, которая напоминаетъ линію D въ солнечномъ спектрѣ. Затѣмъ можно было разсмотрѣть Фраунгоферовы линіи E, 6, F. *Фогель* также находитъ, что спектръ Сатурна отличается отъ солнечнаго; напротивъ, онъ представляетъ большое сходство со спектромъ Юпитера. *Секки* установилъ, что большая черная полоса въ красной части спектра принадлежитъ только Сатурну; это—полоса поглощенія, которая указываетъ на обширную и плотную атмосферу. Навѣрное, въ спектрѣ Сатурна существуетъ множество другихъ линій поглощенія; но онѣ—тоньше, и мы увидѣли бы ихъ, если бъ удалось увеличить силу и точность нашихъ инструментовъ.

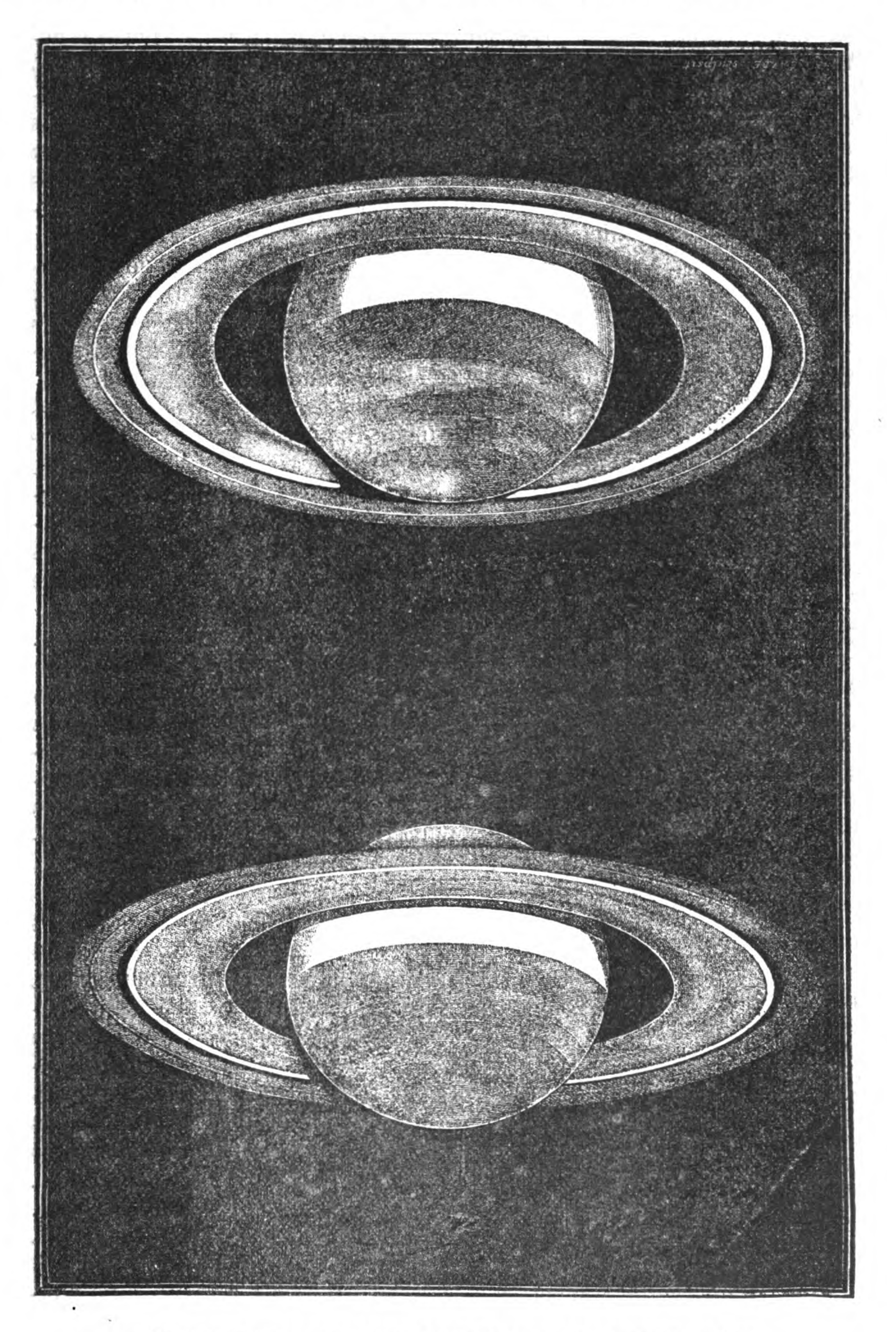
Мы видимъ, что плотность Сатурна необыкновенно мала; температура, вѣроятно, до сихъ поръ остается очень высокой. Вокругъ него движутся 8 лунъ. Съ этими особенностями связано еще одно обстоятельство: мы встрѣчаемъ около Сатурна образованіе, которое напоминаетъ о первомъ періодѣ въ развитіи солнечной системы: это—кольца, которыя окружаютъ планету концентрически.

Хотя всѣ планеты, сопровождаемыя теперь спутниками, обладали въ первобытную эпоху кольцами, одинъ только Сатурнъ сохранилъ ихъ до настоящаго времени. Наибольшій діаметръ этихъ колецъ равенъ 36.870 милямъ; діаметръ внутренняго края—24.520 милямъ; слѣдовательно, ширина этой системы колецъ—6.175 миль. Толщину ея не удалось опредѣлить прямымъ наблюденіемъ: она слишкомъ мала, и вся эта система колецъ становится незамѣтною, когда солнце стоитъ прямо надъ ея краемъ, или когда земля находится въ плоскости кольца. Благодаря значительному числу очень точныхъ наблюденій, *Бессель* могъ опредѣлить массу колецъ: она составляетъ $^1/_{118}$ массы самого Сатурна. Допустимъ, что средняя плотность колецъ равна плотности Сатурна. Въ такомъ случаѣ можно вычислить толщину колецъ: оказывается, она равна 30 милямъ. Вѣроятно, плотность колецъ нѣсколько меньше средней плотности Сатурна. Въ такомъ случаѣ толщина ихъ больше 30 миль.

Система колецъ Сатурна никогда не кажется намъ круглою; обыкновенно мы видимъ ее эллиптическою. Она имѣла бы видъ круга, еслибъ плоскость колецъ была перпендикулярна къ плоскости эклиптики. Въ дѣйствительности, плоскость колецъ Сатурна составляетъ съ плоскостью земной орбиты уголъ въ 28°10′. Видъ колецъ измѣняется, смотря по тому, въ какомъ созвѣздіи стоитъ планета. Когда Сатурнъ находится въ созвѣздіяхъ Тельца и Скорпіона, кольцо кажется наиболѣе широкимъ; оно касается тогда края планетнаго диска въ двухъ точкахъ. Если же Сатурнъ стоитъ въ Водолеѣ или Львѣ, кольцо принимаетъ видъ узкой линіи, которую можно различить только въ очень сильные телескопы.

Когда кольцо было изслѣдовано точнѣе, оказалось, что оно распадается на два концентрическихъ кольца; между ними находится широкая щель, впервые замѣченная *Кассини*. Въ ширину она имѣетъ, приблизительно, 180 нѣмецкихъ миль. Съ приближеніемъ къ этой щели внутреннее кольцо становится блѣднѣе; наконецъ, оно начинаетъ походить на сѣрую полосу, лежащую на планетѣ. Этотъ промежутокъ между кольцами остается замѣтнымъ въ теченіе двухъ столѣтій. Нѣкоторые наблюдатели указывали, что имъ удавалось видѣть еще другіе, очень узкіе и слабые промежутки. Въ іюнѣ 1780 года *Гершель* видѣлъ на западной части кольца извѣстное число тонкихъ дѣленій; но онъ не могъ различить ихъ на другой половинѣ кольца и впослѣдствіи не могъ найти ихъ снова. Черезъ 45 лѣтъ капитанъ *Катеръ* замѣтилъ извѣстное число промежутковъ на наружной плоскости кольца. 25 апрѣля 1837 года *Энке* различилъ на плоскости наружнаго кольца узкую щель, которой не видѣлъ никто изъ прежнихъ наблюдателей; иногда она становится незамѣтною для самыхъ сильныхъ телескоповъ новаго времени. Въ срединѣ ноября 1850 года между внутреннимъ краемъ кольца и поверхностью Сатурна *Бондъ* замѣтилъ новое кольцо: оно казалось блѣднымъ, почти прозрачнымъ и какъ бы облачнымъ. По микрометрическимъ измѣреніямъ *Секки*, это туманное кольцо отдѣлено отъ ближайшей точки поверхности планеты разстояніемъ въ 1.200 миль, не болѣе. Потомъ было доказано, что это замѣчательное кольцо было замѣчено еще *Пундомъ* и *Гадлеемъ*, хотя они

пользовались несовершенными инструментами. Отсюда можно заключить, что за послѣднія сто лѣтъ оно сдѣлалось значительно

Сатурнъ съ его кольцами, по Бонду и Варренъ-де-ля-Рю.

блѣднѣе. Существуетъ мнѣніе, что система колецъ Сатурна подвергается значительнымъ внутреннимъ измѣненіямъ. Оно подтверждается любопытными искривленіями, которыя время отъ времени замѣчаются на ней. Наблюденія *Кассини*, *Гершеля* и другихъ показываютъ, что эти изгибы бываютъ иногда очень велики.

Въ 1774 году *Шрётеръ* замѣтилъ на узкомъ краю пятна нѣсколько свѣтлыхъ точекъ; въ теченіе восьми часовъ наблюденія положеніе ихъ не измѣнилось. Въ февралѣ, мартѣ и апрѣлѣ 1862 года Сатурномъ и его кольцами много занимался *Швабе*. Наблюденія привели его къ выводу что кольца Сатурна не вращаются. Таково же было мнѣніе *Шрётера*. Это предположеніе трудно примирить съ закономъ всеобщаго тяготѣнія: еслибъ кольцо не вращалось, оно обрушилось бы на планету. *Вильямъ Гершель* въ 1790 году пришелъ къ иному заключенію: наблюдая выступы на плоскости кольца, онъ нашелъ, что оно заканчиваетъ оборотъ вокругъ планеты въ 10 часовъ $32^1/_2$ минуты. Предположимъ теперь, что вокругъ Сатурна движется спутникъ, отдѣленный отъ планеты тѣмъ же разстояніемъ, какъ средина кольца. Вычислимъ, во сколько времени совершалъ бы онъ путь вокругъ планеты. Оказывается, въ $11^1/_{10}$ часовъ. Это число близко подходитъ къ результату, полученному *Гершелемъ*. Совпаденіе будетъ еще полнѣе, если предположить, что кольца Сатурна сравнительно молоды и находятся въ огненно-жидкомъ состояніи. Спектръ колецъ Сатурна отличается отъ спектра самой планеты тѣмъ, что въ немъ не достаетъ характерной темной полосы, расположенной въ красной его части. Это выяснилъ еще *Фогель*, и его результатъ подтвержденъ *Келеромъ*, который для своихъ наблюденій пользовался большимъ рефракторомъ обсерваторіи Лика. Къ какому заключенію приводитъ этотъ фактъ? Къ тому, что на поверхности кольца нѣтъ газообразнаго слоя, или же онъ отличается крайне малой высотой и плотностью. По всей вѣроятности, кольца Сатурна будутъ постепенно охлаждаться, сжиматься и увеличивать быстроту вращенія; наконецъ, они разорвутся и дадутъ начало новой лунѣ.

Какой видъ представляетъ кольцо, если смотрѣть на него съ поверхности Сатурна? Вычисленія показываютъ, что въ полярной области Сатурна совсѣмъ не видно внутренняго кольца, во многихъ другихъ мѣстахъ не видно внѣшняго кольца. Помѣстившись на экваторѣ Сатурна, мы могли бы разсмотрѣть только внутренній край кольца и нѣкоторые выступы на боковой поверхности его. Слѣдовательно, тамъ оно кажется очень узкою полосою, которая тянется по небу отъ востока чрезъ зенитъ къ западу, представляя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ расширенія. Между экваторомъ и полюсомъ кольцо имѣетъ видъ малаго круга, пересѣкающаго небо; положеніе его для даннаго мѣста остается неизмѣннымъ. Освѣщеніе планеты мало выигрываетъ отъ существованія кольца. Свѣтъ его слабъ, притомъ планета можетъ пользоваться имъ лишь въ такое время, когда онъ наименѣе необходимъ: въ короткія лѣтнія ночи. Зимой, напротивъ, кольцо отнимаетъ у Сатурна значительную часть солнечнаго свѣта и производитъ солнечныя затменія, которыя продолжаются въ теченіе многихъ земныхъ лѣтъ

Благодаря существованію кольца на $23^1/_2$° широты въ теченіе десяти земныхъ лѣтъ не падаетъ ни одного солнечнаго луча. Поэтому, если кольцо имѣетъ особое назначеніе, оно состоитъ не въ томъ, чтобы восполнять для Сатурна недостатокъ солнечнаго свѣта. Оставаясь на землѣ, мы удивляемся кольцу Сатурна, какъ украшенію планетной системы. Но еслибъ мы были обитателями Сатурна, у насъ было бы полное основаніе жалѣть о существованіи этого кольца. Вотъ новое доказательство той истины, что требованія человѣческаго удобства не принимались во вниманіе при устройствѣ планетной системы.

Кольцо также не пользуется никакими выгодами отъ сосѣдства съ Сатурномъ. Въ теченіе лѣта планета отнимаетъ у него значительную часть солнечнаго свѣта. Правда, планета освѣщаетъ его зимой, но это освѣщеніе непостоянное. Каждая сторона кольца $14^3/_4$ земныхъ года остается въ полномъ мракѣ; въ это время другая сторона постоянно освѣщена солнцемъ, за исключеніемъ тѣхъ періодовъ, когда на нее падаетъ тѣнь отъ Сатурна. Въ теченіе $14^3/_4$-лѣтней ночи кольцо получаетъ свѣтъ отъ Сатурна. Это освѣщеніе подчинено періоду, который равенъ времени вращенія. Въ срединѣ каждаго періода съ кольца виденъ освѣщенный дискъ Сатурна; его пересѣкаетъ тѣнь отъ кольца; она имѣетъ видъ узкой полосы, которая дѣлитъ дискъ на два пояса; полярныя области Сатурна, гдѣ зимою царитъ постоянная ночь, никогда не видны съ кольца.

За Сатурномъ на разстояніи 385 милліоновъ миль отъ солнца слѣдуетъ планета *Уранъ*. Она открыта *Гершелемъ* 13-го марта 1781 года. Наибольшее разстояніе ея отъ солнца 404, наименьшее— 368 милліоновъ миль. Разстояніе отъ земли измѣняется между 424 и 348 милліонами миль. Время обращенія Урана — 84 года 7 дней 9 часовъ 22 минуты. Эта далекая планета слабо освѣщается и нагрѣвается солнцемъ. Если принять силу солнечнаго свѣта на землѣ за 1, Уранъ получаетъ въ лучшемъ случаѣ только $^1/_{400}$. Все-таки освѣщеніе Урана въ 1.500 разъ сильнѣе свѣта полнолунія.

Уранъ принадлежитъ къ крупнымъ планетамъ, такъ какъ средній діаметръ его равенъ 7.600 милямъ. По объему онъ превосходитъ землю въ 90 разъ, по массѣ только въ 15 разъ. Средняя плотность его составляетъ $^1/_5$ — $^1/_6$ плотности земли. Слѣдовательно, онъ плотнѣе Сатурна, плотность котораго равна $^1/_8$ земной плотности. Дискъ Урана кажется однообразнымъ и тусклымъ. Только разъ *Ласселю* съ помощью громаднаго зеркальнаго телескопа удалось разсмотрѣть темный экваторіальный поясъ. Однако, *Buffham* увѣряетъ, что въ январѣ 1870 года и въ мартѣ 1872 года ему удалось замѣтить свѣтлыя пятна съ помощью девятидюймоваго зеркальнаго телескопа. Изъ наблюденій надъ ними онъ вывелъ, что оборотъ планеты продолжается 12 часовъ. Напротивъ, *Ньюкомбъ* указываетъ, что, пользуясь большимъ Вашингтонскимъ рефракторомъ, онъ никогда не видѣлъ пятенъ или темныхъ полосъ на дискѣ Урана; скорѣе онъ видѣлъ планету въ однообразномъ зеленоватомъ свѣтѣ. Малая плотность и нѣкоторыя

данныя наблюденій позволяютъ видѣть въ Уранѣ планету, которая до сихъ поръ не охладилась и обладаетъ даже слабымъ собственнымъ свѣтомъ. Фотометрическія изысканія вполнѣ подтверждаютъ эту мысль. Они показываютъ, что Уранъ отражаетъ $^3/_5$ полученныхъ свѣтовыхъ лучей, почти столько же, какъ бѣлая бумага. Спектральный анализъ также доставляетъ доводы въ пользу огненно-жидкаго состоянія планеты. Въ мартѣ 1869 года *Секки* впервые наблюдалъ спектръ Урана и нашелъ, что онъ представляетъ сильное отклоненіе отъ общаго типа планетныхъ спектровъ: въ немъ бросаются въ глаза значительныя полосы поглощенія. Въ мартѣ 1870 года *Фогель* также изслѣдовалъ спектръ Урана. Онъ также указываетъ, что спектръ пересѣкается своеобразными линіями поглощенія. Измѣренія этого астронома показали, что средина одной темной полосы съ точностью совпадаетъ съ линіей F солнечнаго спектра. Другая очень широкая темная полоса, повидимому, соотвѣтствуетъ полосѣ поглощенія, которая вызывается нашей атмосферою и замѣчается при близости солнца къ горизонту; то же можно сказать о широкой, но слабой полосѣ, которая видна за линіею F. Полосы поглощенія въ спектрѣ Урана доказываютъ существованіе атмосферы. *Фогель*, думая, что въ этой атмосферѣ могутъ быть соединенія кислорода съ азотомъ, опредѣлилъ точнѣе положеніе тѣхъ полосъ поглощенія, которыя вызываются въ спектрѣ такими соединеніями. Однако, совпаденія съ полосами, которыя наблюдаются въ спектрѣ Урана, не обнаружилось.

Такъ какъ до сихъ поръ нѣтъ точныхъ наблюденій относительно пятенъ на дискѣ планеты, мы не знаемъ ничего опредѣленнаго о продолжительности вращенія. Во всякомъ случаѣ, планета вращается около оси довольно быстро. Объ этомъ можно судить по ея сплюснутости, которая замѣчена *Гершелемъ* и точнѣе опредѣлена *Медлеромъ* Она равна, приблизительно, $^1/_{10}$. Отсюда нужно заключить, что продолжительность вращенія не короче $7^1/_4$ и не дольше $12^1/_2$ часовъ. Падающее тѣло на поверхности Урана проходитъ въ первую секунду $13^1/_2$ футовъ, слѣдовательно, на $^1/_{10}$ меньше, чѣмъ на поверхности земли. Вѣсъ любого тѣла на этой планетѣ также на $^1/_{10}$ меньше, чѣмъ на землѣ; если тѣло вѣситъ на землѣ фунтъ, на Уранѣ вѣсъ его $^9/_{10}$ фунта.

Уранъ окруженъ четырьмя спутниками, которые крайне малы и блѣдны. Два открыты *Гершелемъ*, который описалъ ихъ, какъ самыя тонкія свѣтовыя точки, какія онъ только видѣлъ на небѣ. Два внутреннихъ спутника открыты *Ласселемъ* съ помощью громаднаго зеркальнаго телескопа; впослѣдствіи ихъ видѣли въ 26-тидюймовый Вашингтонскій рефракторъ и въ другіе очень сильные инструменты. Эти маленькія луны представляютъ замѣчательную аномалію: плоскости ихъ орбитъ почти перпендикулярны относительно плоскости орбиты Урана. По аналогіи съ лунами остальныхъ планетъ нужно заключить, что экваторъ Урана также почти перпендикуляренъ относительно орбиты этой планеты и что полюсы вращенія лежатъ почти въ плоскости орбиты. Это обстоятельство производитъ любопытнѣйшія отклоненія отъ обычныхъ климати-

ческихъ отношеній, которыя господствуютъ на планетахъ. Для климатическихъ отношеній даннаго мѣста на Уранѣ совсѣмъ не важно, на какомъ разстояніи находится оно отъ экватора; всякое мѣсто безъ изъятія представляетъ тѣ же самыя климатическія отношенія, какъ другое. Возьмемъ ли полярныя, или экваторіальныя страны, вездѣ въ теченіе года солнце дважды бываетъ въ зенитѣ. Въ началѣ весны и въ началѣ осени, когда солнце стоитъ прямо надъ экваторомъ планеты, на всѣхъ точкахъ поверхности Урана день равенъ ночи. Но какъ только солнце начинаетъ отклоняться отъ экватора, это отношеніе даже для экваторіальныхъ мѣстностей измѣняется очень быстро; разница между днями и ночами становится все больше и больше. Вотъ таблица, гдѣ указана продолжительность длиннѣйшаго дня для различныхъ уранографическихъ широтъ:

Широта.	Продолжительность дня.		
5°	$2^{1}/_{3}$	земныхъ	года.
10	$4^{7}/_{10}$	»	»
15	7	»	»
20	$9^{1}/_{3}$	»	»
25	$11^{7}/_{10}$	»	»
30	14	»	»
35	$16^{1}/_{3}$	»	»
40	$18^{7}/_{10}$	»	»
45	21	»	»
50	$23^{1}/_{3}$	»	»
55	$25^{7}/_{10}$	»	»
60	28	»	»
65	$30^{1}/_{3}$	»	»
70	$32^{7}/_{10}$	»	»
75	35	»	»
80	$37^{3}/_{3}$	»	»
85	$30^{7}/_{1}$	»	»
90	49 o	»	»

Мы уже говорили, что Урану достается мало солнечной теплоты и что поверхность его находится, по всей вѣроятности, въ огненно-жидкомъ состояніи. Затѣмъ мы выяснили, что положеніе оси вращенія относительно плоскости орбиты производитъ своеобразныя климатическія отношенія. Поэтому изъ всѣхъ планетъ Уранъ наименѣе удобенъ для обитателей, подобныхъ людямъ.

На разстояніи 600 милліоновъ миль отъ солнца движется планета *Нептунъ*. Сила солнечнаго свѣта на немъ въ 1.000 разъ меньше, чѣмъ на землѣ. Вспомните, какъ слабо освѣщается земная поверхность, когда нижній край солнечнаго диска только-только коснулся горизонта. Освѣщеніе Нептуна въ 10 разъ слабѣе. Если бъ поверхность этой планеты отражала свѣтъ въ той же степени, какъ земля, она казалась бы звѣздой 11 или 12 величины. Въ дѣйствительности ее относятъ ко звѣздамъ 8 величины; отражательная способность у ней гораздо больше, чѣмъ у земли. Отсюда видно, что Нептунъ въ настоящее время находится въ огненно-жидкомъ состояніи и окруженъ облачной атмосферой. Это подтверждается также малою плотностью. Она составляетъ, приблизительно, $^{1}/_{8}$ плотности земли и, слѣдовательно, стоитъ рядомъ съ плотностью Урана.

Сплюснутости у Нептуна до сихъ поръ не замѣчено. Вѣроятно, онъ вращается около оси медленнѣе, чѣмъ Юпитеръ, Сатурнъ и Уранъ. Спектръ Нептуна, особенно въ красной части, содержитъ крайне значительныя полосы поглощенія; онѣ совпадаютъ съ полосами въ спектрѣ Урана. Слѣдовательно, красные солнечные лучи подвергаются на этой планетѣ сильному поглощенію. Необходимо предположить, что она обладаетъ мощною туманною или облачною оболочкою. *Секки* полагалъ даже, будто, пользуясь своимъ большимъ телескопомъ, онъ могъ ясно разсмотрѣть облачную границу Нептуна: въ самомъ дѣлѣ, края этой планеты представляются расплывчатыми, между тѣмъ какъ дискъ Марса обрисованъ очень рѣзко. Но другіе наблюдатели, имѣвшіе въ своемъ распоряженіи такіе же хорошіе инструменты, не видали ничего подобнаго.

Нептунъ обладаетъ луною, которая обращается вокругъ него въ 5 дней 21 часъ 4 минуты. Объ ней мы знаемъ только то, что она гораздо свѣтлѣе и, навѣрное, больше, чѣмъ луны Урана; движеніе ея обратное.

Мы пронеслись въ воображеніи по всей планетной системѣ, такъ какъ при современномъ состояніи научныхъ знаній Нептунъ представляетъ границу системы. При этихъ странствованіяхъ мы встрѣчали разнообразнѣйшія условія. Но всѣ они—такого рода, что представляются мало похожими или совсѣмъ не похожими на состоянія нашей земли.

Возьмемъ любой изъ планетныхъ міровъ. Вездѣ господствуютъ состоянія, не позволяющія населить данное міровое тѣло обитателями, тѣла которыхъ состоятъ изъ химическихъ элементовъ, какъ организмы земли. Конечно, можно предположить, что жизнь способна проявляться въ другихъ формахъ и при другихъ химическихъ соединеніяхъ. Но такое предположеніе будетъ совершенно гипотетичнымъ и произвольнымъ. Если допустить его, мы оставляемъ почву точныхъ фактовъ, мы отклоняемся въ область, которой избѣгаетъ серьезный изслѣдователь. Если же мы будемъ оставаться на строго-научной точкѣ зрѣнія, мы должны придти къ выводу, что въ предѣлахъ планетной системы живыя существа съ высшей организаціей обитаютъ только на землѣ. Этотъ выводъ, повидимому, вполнѣ противорѣчитъ мнѣнію, которое въ наше время сдѣлалось господствующимъ; отъ этого онъ не дѣлается менѣе точнымъ. Сравнительно съ другими планетами, земля, дѣйствительно, представляетъ нѣкоторыя особенности, которыя для нашего существованія имѣютъ громадное значеніе. Правда, старое геоцентрическое міровоззрѣніе, котораго когда-то держалось человѣчество, благодаря успѣхамъ науки, разбито навсегда. Было бы глупо вѣрить, что весь міръ созданъ ради земли. Также ошибочно мнѣніе, будто все существуетъ ради человѣка, т. е. ради того мыслящаго существа, которое въ настоящее время живетъ на землѣ; въ сущности, это мнѣніе совпадаетъ съ первымъ. Зато мы обладаемъ теперь астрофизическими данными, изъ которыхъ слѣдуетъ, что живыя существа высшей организаціи не могутъ обитать ни на одной изъ знакомыхъ намъ планетъ, кромѣ земли.

Конечно, есть доводы, которые говорятъ за обитаемость другихъ міровыхъ тѣлъ: но этихъ міровыхъ тѣлъ нужно искать *внѣ предѣловъ нашей планетной системы.* Великій американскій астрономъ *Симонъ Ньюкомбъ* справедливо пишетъ слѣдующее: «Въ общемъ, вѣроятность рѣшительно говоритъ противъ предположенія, будто значительная часть небесныхъ тѣлъ приспособлена для пребыванія такихъ организмовъ, какъ земные; а число такихъ тѣлъ, на которыхъ возможно существованіе цивилизованныхъ существъ, представляетъ, въ концѣ-концовъ, крайне ничтожную долю цѣлаго.

«Этотъ выводъ основанъ на предположеніи, что на другихъ міровыхъ тѣлахъ жизнь возможна только при тѣхъ условіяхъ, какъ на землѣ. Конечно, можно оспаривать это предположеніе. Можно указать, что мы, повидимому, не имѣемъ права ставить границы способности природы приспособлять жизнь къ даннымъ условіямъ. На землѣ мы видимъ громадное разнообразіе жизненныхъ условій, видимъ, что нѣкоторыя животныя могутъ существовать тамъ, гдѣ другія мгновенно погибаютъ. Этотъ фактъ, повидимому, ниспровергаетъ всѣ наши выводы относительно невозможности существованія земныхъ организмовъ на другихъ планетахъ. Единственный способъ отвѣтить на такое возраженіе научно— это изслѣдовать, нѣтъ ли на землѣ условій, ограничивающихъ разнообразіе жизненныхъ проявленій. Даже поверхностное изслѣдованіе показываетъ, что хотя трудно дать точное опредѣленіе понятію «жизни», тѣмъ не менѣе, высшія формы животной жизни не могутъ развиваться одинаково успѣшно при всевозможныхъ условіяхъ: чѣмъ выше форма, тѣмъ тѣснѣе эти условія. Мы знаемъ, что ни одно существо, проявляющее признаки сознанія, не можетъ развиваться иначе, какъ при совокупномъ вліяніи воды и воздуха и при извѣстныхъ температурахъ, заключенныхъ въ очень узкія границы; что въ морѣ развиваются только такія жизненныя формы, которыя въ духовномъ отношеніи стоятъ очень низко; что и на землѣ способность къ приспособленію не заходитъ такъ далеко, чтобы обитатели полярныхъ странъ могли достигнуть высокой степени тѣлеснаго и духовнаго развитія; что теплота жаркаго пояса также полагаетъ извѣстный предѣлъ развитію рода человѣческаго. Отсюда можемъ вывести такое заключеніе: допустимъ, что на поверхности земного шара произошли большія перемѣны, что вся земля охладилась до температуры полюсовъ, или нагрѣлась до тропическаго жара, или постепенно исчезла подъ волнами, или лишилась воздушной оболочки; въ такомъ случаѣ всѣ высшія формы животной жизни, существовавшія на землѣ въ данный моментъ, не приспособились бы къ новому положенію вещей; не произошло бы и новыхъ организмовъ, стоящихъ на столь же высокой степени развитія. Нѣтъ ни малѣйшаго основанія предполагать, что въ водѣ могутъ развиться существа болѣе разумныя, чѣмъ рыбы, также, что въ странахъ съ полярнымъ холодомъ могутъ существовать люди болѣе высокаго духовнаго развитія, чѣмъ эскимосы. Попробуемъ примѣнить эти соображенія къ занимающему насъ вопросу Мы придемъ къ заключенію, что, въ виду громаднаго разнообразія условій, которое, въ

роятно, господствуетъ въ мірѣ, только въ немногихъ благопріятныхъ мѣстахъ мы встрѣтили бы значительное и интересное развитіе жизни.

«Къ тому же результату приводитъ другое соображеніе, стоящее въ связи съ предыдущимъ. Увлекающіеся писатели иногда не только населяютъ планеты жителями, но вычисляютъ даже возможную численность населенія, сообразно съ числомъ квадратныхъ миль поверхности, и щедро надѣляютъ ихъ астрономами, которые изслѣдуютъ нашу землю въ сильные телескопы. Было бы смѣло отрицать возможность этого. Но, по крайней мѣрѣ, относительно планетъ солнечной системы это въ высшей степени невѣроятно. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно вспомнить, какъ недавно развилась цивилизація, сравнительно съ продолжительностью существованія земли, какъ планеты. Вѣроятно, ужъ милліоны лѣтъ земля движется по своей орбитѣ. Люди же населяютъ ее, нужно полагать, немногимъ дольше 10.000 лѣтъ; цивилизація не существуетъ на ней и 5.000 лѣтъ; телескопы извѣстны, приблизительно, 200 лѣтъ. Если бы воображаемое существо посѣщало землю черезъ каждыя десять тысячъ лѣтъ, надѣясь найти на ней мыслящія существа, его ожиданія были бы обмануты тысячи разъ. Руководясь аналогіей, мы должны предположить, что такія же разочарованія ожидали бы того, кто въ настоящее время предпринялъ бы подобное путешествіе отъ планеты къ планетѣ и отъ системы къ системѣ.

«Судя по этому, вѣроятно, лишь очень небольшая часть планетъ населена разумными существами. Конечно, нужно принять во вниманіе, что число планетъ равно, быть можетъ, сотнямъ милліоновъ. Поэтому, «небольшая часть» можетъ въ дѣйствительности означать крайне большое число. На многихъ изъ этихъ планетъ могутъ обитать существа, которыя въ духовномъ отношеніи гораздо выше насъ. Здѣсь мы можемъ дать полную волю своему воображенію, не забывая при этомъ, что наука не доставляетъ никакихъ доказательствъ ни за, ни противъ вѣрности воображаемыхъ картинъ».

КОНЕЦЪ

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРІИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ.

П. Н. Милюкова.

(*Окончаніе* *).

IV.

Неполнота екатерининской учебной системы и систематическая реформа школъ въ 1804 г.—Средняя школа по уставу въ 1804 г.—Происхожденіе университетовъ въ Петербургѣ, Казани и Харьковѣ.—Положеніе профессоровъ по уставу и въ дѣйствительности.—Положеніе студентовъ: ихъ подготовка.—Новыя мѣры для подготовки профессоровъ и студенчества.—Отношеніе общества къ средней школѣ.—Перемѣна задачи средней школы въ реформѣ гр. Уварова.—Побужденія и задачи общей реформы 1828 года.—Средняя школа по уставу 1828 г.: споры о ея программѣ, устройство пансіоновъ.—Университетскій уставъ 1835 г.—Новые профессора и новая аудиторія.—Гимназическая реформа 1849—1851 года.—Новыя мѣры противъ университетской автономіи.—Третья общая реформа школы въ 1863—1864 годахъ.—Ея пріемы.—Университетская автономія по уставу 1863 г.—Полемика по вопросу объ организаціи учебной части и отношеніи университета къ студентамъ.—Полемика между сторонниками классической и реальной школы.—Компромиссъ устава 1864 года.—Гимназическая реформа 1871 года.—Университетская реформа 1884 г.—Цифровые итоги высшаго, средняго и низшаго образованія въ учрежденіяхъ министерства нар. просв.—Народная школа.—Приходскія училища уставовъ 1804 и 1828 годовъ.—Первая сельская школа (у казенныхъ и удѣльныхъ крестьянъ).—Реформа 1864 года.—Земская школа.—Вопросъ объ обязательномъ обученіи въ 1870-хъ годахъ.—Возвращеніе къ школѣ грамотности.—Новая постановка вопроса о всеобщемъ обученіи.

Четыре раза, въ началѣ четырехъ царствованій XIX вѣка, русская высшая и средняя школа подвергалась коренной перестройкѣ. Уже по этой періодичности учебныхъ реформъ можно догадаться, что онѣ вызывались далеко не одними только педагогическими соображеніями. Послѣ устройства Екатерининской школы общественное образованіе стало силой, которую государственная власть могла употребить на служеніе своимъ цѣлямъ. Соотвѣтственно тому, какъ мѣнялись эти цѣли, мѣнялись и способы ихъ достиженія. Такимъ образомъ, либеральная учебная система имп. Александра I (1804) замѣнена была, послѣ 14 декабря и іюльской революціи, системой имп. Николая (1828 для средней, 1835 для высшей школы); и та же смѣна системъ еще разъ повторилась при переходѣ отъ уставовъ 1863 года къ уставамъ 1871 (для гимназій) и 1884 (для университетовъ) годовъ. При такой тѣсной связи между исторіей русской школы и на-

---

*) См. «Міръ Божій», № 11, ноябрь 1896 г.

строеніями русской власти и общества — совершенно невозможно говорить объ одномъ, не касаясь другого. Но такъ какъ исторія общественныхъ настроеній составляетъ содержаніе 3-й части нашихъ «Очерковъ», то здѣсь, по необходимости, мы будемъ ограничиваться самыми короткими намеками, безусловно необходимыми для пониманія перемѣнъ, совершившихся во внутреннемъ строѣ средней и высшей школы на протяженіи XIX столѣтія.

Первая изъ этихъ перемѣнъ, произведенная въ учебномъ дѣлѣ въ первые годы царствованія имп. Александра I, была, безъ сомнѣнія, и самою крупною. Народное образованіе такъ недавно еще присоединилось къ числу задачъ, принятыхъ на себя государственною властью, что государство къ началу XIX вѣка не успѣло еще создать своихъ особыхъ органовъ для выполненія этой задачи. Случайное учрежденіе, вызванное къ жизни единовременнымъ и спеціальнымъ порученіемъ—открыть новыя среднія школы,—стояло во главѣ школьнаго дѣла въ государствѣ; а на мѣстѣ, въ области—непосредственными начальниками этихъ школъ были старыя губернскія власти. Не имѣя своего спеціальнаго управленія, русская школа не имѣла еще и своего собственнаго бюджета и находилась, какъ мы видѣли, въ полной зависимости отъ мѣстныхъ присутственныхъ и сословныхъ кассъ—и даже отъ частной благотворительности. Въ этомъ, какъ и въ другихъ случаяхъ *), Екатерина не успѣла довершить своей реорганизаціи правильнымъ устройствомъ соотвѣтственныхъ центральныхъ учрежденій. Наконецъ, Екатерининскія «главныя» и «малыя» народныя училища» стояли совершенно особнякомъ въ ряду существовавшихъ тогда учебныхъ заведеній. Ни въ учебномъ, ни въ административномъ, ни въ хозяйственномъ отношеніяхъ не было ничего общаго между ними и раньше ихъ учрежденными школами, высшими и средними. Законодательство имп. Александра пополнило всѣ эти существенные пробѣлы въ организаціи и системѣ русскихъ образовательныхъ учрежденій. Первымъ параграфомъ «Предварительныхъ правилъ народнаго просвѣщенія» (24 января 1803 г.) опредѣлено было, что «народное просвѣщеніе въ россійской имперіи составляетъ *особую государственную власть*, ввѣренную министру сего отдѣленія и подъ его вѣдѣніемъ распоряжаемую Главнымъ училищъ Правленіемъ». Дальнѣйшіе параграфы тѣхъ же правилъ остановляли и всѣ послѣдующія ступени учебной іерархіи. Шестеро изъ членовъ «Главнаго правленія училищъ» назначались вмѣстѣ съ тѣмъ и «попечителями» шести «полосъ» Россіи «округовъ», на которые дѣлилась вся имперія по отношенію къ учебному управленію. Попечитель былъ представителемъ интересовъ своего округа въ Петербургѣ; на мѣстѣ же во главѣ округа стоялъ университетъ. Въ трехъ округахъ университеты уже существовали (Московскомъ, Виленскомъ и Дерптскомъ); въ трехъ другихъ ихъ слѣдовало еще учредить,—и уже указомъ 8 сентября 1802 г. («о должности коммиссіи училищъ») было признано, что «главною цѣлью, которую должны имѣть члены (они же и попечители) тѣхъ

*) См. «Очерки», т. I.

отдѣленій, гдѣ еще нѣтъ университетовъ, есть учрежденіе оныхъ». Такимъ образомъ, правительство ставило теперь на первую очередь осуществленіе задачи, которую имѣли въ виду еще совѣтники Екатерины II, проектируя университеты въ Пензѣ, Черниговѣ и Псковѣ. Но теперь эти учрежденія должны были занять опредѣленное мѣсто въ цѣлой системѣ. Каждый изъ губернскихъ городовъ округа долженъ былъ имѣть свое «губернское училище или *гимназію*», находившуюся подъ наблюденіемъ университета. Директоръ гимназіи былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и директоромъ *уѣздныхъ училищъ*, которыхъ должно было быть, по крайней мѣрѣ, по одному въ каждомъ уѣздномъ и губернскомъ городѣ. Наконецъ, смотритель уѣзднаго училища былъ, въ свою очередь, начальникомъ «*приходскихъ училищъ*» своего уѣзда. Кромѣ городовъ, эти приходскія училища должны были заводиться во «всякомъ церковномъ приходѣ или двухъ приходахъ вмѣстѣ», въ помѣщичьихъ имѣніяхъ—подъ наблюденіемъ помѣщика, въ казенныхъ селеніяхъ подъ наблюденіемъ священника и «одного изъ почетнѣйшихъ жителей».

Отношеніе новой системы школъ къ старой Екатерининской видно изъ того, что при передѣлкѣ прежнихъ школъ въ новыя—первый классъ малаго (и главнаго) училища превращался въ приходскую школу; второй классъ становился первымъ классомъ уѣзднаго училища, и къ нему еще вновь прибавлялся второй; наконецъ, высшіе классы главнаго училища, 3-й и 4-й, превращались въ 1-й и 2-й классы гимназіи и къ нимъ вновь прибавлялись еще два старшихъ класса, вовсе не существовавшіе прежде. Такимъ образомъ, въ результатѣ—прежній четырехлѣтній курсъ главнаго училища превращался въ семилѣтній, проходившійся во всѣхъ трехъ школахъ послѣдовательно, такъ какъ въ уѣздномъ училищѣ уже не учили тому, что преподавалось въ приходскомъ, а въ гимназіи предполагали извѣстнымъ то, чему учили въ уѣздномъ. Само собою разумѣется, что и программа средней школы стала теперь гораздо обширнѣе и сложнѣе. Приходская школа учила, кромѣ начатковъ Закона Божія, чтенію, письму и началамъ ариѳметики. Въ уѣздномъ училищѣ, кромѣ продолженія Закона Божія и ариѳметики (съ геометріей), преподавалась грамматика, географія и исторія, начатки физики, естественной исторіи и технологіи. Въ гимназіи, въ свою очередь, ни Законъ Божій, ни русскій языкъ уже не проходились. Взамѣнъ того, освобождалось мѣсто для цѣлаго ряда новыхъ предметовъ, проходимыхъ въ наше время въ составѣ университетскаго курса. Сюда относились, во-первыхъ, философскія науки: логика (проходившаяся въ первомъ классѣ), психологія и этика (во второмъ классѣ), эстетика (въ третьемъ). Въ четвертомъ классѣ преподавались общественныя науки (естественное и народное право, политическая экономія). Наконецъ, расширены были программы физико-математическихъ и естественныхъ наукъ; преподавались также коммерція и технологія.

Зная уже изъ предъидущаго, что дворяне неохотно отдавали своихъ дѣтей въ среднюю школу, а купцы и мѣщане, большею частью, брали ихъ обратно, не доводя до высшихъ классовъ, мы

недоумѣваемъ, для кого же предназначалась эта сложная программа. «Главное училище» Екатерины было уже такъ устроено, что его можно было бросить въ какой угодно годъ, и все-таки ученикъ выносилъ изъ него нѣчто цѣльное. Въ гимназію же 1804 года, чтобы только поступить, надо было предварительно учиться цѣлыхъ три года. Что могло побуждать учениковъ доходить до гимназіи и кончать въ ней курсъ? Правительство употребило для этого цѣлый рядъ поощрительныхъ и принудительныхъ мѣръ. Гимназія становилась путемъ въ университетъ, а университетъ обѣщалъ въ перспективѣ оберъ-офицерскій чинъ. Далѣе, уже въ «предварительныхъ правилахъ» 1803 года было постановлено: «ни въ какой губерніи спустя пять лѣтъ по устроеніи... училищной части, никто не будетъ опредѣленъ къ гражданской должности, требующей юридическихъ и другихъ познаній, не окончивъ ученія въ общественномъ или частномъ училищѣ». И дѣйствительно, въ 1809 году вышелъ знаменитый указъ объ экзаменахъ на чинъ. «Къ вящему прискорбію нашему,—говорилось въ указѣ, мы видимъ, что дворянство, обыкшее примѣромъ своимъ предшествовать всѣмъ другимъ состояніемъ, въ семъ полезномъ учрежденіи менѣе другихъ пріемлетъ участія». Замѣчая, что «главнымъ поводомъ къ оному есть удобность достигать чиновъ не заслугами и отличными познаніями, но однимъ пребываніемъ и счисленіемъ лѣтъ службы»,—указъ устанавливалъ правило, по которому всякій желавшій получить чинъ коллежскаго ассессора, долженъ былъ выдержать экзаменъ въ университетѣ. Насколько помогли гимназіямъ всѣ эти мѣры, мы скоро увидимъ: теперь же замѣтимъ, что при новомъ уставѣ существованіе средней школы уже не зависѣло болѣе отъ степени надобности въ ней для тогдашняго общества. Увеличивъ штатное содержаніе училищъ вдвое сравнительно со штатами Екатерины II, правительство рѣшилось принять дополнительные расходы на счетъ казны. Передъ началомъ реформы разсчитывали, что содержаніе новыхъ учебныхъ заведеній (4 университетовъ, 42 гимназій, 405 уѣздныхъ училищъ) обойдется въ 1.319.450 руб., почти на милліонъ дороже, чѣмъ обходились школы Екатерины (342.700 руб.). Въ дѣйствительности, министерству пришлось расходовать гораздо больше, такъ какъ приказы общественнаго призрѣнія и городскія думы очень скоро стали отказываться отъ продолженія своихъ субсидій. Такимъ образомъ, и въ хозяйственномъ отношеніи русская средняя школа сдѣлалась государственной.

Оставалось обезпечить новой школѣ учителей. «Это было теперь гораздо труднѣе, чѣмъ прежде, въ виду большей сложности школьныхъ программъ. Всѣ эти предметы университетскаго курса, введенные въ гимназію, требовали совершенно новыхъ преподавателей, хорошо усвоившихъ курсъ высшей школы. Эта потребность въ преподавателяхъ новаго рода становится теперь главнымъ побужденіемъ, заставляющимъ торопиться съ устройствомъ университетовъ. Уже «предварительныя правила» постановляютъ, что «всякій университетъ долженъ имѣть учительскій или педагогическій институтъ», и что институтъ этотъ долженъ попол-

няться казенными стипендіатами, которые за получаемыя ими стипендіи обязуются прослужить въ учительскомъ званіи, по крайней мѣрѣ, шесть лѣтъ. Самый выборъ мѣстъ для учрежденія новыхъ университетовъ, несомнѣнно, опредѣлялся тѣмъ, насколько легко было доставать именно въ этихъ мѣстахъ желаемое мѣсто «кандидатовъ» на должность учителя.

Петербургъ былъ, конечно, первымъ изъ такихъ мѣстъ уже по екатерининской традиціи. Учительская семинарія, доставлявшая учителей въ «главныя» и «малыя народныя училища», окончила свою роль и, выпустивъ въ 1801 году послѣднихъ своихъ студентовъ, существовала только по имени. 20 мая 1803 года она была возобновлена; черезъ два мѣсяца вызваны были для преподаванія новыхъ предметовъ, необходимыхъ для гимназіи, трое уроженцевъ карпатской Руси: Лодій—для философскихъ наукъ, Балугьянскій—для общественныхъ и Кукольникъ—для физики, химіи, технологіи и сельскаго домоводства. Студенты, въ количествѣ ста человѣкъ, по прежнему обычаю, вызваны были изъ духовныхъ семинарій. Такимъ образомъ «учительская гимназія», переименованная въ 1804 г. въ «Педагогическій институтъ», сдѣлала первый шагъ къ превращенію въ университетъ. Второй шагъ былъ сдѣланъ въ 1811 году, когда профессорамъ института пришлось открыть особые курсы для вольныхъ слушателей, желавшихъ экзаменоваться на чины коллежскаго ассесора и статскаго совѣтника (по указу 6 авг. 1809 г.). Этими двумя рядами лекцій—для будущихъ учителей и для будущихъ чиновниковъ—ближайшія задачи института были выполнены; на томъ пока дѣло и остановилось.

Другимъ мѣстомъ, которое само собой намѣчалось, какъ будущій разсадникъ учителей, являлась Казань. Казанская гимназія, уступившая-было мѣсто «главному народному училищу», но возобновленная при Павлѣ съ расширенной программой, была, благодаря этой программѣ, въ своемъ родѣ единственнымъ среднеучебнымъ заведеніемъ. Превратить ея воспитанниковъ въ казеннокоштныхъ студентовъ «Педагогическаго института» ничего не стоило. Въ этомъ—или почти въ этомъ—и заключалось первоначальное устройство (въ 1804 году) казанскаго университета. За первыя десять лѣтъ его существованія число его студентовъ колебалось между 40—50, и изъ этого числа отъ 30-ти до 40 принадлежало къ числу казенныхъ стипендіатовъ, готовившихся въ учителя. Такъ какъ этимъ главное назначеніе университета вполнѣ достигалось, то и здѣсь министерство не спѣшило съ превращеніемъ новаго учрежденія въ настоящій университетъ.

Третьимъ пунктомъ, удобнымъ для устройства педагогическаго института, являлся Кіевъ съ своей старинной академіей. Но случайное обстоятельство заставило главное правленіе перемѣнить Кіевъ на Харьковъ. Дѣло въ томъ, что извѣстный энтузіастъ и ревнитель просвѣщенія В. Н. Каразинъ, дѣлопроизводитель главнаго правленія училищъ, рѣшился употребить всѣ усилія, чтобы измѣнить выборъ въ пользу своей родины, и достигъ своей цѣли, хотя и нѣсколько рискованнымъ путемъ. Онъ сообщилъ государю о крупномъ пожертвованіи (400.000) на университетъ харьков-

скаго дворянства, раньше чѣмъ получилъ согласіе самихъ дворянъ, и этимъ волей-неволей заставилъ своихъ собратій быть щедрыми. Дворянство, самое большое, желало привилегированнаго военно-учебнаго заведенія; вмѣсто того, оно получило сколокъ съ германскаго университета.

Дѣйствительно, въ Харьковѣ, на пустомъ мѣстѣ, гдѣ нельзя было примкнуть ни къ какому старому учебному заведенію, пришлось сразу заводить настоящій университетъ такого типа, какой намѣченъ былъ въ «предварительныхъ правилахъ». 5 ноября 1804 года харьковскій университетъ получилъ свой уставъ въ одно время съ казанскимъ, но на этотъ разъ уставъ былъ не одной мертвой буквой. Съѣхавшіеся въ Харьковъ иностранные профессора, по преимуществу нѣмцы, могли на самомъ дѣлѣ думать одно время, что привезли въ дикія русскія степи академическую атмосферу своей родины. Они засѣдали въ «совѣтѣ», автономной корпораціи, выбиравшей своего ректора и декановъ; эти выборныя лица завѣдывали хозяйственными дѣлами въ «правленіи». Организація преподаванія была отдана всецѣло въ распоряженіе совѣта. Для своихъ плановъ университетъ имѣлъ собственный судъ, на который жаловаться можно было только сенату. До мѣстной полиціи профессорамъ не было никакого дѣла. Въ глазахъ мѣстнаго общества профессоръ былъ раздаватель чиновъ *) и самъ чиновникъ высокаго ранга. Ближайшій начальникъ, попечитель, жилъ въ Петербургѣ, далеко отъ университета, какъ и слѣдовало по мнѣнію ученаго историка нѣмецкихъ университетовъ, Мейнерса, находившаго, что такая отдаленность лучше всего предупреждаетъ партійное вмѣшательство попечителя во внутреннюю жизнь университета.

Очень скоро всѣ эти тонкости устава 1804 года оказались чистѣйшей иллюзіей. При первой же попыткѣ совѣта настоять на одномъ изъ своихъ постановленій, незаконно кассированномъ попечителемъ, профессоровъ, подписавшихъ протестъ, велѣно было «призвать въ харьковское губернское правленіе и сдѣлать имъ строжайшій выговоръ, съ подтвержденіемъ, что ежели впредь окажутъ подобное непослушаніе, то будутъ преданы суду». Выборы совѣта безъ церемоніи отмѣнялись, ученыя степени давались по усмотрѣнію попечителя. Русскіе члены, составлявшіе меньшинство совѣта, постоянно ставили иностранцамъ ловушки и запутывали ихъ въ лабиринтѣ русскихъ указовъ. Лучшіе изъ иностранцевъ не выдерживали этой борьбы и спѣшили уѣхать, чтобы не поплатиться здоровьемъ и силами. Въ Казани положеніе дѣлъ было еще хуже. Рядомъ съ «совѣтомъ» профессоровъ по уставу 1804 г. тамъ распоряжался директоръ гимназіи (Яковкинъ), находившій безусловную поддержку въ попечителѣ. Въ результатѣ борьбы за автономію, всѣ его противники получили отставку и университетъ опустѣлъ на нѣсколько лѣтъ. Мѣсто серьезныхъ ученыхъ заняли молодые карьеристы, вродѣ Кондырева, умѣвшіе читать всѣ науки,

*) Кончившій университетъ студентъ числился въ 14-мъ классѣ, кандидатъ—въ 12-мъ, магистръ—въ 9-мъ, докторъ—въ 8-мъ.

какія потребуются, писать, о чемъ угодно, угождать начальству «благонравіемъ» и не церемониться съ подчиненными. Въ 1815 г. казанскій университетъ отдѣленъ былъ, наконецъ, вполнѣ отъ гимназіи и пополненъ новымъ составомъ профессоровъ; но этотъ періодъ его автономіи продолжался не долго. Въ 1819 году онъ сдѣлался первой жертвой реакціи, примѣнявшей по своему къ русскимъ университетамъ политику священнаго союза.

Періодъ процвѣтанія петербургскаго университета былъ еще короче. Только въ 1819 году онъ превращенъ былъ окончательно въ университетъ изъ педагогическаго института. Это была послѣдняя уступка, вырванная у реакціи молодымъ тогда попечителемъ, гр. С. С. Уваровымъ. Недовѣріе къ университетской автономіи выразилось здѣсь въ томъ, что рядомъ съ выборнымъ ректоромъ оставленъ былъ правительственный «директоръ»; профессорская «конференція» занималась только учебными дѣлами. Въ 1821 году разразилась и надъ петербургскимъ университетомъ гроза по поводу направленія профессорскихъ лекцій. Послѣдствіемъ грозы и здѣсь была отставка лучшихъ профессоровъ и замѣна ихъ поколѣніемъ совершенныхъ ничтожностей. «Изъ новыхъ лицъ — замѣчаетъ объ этомъ поколѣніи историкъ петербургскаго университета,—не было, за исключеніемъ Сенковскаго, ни одного, которое бы о знаніяхъ и способностяхъ своихъ заявило чѣмъ-нибудь въ ученомъ мірѣ... Они не подняли понизившагося уровня университета, ни умственнаго, ни нравственнаго. Еще менѣе способны были замѣнить выбывшихъ молодые воспитанники самого университета, окончившіе курсъ въ 1823 году и оставленные при немъ «для исправленія должности магистровъ»... Молодежь эта боязненно поражена была разгромомъ 1821 года въ самой веснѣ жизни... до такой степени, что никогда, даже и при благопріятной перемѣнѣ обстоятельствъ, не могла уже очнуться, чтобы думать не по заданной программѣ и дѣйствовать не по чужой указкѣ». Такимъ образомъ, первые шаги русскихъ университетовъ дали отрицательное подтвержденіе той истинѣ, которая еще при имп. Екатеринѣ II, въ 1787 году, высказана была коммиссіей, вырабатывавшей планъ университетскаго устройства. По плану этой коммиссіи, профессора «не подвергаются принужденію ни въ разсужденіи правилъ науки, ни въ разсужденіи книгъ учебныхъ: свобода мыслей способствуетъ вообще знаніямъ, но при такой наукѣ, въ коей ежедневно являются новыя разрѣшенія и новыя открытія, нужна она особливо».

Была однако же и другая, и не менѣе важная, причина неуспѣха университетской жизни. Эта причина заключалась уже не въ положеніи профессоровъ, а въ положеніи студентовъ. Прежде всего, какъ мы знаемъ, число поступавшихъ въ университетъ было крайне незначительно. Старый московскій университетъ, имѣвшій въ 20-хъ годахъ 700—900 студентовъ, былъ въ этомъ случаѣ исключеніемъ; новые университеты насчитывали въ первое десятилѣтіе своего существованія всего по нѣсколько десятковъ слушателей; и ко второму десятилѣтію число послѣднихъ едва превышало за сотню. Это было совершенно естественно, такъ какъ дворянство, стремившееся въ военную службу, предпочитало спеціаль-

ныя учебныя заведенія; для чиновниковъ заведены были особые, упрощенные курсы; лица, желавшія обезпечить дѣтямъ не одну только карьеру, но и правильное воспитаніе, предпочитали частные пансіоны. Уступая ихъ требованіямъ, правительство и при университетахъ стало открывать «благородные пансіоны»; одно время даже пансіонъ при петербургской гимназіи былъ превращенъ въ привилегированное «высшее училище», дававшее права университетскаго курса. Какъ все это отвлекало молодежь отъ университетовъ и гимназій, видно будетъ изъ слѣдующей таблицы учащихся въ Петербургскомъ учебномъ округѣ:

	1810 г.	1820 г.	1824 г.	1828 г.
1. Педагогич. институтъ и университетъ *)	102	85	51	168
2. Благородный пансіонъ. . . .	—	105	68	100
3. Высше учил. (1822—1837). .	—	—	395	386
4. Гимназія.	458	760	450	431
5. Частные пансіоны и училища.	1.647	2.002	2.207	2.275
6. Уѣздныя и приходскія училища	4.043	3.770	4.465	4.689

Мы видимъ, какъ вторая и третья рубрики растутъ въ ущербъ первой и четвертой, а пятая—въ ущербъ всѣмъ остальнымъ. Пансіоны отвѣчали требованіямъ зажиточнымъ классовъ, обучая новымъ языкамъ и хорошимъ манерамъ; другихъ требованій пока еще никто и не предъявлялъ средней школѣ. Это отзывалось и на положеніи высшей школы. Туда оставалось идти только для педагогической карьеры или для полученія казенной стипендіи. Конечно, второе привлекало больше, чѣмъ первое; поэтому родители казенныхъ стипендіатовъ и они сами употребляли всевозможныя усилія, чтобы ускользнуть отъ учительской службы по окончаніи курса; въ крайнемъ случаѣ, они предпочитали даже вовсе не кончать курса. Такимъ образомъ, студенты не были ничѣмъ заинтересованы въ успѣшномъ прохожденіи курса, кромѣ, конечно, идеальныхъ побужденій, встрѣчавшихся не часто. Но и при всемъ желаніи, для успѣшныхъ занятій въ университетѣ у слушателей не хватало надлежащей подготовки. Гимназія, въ лучшемъ случаѣ, выпускала ихъ съ твердо вызубренной номенклатурой знаній, которая скоро испарялась изъ памяти, не оставляя никакихъ слѣдовъ. Такимъ образомъ, вмѣсто прохожденія университетскаго курса, студентамъ приходилось прежде всего повторять въ университетѣ гимназическіе предметы, или такъ называемый «пріуготовительный курсъ». Этимъ курсомъ часто,—какъ, напр., въ казанскомъ университетѣ первыхъ годовъ,—и кончалось все дѣло университета. До «спеціальныхъ» факультетскихъ курсовъ доходили только отдѣльные, наиболѣе усердные студенты; но тутъ являлось новое препятствіе. Спеціальные курсы читались приглашенными изъ-за границы профессорами, преимущественно на латинскомъ языкѣ. Но въ латинскомъ языкѣ студенты были еще слабѣе, чѣмъ въ новыхъ, которыхъ они, впрочемъ, тоже почти не знали. Когда одинъ ка-

*) Въ 1810 г. всѣ казеннокоштные; въ 1820 г. только 24 своекоштныхъ; въ 1828—только 48.

занскій профессоръ попробовалъ экспромтомъ проэкзаменовать свою аудиторію, давъ ей нѣсколько русскихъ фразъ для перевода, снабдивъ студентовъ лексиконами и сдѣлавъ всѣ указанія, какихъ только они просили, то получился слѣдующій результатъ. Фраза «онъ пришелъ ко мнѣ въ то время, какъ я писалъ»—вышла у студентовъ по латыни. «ille venit ad mihi in eo temporo scribendi»; другую фразу «братъ вашъ весьма исправенъ въ своей должности» студенты перевели: «frater vestrorum maximus bonus suo officia» и т. п. Понятно, что при этихъ условіяхъ профессору приходилось диктовать латинскій текстъ лекціи, и затѣмъ объяснять его понѣмецки той части аудиторіи, которая не училась французскому, и по-французски другой части, которая не училась нѣмецкому: и при всемъ томъ содержаніе лекціи должно было оставаться для слушателей въ туманѣ. Меньше всего страдала отъ вытекавшихъ отсюда взаимныхъ недоразумѣній математика; поэтому математическія науки и были единственными, въ которыхъ уже тогда русскіе студенты оказали блестящіе успѣхи. Всего хуже шло медицинское преподаваніе. Требуя отъ университетовъ на первый разъ только учителей, правительство не спѣшило устраивать медицинскіе факультеты; большинство каѳедръ оставалось не занятыми; необходимыхъ пособій не было; наличные курсы посѣщались только изъ любознательности отдѣльными студентами и нерѣдко прекращались вовсе, за отсутствіемъ слушателей. Изъ другихъ спеціальныхъ курсовъ только лекціи по философскимъ и политическимъ наукамъ могли разсчитывать на постоянную аудиторію, такъ какъ подготовляли къ гимназическому преподаванію тѣхъ же предметовъ.

Два вывода сами собою вытекали изъ этого состоянія высшей школы: оба они и были немедленно сдѣланы. Во-первыхъ, надо было, очевидно, постараться, чтобы профессора читали лекціи на языкѣ, понятномъ для слушателей. Вызовъ иностранныхъ профессоровъ оказался мѣрой нецѣлесообразной: послѣ перваго массоваго призыва при введеніи устава 1804 года, эта мѣра болѣе и не повторялась. Но недостаточнымъ оказалось также и подготовлять замѣстителей этимъ профессорамъ въ юныхъ русскихъ университетахъ. Оставалось одно: поѣхать русскимъ за-границу. Уже въ 1808 тоду этотъ способъ былъ испробованъ съ 12-ю воспитанниками педагогическаго института; изъ нихъ вышли такіе выдающіеся профессора, какъ Галичъ, Плисовъ, Куницынъ,—всѣ пострадавшіе въ погромѣ 1821 года. Когда наступившій затѣмъ «общій научный упадокъ университетовъ... сознанъ былъ самимъ высшимъ правительствомъ»,—для поднятія профессорскаго уровня рѣшено было прибѣгнуть къ той же самой мѣрѣ. Въ ноябрѣ 1827 г. состоялось высочайшее повелѣніе послать сперва въ Дерптъ, а затѣмъ въ Берлинъ и Парижъ 20 способнѣйшихъ студентовъ, выбранныхъ изъ всѣхъ университетовъ. Къ нимъ присоединены были въ слѣдующемъ 1828 г. еще шестеро лучшихъ студентовъ, выбранныхъ изъ московской и петербургской академій для подготовки на каѳедру законовѣдѣнія. Такимъ образомъ предполагалось устранить ту причину неуспѣшности университетскаго преподаванія, которая зависѣла отъ состава профессоровъ.

Другой причиной была, какъ мы видѣли, неподготовленность студентовъ, вытекавшая изъ неудовлетворительной постановки гимназическаго преподаванія. Реформа 1804 г., какъ мы видѣли, наполнила гимназическую програму университетскими предметами. Она исходила при этомъ изъ того предположенія,—прямо высказаннаго въ 1812 году министромъ Разумовскимъ,—что «*не всякій* имѣетъ возможность продолжать занятія въ университетѣ», и поэтому гимназія должна дать законченный курсъ свѣдѣній, необходимыхъ для развитія и для практической жизни. Съ этой точки зрѣнія, самое устройство университетовъ должно было служить лишь *средствомъ* для подготовки гимназическихъ учителей. Въ своемъ скептицизмѣ реформаторы были, однако же, еще слишкомъ большими оптимистами. Не только университетъ доступенъ былъ «не всякому», но и созданная вновь гимназія *никому* почти не была нужна при тогдашнемъ отношеніи общества къ образованію. Большинство продолжало, какъ и прежде, ограничиваться прохожденіемъ младшихъ классовъ главнаго училища; а эти классы составили теперь, какъ мы знаемъ, приходское и уѣздное училища. Даже новый, высшій классъ уѣзднаго училища казался обществу излишнимъ обремененіемъ. Смотритель Валдайскаго малаго училища писалъ, напр., въ 1817 г., передъ предстоявшимъ преобразованіемъ его въ уѣздное: «родители учащихся І-го, а особенно ІІ-го класса просятъ, дабы дѣтей ихъ обучать токмо чтенію и чистописанію, отнюдь не занимая никаковыми предметами, положенными въ уставъ, почему не признаютъ оныхъ для дѣтей своихъ нужными,—объявляя притомъ, что, въ противномъ случаѣ, они не будутъ ихъ пускать въ училище, и *доказываютъ сіе самымъ дѣломъ*». Можно подумать, что такъ смотрѣло тогда на дѣло только купечество и мѣщанство уѣзднаго города, дававшее огромное большинство учениковъ въ уѣздную школу. Но то же узнаемъ о чиновничествѣ губернскихъ городовъ. Напр., пермскій директоръ пишетъ: «чиновники болѣе достаточные спѣшатъ поскорѣе пристроить своихъ дѣтей къ должности, не столько для полученія жалованья, сколько для *ранней заслуги чиновъ*; а бѣдные и матери сиротъ часто безвременно дѣтей своихъ отвлекаютъ отъ ученія, съ тѣмъ, чтобы снискать пособіе въ хозяйствѣ, а иногда и самое пропитаніе». Дворянство, какъ мы уже говорили, не довѣряло воспитательной сторонѣ казенной школы и интересовалось совсѣмъ другими предметами, чѣмъ преподававшіеся тамъ. Въ видѣ уступки дворянскимъ вкусамъ, гимназіямъ приходилось усиливать практику французскаго языка, вводить фехтованье и танцы. Но и это мало помогало.

Итакъ, образовательная часть въ гимназіяхъ 1804 года стояла гораздо выше, а воспитательная значительно ниже, чѣмъ требовалось для зажиточныхъ классовъ того времени. Въ результатѣ, гимназія и особенно ея высшіе классы—существовала для слишкомъ немногихъ, чтобы продолжать быть *цѣлью* самой по себѣ. Между тѣмъ, при уставѣ 1804 года она не годилась и какъ *средство* для подготовки къ высшей школѣ. Въ ней преподавались, неизвѣстно для кого, университетскіе курсы; послѣдствіемъ этого было то, что въ университетѣ приходилось преподавать гимнази-

ческіе. Въ результатѣ—университетъ страдалъ отъ постановки преподаванія въ гимназіи, а гимназія—отъ постановки преподаванія въ университетѣ. Надо было выдти изъ этого круга. Если, какъ оказывалось, гимназія не можетъ служить своимъ собственнымъ задачамъ, то нужно было, чтобы она, по крайней мѣрѣ, служила задачамъ университета. При тогдашнемъ составѣ профессоровъ достигнуть этого лучше всего можно было, научивъ гимназистовъ, какъ слѣдуетъ, латинскому языку. «Мнѣ кажется,—писалъ уже въ 1807 году казанскій попечитель,—что гимназистъ, оказавшій довольные успѣхи въ латинскомъ языкѣ, при посредственномъ успѣхѣ въ другихъ предметахъ, достойнѣе названъ быть можетъ студентомъ, нежели не могущій разумѣть профессорскихъ лекцій, но успѣвшій въ исторіи, географіи, математикѣ и въ прочемъ, потому что всѣ въ гимназіи преподаваемыя наставленія знающій латинскій языкъ будетъ имѣть случай повторить, посѣщая профессорскія лекціи». Въ 1811 году на эту же точку зрѣнія сталъ рѣшительно петербургскій попечитель, гр. С. Уваровъ, и основалъ на ней новую реформу гимназій своего округа, долженствовавшую вскорѣ послужить образцомъ для всей имперіи.

«Цѣль гимназіи вообще есть приготовленіе учащихся къ слушанію академическихъ или университетскихъ курсовъ наукъ»,—таково основное положеніе реформы гр. Уварова. Въ XVIII вѣкѣ эта цѣль опредѣлялась совершенно наоборотъ. «Цѣлью воспитанія и ученія въ гимназіи», говорилось въ 1797 году, «полагается то, чтобы со временемъ можно было получить людей, способныхъ болѣе къ гражданской жизни, и къ военной и гражданской службѣ, нежели къ состоянію, отличающему ученаго человѣка». Мы видѣли, что и программы 1804 г. готовили гимназическую молодежь для жизни, а не для школы. Неудача этихъ программъ создала для гимназій то положеніе, которое формулировано въ основномъ тезисѣ Уварова. Выводы изъ этого тезиса слѣдовали сами собою. Во-первыхъ, «въ курсъ гимназическій не должны входить такіе предметы, которые предоставляются однимъ университетамъ», т. е. науки философскія и общественныя. Во-вторыхъ, гимназія должна ввести, какъ главные, тѣ предметы, безъ которыхъ научныя занятія въ университетѣ были невозможны въ то время, т. е. классическіе языки и прежде всего латинскій. Законъ Божій и русскій языкъ, отведенные уставомъ 1804 г. въ программу уѣздныхъ училищъ, снова водворялись въ гимназической программѣ. Примыкали къ гимназіи и отдѣленные отъ нея низшіе классы. Такимъ образомъ получался семигодичный курсъ съ предметами, очень близкими къ современной программѣ. Латинскій языкъ начинался съ третьяго класса (всего—32 часа въ недѣлю); въ двухъ старшихъ проходился и греческій (6 часовъ). 7 ноября 1811 года планъ Уварова былъ утвержденъ и примѣненъ, въ видѣ опыта, въ петербургской гимназіи. Въ 1817 году рѣшено было ввести уваровскую программу во всѣхъ русскихъ гимназіяхъ. Таково было происхожденіе и первые шаги классической школы въ Россіи. Древніе языки, какъ видимъ, введены были въ ея программу, не какъ орудіе формальнаго развитія, а какъ необходимое средство къ пріобрѣ-

тенію высшихъ познаній. «Знаніе латинскаго языка», говорилось въ указѣ 7 іюля 1811 года, «доказываетъ пріобрѣтеніе глубокихъ и твердыхъ свѣдѣній въ словесности вообще, исторіи, археологіи, миѳологіи и прочихъ подобныхъ симъ наукахъ».

Перечисленныя отдѣльныя мѣры для лучшей подготовки профессоровъ и студентовъ показываютъ, что поводовъ къ общей реформѣ высшей и средней школы имѣлось достаточно. Общая реформа произведена была, однако, не подъ вліяніемъ педагогическихъ, а подъ вліяніемъ, главнымъ образомъ, политическихъ соображеній.

Въ манифестѣ 13 іюля 1826 г., объявлявшемъ въ общее свѣдѣніе приговоръ надъ декабристами, правительство обращало вниманіе родителей на необходимость «нравственнаго воспитанія дѣтей». «Не просвѣщенію, но праздности ума, болѣе вредной, нежели праздность тѣлесныхъ силъ,—недостатку твердыхъ познаній должно приписать сіе своевольство мыслей, сію пагубную *роскошь полупознаній*, сей порывъ въ мечтательныя крайности, коихъ начало есть порча нравовъ, а конецъ—погибель. Тщетны будутъ всѣ усилія, всѣ пожертвованія правительства, если домашнее воспитаніе не будетъ пріуготовлять нравы и содѣйствовать его видамъ». Такъ говорилось въ манифестѣ. Реформа школы представлялась императору Николаю первымъ и самымъ дѣйствительнымъ средствомъ для отрезвленія общества «отъ дерзновенныхъ мечтаній». Рескриптомъ 14 мая 1826 года онъ назначилъ особый «комитетъ устройства учебныхъ заведеній», цѣлью котораго было «безъ всякаго отлагательства» ввести единообразіе въ учебную систему, «дабы уже, за совершеніемъ сего, воспретить всякія произвольныя преподаванія ученій, по произвольнымъ книгамъ и тетрадямъ». Во исполненіе желаній государя министръ Шишковъ выступилъ передъ комитетомъ съ обширнымъ планомъ общей реформы. Планъ этотъ построенъ былъ на двухъ основныхъ идеяхъ. Первая идея состояла въ томъ, чтобы «расположить ученіе въ каждомъ изъ учебныхъ зоведеній такимъ образомъ, чтобы оно могло служить окончательнымъ образованіемъ того класса людей, для котораго таковыя училища преимущественно учреждаются». Съ этой идеей николаевская система учебныхъ заведеній должна была занять середину между екатерининской и александровской. Екатерининская школа была, какъ мы знаемъ, одна для всѣхъ; во всякой школѣ можно было начать ученье сначала и бросить, когда кто хотѣлъ. Съ такой системой достигалось единство образованія, но нельзя было высоко поднять его уровня. Напротивъ, александровская система связывала всѣ учебныя заведенія въ одну непрерывную цѣпь, такъ что низшая школа по необходимости являлась, главнымъ образомъ, ступенью къ высшей. Если первую систему можно представить себѣ въ видѣ ряда концентрическихъ круговъ, то вторая скорѣе похожа на лѣстницу, низомъ своимъ опиравшуюся на народную массу, а верхомъ достигавшую университета. Теперь эту лѣстницу предстояло разнять на части, и изъ каждой части сдѣлать самостоятельное цѣлое. Шишковъ исходилъ изъ несомнѣннаго факта, «что изъ уѣзднаго училища развѣ сотый человѣкъ

поступитъ въ университетъ, между тѣмъ какъ 99 окончатъ ученіе свое въ семъ училищѣ и частію въ гимназіи». «Слѣдовательно», выводилъ онъ отсюда, «при назначеніи постепенности учебныхъ заведеній, отнюдь не должно исключительно имѣть въ виду приготовленіе учениковъ къ переходу изъ одного заведенія въ другое высшее, но потребности тѣхъ состояній, которыя должны были получить въ нихъ окончательное образованіе... Приходскія школы должны существовать у насъ преимущественно для крестьянъ, мѣщанъ и промышленниковъ низшаго класса; уѣздныя—для купечества, оберъ-офицерскихъ дѣтей и дворянъ; гимназіи преимущественно для дворянъ, не лишая, впрочемъ, и другія состоянія права поступать въ нихъ». Такимъ образомъ, изъ педагогическихъ соображеній искусно выводился тотъ политическій тезисъ, что никто не долженъ получать образованія выше своего званія, а сдѣланныя при этомъ оговорки уже могли показать, что въ дѣйствительности все останется по старому.

Другая идея реформы 1828 г. была та, что школа должна не только учить, но и воспитывать, и что это воспитаніе должно всецѣло находиться въ рукахъ государства. Эта идея всего ярче выражена въ извѣстной запискѣ Пушкина, поданной государю. «Должно увлечь все юношество въ общественныя заведенія, подчиненныя надзору правительства; должно его тамъ удержать (на бо́льшее количество лѣтъ), дать ему время перекипѣть, обогатиться познаніями, созрѣть въ тишинѣ училищъ, а не въ шумной праздности казармъ... Нечего колебаться, во что бы то ни стало подавить воспитаніе частное». Поэтъ угадалъ намѣренія министра, который предлагалъ, для достиженія намѣченныхъ имъ цѣлей, во-первыхъ, поощрительныя, во-вторыхъ, запретительныя мѣры. Поощрительныя мѣры должны были привлечь дворянство къ прохожденію длиннаго гимназическаго курса, освободивъ его отъ страха, что дѣти испортятся въ гимназіи и что годы пройдутъ безъ пользы для выслуги чиновъ. Для первой цѣли проектировалось учредить при гимназіяхъ «и даже при нѣкоторыхъ уѣздныхъ училищахъ» воспитательныя закрытыя заведенія («пансіоны») для дворянскихъ дѣтей. Вторая цѣль достигалась служебными привилегіями для гимназистовъ и предоставленіемъ лучшимъ ученикамъ права на XIV-й классъ. Запретительныя мѣры должны были заключаться въ закрытіи всѣхъ частныхъ мужскихъ пансіоновъ черезъ три года послѣ введенія реформы, въ обязательствѣ со стороны родителей—не брать дѣтей изъ казенныхъ заведеній до окончанія курса, наконецъ, въ запрещеніи принимать въ канцелярскую службу безъ диплома хотя бы уѣзднаго училища.

Планъ, какъ видимъ, былъ очень строенъ и смѣлъ, но выполнить его оказалось труднѣе, чѣмъ предложить. Въ цѣломъ онъ никогда и не былъ осуществленъ; принятіе же частныхъ мѣръ, вытекавшихъ изъ этого плана, растянулось на долгое время. Ближайшими и важнѣйшими законоположеніями, основанными на немъ, были: Уставъ гимназій и училищъ уѣздныхъ и приходскихъ (8 декабря 1828 г.), Положеніе объ учебныхъ округахъ (25 іюня 1835 г.) и Общій уставъ университетовъ (26 іюля 1835 г.).

Неизмѣннымъ въ системѣ низшихъ и среднихъ школъ осталось по новому Уставу только приходское училище. Оно продолжало служить и подготовительной ступенью для слѣдующихъ. Курсъ уѣздныхъ училищъ составилъ самостоятельное цѣлое: за исключеніемъ языковъ, здѣсь преподавались теперь почти всѣ тѣ же предметы, какъ въ гимназіи, но только въ меньшемъ объемѣ. На прохожденіе курса назначено было 3 года вмѣсто прежнихъ двухъ, и число учителей увеличено съ двухъ до пяти. Начальникомъ уѣздныхъ и приходскихъ училищъ оставался нѣсколько лѣтъ по прежнему директоръ губернской гимназіи; но въ концѣ 1836 г. устроена для этой цѣли особая дирекція училищъ. Чрезвычайно важно было для дальнѣйшей судьбы уѣздныхъ училищъ, что уставъ 1828 г. рѣшился ихъ содержаніе взять на счетъ казны: это былъ шагъ впередъ сравнительно съ уставомъ 1804 г., обезпечившимъ однѣ гимназіи.

На преобразованіе гимназіи обращено было новымъ уставомъ особенное вниманіе. Здѣсь именно сосредоточивалась та «роскошь полузнаній», которую предполагалось замѣнить серьезнымъ прохожденіемъ немногихъ предметовъ. Гимназическую же молодежь предполагалось продержать въ школѣ нѣсколько лишнихъ лѣтъ, пока «перекипятъ» страсти, и выпускать въ жизнь не по шестнадцатому, а по крайней мѣрѣ, по восемнадцатому году. Всѣмъ этимъ требованіямъ удовлетворяла уваровская гимназія; естественно, что она и положена была въ основу гимназическаго устройства 1828 г. Курсъ приходской школы предполагался извѣстнымъ уже при поступленіи въ гимназію; но дальнѣйшее преподаваніе велось сначала, параллельно съ курсомъ уѣзднаго училища. Вся программа должна была проходиться въ семь лѣтъ, т. е. еще на годъ больше, чѣмъ въ уваровской гимназіи 1811 года. Но относительно ближайшаго содержанія этой программы мнѣнія членовъ комитета разошлись. Всѣ согласны были съ положеніемъ, что при составленіи программы «должно имѣть цѣлью болѣе основательное, нежели обширное образованіе»; поэтому о сохраненіи въ гимназическомъ курсѣ философскихъ и общественныхъ наукъ не было и рѣчи. Но основной принципъ реформы 1828 г. требовалъ, чтобы гимназія давала законченный курсъ и существовала бы для подготовки дворянскихъ дѣтей къ практической жизни. Между тѣмъ, гимназія уваровскаго типа главной цѣлью ставила готовить молодыхъ людей къ университету. Для университета двадцатыхъ годовъ, съ его наличными профессорами и курсами, необходимо было, чтобы гимназисты знали латинскій языкъ. Древній языкъ предполагалось сдѣлать главнымъ предметомъ и въ новой гимназіи: на латинскій назначалось въ проектъ 70 часовъ въ недѣлю во всѣхъ классахъ, на греческій 50. Но одинъ изъ самыхъ вліятельныхъ членовъ комитета, гр. Сиверсъ, напомнилъ сочленамъ объ интересахъ «тѣхъ, кои не имѣютъ намѣренія изучать университетскій курсъ», и для нихъ выдвигалъ на первое мѣсто, рядомъ съ древними языками, математику, на которую въ проектѣ отведено было всего 44 часа *).

*) Изъ другихъ предметовъ на исторію назначалось 24 часа, на русскій языкъ 26, географію 14, естественную исторію 12, физику, рисованіе, чистописаніе—по 6; новыхъ языковъ не полагалось вовсе.

Другой членъ, кн. Ливенъ, назначенный скоро министромъ народнаго просвѣщенія, ставилъ вопросъ еще рѣзче. «Университетъ получалъ», по его словамъ, отъ уваровской гимназіи «ту выгоду, что гимназіи доставляютъ ему гораздо лучше приготовленныхъ воспитанниковъ: напротивъ, дворянство весьма жалуется, что ихъ дѣтей,—изъ коихъ меньшая только часть посвящаютъ себя службѣ въ провинціальныхъ присутственныхъ мѣстахъ и потому обучаются въ университетѣ правамъ, гораздо же бо̀льшая часть приготовляются въ военную службу или для занятія сельскимъ хозяйствомъ,—мучатъ ненужными для нихъ древними языками, что похищаетъ у нихъ время для изученія полезнѣйшихъ познаній». Ливенъ соглашался, что «сія жалоба слишкомъ справедлива» и находилъ, что для удовлетворенія ея «не остается никакого другого удобнаго средства, какъ: или основать совершенно отдѣльныя училища, въ параллельномъ отношеніи къ гимназіямъ состоящія, или при самыхъ гимназіяхъ образовать отдѣльные реальные классы въ равномъ отношеніи къ верхнимъ классамъ гимназіи, гдѣ молодые люди, не посвящающіе себя ученому занятію, во время часовъ, въ кои другіе пользуются наставленіемъ въ древнихъ языкахъ, учились бы живымъ языкамъ и необходимымъ для нихъ предметамъ». Въ концѣ концовъ, комитетъ рѣшился, дѣйствительно, допустить раздѣленіе гимназическаго курса, начиная съ IV класса, на двѣ вѣтви; но къ этому побудило его не столько мнѣніе Ливена, сколько судьба проектированнаго въ будущей гимназіи греческаго класса. Уваровъ, самъ дѣлавшій попытку ввести греческій языкъ въ гимназическій курсъ, хорошо зналъ, какъ мало имѣлось для этого на лицо подходящихъ преподавателей. Поэтому, онъ рѣшительно предлагалъ ограничиться введеніемъ греческаго языка только въ гимназіяхъ университетскихъ городовъ; взамѣнъ того, онъ совѣтовалъ ввести въ программу исключенные проектомъ новые языки. Въ томъ же духѣ высказался самъ императоръ Николай, только что получившій записку Пушкина. Въ запискѣ этой говорилось между прочимъ: «къ чему латинскій или греческій? Позволительна ли роскошь тамъ, гдѣ чувствителенъ недостатокъ необходимаго?» Вѣроятно, государь имѣлъ въ виду это замѣчаніе Пушкина, когда противъ опредѣленій комитета о греческомъ и французскомъ языкѣ написалъ: «я считаю, что греческій языкъ есть роскошь, тогда какъ французскій—родъ необходимости,—а потому на это согласиться не могу» (т. е. на введеніе греческаго и исключеніе французскаго). Мнѣніе государя окончательно рѣшило дѣло. Комитетъ старался, правда, оправдать свои предположенія тѣмъ, что «одной изъ главнѣйшихъ причинъ ложнаго направленія воспитанія» онъ считаетъ «преобладаніе французской словесности», что знаніе французскаго языка развиваетъ самонадѣянность, тогда какъ изученіе древнихъ языковъ приводитъ къ скромности и къ сознанію своего невѣдѣнія. Но практическаго значенія эти разсужденія уже не имѣли. Въ окончательной редакціи устава на долю латинскаго языка оставлено было только 39 часовъ, на долю греческаго 30; и притомъ этотъ языкъ вводился только въ нѣ-

которыхъ гимназіяхъ; въ остальныхъ эти часы дѣлились между математикой и новыми языками *).

Изъ другихъ предположеній «комитета учебныхъ заведеній» особенное вниманіе обращено было на устройство, на дворянскія средства, «благородныхъ пансіоновъ» при гимназіяхъ. Къ 1849 году этихъ пансіоновъ открыто было 47; съ тѣхъ поръ и до 1863 г. къ этой цифрѣ прибавилось только четыре. Въ пансіонахъ дворянскимъ дѣтямъ дозволялось проходить «учебные предметы, ближе принадлежащіе къ образованію высшаго сословія», и во многихъ изъ нихъ заведено было преподаваніе французскаго языка, танцевъ, музыки, фехтованія и верховой ѣзды. Но, вообще говоря, пансіоны должны были оставаться исключительно воспитательными заведеніями, а учиться пансіонеры обязаны были въ гимназіи. Однако же, ставши разъ на путь сословныхъ привилегій, трудно было остановиться на этомъ первомъ шагѣ, и скоро одна губернія за другой стали добиваться спеціальныхъ разрѣшеній на открытіе «дворянскихъ институтовъ», т.-е. пансіоновъ съ гимназическимъ и притомъ сокращеннымъ курсомъ. Мало того, скоро появились особыя пятиклассныя дворянскія училища, по формѣ долженствовавшія быть чѣмъ-то въ родѣ прогимназій, но на дѣлѣ дававшія дворянскимъ дѣтямъ окончательное образованіе, такъ какъ «на сто учениковъ дворянскихъ училищъ приходилось довершающихъ образованіе въ гимназіи—не болѣе одного». Такимъ образомъ, планъ—загнать дворянскихъ дѣтей въ общія гимназіи и продержать ихъ тамъ до конца курса—совершенно не удался. Еще менѣе удачна была попытка бороться съ частными пансіонами. Несмотря на то, что въ 1833 г. запрещено было открывать *новые* пансіоны въ столицахъ и затруднено устройство ихъ въ провинціяхъ, число учащихся въ пансіонахъ продолжало расти. Все это видно будетъ изъ слѣдующихъ цифръ учащихся по Петербургскому округу за 1853 годъ (ср. выше).

	Дворянъ.	Прочихъ сословій.	Всего.
1. Въ университетѣ	299	125	424
2. Въ гимназіяхъ	2.265	566	2.831
(*въ томъ числѣ въ благор. пансіонахъ*	*1.099*)	—	—
3. Въ уѣздныхъ училищахъ	1.814	2.872	4.686
4. Въ приходскихъ (город.) учил.	883	6.730	7.613
5. Въ частныхъ пансіонахъ и школахъ	2.960	3.192	6.152

Такимъ образомъ, министерству удалось только, противъ своего желанія, создать привилегированную дворянскую школу; но превратить общую школу въ сословную было, очевидно, невозможно. «Въ государствахъ, гдѣ состоянія строго отдѣлены одно отъ другого,—говорилъ по этому поводу въ комитетѣ кн. Ливенъ,—гдѣ переходъ изъ одного въ другое, наипаче изъ средняго въ дворянское, чрезвычайно труденъ, ...въ такихъ государствахъ очень легко завести таковый порядокъ. Но въ Россійскомъ государствѣ, гдѣ нѣтъ средняго состоянія, ...гдѣ ремесленникъ по всѣмъ отноше-

*) Въ гимназіяхъ съ греческимъ языкомъ былъ обязателенъ только одинъ изъ нихъ.

ніямъ равенъ земледѣльцу, ...гдѣ достаточный крестьянинъ во всякое время можетъ сдѣлаться купцомъ, а часто бываетъ и тѣмъ и другимъ вмѣстѣ, гдѣ линія дворянскаго сословія толь необозримое имѣетъ протяженіе, что однимъ концомъ касается до подножія престола, а другимъ—почти въ крестьянствѣ теряется, гдѣ ежегодно многіе изъ гражданскаго и крестьянскаго сословій чрезъ полученіе военнаго или гражданскаго офицерскаго чина поступаютъ въ дворянство,—въ россійскомъ государствѣ таковое устройство училищъ затруднительно». Нельзя было яснѣе и основательнѣе показать нелѣпость сословной школы—даже въ *крѣпостной* Россіи. По уставу 1804 г., какъ мы знаемъ, гимназіи подчинялись университетамъ. Съ новымъ устройствомъ округовъ (1835) это подчиненіе прекратилось, также какъ и подчиненіе низшихъ школъ гимназическому директору. Низшая и средняя школа непосредственно подчинялась теперь учебной администраціи округа. Той же администраціи рѣшено было подчинить и высшую школу. Шишковъ уже въ 1826 году предлагалъ въ «комитетѣ» предоставить попечителю округа участіе въ выборѣ профессоровъ, а ректора назначать отъ правительства. «Чиновникъ сей, зависящій отъ выбора своихъ товарищей, — говорилъ Шишковъ, — не въ состояніи исполнять возложенную на него обязанность съ тою твердостью, какая требуется... для обезпеченія правительства на счетъ направленія преподаванія и цѣли общественнаго воспитанія». Противъ расширенія попечительской власти возсталъ, однако, тогда кн. Ливѣнъ, находившій, что «злоупотребленіе весьма тѣсно связано съ человѣкомъ; чѣмъ бóльшая предоставлена ему власть, тѣмъ злоупотребленіе опаснѣе, и нигдѣ не имѣетъ вреднѣйшихъ дѣйствій, какъ въ воспитаніи юношества». Примѣры петербургскаго и казанскаго попечителей, Рунича и Магницкаго, очевидно, слишкомъ еще свѣжи были въ памяти у всѣхъ. Тѣмъ не менѣе, университетскій уставъ 1835 года покончилъ съ фикціей академической свободы, существовавшей по уставу 1804 года. Попечитель обязанъ былъ теперь жить въ томъ городѣ, гдѣ находился университетъ. Ректоръ и деканы пока остались выборные, но власть совѣта была сильно ограничена. Судебныя функціи были вовсе отняты у университета; административныя и хозяйственныя дѣла по-прежнему вѣдались правленіемъ, но начальникомъ правленія былъ не совѣтъ, а попечитель. Попечителю же принадлежалъ надзоръ за дисциплиной въ университетѣ: инспекторъ изъ выборнаго и отвѣтственнаго передъ совѣтомъ лица превратился въ чиновника, назначавшагося попечителемъ, и притомъ не изъ профессоровъ, а изъ постороннихъ университету «военныхъ или гражданскихъ» служащихъ. Студентамъ дана была форма; уставъ регламентировалъ ихъ нравственныя обязанности и даже заботился о ихъ «наружномъ образованіи», прическѣ, манерахъ и т. д. Богословіе, церковная исторія и право дѣлались обязательными предметами для всѣхъ факультетовъ. Философія, политическая экономія и статистика переводились съ юридическаго факультета на филологическій (называвшійся тогда первымъ отдѣленіемъ философскаго); взамѣнъ того, юридическій факультетъ наполнялся ка-

ѳедрами существующаго русскаго законодательства, изученіе котораго должно было готовить студентовъ къ роли чиновниковъ, а не ученыхъ юристовъ. На филологическомъ факультетѣ открывались особыя каѳедры русской и славянской исторіи. *Русскіе* профессора должны были читать теперь *русскую* науку, основанную на *русскихъ* началахъ, какъ ихъ формулировалъ Уваровъ, сдѣлавшись въ 1833 году министромъ.

Автономный уставъ 1804 года не могъ сразу поднять русскіе университеты на должную высоту. Авторитарный уставъ 1835 года не могъ помѣшать имъ достигнуть впервые расцвѣта. Ближайшимъ образомъ университеты были обязаны этимъ своимъ расцвѣтомъ молодымъ профессорамъ, посланнымъ, какъ мы видѣли раньше, въ Дерптъ и за границу для подготовки къ ученому званію. Эти командировки дали такихъ замѣчательныхъ ученыхъ и преподавателей, какъ Неволинъ, Рѣдкинъ, Пироговъ, Крюковъ, нѣсколько позже Грановскій и т. д. Глашатаи уваровской «новой эры» преподаванія въ духѣ народности, вродѣ Шевырева, Погодина—встрѣтили это новое поколѣніе профессоровъ недружелюбно и недовѣрчиво, и имѣли на это извѣстное основаніе. Молодые ученые привезли съ собой «нѣмецкія тетрадки» и нѣмецкія теоріи; они даже самыя «начала народности» стали выводить по Гегелю. Все это было не просто, не по домашнему, а, стало быть, могло оказаться и непрочно. Даже когда они одобряли и оправдывали, они все-таки разсуждали, а нужно было просто вѣрить и умиляться. Словомъ, старое поколѣніе не поняло новаго, а новое пошло впередъ, не справляясь о мнѣніи стараго, и въ этомъ былъ залогъ его успѣха. Однако же, успѣха не могло бы быть вовсе, если бы молодые профессора тридцатыхъ годовъ проповѣдывали, какъ ученыя знаменитости двадцатыхъ и десятыхъ годовъ, передъ пустой аудиторіей. Самое важное было то, что и въ этомъ отношеніи положеніе дѣла тоже совершенно перемѣнилось. Кругомъ профессора собралась многочисленная симпатизировавшая ему аудиторія, преисполненная идеальныхъ стремленій. Конечно, идеальныхъ стремленій было достаточно въ русскомъ обществѣ и въ прежнія времена, но тутъ впервые выросло поколѣніе молодежи, которое искало удовлетворенія своимъ идеальнымъ стремленіямъ въ университетской наукѣ. Въ виду этого новаго факта—переполненія аудиторій—отношеніе къ студентамъ совершенно мѣняется. Мы видѣли, какъ прежде былъ рѣдокъ и дорогъ каждый студентъ; какъ ему платили, смотрѣли сквозь пальцы на его большіе и малые грѣхи, всячески поощряли его научное рвеніе, только чтобы дотянуть его до окончанія курса и получить въ немъ нужнаго работника. Теперь дѣло стоитъ совершенно иначе. Въ циркулярѣ 31 декабря 1840 года министръ Уваровъ выражаетъ убѣжденіе, «что, при возрастающемъ повсюду стремленіи къ образованію, наступило время пещись о томъ, чтобы чрезмѣрнымъ этимъ стремленіемъ къ высшимъ предметамъ ученія не поколебать нѣкоторымъ образомъ порядокъ гражданскихъ сословій, возбуждая въ юныхъ умахъ порывъ къ пріобрѣтенію *роскошныхъ знаній*». Эта реминисценція изъ манифеста 1826 года

показываетъ намъ, въ чемъ усматриваетъ министръ причину зла и гдѣ онъ будетъ искать лѣкарства. Бѣда въ томъ, что къ высшей наукѣ стремятся низшіе классы. Это надо устранить, и если не удалось этого сдѣлать посредствомъ законодательства, то, можетъ быть, удастся достигнуть того же косвеннымъ путемъ,— путемъ налога на образованіе. «Принимая во вниманіе,—говорится въ «предложеніи» 1845 года, — что въ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ черезъ мѣру умножился приливъ молодыхъ людей, рожденныхъ въ низшихъ слояхъ общества, для которыхъ высшее образованіе безполезно, составляя лишнюю роскошь и выводя ихъ изъ круга первобытнаго состоянія безъ выгоды для нихъ самихъ и для государства», необходимо, «не столько для усиленія экономическихъ суммъ учебныхъ заведеній *), сколько для удержанія стремленія юношества къ образованію въ предѣлахъ нѣкоторой соразмѣрности съ гражданскимъ бытомъ разнородныхъ сословій»—повысить плату за ученіе. Приведенныя выше цифры показываютъ, однако же, что наплывъ «разночинцевъ» въ гимназіи и университеты былъ не такъ уже великъ. Опасаться, что университетъ создастъ «интеллигентный пролетаріатъ», было тогда, во всякомъ случаѣ, преждевременно. Въ только-что упомянутой, идеально-настроенной аудиторіи безусловно преобладали «своекоштные» студенты изъ привилегированнаго сословія. Они совсѣмъ не искали въ университетѣ хлѣбныхъ занятій и не спѣшили, по окончаніи курса, пристраиваться на казенную службу. «Многіе молодые люди,—говорится въ одномъ любопытномъ распоряженіи 1850 года, — по окончаніи университетскаго курса, не поступая на службу, остаются въ столицѣ **) и принимаютъ участіе въ изданіи журналовъ и газетъ. Такимъ образомъ, молодые люди увлекаются на это скользкое поприще, нерѣдко вопреки призванію, и, не имѣя еще никакой опытности и благоразумія, подвергаются вліянію неблагонамѣренныхъ издателей періодическихъ сочиненій». Причину такого уклоненія отъ государственной службы министерство находитъ въ томъ, что молодежь «брезгуетъ мѣстами въ губерніи, а потому оно разрѣшаетъ принимать кандидатовъ университета прямо въ высшія присутственныя учрежденія Петербурга». За годъ передъ тѣмъ, въ 1849 г., число своекоштныхъ студентовъ въ университетахъ было ограничено комплектомъ въ 300 человѣкъ, и правительство, вводя эту мѣру, прямо замѣчало, что лучше бы было, если бы «дѣти благороднаго сословія искали преимущественно, какъ потомки древняго рыцарства, службы военной передъ службой гражданской. На сей конецъ имъ открыта возможность поступать въ военно-учебныя заведенія или же прямо къ ряды войскъ,—*для чего университетское образованіе не есть необходимость*».

Какъ видимъ, обстоятельства значительно перемѣнились послѣ

*) Именно для этой цѣли впервые была введена Уваровымъ плата за ученіе въ гимназіяхъ Петербургскаго округа въ 1817 г.

**) Такъ, за три предыдущіе года распоряженіе насчитываетъ изъ 333 человѣкъ, окончившихъ петербургскій университетъ, только 96 поступившихъ на службу.

реформы 1828 года. Охранительныя мѣры, принятыя этой мѣрой въ среднемъ и высшемъ образованіи, теперь уже казались недостаточными, особенно послѣ того, какъ разразилась февральская революція. Изъ гимназіи прежде всего устранены были остатки «роскошныхъ знаній»,—философскихъ и общественныхъ,—уцѣлѣвшіе въ ней отъ программы 1804 года. Циркуляромъ 17 ноября 1844 года было отмѣнено отдѣльное преподаваніе статистики и рѣшено соединить ее съ географіей, «отсѣкая отъ статистики всякія разсужденія, имѣющія ближайшую связь съ политическими науками». Циркуляромъ 9 января 1847 г. отмѣнено и преподаваніе логики. Еще важнѣе были перемѣны, произведенныя въ гимназическомъ курсѣ подъ вліяніемъ событій 1848 года. Если молодые люди не уважаютъ законовъ, говорилось теперь, то это потому, что они совсѣмъ не знаютъ дѣйствующаго законодательства, а увлекаются республиканскими учрежденіями классическаго міра. Слѣдовательно, заключали отсюда, классицизмъ вреденъ, и древніе языки должны быть замѣнены законовѣдѣніемъ. Исходя изъ этихъ положеній, петербургскій попечитель Мусинъ-Пушкинъ предложилъ раздѣлить гимназическій курсъ, начиная съ 4 класса, на два отдѣленія: одно латинское — для тѣхъ, кто готовится перейти въ университетъ, и другое юридическое—для желающихъ изъ гимназіи идти прямо на службу. Дальнѣйшее ослабленіе классическаго преподаванія произведено было уже послѣ Уварова, въ томъ же 1849 году отставленнаго,—при его преемникѣ, кн. Ширинскомъ-Шихматовѣ. Министерство прямо было запрошено, «не полагаетъ ли оно, также какъ Его Величество, что преподаваніе греческаго языка во *всѣхъ* гимназіяхъ совершенно излишне». Государь находилъ, что достаточно оставить греческій языкъ для мѣстностей съ греческимъ населеніемъ (Таганрога и Нѣжина). Министръ предложилъ сохранить греческій языкъ также и въ одной изъ гимназій каждаго университетскаго города, для подготовки студентовъ филологическаго факультета. Такимъ образомъ, въ 1851 году во всей коренной Россіи осталось восемь полныхъ классическихъ гимназій *). Мѣсто греческаго языка занято было, по предложенію министра, естественными науками, которыя «составляютъ потребность современнаго образованія» и могутъ «ощутительно облегчить подробное и основательное изученіе естественныхъ наукъ для студентовъ физико-математическаго и медицинскаго факультета». Въ наше время классицизмъ и естественныя науки давно перемѣнились мѣстами, и намъ трудно понять теперь, какимъ образомъ Грановскій въ своей запискѣ 1855 года могъ брать на себя защиту классицизма и намекать на опасность односторонняго преподаванія естественныхъ наукъ. Гимназическая реформа 1849 — 1851 годовъ даетъ ключъ къ объясненію этихъ мнѣній Грановскаго.

Не остался безъ измѣненій въ сороковыхъ годахъ и университетскій уставъ 1835 года. Правительство считало необходимымъ

---

*) Передъ реформой 1851 г. греческій языкъ преподавался въ 45 гимназіяхъ изъ 74. Уставъ 1828 г. предоставлялъ его распространеніе въ губернскихъ гимназіяхъ—министру.

подвергнуть университеты еще болѣе сильному контролю, чѣмъ допускалъ этотъ уставъ. Первый опытъ такого контроля произведенъ былъ надъ новымъ кіевскимъ университетомъ (учр. въ 1833 году). По уставу 1842 года, ректоръ назначался министромъ изъ двухъ кандидатовъ, выбранныхъ университетомъ. Профессора, рядомъ съ выборомъ въ совѣты, могли назначаться министромъ. Чтобы избѣжать посылокъ заграницу (запрещенныхъ для всѣхъ въ 1831 г., для оставляемыхъ при университетѣ — въ 1848 г.), уставъ 1842 г. вводилъ для подготовки къ профессорскому званію институтъ доцентовъ. Вообще, съ административной централизаціей уставъ 1842 года пробовалъ соединить нѣкоторыя черты германской академической свободы — и въ обоихъ этихъ отношеніяхъ являлся первообразомъ устава 1884 года. Первый шагъ къ распространенію кіевскаго устава на другіе университеты сдѣланъ былъ положеніемъ о ректорахъ 11 октября 1849 г., въ силу котораго ректорская должность не должна была совмѣщаться съ профессорской и ректоръ назначался не по выбору. Тѣмъ же положеніемъ предоставлено было министру увольнять декановъ по усмотрѣнію и назначать въ деканы профессоровъ факультета безъ выборовъ *). Подчиненные такимъ образомъ министерству, ректоры и деканы получили въ слѣдующемъ 1850 году инструкцію, устанавливавшую правила самаго детальнаго надзора за преподаваніемъ. Всѣ преподаватели должны были, сообразно этой инструкціи, представлять передъ началомъ курса точныя программы преподаванія съ указаніемъ сочиненій, которыми они будутъ пользоваться. Деканы должны были наблюдать, «чтобы въ содержаніи программы не укрылось ничего, несогласнаго съ ученіемъ православной церкви или съ образомъ правленія и духомъ государственныхъ учрежденій», а также слѣдить за тѣмъ, чтобы чтенія соотвѣтствовали программѣ; о малѣйшемъ отступленіи, «хотя бы и безвредномъ», они обязаны были доводить до свѣдѣнія ректора. Лекціи профессоровъ подлежали повѣркѣ въ рукописи. Еще съ 1848 г. литографированныя записки «за профессорской подписью», должны были доставляться въ Публичную библіотеку; печатать же рѣчи и лекціи профессоровъ можно было (съ 1847 г.) только съ разрѣшенія попечителя. Нѣкоторые предметы подверглись особому гоненію. Такъ, государственное право европейскихъ державъ, «потрясенныхъ внутренними крамолами и бунтами въ самыхъ основаніяхъ своихъ по нетвердости началъ и неудовлетворительности выводовъ», въ 1849, г. исключено вовсе изъ числа предметовъ университетскаго преподаванія. То же случилось въ 1850 году и съ философіей, которая признана была,— «при современномъ предосудительномъ развитіи этой науки германскими учеными»—безполезной, за исключеніемъ логики и психологіи, Чтеніе этихъ послѣднихъ наукъ поручено было профессорамъ богословія, которые должны были «сроднить» ихъ «съ истинами откровенія».

*) Такъ, напримѣръ, вмѣсто выбраннаго Грановскаго, назначенъ былъ Шевыревъ.

Такъ шло дѣло до начала новаго царствованія. Съ воцареніемъ императора Александра II политика министерства народнаго просвѣщенія круто перемѣнилась. Одна за другой были отмѣнены стѣснительныя мѣры сороковыхъ годовъ. Харьковскій и Кіевскій округъ, отданные въ 1847—1848 гг. въ вѣдомство генералъ-губернаторовъ, вернулись подъ управленіе попечителей (1855); ректоры и деканы снова сдѣлались выборными и данная имъ инструкція уничтожена (1861). Инспекторъ потерялъ власть надъ студентами за стѣнами университета (1858), гдѣ имъ разрѣшено было носить партикулярное платье; въ 1861 г. форма была вовсе отмѣнена. Посылка профессоровъ за-границу, пріостановленная въ 1848 г., возобновилась съ 1856 г.; чтеніе публичныхъ лекцій было облегчено (1862). Каѳедры философіи и государственнаго права были возстановлены. Всѣ эти отдѣльныя мѣры правительство приняло, не дожидаясь общей реформы; но вопросъ объ общей реформѣ былъ одновременно съ ними поднятъ въ министерствѣ. При обсужденіи учебной реформы, какъ и другихъ реформъ того времени, правительство прибѣгло къ услугамъ гласности въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Проектъ новаго устава для петербургскаго университета былъ, по порученію министерства, составленъ уже въ 1858 г.; затѣмъ онъ былъ пересланъ московскому университету, который передалъ его казанскому; отсюда проектъ былъ разосланъ во всѣ остальные университеты имперіи. Послѣ этого, въ 1861 г. составилась при министерствѣ коммиссія изъ попечителей и восьми профессоровъ всѣхъ университетовъ: здѣсь разсмотрѣнъ былъ возвращенный въ Петербургъ проектъ съ замѣчаніями университетскихъ совѣтовъ и составленъ, на основаніи этого матеріала, новый проектъ устава. Напечатанный, онъ снова былъ разосланъ университетамъ, частнымъ лицамъ и иностраннымъ ученымъ. Замѣчанія всѣхъ этихъ учрежденій и лицъ были напечатаны; ученый комитетъ министерства составилъ изъ нихъ систематическій сводъ и выработалъ третью редакцію устава. Эта редакція, еще разъ пересмотрѣнная въ спеціальномъ комитетѣ изъ 6 чиновниковъ, была затѣмъ обсуждена въ государственномъ совѣтѣ и послѣ новыхъ исправленій (т. е. уже въ 5-й разъ) утверждена государемъ 18 іюня 1863 г. Приблизительно такимъ же путемъ выработанъ былъ и законъ 19 ноября 1864 г. о реформѣ средней и низшей школы, вызвавшій (во 2-й редакціи) замѣчанія 110 педагогическихъ учрежденій и 255 частныхъ лицъ, и утвержденный только въ пятой редакціи. Естественно, что при такомъ способѣ обсужденія имѣли возможность высказаться лица всѣхъ партій и направленій,—и новая учебная система въ значительной степени сообразовалась съ высказанными такимъ образомъ желаніями общества.

Въ своихъ замѣчаніяхъ на проектъ, Робертъ фонъ-Моль очень удачно характеризовалъ уставъ 1863 года, какъ соединеніе нѣмецкой системы съ французской. Согласно съ порядкомъ нѣмецкихъ университетовъ въ немъ было организовано университетское самоуправленіе. Напротивъ, согласно съ французскими порядками—учащіеся были подчинены обязательному плану преподаванія. Въ

первомъ отношеніи огромное большинство лицъ, участвовавшихъ въ обсужденіи проекта, обнаружило замѣчательное единодушіе; по отношенію же ко второму вопросу мнѣнія значительно расходились.

Автономія профессорской корпораціи—это была основная идея новаго устава. Слишкомъ хорошо испытавшіе неудобства прежняго порядка, составители проекта задались цѣлью «развить такія начала, которыя усилили бы самодѣятельность ученаго университетскаго сословія и вліяніе его на студентовъ». Власть попечителя должна была теперь ограничиться общимъ контролемъ; критики проекта провели эту мысль еще послѣдовательнѣе, чѣмъ его составители; ихъ статьи полны замѣчаній по поводу «бывшихъ злоупотребленій попечительской власти». Изъ самихъ попечителей только одинъ харьковскій рѣшился защищать порядокъ, дѣйствовавшій прежде. Совѣтъ профессоровъ, напротивъ, возстановлялся въ правахъ, которыя имѣлъ до устава 1835 года, и снова становился центромъ корпоративной жизни университета. Факультеты были его учебнымъ органомъ, ректоръ—исполнительнымъ, правленіе — хозяйственнымъ и административнымъ, инспекторъ—полицейскимъ, особая коммиссія профессоровъ—судебнымъ. Конечно, удержать судебныя права университета въ размѣрахъ устава 1804 г., т. е. надъ всѣми служащими, по всѣмъ гражданскимъ и частью уголовнымъ дѣламъ, было бы смѣшнымъ анахронизмомъ; но университетъ сохранилъ судъ по студенческимъ проступкамъ въ стѣнахъ университета. Инспекторъ пересталъ быть грознымъ орудіемъ попечителя, и попечитель пересталъ считать себя отвѣтственнымъ за всякое мелочное нарушеніе дисциплины. Не только распредѣленіе текущаго преподаванія, но и перемѣны во внутренней организаціи факультетовъ, замѣна одной каѳедры другою—зависѣли отъ совѣта. Ученыя степени теперь присуждались совѣтомъ *окончательно*. Факультеты имѣли право цензуры надъ сочиненіями своихъ членовъ,—право, поразившее иностраннаго критика, но хорошо понятное русскимъ, которымъ памятно еще было время, когда ученыя диссертаціи по нѣкоторымъ вопросамъ отсылались, кромѣ обычной цензуры, на разсмотрѣніе II отдѣленія.

Гораздо болѣе спорнымъ оказался вопросъ, какъ опредѣлить отношеніе университета къ студентамъ. Костомаровъ выступилъ по этому поводу съ крайнимъ мнѣніемъ, которое по частямъ раздѣлялось и нѣкоторыми другими критиками. Студентъ не школьникъ,—такова основная аксіома Костомарова; онъ — взрослый человѣкъ и приходитъ въ университетъ исключительно съ цѣлью удовлетворить своей любознательности. Никакой другой связи, кромѣ этой, между профессоромъ и слушателемъ не существуетъ: университетъ для обоихъ есть нейтральное мѣсто бесѣды. Аудиторія профессора должна быть просто залой публичныхъ лекцій, посѣщеніе которой не налагаетъ никакихъ обязательствъ и не даетъ никакихъ привилегій. Превращать эту временную и случайную связь въ корпоративную—есть чистый анахронизмъ; всякія корпораціи суть не болѣе, какъ остатки среднихъ вѣковъ.

Не трудно было замѣтить, что мнѣніе Костомарова не разрѣшаетъ, а упраздняетъ вопросъ. Для того, чтобы уничтожить дурную сторону явленія, онъ предлагалъ уничтожить самое явленіе. Вопросъ былъ не въ томъ, чтобы уничтожить университетъ, а чтобы, при существованіи университета, установить нормальныя отношенія между учащими и учащимися. Значительная часть обсуждавшихъ уставъ лицъ искали разрѣшенія этого вопроса въ «свободѣ преподаванія и ученія» (Lehr- und Lernfreiheit) германскихъ университетовъ. Наиболѣе краснорѣчиво и продуманно развилъ эту точку зрѣнія въ цѣломъ профессоръ и бывшій попечитель двухъ учебныхъ округовъ, Н. И. Пироговъ. Нѣкоторые изъ его единомышленниковъ еще рѣшительнѣе его высказали вытекавшія отсюда послѣдствія. Для Пирогова развитіе науки есть также главнѣйшая цѣль университета; а свобода научныхъ занятій и сношеній профессоровъ и студентовъ—единственное средство для достиженія этой цѣли. Онъ тоже желаетъ какъ можно меньше обязательствъ и привилегій съ обѣихъ сторонъ. Онъ рѣшительно противъ соединенія ученой степени съ чиномъ и службой: если ученая степень и должна давать служебныя права, то пусть это будетъ дѣломъ государства, а не университета. Профессора Чичеринъ и Горловъ прямо предлагаютъ экзаменовать на государственную службу внѣ университета, и Пироговъ «только по необходимости» оставляетъ экзаменъ на должность въ университетѣ. Сами профессора, во всякомъ случаѣ, не должны имѣть чиновъ. Каѳедра не должна быть для профессора казенной синекурой, и Пироговъ настаиваетъ на перебаллотировкѣ профессора, вмѣсто 25 лѣтъ, уже черезъ 12½. Больше всего онъ возстаетъ противъ непотизма и застоя профессорской корпораціи, и, какъ средство, предлагаетъ не ограниченіе корпоративныхъ правъ, а воздѣйствіе общественнаго мнѣнія и конкурренція. Чтобы дать вліяніе мнѣнію общества, коллегъ и самихъ учащихся («автономическій университетъ немыслимъ и безъ общественнаго мнѣнія учащихся»), Пироговъ рекомендуетъ возможно большую гласность въ университетскихъ дѣлахъ,—напр., въ частности, публичные конкурсы при занятіи каѳедръ. Чтобы поддержать рвеніе въ старѣющихъ ученыхъ («сколько я видѣлъ уже всходившихъ на каѳедру съ блестящими надеждами, и черезъ 20 лѣтъ не узнавалъ ихъ! Что же, если 25 лѣтъ невозмутимаго покоя усыпятъ и свѣжія силы»), необходима конкурренція молодыхъ силъ: нужно открыть доступъ къ чтенію лекцій начинающимъ работникамъ, т. е. создать въ Россіи институтъ приватъ-доцентства. Для того же, чтобы приватъ-доценты могли читать параллельные курсы съ профессорами, необходимо предоставить студентамъ свободу выбора лекцій и преподавателей. Для вознагражденія приватъ-доцентовъ, надо измѣнить систему платы за лекціи и вмѣсто однообразнаго взноса въ казну ввести гонораръ по числу часовъ. Словомъ, Пироговъ и его сторонники развиваютъ тотъ самый планъ, который потомъ пытались осуществить въ уставѣ 1884 года. Но въ то время эти предложенія, большею частью, не прошли. Созданіе государственныхъ экзаменовъ найдено было невозможнымъ по

тѣмъ же причинамъ, которыя измѣнили смыслъ этого учрежденія впослѣдствіи, а отмѣнять переводные экзамены, при тогдашнихъ нравахъ студенчества, значило, по мнѣнію критики, «ставить имъ ловушку». Институтъ приватъ-доцентуры былъ принятъ въ принципѣ, но, какъ извѣстно, совершенно не привился на практикѣ при дѣйствіи устава 1863 года. Обязательное посѣщеніе лекцій по расписанію факультета сохранилось въ уставѣ, вмѣстѣ съ переводными экзаменами.

Оставался вопросъ объ устройствѣ надзора за учащимися: обойти этотъ вопросъ тѣмъ болѣе было нельзя, что однимъ изъ толчковъ къ введенію новаго устава послужили петербургскіе безпорядки 1861 года. Большинство обсуждавшихъ уставъ вывело рѣшеніе этого вопроса изъ общаго принципа университетской автономіи. Безпорядки объяснялись, съ этой точки зрѣнія, какъ естественное послѣдствіе того, что совѣтъ университета устраненъ былъ уставомъ 1835 года отъ нравственнаго воздѣйствія на учащихся. Необходимо было, слѣдовательно, вернуть ему средства оказывать это воздѣйствіе, возстановивъ его судебную и полицейскую власть надъ учащимися. «Требуемая организація студентскаго общества,—такъ резюмировалъ это мнѣніе сотрудникъ ученаго комитета Спасовичъ, — сводится только къ тому, чтобы въ дѣлахъ, имѣющихъ связь съ ученіемъ, учащіеся подчинялись особому управленію. Корпорація, о которой идетъ рѣчь, не есть корпорація, состоящая изъ однихъ учащихся; она совмѣщаетъ и учащихся, и учащихъ, однимъ словомъ весь университетъ и значитъ то же, что университетское самоуправленіе. Война съ корпораціею была собственно войной съ призракомъ, споръ основанъ былъ бо́льшею частью на недоразумѣніи, и многіе изъ противниковъ корпораціи помирились бы съ нею, если бы точнѣе опредѣлено было ея значеніе». Исходя изъ этихъ разсужденій, нѣкоторые сторонники приведеннаго мнѣнія соглашались, «подчинивъ учащихся особому университетскому управленію», «дать имъ возможность группироваться въ товарищества и кружки подъ наблюденіемъ, съ разрѣшенія и за отвѣтственностью университетскаго начальства». Въ этомъ случаѣ «само закрытіе студенческихъ заведеній университетскимъ начальствомъ, въ случаѣ замѣченныхъ злоупотребленій, будетъ имѣть значеніе мелкаго факта академическаго, а не важнаго событія политическаго». На совершенно другую почву ставилъ обсужденіе вопроса Н. И. Пироговъ. Онъ прежде всего сомнѣвался въ силѣ нравственнаго воздѣйствія профессоровъ на учащихся. «Сильной нравственной связи между коллегіею профессоровъ и студентами у насъ почти никогда не было... Трудно вѣрить, чтобы новый порядокъ вещей, и при автономіи университета, скоро укрѣпилъ связь коллегіи со студенчествомъ... Если же и при такихъ условіяхъ коллегія возьметъ на себя отвѣтственность передъ правительствомъ за сохраненіе порядка между студентами, то это будетъ готовность, которой нельзя не желать успѣха. Но для этого коллегія, прежде всего, должна возстановить свое нравственное вліяніе, а чтобы возстановить его, одной автономіи мало»... И для самаго факта студенческихъ вол-

ній Пироговъ предлагаетъ другое объясненіе. «Университетъ выражаетъ современное общество, въ которомъ онъ живетъ, болѣе чѣмъ всѣ другія учрежденія». Это есть «лучшій барометръ общества» и «если онъ показываетъ такое время, которое не нравится, то за это его нельзя разбивать или прятать,—лучше все-таки смотрѣть, и смотря по времени дѣйствовать... Только тамъ, гдѣ политическія стремленія и страсти проникли глубоко черезъ всѣ слои общества, онѣ уже не ясно отражаются на университетѣ». «Гдѣ политическая жизнь общества качается ровно, какъ часовой маятникъ, гдѣ политическія страсти изъ высшихъ сферъ не доходятъ до незрѣлаго поколѣнія, тамъ въ университетѣ выступаетъ на первый планъ его прямое назначеніе—научная дѣятельность». «Но чѣмъ болѣе (политическія страсти) настигаютъ общество врасплохъ, чѣмъ менѣе оно привыкло къ переходамъ и переворотамъ, тѣмъ сильнѣе выразится его настроеніе въ университетѣ». Какъ не слѣдуетъ «дѣйствовать», по мнѣнію Пирогова? Въ 1859 году онъ предлагалъ министерству «или ослабить корпоративное начало, или правильно его организовать». Въ 1863 году онъ находитъ и то, и другое очень труднымъ. «Гдѣ только собираются люди на продолжительное время, въ виду извѣстной цѣли,—да къ тому же еще, если ихъ сближаетъ возрастъ, воспитаніе и національности,—то тамъ корпоративное начало уже есть непремѣнно. Оно въ нашемъ студенчествѣ имѣло, въ нѣкоторой степени, и юридическое значеніе, потому что было соединено съ нѣкоторыми правами». Въ виду этого, совершенно разрушить корпорацію не легко: она «все-таки будетъ существовать, но уже совершенно незаконная, неорганизованная и вовсе устраненная отъ нравственнаго вліянія университета». Съ другой стороны, «для организаціи студенчества въ правильную корпорацію намъ недостанетъ двухъ главныхъ условій: преданія — организующаго изнутри—и нравственной суприматіи организаторовъ», которая бы могла «организовать извнѣ». Не находя этихъ элементовъ въ студенчествѣ и въ коллегіи, Пироговъ, естественно, останавливается въ нерѣшительности.

Уставъ 1863 г. въ результатѣ всѣхъ этихъ разсужденій ввелъ институтъ профессорскаго суда надъ студентами. Но на практикѣ этотъ судъ значенія не имѣлъ и судьи даже вовсе не выбирались совѣтомъ. Нѣсколько болѣе успѣха имѣли предложенія—открыть двери университетской аудиторіи для постороннихъ посѣтителей. Фактически эти посѣтители допускались свободно уже въ годы обсужденія устава. По окончательной редакціи устава, совѣтъ каждаго университета получалъ право самъ выработать правила о допущеніи постороннихъ слушателей, утверждаемыя министромъ. Въ этомъ случаѣ сохранены были уклончивыя выраженія проекта, несмотря на то, что ученый комитетъ предлагалъ прямо разъяснить въ примѣчаніи, что «подъ посторонними лицами, упоминаемыми въ этомъ параграфѣ, разумѣются *лица обоего пола*». Такимъ образомъ, устранено было допущеніе въ университетъ женщинъ, въ пользу котораго единогласно высказались совѣты четырехъ университетовъ (с.-петербургскаго, кіевскаго, харьковскаго и казанскаго).

Переходимъ теперь къ реформѣ средней школы въ 1864 году. Здѣсь копья ломались, главнымъ образомъ, по поводу вопроса. слѣдуетъ ли дать среднему образованію классическій или реальный характеръ. Мы знаемъ, что споръ этотъ велся уже давно; но теперь онъ получилъ иной, болѣе широкій смыслъ, чѣмъ прежде. Съ 1828 года (или, точнѣе, съ 1811) на сторонѣ классическаго образованія стояли тѣ, кто смотрѣлъ на гимназію, какъ на путь къ университету. Напротивъ, за реальную програму были тѣ, кто видѣлъ въ ней окончательную школу, какою она тогда и была для большинства. Но съ тѣхъ поръ положеніе измѣнилось. Съ усиленіемъ потребности въ образованіи значительное большинство гимназистовъ (до $^2/_3$) стало поступать въ университетъ послѣ окончанія курса. Отъ этого, однако, симпатія общества къ реальной школѣ нисколько не уменьшилась, а только пріобрѣла новыя основанія. Въ университетѣ давалось *спеціальное* образованіе; слѣдовательно, въ гимназіи должно было пріобрѣтаться *общее*. И классицизмъ, въ свою очередь, защищая свое положеніе въ средней школѣ, начинаетъ выдвигать теперь на первый планъ не свое подготовительное, а свое общеобразовательное значеніе. И такъ, вопросъ о реальномъ или классическомъ образованіи рѣшается теперь, въ теоріи, совершенно независимо отъ вопроса о назначеніи средней школы. Точнѣе говоря, въ теоріи, обѣ стороны убѣждены, что назначеніе средней школы—давать общее образованіе.

Но общее образованіе можетъ быть только *одно*. Слѣдовательно, и средняя школа, въ глазахъ сторонниковъ ея общеобразовательнаго характера, должна быть одна. Такимъ образомъ, самъ собой на очередь становился вопросъ: какая школа, классическая или реальная, можетъ считаться болѣе общеобразовательной. Борьба по этому вопросу въ печати и въ письменныхъ отзывахъ, представленныхъ министерству, велась весьма ожесточенно. Въ пользу классицизма выдвигалась формальная цѣль общаго образованія, достигаемая, по мнѣнію его защитниковъ, всего лучше съ помощью древнихъ языковъ и математики. Въ пользу реальной школы приводилась необходимость приблизить образованіе къ жизни, дать ученику не одинъ только *методъ*, гимнастику ума, но и положительныя *знанія* и *идеалы* *). Когда классицизмъ обѣщалъ дать и то, и другое, ему отвѣчали, что знакомство и любовь къ древнему міру всего лучше дается исторіей и литерату-

*) «Форма способна дать форму,—замѣчалъ по этому поводу одинъ директоръ,—создать формальнаго человѣка, т. е. человѣка съ развитою формою мысли, чувства и, можетъ быть, воли, но безъ опредѣленнаго направленія развитыхъ въ немъ душевныхъ силъ. Такой человѣкъ есть только канва безъ узора, общій очеркъ безъ тѣней и красокъ. Формальное развитіе отвлеченно, пусто, безсодержательно. Въ немъ еще не заключается ручательство, что воспитанный такимъ образомъ человѣкъ устремитъ развитыя силы къ добру, а не къ злу... Содержаніе нашему духу дается тѣми предметами, изученіемъ коихъ болѣе всего занимается онъ: направленіе нашей дѣятельности условливается тѣми идеалами жизни, кои мы выносимъ изъ нашего школьнаго воспитанія... Даже при соблюденіи всѣхъ требованій формальнаго обученія не все равно, чему насъ учатъ въ дѣтствѣ, если не идетъ рѣчь о приготовленіи логическаго человѣка, но гражданина, будущаго дѣятеля своей страны. Тутъ важенъ столько же стиль, въ коемъ возводится зданіе нашего духа, сколько матеріалъ, употребленный при постройкѣ».

рой, заниматься которыми именно и препятствуетъ «латынь». Въ свою очередь, защитники классицизма не оставались въ долгу и обвиняли реальное направленіе въ утилитаризмѣ, въ стремленіи «приготовлять изъ учащихся не людей съ нравственными убѣжденіями, а безжизненные складочные магазины, болѣе или менѣе наполненные грузомъ разнаго рода знаній». На сторонѣ классицизма стояли всѣ иностранные педагоги, приславшіе свои замѣчанія; на сторонѣ реализма — значительное большинство педагогическихъ совѣтовъ, учителей, представителей печати; ученый комитетъ занялъ середину, — однако, съ бо̀льшимъ наклоненіемъ къ классицизму. Такъ какъ, стоя на точкѣ зрѣнія *общеобразовательной* школы, пришлось бы дѣлать выборъ между одной изъ двухъ школъ, рекомендуемыхъ крайними мнѣніями, то естественно было въ основу средняго мнѣнія положить старую идею о *подготовительной* роли школы. Какъ способъ готовить къ высшимъ училищамъ различнаго типа, обѣ программы годились и обѣ школы могли быть учреждены рядомъ. «У насъ есть много высшихъ спеціальныхъ учебныхъ заведеній,— говорилось въ одной оффиціальной статьѣ того времени,—которыя требуютъ отъ поступающихъ такихъ познаній изъ математическихъ и естественныхъ наукъ, которыхъ не въ состояніи дать классическія гимназіи. Поэтому, если гимназіи должны служить приготовительными заведеніями не только для университетовъ, но и для другихъ высшихъ спеціальныхъ училищъ, то и преподаваніе въ нихъ дожно быть распредѣлено соотвѣтственно этой двоякой цѣли». И ученый комитетъ предлагалъ ввести два типа гимназій: «филологическую» и «реальную».

Принимая, такимъ образомъ, крайнія мнѣнія, проектъ въ то же время примыкалъ съ своими двоякими школами къ существующему положенію дѣла. Послѣ гимназической реформы 1849—1851 годовъ въ Россіи (включая Дерптскій округъ) было только 12 гимназій съ обоими древними языками; въ остальныхъ 65-ти оставался одинъ латинскій, который начинался съ IV класса. Взамѣнъ греческаго, 29 гимназій ввели законовѣдѣніе, а 36, кромѣ него, еще и естественныя науки. Совершенно то же самое (за исключеніемъ законовѣдѣнія) предлагалъ и ученый комитетъ. Такъ называемыхъ «филологическихъ гимназій» (съ двумя древними языками) онъ предполагалъ ввести немного, а «перевѣсъ дать» «реальнымъ гимназіямъ» съ однимъ латинскимъ. Однако, этотъ планъ никого не удовлетворялъ. Сторонники классицизма справедливо находили, что древнимъ языкамъ нельзя научиться, какъ слѣдуетъ, даже въ «филологическихъ гимназіяхъ»—по малому количеству времени, отведеннаго для нихъ (24 и 22 часа вмѣсто 60—70 и болѣе нѣмецкихъ гимназій). Сторонники реальной школы не менѣе справедливо замѣчали, что и такъ называемыя «реальныя гимназіи» не удовлетворяютъ цѣли, такъ какъ въ нихъ нельзя научиться реальнымъ знаніямъ. Латинскій языкъ съ своими 18 часами перевѣшивалъ и естествовѣдѣніе съ физикой и математической географіей (на всѣ 19 часовъ) и математику (16 часовъ), не говоря уже о прочихъ предметахъ. Между тѣмъ, защитники реальной программы хотѣли бы ввести въ нее, какъ это было въ уставѣ 1804 года, науки фи-

лософскія (логику и психологію), общественныя (общій курсъ «обществовѣдѣнія») и антропологическія (антропологію, физіологію, гигіену). На сторонѣ двойной гимназіи «проекта» было только 9 педагогическихъ совѣтовъ и 8 педагоговъ; между тѣмъ, на сторонѣ единой общеобразовательной школы оказалось 22 совѣта и 41 педагогъ; 7 совѣтовъ и 3 педагога соглашались пойти на компромиссъ и предлагали ввести раздѣленіе въ старшихъ классахъ. Ученый комитетъ уступилъ реалистамъ и сдѣлалъ латинскій языкъ необязательнымъ въ «реальной гимназіи»; но никакихъ новыхъ предметовъ въ программу онъ все-таки не хотѣлъ вводить. Неучившіеся латинскому языку могли поступать только на физико-математическій факультетъ. Дальнѣйшая фактическая уступка сдѣлана была вслѣдствіе того, что въ собственно-классическихъ гимназіяхъ греческій языкъ можно было вводить только «по мѣрѣ приготовленія учителей этого языка». Такимъ образомъ, значительная часть этихъ гимназій осталась при одномъ латинскомъ языкѣ и, слѣдовательно, очутилась почти въ томъ же положеніи, въ которое проектъ хотѣлъ поставить реальную школу. Государственный совѣтъ закрѣпилъ эту фактическую уступку, постановивъ, что *половина* всѣхъ русскихъ гимназій должна быть обращена въ гимназіи съ однимъ латинскимъ языкомъ. Остальную половину онъ раздѣлилъ между сторонниками крайнихъ мнѣній: четверть должна была сдѣлаться реальными и четверть вполнѣ классическими. Изъ 61 гимназіи коренной Россіи это составляло 15 съ двумя языками (противъ прежнихъ 8-ми), 30 съ однимъ и 16 безъ древнихъ языковъ. Защитники классицизма могли теперь смотрѣть на преобладающій типъ, какъ на временный, переходный къ полной классической гимназіи (такъ и было прямо сказано въ уставѣ); напротивъ, защитники реализма имѣли нѣкоторыя основанія считать введеніе этого типа—замаскированной побѣдой реальной школы.

Очевидно, на такомъ компромиссѣ дѣло остановиться не могло. Обѣ стороны стремились къ болѣе полному торжеству. Обстоятельства времени дали возможность восторжествовать классической школѣ. Уже въ ближайшее время министерству удалось число реальныхъ гимназій низвести съ 16 до 5. Это, впрочемъ, объясняется, главнымъ образомъ, желаніемъ населенія доставить дѣтямъ доступъ въ университетъ. Само министерство высказало, нѣсколько лѣтъ спустя, что если бы былъ данъ доступъ изъ реальныхъ гимназій на три факультета (исключая филологическій), то «неминуемо возникли бы домогательства въ тѣхъ губерніяхъ, въ коихъ были бы настоящія гимназіи, чтобы эти учебныя заведенія были преобразованы въ реальныя училища». И наоборотъ, съ закрытіемъ доступа въ университетъ «почти отовсюду послѣдовали настоятельныя просьбы о томъ, чтобы мѣстныя гимназіи были классическими».

Вступивши въ 1866 году въ министерство, графъ Д. А. Толстой поставилъ своей задачей провести законодательнымъ путемъ новую реформу школы. 5 октября 1866 г. министерство обратилось къ попечителямъ съ предложеніемъ представить соображенія о неудобствахъ, оказавшихся на практикѣ при примѣненіи устава 1864 года, и способахъ ихъ устраненія. «Результатъ дѣла ока-

зался мало утѣшительнымъ», сообщаетъ историкъ русскихъ гимназій. «Два попечителя не дали никакого отзыва о главномъ и существенномъ вопросѣ организаціи, т. е. о раздѣленіи гимназій на классическія и реальныя; изъ остальныхъ четверо высказались, правда, въ пользу классической системы, однако двое изъ нихъ считали учрежденіе гимназій съ однимъ латинскимъ языкомъ болѣе полезнымъ, утверждая, будто бы иначе ученики не успѣваютъ усваивать новые языки» и лишаются, такимъ образомъ, возможности въ университетѣ читать ученыя сочиненія. Не смотря на такіе отзывы, въ министерствѣ выработанъ былъ въ 1869—1871 г. проектъ новаго устройства гимназій и реальныхъ «училищъ», какъ онѣ должны были теперь называться. Въ «особомъ присутствіи», назначенномъ для предварительнаго разсмотрѣнія проекта предъ внесеніемъ въ государственный совѣтъ, мнѣнія раздѣлились. Меньшинство не только настаивало на сохраненіи правилъ 1864 г. относительно реальныхъ училищъ, но предлагало даже превратить въ этотъ типъ *половину* гимназій и дать кончившимъ курсъ въ реальныхъ училищахъ (если они учились необязательному латинскому языку) право поступленія на математическій *и медицинскій* факультеты. Въ общемъ собраніи государственнаго совѣта это меньшинство превратилось въ большинство 29 противъ 19. Государь, однако, согласился съ меньшинствомъ. 30 іюля 1871 г. новый уставъ гимназій и прогимназій сдѣлался закономъ.

Вслѣдъ затѣмъ поставлена была на очередь реформа высшей школы. Въ 1872 году министръ пригласилъ университеты высказаться по поводу измѣненій, желательныхъ въ уставѣ 1863 года. Совѣты и факультеты отвѣтили предложеніемъ различныхъ частичныхъ перемѣнъ. Въ 1874 году, по поводу студенческихъ безпорядковъ въ Петербургѣ, составлена была коммиссія, которая опредѣлила всѣ существенныя черты новой университетской реформы. Уставъ 1863 года организовалъ, какъ мы видѣли, управленіе университетомъ по-нѣмецки и учебное устройство—по-французски. Теперь, наоборотъ, учебное устройство должно было реорганизоваться по-нѣмецки, на началахъ Lehr- und Lernfreiheit, а управленіе университетомъ—по-французски, на началахъ административной централизаціи. Попечитель получилъ надъ университетомъ власть, какой онъ не имѣлъ ни по одному изъ прежнихъ уставовъ. Ректоръ, назначенный правительствомъ, становился начальникомъ надъ коллегіей. Вмѣстѣ съ назначенными же деканами и инспекторомъ онъ составлялъ правленіе, сдѣлавшееся, такимъ образомъ, какъ бы отдѣленіемъ министерства внутри университета. Между профессоромъ и слушателями устанавливалась связь, очень похожая на ту, которой желалъ Костомаровъ. Аудиторія становилась мѣстомъ ихъ случайной встрѣчи.

Для обсужденія этихъ началъ реформы приглашены были въ особую коммиссію ректоры университетовъ и избранные министерствомъ эксперты. «Защитники реформы оставались въ коммиссіи въ меньшинствѣ, такъ такъ ректоры составили противъ нихъ сплоченную оппозицію», передаетъ историкъ реформы. Въ послѣдней трети 1877 года проектъ былъ обсужденъ въ коммиссіи; окончательная обработка его нѣсколько затянулась, такъ что только 6-го

февраля 1880 г. онъ былъ представленъ въ государственный совѣтъ. Но 24 апрѣля гр. Толстой получилъ отставку и законопроектъ, по обычаю, вернулся въ министерство. Новый министръ Сабуровъ повелъ дѣло въ смыслѣ возстановленія устава 1863 года съ нѣкоторыми измѣненіями, напр., съ корпоративной организаціей студенчества по курсамъ и факультетамъ. Между тѣмъ, въ январѣ и февралѣ 1881 года совершились извѣстныя событія въ петербургскомъ университетѣ, которыя повели за собой, уже въ новое царствованіе, отставку Сабурова. Его преемникъ, бар. Николаи, держался на почвѣ устава 1863 года; но уже 16 марта 1882 г. онъ уступилъ свой постъ гр. И. Д. Делянову. Законопроектъ гр. Толстого былъ снова внесенъ въ государственный совѣтъ и обсужденъ въ департаментахъ законовъ и государственной экономіи въ сессію 1883—1884 гг. Бар. Николаи явился здѣсь рѣшительнымъ противникомъ реформы и имѣлъ на своей сторонѣ подавляющее большинство: «почти по всѣмъ главнымъ вопросамъ 16—18 членовъ (изъ 24) подавали голосъ противъ проекта», говоритъ цитированный нами авторъ. Голосованіе въ общемъ засѣданіи государственнаго совѣта тоже дало большинство противъ реформы. Но государь согласился съ меньшинствомъ и утвердилъ законопроектъ въ той формѣ, въ какой предложилъ его министръ народнаго просвѣщенія (23 августа 1884 г.).

Такъ осуществились оба нынѣ дѣйствующія устава средней и высшей школы. При обсужденіи второго изъ нихъ министръ выразилъ пожеланіе, чтобы о немъ можно было сказать: ce projet est capable de devenir une réalité. Какъ извѣстно, пожеланію этому не суждено было исполниться. Практика жизни ввела въ оба устава такъ много перемѣнъ и смягченій, что отъ буквы ихъ въ настоящее время сохранилось весьма немного. Но всѣ эти измѣненія произведены были постепенно, отдѣльными распоряженіями министра; въ настоящее время матеріала накопилось достаточно для новой законодательной реформы.

Какое вліяніе оказали всѣ описанныя нами перемѣны уставовъ на общій ходъ развитія русскаго просвѣщенія? Слѣдующія цифры могутъ намъ до нѣкоторой степени отвѣтить на этотъ вопросъ.

ГОДЫ.	Число учащихся въ университетахъ.	Число учащихся въ гимназіяхъ.		Число учащихся въ городскихъ и уѣздн. училищахъ, женскихъ прогимназіяхъ и маріин. училищахъ.	
		муж.	жен.	муж.	жен.
1809	1.414	5.569	—	?	—
1825*)	2.965	7.682	—	?	—
1836	2.016	15.476	—	?	—
1848	4.566	18.911	—	?	—
1854	3.551	17.809	—	?	—
1864	4.323	28.202	4.335	25.658	4.630
1875	5.679	51.097	27.470	31.827	?
1885	12.939	93.109	35.205	?	—
1894	13.944	87.411	45.544	69.842	17.761

*) Число студентовъ въ университетахъ показано за 1823 г.

Эти цифры не даютъ общихъ итоговъ развитія образованія въ зажиточныхъ классахъ, такъ какъ сюда не введены спеціальныя и иныя заведенія различныхъ вѣдомствъ; но онѣ имѣютъ значеніе для характеристики роста русской общеобразовательной школы въ вѣдомствѣ министерства народнаго просвѣщенія. Непрерывное увеличеніе количества учащихся мы видимъ только въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ, съ которыми государство слишкомъ запоздало. Только со времени «положенія о женскихъ училищахъ министерства народнаго просвѣщенія», утвержденнаго въ 1860 г., возникла правильно организованная правительственная средняя школа для женщинъ. До того времени, дѣвочекъ приходилось учить въ частныхъ пансіонахъ; въ 1864 г., напр., училось въ пансіонахъ, стоявшихъ на одной ступени съ гимназіями 3.231 ученица и въ пансіонахъ, уравненныхъ съ уѣздными училищами,—4.261. Въ 1869 г. въ пансіонахъ 1-го разряда было три тысячи, 2-го—шесть тысячъ и 3-го—девять тысячъ ученицъ. Мужскіе пансіоны, хотя и освобожденные при императорѣ Александрѣ I отъ стѣсненій предъидущей эпохи, уже перестали въ это время тягаться съ общественной школой. Затѣмъ, обращаясь къ университетамъ, мы видимъ, что быстрое увеличеніе ихъ слушателей останавливается въ промежуткахъ 1848—1864 и 1885—1894 гг. Въ серединѣ обоихъ промежутковъ оно даже падаетъ: въ 1854 г. съ $4^1/_2$ до $3^1/_2$ тысячъ; въ 1890 съ 12.939 до 12.495. Несомнѣнно, конечно, паденіе этихъ цифръ вызвано извѣстными намъ мѣрами 1848—1854 гг. и введеніемъ устава 1884 г.; точно также и подъемъ ихъ соотвѣтствуетъ подготовкѣ устава 1863 г. и фактическимъ измѣненіямъ въ примѣненіи устава 1884 г. Ту же самую остановку роста и даже уменьшеніе числа учащихся встрѣчаемъ въ эти же промежутки и въ гимназіяхъ. Цифры, относящіяся къ 1885—1894 годамъ, станутъ еще характернѣе, если разсмотримъ ихъ отдѣльно по классическимъ гимназіямъ и реальнымъ училищамъ:

въ классическихъ гимназіяхъ	въ 1885 г.—72.592	въ 1894 г.—63.004
въ реальныхъ училищахъ . .	» 1885 г.—20.517	» 1894 г.—23.555

т. е. въ классическихъ гимназіяхъ число учащихся уменьшилось на 13%, а въ реальныхъ училищахъ возрасло на 14,8%. Съ этими измѣненіями количества стоятъ и перемѣны въ сословномъ составѣ, совершенно соотвѣтствующія намѣреніямъ министерства. Вообще, въ нашихъ гимназіяхъ сословный составъ измѣнялся въ послѣднія 60 лѣтъ слѣдующимъ образомъ:

	1833.	1864.	1869.	1875.	1884.	1892.
Дворяне	78%	70%	64%	52,8%	49,2%	56,2%
Городское сословіе .	17%	20%	26%	33,1%	35,9%	31,3%
Сельское	2%	4%	5%	6,9%	7,9%	5,9%
Духовное	2%	3,5%	3%	1,4%	2%	1,9%

Эта маленькая таблица чрезвычайно поучительна. Въ непрерывномъ паденіи перваго ряда цифръ и столь же послѣдовательномъ увеличеніи второго и третьяго ряда мы видимъ неумолимый ходъ историческаго процесса, отброшенный назадъ въ послѣдней графѣ распоряженіями власти. Но процессъ продолжается въ реальныхъ

училищахъ, въ ожиданіи, пока жизнь войдетъ въ свои права и въ привилегированной школѣ. Въ реальныхъ училищахъ было:

	1880.	1884.	1892.
Дворянъ.	44%	40,7%	38%
Городскихъ сословій . .	37%	41,8%	43%
Сельскихъ.	10,4%	10,9%	12,7%
Духовнаго званія. . . .	2,6%	1,8%	0,9%

Намъ остается теперь познакомиться съ исторіей начальной русской школы XIX вѣка. Мы видѣли, что для этой школы XVIII-й вѣкъ не успѣлъ сдѣлать ничего. Уставъ 1804 г. стремился осуществить предложеніе Лагарпа, чтобы всѣ селенія были снабжены школьными учителями, и установилъ для этой цѣли сельскія приходскія училища (см. выше). Карамзинъ находилъ даже, что «главнымъ благодѣяніемъ сего новаго устава останется заведеніе сельскихъ школъ». Но его предсказаніе не исполнилось. «Жители казенныхъ селеній», говоритъ историкъ Петербургскаго округа, «неохотно соглашались на заведеніе училищъ, которыя должны были содержаться на ихъ счетъ; помѣщики, съ своей стороны, также весьма немногіе заботились объ этомъ. Одно только духовенство, *поощряемое училищнымъ начальствомъ*, старалось о заведеніи сельскихъ училищъ». Однако же результаты этихъ стараній были и незначительны, и непрочны. Такъ, напр., въ Новгородской губерніи «при содѣйствіи директора», сразу открылось въ 1806 г. 110 школъ: «мѣстные священнослужители приняли въ нихъ безмездно учительскія должности и уступили подъ училища собственные свои дома». Но черезъ два года всѣ школы до одной— закрылись. Въ другихъ губерніяхъ Петербургскаго округа дѣйствіе устава 1804 г. оказалось еще слабѣе. Въ Олонецкой губ. открыто было 20 сельскихъ училищъ, въ Архангельской—9, но къ 1819 году ни тамъ, ни здѣсь не оставалось ни одного. Такъ, вѣроятно, шло дѣло и въ другихъ округахъ. Кое-какъ держались только приходскія школы въ городахъ, при уѣздныхъ училищахъ, для которыхъ они были подготовительнымъ классомъ. Такимъ образомъ, министръ Шишковъ былъ совершенно правъ, когда при обсужденіи реформы 1828 года призналъ начальное образованіе въ Россіи почти не существующимъ. Онъ считалъ тогда на всю Россію не болѣе 600 школъ. Дѣйствительно, и 8 лѣтъ спустя ихъ было только 661. По времени своего происхожденія, эти школы, вѣроятно, почти исключительно городскія, распредѣлялись въ 1836 г. слѣдующимъ образомъ:

Уцѣлѣли отъ времени Екатерины (1775—1796)	63	школы.
Открылись при имп. Павлѣ (1797—1801) . . .	6	»
» » Александрѣ I (1802—1825)	349	»
» » Николаѣ (1826—1835) . .	243	»
Всего. . . .	661	школа.

Какъ видимъ, въ первую четверть XIX вѣка открывалось, среднимъ числомъ, по 14 школъ ежегодно, въ слѣдующія десять лѣтъ—по 24.

Только съ начала 30-хъ годовъ начинаютъ, наконецъ, возникать въ Россіи правительственныя сельскія школы. Впервые онѣ

появляются въ селеніяхъ казенныхъ (съ 1830) и удѣльныхъ (1832) крестьянъ съ очень опредѣленнымъ назначеніемъ: подготовлять писарей для сельскаго управленія. Естественно, что въ такія школы крестьянскихъ дѣтей приходилось вербовать силой. Развитіе школъ шло такъ медленно, что съ 1840 г. рѣшено было посылать юныхъ кандидатовъ въ писаря на выучку въ *городскія* приходскія училища. Собственно же сельскія школы съ 1842 г., по докладу министра Киселева, получили новое назначеніе: «распространять между государственными крестьянами религіозно-нравственное образованіе и первоначальныя для каждаго сословія болѣе или менѣе нужныя свѣдѣнія». Съ этихъ поръ, число школъ въ вѣдомствѣ государственныхъ имуществъ стало рости, какъ видно изъ слѣдующихъ цифръ:

	Школъ.	Учащихся.
1844	1.884 (въ томъ числѣ въ 1843 г. заведено 1009)	89.163
1846	2.319	111.860
1851	2.542	139.320
1853	2.795	153.117

Въ удѣльныхъ имѣніяхъ число сельскихъ школъ за это время тоже значительно поднялось. Въ 1835 г. было въ нихъ 44 школы съ 750 учащимися; къ 1853 г. школъ числилось 204, учащихся 7.477.

Содержались тѣ и другія школы на счетъ самихъ крестьянъ: государственные крестьяне обложены были для этой цѣли особымъ общественнымъ сборомъ. Въ 1845 году, напр., 259 тысячъ общественныхъ денегъ истрачено было на школы, въ 1850 г. 324 тысячи р. сер. Какъ видимъ, въ среднемъ содержаніе школы обходилось, при тогдашнихъ цѣнахъ, въ 110—120 рублей, т. е. это была, дѣйствительно, правильно устроенная школа *). Такимъ образомъ, здѣсь, въ послѣдніе годы передъ крестьянской реформой, мы, наконецъ, впервые имѣемъ дѣло съ сколько-нибудь серьезнымъ мѣропріятіемъ въ пользу сельской школы. Не забудемъ, однако, что уже въ спорахъ 60-хъ годовъ эту самую школу Киселева довольно единодушно приводили въ примѣръ того, какъ не слѣдуетъ вести школьное дѣло.

И въ самомъ дѣлѣ, то, что сдѣлали шестидесятые годы, не можетъ идти ни въ какое сравненіе съ тѣмъ, что было сдѣлано раньше. Съ самаго начала царствованія имп. Александра II вопросъ о начальной школѣ былъ поставленъ въ законодательствѣ одновременно съ вопросомъ о средней и высшей. Но еще прежде, чѣмъ законъ успѣлъ что-либо сдѣлать для народнаго образованія, оно сильно двинуто было впередъ общественнымъ одушевленіемъ, передавшимся тотчасъ же и самимъ правящимъ сферамъ. Общество приняло непосредственное участіе въ устройствѣ воскресныхъ школъ, которыхъ къ іюню 1862 г. уже считалось 300 съ 20.000 учащимися. Вѣдомство государственныхъ имуществъ

*) Городскія приходскія училища получали, зачастую, отъ уѣздныхъ городовъ всего нѣсколько десятковъ рублей на содержаніе; 100 р. было порядочнымъ жалованьемъ приходскаго учителя; иногда ему платили гораздо меньше, до 30—40 руб., а расходъ на жалованье составлялъ еще большій процентъ всего расхода, чѣмъ теперь, когда онъ доходитъ до $^3/_4$ расхода.

приняло усиленныя мѣры для открытія новыхъ школъ; но результаты этихъ мѣръ были, повидимому, болѣе показные, чѣмъ дѣйствительные. По крайней мѣрѣ, по отчетамъ, поданнымъ въ министерство государственныхъ имуществъ, къ январю 1866 г. состояло (кромѣ инородческихъ школъ): приходскихъ училищъ почти столько же, сколько мы видѣли въ 1853 г.: 2.754 съ 137.580 учащимися и *кромѣ того* 3.842 начальныхъ *школъ грамотности* съ 83.128 учениками. Мы видимъ, въ чемъ выразилось усердіе мѣстныхъ властей: они просто записали въ списки тѣ вольныя школы, которыя и прежде и, какъ увидимъ, послѣ существовали въ большомъ количествѣ въ селахъ и деревняхъ, но имѣли свои основанія не показываться на глаза начальству. Дѣло въ томъ, что учителя этихъ школъ, разные мужички и отставные солдаты, не имѣли никакого желанія экзаменоваться въ уѣздномъ училищѣ для полученія права быть преподавателями. Подавать прошеніе объ открытіи такого училища—это значило обязаться отчетностью, записывать число учениковъ, перебираться въ приличное помѣщеніе и т. д.; и при всемъ томъ можно было рисковать цѣлые годы не получать отвѣта, такъ какъ прошеніе по инстанціямъ восходило до попечителя, а раньше и до самого министра. Наконецъ, скрываться заставлялъ и пятирублевый штрафъ за незаконное преподаваніе, наложенный уставомъ 1828 года на сельскихъ педагоговъ, одновременно съ содержателями частныхъ пансіоновъ. По всѣмъ этимъ соображеніямъ крестьянскія вольныя школы всегда ускользали отъ точнаго учета; но какъ много можно было предполагать ихъ, видно изъ того, что при обсужденіи устава 1864 года одинъ изъ участниковъ разсчитывалъ набрать въ нихъ до 60.000 учителей-грамотѣевъ. Нѣтъ ничего мудренаго, что при первой надобности ближайшему начальству удалось записать изъ нихъ 3.842 въ число казенныхъ училищъ. То же самое, въ одно время съ министерствомъ государственныхъ имуществъ, происходило въ вѣдомствѣ Св. Синода. Это вѣдомство въ отчетѣ за 1868 г. показало 16.287 школъ и 390.049 учащихся обоего пола. Правильныя школы здѣсь не отдѣлены отъ школъ грамоты, можетъ быть, потому, что отдѣлить ихъ было бы не легко. Несомнѣнно, однако, что мы имѣемъ здѣсь дѣло не только съ регистраціей уже существовавшихъ ранѣе школъ грамоты, а и со школами, въ большомъ количествѣ открытыми вновь. «Кто не знаетъ», замѣчаетъ по этому поводу одинъ изъ участниковъ реформы 1864 года, «что открытіе ихъ послѣдовало недобровольно, а вслѣдствіе распоряженій епархіальнаго начальства, и что въ одной епархіи было даже объявлено, что если мѣстные священники не заведутъ немедленно школъ или не будутъ обучать дѣтей, то начальство вышлетъ учителей насчетъ мѣстаго причта». Какія школы получались этимъ путемъ, видно изъ заявленія другого эксперта той же реформы, В. Куломзина. «Сначала народъ въ эти школы съ радостью посылалъ дѣтей», пишетъ онъ министерству народнаго просвѣщенія, «но вскорѣ онъ разочаровался: священники и церковнослужители, вмѣсто ученія, иногда заставляли дѣтей колоть дрова, возить воду и кормъ скотинѣ, вообще

прислуживать по дому, ученіе шло вяло, за дѣтьми присмотра не было никакого; школы опустѣли за весьма немногими исключеніями». Такимъ образомъ, къ приведеннымъ цифрамъ необходимо относиться крайне осторожно. «По всѣмъ отзывамъ и свидѣтельствамъ», говоритъ Н. Н. Мосоловъ, составитель той части «Военно-статистическаго сборника» 1871 г., изъ которой мы заимствовали наши цифровыя данныя, — «цифры въ епархіальныхъ отчетахъ значительно преувеличены, и потому *трудно было бы дѣлать изъ нихъ какіе-либо выводы*; достаточно сказать, что по нѣкоторымъ губерніямъ число школъ и учащихся, въ вѣдѣніи *одного* духовенства, показано въ нихъ больше, нежели по отчетамъ училищныхъ совѣтовъ, обнимающимъ начальныя училища *всѣхъ* вѣдомствъ».

Обсужденіе реформы 1864 года шло своимъ чередомъ, въ томъ же порядкѣ, какъ и обсужденіе устава среднеучебныхъ заведеній. Одновременно съ ученымъ комитетомъ, обсуждавшимъ уставъ, работалъ еще особый комитетъ изъ членовъ всѣхъ вѣдомствъ, въ которыхъ были народныя училища. Оба комитета выработали два совершенно противоположные проекта организаціи начальнаго образованія. Тотъ и другой согласны были лишь въ томъ, что «дѣло народнаго образованія есть дѣло самого народа и что, слѣдовательно, объ учрежденіи и содержаніи народныхъ училищъ должны заботиться городскія и сельскія общества». Другими словами, оба проекта не допускали и мысли о введеніи начальныхъ школъ въ государственный бюджетъ, — какъ были введены гимназіи въ 1804 г. и уѣздныя училища въ 1828 г. Но особый комитетъ, все-таки, проектировалъ сдѣлать учрежденіе народныхъ училищъ *обязательнымъ*—для городскихъ и сельскихъ обществъ. На каждую тысячу душъ должно было быть основано одно училище, на содержаніе котораго назначался поголовный сборъ по 44 к. съ души въ городахъ и по 27½ коп.—въ селахъ и деревняхъ. Напротивъ, ученый комитетъ предоставлялъ открытіе училищъ свободной инищіативѣ самихъ обществъ, обѣщавъ только, въ случаѣ нужды, помогать имъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ уплатой жалованья учителю. Мнѣнія лицъ, обсуждавшихъ проекты, раздѣлились. Часть ихъ стояла за обязательность начальнаго обученія; нѣкоторымъ даже казались недостаточными мѣры понужденія, проектированныя для этой цѣли въ уставѣ, и они предлагали — болѣе сильныя, вродѣ штрафовъ, недопущенія къ причастію, къ общественнымъ должностямъ и т. п. Другіе предпочитали мѣры поощренія, напр., освобожденіе грамотныхъ отъ тѣлесныхъ наказаній. Многіе изъ сторонниковъ обязательнаго обученія считали необходимымъ, чтобы правительство прямо приняло и устройство и содержаніе училищъ на счетъ казны. Но, не говоря уже о финансовыхъ соображеніяхъ, которыя не располагали правительство къ принятію этого мнѣнія, само общество въ значительномъ большинствѣ было тогда настроено противъ всякой правительственной инищіативы въ дѣлѣ народнаго образованія. Скептикамъ, увѣреннымъ въ глубокомъ невѣжествѣ массы и невозможности заставить ее учиться добровольно, указывали на оживленіе въ народѣ интереса къ образованію въ послѣдніе годы. Возраженію, что при добровольномъ устройствѣ школъ дѣло на-

долго затянется, противопоставляли, какъ результатъ противоположной системы, картину скороспѣлыхъ, но непрочныхъ успѣховъ вѣдомства государственныхъ имуществъ и духовнаго. На утвержденія, что народъ не захочетъ тратиться на школу, возражали ссылками на вольныхъ учителей, солдатъ и дьячковъ, получавшихъ плату, а также и на то, какъ туго платятъ казенные крестьяне обязательный школьный налогъ. Словомъ, всѣ доказательства въ пользу обязательнаго обученія считались безусловно опровергнутыми; на доказательствахъ же противъ него сторонники общественной инициативы рѣшительно настаивали. Указывалось на то, что тысяча душъ въ Россіи разбросана на пространствѣ двадцати верстъ, и что фактически дѣло сведется къ тому, что платить будутъ всѣ, а пользоваться школой только ближайшіе къ ней. Напоминалось также и о томъ, что прежде, чѣмъ создать обязательство, надо доставить населенію возможность его выполнить: между тѣмъ *сразу* создать нужное число школъ и учителей все-таки нельзя. Говорилось, наконецъ, что *поневолѣ*—народъ, все равно, не будетъ учиться, и нельзя насильственно опережать развитіе въ немъ собственной потребности въ просвѣщеніи. Такимъ образомъ, значительное болшинство стояло за проектъ ученаго комитета, т. е. за свободу общественной инициативы. Но въ этомъ направленіи оно шло гораздо дальше ученаго комитета и находило его проектъ непослѣдовательнымъ. «Признавая вездѣ въ теоріи, — говорилъ, напр., педагогическій совѣтъ кіевской второй гимназіи,—что образованіе народа лежитъ прежде всего на его собственной отвѣтственности, что вмѣшательство правительства, самое легкое, парализуетъ частную дѣятельность, — проектъ на практикѣ боится принять эти начала искренно и постоянно колеблется между свободой и стѣсненіемъ правительственнымъ... Отъ этой двойственности параграфы будущаго проекта носятъ какой-то характеръ нерѣшительныхъ полумѣръ». Находя, что «дѣло правительства въ этомъ случаѣ только помогать, содѣйствовать, устранять препятствія», критики требовали, чтобы была «допущена полнѣйшая свобода частнаго обученія, безъ всякаго участія правительства». Злоупотребленій бояться нечего: «не легче ли будетъ слѣдить тогда, когда всѣ злоупотребленія будутъ происходить открыто и на свободѣ; тогда всякое дѣйствительное злоупотребленіе, принявшее серьезные размѣры, можетъ преслѣдоваться судомъ и обыкновеннымъ уголовнымъ порядкомъ». Всѣ эти замѣчанія до нѣкоторой степени были приняты во вниманіе при дальнѣйшемъ обсужденіи проекта. Объяснительная записка къ новой редакціи проекта соглашалась, что невозможно и безцѣльно слѣдить за политической благонадежностью доморощенныхъ учителей вольной народной школы и что слѣдуетъ отказаться отъ регламентаціи преподаванія въ этой школѣ. Принимая принципъ добровольности народнаго образованія, ученый комитетъ тѣмъ самымъ признавалъ значеніе школы грамотности и долженъ былъ облегчить ея существованіе. Онъ снялъ съ нея обязанность отчетности и дозволилъ разрѣшать ея существованіе въ ближайшей учебной инстанціи: въ уѣздномъ учи-

лищномъ совѣтѣ. Это былъ первый шагъ къ ея полному оффиціальному признанію. Но относительно «нормальной народной школы» предложенія критиковъ, большею частью, не были приняты.

Одинаково не согласилось ни правительство, ни критики съ предложеніемъ, сдѣланнымъ нѣкоторыми лицами духовнаго вѣдомства—о передачѣ начальнаго образованія въ руки приходскаго духовенства. Противъ этого предложенія замѣчено было, что, прежде всего, сельскіе священники и причтъ сами не хотятъ и не могутъ фактически удѣлять своего времени школѣ; что если бы они хотѣли и могли, то ихъ не можетъ хватить на всѣ школы, такъ какъ въ Россіи 305.000 селеній и только 36.000 приходовъ, считая городскіе. Но если бы даже ихъ и хватило, то, во-первыхъ, они совершенно не подготовлены къ педагогической дѣятельности: если «желаютъ вести народное образованіе на началахъ раціональныхъ», то надо согласиться и на то, что «въ званіи преподавателя долженъ быть спеціалистъ своего дѣла». Затѣмъ, «образованіе въ государствѣ, для собственныхъ его выгодъ, должно находиться въ вѣдѣніи одного управленія, а предоставивъ народныя школы духовенству, такая цѣль не достигается»; съ другой стороны, вмѣстѣ съ правительственнымъ контролемъ уничтожается и общественный, безъ котораго, какъ показываетъ опытъ, «учебныя заведенія разумно существовать и развиваться не могутъ».

Подобно уставамъ средней и низшей школы, проектъ «Положенія о народныхъ училищахъ» до представленія его въ государственный совѣтъ былъ разсмотрѣнъ въ особомъ совѣщаніи. Здѣсь уничтожено было то правило проекта, по которому преподаваніе должно было вестись на языкѣ края, въ которомъ находилась школа (т. е., напр., въ Малороссіи на малороссійскомъ). Затѣмъ, министръ Головнинъ предложилъ здѣсь организовать постоянное управленіе народными училищами изъ представителей всѣхъ заинтересованныхъ вѣдомствъ: народнаго просвѣщенія, внутреннихъ дѣлъ, духовнаго и, наконецъ, вѣдомствъ, которыя содержатъ школы. Въ государственномъ совѣтѣ противъ этого предложенія выступилъ бар. Корфъ, поддержанный бывшимъ министромъ Е. П. Ковалевскимъ. Оба они присоединились къ мнѣнію нижегородскаго и с.-петербургскаго дворянскихъ собраній, полагавшихъ, что управленіе школами должно быть всецѣло передано нарождавшемуся тогда земству. Государственный совѣтъ избралъ средній путь: онъ удержалъ предложенные министромъ «училищные совѣты» въ уѣздѣ и губерніи, но въ составъ ихъ ввелъ двухъ представителей отъ земства. Это не мѣшало, конечно, нисколько всѣмъ вѣдомствамъ заботиться о дальнѣйшемъ развитіи народнаго образованія; но такъ какъ только на земство забота о начальныхъ школахъ была возложена *закономъ* и такъ какъ расходоваться на содержаніе школъ никто не былъ *обязанъ*, даже и земство, то естественно было ожидать, что, во-первыхъ, всѣ другія вѣдомства сложатъ всѣ попеченія о народной школѣ именно на земство; а, во-вторыхъ, дальнѣйшій ходъ дѣла будетъ зависѣть исключительно отъ того, какъ само земство посмотритъ на дѣло народнаго образованія. Наслѣдіе, которое оно получило, было

не изъ легкихъ, и не мудрено, что на первыхъ порахъ, въ отношеніи земства къ школѣ, обнаружилось нѣкоторое колебаніе. Вѣроятно, не одно земство рѣшало тогда, какъ михайловское: «предоставимъ все это грядущему будущему, съ упованіемъ, что Провидѣніе, ведущее человѣчество прогрессивно къ своимъ цѣлямъ, дастъ способы нашему народу почувствовать потребность къ образованію и тѣмъ расположитъ его къ нему». Но моментъ нерѣшительности скоро прошелъ; земство разобралось въ доставшихся ему отъ прошлаго школахъ и установило свою собственную точку зрѣнія въ школьномъ вопросѣ. Лучше всего обставлены были раньше школы вѣдомства государственныхъ имуществъ, содержавшіяся изъ спеціальнаго сбора; но казенные крестьяне только и ждали случая, чтобы отказаться и отъ этого сбора, и отъ школъ, которымъ они предпочитали свои школы грамоты. Случай представился, когда закономъ 1867 года школы государственныхъ крестьянъ были переданы земству. За отказами сельскихъ обществъ, большая часть этихъ школъ осталась на рукахъ у земства, и это въ самое трудное время, когда приходилось кое-какъ налаживать выполненіе *обязательныхъ* расходовъ бюджета. У бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ нужно было почти все начинать съ начала. Церковно-приходскія школы нисколько не помогали. Мѣстные священнослужители могли еще жертвовать своимъ трудомъ и помѣщеніемъ, чтобы исполнить приказаніе своего начальства; но теперь не было уже никакой надобности трудиться даромъ для земства. Естественно, что должны были исчезнуть скоро и тѣ церковно-приходскія школы, которыя существовали не на одной бумагѣ. «Такъ какъ училище уже устроится *не на время, а навсегда*, — простодушно заявляютъ, напр., священнослужители одного рязанскаго села въ 1866 году, — то можемъ ли мы, какъ люди смертные, подверженные болѣзнямъ и смерти, обязать безмездно навсегда другихъ въ томъ, въ чемъ наши намѣстники будущіе не обязаны отвѣчать, когда насъ не станетъ на свѣтѣ. Если и при жизни нашей ученіе дѣтей будетъ безмезднымъ трудомъ на время, то ученіе сіе будетъ ли прочнымъ и успѣшнымъ на будущее время для дѣтей, такъ какъ по опытамъ другихъ видимъ, что безмездный трудъ часто охлаждаетъ ревность въ самыхъ сильныхъ дѣятеляхъ, а въ слабыхъ онъ можетъ подорвать всю охоту къ ученію?» Такимъ образомъ, церковно-приходскія школы приходилось или поднимать выше, чѣмъ они стояли до реформы, обезпечивая имъ правильное содержаніе, или же предоставить ихъ собственной судьбѣ, употребивъ земскія деньги на лучшихъ «дѣятелей» и на иного рода школу. Съ первыхъ же шаговъ земство предпочло пропагандировать среди населенія лучшую школу, чѣмъ поддерживать худшую. «Призваніе земства въ этомъ дѣлѣ, — говорилъ рязанскій земецъ, Д. Д. Дашковъ, на собраніи 1872 года, — не волочиться за обществами, а твердою поступью вести ихъ за собою по торной дорогѣ; его дѣло—сосредоточить свои небольшія средства на немногихъ училищахъ, но поставить ихъ такъ, чтобъ они горѣли, какъ огни въ темномъ полѣ, маня усталаго путника и обѣщая ему пріютъ и покой и хлѣбъ-соль».

Нельзя, однако же, сказать, чтобы и въ количественномъ отношеніи помощь земства народной школѣ была незначительна. Въ 1868 году земскіе расходы на школу по 27 губерніямъ составляли 408 тысячъ, т. е. цифру, которой до тѣхъ поръ не тратило на народную школу никакое другое центральное вѣдомство. Въ слѣдующемъ 1869 г. этотъ расходъ навѣрное удвоился, какъ можно судить по тому, что по 16 губерніямъ онъ составлялъ уже 721 тысячу. Въ настоящее время земство расходуетъ на сельскія училища до 6 милліоновъ. Въ ряду источниковъ, изъ которыхъ черпаетъ свои средства начальная школа, земству давно уже принадлежитъ первое мѣсто. Слѣдующія цифры показываютъ, какъ постепенно другіе источники содержанія сельской школы стушевывались передъ земской кассой.

	1869 *).	*1880.*	*1893.*
Земство	40%	44%	69%
Сельскія общества	48%	34%	29% **)
Другіе источники (въ томъ числѣ госуд. казначейство)	12%	22%	2%

Что касается количества училищъ, созданныхъ въ земскій періодъ начальнаго образованія, число ихъ не слѣдуетъ сравнивать съ цифрами, показанными на бумагѣ разными вѣдомствами въ шестидесятыхъ годахъ. Если мы сложимъ цифры, частью упоминавшіяся выше, то получимъ выводъ, что передъ переходомъ начальной школы въ земскія руки было на лицо:

		Училищъ.	Учащихся. м.	Учащихся. ж.	Всего.
Вѣдомства госуд. имуществъ (1865)	1. Сельскихъ приходскихъ	2.754	121.001	16.579	137.580
	2. Школъ грамотности	3.842	71.976	11.152	83.128
	3. Инородческихъ и иновѣрческихъ	1,273	38.329	21.289	59.618
	Итого	7.869	231.308	49.020	280.328
Удѣльнаго вѣдомства (1864)		1.831	28.827	8.681	37.508
Духовнаго вѣдомства (1868)		16.287	335.130	54.917	390.047
	Всего	25.987	595.265	112.618	707.883
Городскихъ приходскихъ (1867)		1.168	—	—	18.555

Въ настоящее время (1892—1893), по наиболѣе надежнымъ цифрамъ, мы имѣемъ сельскихъ школъ разныхъ категорій (въ Европейской Россіи):

		Училищъ.	Учащихся. м.	Учащихся. ж.	Всего.
А. Сельскихъ	1. Правильно организованныхъ	18.277	1.037.289	233.593	1.270.882
	2. Школъ грамотности (въ вѣдѣніи духовенства)	15.046	303.941	61.723	365.664
	3. Иновѣрческихъ	6.950	199.103	121.865	320.968
	4. Церковно-приходскихъ	9.756	356.458	73.890	430.348
	Итого	50.029	1.896.791	491.071	2.387.862
В. Городскихъ (разныхъ типовъ)		8.461	268.715	139.033	407.748

*) По 16 губерніямъ.

**) Въ томъ числѣ и пожертвованія частныхъ лицъ.

Непосредственно сравнивать въ этихъ двухъ таблицахъ можно только цифры городскихъ школъ, показывающія, что училищъ въ городахъ стало за эту четверть вѣка (1867—1893) въ семь разъ больше, а учащихся—въ 22 раза. Затѣмъ, бумажный успѣхъ церковно-приходскихъ школъ 1868 года трудно сравнивать съ нѣсколько болѣе реальнымъ ихъ успѣхомъ въ 1893 году: абсолютныя цифры недалеко уходятъ однѣ отъ другихъ, но въ промежуткѣ лежитъ періодъ полнаго разрушенія—если не этихъ школъ, то иллюзій по ихъ поводу. Другая причина мѣшаетъ сравнивать ростъ школъ грамотности. Дѣло въ томъ, что періодъ секретнаго ихъ существованія не кончился, какъ сейчасъ увидимъ, съ реформой 1864 года. Съ другой стороны, реальность цифръ 1893 г. довольно сомнительна. Итакъ, сравнивать можно только цифры иновѣрческихъ и правильно-организованныхъ сельскихъ училищъ. Число послѣднихъ оказывается увеличившимся въ $6^1/_2$, а число учащихся—въ 9 разъ слишкомъ. Это и есть результатъ дѣятельности земства въ области народнаго образованія *).

Въ какомъ отношеніи стоитъ этотъ результатъ къ тому, что еще остается сдѣлать? Этотъ вопросъ приводитъ насъ къ очередной въ настоящее время задачѣ земства—введенію въ Россіи всеобщаго обученія. Съ тѣхъ поръ, какъ всеобщность и обязательность обученія была отвергнута въ совѣщаніяхъ о реформѣ 1864 г., вопросъ этотъ пережилъ нѣсколько фазисовъ. Припомнимъ, прежде всего, что обязательность обученія въ 1862 году проектировалъ особый комитетъ сановниковъ, вырабатывавшихъ свой «планъ» по Высочайшему повелѣнію. Мы имѣли также случай познакомиться со взглядомъ на этотъ вопросъ гр. Д. А. Тостого (см. выше III). Побѣдившее въ ученомъ комитетѣ мнѣніе было, напротивъ, мнѣніемъ большинства тогдашняго интеллигентнаго общества. Принявъ это въ соображеніе, мы не удивимся, что именно гр. Толстой первый поднялъ снова тотъ же вопросъ уже въ 1876 году. Министръ обратился къ директорамъ и инспекторамъ народныхъ училищъ, наблюдавшимъ за земскими школами съ 1871 года, за матеріалами для рѣшенія вопроса объ обязательномъ обученіи. Матеріалы, доставленные ему, были, однако, неутѣшительны. По разсчетамъ училищныхъ властей выходило, что всеобщее обязательное обученіе будетъ стоить страшныхъ денегъ. Къ тому же выводу пришелъ и г. Дубровскій, разработавшій въ центральномъ статисти-

*) Прибавимъ, что въ 1880 году изъ 22.770 существовавшихъ тогда училищъ 4.622 оказались сохранившимися отъ времени до 1861 года, 1.984 отъ 1861—1863 годовъ и 3.691 отъ 1864—1869. Другими словами, земство сохранило 10.297 школъ изъ числа основанныхъ прежде начала его дѣятельности. Сравнивая эту цифру съ нашей таблицей 1864—1868 годовъ, мы найдемъ, что, за исключеніемъ церковно-приходскихъ школъ, почти всѣ остальныя пережили первые трудные годы дѣятельности земства. Цифру 10 тысячъ, какъ наслѣдіе, принятое земствомъ отъ предыдущаго періода, подтверждаетъ и нѣсколько гипотетическая таблица земскихъ школъ, составленная Н. Н. Мосоловымъ на 1869 годъ. Въ ней значится по 35 губерніямъ 9.955 школъ и 281.627 учащихся обоего пола. Но эти цифры нельзя брать для сравненія съ цифрами 1892—1893 гг., такъ какъ неизвѣстно, изъ какого типа школъ онѣ составились.

ческомъ комитетѣ данныя о сельскихъ училищахъ, собранныя въ 1880 году. Онъ разсчиталъ, что для обученія *всей* молодежи, находившейся въ школьномъ возрастѣ, надо бы было имѣть въ Россіи не 22.770 школъ, а 269.000, т.-е. въ 12 слишкомъ разъ больше; и вмѣсто шести милліоновъ, тратившихся на народныя училища, въ 1879 году пришлось бы издерживать 82 милліона. Другими словами, каждый житель государства долженъ бы былъ платить на школу вмѣсто 9 копѣекъ—1 р. 25 коп. налога. Естественно, передъ перспективой такого огромнаго увеличенія расхода правительство отступило, и вопросъ объ обязательномъ обученіи снова сошелъ со сцены. Вмѣсто него, выдвинулся опять вопросъ о развитіи вольной народной школы,—школы грамотности,—какъ единственнаго дешеваго средства приблизиться къ всеобщему обученію. Восьмидесятые годы были порой преувеличенной идеализаціи школы грамотности, и притомъ одновременно въ двухъ совершенно различныхъ направленіяхъ. Оба эти направленія одинаково утверждали, что школа грамотности есть старинная, исконная школа русскаго народа, существовавшая съ незапамятныхъ временъ. Но выводы изъ этого утвержденія дѣлались неодинаковые. Тогда какъ одни видѣли въ старинной русской школѣ грамотности продуктъ самобытнаго народнаго творчества,—другіе считали ее созданіемъ духовенства, воспитывавшаго народъ въ христіанскихъ идеалахъ. Одни, поэтому, смотрѣли на эту школу, какъ на точку приложенія силъ интеллигента-народолюбца; другіе, какъ на способъ правительственнаго воздѣйствія на народную массу. Различны были и результаты этихъ двухъ взглядовъ. Тогда какъ взглядъ народниковъ привелъ къ цѣлому ряду единичныхъ интеллигентныхъ усилій, правительственный взглядъ вызвалъ созданіе современной церковно-приходской школы.

Взглядъ правящихъ сферъ на отношеніе церкви къ школѣ сильно измѣнился въ восьмидесятыхъ годахъ сравнительно съ предыдущимъ временемъ. Въ 1882—1883 г. въ комитетѣ министровъ поднятъ былъ вопросъ о томъ, чтобы дать духовенству надлежащее вліяніе на народное образованіе. «Комитетъ министровъ выразилъ единогласное убѣжденіе, что духовно-нравственное развитіе народа, составляющее краеугольный камень всего государственнаго строя, не можетъ быть достигнуто безъ предоставленія духовенству преобладающаго участія въ завѣдываніи народными школами». Съ тѣхъ поръ началось усиленное открытіе церковно-приходскихъ школъ на средства, данныя министерствомъ народнаго просвѣщенія и нѣкоторыми земствами.

Въ 1887 году государственный совѣтъ даже «продоставилъ оберъ-прокурору синода и министру народнаго просвѣщенія внести представленіе о томъ, не представится ли болѣе удобнымъ сосредоточить дѣло развитія первоначальнаго народнаго образованія въ *одномъ* вѣдомствѣ». Надо думать, что этотъ вопросъ предполагалось рѣшить въ смыслѣ, противоположномъ тому, въ какомъ онъ обсуждался во время реформы 1864 года.

Параллельно съ этимъ, с.-петербургскій комитетъ грамотности возбуждалъ въ 1884 году вопросъ объ изысканіи дешевыхъ спо-

собовъ распространенія грамотности. Рѣчь шла о той же вольной крестьянской школѣ; на нее настойчиво обращали вниманіе общества публицисты и педагоги. Фактъ существованія этихъ школъ въ большомъ количествѣ былъ вполнѣ выясненъ, также какъ и преобладающее участіе въ ней, въ качествѣ учителей,—людей, вышедшихъ изъ народа. Комитетъ циркулярно рекомендовалъ всѣмъ земствамъ школу грамотности, какъ «такой способъ распространенія грамотности въ Россіи, который, кромѣ дешевизны, имѣетъ за собою... то достоинство, что онъ возникъ изъ самой жизни и на опытѣ показалъ свою плодотворность». Еще за два года до комитета обратилъ вниманіе на школу грамотности и министръ народнаго просвѣщенія бар. Николаи. 14 февраля 1882 г. онъ разъяснялъ, по ходатайству одного уѣзднаго земства, что правила о домашнемъ обученіи въ частныхъ домахъ не относятся къ домашнему обученію грамоты въ селахъ, и что учителю грамоты не нужно имѣть преподавательскихъ правъ. Съ этого циркуляра бар. Николаи начинается оффиціальное существованіе школы грамотности. Земства стали ею интересоваться, статистики собирали о ней свѣдѣнія; наконецъ, правительство «правилами 4 мая 1891 года» подчинило «всѣ школы грамоты, какъ существующія уже, такъ и вновь открываемыя, исключительно вѣдѣнію и наблюденію духовнаго начальства».

Съ этого времени обществу приходится искать для рѣшенія школьнаго вопроса новыхъ путей. Въ 1894 г. въ московскомъ комитетѣ грамотности читался рефератъ, авторъ котораго, В. П. Вахтеровъ, снова ставилъ на очередь вопросъ о всеобщемъ начальномъ обученіи. Вопросъ являлся на этотъ разъ въ новомъ освѣщеніи, сразу уничтожившемъ то заклятіе, которое тяготѣло надъ нимъ со времени работы г. Дубровскаго *). Въ разсчетахъ г. Дубровскаго г. Вахтеровъ нашелъ одну основную ошибку; и когда она была указана, всѣмъ стало странно, что до сихъ поръ ее не замѣчали. Дѣло въ томъ, что г. Дубровскій и другіе постоянно исходили изъ предположенія, что въ Россіи, какъ за границей, надо помѣстить въ начальную школу сразу всѣхъ дѣтей отъ 7 до 14 лѣтъ. Это было бы вѣрно, если бы, дѣйствительно, въ русской школѣ надо было сидѣть сельской молодежи семь лѣтъ подрядъ. Но такъ какъ курсъ начальной русской школы длится всего три года, то, очевидно, въ случаѣ обязательнаго обученія, надо имѣть въ школѣ мѣсто только для дѣтей трехъ возрастовъ, напр., отъ 8 до 11. Еще меньше мѣста понадобилось бы, если бы въ деревняхъ обязать ходить въ школу однихъ мальчиковъ. Исходя изъ этихъ соображеній, референтъ приходилъ къ выводу, что для всеобщаго обученія нужно было бы прибавить къ существующимъ школамъ всего только 25 тысячъ школъ въ селахъ и 6 тысячъ въ городахъ и что обойдется это всего въ 11 милліоновъ. Нѣсколько схематичные разсчеты г. Вахтерова были провѣрены спеціалистами-

*) Надо сказать, впрочемъ, что референтъ имѣлъ предшественниковъ, напр., г. Абрамова.

статистиками эмпирически, на частныхъ примѣрахъ, и общій смыслъ вывода оказался совершенно вѣренъ.

Естественно, что эта вновь открывшаяся возможность была достаточной причиной—не думать болѣе о школахъ грамоты и все вниманіе обратить на выясненіе того, на сколько возможно введеніе всеобщаго обученія въ каждой отдѣльной мѣстности. Комитеты грамотности и въ данномъ случаѣ первые показали примѣръ, которому поспѣшило послѣдовать земство. Нечего и говорить, насколько вопросъ подвинутъ уже къ разрѣшенію изслѣдованіями и мѣрами, предпринятыми въ земствахъ всей Россіи въ теченіе двухъ послѣднихъ годовъ.

Общій очеркъ исторіи высшей школы см. въ статьяхъ *В. С. Иконникова*: «Русскіе университеты въ связи съ ходомъ общественнаго образованія», «Вѣстникъ Европы», №№ 9—11. Пересказъ университетскихъ уставовъ 1804, 1835, 1863 и 1884 гг. и другихъ правительственныхъ мѣръ см. въ компилятивномъ очеркѣ *И. Ферлюдина*: «Историческій обзоръ мѣръ по высшему образованію въ Россіи»», вып. I. Академія наукъ и университеты. Саратовъ, 1894. (Подлинные тексты въ первомъ и второмъ «Полномъ собраніи законовъ» и «Сборникѣ постановленій по министерству народнаго просвѣщенія»). Общій очеркъ исторіи средней школы см. въ книгѣ *Е. Шмида*, «Исторія среднихъ учебныхъ заведеній въ Россіи», пер. съ нѣм. А. Ѳ. Нейлисова съ дополненіями по указанію автора, Спб., 1876 (печаталось въ приложеніи къ Журн. Мин. Нар. Просв. и отдѣльно); также указанная выше книга *Воронова* и ея вторая часть: «Историко-статистическое обозрѣніе учебныхъ заведеній С.-Петербугскаго учебнаго округа съ 1829 по 1853 годъ». Спб. 1854. Для исторіи отдѣльныхъ реформъ см. *М. И. Сухомлинова*, «Матеріалы для исторіи образованія въ Россіи въ царствованіе имп. Александра I въ «Изслѣдованіяхъ и статьяхъ», т. I, Спб. 1889. *Н. Булича* «Изъ первыхъ лѣтъ казанскаго университета» (1805—1819). Разсказы по архивнымъ документамъ, отдѣльно въ двухъ частяхъ, Казань, 1887 и 1891 гг. и въ Ученыхъ запискахъ казанскаго унив. за 1875, 1880, 1886, 1890—1891 годы, *Д. И. Багалѣя*, «Опытъ исторіи харьковскаго университета» (по неизданнымъ матеріаламъ). Т. I, (1802—1815 г.), вып. 1 и 2, Харьковъ, 1894, 1896. *В. В. Григорьева*, «Императорскій с.-петербургскій университетъ въ теченіе первыхъ пятидесяти лѣтъ его существованія», историческая записка, составленная по порученію совѣта университета, Спб., 1870. и вызванная этимъ сочиненіемъ статья *В. Д. Спасовича* «Пятидесятилѣтіе с.-петербургскаго университета» въ сборникѣ «За много лѣтъ» и въ Собраніи сочиненій. *Владимірскаго-Буданова*, «Исторія Императорскаго университета св. Владиміра», 1884. *A. Krusenstern*, «Précis du système, des progrès et de l'état de l'Instruction publique en Russie, d'aprés des documents officiels. Varsovie», 1837. «Десятилѣтіе министерства народнаго просвѣщенія 1833—1843», записка, представленная Государю гр. Уваровымъ, Спб. 1864. Обсужденіе реформы 1863—1864 гг. см. въ оффиціальныхъ изданіяхъ: «Замѣчанія на проектъ общаго устава Имп. россійскихъ университетовъ», 2 части, Спб., 1862 и Дополненіе къ замѣчаніямъ etc: Университетскій вопросъ *Н. И. Пирогова*, Спб. 1863. Журналы засѣданій ученаго комитета главнаго правленія училищъ по проекту общаго устава Имп. росс. университетовъ, Спб., 1862 (со «сводами замѣчаній»). Своды замѣчаній на проектъ устава общеобразовательныхъ учебныхъ заведеній по устройству гимназій и прогимназій, Спб., 1863, и Журналы ученаго комитета по разсмотрѣнію этого проекта. Спб. 1863, наконецъ Замѣчанія иностранныхъ педагоговъ на проекты уставовъ (университета и гимназій), Спб., 1863. *C. Woldemar*, «Zur Geschichte und Statistik der Gelehrten und Schulanstalten des K. russ, Min. d. Volksaufklärung, nach officiellen Quellen bearbeitet. St. Petersburg, 1865. Оффиціозное изложеніе послѣдней университетской реформы см. въ книгѣ «Die Reform der russischen Universitäten nach dem Gesetz von 23 August, 1884. Leipzig, 1886. Полемика по поводу реформы устава 1863 г. указана въ статьѣ

«Трилогія на трилогію, историческій очеркъ изъ современной жизни русскаго университста» въ Чтеніяхъ Общества исторіи и древностей, 1873, I. См. также статьи *В. И. Герье* въ «Вѣст. Европы», 1876, №№ 2, 10, 11. Статистическая таблица составлена по Военно-статистическому сборнику, вып. IV, Россія, Спб., 1871; цитиров. книгѣ *Waldemar'a*, «Статистикѣ производительныхъ силъ Россіи» *Карачунскаго*, Берлинъ, 1878; статьѣ о народномъ образованіи въ изданіи министерства финансовъ: «Производительныя силы Россіи», Спб. 1896, Матеріаламъ для исторіи и статистики нашихъ гимназій въ Журн. мин. нар. просв CXXI. Таблица развитія приходской школы до 1836 г. составлена по *Крузенштерну*. О приходскихъ школахъ по уставамъ 1804 и 1828 г. и о школахъ мин. госуд. имуществъ и удѣловъ см. *Воронова* цит. соч. Обсужденіе устава 1864 г. см. въ Журналахъ засѣданій ученаго комитета гл. пр. уч. etc., отдѣлъ «объ устройствѣ народныхъ училищъ» Спб., 1863. Статистическія данныя о школахъ земскаго періода взяты изъ Военно-статистическаго сборника 1871 г., производительныхъ силъ Россіи, цѣнной брошюры *Ѳ. Ольденбурга*, «Народныя школы европейской Россіи», Спб., 1896 г. О школахъ грамоты въ 80-хъ годахъ см. въ книгѣ *А. С. Пругавина*, «Запросы народа и обязанности интеллигенціи въ области просвѣщенія и воспитанія»- Изд. 2-е, Спб. 1895 и у *С. А. Ан—скаго*, «Очерки народной литературы», Спб. 1894. О воскресныхъ школахъ см. *В. П. Вахтерова*. «Внѣшкольное образованіе народа», М. 1891. Рефератъ В. П. Вахтерова напечатанъ подъ заглавіемъ «Всеобщее начальное обученіе» въ «Р. Мысли», 1894, VII. Статья *Я. В. Абрамова*: «Земство и народное образованіе» въ «Р. Мысли», 1889, III. Работа *А. В. Дубровскаго* издана въ «Статистическомъ временникѣ русской имперіи»; серія III, вып. I: «Сельскія училища въ Европ. Россіи и привислянскихъ губерніяхъ», Спб. 1894. Примѣры изъ времени перехода школъ въ вѣдѣніе земства взяты изъ изслѣдованія *А. Д. Повалишина*, «Рязанское земство въ его прошломъ и настоящемъ», Рязань, 1889.

Заключеніе.

Разрывъ «интеллигенція» и «народа», какъ главная тема 2-й части «Очерковъ».—Какъ не слѣдуетъ ставить вопросъ о причинахъ разрыва? — Какъ ставятъ этотъ вопросъ «Очерки»? — Роль вѣры на Западѣ и у насъ, какъ причина различія въ характерѣ разрыва. — Разница въ исторіи творчества, какъ слѣдствіе различія въ исторіи вѣры. — Разница въ положеніи школы, какъ слѣдствіе различія въ отношеніи церкви и государства.

Немного найдется въ исторіи русской публицистики вопросовъ, которые бы такъ продолжительно и настойчиво обсуждались, какъ вопросъ объ отношеніи «интеллигенціи» къ «народу». И это совершенно естественно, такъ какъ отъ того или другого рѣшенія этого вопроса зависитъ и то или другое опредѣленное отношеніе къ цѣлому ряду вопросовъ внутренней политики. Какъ всякій вопросъ, связанный съ политикой, и этотъ вопросъ не могъ, конечно, получить такого рѣшенія, которое было бы сочтено общеобязательнымъ. И историкъ, разумѣется, не можетъ претендовать на то, чтобы его рѣшеніе было признано обязательнымъ спорящими сторонами. Но на что историкъ безспорно можетъ претендовать, это—на право установить, въ качествѣ эксперта, самые факты, подлежащіе манипуляціямъ практическаго политика. Худо ли, хорошо ли сложились явленія нашего прошлаго, судить объ этомъ не дѣло историка, но онъ обязанъ указать, *какъ* именно они сложились, и практическій политикъ не имѣетъ права игнорировать его указаній. Для успѣшнаго хода спора хорошо будетъ уже и то, если стороны согласятся признавать извѣстные факты. Споръ отъ этого, конечно, не прекратится, но, можетъ быть, точнѣе опредѣлятся границы, въ которыхъ можно спорить, и нѣкоторыя рѣшенія сразу будутъ устранены, какъ не признающія этихъ законныхъ границъ.

Какіе же выводы вытекаютъ изъ содержанія второй части «Очерковъ» для уясненія вопроса объ отношеніи «интеллигенціи» къ «народу»? Ставя этотъ вопросъ, мы тѣмъ самымъ признаемъ, что онъ есть самый главный и основной изъ тѣхъ, на которые эта часть «Очерковъ» даетъ опредѣленный отвѣтъ. Но мы спѣшимъ прибавить, что отвѣтъ этотъ будетъ не полный. «Интеллигенціей» мы будемъ заниматься и въ третьемъ выпускѣ, послѣ того, какъ первый подготовилъ намъ матеріалъ для сужденія о ея соціальной структурѣ, а второй—для сужденія о ея духовномъ обликѣ. Тамъ мы воспользуемся тѣми и другими данными для болѣе полнаго уясненія вопроса; здѣсь же пока мы будемъ держаться въ болѣе тѣсныхъ предѣлахъ. Нашъ вопросъ, такимъ образомъ, нѣсколько съузится и приметъ слѣдующій видъ: какъ объясняетъ вторая часть «Очерковъ» духовную рознь «интеллигенціи» и «народа», каково происхожденіе этой розни съ ея наиболѣе характерными чертами?

Обыкновенно отвѣчаютъ на это, что происхожденіе розни очень естественно и понятно. Россія не могла отстать отъ семьи европейскихъ народовъ; масса народная не могла поспѣть за европейскимъ развитіемъ: неизбѣжнымъ результатомъ этой необходимости европейскихъ заимствованій и невозможности ихъ для всей массы сразу и явился разрывъ между высшимъ и низшимъ слоемъ русскаго общества. Это объясненіе совершенно вѣрно; единственный недостатокъ его только тотъ, что оно съ одинаковымъ правомъ можетъ быть приложено къ Японіи и къ Россіи, и что для того, чтобы дать такое объясненіе, нѣтъ надобности погружаться въ изученіе русскаго прошлаго. Другими словами, оно еще слишкомъ обще и слишкомъ мало улавливаетъ изъ индивидуальной физіономіи русскаго культурнаго процесса.

Дѣло будетъ не лучше, а хуже, если мы для того, чтобы придать этому объясненію «мѣстный колоритъ», упомянемъ имя Петра. Наше объясненіе станетъ тогда просто невѣрно. Правда, не такъ еще давно, и славянофилы, и западники готовы были считать разрывъ интеллигенціи съ народомъ результатомъ всесильныхъ указовъ Петра. Мы уже замѣтили, по одному частному случаю, что ко времени, когда стали появляться эти указы, разрывъ былъ совершившимся фактомъ: бритье бороды и нѣмецкое платье немногое могли прибавить къ разрушеніямъ, произведеннымъ въ душѣ русскаго человѣка особенностями нашего культурнаго процесса.

Разрывъ произошелъ у насъ въ области вѣры и отсюда распространился въ другія области духовной жизни. Однако, констатируя этотъ фактъ, мы еще нисколько не думаемъ въ *немъ* именно находить какую-нибудь спеціально-русскую особенность. Совершенно напротивъ, мы этимъ ставимъ русскій культурно-историческій процессъ въ параллель съ другими процессами, и получаемъ возможность дѣлать между ними сопоставленія. Пока разрывъ русской интеллигенціи съ народомъ объяснялся изъ внѣшней необходимости догнать культурныя страны Европы и изъ правительственныхъ мѣропріятій геніальнаго царя-реформатора, до тѣхъ поръ этотъ разрывъ, дѣйствительно, могъ представляться какою-то своеобразной и исключительной потребностью и особенностью русской жизни. На дѣлѣ, вездѣ въ Европѣ тотъ же разрывъ міровоззрѣній существуетъ въ большей или меньшей степени, и повсюду онъ былъ вызванъ, съ интеллектуальной стороны, перемѣнами въ состояніи вѣрованій. Сравненіе этого — *одного и того же* въ Европѣ и Россіи—процесса измѣненія вѣрованій можетъ дать болѣе надежную основу для того, чтобы выяснить индивидуальную физіономію, которую принялъ этотъ процессъ въ русской культурно-исторической обстановкѣ. Въ результатѣ такого сравненія мы, можетъ быть, найдемъ еще болѣе глубокое своеобразіе въ ходѣ нашего русскаго процесса, чѣмъ то, на которое, обыкновенно, указывали прежде. Это и немудрено, такъ какъ на этотъ разъ своеобразіе явится продуктомъ не одной только случайной личной воли и не одного, навязаннаго судьбой, географическаго сосѣдства, а также, и прежде всего—продуктомъ тѣхъ внутреннихъ условій, при которыхъ совершалось все наше духовное развитіе.

Итакъ, то обстоятельство, *что* разрывъ совершился въ Россіи въ области вѣрованій, не составляетъ еще какого-либо отличія ея отъ другихъ странъ. Отличіе заключается въ томъ, *какъ* этотъ разрывъ у насъ совершился.

Западно-европейская церковь съ первыхъ шаговъ своего существованія рѣшительно взяла въ свои руки духовно-нравственную реформу варварскаго общества, въ которомъ пришлось ей дѣйствовать. Реформу эту ей удалось провести такъ успѣшно, что къ исходу среднихъ вѣковъ, за исключеніемъ нѣсколькихъ глухихъ угловъ, въ Европѣ не осталось и слѣдовъ стараго языческаго міровоззрѣнія. Правда, церковь и сама пострадала и загрязнилась во время этой черной работы; правда и то, что въ результатѣ ея дѣятельности получилось не чистое христіанство первыхъ вѣковъ, а какая-то амальгама старыхъ и новыхъ вѣрованій. Но церковь сама шла на это; она предпочитала пустить въ оборотъ ввѣренныя ей идеи, съ рискомъ подвергнуть ихъ искаженію, чѣмъ хранить ихъ неприкосновенными подъ крѣпкимъ запоромъ. Въ результатѣ, она вызвала въ обществѣ активное отношеніе къ теоретическимъ и нравственнымъ истинамъ вѣры. Въ итогѣ этой совмѣстной работы и получился тотъ новый продуктъ, не похожій ни на одинъ изъ своихъ ингредіентовъ, о которомъ мы говорили. Но, не отдѣляя ученія отъ жизни, церковь рисковала—какъ вѣрно замѣтили славянофилы—упустить изъ рукъ руководство жизнью. Вѣра становилась личнымъ дѣломъ и заботой каждаго: религія выигрывала отъ этого въ той же степени, въ какой проигрывала церковь. Дальше—развитіе вѣрованій пошло различно, смотря по тому, какъ церковь отнеслась къ этой перемѣнѣ своего положенія. Въ романскихъ странахъ ей снова удалось овладѣть положеніемъ; въ германскихъ она была унесена общимъ потокомъ. Въ обоихъ случаяхъ разрывъ со старыми вѣрованіями совершился безповоротно; но въ зависимости отъ отношенія церкви тамъ и здѣсь этотъ разрывъ принялъ различный характеръ. Два главные типа европейской мысли и жизни—типъ англійскій и типъ французскій—нагляднѣе всего покажутъ намъ, какова могла быть дальнѣйшая роль церкви въ этомъ разрывѣ. Англичанинъ, національное чувство котораго всегда возмущалось противъ авторитета единой средневѣковой церкви, сбросилъ съ себя этотъ авторитетъ безъ большого сопротивленія со стороны англійскаго духовенства. Какъ только ему начало становиться тѣсно и неловко въ старомъ церковномъ мундирѣ, онъ, по свойственной ему непривычкѣ стѣсняться, понатужился, и облекавшее его католическое одѣяніе расползлось по всѣмъ швамъ. Онъ не спѣшилъ, однако, скинуть этого одѣянія совершенно, довольствуясь тѣмъ, что имѣлъ теперь своего собственнаго, національнаго Бога, къ которому мѣстныя власти могли обращаться непосредственно, безъ непрошеннаго вмѣшательства святѣйшаго отца въ Римѣ. Но новыми созданными имъ формами вѣры англичанинъ еще менѣе склоненъ былъ стѣсняться, чѣмъ прежними. Отказавшись отъ папы, онъ скоро повернулъ спину и королю, какъ главѣ церкви, и рѣшился самолично заняться собственнымъ спасеніемъ. При всякомъ поворотѣ собственной мысли въ сторону, при всякомъ движеніи ея впередъ, онъ

добросовѣстно передѣлывалъ по новой мѣркѣ и тотъ церковный футляръ, въ которомъ должна была умѣщаться новая религіозная идея. При такой гибкости религіозныхъ формъ, при такой ихъ податливости, къ чему ему было ссориться съ религіей или выбрасывать ее за бортъ? Вотъ почему десятки разъ перемѣнившись въ своихъ внѣшнихъ очертаніяхъ, и въ своемъ внутреннемъ содержаніи, религія до сихъ поръ сохранила свою власть надъ представителями британской націи, и Англія представляетъ удивительный примѣръ страны, въ которой—нельзя сказать, чтобы вовсе не было разрыва духовной традиціи,—но разрывъ этотъ совершался съ методической постепенностью и, въ огромномъ большинствѣ, не вышелъ еще изъ рамокъ вѣроисповѣдныхъ споровъ. По той же причинѣ англичанинъ до сихъ поръ ухитряется мирить самыя новѣйшія пріобрѣтенія мысли и знанія съ своимъ религіознымъ міросозерцаніемъ и всегда готовъ воспользоваться самыми антирелигіозными воззрѣніями для проясненія и дальнѣйшаго развитія своей личной вѣры. Совсѣмъ иное встрѣчаемъ въ религіозной исторіи Франціи. Старый религіозный костюмъ оказался здѣсь сшитымъ изъ болѣе крѣпкой матеріи, и когда новому европейскому духу стало въ немъ тѣсно, всѣ усилія освободиться отъ этого костюма оказались тщетными. Мысль принуждена была прикрываться старыми рамками въ своей новой работѣ: она не имѣла здѣсь возможности облечь новаго содержанія въ новыя формы съ той положительностью и добросовѣстностью, съ какою могъ это сдѣлать британскій геній. Одно это условіе должно было пріучить французскую мысль къ обходамъ и уверткамъ, отклонить ее отъ положительной, творческой работы къ отрицательной, критической и отравить ея отношенія къ старому міровоззрѣнію дней ея юности. Вотъ почему, когда долго копившееся раздраженіе прорвалось, наконецъ, наружу, когда наступилъ моментъ рѣшительнаго разрыва, философская и публистическая мысль Франціи сразу покончила съ прошлымъ и могла относиться къ нему только съ ненавистью и насмѣшкой. Времена Вольтера, конечно, давно прошли, но и въ наше время всякій французскій школьникъ съ удивленіемъ смотритъ на своего товарища, идущаго въ церковь, и отмѣчаетъ эти рѣдкіе экземпляры насмѣшливымъ прозвищемъ. Господство стараго міровоззрѣнія надъ образованнымъ обществомъ составляетъ уже такое отдаленное и неясное преданіе, что это самое общество можетъ свободно идеализировать его и безнаказанно мечтать о его реставраціи.

Не трудно понять послѣ всего этого, почему образованный англичанинъ до сихъ поръ любитъ свою религію, и почему образованный французъ иногда до сихъ поръ ее ненавидитъ, а иногда, что еще хуже, потому что еще дальше отодвигаетъ ее въ прошлое, мечтаетъ о ней, какъ о своего рода потерянномъ раѣ. Всякому извѣстно, что образованный русскій, въ большинствѣ случаевъ, относится къ своей вѣрѣ совершенно безразлично. За это его очень часто и сильно бранятъ. Но вина и на этотъ разъ, если нужно искать виноватаго, лежитъ не на немъ, а на исторіи. Намъ говорятъ, что онъ измѣнилъ ей и потому сталъ индифференти-

стомъ. Мы находимъ, напротивъ, что въ этомъ онъ остался ей совершенно вѣренъ.

Мы видѣли, что русская церковь въ первые вѣка своего существованія была слишкомъ слаба по составу своихъ представителей, чтобы принять на себя ту задачу, которую выполнила западная церковь относительно средневѣкового общества. Послѣдствіемъ этого, какъ мы знаемъ, было то, что языческая русская старина слишкомъ долго оставалась неприкосновенною и мирно уживалась рядомъ съ оффиціальными формами новой вѣры. Представители церкви были, конечно, тутъ ни въ чемъ не виноваты; они сами были членами того общества, на которое должны были дѣйствовать. Но, какъ бы то ни было, и у насъ, наконецъ, новая вѣра начала производить свое дѣйствіе на общество, хотя бы на болѣе подготовленную часть его, хотя бы и довольно поздно, не раньше конца XV столѣтія. Дѣйствіе это только и могло быть такимъ, какою стала сама вѣра въ русской средѣ. Въ обществѣ, которое должно было еще пріучиться хотя бы къ соблюденію внѣшнихъ формъ религіозности, вѣра должна была пріобрѣсти характеръ обрядоваго формализма. Въ этомъ направленіи и начала работать интеллигентная русская мысль XVI вѣка. Результаты ея работы были, несомнѣнно, оригинальны, но скоро оказались неправильны. Представители русской церкви, съ помощью своихъ греческихъ руководителей, скоро открыли, что эти результаты есть плодъ *своей*, мѣстной работы, и нашли, что они стоятъ въ противорѣчіи съ вселенскимъ преданіемъ. Итакъ, *этого рода* работа была осуждена и должна была немедленно прекратиться. Къ другого рода дѣятельности въ области религіи общество было тогда неспособно, да и вообще дѣятельному отношенію къ дѣламъ вѣры ставились очень узкіе предѣлы. Такимъ образомъ, выбирать было не изъ чего. Церковь лишала общественную мысль ея кровнаго достоянія, которое она только что привыкла цѣнить, и ничего не давала взамѣнъ. Но работу мысли остановить было нельзя; отвергнутая церковью, она продолжалась внѣ церковной ограды; лишенная свѣта, она велась во тьмѣ; преслѣдуемая, она производилась тайно. Мало-по-малу изъ культурныхъ слоевъ она перешла въ XVII вѣкѣ къ народу и вызвала въ немъ такое оживленіе религіознаго чувства, подобнаго которому до тѣхъ поръ на Руси не было. Но весь этотъ запасъ религіознаго одушевленія пропалъ даромъ для тогдашней интеллигенціи и для церкви. Наученная опытомъ, церковь крѣпко берегла свое добро, и это ей теперь было не трудно, такъ какъ никто на него больше не посягалъ. Большинство интересовавшихся живой работой религіозной мысли ушло теперь совсѣмъ изъ церковной ограды. Изъ оставшихся не всѣ, конечно, были равнодушны къ духовнымъ запросамъ; но религія въ числѣ этихъ запросовъ уже не занимала у нихъ перваго мѣста. Эти условія не могли не отозваться и на положеніи самой церкви. Разорвавъ съ своимъ прошлымъ, она лишила себя силы въ настоящемъ. Оставленная съ своими притязаніями лицомъ къ лицу съ могущественной государственной властью и находившая лишь слабую поддержку со стороны паствы, она должна была подчиниться и войти въ рамки

другихъ государственныхъ учрежденій. Это было для нея даже и удобнѣе, такъ какъ окончательно подчеркивало ея исключительно охранительный характеръ и освобождало ее отъ обязанности руководить духовной жизнью страны. Жизнь эта продолжалась также самостоятельно, какъ началась въ XVI—XVII вѣкѣ. Со ступени на ступень, народная вѣра прошла въ слѣдующіе два вѣка цѣлый рядъ фазисовъ развитія. Но власть мало интересовалась этимъ процессомъ развитія народной вѣры и немного о немъ знала; а церковь, не заинтересованная въ собственномъ господствѣ, дѣйствовала по отношенію къ народной вѣрѣ только, какъ органъ правительственнаго надзора. Насколько соотвѣтствовало этому состоянію церкви положеніе пастырей и ученіе вѣры, мы уже видѣли выше.

Судьба русской вѣры опредѣлила собой и судьбу русскаго творчества. На Западѣ церковь, всколыхнувши народное чувство, заставила работать народную фантазію въ новомъ направленіи. Христіанская поэзія вскорѣ вытѣснила языческую и создала свои собственные шедевры; христіанская архитектура смѣло принялась за рѣшеніе новыхъ задачъ, христіанская живопись и скульптура вложили въ свои произведенія богатство и силу чувства, совершенно неизвѣстныя античному искусству; наконецъ, и христіанская музыка принялась искать новыхъ путей для выраженія религіознаго настроенія. Перемѣны въ вѣрованіяхъ вызвали и перемѣну взглядовъ на задачи искусства; но и съ измѣнившимися взглядами оно долго еще продолжало служить цѣлямъ старой религіи, заставляя новаго человѣка искать въ ней, по прежнему, удовлетворенія душевныхъ стремленій. Когда, наконецъ, искусство вышло изъ-подъ опеки церкви, ему не было уже надобности мѣняться: въ сущности, оно давно уже было свѣтскимъ. У насъ, какъ мы знаемъ, первые значительные успѣхи вѣры въ XVI столѣтіи тоже сопровождались творческой работой фантазіи. Христіанская легенда впервые начала конкуррировать съ продуктами стараго народнаго творчества; архитектура, оставивъ простое подражаніе, пробовала по-своему разработывать чисто-національныя темы; въ иконографіи появились первые признаки стремленія къ «живству». Скоро, однако, все это подверглось строгому осужденію церкви; самостоятельное развитіе національнаго творчества, какъ и національной вѣры, было остановлено въ самомъ зародышѣ. Христіанская поэзія превратилась въ раскольничій стихъ, и на этомъ остановилась; въ архитектурѣ и иконописи фантазія художника ограничена была самыми тѣсными предѣлами и въ лучшемъ случаѣ должна была довольствоваться компромиссомъ между его новыми влеченіями и преданіями старины—греческой, а не русской. Искусство потеряло свою публику, какъ церковь — паству; оно продолжало работать только для условныхъ потребностей комфорта, какъ та—для условныхъ потребностей школы. Особенности русской жизни и мысли ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ не находили больше возможности обнаружиться. Естественно, что когда, послѣ долгаго промежутка, самостоятельное русское искусство возникло вновь, оно (за исключеніемъ архитектуры) не могло опереться ни на какую историческую традицію; смѣло

и рѣшительно оно пошло на встрѣчу новымъ требованіямъ русской интеллигенціи и, начавши свое развитіе опять съ начала, удивило постороннихъ наблюдателей варварской силой и свѣжестью своихъ впечатлѣній.

Наконецъ, въ самой тѣсной зависимости—хотя чисто отрицательной — отъ исторіи русской вѣры стоитъ и исторія русской школы. Принявшись за христіанское воспитаніе общества, западная церковь прежде всего употребила для этого школу, какъ самое сильное средство общественнаго образованія. Много столѣтій западная школа находилась исключительно въ духовныхъ рукахъ, и когда, наконецъ, государство включило въ число своихъ задачъ народное просвѣщеніе, оно нашло поле дѣйствія уже занятымъ. Употребивъ всѣ усилія на борьбу съ клерикальной школой, оно и до сихъ поръ еще не достигло цѣли, которую себѣ поставило. Эта независимость школы отъ государства имѣла своимъ послѣдствіемъ и то, что государство научилось цѣнить самостоятельность школы. Разъ устранившись, это отношеніе пережило періодъ господства церкви надъ школой: изъ уваженія къ самостоятельности церкви оно превратилось въ уваженіе къ самостоятельности науки.

. У насъ, какъ мы знаемъ, церковь, въ періодъ своего преобладанія въ духовной жизни страны, оказалась не въ состояніи устроить школу не только для распространенія знаній въ обществѣ, но даже и для поддержанія знаній въ своей собственной средѣ. Въ результатѣ, знанія проникали въ общество помимо школы. На первый разъ, въ XVI вѣкѣ, это были знанія, одобренныя церковью и почерпнутыя изъ благонадежнаго византійскаго источника. Но такими знаніями, восходившими къ IV—X вѣку нашей эры, общество не могло удовлетвориться; и еще въ томъ же XVI вѣкѣ стали проникать на Русь обрывки средневѣковой науки XI—XIII столѣтія. Послѣ тщетнаго и безсильнаго сопротивленія, сами представители церкви подчинились понемногу вліянію этой науки; ученѣйшіе изъ нихъ принялись хлопотать объ устройствѣ въ Россіи школы по средневѣковому образцу. Мы знаемъ судьбу этихъ хлопотъ, борьбу московскаго большинства противъ включенія въ школу «свободныхъ искусствъ», а потомъ и противъ ея преподавателей, хотя и прошедшихъ черезъ двойную цензуру греческаго патріарха и московскаго школьнаго устава. Критикуя и не предлагая ничего положительнаго съ своей стороны, господствующая партія дождалась, наконецъ, того времени, когда школа понадобилась государству. Приступивъ къ устройству этой школы, государство не встрѣтило конкуррента въ лицѣ церкви; напротивъ, по его же настоянію, церковная администрація завела свои первыя школы, и на первыхъ же порахъ государственная власть готова была передать и свои свѣтскія школы въ его вѣдомство. Но церковь, какъ и общество, смотрѣла на школу, какъ на государственную повинность. При этихъ условіяхъ, школа съ самаго начала своего существованія стала у насъ вдвойнѣ правительственной: по своему происхожденію и по своему назначенію. Школа готовила или для школы же, или для службы. Дворяне до освобожденія отъ обязательной службы, духовенство и крестьяне до эмансипаціи, при-

влекались къ посѣщенію школы насильно. Для своихъ собственныхъ цѣлей тѣ и другіе предпочитали пользоваться услугами частныхъ учителей и посылать своихъ дѣтей въ частную школу. Правительство вступило въ борьбу съ частной школой, подчинило ее своей регламентаціи и, въ концѣ концовъ, заставило, въ выгодахъ службы, предпочесть казенную школу частной. Такимъ образомъ, общественное образованіе сосредоточилось вполнѣ въ рукахъ государственной власти. Мы не будемъ пока разсуждать, что сдѣлала государственная школа для русской интеллигенціи, такъ какъ къ этому вопросу намъ еще придется вернуться. Здѣсь мы замѣтимъ только, что уже частыя реформы школы въ XIX столѣтіи показываютъ намъ, что результаты школьнаго преподаванія не совсѣмъ соотвѣтствовали намѣреніямъ государственной власти. Во всякомъ случаѣ, государству приходилось бороться не съ клерикализмомъ. Оно, напротивъ, совершенно основательно находило, что воспитательное вліяніе церкви входитъ слишкомъ слабымъ элементомъ въ составъ нашего общественнаго воспитанія. Къ большому удивленію иностранцевъ, у насъ высказывались даже намѣренія создать государственными средствами клерикальную школу. Но, зная причины ея неуспѣха въ прошломъ, трудно было бы предсказывать этой школѣ удачу въ будущемъ. Слишкомъ много прожито русскимъ обществомъ и русскимъ народомъ, чтобы можно было уничтожить плоды прожитаго. Совершенно вѣрно, что, вопреки общепринятому мнѣнію, русская жизнь въ ея прошломъ была не—слишкомъ много, а слишкомъ *мало* проникнута началами вѣры. Но прошлаго не воротишь, а пополнять этотъ пробѣлъ теперь, триста лѣтъ спустя послѣ того, какъ моментъ былъ (и не могъ не быть) пропущенъ, значило бы повторять ошибку Чаадаева, не имѣя, притомъ, даже и его основаній. Онъ совѣтовалъ попробовать на Россіи средство, оказавшееся плодотворнымъ въ Европѣ. Намъ совѣтуютъ, напротивъ, испытать средство, уже оказавшееся безсильнымъ въ Россіи. Историку остается только утѣшиться тѣмъ, что ни пересадить Европу въ Россію, ни сдѣлать русское прошлое настоящимъ—одинаково невозможно.

Сдѣланный нами обзоръ содержанія очерковъ снова приводитъ насъ къ заключенію, что разница въ характерѣ разрыва русскаго и европейскаго общества съ ихъ прошлымъ болѣе всего объясняется различіемъ въ культурной роли ихъ вѣры. Британская религія возростила и воспитала британскую мысль, и сама вмѣстѣ съ ней выросла: вотъ секретъ господства религіозныхъ идей надъ умомъ даже современнаго британца. Французская религія, напротивъ, сдѣлала всѣ усилія, чтобы воспрепятствовать развитію современнаго научнаго и философскаго духа: отсюда враждебное отношеніе къ ней француза. Что касается русской религіи, она не имѣла возможности сдѣлать ни того, ни другого. Она не возбуждала мысли къ дѣятельности и не преслѣдовала ее инквизиціонными трибуналами. Вотъ почему отношеніе интеллигентнаго русскаго къ религіи осталось такимъ, какимъ создала это отношеніе исторія.

КОНЕЦЪ II ЧАСТИ.

КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

Историческія драмы Ибсена.—«Сѣверные богатыри».—Классическая простота этой драмы. — «Претенденты на корону», «Ингэръ изъ Эстрота» и «Праздникъ въ Сольгаугѣ».—Достоинства и недостатки этихъ произведеній.—Общее ихъ значеніе для характеристики самого Ибсена.—К. Вагнеръ, его «Молодежь» и «Мужество», какъ образцы французской мѣщанской морали.

Вышедшій недавно третій томъ произведеній Ибсена заключаетъ его историческія драмы, въ которыхъ Ибсенъ выступаетъ преимущественно какъ національный поэтъ. Древній духъ норманновъ проникаетъ эти драмы, оживаетъ въ нихъ и увлекаетъ читателя, изумленнаго красотою и возвышенностью народнаго духа, способнаго создать такіе образы. Ихъ могъ создать только сильный и гордый народъ, съ богатымъ прошлымъ и много обѣщающимъ будущимъ. Тѣсно такому народу въ маленькой Норвегіи, какъ было тѣсно духу Эллады въ еще меньшей Греціи. Теперь прошли давно времена дикихъ викинговъ, завоевывавшихъ мечомъ невѣдомые края, и не мечь рѣшаетъ теперь дѣла, нанося пораженія и одерживая побѣды. Норманская сила духа, выражавшаяся прежде въ стремительности нападенія, котораго не могли выдерживить ни саксы, ни франки, теперь увлекаетъ за собой человѣчество отъ житейской пошлости, дрязгъ, мелочной борьбы личныхъ интересовъ на вершины идеала, гдѣ холодъ сковываетъ души, но дѣлаетъ ихъ неуязвимыми тлѣнью.

Есть два міровоззрѣнія. Одно изъ нихъ завѣщано Элладой, полное радости, свѣта, тепла и любви. У Достоевскаго, въ «Подросткѣ», есть чудное мѣсто, картина этого міровоззрѣнія. «Мнѣ снилось—уголокъ Архипелага, причемъ и время какъ бы перешло за три тысячи лѣтъ назадъ; голубыя, ласковыя волны, острова и скалы, цвѣтущее прибрежье, волшебная панорама вдали, заходящее зовущее солнце—словами не передашь. Тутъ запомнило свою колыбель европейское человѣчество... здѣсь былъ земной рай человѣчества: боги сходили съ небесъ и роднились съ людьми... О, тутъ жили прекрасные люди! Они вставали и засыпали счастливые и невинные, луга и рощи наполнялись ихъ пѣснями и веселыми криками; великій избытокъ непочатыхъ силъ уходилъ въ любовь и въ простодушную радость. Солнце обливало ихъ тепломъ и свѣтомъ, радуясь на своихъ дѣтей... Чудный сонъ, высокое заблужденіе человѣчества! Золотой вѣкъ—мечта самая не-

вѣроятная изъ всѣхъ, какія были, но за которую люди отдавали всю жизнь и всѣ свои силы, для которой умирали и убивались пророки, безъ которой народы не хотятъ жить и не могутъ даже умереть!»

Это былъ сонъ, хотя и чудный, но все же сонъ, и кто разъ проснулся, уже не могъ бы вернуться, не захотѣлъ бы вернуться къ нему. Есть нѣчто высшее, болѣе обаятельное, чѣмъ самые чудные сны,—это борьба. Упоенье борьбы—таково второе міровоззрѣніе, возникшее на сѣверѣ, гдѣ «каждая зима подобна длинной, темной ночи», какъ говоритъ Іордисъ, героиня лучшей сѣверной драмы Ибсена «Сѣверные богатыри». Въ ея уста Ибсенъ вкладываетъ опредѣленіе этого упоенья борьбой, борьбой не во имя той или иной цѣли, а ради именно одного упоенія. Іордисъ сильная, гордая женщина, жена слабаго, добродушнаго Гуннара, типичнаго представителя золотой середины, одного изъ тѣхъ вѣковѣчныхъ типовъ, которые и добры въ мѣру, и злы въ мѣру. Онъ получилъ ее обманомъ. Его другъ герой Сигурдъ, храбрѣйшій изъ храбрыхъ, великодушный, какъ истинно сильный человѣкъ, отдаетъ ее другу, зная его любовь къ ней и самъ любя ее, и дѣлаетъ грубую, но неизбѣжную, фатальную ошибку. Его любовь къ ней велика и безгранична, какъ и его сердце, а любовь Гуннара онъ измѣряетъ своею любовью. Такъ всегда поступаютъ великодушные люди, слишкомъ простые, чтобы употреблять иную мѣрку, кромѣ своего сердца. Подъ видомъ Гуннара пробирается онъ къ Іордисъ и убиваетъ сторожившаго ея медвѣдя. Іордисъ думаетъ, что Гуннаръ совершилъ этотъ подвигъ, передъ которымъ отступали самые сильные и смѣлые, и въ восторгѣ выходитъ за него замужъ, думая, что Гуннаръ и есть самый гордый и смѣлый викингъ, съ которымъ ей предстоитъ жизнь морской царицы, жизнь полная борьбы, неудержимаго стремленія впередъ. А вмѣсто того, ей выпадаетъ на долю жизнь скромная и тихая, «быть женой и только женой, сидѣть дома, прясть и ткать для мужа и рожать дѣтей... Какой позоръ!»—восклицаетъ Іордисъ. И это ей? «Скажи мнѣ,—спрашиваетъ она жену Сигурда, кроткую и тихую Дагни,—когда ты странствовала съ Сигурдомъ и слышала звонъ мечей во время боя и когда кровь лилась потоками,—не чувствовала ты неодолимаго желанья броситься въ бой? Не надѣвала броню, не брала оружія въ руки?» Она томится и мучится. «Мнѣ должна была выпасть на долю веселая жизнь викинга; было бы лучше для меня и, быть можетъ, для насъ всѣхъ. То жизнь, полная, счастливая!.. Не странно ли тебѣ видѣть меня живущею здѣсь? Не страшно ли тебѣ одной со мною здѣсь, въ этомъ мракѣ? Не кажется ли тебѣ, что я умерла и что мой призракъ стоитъ предъ тобою?» Безконечная скорбь слышится въ этихъ словахъ, скорбь глубоко оскорбленной души, рожденной для подвиговъ и осужденной на жалкое прозябаніе. «Какое счастье быть волшебницей, нестись по бурному морю, нестись быстрѣе корабля, и вызывать бурю, и пѣснями заманивать людей въ волшебную пучину! О, Дагни, подумай, какъ хорошо сидѣть здѣсь у окна, когда смеркается, и слушать, какъ мертвецы несутся въ Валгаллу; ихъ путь ле-

житъ мимо насъ на сѣверъ. Это храбрые воины, павшіе въ битвѣ, и смѣлыя женщины; онѣ не влачили безцвѣтно свою жизнь, какъ ты да я. Онѣ несутся въ бурную ночь на черныхъ коняхъ, со звономъ и свистомъ... Совершить свой послѣдній путь на такомъ конѣ, подумай, какое счастье!..»

Драмы Ибсена вообще отличаются простотой, но въ «Сѣверныхъ богатыряхъ» она доведена до классическаго совершенства. Въ этомъ отношеніи ее можно сравнить только съ произведеніями Эврипида, героини котораго имѣютъ много общаго съ таинственными образами сѣвера. Съ перваго момента появленія на сценѣ Сигурда и Дагни, Гуннара и Іордисъ, драма выясняется вся, и развязка ея фатально неизбѣжна. Сильные Сигурдъ и Іордисъ должны погибнуть, для счастья слабыхъ Гуннара и Дагни. Они слишкомъ великодушны, чтобы пользоваться преимуществомъ силы, и слишкомъ горды, чтобы входить въ сдѣлку съ жизнью, вымаливать жалкія подачки, которыя жизнь даетъ слабымъ, нѣжнымъ душамъ, въ основѣ всегда трусливымъ и подлымъ, неспособнымъ ни на подвигъ, ни на самопожертвованіе. Одну минуту только Іордисъ мечтаетъ, ей представляется возможность иного исхода борьбы. «Сигурдъ! одинъ лишь смѣлый шагъ, и мы будемъ счастливы; стоитъ лишь захотѣть, и мы свободны, побѣда за нами. Что Дагни для тебя? чѣмъ она можетъ быть тебѣ? Не болѣе, чѣмъ мнѣ Гуннаръ. И много ли значитъ, если погибнутъ двѣ ничтожныя жизни?» Но тутъ же она разрушаетъ свою мечту, когда на вопросъ колеблющагося Сигурда, что сдѣлаетъ она, если онъ убьетъ Гуннара?—она отвѣчаетъ: «Тогда я хранила бы молчаніе и не нашла бы покоя, пока не увидѣла бы тебя сраженнымъ». Ея сердце слишкомъ гордо, чтобы унизиться до преступленія, а любовь такъ велика, что этотъ міръ ея не выноситъ. «Въ тотъ день, когда ты избралъ другую, я лишилась родины. Напрасно ты сдѣлалъ это. Все воленъ человѣкъ отдать другу, все, кромѣ любимой женщины. Тогда онъ разрываетъ скрытую нить судьбы и сокрушаетъ двѣ жизни. Да, вѣрный голосъ говорилъ мнѣ: я создана была, чтобы въ дни невзгоды сильнымъ духомъ ободрять и укрѣплять тебя, а ты былъ рожденъ для того, чтобы я все великое и славное нашла въ одномъ мужѣ. О, Сигурдъ, знай, когда бы насъ соединила судьба, ты сталъ бы славнѣе, я счастливѣе всѣхъ людей на свѣтѣ!» Въ порывѣ священнаго безумія, охватившаго ея изстрадавшуюся душу, Іордисъ убиваетъ Сигурда и сама бросается въ море.

Мрачный колоритъ сѣверной природы усиливаетъ суровость драмы. Холодомъ вѣетъ отъ этихъ характеровъ, сильныхъ, не знающихъ смиренія, уступчивости, еще не тронутыхъ духомъ «Свѣтлаго Бога», какъ называетъ Сигурдъ христіанство. Въ минуту смерти онъ признается, что сталъ христіаниномъ, но въ развитіи дѣйствія его христіанство не играетъ никакой роли. Только въ послѣдній моментъ выступаетъ оно на сцену, чтобы раздѣлить и по смерти, по мнѣнію Сигурда, его душу отъ души язычницы Іордисъ. Ибсенъ, до страсти любящій символы, какъ бы желаетъ отмѣтить, что съ принятіемъ христіанства норманны утратили

исконную доблесть, свой неудержимый порывъ въ невѣдомую даль. Іордисъ—олицетвореніе этого духа, и когда между нею и Сигурдомъ становится «Свѣтлый Богъ», она оставляетъ своего возлюбленнаго, теперь уже навсегда, и уносится съ своей обидой въ бездонный мракъ, увлекаемая валькиріями.

Въ своихъ драмахъ онъ отводитъ оффиціальнымъ представителямъ «Свѣтлаго Бога» довольно странную, двусмысленную роль, какъ, напр., въ «Привидѣніяхъ» добродушному пастору, постоянно мятущемуся между велѣніями религіи и требованіями жизни. Въ драмѣ «Претенденты на корону» епископъ является представителемъ скептицизма, раздувающимъ раздоры. Онъ постоянно возбуждаетъ сомнѣнія въ душѣ мятежнаго Ярла Скуле въ правильности избранія короля Гакона. Какъ въ большей части произведеній Ибсена, этотъ епископъ только символъ врожденной человѣку двойственности, но для Ибсена характерно, что онъ олицетворилъ ее въ представителѣ религіи, которая, напротивъ, умиротворяетъ вѣчную борьбу духа.

Послѣ «Сѣверныхъ богатырей» въ циклѣ историческихъ драмъ «Претенденты на корону» самая значительная по содержанію, хотя въ художественномъ отношеніи она далеко уступаетъ первой. Прежде всего она страшно растянута, съ массою вводныхъ лицъ, имѣющихъ лишь побочное значеніе, что усложняетъ дѣйствіе и запутываетъ читателя. Разница между обѣими драмами до того велика, что ихъ было бы трудно приписать одному автору, если бы не отдѣльныя сцены и характеры, которые сдѣлали бы честь Шекспиру. Въ общемъ, однако, это по художественности слабая вещь, какъ, впрочемъ, и всѣ тѣ преизведенія Ибсена, въ которыхъ тенденція заслоняетъ все, сковывая автора и лишая его необходимой для художника свободы. По слабости съ «Претендентами» можетъ сравняться только «Брандъ», мистическая драма, странная и двусмысленная, въ которой художникъ цѣликомъ отсутствуетъ, вытѣсненный проповѣдникомъ. Для поклонниковъ теоріи чистаго искусства эти слабыя вещи Ибсена могутъ служить превосходнымъ аргументомъ въ доказательство того, что даже такой сильный художественный талантъ, какъ Ибсена, измѣняетъ, когда его сковываютъ тенденціей.

Тѣмъ не менѣе, по содержанію «Претенденты» глубоко задуманная вещь. Если въ ней нѣтъ такого проникновенія въ сокровенныя глубины человѣческаго духа, какъ въ «Сѣверныхъ богатыряхъ», — въ ней есть обычная для Ибсена простота мысли и яркій, блестящій умъ. Мысль драмы проста—необходимо вѣрить въ правду, проникнуться этой вѣрой, безъ чего никакая сила, какъ бы велика она ни была, не дастъ плода. Король Гаконъ, въ сущности, заурядный человѣкъ, но онъ побѣждаетъ сильнаго характеромъ, блестящаго Ярла Скуле потому, что вѣритъ непоколебимо въ свое право быть королемъ и въ свое призваніе—объединить враждующія племена Норвегіи въ одинъ народъ. Во всѣхъ несчастьяхъ жизни, въ удачѣ и неудачѣ онъ вѣритъ въ себя, вѣритъ, что ему суждено осуществить эту великую мысль, ему, законному королю. Этою вѣрою онъ воодушевляетъ всѣхъ и въ

концѣ концовъ достигаетъ цѣли. Совершенную противоположность ему представляетъ Ярло Скулъ, его соперникъ. Въ числѣ различныхъ характеровъ, созданныхъ Ибсеномъ, Скуле занимаетъ одно изъ видныхъ мѣстъ, по типичности и вѣрности изображенія. Огромное самолюбіе, которое можетъ удовлетворить только корона, великія силы, данныя ему отъ природы, и въ то же время слабость воли, не опирающейся на непоколебимую вѣру въ правду своей цѣли. Онъ великъ въ своихъ замыслахъ и слабъ въ дѣйствіи. Обдумавъ рѣшеніе, со всѣхъ сторонъ обсудивъ планъ дѣйствія, взвѣсивъ всѣ за и противъ, онъ теряется въ моментъ выполненія. Онъ, какъ лисица въ баснѣ. думающая тысячу думушекъ и все-таки пропадающая, потому что ни на одной не остановилась и не выполнила. Ярлу доступны великія мысли и благородные порывы, но нѣтъ въ немъ творческой силы, проистекающей изъ вѣры въ правду своего дѣла. Онъ постоянно колеблется въ выборѣ средствъ, отмѣняетъ сегодня то, что рѣшилъ вчера, и опять возвращается къ старому рѣшенію, когда уже поздно, и то, что могло его спасти вчера, губитъ сегодня. Онъ сомнѣвается въ себѣ и потому никому не вѣритъ. Онъ — «пасынокъ Божій», какъ его называетъ Гаконъ. Не таковъ послѣдній. Разъ увѣровавъ въ законность своего права на королевскій престолъ, онъ идетъ къ нему твердо, непоколебимо, жертвуя всѣмъ, какъ бы дорого оно ни было ему, и этимъ увлокаетъ всѣхъ. «Я чувствую глубоко и горячо въ своемъ сердцѣ и—я не боюсь высказать это громко — я одинъ въ настоящее время могу повести страну къ лучшей будущности», говоритъ онъ при выборахъ, и эта вѣра въ свое призваніе руководитъ всѣми его поступками. Избранный королемъ, онъ удаляетъ мать, «потому что она мнѣ слишкомъ дорога, а возлѣ короля не должно быть никого, кто ему слишкомъ дорогъ; у короля руки должны быть свободны, онъ долженъ стоять одинъ, чуждый стѣсненій и соблазновъ». Такъ же онъ поступаетъ съ женщиной, «которая дороже ему всего на свѣтѣ». Его мысли и намѣренія просты и благородны, истинно королевскія, потому что онъ знаетъ одну цѣль—благо страны. Въ разговорѣ съ нимъ Скуле заявляетъ, что управлять Норвегіей можно, только пользуясь раздорами ея племенъ. «Дружина должна стоять противъ дружины, одно притязаніе встрѣчать другое, провинція враждовать съ провинціей, иначе король не будетъ могучъ. Каждый долженъ нуждаться въ немъ или бояться его. Уничтожьте вражду—и вы вмѣстѣ съ тѣмъ уничтожите собственную силу». Такія мысли вполнѣ въ духѣ такого сорта людей, какъ Скуле, у которыхъ всѣ разсчеты строются на низменныхъ интересахъ и страстяхъ другихъ. Лишенные сами величія идеи, проникающей и объединяющей всѣ помыслы, они и въ другихъ не допускаютъ ничего, кромѣ себялюбивыхъ разсчетовъ. Великолѣпный отвѣтъ даетъ ему Гаконъ: «И вы хотите быть королемъ— при такихъ мысляхъ? Вы могли бы быть доблестнымъ полководцемъ, но время опередило васъ, и вы его не понимаете. Развѣ вы не видите, что Норвегію можно сравнить съ церковью, до сихъ поръ не освященной. Крѣпкія стѣны высоко поднимаются

вверхъ, своды широки, колокольня стройно возвышается надо всѣмъ,—но нѣтъ тутъ еще жизни, бьющагося сердца, свѣжей струи крови; Господь не вдохнулъ еще своего духа жива; освященіе еще не было совершено. Я хочу совершить его! Норвегія должна быть однимъ королевствомъ, она должна стать единымъ народомъ... впредь всѣ должны чувствовать и сознавать себя единымъ народомъ! Вотъ подвигъ, который возложилъ на меня Господь, вотъ теперь задача короля Норвегіи!» Скуле уходитъ, смущенный и растерянный, его волнуетъ не величіе замысловъ Гакона, а зависть, что другой, а не онъ могъ додуматься до такой глубокой и вѣрной мысли. Онъ подымаетъ возстаніе и, только объявивъ себя королемъ, догадывается, что у него нѣтъ руководящей мысли, вокругъ которой онъ могъ бы группировать союзниковъ. Въ отчаяніи онъ самъ хватается за идею Гокона, но для него она лишь *орудіе*, а не *цѣль*, и сила ея обращается на него же. Въ моментъ полнаго торжества его мучатъ сомнѣнія, лишающія его силы дѣйствія. Въ драмѣ есть діалогъ между Скуле-королемъ и скальдомъ, — одинъ изъ тѣхъ діалоговъ, въ которыхъ сильнѣе всего и ярче сказываются основныя свойства Ибсена—глубина и простота. Мы приведемъ его, какъ образчикъ ибсеновской манеры затрогивать самыя глубокія стороны души самыми простыми средствами.

Скуле. Скажи мнѣ, скальдъ, ты вѣдь много ходилъ по чужимъ сторонамъ,—видѣлъ ты когда-нибудь, чтобы женщина любила чужое дитя? Не только любила,—я не то думаю, но чтобы оно было для нея дороже всего на свѣтѣ?

Ятгейръ. Это бываетъ только съ тѣми женщинами, у которыхъ нѣтъ собственныхъ дѣтей.

Скуле. Только съ *тѣми* женщинами?

Ятгейръ. И чаще всего это женщина безплодная.

Скуле. Чаще всего безплодная?.. Имъ чужія дѣти дороже всего на свѣтѣ?

Ятгейръ. Это случается часто.

Скуле. А не случается ли тоже иногда, что такая убиваетъ чужого ребенка, потому что сама не имѣетъ своего?

Ятгейръ. О, да, но она поступаетъ неразумно.

Скуле. Неразумно?

Ятгейръ. Нѣтъ, потому что она сообщаетъ даръ скорби тому, чье дитя убиваетъ.

Скуле. Ты развѣ думаешь, что даръ скорби такая хорошая вещь?

Ятгейръ. Да, господинъ.

Скуле. Гм (*Короткое молчаніе*). Скажи мнѣ, Ятгейръ, какъ ты сталъ скальдомъ? Кто научилъ тебя этому искусству?

Ятгейръ. Этому искусству нельзя научиться, господинъ.

Скуле. Нельзя научиться? Какъ же это вышло?

Ятгейръ. Я получилъ даръ скорби и сдѣлался скальдомъ.

Скуле. Такъ скольду необходимъ даръ скорби?

Ятгейръ. Мнѣ необходима была скорбь; другому, можетъ быть, необходимы радость, вѣра или сомнѣніе.

Скуле. И сомнѣніе тоже?

Ятгейръ. Да, но тогда сомнѣвающій долженъ быть силенъ и здоровъ.

Скуле. Кого же ты считаешь нездоровымъ?

Ятгейръ. Того, кто сомнѣвается въ своемъ собственномъ сомнѣніи.

Скуле (медленно). Это представляется мнѣ смертью.

Ятгейръ. Это хуже: это—помраченье...

Скуле. Много у тебя не сложенныхъ пѣсенъ?

Ятгейръ. Нѣтъ, но много не родившихся еще; онѣ зарождаются одна за другой, оживляются духомъ живымъ и рождаются на свѣтъ Божій.

Скуле. А если бы я, король и властитель, велѣлъ убить тебя, умерла ли бы съ тобой каждая не рожденная еще мысль, какую ты носишь въ себѣ?

Ятгейръ. Великій грѣхъ, господинъ, убить прекрасную мысль.

Скуле. Я не спрашиваю, грѣхъ ли это; я спрашиваю, возможно ли это?

Ятгейръ. Не знаю.

Скуле. У тебя никогда не было друга-скальда, и онъ никогда не разсказывалъ тебѣ великой и чудной пѣсни, которую хотѣлъ бы сложить?

Ятгейръ. Былъ, господинъ.

Скуле. Хотѣлъ ли тебѣ убить его, взять его мысль и сложить самъ пѣсню?

Ятгейръ. Господинъ, я не безплоденъ; у меня есть собственныя дѣти; мнѣ нѣтъ надобности любить чужихъ. *(Уходитъ).*

Скуле (помолчавъ). Я все равно, что безплодная женщина. Вотъ почему я люблю мысль Гакона, люблю всею силою моей души. О, если бы я могъ ее сдѣлать своею! Она умерла бы въ моихъ рукахъ. Что лучше? Чтобы она умерла въ моихъ рукахъ, или выросла въ его рукахъ? Найду ли я миръ душевный, если это случится? Могу ли я отказаться? Могу ли видѣть, какъ Гаконъ пріобрѣтетъ себѣ такую славу? Какъ мертво и пусто въ моей душѣ—и кругомъ...

И онъ погибаетъ, бѣдный «пасынокъ божій», одаренный богатыми силами, но лишенный «духа жива», вѣры въ правду своего призванія.

Третья драма въ томъ же циклѣ «Ингэръ изъ Эстрота» слабѣе прочихъ по сценичности и художественности, но тема ея развивается, какъ всегда у Ибсена, ярко и сильно. Это все та же излюбленная авторомъ тема о раздвоенности воли, ведущей къ гибели. Ингэръ сильная, могущественная вліяніемъ женщина, къ которой съ довѣріемъ относится народъ, ожидающій лишь знака ея, чтобы возстать противъ датчанъ. Еще въ молодости Ингэръ дала обѣтъ сдѣлать все для свободы Норвегіи, но у нея отняли сына, который остается заложникомъ въ рукахъ враговъ. И въ сердцѣ Ингэръ все время идетъ борьба между долгомъ гражданина и любовью матери. Отсюда постоянныя колебанья, сдѣлки съ врагами, робкое ухаживаніе то за ними, то за народомъ, и вѣчный страхъ за сына. Въ концѣ концовъ ея двойная игра приводитъ къ гибели сына, и Ингэръ видитъ, какъ все, что было ей дорого въ жизни, падаетъ жертвой разлада ея воли. При всѣхъ недостаткахъ, въ драмѣ проявляются всѣ достоинства Ибсена, какъ психолога. Характеръ Ингэръ очерченъ мастерски, и она занимаетъ видное мѣсто въ ряду женскихъ типовъ Ибсена, какъ мать, готовая всѣмъ пожертвовать счастью сына.

Самая слабая и незначительная изъ историческихъ драмъ — это «Праздникъ въ Сольгаугѣ», пожалуй, самое незначительное изъ всѣхъ произведеній Ибсена, безъ обычной философской или общественной складки. Художественная сторона также слабо разработана, и вся драма производитъ впечатлѣніе «пробы пера». Правда, есть нѣсколько сильныхъ, красивыхъ сценъ, въ которыхъ видна рука мастера, но общій замыселъ и выполненіе лишь въ отдаленной степени напоминаютъ Ибсена, творца «Сѣверныхъ богатырей», этого величественнаго произведенія, словно изваяннаго изъ мрамора.

Всѣ историческія драмы представляютъ своего рода дань, которую Ибсенъ принесъ національнымъ преданіямъ. Въ нихъ онъ больше всего норманъ. Мрачный колоритъ дикой природы Сѣвера

служитъ превосходнымъ фономъ, на которомъ разыгрывается борьба неукротимыхъ характеровъ, служащихъ укоромъ современной робкой уступчивости, слабости воли, нравственной дряблости. Онѣ служатъ прекрасной иллюстраціей къ исторіи этого маленькаго народа, не знавшаго предѣла своей дерзости. Не менѣе важны онѣ для пониманія характера самого Ибсена, его чисто норманской безудержности, съ которой онъ опрокидываетъ, вполнѣ, казалось, установившіяся понятія о долгѣ, любви, счастіи, красотѣ, общественномъ благѣ и обязанностяхъ. Подобно своимъ предкамъ-норманамъ, онъ достигаетъ предѣловъ доступнаго для современнаго человѣка въ области духа и увлекаетъ туда за собой читателя, на котораго вѣетъ оттуда свѣжестью. Предъ нами словно раскрывается необозримый горизонтъ, окаймленный вдали горами, достигающими неба. Солнце подымается за ними и уже позолотило ихъ вершины, но у подножья еще тьма...

«Я всегда замѣчалъ, что даже самые забулдыжные, самые потерянные французы чрезмѣрно привержены къ своему домашнему быту, къ нѣкотораго рода буржуазному порядку, къ нѣкотораго рода самому прозаическому, обыденно обрядному образу разъ навсегда заведенной жизни»,—говоритъ Достоевскій, вообще, очень любившій французовъ, что не помѣшало ему сказать про нихъ крылатое слово: «глупъ, какъ французъ».

Если ужъ самые забулдыжные французы такъ склонны къ буржуазности въ жизни, что въ переводѣ на русскій языкъ означаетъ мѣщанскую пошлость, то какъ же велика эта приверженность у незабулдыжнаго, вполнѣ добропорядочнаго француза, который Бога чтитъ, Фора признаетъ и, по меньшей мѣрѣ, разъ въ день ругнетъ нѣмцевъ и вспомнитъ о реваншѣ? Нѣкоторое представленіе объ этомъ даетъ книжечка французскаго моралиста Вагнера «Молодежь, ея настоящее и будущее».

Вагнеру, вообще, посчастливилось. Его произведенія, одно за другимъ, переводятся у насъ,—хотя неизвѣстно, расходятся ли,—и еще недавно намъ приходилось коснуться его «Простой жизни». Тема новаго сочиненія не менѣе обширна и заманчива, цѣли Вагнера возвышенны и желанія самолюбивы. Онъ желаетъ быть ни больше, ни меньше, какъ руководителемъ молодежи. «Всѣ мои желанія сводятся къ тому,—говоритъ онъ въ предисловіи,—чтобы тотъ или другой изъ моихъ юныхъ современниковъ нашелъ въ предлагаемой книгѣ одно изъ тѣхъ словъ, которыя полезно усвоить себѣ, когда имѣешь двадцать лѣтъ отъ роду, въ качествѣ путеводителя для всей остальной, еще не пройденной, части жизненнаго пути».

Немногаго хочетъ г. Вагнеръ,—изобрѣсти такое слово, которое руководило бы человѣкомъ всю жизнь. Къ стыду нашему должны признаться, что такихъ словъ до сихъ поръ мы не знали. Этотъ стыдъ намъ нѣсколько облегчаетъ сознаніе, что и все человѣчество находится въ такомъ положеніи. Въ этомъ убѣжденъ и Вагнеръ, и потому храбро пускается въ путь, подобно царевичу Хлору,

въ поискахъ за розой безъ шиповъ. Прежде всего, онъ перебираетъ «наслѣдство», оставленное намъ нашимъ вѣкомъ, и не одобряетъ. «Гигантскими шагами наше время прошло по пути сперва научнаго, а потомъ практическаго реализма. Механика замѣнила душу. Матеріалистическая наука не удѣляетъ души ни міру, ни человѣку. Для нея въ основѣ всего сущаго — ничто. Вселенная представляется необозримымъ фейерверкомъ, сводящимся, по послѣднему изслѣдованію, къ столкновенію атомовъ. Бываютъ моменты, когда ученые говорятъ такъ, какъ будто намъ все уже извѣстно. Что касается невѣждъ, то они говорятъ еще съ большей увѣренностью, и большинство нашихъ современниковъ изъязвлены этимъ представленіемъ вселенной, не имѣя возможности умѣстить въ этомъ представленіи ни своихъ вѣрованій, ни своихъ принциповъ поведенія, ни даже своихъ чувствъ? Что, въ самомъ дѣлѣ, все это въ глазахъ научнаго реализма? Ничто». Бѣдное человѣчество должно придти въ ужасъ отъ такой картины, но не будемъ падать духомъ. Есть еще Вагнеръ, и онъ насъ выведетъ на вѣрную дорогу. «Необходимо вернуться къ нормальной жизни, къ солидарности, труду и простотѣ».

Это—первое слово, которое будетъ нами руководить. Но какъ же найти эту «нормальную» жизнь? Вагнеръ пока благоразумно отмалчивается и начинаетъ перебирать разные виды молодежи, примѣнительно, конечно, къ французскимъ нравамъ, расплываясь въ общихъ мѣстахъ, пока, наконецъ, не обрушивается съ несвойственной ему свирѣпостью на «духъ партійности». Для всѣхъ моралистовъ, какъ доморощенныхъ, такъ и заграничныхъ, этотъ злополучный духъ является козлищемъ отпущенія, на котораго сваливаютъ всѣ вины и прегрѣшенія. Ратоборствуя противъ него, они не замѣчаютъ, что сами заражены имъ въ сильнѣйшей степени, только ту партію, которую они сами составляютъ, они хотѣли бы окрестить какимъ-нибудь другимъ словомъ. Нападая на ожесточенность партійнаго духа, они сами выражаются съ необычайной кротостью: «Прочь, жонглеры слова! Долой этихъ фарисеевъ!» и т. д.

Что же понимается подъ духомъ партійности? Стремленіе выработать убѣжденія. По мнѣнію моралистовъ вагнеровскаго типа, это противорѣчитъ безпристрастію, критическому отношенію въ научныхъ и общественныхъ вопросахъ. Вагнеръ нападаетъ на эволюціонное ученіе, которое, будто бы, лишаетъ молодежь активности, и послѣдователей его считаетъ сугубо партійными. Ему онъ противопоставляетъ какую-то расплывчатую теорію, по которой все зависитъ отъ воли, и вмѣсто партійности предлагаетъ прекраснодушіе. Тогда получится тотъ «нѣкоторый порядокъ», къ которому тяготѣетъ даже забулдыжный французъ. Онъ не желаетъ, чтобы мы заглянули поглубже, такъ какъ не можетъ скрыть, что за нимъ скрывается борьба интересовъ, дѣлающая всякаго, хочетъ онъ или нѣтъ, партійнымъ человѣкомъ. Онъ никакъ не желаетъ видѣть, что общество состоитъ изъ классовъ, и молодежи предстоитъ, вступивъ въ жизнь, принять дѣятельное участіе въ борьбѣ ихъ. Прекраснодушіе тутъ не только не поможетъ, а напротивъ, только

спутаетъ представленіе о сущности борьбы, и его руководящія слова заведутъ въ непролазную трясину житейской пошлости.

Странною и весьма подозрительною представляется самая попытка удержать молодежь отъ духа партійности. Какъ будто у нея нѣтъ глазъ, чтобы видѣть, и ушей, чтобы слышать. Вагнеръ знаетъ это. «Роковымъ образомъ,—говоритъ онъ,—мы, какъ и всѣ народы, въ разной степени, дошли до крайне грустнаго соціальнаго разобщенія; интересы, общественныя положенія, политическія тенденціи, философскіе взгляды, вѣрованія—все насъ раздѣляетъ». А если такъ, то выдѣлять молодежь въ какую-то, внѣ времени и пространства поставленную, группу—едва ли возможно. И дѣйствительно, французская молодежь почти сплошь представляетъ тѣсную буржуазную категорію, на враждебныя отношенія которой къ классу рабочихъ самъ Вагнеръ указываетъ, какъ на явленіе печальное. Между тѣмъ, иначе и быть не можетъ въ странѣ, представляющей въ настоящее время высшее развитіе буржуазіи. Вагнеровское прекраснодушіе не можетъ примириться съ высокомѣрнымъ и презрительнымъ отношеніемъ французской молодежи къ народу. Онъ совѣтуетъ дѣлать «экскурсіи въ различныя области народной жизни». Какъ образчикъ такихъ экскурсій, онъ рекомендуетъ одинъ старый обычай: «Наши предки въ нѣкоторыхъ странахъ практиковали довольно пикантный обычай одинъ разъ въ году, на Рождествѣ, мѣнять роли хозяевъ и слугъ. Такой обычай, проведенный серьезно, могъ бы послужить очень строгимъ и глубокимъ урокомъ». Нужно это, затѣмъ, чтобы «научиться распоряжаться».

Буржуа и мелкій рантье, такъ и сквозящій въ этихъ до святости глупыхъ совѣтахъ, идетъ дальше и возлагаетъ на свою молодежь еще одну миссію. Находя, что современная французская молодежь въ общемъ анемична, худосочна, вслѣдствіе того, что пренебрегаетъ ручнымъ трудомъ, онъ ей совѣтуетъ «сблизиться съ землей». «Сколько правды въ древнемъ миѳѣ объ Антеѣ, силы котораго возрастали отъ прикосновенія къ землѣ и оставили его въ тотъ моментъ, какъ противнику удалось силой оторвать его отъ земли, его матери! Нужно вернуться къ землѣ. Молодежь, усталая, переутомленная занятіями, анемичная и изнервничавшаяся, молодежь больших центровъ, возьмись за плугъ, пойди за сохой, примись за серпъ и за косу!» Помимо излѣченія отъ недуговъ, будетъ достигнута еще одна цѣль, столь важная, что, не надѣясь на силу собственныхъ доводовъ, Вагнеръ прибѣгаетъ къ своему другу г. Фалло и приводитъ слѣдующую страничку изъ творенія послѣдняго «Мысли земледѣльца».

«Культурные классы должны показать примѣръ возвращенія къ землѣ. Они натворили много зла, они же должны исправить это зло. Не они ли проповѣдывали крестьянамъ фетишизмъ большихъ городовъ? Не они ли создали культъ денегъ, зарабатываемыхъ безъ труда въ этихъ городахъ, складу городскихъ удовольствій и всего прочаго?

Лишивъ крестьянина уваженія къ землѣ и къ труду, ее оплодотворяющему, не легко возвратитъ ему отнятое; но это нужно сдѣлать во что бы то ни стало, нужно дать ему понять, что нѣтъ существованія, которое было бы лучше его, крестьянскаго. Если это не будетъ сдѣлано, бѣгство съ земли будетъ продолжаться.

Но словами на земледѣльца не подѣйствуешь; нужно вліять дѣломъ. Въ тотъ день, когда онъ увидитъ, что обезпеченныя семьи и образованные люди придутъ жить съ ними вмѣстѣ и работать такъ же, какъ онъ, Jacke Bonhomme (Жакъ-Добрякъ, прозвище французскаго крестьянина) пойметъ, что его просто-на-просто надували, говоря, что золота, которое можно заработать въ городѣ, тамъ больше, чѣмъ камней у него въ деревнѣ и, радостно пораженный этимъ открытіемъ, онъ тѣмъ веселѣе примется за обработку своей земли».

Наивность этихъ разсужденій равняется только самодовольству Вагнера, съ которымъ онъ проповѣдуетъ подобный вздоръ. Мы нисколько не удивляемся, что онъ удостоился за это преміи со стороны французской академіи. Премія за благожелательную глупость ему надлежитъ по праву. Его переводчикъ, г. Трозинеръ, чувствуетъ это и конфузливо оговаривается, что «съ нѣкоторыми взглядами его на отдѣльныя явленія въ области современной мысли можно, разумѣется, не соглашаться, но нельзя не признать, что въ общемъ онъ правильно указалъ на причины, которыя вызвали «убыль души» въ современномъ молодомъ поколѣніи». Не можемъ признать даже и этого. Прежде всего, незачѣмъ говорить о молодежи вообще, у Вагнера рѣчь идетъ исключительно о французской молодежи. Наша молодежь если и страдаетъ, то совсѣмъ иными недугами и отъ иныхъ причинъ, и всѣ ламентаціи Вагнера не имѣютъ къ ней никакого отношенія. Напр., Вагнеръ укоряетъ свою молодежь, и совершенно справедливо, въ презрѣніи къ труду, въ чемъ, конечно, наша молодежь ни мало не повинна. Убыль души французской молодежи это убыль души всего французскаго буржуазнаго общества, о чемъ лучше всего свидѣтельствуетъ самъ Вагнеръ. Плохо то общество, въ которомъ такая пошлая болтовня, образчики которой приведены выше, можетъ имѣть успѣхъ, выдерживая по 16 изданій и удостоиваясь академическихъ премій.

Третье произведеніе того же автора «Мужество» обладаетъ всѣми достоинствами первыхъ двухъ. Тотъ же наборъ громкихъ словъ, трескучая французская болтовня съ неудачными потугами на оригинальность. Сущность его сводится къ необычайно новой и свѣжей мысли о необходимости энергіи и дѣятельности. Чтобы судить о глубинѣ мыслей автора, приведемъ въ видѣ образчика начало первой главы «Энергія»:

«Для всякаго живого существа главная задача состоитъ въ томъ, чтобы жить. Врожденный инстинктъ внушаетъ желаніе жить какъ можно лучше и шире; онъ представляетъ собою вѣчный двигатель, скрывающійся въ каждомъ нашемъ, преходящемъ стремленіи. Этотъ двигатель приводитъ въ движеніе міръ. Ему повинуется все: былинка, пробивающаяся сквозь землю и впервые пригрѣтая солнцемъ, цыпленокъ, едва вылупившійся изъ яйца, младенецъ, душа котораго раскрывается для жизни. Правда, что иногда человѣкъ находитъ жизнь дурною и говоритъ, что лучше бы ея вовсе не было. Но это не мѣшаетъ жизни продолжаться, не останавливаетъ ее, не уничтожаетъ плодородности земли и изобиліи океана. Жизнь существуетъ—вотъ главный міровой фактъ, и почти всѣ живыя существа не только мирятся съ нимъ, но цѣпляются за него съ увлеченіемъ или съ отчаяніемъ».

И продолжается это пережевываніе подобныхъ словечекъ безъ конца. Нужно очень пасть духомъ, чтобы искать мужества въ этомъ произведеніи о «Мужествѣ». Если бы не безконечное галльское тщеславіе, до сихъ поръ мѣшающее французамъ внимательнѣе отно-

ситься къ тому, что дѣлается на бѣломъ свѣтѣ, имъ не пришлось бы раскупать на расхватъ твореній своего Вагнера. Франція стоитъ совсѣмъ въ сторонѣ отъ живого движенія, охватившаго общество во всѣхъ странахъ и направленнаго къ сближенію всѣхъ на почвѣ высшаго образованія. Движеніе въ пользу университетскаго образованія, дѣлающее такіе успѣхи въ Англіи, Америкѣ, Норвегіи, Финляндіи, а въ послѣднее время начавшееся и въ Германіи, совсѣмъ незамѣтно во Франціи. Вагнеръ совѣтуетъ тамъ молодежи все, что угодно, только не просвѣтительную дѣятельность въ средѣ народа. На свою «молодежь» онъ смотритъ, какъ на будущій «командующій классъ», и пугаетъ ее скептицизмомъ и безвѣріемъ, которые замѣчаетъ въ средѣ «молодежи изъ народа», и нигдѣ ни однимъ словомъ не обмолвится, что же нужно этому народу и откуда проистекаютъ эти скептицизмъ и безвѣрье. Очень любопытна эта черта французскаго моралиста, любопытна какъ показатель глубокой розни между современнымъ французскимъ обществомъ и народомъ, точнѣе говоря, между классомъ буржуазіи и рабочими. Самый успѣхъ проповѣди Вагнера обусловленъ именно тѣмъ, что Вагнеръ типичнѣйшій французскій мѣщанинъ, готовый умиляться до слезъ отъ всякаго «высокаго» слова, но который ужъ своего не упуститъ. Отечество—отечествомъ, но рента прежде всего, и «наша молодежь» должна учиться крѣпко держать эту ренту въ своихъ рукахъ. Таковъ скрытый смыслъ всѣхъ его поученій, не смотря на всю высокопарность ихъ формы.

Для французской молодежи, повторяемъ, можетъ быть, все это поучительно и полезно. Но причемъ тутъ русская молодежь, которой гг. Трозинеры и г-жи Леонтьевы преподносятъ эти образчики мѣщанской морали? Въ огромномъ большинствѣ случаевъ наша молодежь никакой рентой не обладаетъ, почему особыхъ заботъ объ ея охранѣ ей и не предстоитъ. А къ тому времени, когда и у насъ молодежь превратится въ рантьеровъ, появятся доморощенные Вагнеры, которые за поясъ заткнутъ заграничныхъ.

А. Б.

РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ.

На родинѣ.

Совѣщаніе предсѣдателей губернскихъ земскихъ управъ въ Нижнемъ-Новгородѣ. Въ Нижнемъ-Новгородѣ, съ 8 по 11 августа текущаго года происходило «совѣщаніе предсѣдателей губернскихъ земскихъ управъ», на которомъ присутствовало 18 предсѣдателей. Журналъ этого совѣщанія въ настоящее время опубликованъ и разосланъ во всѣ земскія управы, и извлеченія изъ него появились въ газетахъ. На совѣщаніи прежде всего былъ поставленъ вопросъ о необходимости устройства такихъ же совѣщаній и въ будущемъ. Всѣ присутствующіе съ полнымъ сочувствіемъ отнеслись къ этому предложенію, при чемъ были высказаны слѣдующія соображенія. Періодическіе съѣзды предсѣдателей управъ должны быть признаны въ высшей степени желательными и могутъ имѣть большое значеніе для цѣлесообразнаго развитія и направленія земскаго дѣла вообще. Такіе съѣзды даютъ возможность каждому изъ предсѣдателей легко знакомиться съ положеніемъ дѣла въ другихъ земствахъ. Дѣятельность земскихъ учрежденій для болѣе успѣшнаго и плодотворнаго направленія и развитія каждой отрасли должна руководиться опредѣленной идеей, твердо установленными принципами.

Практическія мѣропріятія каждаго отдѣльнаго земства могутъ быть крайне разнообразны, въ зависимости отъ особенныхъ мѣстныхъ условій, но конечныя цѣли и главныя руководящія основанія, отвѣчающія существу земскаго дѣла—не могутъ быть различны. Совѣщанія предсѣдателей управъ могутъ въ значительной мѣрѣ содѣйствовать выясненію и установленію основныхъ положеній земской дѣятельности и въ этомъ должна заключаться главная задача съѣздовъ. Съ другой стороны, на такихъ съѣздахъ могутъ быть обсуждаемы вопросы, касающіеся дѣятельности земскихъ учрежденій, но осуществленіе которыхъ нуждается въ санкціи правительства. Въ настоящее время нерѣдко отдѣльныя земства возбуждаютъ передъ правительствомъ ходатайства по различнымъ вопросамъ, имѣющимъ по существу своему общее значеніе и, въ большинствѣ случаевъ, такія ходатайства остаются безъ удовлетворенія на томъ основаніи, что для разрѣшенія ихъ въ положительномъ смыслѣ представлялась бы необходимость измѣненія нѣкоторыхъ существующихъ законоположеній, но возбужденіе такихъ вопросовъ въ законодательномъ порядкѣ не признается возможнымъ по ходатайству того или другого земства, основанному, можетъ быть, на исключительно мѣстныхъ условіяхъ.

Такого рода вопросы могутъ возбуждаться на совѣщаніи предсѣдате-

лей губернскихъ управъ и по тѣмъ изъ нихъ, которые имѣютъ существенное значеніе для всѣхъ или большинства земствъ, предсѣдатели могутъ придти къ соглашенію о внесеніи одновременно въ губернскія собранія предложеній о возбужденіи послѣдними извѣстнаго ходатайства передъ правительствомъ и удовлетвореніи такихъ однообразныхъ и одновременныхъ ходатайствъ всѣхъ или большинства земствъ—можетъ быть болѣе вѣроятнымъ

Такое объединеніе дѣятельности земствъ, конечно, представляется въ высшей степени желательнымъ. На совѣщаніи возникъ также вопросъ о привлеченіи къ участію въ такихъ съѣздахъ губернскихъ гласныхъ, но вопросъ этотъ былъ рѣшенъ отрицательно, на томъ основаніи, что въ настоящее время совѣщаніе предсѣдателей носитъ не оффиціальный, а исключительно частный характеръ, почему и г. министръ внутреннихъ дѣлъ, до свѣдѣнія котораго г. Шиповъ довелъ, согласно предложенію гг. предсѣдателей, о намѣреніи ихъ организовать свои совѣщанія, выразилъ желаніе, чтобы въ нихъ принимали участіе только исключительно предсѣдатели губернскихъ управъ.

На нижегородскомъ совѣщаніи разсматривался, между прочимъ, вопросъ о мѣрахъ къ устраненію настоящаго сельскохозяйственнаго кризиса, и затѣмъ принципіальный вопросъ объ отношеніяхъ между губернскимъ и уѣзднымъ земствомъ. По этому послѣднему вопросу совѣщаніе приняло слѣдующія два положенія: 1) губернское земство должно имѣть своей задачей общее направленіе земскаго дѣла въ губерніи путемъ принципіальной разработки различныхъ вопросовъ земской дѣятельности; 2) губернское земство должно быть регуляторомъ земскихъ средствъ губерніи съ цѣлью равномѣрнаго использованія всѣхъ источниковъ земскаго обложенія и равномѣрнаго удовлетворенія потребностей губерніи. Въ виду сложности даннаго вопроса, совѣщаніе постановило поручить его разработку особому лицу и напечатать въ большомъ числѣ экземпляровъ, а необходимые расходы распредѣлить между 18 присутствующими представителями земствъ и тѣми изъ отсутствующихъ, которые пожелаютъ принять участіе въ этомъ расходѣ.

Въ послѣднемъ засѣданіи совѣщанія разсматривалось предложеніе президента Петербургскаго вольно-экономическаго Общества графа Гейдена объ объединеніи дѣятельности земства и общества. Образованіе особаго отдѣла по земскимъ вопросамъ при вольно-экономическомъ Обществѣ при участіи предсѣдателей управъ, по мнѣнію гр. Гейдена, открывало бы возможность осуществлять оффиціально тѣ же задачи, которыя ставитъ себѣ настоящее совѣщаніе, имѣющее, какъ извѣстно, исключительно частный характеръ. Совѣщаніе, въ виду неполнаго совпаденія задачъ земскихъ учрежденій и вольно-экономическаго Общества, не нашло возможнымъ принять предложеніе гр. Гейдена въ полномъ видѣ. По мнѣнію совѣщанія, «особый отдѣлъ» при вольно-экономическомъ Обществѣ не можетъ замѣнить собой настоящаго совѣщанія. Въ томъ случаѣ, если совѣщанію не удастся приступить къ изданію проектируемаго сборника постановленій всѣхъ земскихъ собраній, имѣющихъ особое, а не исключительно мѣстное значеніе, то такое изданіе могло бы на себя взять вольно-экономическое Общество.

Въ заключеніе совѣщаніе выразило глубокую благодарность графу Гейдену, за его готовность содѣйствовать успѣшному ходу земскаго дѣла и за желаніе создать связь между дѣятельностью вольно-экономическаго Общества и совѣщанія предсѣдателей губернскихъ управъ.

Слѣдующее совѣщаніе предсѣдате-

лей губернскихъ земскихъ управъ назначено въ мартѣ 1897 г., въ Петербургѣ.

Гончары-кустари въ Полтавской губерніи. «Спб. Вѣдом.» рисуютъ слѣдующую картину кустарнаго гончарнаго промысла въ Полтавской губ.: По внѣшнему своему виду, изба гончара ничѣмъ не отличается отъ обыкной малорусской избы, но войдите внутрь, особенно зимою или осенью, и васъ поразитъ это гнилое болото, называющееся человѣческимъжильемъ. Въ углу избы навалена куча мокрой глины; на лавкѣ-скамьѣ, тянущейся вдоль стѣны,—комья той же глины, которую здѣсь мнутъ, катаютъ; подлѣ одного изъ оконъ — гончарный кругъ съ необходимыми аттрибутами подлѣ него: горшкомъ воды, въ которомъ гончаръ поминутно обмачиваетъ руки, и уже приготовленными для выдѣлки шарами глины. Сплошь подъ потолкомъ, въ нѣсколько рядовъ, насколько позволяетъ высота избы, подвѣшаны досчатыя полки—пятра—для сушки только что изготовленныхъ предметовъ гончарнаго производства, которые, высыхая, отдаютъ свою воду окружающимъ стѣнамъ и потолку. Въ избѣ всюду слякоть, буквально нѣтъ сухой пяди, не исключая и «пола»—небольшого помоста, гдѣ спитъ семья въ повалку, прикрываясь жалкими лохмотьями.

Таково жилище «самостоятельнаго производителя», а вотъ и его фабрика. Когда посуда высушена, гончаръ приступаекъ къ обжогу ея. Кто не видалъ, продолжаетъ газета, какъ это дѣлается, не можетъ представить, до чего несовершенны и гибельны гончарные горны, сколько жизней ежегодно уноситъ такое простое, повидимому, мастерство, какъ обжиганіе глиняной посуды. Представьте себѣ погребъ среди двора, ничѣмъ не покрытый, входить въ который надо посредствомъ переносной ручной лѣстницы, черезъ четыреугольную дыру, не больше аршина въ квадратѣ. Въ погребѣ этомъ устроена печь, жерло которой расположено почти у земли, а верхъ выведенъ въ видѣ огромной чаши съ дномъ, просверленнымъ дырами для прохода огня. Въ чашѣ этой называемой горномъ, укладывается всевозможная посуда, одна поверхъ другой, покуда не наполнится до верха. Затѣмъ въ печь вкладываются и зажигаются дрова, горѣніе которыхъ поддерживается и усиливается постояннымъ подкладываніемъ заготовленныхъ полѣньевъ. жаръ отъ печи до волдырей обжигаетъ лицо и руки и разъѣдаетъ глаза, вызываетъ тяжелое удушье, а уйти нельзя: малѣйшій недосмотръ—и пропалъ трудъ 3—4-недѣльной работы всей семьи, и сидитъ бѣднякъ, задыхаясь отъ дыма и жара, развѣ выскочитъ на минуту вверхъ подышать свѣжимъ ночнымъ воздухомъ. И благо еще—лѣтомъ. А зимою, въ снѣгъ, стужу... Горячій, обожженный бросается гончаръ, не помня себя, грудью прямо на снѣгъ — и неизлѣчимая простуда готова. Старые выносливѣе и потому, жалѣя молодыхъ, если это ихъ сыновья, обжигаютъ посуду сами. Но и это еще не все; надо прибавить къ этому ручной размолъ пережженнаго свинца олова и мѣди, необходимая для поливы; ѣдкая, ядовитая пыль, глубоко проникая въ горло и грудь, вызывая острую боль и удушливый кашель, медленно, но вѣрно отравляетъ цѣлыя семьи.

Русская Калифорнія. «Амурская Газета» сообщаетъ объ открытіи новыхъ,богатѣйшихъзолотыхъ пріисковъ по рѣкѣ Вилюю, разработка которыхъ производится теперь «по русски», т. е. самымъ хищническимъ образомъ.

Въ половинѣ мая нѣсколько хищниковъ пробирались съ Савушкина ключа на Гилюй съ вьючною лошадью, которая, переходя русло клю-

ча, обвалилась ногами въ промоину. Выручая лошадь изъ провала, одинъ изъ хищниковъ увидѣлъ въ немъ самородокъ; это и заставило ихъ немедленно сдѣлать болѣе тщательную развѣдку. По развѣдкѣ оказалось богатѣйшее зозото. Немедленно дали знать товарищамъ, которые, конечно, не замедлили явиться, и закипѣла работа! Слухъ, какъ эхо, раздался по тайгѣ и пріискамъ, люди большими группами шли днемъ и ночью и въ самое короткое время набралось человѣкъ до 2.000. Контрактованные рабочіе, заслышавъ о богатомъ золотѣ, потребовали у хозяевъ разсчета и стремглавъ пустились къ скорой наживѣ, побросавъ женъ и дѣтей на произволъ судьбы тамъ, гдѣ работали.

Въ настоящее время на хищническомъ пріискѣ уже имѣются гостинницы, базаръ, мелкая торговля, бани торговыя и игорные дома, о питейныхъ, конечно, и говорить нечего. О характерѣ мѣстной жизни, добычѣ золота и самоуправленія вольной общины очевидецъ говоритъ такъ. Ссоръ крупныхъ, дракъ и воровства тамъ почти не случается и это потому только, что если кто-либо попадется, хотя по одному изъ перечисленныхъ поступковъ, то подвергается поркѣ и удаленію безъ возврата за гору. Золота въ среднемъ добывается до 2 пудовъ въ сутки и частію уносится самими рабочими домой (т. е. на Зейскую пристань или Благовѣщенскъ), частью скупается мелкими золотопромышленниками, находящимися въ сосѣдствѣ съ ключемъ, посредствомъ обмѣна провизіи, одежды и другихъ необходимыхъ предметовъ, а большая часть скупается торгующими обывателями Благовѣщенска, которые подъ маскою купцовъ-золотопромышленниковъ являются поставщиками китайской лабораторіи.

Цѣны на продукты въ этой русской Калифорніи самыя фантастическія: мука—12 р. за пудъ, мясо—12 р., масло 1 ф. — 1 руб., соль фунтъ тоже 1 р., яричная мука отъ 6 до 9 руб., смотря по обилію привоза. Староста (изъ поселенцевъ, нѣкто Бастриковъ) съ помощникомъ своимъ и десятскимъ составляютъ мѣстную административную власть. Для рѣшенія какихъ-либо дѣлъ, они, въ случаѣ надобности, собираютъ сходы, слѣдятъ за порядкомъ торговли, собираютъ пеню съ торговцевъ, такжесъ припасовъ, гостинницъ, игорныхъ домовъ и бань. Съ банки спирта, напр., стоющей тамъ 80 р., берется пени 2 золотника. Собранная пеня, по рѣшенію схода расходуется на жалованье должностнымъ лицамъ, на содержаніе нанятаго изъ служакъ Сергіевскаго пріиска фельдшера, на содержаніе больныхъ и другія нужды общества.

Въ общемъ хищническая республика на р. Вилюѣ очень напоминаетъ знаменитую «Желтугу», надѣлавшую столько шуму въ 80-хъ годахъ.

Народный театръ въ деревнѣ. Въ 2-хъ часахъ ѣзды отъ Петербурга, въ селѣ Рождественѣ (въ нѣсколькихъ верстахъ отъ станціи Сиверской, Варшавской желѣзной дороги) уже нѣсколько лѣтъ существуетъ правильно-организованный народный театръ, въ которомъ играетъ труппа, составленная изъ мѣстныхъ крестьянъ. Своимъ происхожденіемъ этотъ театръ обязанъ интеллигентному кружку, въ составъ котораго входили женщина-врачъ, фельдшерица и учительница. Въ качествѣчленовъ общества трезвости, онѣ обратились къ комитету послѣдняго за разрѣшеніемъ открыть отъ имени общества подписку на театръ для народа. Подписка дала сто пятьдесятъ рублей, не считая пожертвованій строительными матеріалами, сдѣланныхъ мѣстными землевладѣльцами.

На собранныя средства было нанято за 60 руб. въ годъ зданіе, слу-

*

жившее обыкновенно дачей, въ которомъ и сдѣланы были приспособленія и передѣлки, необходимыя для устройства сцены, зрительной залы, двухъ небольшихъ уборныхъ и маленькой передней, гдѣ можно бы было оставлять (зимою) верхнее платье. Занавѣсъ и декораціи соорудили мѣстными силами. За вычетомъ всѣхъ этихъ расходовъ, въ кассѣ осталось 50 руб., на которые и былъ (въ декабрѣ 1889 г.) поставленъ первый спектакль, давшій (при вмѣстимости театра до 100 чел.) около 40 руб. сбора. Шла пьеса «Не такъ живи, какъ хочется», Островскаго, при исключительномъ участіи любителей. Цѣны мѣстамъ были слѣдующія: 1-й рядъ—1 руб., 2-й—50 коп., 3-й и 4-й—30 коп., 5-й—по 10 коп., боковыя мѣста, задняя скамейка, а равно и билеты на право стоять продавались по 5 коп. Сборъ пошелъ на устройство двукратнаго повторенія той же пьесы. Настроеніе публики, несмотря на страшную жару и духоту, было восторженное. Возгласы и замѣчанія во время дѣйствія, а равно и оживленные разговоры въ антрактахъ свидѣтельствовали о томъ сильномъ впечатлѣніи, которое произвела на публику «игра», какъ выражаются крестьяне о спектаклѣ вообще. По селу долго ходили «словечки» изъ роли Еремы, а нѣкоторыя сцены прямо-таки запоминались наизусть. Слѣдующій спектакль былъ на масляницѣ 1890 года («Въ чужомъ пиру похмѣлье»), затѣмъ на Пасхѣ («Не въ свои сани не садись»); лѣтомъ было 3 спектакля, два изъ которыхъ, какъ и предыдущіе, исполнялись любителями («Грѣхъ да бѣда на кого не живетъ», «Не все коту масляница»), а одинъ—заѣзжей труппой профессіональныхъ актеровъ («Золотая рыбка» Салова). Кромѣ послѣдняго, всѣ спектакли повторялись до трехъ разъ, въ виду того, что театръ не могъ вмѣстить заразъ всѣхъ желающихъ. На Рождествѣ 1891 года впервые былъ поставленъ спектакль («Ермакъ Тимофеевичъ»—въ передѣлкѣ одного изъ крестьянъ), въ которомъ участвовали исключительно крестьяне, руководимые крестьяниномъ же. Эта первоначальная труппа состояла изъ 10 человѣкъ, почти исключительно мужчинъ. Образовалась она изъ ходячей труппы, разыгрывавшей иногда по помѣщичьимъ усадьбамъ «Царя Максимиліана», и «Лодку». Эти задатки театра заносились въ деревню солдатами, вернувшимися со службы. На масляницѣ 1891 года та же крестьянская труппа играла «Омутъ», Полушина, но уже подъ руководствомъ лицъ изъ интеллигенціи. На Рождествѣ же, масляницѣ и Пасхѣ 1891 года повторялись игранныя пьесы, причемъ нѣкоторыя роли стали поручаться крестьянамъ. Было время, когда въ дѣятельности театра произошелъ значительный перерывъ, вызванный распаденіемъ вышеупомянутаго кружка интеллигентовъ, крестьяне же не могли вести дѣло самостоятельно.

Годомъ основанія настоящаго театра нужно считать 1894 г., когда онъ перешелъ въ новое, большое помѣщеніе, вмѣщающее до 285 челов. Въ расширеніи театра, обзаведеніи новыми декораціями, главнымъ образомъ, играли средства извѣстнаго крупнаго благотворителя и мѣстнаго землевладѣльца И. В. Рукавишникова, откликнувшагося на призывъ лицъ, ставшихъ во главѣ дѣла. Передѣланный заново домъ, гдѣ помѣщается театръ, заарендованъ на 5 лѣтъ (по 100 руб. въ годъ). Обстановка, занавѣсъ (работа с.-петербургскаго декоратора), всѣ декораціи—сдѣланы заново. Все это обновленіе обошлось около 4.000 руб. Аренду рѣшено выплачивать изъ сборовъ, такъ что въ новомъ своемъ видѣ театръ сталъ въ независимое положеніе.

Съ августа 1894 г. по августъ 1895 г., т. е. въ первый годъ суще-

ствованія постояннаго театра въ Рождественѣ, въ немъ было: 15 спектаклей, 17 чтеній съ туманными картинами, 3 музыкально-литературно-танцовальныхъ вечера. Доходъ (валовой) за годъ равнялся 1.205 руб. 51 к., расходъ—1.029 р. 81 к. Зрителей и слушателей, въ среднемъ, по 200 чел. въ вечеръ.

Рождественскій театръ интересенъ тѣмъ, что онъ представляетъ собою первый опытъ правильно организованнаго театра въ деревнѣ. Народный театръ у насъ еще дѣло новое, и не только въ деревняхъ, но и въ городахъ устройство его является своего рода событіемъ. Вотъ, напр., что сообщаетъ «Камско-Волжскій Край» о возникновеніи народнаго театра въ Пензѣ. «Кружокъ мѣстной интеллигенціи, приспособившій къ открытой сценѣ одинъ изъ павильоновъ бывшей сельскохозяйственной выставки, съ небольшою субсидіей отъ города, началъ свою дѣятельность 14-го мая и кончилъ 25-го августа, устроивъ за это время 15 спектаклей. Ставились преимущественно пьесы Островскаго: «На бойкомъ мѣстѣ», «Въ чужомъ пиру похмѣлье», «Не въ свои сани не садись», «Лѣсъ» и др. Затѣмъ «Женитьба» Гоголя, ставившаяся два раза и оба раза съ большимъ успѣхомъ. Мѣста для зрителей были очень дешевыя: мѣстъ около 300 съ платой отъ 25 к. до 1 р. 50 к. и почти въ неограниченномъ количествѣ входные билеты по 10 к. Кромѣ того, билетовъ 200—300 разсылалось рабочимъ на Сергіевской фабрикѣ и на желѣзной дорогѣ, съ платою по 5 к., и билетовъ 90—100 раздавалось даромъ. Валовая выручка со всѣхъ спектаклей была въ 2.436 р., а чистой прибыли осталось, за вычетомъ всѣхъ расходовъ,—750 р. Сумма эта пойдетъ на распоряженіе правленія Лермонтовской библіотеки, на усиленіе средствъ ея отдѣленія — безплатной народной библіотеки-читальни.

Пока публика и, особенно, простой народъ не ознакомились еще съ театромъ, зрителей на первыхъ спектакляхъ бывало немного: 334 чел., 520 чел., 614 чел., а затѣмъ спектакли все болѣе и болѣе привлекали симпатіи публики какъ зажиточной, такъ и изъ простого народа—изъ бѣдноты, и на слѣдующихъ спектакляхъ число зрителей превышало уже 1.000 чел., такъ что, въ среднемъ, на каждый спектакль приходилось 1.190 челов., а всего на всѣхъ 15 спектакляхъ перебывало 17.837 человѣкъ. Сначала нѣкоторые изъ публики вели себя, вѣроятно, не особенно прилично, потому что слышались жалобы, что въ народномъ театрѣ можно наслушаться всякихъ гадостей, но потомъ такихъ жалобъ не было уже болѣе слышно; очевидно, что, если въ началѣ нѣкоторые изъ публики и вели вебя неприлично, впослѣдствіи, благодаря притягательной силѣ игры актеровъ и значительности содержанія пьесы, публика стала вести себя вполнѣ хорошо, всецѣло отдаваясь зрѣлищу проходящихъ передъ ея глазами, полныхъ жизни и поученія, сценъ. Замѣчательно, что спектакли, несмотря на низкія цѣны, дали значительную чистую прибыль.

Печальный инцидентъ. Въ газетахъ сообщаютъ слѣдующую печальную исторію, касающуюся отставки завѣдующей Тамбовской воскресной школы, г-жи Слетовой: Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ подъ ея руководствомъ прошла не одна сотня учениковъ; всего мѣсяцъ тому назадъ городская дума выразила благодарность учащимъ воскресныхъ школъ за ихъ безкорыстный трудъ и почти одновременно съ этимъ мужской школѣ былъ присужденъ на нижегородской выставкѣ дипломъ первой степени. Но тотъ самый отчетъ, за который на выставкѣ была назначена высшая награда, оказался косвенной причиной

оставленія завѣдующею ея должности. Въ числѣ причинъ поступленія въ воскресную школу учениковъ, которые по возрасту могли бы посѣщать городскія училища, былъ упомянутъ фактъ дурного обращенія въ послѣднихъ съ учениками. Эта замѣтка отчета, первоначально не предназначавшагося для выставки и общаго прочтенія, вызвала письмо въ мѣстныхъ «Губернскихъ Вѣдомостяхъ» добровольца-корреспондента, обращавшаго вниманіе начальства на составительницу отчета. Затѣмъ, въ тѣхъ же «Вѣдомостяхъ» появилось письмо, за подписью инспектора народныхъ училищъ, также направленное противъ автора отчета. Когда же въ редакцію «Вѣдомостей» былъ представленъ отвѣтъ на это послѣднее письмо, то оказалось, что появленіе его на столбцахъ оффиціальнаго изданія неудобно въ виду его полемическаго содержанія. Только спустя значительный срокъ, путемъ обращенія къ высшей губернской власти, удалось добиться напечатанія отвѣта, изъ котораго явствуетъ, что инспектору отосланы засвидѣтельствованныя указанія фактовъ, подтверждающихъ слова отчета объ училищныхъ порядкахъ. Тѣмъ не менѣе, завѣдующая школой оказалась вынужденной оставить должность, на которой она принесла такъ много пользы для воскресной школы. Въ дополненіе къ этому инциденту слѣдуетъ добавить, что въ «Тамбовскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» напечатано разъясненіе со стороны г-жи Слетовой, въ которомъ, перечисляя причины поступленія малолѣтнихъ учениковъ въ воскресную школу, г-жа Слетова говоритъ:

«Поступленіе учениковъ въ школу обусловливается самыми разнообразными причинами. Малышей, обыкновенно, приводятъ въ школу родители. Хотя мы неохотно принимаемъ мальчиковъ моложе 12-ти лѣтъ (они еще могутъ поступить въ ежедневную школу), но иногда приходится дѣлать исключенія. На вопросъ—отчего мальчика не отдаютъ въ ежедневную школу, часто слышится отвѣтъ, что не на что покупать тетради и книги, необходимыя для ежедневной школы. Приходилось получать и такіе отвѣты: «Онъ, барышня, былъ въ школѣ, да учитель тамъ больно дерется, я и боюсь его посылать туда». Что нѣкоторые учителя нашихъ народныхъ школъ «дерутся» — это фактъ. Какъ не сжалиться надъ какимъ-нибудь малышемъ, который жмется въ юбкѣ матери или бабки, смотритъ на меня полными слезъ глазами, очевидно размышляя: «А тутъ будутъ драться, или нѣтъ?

Отсюда видно, замѣчаетъ г-жа Слетова, что упоминаніе о фактахъ побоевъ учениковъ нѣкоторыми учителями вовсе не было съ нашей стороны публичнымъ заявленіемъ о ненормальности отношеній между тѣми и другими, а просто объясненіемъ одной изъ причинъ поступленія малолѣтнихъ учениковъ въ школу, предназначенную, главнымъ образомъ, для взрослыхъ.

Факты побоевъ учениковъ, извѣстные г-жѣ Слетовой, не были ею представлены своевременно начальству, потому что, пишетъ она, «мы вовсе не считали себя въ правѣ производить разслѣдованія по этому дѣлу. Въ настоящее время факты побоевъ учениковъ учителями сообщены мною г. инспектору училищъ, въ рапортѣ отъ 9-го сего октября, съ просьбою сдѣлать соотвѣтствующее дополненіе къ его письму въ редакцію».

Памяти В. О. Португалова и А. П. Батуева. Послѣдній мѣсяцъ унесъ въ могилу двухъ выдающихся провинціальныхъ дѣятелей—доктора Португалова и А. П. Батуева, предсѣдателя Вятской губернской земской управы.

В. О. Португаловъ, много работавшій также и въ литературѣ, былъ очень популярнымъ человѣкомъ въ провинціи. Какъ сообщаютъ его газетные некрологи, В. О. Португаловъ родился въ 1835 г. Высшее медицинское образовоніе получилъ онъ въ харьковскомъ, кіевскомъ и казанскомъ университетахъ, переходя изъ одного заведенія въ другое. Едва вступивши въ жизнь, въ 1863 г. онъ былъ принужденъ обстоятельствами отправиться сначала въ Шадринскъ Пермской губерніи, а затѣмъ въ Чердынь, гдѣ впервые взялся за перо, чтобы проводить въ жизнь свои научные знанія и взгляды. Вскорѣ Португаловъ получилъ мѣсто городового врача въ Красноуфимскѣ. Начатыя литературныя занятія имъ, конечно, не были покинуты. Изъ первыхъ его статей можемъ отмѣтить: «Шадринскъ и Чердынь». Въ началѣ 70-хъ годовъ Португаловъ занялъ мѣсто земскаго врача въ Самарѣ, но вскорѣ перешелъ на должность санитарнаго врача въ Вятку. Прослуживъ здѣсь только 4 мѣсяца, Португаловъ подъ давленіемъ обстоятельствъ отказался отъ мечты непосредственно послужить народу въ качествѣ земскаго врача, и сконцентрировалъ свои силы на занятіи литературой, перемежая умственный трудъ вольной медицинской практикой. Въ 70-хъ годахъ онъ участвовалъ преимущественно въ «Дѣлѣ», помѣщая тамъ публицистическія и научно-популярныя статьи. Изъ научно-популярныхъ трудовъ Португалова, вышедшихъ по большей части отдѣльными изданіями, особенно замѣчательны «Гигіена интеллигентнаго человѣка», «Жизненныя задачи земства» и «Вопросы общественной гигіены».

Покойный В. О. былъ однимъ изъ образованныхъ русскихъ евреевъ, стремящихся слиться во всѣхъ отношеніяхъ съ народомъ, среди котораго судьбою предназначено имъ жить. Онъ однимъ изъ первыхъ открыто выступилъ противъ многихъ вѣковыхъ предразсудковъ, ставшихъ, якобы, «религіозными вѣрованіями» еврейскаго народа, являющихся анахронизмомъ и остаткомъ давно минувшихъ вѣковъ. Взгляды свои на еврейскій вопросъ и на его рѣшеніе Португаловъ высказалъ въ брошюрѣ «Нѣкоторыя знаменательныя движенія въ современномъ еврействѣ», а затѣмъ въ полемикѣ, возгорѣвшейся, когда по ея поводу въ «Отечественныхъ Запискахъ» появилась рецензія С. Н. Южакова. Послѣдніе годы своей жизни онъ провелъ въ Самарѣ, пользуясь среди неимущаго люда большой извѣстностью, какъ безкорыстный и дѣятельный врачъ. Всѣ событія, волновавшія за послѣднее время Самару и Поволжье, вызывали соотвѣтственный откликъ у В. О. Въ 1883 г., во время извѣстной голодовки, покойный въ горячей статьѣ обратилъ вниманіе на тяжелое положеніе голодающихъ и вызвалъ усиленную правительственную помощь. Во время холеры 1893 г. онъ положительно не зналъ, что такое сонъ. Симпатіи общества къ Португалову выражались, между прочимъ, и въ адресѣ студентовъ казанскаго университета, полученномъ имъ въ день своего 25-тилѣтняго юбилея. «Мы,—говорилось въ адресѣ,—болѣе близкіе къ вамъ, какъ ваши земляки, знаемъ вашу неподдѣльную сердечность въ святомъ дѣлѣ—облегчать страданія больного человѣка,—и это ваша честь, какъ врача; мы знаемъ васъ, какъ неутомимаго труженика и смѣлаго общественнаго дѣятеля съ могучимъ орудіемъ слова—перомъ въ рукахъ,—и это ваша честь, какъ публициста-писателя; наконецъ, мы знаемъ, что во всѣхъ родахъ своей дѣятельности вы неизмѣнно вѣрны началамъ гуманности, и все это вы умѣли скрасить добротой и любовью къ ближнимъ, особенно къ меньшей братіи,—и въ этомъ

лежитъ ваша честь, рѣдкаго человѣка-интеллигента».

По словамъ, «Новостей» (авторъ статьи о Португаловѣ былъ близко знакомъ съ нимъ), «съ полсотнею слишкомъ лѣтъ за плечами, съ сѣдиной въ бородѣ, В. О. непрерывно кипѣлъ и волновался, негодовалъ и восторгался, какъ юноша, причемъ и голосъ у него въ такія минуты звучалъ совершенно юношескими нотами, и самъ онъ весь двигался и жестикулировалъ съ ртутной юркостью первой молодости. Онъ постоянно носился, напр., съ какой-нибудь универсальной панацеей, съ какимъ-нибудь открытіемъ — каждый разъ новыми и неожиданными — по части спасенія человѣчества, вообще, и русскаго народа, въ особенности, отъ всѣхъ удручающихъ ихъ золъ, пороковъ и бѣдствій. Онъ находилъ это спасеніе то въ вегетаріанствѣ, то въ распространеніи трезвости, то въ «опрощеніи» по рецепту гр. Л. Н. Толстого, и т. д. И въ каждую подобную панацею онъ вѣрилъ, въ моментъ ея исповѣданія, съ фанатической восторженностью, съ апостолическимъ жаромъ ее проповѣдывалъ, отстаивалъ и оспаривалъ».

Португаловъ умеръ уже старикомъ, много поживши и потрудившись; Батуева же смерть настигла въ самомъ началѣ его общественной дѣятельности—онъ умеръ 30-ти съ небольшимъ лѣтъ, совершенно случайно, отъ раны, нанесенной ему душевнобольнымъ, причемъ выстрѣлъ былъ сдѣланъ въ него по ошибкѣ, и предназначался не ему, а его двоюродному брату, предсѣдателю Малмыжской уѣздной управы, съ которымъ у убійцы были какіе-то личные счеты. По словамъ «Вятскаго Края», «трудно даже перечесть все, что по иниціативѣ его сдѣлано губернскимъ земствомъ за такой краткій періодъ времени для Вятской губерніи и въ особенности для ея крестьянскаго населенія. Но, во всякомъ случаѣ, самый высокій монументъ создастъ ему народная память за прошлогоднее постановленіе губернскаго земства объ открытіи въ губерніи новыхъ 600 начальныхъ школъ при субсидіи отъ губернскаго земства. Этотъ еще на прошлогоднемъ экстренномъ собраніи маловѣроятный проектъ нынѣ дѣлается уже болѣе чѣмъ на половину осуществимымъ: около 200 школъ уже открыто и, кромѣ того, болѣе, чѣмъ о 200 еще новыхъ школахъ уже состоялись постановленія уѣздныхъ собраній. Далѣе, учрежденныя по его иниціативѣ 3.000 библіотечекъ въ каждомъ сельскомъ обществѣ губерніи, ассигновка 50-тысячнаго капитала, проценты съ котораго идутъ на безплатную раздачу народу книгъ, устройство въ селахъ при пособіи губернскаго земства воскресныхъ народныхъ чтеній съ туманными картинами, учрежденіе въ г. Вяткѣ земскаго книжнаго склада съ отдѣленіями въ уѣздахъ, основаніе «Вятской Газеты», ходатайство объ учрежденіи въ Вяткѣ правительственнаго техническаго училища,—всѣ эти постановленія губернскаго собранія, касающіяся народнаго образованія въ краѣ, состоялись уже во время предсѣдательства покойнаго и почти всѣ по его иниціативѣ. И въ другихъ отрасляхъ земскаго хозяйства при немъ сдѣлано также не мало: учрежденіе въ г. Вяткѣ кустарнаго музея съ отдѣленіями въ уѣздахъ, устройство во многихъ уѣздахъ учебныхъ мастерскихъ по разнымъ кустарнымъ производствамъ, расширеніе дѣятельности агрономическаго института, еще до него открытаго, учрежденіе нѣсколькихъ учебныхъ сельскохозяйственныхъ фермъ, покупка въ степяхъ въ продолженіи 3-хъ лѣтъ лошадей и раздача ихъ въ ссуду безлошаднымъ крестьянамъ—таковы были главнѣйшія изъ экономическихъ мѣропріятій для крестьянскаго населенія губер-

ніи. Не будутъ забыты труды его и для процвѣтанія мѣстной торговли, которая получила въ прошломъ году Пермь-Котласскую дорогу. Наконецъ, учрежденіемъ эмеритуры онъ создалъ себѣ памятникъ и въ сердцахъ всѣхъ земскихъ тружениковъ, тщетно до него добивавшихся обезпеченія себя на старость. Будутъ помнить его добрымъ словомъ и учащіе не только вновь созданныхъ по его иниціативѣ 200 и имѣющихъ скоро явиться 400 начальныхъ школъ, но и учащіе уже существовавшихъ до того школъ 500 земскихъ и 400 церковныхъ, для которыхъ при значительномъ его содѣйствіи учреждено общество вспомоществованія».

Батуевъ кончилъ въ 80-хъ годахъ казанскій университетъ и затѣмъ зачислился въ Казани помощникомъ присяжнаго повѣреннаго и велъ дѣла преимущественно крестьянскія и безплатно. Затѣмъ въ концѣ судебно-мировой реформы былъ нѣкоторое время мировымъ судьей въ Малмыжскомъ уѣздѣ, далѣе, около полугода—земскимъ начальникомъ и наконецъ, въ началѣ 1892 года онъ переѣхалъ въ Вятку, будучи избранъ въ концѣ 1891 г. предсѣдателемъ Вятской губ. земской управы, гдѣ всѣ рѣдкіе досуги свои посвящалъ только печати, сотрудничая въ столичныхъ и мѣстныхъ газетахъ на публистическомъ и беллетристическомъ поприщѣ.

За границей.

Фабрика, принадлежащая самимъ рабочимъ. Въ Альби, близъ Кармо, во Франціи, сдѣлана интересная попытка — устроить фабрику, которая принадлежала бы самимъ рабочимъ. Послѣ долго длившейся стачки рабочихъ стекляннаго завода Рессегье, заводоуправленіе рѣшило не принимать рабочихъ, участвовавшихъ въ стачкѣ. Нѣкоторыя изъ французскихъ газетъ приняли сторону потерпѣвшихъ рабочихъ и посовѣтовали имъ сплотиться вмѣстѣ, образовать ассоціацію и открыть собственную фабрику на кооперативныхъ началахъ.

Печать энергично взялась за дѣло и начатая ею агитація въ пользу устройства фабрики рабочихъ быстро принесла плоды. Всѣ синдикаты, рабочія общества и т. п. откликнулись на ея призывъ. Въ залѣ торговой палаты въ Парижѣ состоялось грандіозное собраніе, въ которомъ приняли участіе представители всевозможныхъ корпорацій, синдикатовъ, кооперативныхъ обществъ и т. д. и всѣ присутствующіе торжественно обѣщали приложить всѣ усилія къ осуществленію идеи фабрики рабочихъ. Сейчасъ же былъ организованъ комитетъ для изысканія средствъ, который и приступилъ къ выпуску лотерейныхъ билетовъ, по 20 сантимовъ, съ помощью которыхъ предполагали собрать не одну сотню тысячъ франковъ.

Комитетъ состоялъ изъ 45 членовъ и собирался одинъ разъ въ недѣлю, въ суботу вечеромъ, въ маленькомъ помѣщеніи въ улицѣ Тампль. Часто случалось, что членамъ комитета не хватало стульевъ, такъ какъ меблировка помѣщенія оставляла желать многаго, но это не смущало никого.

Скоро они были вознаграждены за свои труды сознаніемъ, что ихъ усилія не пропали даромъ. Лотерейные билеты расходились хорошо и деньги скоплялись въ кассѣ комитета. Министерство Буржуа, находившееся тогда у власти, отнеслось сочувственно къ начинаніямъ рабочихъ и хотя не рѣшилось открыто выразить его внесеніемъ въ палату предложенія о разрѣшеніи рабочей лотереи, тѣмъ не менѣе, оно примѣняло въ отношеніи рабочихъ систему невмѣшательства, предостав-

яля имъ выпускать лотерейные билеты безъ законнаго на то разрѣшенія и не стѣсняя комитетъ въ дѣйствіяхъ. Министерство Мелина продолжало ту же политику, изрѣдка лишь частнымъ образомъ указывая комитету на нѣкоторые поступки, которые могутъ, по мнѣнію министерства, повести къ нежелательному столкновенію съ администраціей и погубить все дѣло. Комитетъ принималъ во вниманіе всѣ эти указанія, тѣмъ болѣе, что тутъ дѣло шло лишь о формальностяхъ, выполнить которыя было не трудно.

Кромѣ денегъ, собранныхъ подпиской и лотерейными билетами, въ кассу комитета поступали болѣе или менѣе крупныя пожертвованія отъ разныхъ частныхъ лицъ, между прочимъ отъ нѣкоей г жи Дембургъ, передавшей комитету черезъ Рошфора 200.000 фр. на устройство фабрики. Такимъ образомъ, въ кассѣ въ нѣсколько мѣсяцевъ образовался капиталъ около 400.000 фр. За вычетомъ необходимыхъ расходовъ оставалось около 350.000 фр. на устройство фабрики. Конечно, этого было мало и рабочимъ пришлось бы еще долго ждать пока осуществится ихъ мечта, еслибъ они сами не пришли на помощь. Не смотря на всѣ лишенія, которыя имъ приходилось терпѣть въ теченіе столь долгаго времени,—за ничтожную плату въ двадцать су (40 коп.), едва достаточную для пропитанія ихъ семействъ, они взялись производить всѣ земляныя, каменныя и другія работы, чтобы ускорить постройку фабрики.

Менѣе черезъ годъ послѣ того, какъ зародилась идея рабочей фабрики, послѣдняя уже стала свершившимся фактомъ. 25-го октября этого года состоялось торжественное открытіе фабрики въ присутствіи массы рабочихъ, делегатовъ разныхъ обществъ, представителей печати и нѣкоторыхъ депутатовъ палаты.

Это былъ праздникъ, какой не часто выпадаетъ на долю трудящихся. Рабочіе, своими руками создавшіе зданіе фабрики, могли гордиться имъ, такъ какъ путемъ упорнаго труда и лишеній они достигли своей цѣли. На празднество собралось около 3.000 человѣкъ. Въ обширномъ дворѣ фабрики, гдѣ уже были накрыты столы для пиршества, одинъ изъ депутатовъ произнесъ рѣчь, въ которой разсказалъ исторію фабрики и поздравилъ рабочихъ, не ослабѣвавшихъ въ борьбѣ съ нуждой, съ наступленіемъ новой эры. Этотъ первый опытъ, увѣнчавшійся такимъ успѣхомъ, долженъ доказать рабочимъ, какую великую силу составляетъ единеніе. Теперь имъ остается только поддерживать дѣло, начатое такъ хорошо, и рабочая фабрика въ Альби должна дѣйствительно сдѣлаться «фабрикой будущаго» и служить образцомъ для всѣхъ остальныхъ фабрикъ подобнаго рода.

Другой депутатъ объявилъ всѣмъ участникамъ въ устройствѣ фабрики радостную для нихъ вѣсть, что 748 синдикатовъ, 65 кооперативныхъ обществъ, 122 политическія группы и 165 муниципалитетовъ заявили о своемъ желаніи присоединиться къ организаціонному комитету завода. Кромѣ того, нѣкоторые изъ сочувствующихъ этому дѣлу людей позаботились обезпечить рабочей фабрикѣ заказы.

Послѣ банкета были зажжены двѣ обжигательныя печи. Какъ только изъ трубъ завода показался дымъ—первый дымъ, знаменующій начало работъ,—громкіе крики «ура» огласили воздухъ. Рабочіе обнимали другъ друга; нѣкоторые плакали отъ умиленія. Одинъ старикъ рабочій, также возившій тачку и таскавшій для постройки завода кирпичи на своихъ слабыхъ плечахъ, дрожащимъ отъ волненія голосомъ сказалъ, что онъ счастливъ, доживъ до такого дня, и теперь можетъ умереть спокойно.

Столѣтіе открытія Дженнера. Въ нынѣшнемъ году исполнилось ровно сто лѣтъ со времени открытія Эдуарда Дженнера, скромнаго деревенскаго врача, давшаго совершенно новое направленіе экспериментальной медицинѣ и впервые выдвинувшаго на сцену идею предохранительныхъ прививокъ, которая впослѣдствіи дала такіе блестящіе результаты въ опытахъ Пастера.

Дженнеръ пришелъ къ своему открытію чисто эмпирическимъ путемъ и при тогдашнемъ состояніи медицины не могъ дать ему соотвѣтствующее научное объясненіе. Онъ случайно слышалъ, когда былъ еще ученикомъ медицинской школы, какъ одна молодая дѣвушка сказала, что она нисколько не боится оспы, потому что у нея была «коровья оспа» (cowpox). Дженнеръ сообщилъ объ этомъ своему профессору Гюнтеру, но тотъ не обратилъ особеннаго вниманія на эти слова и только далъ благой совѣтъ своему ученику не довѣрять ничему, не провѣривъ на опытѣ.

Дженнеру вскорѣ представился случай сдѣлать такую провѣрку. Въ семействѣ одного помѣщика, во время опустошительной оспенной эпидеміи, заболѣла оспою дочь. Всѣ, приставленныя къ больной сидѣлки, въ свою очередь, заражались болѣзнью, кромѣ одной дѣвушки, которая раньше занималась доеніемъ коровъ и, какъ это было извѣстно Дженнеру, заразилась коровьей оспой, выразившейся гнойниками на пальцахъ рукъ. Дженнеръ, первый обратившій вниманіе на этотъ фактъ, сталъ уговаривать дѣвушку, чтобы она позволила ему привить себѣ настоящую оспу, чтобы убѣдиться въ ея невоспріимчивости къ заразѣ. Дѣвушка согласилась послѣ долгихъ упрашиваній, и результатъ получился такой, на который надѣялся Дженнеръ, т.-е. дѣвушка не заразилась, несмотря на введеніе оспеннаго яда въ организмъ.

Этотъ фактъ произвелъ сильное впечатлѣніе на Дженнера и у него тотчасъ же возникла мысль, что посредствомъ искусственной прививки человѣку коровьей оспы можно развить у него невоспріимчивость къ оспенной заразѣ. Онъ высказалъ эти мысли открыто въ Лондонѣ, но онѣ не произвели должнаго впечатлѣнія на медицинскій міръ, и лишь спустя восемь лѣтъ послѣ этого ему удалось, наконецъ, осуществить на практикѣ свою идею. Первая прививка оспы была сдѣлана 14-го мая 1796 года. Объектомъ опыта послужилъ Дженнеру маленькій восьмилѣтній мальчикъ, по имени Джемсъ Фиппсъ, которому было привито содержимое пустулъ (нарывовъ) съ руки одной служанки на фермѣ, заразившейся коровьей оспой. Спустя шесть недѣль, мальчику вторично была привита оспа, но на этотъ разъ уже непосредственно изъ пустулъ коровы. Результата эта вторая прививка не дала никакого.

Дженнеръ былъ въ восторгѣ. Для него уже не существовало никакихъ сомнѣній въ томъ, что въ искусственной прививкѣ коровьей оспы заключается важное средство для борьбы съ опустошительною оспенною эпидеміей. Онъ рѣшилъ продолжать свои опыты въ этомъ направленіи, но долго не могъ найти никого для опыта. Въ 1798 году Дженнеръ опубликовалъ открытіе въ своемъ сочиненіи и вскорѣ пріобрѣлъ сторонниковъ между докторами въ Лондонѣ. Одинъ изъ нихъ повторилъ опытъ Дженнера надъ ребенкомъ и этотъ опытъ чрезвычайно удался, подтверждая вполнѣ идею Дженнера.

Однако, слава далась Дженнеру не сразу. Если и были люди, вѣрившіе въ его открытіе, то все же находилось не мало такихъ, которые относились къ нему скептически и даже просто смѣялись надъ нимъ. Его считали за маньяка, и когда онъ появлялся въ обществѣ, то слышались восклицанія: «Вотъ идетъ Дженнеръ

съ коровьей оспой!» Но Дженнера это не смущало. Онъ продолжалъ проповѣдывать свою идею и, благодаря пріобрѣтенію сторонниковъ среди современныхъ ученыхъ, побѣдилъ, наконецъ, предубѣжденіе общества.

Дѣло все-таки не пошло такъ гладко, какъ можно было ожидать, когда польза предохранительныхъ прививокъ оспы была, наконецъ, удостовѣрена фактически и признана наукой. Противники, не исчезнувшіе и понынѣ и не убѣждаемые даже краснорѣчіемъ статистическихъ цифръ, открыто враждовали противъ популяризаціи идей Дженнера, доказывая не только безполезность, но даже вредъ оспенныхъ прививокъ. Неудачные случаи, возможные во всякой практикѣ и со всякими способами, тѣмъ болѣе въ то время, когда приходилось дѣйствовать ощупью, такъ какъ Дженнеръ не могъ дать своему способу никакой научной основы, могли дискредитировать и дискредитировали идеи Дженнера въ глазахъ толпы. Дженнеру пришлось бороться, защищая свою идею, противъ которой выступали даже проповѣдники, доказывавшіе, что прививка коровьей оспы противорѣчитъ христіанскимъ воззрѣніямъ. Каррикатуристы той эпохи также выступили въ качествѣ противниковъ Дженнера и всюду распространялись рисунки, изображающіе людей съ рогами и съ копытами и съ надписью: «Вотъ что дѣлаетъ прививка коровьей оспы!»

Но факты мало-по-малу дѣлали свое дѣло, увеличивая число сторонниковъ оспопрививанія, такъ что въ 1804 году Бенжамэнъ Трэверсъ писалъ Дженнеру: «Если бы вы не опубликовали своего способа, а сами предприняли бы борьбу съ оспой, то, я убѣжденъ, вы имѣли бы теперь въ карманѣ два милліона и ни человѣчество, ни ваша слава нисколько бы не пострадали отъ этого!» Но Дженнеръ былъ не изъ тѣхъ людей, которые ставятъ на первомъ планѣ свои матеріальные интересы. Онъ былъ чрезвычайно высокаго мнѣнія о профессіи врача и находилъ, что врачъ прежде всего долженъ имѣть въ виду интересы человѣчества. Дженнеръ дѣйствительно не извлекъ никакихъ матеріальныхъ выгодъ изъ своего открытія. Онъ безплатно прививалъ оспу у себя въ саду въ особомъ сараѣ, который названъ былъ имъ «Храмомъ вакцины», и это не только не приносило ему доходовъ, но скорѣе вводило его самого въ расходы настолько, что въ концѣ-концовъ онъ вынужденъ былъ обратиться къ палатѣ общинъ съ петиціей о выдачѣ ему вознагражденія въ виду того, что его открытіе составляетъ всеобщее достояніе и онъ не только не пользуется имъ для увеличенія своихъ средствъ, но даже, наоборотъ, расходуетъ свои средства на содержаніе своей лабораторіи для оспенныхъ прививокъ. Петиція была передана на разсмотрѣніе въ особую коммиссію подъ предсѣдательствомъ адмирала Берклея. Коммиссія послѣ очень тщательнаго изученія вопроса вынесла заключеніе, что открытіе Дженнера дѣйствительно оченъ важно для человѣчества, и что самъ Дженнеръ не только не извлекъ изъ него никакой пользы, но даже наоборотъ, вовлеченъ былъ въ значительные убытки, главнымъ образомъ, потому, что онъ исключительно предался разработкѣ своей идеи и поэтому забросилъ свою медицинскую практику и всѣ свои другія дѣла. Такимъ образомъ, въ принципѣ всѣ были согласны, что Дженнеръ заслуживаетъ вознагражденія и обсужденію подлежитъ лишь вопросъ о томъ, какъ велико должно быть это вознагражденіе. На этотъ счетъ мнѣнія раздѣлялись. Доктора говорили, что еслибъ онъ держалъ въ тайнѣ свое открытіе, то могъ бы нажить при его помощи большое состояніе. Доказано было, между

прочимъ, что это открытіе вовлекало Дженнера въ большія издержки. Такъ, онъ, между прочимъ, тратилъ не мало денегъ на свою корреспонденцію, потому что со всѣхъ концовъ міра получалъ массу запросовъ, относящихся къ оспопрививанію, и долженъ былъ отвѣчать на нихъ, разсылая всюду инструкціи, свѣдѣнія и образцы коровьей оспы.

Адмиралъ Берклей представилъ докладъ палатѣ общинъ, въ которомъ предлагалъ выдать Дженнеру, по меньшей мѣрѣ, 250.000 фр. на томъ основаніи, что Дженнеръ спасъ, по крайней мѣрѣ, 40.000 жизней въ Англіи, а если оцѣнивать каждую человѣческую жизнь только въ 12 фр. 50 сант. (?), то и въ такомъ случаѣ ему слѣдовало бы получить съ правительства соединеннаго королевства 500.000 фр. Многіе въ коммиссіи находили, что Дженнеръ сдѣлалъ ошибку, опубликовавъ свое открытіе, и что сумма, предложенная Берклеемъ, слишкомъ мала за такое важное и полезное открытіе. Послѣ довольно продолжительныхъ преній, было рѣшено, что Дженнеру будетъ выдаваться пожизненная пенсія въ 25.000 фр. ежегодно и что такой способъ лучше, чѣмъ единовременное пособіе въ видѣ какой бы то ни было суммы, «можетъ доказать Дженнеру благодарность его согражданъ и ихъ расположеніе къ нему».

О Дженнерѣ, какъ о человѣкѣ, всѣ знавшіе его были высокаго мнѣнія. Всѣ признавали, что онъ былъ безкорыстенъ и очень скроменъ. Онъ не кичился славой, хотя имя его гремѣло и заграницей. Онъ пользовался уваженіемъ даже тѣхъ, кто подсмѣивался надъ нимъ, какъ надъ маньякомъ. Онъ такъ занятъ былъ своею идеей, что только и могъ говорить объ этомъ въ обществѣ. Однако, это не мѣшало ему иногда принимать участіе въ общественныхъ дѣлахъ и даже заниматься музыкой и поэзіей. Онъ писалъ стихи и нѣкоторые изъ нихъ даже были напечатаны.

Идеи Дженнера принесли плоды. Въ настоящее время оспопрививаніе сдѣлано обязательнымъ во многихъ государствахъ. Польза оспопрививанія лучше всего доказывается статистическими цифрами. Въ германской арміи, гдѣ оспопрививаніе обязательно, смертность отъ оспы упала до 0,003; за три года, или даже за нѣсколько большій періодъ времени въ германской арміи умеръ отъ оспы только одинъ человѣкъ.

Противники оспопрививанія, оставляя подъ сомнѣніемъ его дѣйствительность, главнымъ образомъ основываютъ свои доводы на томъ, что посредствомъ оспопрививанія могутъ быть переданы человѣческому организму разныя другія болѣзни. Эта опасность для жизни и здоровья, сопряженная съ прививаніемъ человѣческой лимфы, совершенно устраняется прививаніемъ животной лимфы. Этотъ послѣдній способъ доведенъ теперь до такой степени совершенства, что почти всюду вытѣснилъ первоначальный способъ прививки гуманизированной лимфы.

Скромный деревенскій врачъ, несомнѣнно спасшій много тысячъ человѣческихъ жизней, благодаря своей проницательности и наблюдательности, вполнѣ заслужилъ, чтобы благодарное человѣчество должнымъ образомъ почтило его память, въ этомъ году, когда исполнилось столѣтіе со дня его великаго открытія, не только не потерявшаго своего значенія, но послужившаго источникомъ другихъ великихъ открытій въ этомъ же направленіи.

Разсказъ Нансена о своей экспедиціи. Въ англійской газетѣ «Daily Cronicle» напечатанъ разсказъ самого Нансена о его экспедиціи, продолжавшейся три года и подтвердившей блистательнымъ образомъ его теорію полярныхъ теченій. Нансенъ, по его

словамъ, не столько стремился поставить ногу на сѣверномъ полюсѣ, сколько ему хотѣлось подтвердить существованіе великаго теченія въ Ледовитомъ океанѣ, направляющагося къ западу до береговъ Гренландіи. Экспедицію свою онъ подготовлялъ довольно долго, обдумывая самымъ тщательнымъ образомъ всѣ подробности плана и стараясь предусмотрѣть всѣ случайности. Нансенъ хотѣлъ проникнуть на кораблѣ «Fram» какъ можно далѣе на сѣверъ и затѣмъ, вмѣсто того, чтобы зимовать во льдахъ подобно всѣмъ прочимъ полярнымъ путешественникамъ, рѣшилъ предоставить «Fram» волѣ теченія, которое и должно было приблизить корабль какъ можно больше къ полюсу. Въ случаѣ нужды, Нансенъ рѣшилъ оставить «Fram» и двинуться къ полюсу на саняхъ, разсчитывая затѣмъ пробраться къ землѣ Францъ-Іосифа или къ Шпицбергену.

Нанссnъ самъ безусловно вѣрилъ въ успѣхъ своей экспедиціи, и вдохновилъ этою увѣренностью и всѣхъ своихъ спутниковъ и соотечественниковъ. Норвежскій парламентъ (стортингъ) вотировалъ необходимые фонды на снаряженіе экспедиціи, остальное дополнили добровольныя пожертвованія, посыпавшіяся со всѣхъ сторонъ, такъ какъ норвежцы принимали близко къ сердцу успѣхъ предпріятія Нансена.

Не было недостатка и въ дурныхъ предсказаніяхъ. Нансенъ говоритъ, что онъ получилъ много предостереженій; между прочимъ, отъ американскаго генерала Грили, полярная экспедиція котораго въ 1880-хъ годахъ имѣла несчастный исходъ. Грили написалъ Нансену, что считаетъ его предпріятіе «героическимъ самоубійствомъ». Сэръ Леопольдъ Макъ-Клинтокъ, одинъ изъ знаменитыхъ англійскихъ ветерановъ, много разъ участвовавшій въ полярныхъ экспедиціяхъ, предсказывалъ, что, не смотря на свое особенное устройство, «Fram» все-таки не выдержитъ напора льдовъ зимой и будетъ раздавленъ. Но Грили, Макъ-Клинтокъ и многіе другіе, предсказывавшіе Нансену дурной исходъ, ошиблись!

24-го іюня 1893 года «Fram» покинулъ фіордъ Христіаніи. Постройкою корабля завѣдывалъ очень искусный корабельный инженеръ Коленъ Арчеръ, явившійся превосходнымъ исполнителемъ идеи Нансена. Корабль былъ такъ построенъ, что могъ безнаказанно выдержать самое сильное давленіе. Помѣщеніе для живущихъ на кораблѣ было устроено такимъ образомъ, что можно было не опасаться дѣйствія страшной полярной стужи. Все было предусмотрѣно и точно за весь трехлѣтій періодъ пребыванія «Fram» въ полярныхъ моряхъ не было ни одного больного на кораблѣ и всѣ вернулись на родину здравыми и невредимыми.

Достигнувъ въ сентябрѣ того же года 78°50′ сѣв. широты «Fram» застрялъ во льдахъ и вмѣстѣ съ ними былъ унесенъ теченіемъ на сѣверъ. 29-го сентября «Fram» пересѣкъ 79 параллель, но вѣтеръ, дующій съ сѣвера, погналъ судно къ югу и «Fram» снова спустился до 77°43′ с. ш. Благодаря своей солидной постройкѣ, «Fram» стойко выдержалъ напоръ льда и за все время не произошло ни одной поломки или трещины, не смотря на то, что на судно напирали и ударялись громадныя глыбы въ 9 метровъ толщины. Всего сильнѣе льдины напирали во время прилива. Шумъ отъ разбивающихся льдинъ былъ порою такъ ощутителенъ, что разговаривать было совершенно невозможно, даже въ каютахъ. Сначала путешественники нѣсколько пугались этого непривычнаго грохота и треска, такъ какъ имъ казалось порою, что судно не въ состояніи будетъ выдержать этой неравной борьбы и ему предстоитъ общая участь кораблей, подвергавшихся такому напору. Но вско-

рѣ, убѣдившись, что «Fram» выходитъ побѣдителемъ изъ этого испытанія, экипажъ успокоился и пересталъ обращать вниманіе на шумъ и трескъ разбивающихся льдинъ. Жизнь на суднѣ шла своимъ чередомъ; въ занятіяхъ недостатка не было и время протекало незамѣтно. Особенно много времени отнимали научныя наблюденія. Температура нѣсколько разъ спускалась на 63° ниже нуля, но путешественники нисколько не страдали отъ этого. Каютъ-компанія, напримѣръ, такъ была хорошо устроена, что печь въ ней затоплена въ первый разъ только 1-го января, послѣ трехмѣсячнаго пребыванія во льдахъ. Почти во все время своего пребыванія въ полярной области «Fram» освѣщался электричествомъ; на палубѣ «Fram» находилась вѣтряная мельница, приводившая въ движеніе динамо-машину. Изслѣдованія глубины, производимыя регулярно, указывали постоянно 2.900—3.500 метровъ. Такъ что Нансенъ пришелъ къ заключенію, что полярный бассейнъ можно разсматривать, какъ продолженіе громаднаго углубленія, идущаго отъ Гренландіи и Шпицбергена. Въ противоположность существующимъ гипотезамъ, эти измѣренія указали на полное отсутствіе органической жизни въ глубинѣ полярнаго моря. На нѣкоторомъ разстояніи отъ поверхности термометръ указалъ присутствіе болѣе теплаго и болѣе соленаго слоя воды, температура котораго была выше точки замерзанія.

Направленіе судна постоянно мѣнялось подъ вліяніемъ вѣтра и теченія. Судно то направлялось къ сѣверо-западу, то возвращалось назадъ, смотря по капризу вѣтра. 4-го и 5-го января «Fram» выдержалъ такой страшный натискъ льда, что уже были приняты всѣ мѣры къ тому, чтобы оставить его, въ случаѣ если онъ дастъ гдѣ-либо трещину. Но судно выдержало и это испытаніе. Ледъ поднялъ его высоко, такъ что вся подводная часть обнажилась; однако, судно не пострадало отъ этого нисколько, опасаться было нечего и опытъ потвердилъ блестящимъ образомъ предвидѣнія Нансена.

Убѣдившись, что судно крѣпко сидитъ во льду, Нансенъ занялся приготовленіемъ новой экспедиціи. Онъ собирался пробраться на сѣверъ въ саняхъ и затѣмъ вернуться къ землѣ Францъ-Іосифа, такъ какъ не могъ уже надѣяться найти «Fram» на прежнемъ мѣстѣ; свое судно онъ поручалъ капитану Свердрупу, увѣренный, что тотъ въ цѣлости доставитъ его на родину, а самъ пустился въ путь, вмѣстѣ съ лейтенантомъ Іогансеномъ, который вызвался сопровождать его. Путешественники сначала взяли съ собою шесть саней, 28 собакъ, два каюка и провизіи на нѣсколько мѣсяцевъ, но послѣ четырехъ дней путники уже убѣдились въ невозможности двигаться дальше съ такимъ грузомъ, такъ какъ ледъ былъ слишкомъ неровенъ. Нансенъ вернулся на судно, какъ разъ въ тотъ моментъ, когда солнце, наконецъ, показалось на горизонтѣ. Это было 3-го марта, а 14-го онъ опять пустился въ путь, но взялъ съ собою только трое саней. Сначала путешественники подвигались быстро, но затѣмъ ледъ становился все хуже и хуже и трудности возрастали. 3-го апрѣля они достигли 86°3′; путь становился все хуже и Нансенъ съ огорченіемъ убѣждался, что надо подумать объ отступленіи. Онъ находился впереди и одинъ, взобравшись на самую высокую льдину, тщательно осмотрѣлъ окрестности. Ничего, кромѣ грудъ льда, нагроможденныхъ другъ на друга, куда только хватаетъ глазъ и ни слѣда воды! Даже признаковъ твердой земли нигдѣ не было видно. Подумавъ, Нансенъ, рѣшилъ вернуться къ югу. На другой день Нансенъ и его спутникъ направили свой путь на югъ и, рас-

прощавшись съ сѣвернымъ полюсомъ, повернулись къ нему спиной.

Двумъ смѣлымъ путешественникамъ пришлось вынести не мало страданій во время своихъ странствованій. Прежде всего они терпѣли очень много отъ холода, такъ какъ, ради облегченія своей ноши, они не взяли съ собою своихъ волчьихъ шубъ. Въ теченіе первыхъ трехъ недѣль термометръ показывалъ 40° ниже нуля и притомъ дулъ сильный вѣтеръ, вслѣдствіе чего вся ихъ одежда покрывалась настоящею ледяною корой и когда, на остановкахъ, они разводили огонь, то лишь съ трудомъ могли согрѣться сколько-нибудь. 25-го апрѣля, подъ 85° с. ш. они замѣтили на снѣгу слѣды полярной лисицы и изъ этого заключили, что земля гдѣ-нибудь недалеко, но другихъ признаковъ не было замѣтно нигдѣ. Между тѣмъ ледяная пустыня измѣняла свой видъ, мѣстами ее прорѣзывали довольно большіе каналы и приходилось пускать въ ходъ каюки. Въ другихъ мѣстахъ льдины, нагроможденныя другъ на друга, заставляли путешественниковъ дѣлать большіе обходы и на это они теряли цѣлые дни. Однако, они все-таки подвигались впередъ, хотя и очень медленно, но припасы у нихъ уменьшались и собаки выбивались изъ силъ. Приходилось убивать тѣхъ, которыя не могли уже двигаться болѣе и трупы ихъ служили пищею для остальныхъ. Число каналовъ все увеличивалось, ледъ мѣстами становился рыхлымъ, такъ что путешествіе не только сдѣлалось очень затруднительнымъ, но даже опаснымъ; сани поминутно проваливались въ ямы, наполненныя рыхлымъ снѣгомъ. Число собакъ, уменьшалось съ каждымъ днемъ и положеніе становилось отчаяннымъ, потому что припасовъ оставалось такъ мало, что путешественникамъ чудился уже грозный призракъ голодной смерти впереди. А земли все не было видно! Наконецъ, имъ удалось убить тюленя и вскорѣ затѣмъ трехъ медвѣдей. Эта удача придала бодрости путешественникамъ и они, прождавъ нѣсколько дней, снова двинулись въ путь и черезъ два дня увидали издали берегъ неизвѣстной земли. Но прежде чѣмъ достигнуть его, имъ пришлось вытерпѣть еще не мало испытаній.

Однажды, когда они готовились спустить свои каюки на воду, на Іогансена напалъ бѣлый медвѣдь и повалилъ его. Замѣтивъ опасность, которой подвергался его товарищъ, Нансенъ хотѣлъ броситься къ нему на помощь, но въ это время его каюкъ, соскользнулъ въ воду и Нансену стоило неимовѣрныхъ усилій выбраться снова на ледъ. Несчастный Іогансенъ кричалъ ему: «Поторопитесь! скорѣе! скорѣе! Я изнемогаю!» Нансенъ съ удвоенными отчаяніемъ силами, подъ вліяніемъ криковъ своего товарища, кое-какъ втащилъ свой каюкъ и, схвативъ ружье, бросился на медвѣдя и выстрѣлилъ въ него почти въ упоръ. Іогансенъ былъ спасенъ и, благодаря своей крѣпкой одеждѣ, отдѣлался только незначительными пораненіями.

Спустя двѣ недѣли путники добрались до маленькой группы четырехъ островокъ, сплошь покрытыхъ ледниками. Къ сѣверу море было свободно отъ льда и путешественники рѣшили отправиться въ своихъ каюкахъ на западъ, они убили двухъ собакъ, которые у нихъ оставались и которые не могли уже имъ принести никакой пользы. Все время былъ туманъ и только черезъ нѣсколько дней онъ нѣсколько разсѣялся и они увидали какой-то большой материкъ или, вѣрнѣе, группу островокъ. На картѣ ничего не было обозначено и такъ какъ у путешественниковъ остановились оба хронометра, то они и не могли опредѣлить навѣрное, гдѣ они находились. Два раза во время пути путешественники были блокированы льдомъ

и проходили долгіе дни прежде чѣмъ они могли выбраться изъ своей ледяной темницы. Между тѣмъ приближалась осень и надо было думать о приготовленіи къ зимовкѣ. Было слишкомъ рисковано, въ виду приближенія зимы, пускаться въ далекій путь, и Нансенъ отказался отъ своего первоначальнаго намѣренія добраться до Шпицбергена. Оба путешественника принялись тогда за приготовленіе къ зимѣ, соорудили себѣ хижину и усердно занялись охотой, чтобы набрать припасовъ для долгой полярной зимы. Охота была удачна и они собрали достаточное количество мяса и жиру, убивая моржей и медвѣдей, и могли спокойно ожидать зиму. Хижина ихъ имѣла 3 метра 60 сант. въ длину и 1 м. 80 с. въ ширину. Они выстроили ее изъ камней и покрыли снѣгомъ. Она была настолько высока, что они могли въ ней стоять во весь ростъ. Вмѣсто постели имъ служила груда камней, на которыя они клали свои мѣшки. Въ концѣ ноября бѣлые медвѣди исчезли, но вмѣсто нихъ возлѣ хижины путешественниковъ стали бродить полярныя лисицы, привлеченныя запахомъ медвѣжьихъ окороковъ, но путешественники не стрѣляли въ нихъ, находя, что для нихъ не стоитъ тратить выстрѣлы.

Дни становились короче и вскорѣ солнце совсѣмъ скрылось за горизонтомъ. Наступила долгая полярная ночь и путешественникамъ приходилось большую часть времени сидѣть въ своей хижинѣ; такъ какъ, вслѣдствіе сильнаго вѣтра, они не могли совершать даже небольшихъ прогулокъ. Поневолѣ приходилось много спать, за отсутствіемъ какихъ бы то то ни было развлеченій и книгъ. Пища путешественниковъ была самая элементарная. Утромъ поджаренное медвѣжье мясо, вечеромъ то же самое мясо, только вареное. «Однако, не смотря на все это, зима прошла лучше, чѣмъ мы ожидали,—говоритъ Нансенъ.—Наше здоровье было превосходно и если бы у насъ были книги, хоть немного муки и сахару, то мы могли бы почитать себя совсѣмъ счастливыми».

Съ наступленіемъ весны полярная пустыня нѣсколько ожила. Можно себѣ представить, съ какою радостью путешественники увидѣли, наконецъ, пингвиновъ! Не теряя времени они стали готовиться къ дальнѣйшему пути и прежде всего имъ пришлось заняться исправленіемъ одежды, которая пришла въ полный упадокъ. Кое-какъ они починили ее при помощи медвѣжьихъ шкуръ, но самое трудное было вычистить ее. «Трудно составить себѣ понятіе, какое большое лишеніе составляетъ отсутствіе мыла!—восклицаетъ Нансенъ.— Мы мечтали о томъ, когда мы, наконецъ, будемъ имѣть возможность вымыться мыломъ и надѣть чистое бѣлье. Это казалось намъ недосягаемымъ блаженствомъ». Съ большими трудностями и испытавъ не мало приключеній въ дорогѣ, путешественники добрались до какой-то земли. Нансенъ предполагалъ, что это была земля Франца-Іосифа, и, какъ оказалось впослѣдствіи, не ошибся. Путешественники расположились на отдыхъ и на другой день утромъ Нансенъ, разведя огонь и поставивъ жариться медвѣжье мясо, въ то время, когда его товарищъ еще спалъ, отправился осмотрѣть мѣстность и взобрался съ этою цѣлью на скалу. Вѣтеръ дулъ съ континента и до слуха Нансена доносились рѣзкіе крики морскихъ птицъ, устроившихъ себѣ гнѣзда на скалахъ. Вдругъ Нансену показалось, что онъ слышитъ лай собаки. Сердце его радостно забилось, но онъ побоялся сдѣлаться жертвою иллюзіи и сталъ осторожно прислушиваться. Сначала слышенъ былъ только крикъ птицъ, но затѣмъ лай опять повторился. Нансенъ спустился со скалы и поспѣшилъ къ своему товарищу, который про-

должалъ спать. Онъ его разбудилъ и сказалъ: «Я слышалъ лай собаки». Но Іогансенъ, повидимому, не обратилъ вниманія на его слова. Тогда Нансенъ, поспѣшно проглотивъ завтракъ, надѣлъ лыжи и пустился черезъ ледъ къ берегу. Надежды его оправдались; онъ увидѣлъ человѣка, который шелъ къ нему на встрѣчу, это былъ Джексонъ.

Какъ по мановенію волшебнаго жезла Нансенъ и его товарищъ очутились снова въ цивилизовонномъ мірѣ и ихъ мечта могла быть выполнена—они могли вымыться и переодѣться и менѣе чѣмъ черезъ два мѣсяца послѣ этой встрѣчи Нансенъ со своимъ спутникомъ вступили уже на почву своей родины, привѣтствуемые многотысячной толпой, поспѣшившей къ нему на встрѣчу.

Исторія одной книги. Имѣютъ ли на автора вліяніе его собственные произведенія? Являются ли онѣ только продуктомъ эволюціи его мышленія или же, въ свою очередь, вліяютъ на эту эволюцію, придавая ей извѣтное направленіе? Эрнестъ Легувэ, маститый писатель и членъ французской академіи, стремится найти отвѣтъ на эти вопросы какъ въ своей собственной литературной дѣятельности, такъ и въ дѣятельности другихъ писателей. Въ своей автобіографической статьѣ, напечатанной въ «Temps», онъ говоритъ, что многіе изъ писателей сдѣлались тѣмъ, чѣмъ они есть, благодаря лишь какому-нибудь одному изъ своихъ произведеній, которое послужило толчкомъ, давшимъ извѣстное направленіе ихъ образу мыслей и литературной дѣятельности. Такое произведеніе рѣшаетъ иногда всю дальнѣйшую судьбу автора, не только какъ писателя, но и какъ человѣка, и порою для него самого является чѣмъ-то въ родѣ откровенія, указывая ему новые пути или открывая ему неизвѣстныя ему самому стороны его таланта. Такая книга оказываетъ вліяніе на душу писателя и онъ становится самъ ея продуктомъ. «Вспомните Руссо,—говоритъ Легувэ,—рѣчь, произнесенная имъ въ Дижонѣ, послужила первымъ толчкомъ, давшимъ извѣстное направленіе его генію. Впрочемъ, не заходя такъ далеко, мы можемъ найти въ современной исторіи литературы два разительныхъ примѣра такого вліянія на авторовъ ихъ собственныхъ произведеній. Евгеній Сю, напримѣръ, совершенно измѣнился подъ вліяніемъ своего романа «Les Mystères de Paris». *Прежде* это былъ настоящій свѣтскій дэнди, буржуа, зараженный скептицизмомъ и аристократическими идеями, *послѣ* — это былъ убѣжденный демократъ и искренній республиканецъ. Тѣ идеи гуманности и состраданія, которыя внушала ему его собственная книга, мало по-малу перешли изъ его воображенія въ его душу и укоренились въ ней. То же самое и Дюма-сынъ. Развѣ его первая пьеса «La dame aux camélias» не дала извѣстное направленіе и его таланту, и его идеямъ? Развѣ она не сдѣлала изъ него по преимуществу художника и защитника павшей женщины? Но я могу представить еще болѣе доказательный примѣръ такого вліянія—это мой собственный!..

«Въ 1848 году я написалъ книгу, почти противъ своего желанія и какъ бы по заказу. Это была: «L'Histoire morale des femmes». Но она послужила истинною точкой для всей моей послѣдующей какъ литературной дѣятельности, такъ и жизни. Вліяніе этой книги началось уже въ то время, когда я ее писалъ и затѣмъ оно отразилось въ различной формѣ на всѣхъ моихъ послѣдующихъ произведеніяхъ. не прекращаясь и въ данную минуту. Разсказывая исторію этой книги, я какъ бы уплачиваю долгъ благодарности тому, кто сдѣлалъ для меня такъ много.

«Книга эта явилась на свѣтъ подъ вліяніемъ совершенно особенныхъ обстоятельствъ. Это было въ 1845 году. Я жилъ на дачѣ и очень занятъ былъ окончаніемъ моего второго драматическаго произведенія. Однажды, когда я сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ и писалъ, ко мнѣ вошелъ человѣкъ, котораго я любилъ и уважалъ больше всѣхъ въ своей жизни; это былъ Жанъ Рейно.

— «Мой другъ,—сказалъ онъ мнѣ,— я пришелъ просить васъ объ услугѣ. Новая энциклопедія, которую я редактирую теперь одинъ, нуждается въ хорошей статьѣ о женщинѣ. Я пришелъ васъ просить написать ее.

«— Меня!—воскликнулъ я.—Но, мой другъ, что вамъ пришло въ голову. Вы редактируете научный, энциклопедическій, философскій сборникъ, а вѣдь я полная противоположность ученаго. Что я могу сказать поучительное или интересное вашимъ читателямъ, я—бѣдный драматическій писатель, только еще начинающій свою карьеру? Предоставьте ужъ мнѣ писать мои комедіи и стихи.

«Рейно выслушалъ меня совершенно спокойно, не прерывая, и затѣмъ сказалъ:

«— Я прошу васъ взять эту работу и вы ее сдѣлаете, потому *что она въ васъ уже есть* (parce que ce travail est en vous). Я вѣдь живу съ вами и вашей семьей въ очень близкихъ отношеніяхъ уже болѣе двухъ лѣтъ. Я вижу васъ въ обществѣ вашей жены и дѣтей. И знаете ли, мой другъ, что вы такое въ душѣ? Драматическій авторъ? Ну, конечно, страстный любитель поэзіи? Это мнѣ также извѣстно. Но кромѣ того и больше всего вы — человѣкъ семьи, «a domestic man!» Я сейчасъ объясню вамъ свою мысль. Вашъ бракъ не похожъ ни на одинъ изъ тѣхъ, которые мнѣ приходилось видѣть. Вы въ двадцать семь лѣтъ женились на женщинѣ, которую любили, начиная съ семнадцатилѣтняго возраста, и этотъ счастливый союзъ наложилъ на васъ свой отпечатокъ. Благодаря своей брачной жизни, вы составили себѣ такую идею о роли женщины въ семьѣ и современномъ обществѣ, какая вполнѣ отвѣчаетъ направленію моей энциклопедіи. Прибавлю еще, что, взявшись за предлагаемую работу, вы какъ бы продолжаете дѣло своего отца, который былъ поэтомъ женщинъ въ прошломъ вѣкѣ, вы же будете ихъ защитникомъ и историкомъ. Отецъ вашъ воспѣвалъ ихъ качества, вы же требуйте для нихъ правъ. Это вашъ долгъ и я на васъ разсчитываю.

«На другой же день я принялся за работу. Черезъ годъ моя статья появилась въ «Encyclopédie Nouvelle», а два года спустя она превратилась уже въ настоящій трудъ о женщинѣ, вышедшій отдѣльнымъ изданіемъ, и со мною случилось то же, что съ Евгеніемъ Сю. Эта книга, надъ которою я работалъ, сдѣлалась моимъ воспитателемъ и, по мѣрѣ того, какъ я писалъ ее, я подчинялся ея вліянію. Она измѣняла меня и дѣлала другимъ человѣкомъ. Конечно, я и раньше питалъ уваженіе, расположеніе и состраданіе къ женщинѣ, но все это были только чувства, которыя превратились подъ вліяніемъ книги въ принципы. Всестороннее изученіе вопроса и размышленія, на которыя меня наводила моя книга, невольно заставили меня видѣть въ женщинѣ не только «плоть отъ плоти нашей» или нашу половину, «придатокъ человѣка», какъ презрительно говоритъ Боссюэ, а совсѣмъ другое существо, вполнѣ самостоятельное, такое же свободное, какъ мы, и отвѣтственное и также равное намъ по своимъ личнымъ качествамъ. «Равенство въ различіи» (L'égalité dans la différence)— вотъ что я ставилъ въ основу всѣхъ моихъ требованій въ пользу женщинъ и, такимъ образомъ, вмѣсто того, чтобы написать чисто художественное

произведеніе, я написалъ такое, которое проповѣдуетъ извѣстную доктрину. Я началъ работу только какъ драматическій авторъ, а кончилъ ее моралистомъ, и съ этой минуты драматическій авторъ и моралистъ слились у меня въ одно. Я понесъ съ собою на сцену свою постоянную заботу о нравственныхъ вопросахъ, и это отразилось на всѣхъ моихъ позднѣйшихъ драматическихъ произведеніяхъ и, такимъ образомъ, единство моей литературной дѣятельности возникло именно изъ ея первоначальнаго раздвоенія.

«Закончивъ мою рукопись, я отнесъ ее Рейно, который послѣ февральской революціи былъ назначенъ генеральнымъ секретаремъ министерства просвѣщенія. Я высказалъ ему свое желаніе, прежде чѣмъ опубликовать свою книгу, прочесть о ней публичную лекцію въ Collège de France, гдѣ мой отецъ былъ нѣкогда профессоромъ латинской поэзіи. Это желаніе было исполнено и мнѣ было разрѣшено прочесть лекціи о нравственной исторіи женщины (Histoire morale des femmes) и мой первый дебютъ превратилъ меня въ лектора совершенно такъ же, какъ превратила въ моралиста тема, навязанная мнѣ Рейно».

Впослѣдствіи Легувэ дѣйствительно пріобрѣлъ большую извѣстность своими публичными лекціями, въ которыхъ онъ затрогивалъ какъ литературные, такъ и разные другіе вопросы, главнымъ образомъ, касающіеся положенія женщинъ. Противъ нѣкоторыхъ его взглядовъ возсталъ Жюль Симонъ, напечатавшій критику на его книгу въ «Journal des Savants», въ которой доказывалъ, что «женщина прежде всего должна оставаться женщиной» и что расширеніе сферы ея дѣятельности, котораго добивается для нея Легувэ, не принесетъ пользы, ни ей, ни семьѣ. Въ заключеніе прибавимъ, что Легувэ первый возвысилъ свой голосъ въ пользу учрежденія женскихъ гимназій и даже составилъ для нихъ планъ преподаванія, который и былъ принятъ министерствомъ Ферри.

Изъ иностранныхъ журналовъ.

«Revue de Paris».

Докторъ Эдуардъ Тулузъ, состоящій врачемъ при клиникѣ душевныхъ болѣзней въ Парижѣ, задумалъ большой трудъ — медикопсихологическое изслѣдованіе объ отношеніяхъ умственнаго превосходства къ невропатіи (Enquête médico-psychologique sur les rapports de la superiorité intellectuelle avec la nevropathie). Въ своемъ предисловіи къ этой книгѣ онъ заявляетъ, что его произведеніе исключительно научнаго характера и что оно имѣетъ цѣлью выяснить, что представляютъ собою тѣ, которымъ толпа приписываетъ исключительныя способности. Исходя изъ этой мысли, Тулузъ обратился къ различнымъ выдающимся людямъ (Золя, Альфонсу Додэ, Пювисъ де-Шаванну, Сенъ-Сансу, Бертело, Жюль Леметру и мн. др.) съ предложеніемъ позволить ему изслѣдовать себя совершенно также и при помощи тѣхъ же методовъ, какіе онъ употребляетъ при изслѣдованіи въ домѣ умалишенныхъ, людей «менѣе знаменитыхъ, но не менѣе интересныхъ», такъ какъ, благодаря этимъ людямъ, удается открывать патологическіе законы, примѣнимые къ огромному числу индивидовъ.

Свои разслѣдованія докторъ Тулузъ начинаетъ съ Золя и первая глава его книги, посвященная этому писателю, напечатана въ «Revue de Paris». Къ ней приложено письмо самого Золя, разрѣшающаго опубли-

ковать научныя данныя, касающіяся его особы. Золя высказываетъ въ своемъ письмѣ, что онъ даетъ свое согласіе прежде всего «изъ любви къ истинѣ», составлявшей всегда «единственную цѣль» его жизни. Затѣмъ, Золя заявляетъ, что ему скрывать нечего. «Изъ тысячи страницъ, написанныхъ мною,—говоритъ Золя,—нѣтъ ни одной, отъ которой я хотѣлъ бы отречься. Тѣ, кто думаютъ, что мое прошлое меня стѣсняетъ, странно ошибаются, потому что то, что я хотѣлъ раньше, я хочу и теперь и развѣ только средства измѣнились. Мой умъ помѣщался какъ бы въ стеклянномъ черепѣ, я его отдалъ всѣмъ и не боюсь того, что всѣ будутъ читать въ немъ». Но въ заключеніе Золя высказываетъ главную причину, почему онъ даже радуется опубликованію изслѣдованія Тулуза. Вѣдь въ теченіе цѣлыхъ тридцати лѣтъ легенда изображаетъ его, Золя, какимъ-то скотомъ, толстокожимъ болваномъ, обладающимъ грубыми чувствами и работающимъ только единственно ради прибыли и съ большимъ трудомъ. «Это я-то, презирающій деньги и всегда стремившійся къ идеалу своей юности!» восклицаетъ Золя. Теперь, разумѣется, послѣ опубликованія наблюденія Тулуза легенда будетъ разрушена навсегда. Кто же теперь станетъ сравнивать съ воломъ Золя послѣ того, какъ сдѣлалось извѣстно, что онъ обладаетъ чувствительною нервною системой и нуждается въ особенныхъ условіяхъ для того, чтобы работать?

Тулузъ раздѣляетъ свой очеркъ на нѣсколько главъ, изслѣдуя по очереди наслѣдственность, прошлое Золя, его физическіе и психологическіе признаки. Большинство свѣдѣній, сообщаемыхъ Тулузомъ и касающихся настоящаго и прошлого Золя, не новы. Золя не разъ дѣлалъ эти признанія въ своихъ рѣчахъ, письмахъ, въ своихъ произведеніяхъ и частныхъ бесѣдахъ.

Очень занятый собственною особой, Золя никогда не скупился на такія признанія и охотно бесѣдовалъ съ каждымъ репортеромъ, желавшимъ получить свѣдѣнія о его вкусахъ, привычкахъ, наклонностяхъ, способахъ работы и т. п. Но, конечно, эти свѣдѣнія, классифицированныя опытною рукою врача психолога, получаютъ уже совсѣмъ другое значеніе. Физическому изслѣдованію Тулузъ предпосылаетъ общее антропологическое изслѣдованіе, останавливаясь на деталяхъ и разбирая ихъ. Тулузъ подробно изслѣдуетъ кровеносную, дыхательную системы и пищеварительный аппаратъ, а также двигательную и нервную системы. Переходя къ психологическому изслѣдованію, Тулузъ подвергаетъ Золя очень тщательному изученію со стороны его чувственныхъ воспріятій, ощущеній, изслѣдуетъ его способность ассимиляціи, наблюдательность, вниманіе, идеацію, эмотивность, волю и характеръ, способность подчиняться внушенію и т. п. Мы узнаемъ такимъ образомъ, что Золя обладаетъ хорошо развитымъ слухомъ, но только не въ отношеніи музыки, что тактильныя ощущенія у него очень тонко развиты, обоняніе выше средняго въ количественномъ отношеніи, но не въ качественномъ; затѣмъ у него хорошо развита память мѣстности, способность судить о времени, хорошо развита мускулатура, хотя вслѣдствіе недостаточнаго упражненія Золя легко устаетъ.

Рѣчь его—это рѣчь человѣка, обладающаго слуховою памятью, такъ какъ онъ преимущественно прибѣгаетъ къ слуховымъ образамъ. Какъ ораторъ Золя не очень искусенъ, ему мѣшаетъ робость, которая парализуетъ его, а также слабо развитая конструктивная память. Но за то Золя обладаетъ въ высшей степени способностью обдумывать свои произведенія въ непосредственной формѣ письма.

Мы узнаемъ также, что пассивная память Золя очень слаба и это выражается въ особенности тѣмъ, что онъ не въ состояніи вспомнить имя писателя на основаніи прочитанной или слышанной имъ цитаты изъ его произведеній. Онъ даже не узнаетъ такимъ образомъ своихъ собственныхъ произведеній, а именно стиховъ и критическихъ статей. Но волевая память у него превосходно организована и дѣйствуетъ какъ метрономъ; Золя даже забываетъ факты, въ которыхъ онъ не имѣетъ болѣе нужды. Все, что не интересуетъ его, трудно усвоивается его умомъ. Однако онъ можетъ заставить себя вспомнить, когда нужно, даже очень давніе факты, такъ что, слѣдовательно, память у него повинуется усилію воли, Золя лучше припоминаетъ запахи, чѣмъ цвѣта, и въ его представленіи каждый предметъ имѣетъ свой собственный запахъ. Осень, напримѣръ, характеризуется у него запахомъ грибовъ и мокрыхъ листьевъ.

Золя не можетъ долго сосредоточивать свое вниманіе на одномъ предметѣ; онъ можетъ работать хорошо не болѣе трехъ часовъ. Но несмотря на кратковременность его вниманія, оно достигаетъ всегда очень высокой степени напряженія, такъ что когда онъ работаетъ, то весь внѣшній міръ для него исчезаетъ. Онъ не замѣчаетъ въ это время ничего, но бываютъ дни все-таки, когда онъ не можетъ такъ изолироваться и тогда внѣшнія впечатлѣнія дѣйствуютъ на него очень сильно и раздражаютъ его. Безсознательное вниманіе мало развито у Золя, также какъ и безсознательная память. Если онъ не желаетъ непремѣнно видѣть или замѣчать что-нибудь, то не видитъ и не замѣчаетъ.

У Золя замѣчается также склонность къ болѣзненнымъ идеямъ. Больше всего онъ подверженъ идеѣ сомнѣнія и постоянно боится, что онъ не кончитъ своей задачи, не кончитъ книги или фразы, когда начинаетъ говорить публично. Онъ никогда не перечитываетъ своихъ романовъ, потому что боится, что сдѣлаетъ въ нихъ непріятныя открытія. Съ этой точки зрѣнія онъ себѣ совершенно не довѣряетъ. Затѣмъ у него замѣчается ариѳмоманія или потребность считать. Золя полагаетъ, что это есть выраженіе его инстинктовъ порядка. На улицѣ онъ считаетъ всегда газовые рожки, нумера на дверяхъ и въ особенности нумера фіакровъ. Дома онъ считаетъ ступени лѣстницы, вещи, стоящія на письменномъ столѣ, и прежде, чѣмъ лечь, онъ прикасается извѣстное число разъ къ извѣстнымъ вещамъ, запираетъ нѣсколько разъ кряду дверь и т. д. Нѣкоторыя числа онъ считаетъ почему-либо несчастливыми для себя и тщательно избѣгаетъ ихъ. Кромѣ того, онъ невольно подчиняется стремленію совершить тотъ или иной поступокъ, хотя и сознаетъ его нелѣпость, но ему кажется что если онъ не совершитъ этого, то его постигнетъ неудача.

На основаніи данныхъ своего разслѣдованія Тулузъ приходитъ къ заключенію, что Золя долженъ быть причисленъ къ невропатамъ вслѣдствіе болѣзненной чувствительности своей нервной системы. Что же касается «единственнаго вырожденія» (digénérescence mentale), то если у Золя и существуютъ нѣкоторые психическіе изъяны, во всякомъ случаѣ, они выражены весьма слабо и Тулузъ рѣшился бы причислить Золя развѣ только къ категоріи «высшихъ дегенератовъ» (dégénérés supérieurs) Маньяна. Эти изъяны настолько незначительны, что они не оказываютъ никакого вліянія на умственныя способности Золя и не нарушаютъ психическаго равновѣсія.

Издательница **А. Давыдова**. Редакторъ **Викторъ Острогорскій**.

дованія поколѣній и обыкновенными процессами полового размноженія. По мнѣнію знаменитаго декана парижскаго факультета наукъ, явленія, наблюдаемыя при развитіи сальпъ и медузъ далеко не составляютъ исключенія, а скорѣе, наоборотъ, имѣютъ характеръ общаго правила. Всякое животное въ началѣ представляетъ простой пузырекъ, который можно назвать *протобластомъ*. Протобластъ чаще всего содержится въ яйцѣ; это зародышевый пузырекъ; вообще въ яйцѣ онъ и оканчиваетъ свое существованіе, но можетъ также вести самостоятельную жизнь; такой случай представляетъ зародышъ двуустокъ. Раньше смерти или исчезновенія, протобластъ производитъ путемъ почкованія новый, болѣе сложный организмъ; таковы, напримѣръ, медуза въ колоніи полиповъ, одиночная сальпа у оболочниковыхъ, бластодерма у позвоночныхъ; этотъ промежуточный организмъ существуетъ только временно, обыкновенно онъ исчезаетъ, какъ протобластъ, и какъ протобластъ производитъ раньше своей смерти животное въ его окончательной формѣ, которому предназначено продолжать видъ путемъ полового размноженія. Протобласты въ ихъ простой формѣ могутъ размножаться и производить, слѣдовательно, одинъ или нѣсколько промежуточныхъ организмовъ, а эти послѣдніе могутъ произвести нѣсколько окончательныхъ или только одного, съ которымъ они иногда сливаются. Въ большей или меньшей способности къ воспроизведенію, способности, которую проявляютъ слѣдующіе другъ за другомъ члены этого ряда, и заключаются различія, наблюдаемыя въ развитіи животныхъ. Итакъ, нѣтъ ничего удивительнаго въ такомъ явленіи, которое можно считать общимъ. Сравнивая между собою различныя, изложенныя нами теоріи, которыя имѣли цѣлью объясненіе однихъ и тѣхъ же явленій, мы къ своему удивленію видимъ, насколько разнообразны были тенденціи ихъ авторовъ. По воззрѣніямъ физиковъ, исходной точкой всякой теоріи служитъ простое явленіе, для котораго установлены условія, опредѣляющія это явленіе, и законы, имъ управляющіе, и различныя измѣненія котораго въ самыхъ сложныхъ условіяхъ были прослѣжены; по этому пункту всѣ физики согласны между собою, и мы можемъ прибавить, что относительно цѣли, преслѣдуемой каждой теоріей, физики согласны съ химиками и астрономами. Однимъ словомъ, для всѣхъ ученыхъ, занимающихся физическими науками, объяснить сложное явленіе, значитъ показать, какъ оно относится къ другому, очень простому явленію, извѣстному во всѣхъ деталяхъ, если взять это сложное явленіе внѣ постороннихъ условій, вызывающихъ его измѣненіе. Всѣ астрономическія явленія сводятся такимъ образомъ къ простому притяженію тѣлъ и вся астрономія

представляетъ только развитіе слѣдующаго закона: *Тѣламъ свойственно взаимное притяженіе, прямо пропорціональное массѣ и обратно пропорціональное квадрату разстоянія.* Всѣ явленія акустики и оптики сводятся къ качанію маятника; теоретическая оптика и акустика являются только развитіемъ законовъ колебательнаго движенія. Различныя превращенія теплоты сводятся къ простому явленію нагрѣванія тѣла, быстро остановленнаго въ движеніи, и механическая теорія теплоты есть развитіе закона эквивалентности между количествомъ потраченнаго движенія и количествомъ полученной теплоты. Всѣ электродинамическія явленія сводятся къ притяженію одного тока къ другому, а электродинамика есть развитіе закона, настолько же простого, какъ и предъидущіе. Итакъ, повторяемъ еще разъ, во всѣхъ отрасляхъ физическихъ наукъ ученые безусловно сходятся между собою относительно значенія слова: *объяснить.* Для каждой категоріи явленій они подходятъ все ближе и ближе къ простому явленію, законы котораго они опредѣляютъ путемъ опыта и относительно котораго изслѣдуютъ, какъ измѣнится это явленіе во всякихъ условіяхъ, которыя можно себѣ представить. Въ этомъ состоитъ методъ экспериментальныхъ наукъ, и величайшая заслуга такихъ ученыхъ, какъ Биша и Клодъ Бернаръ, состоитъ именно въ томъ, что они указали возможность строгаго приложенія этого метода къ физіологіи, при условіи обращенія къ основнымъ свойствамъ анатомическихъ элементовъ.

Натуралисты, наоборотъ, имѣютъ, какъ кажется, самыя разнообразныя представленія о томъ, что они называютъ объясненіемъ; создавая какую-либо теорію, они преслѣдуютъ, какъ кажется, самыя разнообразныя цѣли. Стеенструпъ въ своей теоріи чередованія поколѣній, Катрфажъ въ части своей теоріи генеагенезиса, стараются прежде всего опредѣлить конецъ описываемыхъ ими явленій, и въ этомъ отношеніи они являются учениками Кювье, который допускалъ въ естественной исторіи объясненія, только вытекающія изъ принципа конечныхъ причинъ. Лейкартъ, излагая свою теорію полиморфизма, Ванъ-Бенеденъ, развивая идеи относительно дигенезиса, констатируютъ просто, что явленія, которыя считались исключительными, встрѣчаются въ гораздо большемъ числѣ органическихъ группъ, чѣмъ это думали; они связываютъ эти явленія съ другими, болѣе простыми и болѣе общими, но ограниченными извѣстной частью животнаго царства и остающимися таинственными. Ричардъ Оуэнъ ограничивается придумываніемъ гипотезы, которая могла бы связать двѣ категоріи явленій, считающихся разнородными. Катрфажъ въ другой части своей тео-

ріи и Мильнъ-Эдвардсъ доказываютъ, что совокупность явленій, приписываемыхъ только нѣкоторымъ организмамъ, встрѣчается въ измѣненномъ видѣ во всемъ животномъ царствѣ; но они берутъ образцомъ для сравненія явленія, наблюдаемыя у высшихъ позвоночныхъ, и сводятъ къ нимъ тѣ, которыя замѣчаются у низшихъ организмовъ. Сложныя явленія полового размноженія, еще болѣе сложныя явленія эмбріональнаго развитія высшихъ животныхъ служатъ имъ исходной точкой, и съ ними они хотятъ сравнивать явленія, наблюдаемыя у низшихъ животныхъ. Путь, которымъ идутъ два знаменитые французскіе ученые, совершенно обратный тому, которому слѣдуютъ физики. Это разногласіе, является неизбѣжнымъ слѣдствіемъ того факта, что человѣкъ, научаясь познавать существа болѣе или менѣе сходныя съ нимъ самимъ, беретъ самого себя за образецъ совершеннѣйшаго организованнаго существа. Онъ ищетъ у животныхъ органовъ, функцій, актовъ, аналогичныхъ своимъ, и, полагая, что знаетъ самого себя, приписывая, кромѣ того себѣ божественное происхожденіе, онъ начинаетъ смотрѣть на аналогіи, замѣчаемыя между нимъ самимъ и существами, которыя онъ дѣлалъ предметомъ своихъ изслѣдованій, не какъ на аналогіи, а какъ на объясненія. Въ гипотезѣ постоянства видовъ такая постановка вопроса была, впрочемъ, быть можетъ, самой раціональной.

Въ гипотезѣ эволюціонной, вопросъ поставленъ обратно, и методъ объясненія уже приближается къ научно-экспериментальному. Человѣкъ не является болѣе образцомъ, по которому все было построено, къ которому все должно сводиться, а наоборотъ, существомъ, которое нужно объяснить, послѣднимъ членомъ сложнѣйшей загадки, рѣшеніе которой должна дать теорія. Объясненія отнынѣ не могутъ быть простыми сравненіями, простыми обобщеніями; они должны установить между различными явленіями отношенія причины къ слѣдствію. Во всемъ, что спеціально касается явленій, подразумѣваемыхъ подъ названіями чередованія поколѣній, дигенезиса, генеагенезиса, партеногенезиса, можно сказать, что ихъ истинное объясненіе кроется въ воспроизводительныхъ свойствахъ простѣйшихъ существъ; разъ будетъ найдено объясненіе перечисленныхъ явленій, возникнетъ вопросъ, въ какой мѣрѣ они могутъ, въ свою очередь, служить къ объясненію явленій, наблюдаемыхъ у высшихъ животныхъ и человѣка.

Но выполнить эту программу было возможно только при томъ условіи, чтобы живое существо предварительно было разложено на элементы, чтобы были опредѣлены признаки и свойства простѣйшихъ живыхъ существъ. Эта предварительная задача подви-

*

нулась къ рѣшенію, безъ сомнѣнія, благодаря клѣточной теоріи, съ которой мы теперь познакомимъ читателя.

Глава XIX.

Эмбріологія.

Эпигенезисъ и эмбріологія.—Гарвей: вліяніе клѣточной теоріи.—Яйцо, разсматриваемое, какъ клѣточка.—Теорія бластодермическихъ листковъ.—Чрезмѣрное обобщеніе результатовъ, полученныхъ отъ изученія позвоночныхъ.—Эмбріологія съ точки зрѣнія гистогенезиса и органогенезиса.—Серръ и высшая анатомія; эмбріологія, разсматриваемая, какъ переходная сравнительная анатомія; аргументація въ пользу этой теоріи.—Эмбріологическая классификація, причины ея недостаточности.—Эмбріологія организма есть его сокращенная генеалогія.—Ускореніе эмбріологическихъ явленій и происходящія отсюда пертурбаціи. — Связь, существующая въ дѣйствительности между эмбріологіей, общей морфологіей и палеонтологіей.

Начало эмбріологіи, очевидно, можно отнести только къ тому времени, когда была окончательно опровергнута гипотеза, что живущее существо цѣликомъ заключается въ зародышѣ, что всѣ его превращенія состоятъ въ ростѣ его частей и въ томъ, что органы сначала невидимые, хотя все же существующіе въ дѣйствительности, дѣлаются, мало-по-малу, замѣтными. Гипотеза, связанная со славными именами Сваммердама, Малебранша, Лейбница, Галпера, Бонне и самого Кювье, какъ бы несостоятельна она ни была, держалась долго, не смотря на всѣ старанія опровергнуть ее. До первой половины этого столѣтія ея сторонники боролись противъ очевидности, а между тѣмъ уже въ 1652 году Гарвей, утверждая, что всякое живое существо происходитъ отъ яйца, поставилъ вопросы эмбріологіи на правильную почву. Это, говоря по справедливости, умозрительный выводъ генія, именно, только умозрительный; афоризмъ: «*Omne vivum ex ovo*», пріобрѣлъ значеніе только тогда, когда предварительно было установлено, что такое яйцо, и когда было найдено яйцо у всѣхъ живыхъ существъ. Ренье Граафъ, умершій въ 1673 г., первый нашелъ яйцо млекопитающихъ въ маточныхъ трубахъ и открылъ часть яичника, гдѣ оно образуется. Впрочемъ, онъ тогда не призналъ его за яйцо и только полтораста лѣтъ спустя фонъ-Бэръ установилъ, что яйцо млекопитающихъ зарождается именно въ граафовыхъ пузырькахъ, а сравненіе частей его съ частями птичьяго яйца было сдѣлано только въ 1834 году Костомъ. Открытіе сперматозоидовъ, которымъ мы обязаны де-Гамму и Левенгуку, сначала только дало пищу спорамъ овулистовъ и анимальнулистовъ, изъ которыхъ одни утверждали, что зародышъ помѣщается въ яйцѣ,

а другіе—что онъ находится въ сѣмянныхъ животныхъ. Современники Превоста и Дюма окончательно установили, что проникновеніе сперматозоидовъ въ яйцо, вообще, является необходимымъ для развитія этого послѣдняго и составляетъ собственно оплодотвореніе. Изъ наблюденій Катрфажа надъ яйцами червей изъ рода Hermella, и изъ постоянно повторяющагося явленія развитія неоплодотворенныхъ яицъ у пчелъ и другихъ перепончатокрылыхъ, а также изъ нѣкоторыхъ другихъ аналогичныхъ фактовъ вытекаетъ, что оплодотвореніе не представляетъ необходимаго условія для начала воспроизводительной дѣятельности яйца. Уже Сваммердаммъ замѣтилъ, что вещество оплодотвореннаго яйца дѣлится на нѣсколько отдѣльныхъ частей. Превостъ и Дюма установили, что эта *сегментація желтка* представляетъ первое явленіе эмбріональнаго развитія. Вскорѣ явленіе это было признано почти безусловно общимъ, но значеніе его выяснилось только съ возникновеніемъ клѣточной теоріи. Въ самомъ дѣлѣ, анатомы уже предвидѣли, что яйцо есть ничто иное, какъ клѣтка, первый гистологическій элементъ зародыша, прародитель всѣхъ остальныхъ. Келликеръ тотчасъ же сдѣлалъ выводъ, что сегментація есть только форма клѣточнаго дѣленія, и вмѣстѣ съ Бишофомъ, Рейхертомъ и Вирховомъ, настаивалъ на томъ, что всѣ клѣточки зародыша, всѣ клѣточки взрослаго животнаго происходятъ отъ одной яйцевой клѣтки путемъ непрерывнаго ряда послѣдовательныхъ дѣленій, находящихся другъ съ другомъ въ генетической связи. Къ афоризму Гарвея, «*Omne vivum ex ovo*» присоединяется теперь афоризмъ Вирхова «*Omnis cellula e cellula*». По существу второе изъ этихъ положеній обнимаетъ первое. Если простѣйшія живыя существа можно считать состоящими изъ одного гистологическаго элемента, одной пластиды и обратно, если пластиды, составляющія ассоціацію для образованія организма, можно разсматривать, какъ настоящія живыя существа, имѣющія независимое существованіе, то афоризмы Гарвея и Вирхова можно понимать въ томъ смыслѣ, что нѣтъ произвольнаго зарожденія ни внутри живыхъ организмовъ, ни внѣ ихъ. Здѣсь только надо согласиться относительно значенія словъ, и тогда будетъ ясно, что положеніе это не исключаетъ возможности превращенія въ совершенно опредѣленныя клѣточки аморфныхъ протоплазматическихъ массъ, какъ это было замѣчено на тканяхъ въ періодъ ихъ образованія. Это мнѣніе раздѣляли знаменитые гистологи, какъ, напримѣръ, К. Робинъ.

Знать, какъ происходятъ изъ яйца всѣ элементы, способствующіе образованію тѣла человѣка, или животнаго, опредѣлить

всѣ ступени, которыя проходитъ зародышъ раньше, чѣмъ достигнетъ окончательнаго состоянія организма, вотъ въ чемъ состоитъ отнынѣ основная задача эмбріологіи, задача, осложняющаяся другой—опредѣленіемъ причинъ существованія этихъ послѣдовательныхъ, часто такъ рѣзко отличающихся другъ отъ друга формъ, которыя зародышъ принимаетъ временно для того, чтобы принять окончательную форму, составляющую предѣлъ его развитія.

Много раньше, чѣмъ стали понятными значеніе яйца и первыя фазы его развитія, эмбріологическія явленія уже разсматривались съ двухъ различныхъ точекъ зрѣнія. Въ то время, какъ одни эмбріологи особенно старались объяснить способъ образованія тканей и органовъ, другіе занимались разсмотрѣніемъ общихъ отношеній, которыя могутъ существовать между послѣдовательными формами зародышей и взрослыхъ животныхъ. Въ настоящее время сдѣлалось возможнымъ привести въ связь результаты работъ въ указанныхъ двухъ направленіяхъ, но, тѣмъ не менѣе, каждая изъ этихъ школъ оставила особый слѣдъ въ наукѣ. И теперь даже не трудно распознать вліяніе той или другой школы на характеръ изслѣдованій нашихъ современниковъ. Человѣкъ, нѣкоторыя млекопитающія, цыпленокъ, служили исходной точкой для эмбріологовъ, занимавшихся изслѣдованіемъ способа образованія тканей и органовъ. Эмбріологія, какъ и другія отрасли исторіи животныхъ, вступила съ самаго начала на этотъ по существу не научный путь, когда берутъ за типъ сложнѣйшія явленія и стараются свести къ нимъ простѣйшія, вмѣсто того, чтобы восходить, какъ въ экспериментальныхъ наукахъ, отъ простого къ сложному.

Гаспаръ-Фридрихъ-Вольфъ (1733—1794) видѣлъ, что у цыпленка кишечная трубка сначала появляется въ формѣ плоскаго листка, который мало-по-малу свертывается, и края котораго наконецъ срастаются. Онъ предположилъ, что и другія системы имѣютъ аналогичное происхожденіе, а Пандеръ въ 1817 г. нашелъ, что число наложенныхъ другъ на друга листковъ, изъ которыхъ происходятъ всѣ органы, равно тремъ. Эти три *зародышевые листка*, о которыхъ теперь безпрестанно идетъ рѣчь въ эмбріологическихъ изслѣдованіяхъ, по Пандеру—*слизистый листокъ*, *серозный* и *сосудистый*. Подъ очевиднымъ вліяніемъ теоретическихъ идей, аналогичныхъ идеямъ Биша, фонъ-Бэръ увеличилъ число зародышевыхъ листковъ до четырехъ и раздѣлилъ ихъ на двѣ группы: *животную*, состоящую изъ листковъ *кожнаго* и *мускульнаго*, и *растительную*, заключающую сосудистый и слизистый листки. Со времени изслѣдованій Рейхерта и Ремака, со-

гласились признать три *бластодермическихъ* листка: 1) эктодерма, или внѣшній листокъ, который производитъ эпидермисъ, нервную систему и всѣ ихъ производныя и который, слѣдовательно, можно назвать *чувствительнымъ листкомъ*; 2) мезодерма или средній листокъ, производящій мускулы и сосуды, который обозначаютъ также подъ именемъ двигательно-растительнаго листка, и, наконецъ, 3) *энтодерма* или внутренній листокъ, который, производя эпителій пищеварительнаго канала и относящихся къ нему железъ, заслуживаетъ названіе *кишечно-железистаго листка.*

Когда всѣ эмбріологическія явленія были сведены къ исторіи превращеній трехъ отдѣльныхъ листковъ, то стало значительно легче сравнивать эти явленія у различныхъ организмовъ. Въ силу этого наблюдатели употребляли всѣ старанія къ тому, чтобы найти эти листки у зародышей всѣхъ животныхъ, чтобы опредѣлить способы ихъ образованія и ихъ различныя превращенія, распространяя такимъ образомъ на все животное царство результаты, добытые изученіемъ однихъ позвоночныхъ. Сдѣлать такое обобщеніе можно было, только значительно измѣнивъ первоначальное значеніе словъ. Зародыши большинства низшихъ животныхъ состоятъ совсѣмъ не изъ трехъ плоскихъ, наложенныхъ другъ на друга, листковъ, а изъ двухъ мѣшковъ, заключающихся одинъ въ другомъ, имѣющихъ общее отверстіе,—мѣшковъ, между стѣнками которыхъ различными способами образуются новыя ткани, получившія названіе *мезодермы*, хотя и эти два мѣшка не всегда существуютъ. Личинки губокъ, большинства кишечнополостныхъ только на позднихъ ступеняхъ развитія имѣютъ части, которыя можно сравнить съ экзодермой и эндодермой, такъ что ни одна общая эмбріологическая теорія не можетъ имѣть исходной точкой три бластодермическихъ листка позвоночныхъ. Поэтому, задача эмбріологіи состоитъ не въ томъ, чтобы найти болѣе или менѣе точную аналогію этихъ листковъ во всемъ животномъ царствѣ, а въ томъ, чтобы объяснить, почему зародышъ позвоночныхъ въ началѣ состоитъ изъ трехъ плоскихъ листковъ. Теорія листковъ могла быть полезной съ точки зрѣнія органогенезиса и гистогенезиса (возникновенія органовъ и тканей), она дала возможность координировать извѣстное число фактовъ, но очевидно, что для философіи зоологіи не имѣла значенія теорія, которая съ самаго начала разсматривала, какъ рѣшенный, вопросъ, подлежащій еще разрѣшенію.

Иные горизонты открываются эмбріологамъ, которые становятся на точку зрѣнія общей морфологіи и изслѣдуютъ вопросъ о томъ, какія отношенія могутъ существовать между эмбріональными формами и формами взрослыхъ животныхъ одной и той же группы.

Очевидное сходство, которое представляютъ головастики лягушекъ и другихъ батрахій съ рыбами, внушило Кильмейеру мысль, что высшія животныя раньше, чѣмъ достигнутъ взрослаго состоянія, проходятъ формы, постоянныя для низшихъ животныхъ той же группы. Мы находили эту же идею въ трудахъ Аутенрита и натурфилософовъ и въ особенности въ трудахъ Жоффруа Сентъ-Илера, который очень удачно прилагаетъ ее къ опредѣленію аналогичныхъ частей въ различныхъ классахъ позвоночныхъ; но Серръ, одинъ изъ учениковъ Жоффруа, бывшій, какъ этотъ послѣдній, профессоромъ въ естественно-историческомъ музеѣ, является неоспоримо ученымъ, наиболѣе потрудившимся надъ выясненіемъ тѣсной связи между эмбріологіей, сравнительной анатоміей и даже внѣшней морфологіей животныхъ *).

По примѣру натурфилософовъ, съ которыми онъ часто очень сходится во взглядахъ, Серръ считаетъ очевиднымъ принципъ, по которому «составъ человѣческаго тѣла представляетъ въ дѣйствительности маленькій мірокъ» **), въ которомъ должна отражаться вся исторія животнаго царства. Эта гипотеза, могущая повидимому, быть заключительнымъ выводомъ философіи Серра, на самомъ дѣлѣ, послужила ея исходной точкой. Вокругъ такого апріорнаго допущенія онъ пытается группировать факты, такъ что ученіе, которое построено имъ на этихъ основахъ, на первый взглядъ производитъ нѣкоторое впечатлѣніе. Человѣкъ резюмируетъ въ себѣ животное царство, его органы, его аппараты въ теченіе развитія послѣдовательно проходятъ окончательныя формы, въ которыхъ являются тѣ же органы, тѣ же аппараты въ родахъ, семействахъ и классахъ, составляющихъ лѣстницу животнаго царства. Исторія эмбріональнаго развитія органовъ человѣка такимъ образомъ представляетъ въ миніатюрѣ исторію развитія органовъ у животныхъ вообще. «Рядъ животныхъ ничто оное, какъ цѣпь зародышей, чѣмъ либо рѣзко выдающихся—цѣпь, оканчивающаяся человѣкомъ» ***). Одаренныя большимъ или меньшимъ количествомъ жизни, низшія животныя останавливаются въ болѣе или менѣе ранній періодъ на томъ пути, который быстро проходитъ человѣческій зародышъ. Остановка съ одной стороны, прогрессивный ходъ—съ другой,—вотъ вся тайна развитія, вотъ основная разница, которую можетъ уловить человѣческій умъ, между рвзвитіемъ органовъ человѣка съ одной стороны и сравнительной анатоміей съ дру-

*) См. «Précis d'anatomie transcendante appliquée à la phisiologie» 1842 г.
**) Serres. «Précis de l'anatomie transcendante», t. I, p. 95.
***) Ibid., p. 91.

гой, и можно сказать, что *«развитіе органовъ человѣка есть переходная сравнительная анатомія, какъ, въ свою очередь, сравнительная анатомія представляетъ постоянное, прочное состояніе въ исторіи развитія органовъ человѣка»*.

Въ своемъ академическомъ спорѣ съ Кювье Э. Жоффруа Сентъ-Илеръ въ видѣ намека выразилъ, что единство плана строенія въ животномъ царствѣ можетъ быть сведено къ единству плана развитія. Это послѣднее единство, по мнѣнію Серра—законъ природы, такъ что «все животное царство является какъ бы однимъ животнымъ, экземпляры котораго, формируясь раньше или позже, останавливаются въ своемъ развитіи для того, чтобы получились тѣ или другіе организмы. Каждая изъ этихъ остановокъ отмѣчаетъ отличительные, органическіе признаки классовъ, семействъ, родовъ и видовъ тѣмъ своимъ состояніемъ, въ которомъ находится въ ту минуту развивающееся животное». Исторія низшихъ животныхъ, исторія уродствъ и ископаемыхъ животныхъ такимъ образомъ тѣсно связана съ исторіей развитія органовъ и вполнѣ понятно, что, обобщая столь разнообразныя явленія, Серръ нѣсколько преувеличилъ значеніе грандіозной науки, которую онъ назвалъ именемъ *трансцендентной анатоміи*. Между тѣмъ, точка зрѣнія остроумнаго профессора сравнительной анатоміи въ музеѣ недостаточно возвышенна. Его постоянное стараніе отыскать всюду человѣка мѣшаетъ ему понять все разнообразіе животнаго царства и узнать истинныя отношенія, соединяющія между собою живущія формы. Было бы очень ошибочно предполагать, что все происходитъ въ природѣ такъ просто, какъ думалъ Серръ. Если человѣкъ по своимъ мыслительнымъ способностямъ стоитъ на неизмѣримой высотѣ, сравнительно съ другими представителями животнаго царства, если его мозгъ можетъ быть разсматриваемъ съ точки зрѣнія исторіи нервной системы, какъ показатель высшаго предѣла органическаго развитія, то этого далеко нельзя сказать относительно всѣхъ органовъ. Органы пищеваренія, напримѣръ, у человѣка менѣе совершенны, чѣмъ у жвачныхъ; органы дыханія и кровеобращенія менѣе сложны, чѣмъ аналогичные органы птицъ, а его другіе органы питанія не представляютъ ничего такого, что могло бы ихъ поставить неоспоримо выше органовъ многихъ другихъ животныхъ. Его органы чувствъ менѣе тонки, чѣмъ у многихъ плотоядныхъ, а его рука, въ честь которой написано было столько дифирамбовъ, гораздо менѣе уклоняется отъ примитивной формы конечностей, всегда снабженныхъ пятью пальцами, чѣмъ нога антилопы или лошади. Нѣтъ, слѣдовательно, причинъ думать, чтобы эмбріологія человѣка резюмировала эмбріо-

логію всего животнаго царства, чтобы она сама по себѣ была полной сравнительной анатоміей. Ни въ одной фазѣ развитія человѣческій зародышъ не является настоящей рыбой и въ позднѣйшихъ фазахъ онъ, равнымъ образомъ, не представляетъ настоящей рептиліи или птицы. Вотъ что ставили въ упрекъ всѣ эмбріологи теоріи Серра и что дискредитировало его трансцендентную анатомію.

А между тѣмъ, большая часть фактовъ, на которые она опирается, стоятъ внѣ всякаго сомнѣнія. Дѣйствительно, кровеобращеніе зародыша млекопитающихъ въ извѣстный моментъ напоминаетъ кровеобращеніе рептилій; устройство черепа ихъ зародыша сначала имѣетъ нѣкоторую аналогію съ устройствомъ черепа рыбъ; лицевыя кости его представляютъ сначала дуги, сходныя съ жаберными дугами рыбъ; первыя фазы развитія головы и тѣла одинаковы у всѣхъ позвоночныхъ. Съ другой стороны очень молодыя батрахіи, по всей ихъ организаціи, какъ бы настоящія рыбы; зародыши птицъ имѣютъ больше аналогіи съ рептиліями, чѣмъ съ взрослыми птицами, и, если сравнить въ зародышѣ позвоночныхъ и членистыхъ положеніе главныхъ системъ органовъ относительно желтка, то невольно поражаетъ полная идентичность этого положенія у тѣхъ и другихъ зародышей, въ то время какъ у взрослыхъ наблюдается полная противоположность въ указанномъ отношеніи.

Къ этимъ фактамъ, извѣстнымъ болѣе или менѣе давно, каждый день присоединяются новые, и эмбріологія безпрестанно готовитъ новые сюрпризы зоологамъ. Не говоря уже о такихъ удивительныхъ явленіяхъ, какъ чередованіе поколѣній, важность которыхъ мы уже указали, открыли еще, что большинство акалефъ Кювье начинаютъ жизнь въ формѣ полиповъ; отнынѣ эти два класса животныхъ соединены въ одинъ; полиповъ, какъ кажется, можно считать за акалефъ, остановившихся въ своемъ развитіи. Іоганнъ Мюллеръ изучаетъ странныя превращенія иглокожихъ, и въ одно время казалось, что съ нѣкоторымъ правомъ можно сравнивать съ акалефами прозрачныхъ личинокъ этихъ лучистыхъ. Въ одинъ моментъ Томсонъ полагалъ, что открылъ маленькую вымершую морскую лилію изъ рода Encrinus, живущую на нашихъ берегахъ; вскорѣ онъ констатировалъ, что эта Encrinus только личинка современнаго рода Comatula, слѣдовательно, Comatula въ молодомъ возрастѣ воспроизводитъ низшую форму особой группы, всѣ представители которой встрѣчаются въ ископаемомъ состояніи. Итакъ, современныя животныя въ молодомъ возрастѣ могутъ воспроизводить собой уже исчезнувшія формы. И вотъ,

связь между палеонтологіей и эмбріологіей, отмѣченная Серромъ становится возможной!

Въ сущности говоря, метаморфозы сосальщиковъ и ленточныхъ червей не имѣли того значенія, которое имъ приписывали, но съ перваго взгляда легко могло показаться, что они могутъ установить связь между паразитными червями и инфузоріями, и Луи Агассизъ предлагаетъ даже совершенно вычеркнуть этотъ послѣдній классъ микроскопическихъ существъ, представляющихъ, по его мнѣнію, личинокъ высшихъ животныхъ. Развитіе кольчатыхъ червей внушаетъ Мильнъ-Эдвардсу и Катрфажу прекрасныя идеи, уже изложенныя нами. Томсонъ, Нордманъ и другіе наблюдатели указываютъ намъ, что всѣ низшія ракообразныя имѣютъ общую личиночную форму—наупліусъ, которую сначала принимали за самостоятельный организмъ, за особый родъ ракообразныхъ. Многіе изъ десятиногихъ ракообразныхъ сначала являются настоящими Schizopoda (расщепоногими), а крабы раньше, чѣмъ сдѣлаться короткохвостыми, долгое время сохраняютъ нормальное для высшихъ раковъ брюшко. Томсонъ открылъ еще болѣе замѣчательный фактъ, что науплiусъ является также личиночной формой и усоногихъ, которыя такимъ образомъ совершенно исключаются изъ отдѣла моллюсковъ и должны быть причислены къ суставчатоногимъ. Спенсъ Бэтъ доказываетъ, что усоногія, пройдя форму науплiуса, становятся вполнѣ сходными съ другими ракообразными, изъ рода Cypris, которыхъ отнынѣ можно разсматривать, какъ усоногихъ, остановившихся въ своемъ развитіи. Многочисленныя и вполнѣ согласующіяся между собой наблюденія устанавливаютъ, что, съ одной стороны, всѣ брюхоногія моллюски, а съ другой—всѣ пластинчатожаберныя имѣютъ одну общую личиночную форму, и что эти двѣ группы моллюсокъ легко могутъ быть сведены одна къ другой. Голыя брюхоногія сначала не отличаются отъ прочихъ и ихъ личинка обладаетъ раковиной и крышкой, какъ личинки обыкновенныхъ брюхоногихъ; изученіе развитія моллюска, называемаго «древоточецъ», показало Катрфажу, что это пластинчатожаберное, такое странное въ взросломъ состояніи, сначала облечено въ ту же личиночную форму, какъ другія пластинчатожаберныя, и, какъ эти послѣднія, получаетъ впослѣдствіи двустворчатую раковину, куда оно можетъ цѣликомъ прятаться. Превосходныя изслѣдованія Лаказъ-Дютье относительно моллюска изъ рода Dentalium обнаружили поразительную особенность этого моллюска, промежуточнаго между брюхоногими и пластинчатожаберными, личинка котораго сначала представляетъ почти личинку червя и впослѣдствіи становится идентичною съ личинкой обыкновенныхъ пластинчатожаберныхъ. Личинка моллюска изъ рода

Chiton, которую наблюдалъ Ловенъ, по наружному виду также вполнѣ походитъ на личинку червя. Итакъ, моллюски, сравниваемые Серромъ съ зародышами позвоночныхъ, которымъ никогда не суждено освободиться отъ зародышевыхъ оболочекъ, сначала бываютъ облечены въ форму червей.

Такимъ образомъ, заслуги, оказанныя эмбріологіей систематической зоологіи, все увеличиваются. Совершенно неожиданно устанавливаются отношенія между такими группами, гдѣ невозможно было предположить какую-либо родственную связь. Приходилось не только признать видовую идентичность существъ, которыхъ относили раньше къ разнымъ родамъ и даже семействамъ, но даже вычеркивать цѣлые классы. Знаменитѣйшіе натуралисты признаютъ невозможнымъ опредѣлить систематическое положеніе какого-либо животнаго, не прослѣдивъ его отъ первыхъ фазъ развитія яйца, изъ котораго оно должно выйти, до тѣхъ поръ, пока оно само не будетъ способнымъ размножаться половымъ путемъ. Это послужило основаніемъ появленію прекрасныхъ монографій, примѣръ которыхъ далъ Катрфажъ, написавъ свою «Histoire naturelle du Taret» и которыми Лаказъ-Дютье въ теченіе тридцати лѣтъ обогащалъ французскую науку.

Слово эмбріологія пріобрѣтаетъ, кромѣ того, болѣе широкій смыслъ. Безполое размноженіе, чередованіе поколѣній, метаморфозы, совершающіяся въ яйцѣ и внѣ его, отнынѣ входятъ въ рамки эмбріологическихъ изслѣдованій. Говоря объ этихъ явленіяхъ, мы указали, въ какой степени тѣсная связь соединяетъ ихъ съ явленіями развитія въ точномъ смыслѣ этого слова, и какой свѣтъ пролило ихъ изученіе на строеніе организмовъ.

Эмбріологія не пріобрѣла бы никогда такого большого значенія, если бы не постарались привести въ систему результаты, къ которымъ она привела. Объясненіе превращеній, которыя претерпѣваетъ каждый организмъ въ своемъ индивидуальномъ развитіи, казалось еще слишкомъ труднымъ для того, чтобы заботиться о немъ. Попытка Серра также не долго останавливала на себѣ вниманіе, однако существовало все же убѣжденіе въ томъ, что она не можетъ быть признана окончательно неудачной и въ ожиданіи открытія лучшей формулы, для классификаціи пользовались переходными признаками, данными эмбріологіей, несмотря на осужденіе, которому подвергъ этотъ методъ Кювье.

Фонъ-Бэръ можетъ считаться первымъ изъ ученыхъ, издавшимъ въ свѣтъ чисто эмбріологическую классификацію. Четыре способа развитія, которые онъ различаетъ въ животномъ царствѣ, служатъ ему почти для полнаго возстановленія четырехъ типовъ

Кювье, но характеристика позвоночныхъ по отношенію къ членистымъ настолько точна, что ею пользуются до настоящаго времени, а подраздѣленія типа позвоночныхъ, предложенныя Бэромъ, послужили исходной точкой для всѣхъ позднѣйшихъ усовершенствованій классификаціи. Въ самомъ дѣлѣ, въ первый разъ позвоночныя, имѣющія зародышевой мѣшокъ Allantois, отдѣлены отъ тѣхъ, которые его не имѣютъ, и признакомъ для различія подклассовъ и порядковъ принято различное положеніе аллантоиса и плаценты. Извѣстно, какимъ прекраснымъ подспорьемъ для классификаціи оказались различія въ формѣ плаценты у млекопитающихъ.

Первоначальныя группы фонъ-Бэра были недостаточно охарактеризованы. Ванъ-Бенедену пришла мысль опредѣлить ихъ по характернымъ признакамъ зародыша и желтка. Онъ называетъ Hypocotyledonea или Hypovitellina животныхъ, зародышъ которыхъ прилегаетъ къ желтку своей брюшной стороной (позвоночныя), Epicotyledonea или Epivitellina тѣхъ, которыя обращены къ желтку спинной частью (членистыя), Allocotyledonea—всѣхъ остальныхъ животныхъ, которыя снова возстановляютъ собой большой классъ червей Линнея. Очевидно, что послѣднее подраздѣленіе, основанное исключительно на отрицательныхъ признакахъ, не равнозначуще съ двумя остальными. Одного этого достаточно для того, чтобы понять, что система Ванъ-Бенедена была задумана тогда, когда послѣднее слово эмбріологіи еще не было сказано.

Кёлликеръ предпочелъ ввести для характеристики своихъ подраздѣленій новый признакъ—большее или меньшее участіе желтка въ формированіи зародыша. Наконецъ, Карлъ Фогтъ предложилъ свою особую систему; въ ней, принимая во вниманіе признаки, которыми руководились Фонъ-Бэръ, Ванъ-Бенеденъ и Кёлликеръ, онъ въ то же время ввелъ новые признаки, заимствованные изъ анатоміи или основанные на существованіи головного желтка у головоногихъ.

Надо сказать, что эти попытки классификаціи были неудачны, также какъ и всѣ попытки основать классификацію на эмбріологическихъ данныхъ. Можно было ожидать бо́льшаго отъ науки, которая позволила сдѣлать столько серьезныхъ поправокъ въ старыхъ методахъ, которая ввела столько новыхъ идей въ біологію. Какъ же объяснить всѣ ошибки, въ которыя она впала? Сдѣлать это очень легко.

Во всѣхъ попыткахъ такъ называемой эмбріологической классификаціи, включая сюда и новѣйшія, упускали изъ виду относительное значеніе эмбріологическихъ явленій. Со временъ Боне и до Фрица Мюллера, натуралисты тщетно старались доказать разсуж-

деніями, слишкомъ общими и поэтому недостаточно точными, что развитіе индивидуума есть сокращенное повтореніе развитія того вида, къ которому онъ принадлежитъ. Положеніе это, принятое нынѣ всѣми трансформистами и снова дающее эмбріологіи право носить имя трансцендентной анатоміи, эта богатая идея не нашла приложенія въ предложенныхъ способахъ классификаціи.

Въ самомъ дѣлѣ, эмбріологія животнаго есть результатъ дѣйствія, по крайней мѣрѣ, трехъ факторовъ, одновременно принимающихъ участіе въ эмбріологическихъ явленіяхъ. Эти факторы, во-первыхъ, наслѣдственность, во-вторыхъ, эмбріологическое ускореніе, и, въ-третьихъ, способъ питанія зародыша, независимость пластидъ, тканей, органовъ и аппаратовъ.

Съ точки зрѣнія закона наслѣдственности животное должно бы было пройти въ теченіе своего развитія рядъ формъ, въ которыя были облечены его прямые предки въ порядкѣ ихъ появленія на землѣ. Такъ какъ эти предки оставили потомство, или различнымъ образомъ уклонившееся отъ прародительской формы или болѣе или менѣе точно воспроизводящее ее, то очевидно, если положеніе наше вѣрно, сравнительная эмбріологія всегда должна бы дать намъ возможность узнать степень родства между животными, принадлежащими къ одной генеалогической линіи; сравнительная эмбріологія одна, сама по себѣ, должна бы дать намъ средства начертить генеалогическое дерево царства животныхъ, формулировать законы сравнительной анатоміи, установить истинный методъ естественной классификаціи. Признаки, данные ею, должны бы были первенствовать надъ всѣми остальными.

Всѣ эти заключенія были бы совершенно правильны, но только при томъ условіи, если бы ничто не нарушало послѣдовательности этихъ наслѣдственныхъ формъ, если бы ничто не измѣняло ихъ самихъ. Всѣ формы, въ которыя были облечены предки даннаго животнаго, должны были вести независимое существованіе, по крайней мѣрѣ, въ періодъ размноженія. Въ какой періодъ развитія ни освободится зародышъ отъ своихъ оболочекъ, онъ, повидимому, долженъ бы быть способнымъ продолжать жить свободно, самъ находить себѣ пищу и самъ обезпечивать свое дальнѣйшее развитіе. Но всякій знаетъ, что это не такъ. Если послѣдовательныя формы зародыша и представляютъ формы прародительскія, то, во всякомъ случаѣ, очень измѣненныя. Такъ какъ при сравненіи взрослыхъ животныхъ, которыхъ только имѣетъ въ виду классификація и анатомія, только такія прародительскія формы и имѣютъ значеніе, то до тѣхъ поръ, пока не будетъ установлено, чтó въ формахъ зародыша считать первоначальнымъ и чтó измѣненнымъ, формы эти будутъ давать только сомнительныя показанія.

Различить тѣ и другія особенности, очевидно, было бы легче, если бы были извѣстны причины, которыя внесли измѣненія въ исторію развитія и вызвали ея отклоненія отъ того пути, по которому она должна была бы слѣдовать съ точки зрѣнія теоріи. Эти причины и есть тѣ три фактора, о которыхъ мы сейчасъ говорили, и значеніе которыхъ мы должны сейчасъ оцѣнить. Если зародышъ проходитъ всѣ фазы, которыя прошелъ данный видъ, то онъ, зародышъ, проходитъ ихъ, конечно, въ значительно меньшій промежутокъ времени. По мѣрѣ того, какъ послѣдовательно прибавляются различныя поколѣнія формъ, продолжительность этихъ фазъ все сокращается, такъ что въ концѣ-концовъ развитіе совершается, приблизительно, въ одинъ и тотъ же промежутокъ времени; такимъ образомъ необходимо вызывается все большее и большее ускореніе эмбріологическихъ явленій. Это ускореніе влечетъ за собой быстрое измѣненіе формы животнаго, въ томъ родѣ, какъ это наблюдается у личинокъ насѣкомыхъ, когда онѣ достигаютъ предѣльнаго роста. И для зародышей вообще, и для личинокъ насѣкомыхъ въ частности, безпрестанныя измѣненія въ органахъ не могутъ сопровождаться параллельными измѣненіями въ ихъ дѣятельности. Зародышъ, защищенный оболочками яйца, проводитъ въ покоѣ большую часть періода развитія. Во всякомъ случаѣ, въ одной зоологической группѣ его выходъ изъ яйца можетъ имѣть мѣсто въ самыхъ различныхъ стадіяхъ развитія. Такимъ образомъ въ группѣ десятиногихъ ракообразныхъ, родъ Pennaeus выходитъ изъ яйца въ состояніи наупліуса; креветки и большинство другихъ десятиногихъ въ состояніи Zoëa, которое у Pennaeus слѣдуетъ за стадіей науплiуса. Эта Zoëa облекается впослѣдствіи въ форму Mysis, и только въ видѣ этой послѣдней вылупляются изъ яйца представители рода Scyllarus, лангусты и даже омары; наконецъ, ракъ-отшельникъ и обыкновенные раки проходятъ стадію Mysis въ яйцѣ и являются при выходѣ изъ него настоящими десятиногими.

Отсюда можно заключить, что эмбріологическое ускореніе далеко не одинаково для всѣхъ видовъ одной группы. Вліяніе его можетъ быть очень разнообразнымъ, можетъ касаться больше одной стадіи, чѣмъ другой, выдвинуть одну фазу развитія и сдѣлать незамѣтной или совершенно уничтожить другую. Наконецъ, если ускореніе касается всѣхъ стадій сразу, если развитіе идетъ къ своей конечной цѣли, къ образованію взрослаго животнаго возможно болѣе быстрымъ и экономическимъ путемъ, весь ходъ эмбріологическихъ явленій можетъ быть совершенно измѣненъ; такимъ образомъ могутъ быть пропущены цѣлыя фазы развитія, различными способами могутъ образовываться полость тѣла и заключаю-

щіеся въ ней органы, могутъ появляться или не появляться зародышевыя оболочки, являющіяся результатомъ линяній зародыша въ яйцѣ, и при всемъ томъ окончательныя формы все-таки не будутъ существенно различаться другъ отъ друга.

Съ другой стороны, измѣненія, метаморфозы, претерпѣваемыя зародышемъ подъ оболочками яйца, представляютъ такого рода дѣятельность его, которая не можетъ имѣть мѣста, если анатомическіе элементы, принимающіе въ ней участіе, не будутъ получать достаточнаго питанія. Извѣстная степень эмбріологическаго ускоренія возможна при накопленіи въ яйцѣ питательныхъ запасовъ, которыя зародышъ находитъ близко около себя; чѣмъ позже происходитъ выходъ изъ яйца, тѣмъ значительнѣе долженъ быть этотъ запасъ, между тѣмъ какъ одновременное присутствіе въ ограниченномъ пространствѣ запаса пищевыхъ веществъ и развивающагося зародыша, обязательно должно повлечь за собой значительныя измѣненія въ способѣ его развитія. Къ такого рода измѣненіямъ принадлежитъ несомнѣнно болѣе или менѣе позднее появленіе рта, способъ его образованія или расположеніе широко развернутыхъ, наложенныхъ другъ на друга, зародышевыхъ листовъ, этого фундамента въ зародышѣ позвоночныхъ. Если разсмотрѣть признаки, на которыхъ были основаны различныя системы эмбріологическихъ классификацій, станетъ очевиднымъ, что при установленіи было обращено вниманіе единственно на тѣ признаки, которые являются результатомъ вмѣшательства двухъ факторовъ, нарушающихъ нормальный ходъ эмбріологическихъ явленій, именно: эмбріологическего ускоренія и накопленія питательныхъ матеріаловъ въ яйцѣ. Но совершенно ясно, что факторы эти могутъ имѣть только относительное значеніе. Они могутъ быть полезны только въ развитіи высоко стоящихъ группъ, гдѣ приспособленіе къ извѣстнымъ условіямъ существованія влечетъ за собой появленіе органовъ, назначеніе которыхъ питать зародышъ. Такимъ образомъ, зародышевый мѣшокъ, Allantois, отличаетъ позвоночныхъ, всецѣло приспособленныхъ для существованія въ воздухѣ отъ тѣхъ, которыя или не вполнѣ, или совсѣмъ не приспособлены къ такой жизни; такимъ образомъ различныя формы плаценты достаточно хорошо отмѣчаютъ родство, связывающее различные порядки класса млекопитающихъ. Но указанныя нами принадлежности зародыша есть ничто иное, какъ настоящіе опредѣленные органы, возникшіе путемъ продолжительной перестройки, имѣющіе для классификаціи такое же значеніе, какъ лапы и зубы взрослаго животнаго; фактъ появленія этихъ органовъ нельзя относить къ способамъ развитія. Слѣдовательно, всѣ системы чисто эмбріологической классификаціи должны

рушиться, потому что признаки, на которыхъ онѣ установлены, были позаимствованы изъ механизма развитія, а этотъ механизмъ можетъ быть одинаковымъ въ самыхъ различныхъ типахъ; эти системы неудовлетворительны еще и потому, что онѣ основаны на процессахъ, вытекающихъ изъ нарушенія нормальнаго хода эмбріологическихъ явленій, а не на тѣхъ, которые являются существенными. Прежде чѣмъ теорія трансформизма дала полное право гражданства эмбріологіи, натуралисты по совершенно естественной реакціи, наступившей послѣ крайностей натурфилософской школы, слишкомъ мало обращали вниманія на тотъ параллелизмъ, который несомнѣнно существуетъ между индивидуальнымъ развитіемъ высшихъ организмовъ изъ яйца и рядомъ существъ, которыя отъ простѣйшихъ формъ постепенно поднимались до этихъ высшихъ. Съ тѣхъ поръ, какъ эволюціонное ученіе привело къ тому, что эмбріологіи каждаго животнаго приписывалось значеніе его генеалогической книги, текстомъ этой книги часто пренебрегали ради ея картинокъ; это было почти неизбѣжно въ виду тѣхъ заблужденій, въ которыя впадали эмбріологи, признавая первенствующее значеніе эмбріологіи человѣка.

Въ настоящее время, благодаря многочисленнымъ и важнымъ изслѣдованіямъ, предметомъ которыхъ были низшія животныя, морфологія и сравнительная анатомія въ состояніи показать намъ, какимъ путемъ возникли большіе органическіе типы, опредѣлить, какъ организмы, принадлежащіе къ каждому изъ этихъ типовъ, постепенно усложнялись, указать, слѣдовательно, нормальный ходъ эмбріологическихъ явленій. Итакъ, предвидится возможность опредѣлить точно, чѣмъ нарушались эти явленія въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ и дойти до объясненія причинъ этихъ пертурбацій. Кажется, теперь настаетъ моментъ, когда будетъ возможно установить, какъ намѣревался сдѣлать Серръ, самую тѣсную связь между эмбріологіей, морфологіей и палеонтологіей.

Въ этой и въ предъидущей главахъ мы указали, какъ сложились тѣ понятія, которыя мы имѣемъ о строеніи индивида. Болѣе или менѣе сложные органическіе индивиды образовались изъ анатомическихъ элементовъ или истинныхъ организмовъ, рожденныхъ другъ отъ друга, но разнообразныхъ по формѣ, разнообразныхъ или въ зависимости отъ внѣшнихъ условій, или вслѣдствіе порядка, въ которомъ они появляются. Могутъ ли эти индивиды, способные сами давать жизнь другимъ, завѣщать своему потомству постоянство формъ, котораго мы совершенно не видимъ, ни въ элементахъ, ни въ группахъ элементовъ, составляющихъ эти индивиды? Этотъ послѣдовательный рядъ существъ, рожденныхъ другъ отъ

друга, и есть то, что мы называемъ видомъ. Теперь мы дошли до обсужденія вопроса о постоянствѣ или измѣняемости видовъ.

Глава XX.

Видъ и его измѣненія.

Бѣглый обзоръ идей, относящихся къ виду.—Истинное положеніе вопроса о видѣ; способы прямого рѣшенія этого вопроса.—Противоположеніе расы виду.—Предполагаемые критеріи вида, ограниченная плодовитость, непостоянство гибридныхъ формъ.—Теорія Годрона.—Опыты и теорія К. Нодена.—Идентичность расы и вида.—Теорія ограниченной измѣняемости.—Сравненіе ученій Жоффруа Сентъ-Илера и Чарльза Дарвина.—Заключеніе.

Вопросъ о способѣ образованія индивида по самому смыслу, который мы придаемъ этому вопросу, неразрывно связанъ съ другимъ вопросомъ: состоитъ ли генеалогическій рядъ существъ, оканчивающійся живущими вокругъ насъ организмами, которыхъ мы относимъ къ одному виду, изъ индивидовъ, совершенно идентичныхъ между собой, или индивиды эти претерпѣвали послѣдовательныя измѣненія. Можетъ быть, эти измѣненія позволятъ намъ разсматривать ископаемымъ животныхъ, отличающихся отъ современныхъ, какъ предковъ современныхъ; можетъ быть, они дадутъ намъ право предположить, что отъ ископаемыхъ животныхъ новѣйшихъ геологическихъ періодовъ послѣдовательно можно переходить все къ болѣе и болѣе простымъ формамъ до пластидъ включительно? За первую изъ этихъ альтернативъ рѣшительно высказались Линней, Кювье, де-Богэнвилль, Флурансъ, Дюжесъ, Луи Агассицъ. Сторонниковъ измѣняемости видовъ также много, но измѣняемость не всѣ понимаютъ одинаково. По мнѣнію Бонне, измѣняемость эта только кажущаяся; зародыши получили при твореніи организацію, приспособленную къ различнымъ геологическимъ эпохамъ; они развиваются, когда съ наступленіемъ извѣстной эпохи являются для этого благопріятныя условія. По Бюффону, первоначально созданные виды измѣняются, но ихъ измѣненія, происходящія прямо отъ дѣйствія среды, представляютъ простую дегенерацію первоначальнаго типа. Этьенъ Жоффруа Сентъ-Илеръ, Гёте, Ричардъ Оуэнъ, полагая, что виды были созданы въ такой же мѣрѣ сложными, каковы они теперь, и что они измѣнились только въ деталяхъ, значительно сходятся во мнѣніи съ Бюффономъ, но обнаруживаютъ только бо̀льшую смѣлость. Эразмъ Дарвинъ и Ламаркъ, наоборотъ, думаютъ, что очень простыя формы, созданныя Богомъ, или явившіяся путемъ самопроизвольнаго зарожденія, постепенно усложняясь, достигли

современнаго состоянія. Какое же изъ этихъ различныхъ мнѣній справедливо? Еще до того времени, когда Чарльзъ Дарвинъ издалъ въ свѣтъ свою замѣчательную книгу о происхожденіи видовъ, различные ученые старались рѣшить этотъ вопросъ, для чего тщательно обсуждали всѣ факты, пріобрѣтенные наукой, въ то время, какъ искусные экспериментаторы производили въ этомъ направленіи различные опыты. Изъ этихъ ученыхъ мы укажемъ на Флуранса, Кельрейтера, Годрона, Исидора Жоффруа Сентъ-Илера и Нодена. Необходимо замѣтить, что ихъ выводы были далеко не согласны между собою, но легко показать, что безконечность разсужденій по поводу вопроса о видѣ большею частью зависѣла отъ того, что къ этому вопросу примѣшивали множество побочныхъ, вмѣсто того, чтобы шагъ за шагомъ неуклонно слѣдить за фактами; вмѣсто того, чтобы благоразумно слѣдовать научному методу, названные ученые прибѣгали къ помощи догадокъ.

Возьмемъ пару животныхъ, возможно близкихъ другъ къ другу, и разсмотримъ индивидовъ, рожденныхъ отъ ихъ союза. Индивиды эти, хотя они являются родными братьями и, слѣдовательно, принадлежатъ къ одному виду, представляютъ однако уже такія различія, которыя всегда можно замѣтить при внимательномъ осмотрѣ. Итакъ, совершенно ясно, что въ видѣ существуютъ признаки, варіирующіе въ нѣкоторомъ родѣ произвольно. Раздѣлимъ этихъ индивидовъ, рожденныхъ отъ однихъ и тѣхъ же родителей, на двѣ группы, изъ которыхъ одна пусть продолжаетъ жить въ тѣхъ же условіяхъ, въ какихъ жили родители, а другая, будучи перенесена въ иной климатъ, пусть будетъ поставлена въ условія существованія, возможно болѣе разнящіяся отъ первыхъ. Въ теченіе роста индивидовъ между двумя группами ихъ навѣрно обнаружатся значительныя различія. Если животныя, составляющія обѣ группы въ этихъ различныхъ условіяхъ существованія, начнутъ размножаться, то съ каждымъ поколѣніемъ различія между ними будутъ выражаться рѣзче и съ теченіемъ времени могутъ сдѣлаться очень значительными. Наконецъ, если поставить въ первоначальныя условія потомковъ той группы, которая была изъ нихъ изъята, пріобрѣтенныя ею характерныя черты будутъ держаться еще долго и почти цѣликомъ передаваться потомству, но только въ томъ случаѣ, если спариваться будутъ индивиды, представляющіе одинаковыя уклоненія отъ первоначальнаго типа. Индивиды, въ которыхъ такимъ образомъ укрѣпились новыя, способныя передаваться по наслѣдственности черты, составляютъ въ видѣ точно опредѣленную группу, которой даютъ имя *расы*.

*

Различные виды обладаютъ не одинаковой способностью давать расы. Существуютъ такіе виды, которые, будучи перенесены въ самыя различныя страны, съ замѣчательной устойчивостью сохраняютъ ихъ характерные признаки. Примѣромъ могутъ служить нѣкоторыя космополитическія бабочки. Изъ того, что эти виды, по причинамъ, которыя полезно было бы изслѣдовать, не легко распадаются на расы, очевидно, не слѣдуетъ, что и въ другихъ видахъ распаденіе это происходитъ относительно не легче. Это единственный пунктъ, который необходимо запомнить.

Образовавшіяся расы остаются чистыми, если въ союзъ вступаютъ индивиды, представляющіе всѣ характерные признаки расы и въ особенности, если эти индивиды продолжаютъ жить въ тѣхъ условіяхъ существованія, въ которыхъ возникла раса. Предположимъ теперь, что индивиды, составившіе новую расу, вслѣдствіе переселенія родителей въ страну, удаленную отъ родины, претерпѣли въ воспроизводительныхъ элементахъ, въ половыхъ органахъ такія измѣненія, въ силу которыхъ они не могутъ спариваться съ индивидами, оставшимися на прежнемъ мѣстѣ; обѣ расы могутъ тогда жить рядомъ, совершенно не смѣшиваясь. По всѣмъ опредѣленіямъ понятія о видѣ, за исключеніемъ опредѣленія Агассица, мы назовемъ эти расы *видами*. Здѣсь мы допустили гипотезу, заключающуюся въ томъ, что индивиды одного вида, но различныхъ расъ могутъ претерпѣвать въ воспроизводительномъ аппаратѣ или другихъ частяхъ организма измѣненія, способныя совершенно изолировать ихъ въ половомъ отношеніи отъ индивидовъ, идентичныхъ съ ихъ общими предками. Въ этомъ весь вопросъ о видѣ: въ тотъ день, когда такое обособленіе будетъ констатировано научнымъ путемъ, вопросъ о видѣ будетъ окончательно рѣшенъ, какія бы трудности ни представились въ его рѣшеніи въ томъ или другомъ частномъ случаѣ. Это самый прямой способъ его выясненія. Указывали нѣсколько фактовъ въ этомъ направленіи, но, къ несчастью, они не вполнѣ убѣдительны.

Можно получить полное рѣшеніе вопроса и обратнымъ путемъ. Нельзя ли, помѣщая въ одинаковыя условія очень близкіе виды, совокупленіе которыхъ нормально не даетъ потомства, заставить эти виды при скрещиваніи другъ съ другомъ размножаться? Многіе авторы думали, что это возможно относительно нѣкоторыхъ изъ нашихъ домашнихъ животныхъ, напр.: коровъ, козъ, а въ особенности собакъ, многочисленныя разновидности которыхъ произошли отъ дикихъ видовъ, прирученныхъ каждый въ отдѣльности и потомъ смѣшавшихся. Однако, для убѣдительности въ этой аргументаціи не достаетъ одного, именно нѣтъ доказа-

тельства, что виды, о которыхъ идетъ рѣчь, не были простыми расами. Но то, чего не могли сдѣлать до сихъ поръ, возможно въ будущемъ, а для этого стоитъ попытаться произвести опытъ.

Разъ оба способа рѣшенія оказались неудовлетворительными, постарались устранить затрудненіе, наблюдая результаты спариванія индивидовъ, единогласно признаваемыхъ за различные виды; какъ, напримѣръ, собака и шакалъ, собака и волкъ, собака и лиса, собака и кошка; оселъ и лошадь, двугорбый верблюдъ и дромадеръ, овца и коза, быкъ и олень, муфлонъ и овца, каменный баранъ и коза, серна и коза, различные виды ламъ, заяцъ и кроликъ, различные виды домашней птицы, разные виды воробьиныхъ и т. д. Такимъ образомъ надѣялись найти абсолютный критерій вида и даже формулировали по этому поводу законы. Только спариваніе индивидовъ одного вида можетъ давать неограниченное количество поколѣній, сказалъ Фредерикъ Кювье; гибриды, рожденные отъ особей различныхъ видовъ, часто безплодны, хотя безплодіе ихъ обнаруживается все-таки послѣ смѣны извѣстнаго числа поколѣній. Спариванія особей различнаго рода всегда безплодны, прибавилъ Флурансъ.

Фредерикъ Кювье, Флурансъ, а также Годронъ *) согласны разсматривать ограниченную плодовитость гибридныхъ формъ, какъ доказательство постоянства видовъ. Говоря по правдѣ, ничто не мѣшаетъ задать вопросъ, почему невозможность получить путемъ скрещиванія новыя постоянныя формы, промежуточныя между двумя, ясно отличающимися видами, можетъ служить доказательствомъ, что нынѣ живущія формы неспособны измѣняться до такой степени, что индивиды, претерпѣвшіе эти измѣненія, окажутся неспособными вступать въ половое сближеніе съ тѣми, которые сохранили первоначальныя черты общаго предка. Но перечисленные нами ученые, очевидно, à priori допустили постоянство видовъ, они ищутъ не фактическихъ доказательствъ этого постоянства, а скорѣе придумываютъ теоретическіе доводы въ пользу его. Ихъ способъ разсужденія и опытнаго изслѣдованія былъ бы инымъ, если бы они руководились исключительно фактами и тѣми выводами, къ которымъ приводитъ ихъ сравненіе.

Повседневное наблюденіе указываетъ намъ, что на землѣ установились извѣстныя формы живыхъ существъ, остающіяся всегда одинаковыми и претерпѣвшія съ тѣхъ поръ, какъ мы начали наблюдать ихъ, самыя незначительныя измѣненія. Эти формы и есть то, что мы называемъ видами. Наука должна

*) De l'espèce et de la race chez les êtres organisés t. I. p. 217.

искать объясненія этого видимаго постоянства и она находитъ его въ томъ, что животныя и растенія разныхъ видовъ, смѣшиваясь, не способны производить устойчивыя и постоянныя формы, или въ томъ, что скрещиваніе не даетъ потомства или, наконецъ, въ томъ, что гибриды безплодны. Физіологъ ставитъ себѣ вопросъ, что же за причина отсутствія потомства при скрещиваніяхъ, и отчего происходитъ безплодіе гибридныхъ формъ? На первый изъ этихъ вопросовъ до сихъ поръ еще нѣтъ отвѣта. На второй Кельрейтеръ, Годронъ, Ноденъ даютъ отвѣтъ, доказывая, что у гибридныхъ формъ воспроизводительные элементы вообще и элементы мужскіе въ особенности остаются несовершенными; но это несовершенство воспроизводительныхъ элементовъ, притомъ не всегда существующее, имѣетъ причину, которую также нужно указать; на этомъ остановились изслѣдованія, и многіе авторы думали выйти изъ затрудненія, предположивъ, что Создатель хотѣлъ такимъ образомъ поддержать чистоту видовъ. Но это не объясненіе; это просто замкнутый кругъ мыслей, изъ котораго нѣтъ выхода.

Съ другой стороны, барьеръ, который установилъ Создатель между видами, далеко не вездѣ одинаково проченъ. Гибриды происходятъ только отъ животныхъ одного рода или близкихъ родовъ. Но въ этихъ предѣлахъ они представляютъ всевозможныя степени плодовитости. Чаще всего только самцы безплодны, а самки гибридовъ могутъ быть оплодотворяемы одинаково самцами обоихъ родительскихъ видовъ. Это можно сказать относительно помѣсей, рожденныхъ отъ осла и кобылы; въ другихъ случаяхъ, какъ, напр., при скрещиваніи собаки и волчицы, метисы размножаются въ теченіе нѣсколькихъ поколѣвій, потомъ наступаетъ безплодіе; наконецъ, скрещиваніе зайца и кролика въ результатѣ безконечно можетъ давать потомство, какъ будто эти животныя, вообще относящіяся другъ къ другу съ антипатіей, принадлежатъ къ одному виду. Не указываетъ ли это непостоянство физіологическихъ признаковъ гибридныхъ формъ на то, что разстояніе, раздѣляющее два сосѣдніе вида, не всегда одинаково. Такъ могло бы быть только въ томъ случаѣ, когда сосѣдніе виды или тѣ, которые мы считаетъ принадлежащими къ одному роду, произошли отъ одного общаго предка. Опыты съ полученіемъ помѣсей далеко не послужили доказательствомъ постоянства видовъ; наоборотъ они доставили аргументы въ пользу постепеннаго образованія видовъ, вслѣдствіе измѣненія видовъ, существовавшихъ въ началѣ; къ этому заключенію дѣйствительно привели Нодена его прекрасные опыты надъ скрещиваніемъ многочисленныхъ видовъ мака, буквицъ, дурмана, табаку, тыквенныхъ растеній и т. д.

При созерцаніи организованнаго, окружающаго насъ, міра, часть котораго мы составляемъ, говоритъ этотъ искусный экспериментаторъ *), меня поражаетъ одинъ фактъ, именно тотъ, что какъ бы ни были разнообразны въ формахъ организованныя существа, они представляютъ между собою большія аналогіи. На основаніи этихъ аналогій возможно раздѣленіе существъ на *царства*, *классы*, *семейства*, *роды*, *виды*. Откиньте эти аналогіи, предположите, что существуетъ столько же радикально различающихся міровъ, сколько классовъ, и всякая возможность классификаціи исчезнетъ. Поддается ли объясненію крупный фактъ этихъ аналогій? Да, если принять систему общаго происхожденія, если признавать эволюцію формъ; нѣтъ, если держаться того воззрѣнія, что формы первоначально были такими же, какъ теперь. Вотъ, напримѣръ, семьсотъ или восемьсотъ видовъ растеній изъ рода Solanum, разсѣянныхъ на безконечномъ протяженіи странъ Стараго и Новаго Свѣта; всѣ они отличаются своими видовыми особенностями, но всѣ сходны другъ съ другомъ благодаря суммѣ общихъ признаковъ, несравненно болѣе важныхъ въ глазахъ классификатора, чѣмъ чисто внѣшнія и даже, скажу, поверхностныя различія, существующія между ними, потому что эти общія черты сходства отмѣчаютъ ихъ мѣсто въ извѣстномъ классѣ, семействѣ и въ ихъ родѣ. Я хотѣлъ бы спросить теперь, являются ли эти аналогіи фактомъ, не имѣющимъ физической причины? Существуютъ ли онѣ случайно или просто потому, что Богу было угодно, чтобы онѣ существовали. Если вы придерживаетесь системы независимаго происхожденія видовъ, то вы должны выбирать между случаемъ (это было бы абсурдомъ) или вмѣшательствомъ сверхъестественныхъ силъ, чудомъ, двумя факторами, которые не могутъ имѣть мѣста въ наукѣ.

Согласитесь, наоборотъ, признать существованіе предка, общаго для всѣхъ видовъ, распространите на все растительное царство ту способность его, остатки которой сохранились у современныхъ формъ, именно способность подраздѣляться, согласно требованіямъ природы, на вторичныя формы, которыя, исходя отъ общаго начала, развѣтвляются и подраздѣляются, въ свою очередь, на новыя формы. Тогда вы безъ скачковъ, руководясь единственно принципомъ эволюціи, дойдете до видовъ, расъ и самыхъ незначительныхъ разновидностей. Поверхностныя черты будутъ варіировать въ той или другой формѣ, но основные существенные признаки останутся неизмѣнными; вы можете имѣть тысячи возникшихъ такимъ пу-

*) Cp. Naudin. Nauvelles recherches sur les hybrides végétaux. (Nouvelles archives du Muséum d'histoire naturelle, tome I, p. 169, 1865).

темъ видовъ, но каждый изъ нихъ будетъ носить отпечатокъ своего происхожденія, знаки его родства съ другими и этими знаками вы будете руководиться, соединяя виды въ семейства и роды.

Это тѣ выводы, къ которымъ, какъ опасался въ началѣ своей карьеры Бюффонъ, должна была привести натуралистовъ классификація, и къ которымъ, онъ позже пришелъ самъ. Если опыты надъ гибридами могли повести къ такимъ противорѣчащимъ постоянству видовъ выводамъ, какъ выводы Годрона и Нодена, необходимо было прибѣгнуть къ другимъ аргументамъ, чтобы спасти это ученіе. Этого думали достигнуть тонкими различіями между дикими и домашними видами, между видами и расами, между гибридами и метисами. Отсюда возникла цѣлая философская система, которая можетъ быть резюмирована въ слѣдующихъ положеніяхъ, слово въ слово заимствованныхъ изъ сочиненія Годрона «De l'espèce et de la race chez les êtres organisés» *).

1) Дикіе виды животныхъ, живущіе въ настоящее время, не измѣняются даже подъ вліяніемъ внѣшнихъ агентовъ въ такой мѣрѣ, чтобы измѣнялись ихъ видовые признаки. Эти признаки не могутъ быть утрачены и всегда даютъ средства ясно отличать другъ отъ друга нынѣ живущіе виды животныхъ.

«2) Измѣненія, испытываемыя дикими животными, незначительны; они появляются случайно и никогда не переходятъ въ постоянныя, пока животное находится въ дикомъ состояніи.

«3) Слѣдовательно, естественныхъ расъ, въ узкомъ смыслѣ этого слова, не существуетъ; раса носитъ въ себѣ признаки вмѣшательства человѣка.

«4) Дикіе виды животныхъ, жившіе въ вѣка, предшествовавшіе нашему вѣку, но доходившіе во времени до начала настоящаго геологическаго періода, сохранили свое строеніе и отличительные признаки, какъ показываетъ изученіе остатковъ этихъ видовъ, сохранившихся въ теченіе многихъ столѣтій **).

«5) Не смотря на измѣненія, которыя могли произойти въ физическихъ агентахъ, оказывавшихъ вліяніе на виды, они, виды, не измѣнились въ организаціи, не трансформировались такимъ образомъ, чтобы ихъ можно было смѣшивать другъ съ другомъ, или настолько, чтобы дать начало новымъ видовымъ типамъ. Такимъ образомъ, животныя, живущія теперь, представляютъ всецѣло тѣ

*) Godron. De l'espèce et des races chez les êtres organises, t. I, p. 51. 1859.
**) Godron. De l'espèce et des races chez les êtres organisés. t., I, p. 144. 1859 г.

самые виды, которые жили въ началѣ настоящаго геологическаго періода и которыхъ современныя животныя являются прямыми потомками.

«6) Виды не болѣе измѣнялись и въ геологическіе періоды, предшествовавшіе нашему. Слѣдовательно, виды, жившіе въ отдаленные періоды, не могли путемъ измѣненій дать начало современнымъ видамъ.

«7) Если это прогрессивное трансформированіе существъ было бы реальнымъ фактомъ, если простѣйшія животныя и растенія, совершенствуясь, въ дѣйствительности дали начало болѣе сложнымъ существамъ, если безпозвоночныя на самомъ дѣлѣ превратились въ позвоночныхъ, рептиліи въ птицъ и млекопитающихъ, или если безсѣмянныя растенія обратились въ односѣмянодольныя, а потомъ въ двухъсѣмянодольныя; то такія глубокія измѣненія могли бы совершиться въ теченіе долгаго ряда вѣковъ. Переходя отъ одного геологическаго періода къ другому, мы встрѣчались бы съ существами на пути ихъ формированія, съ истинными промежуточными формами, которыя представляли бы всѣ фазы этихъ превращеній. Царство животныхъ, какъ и царство растеній представляло бы тогда непрерывный рядъ существъ, отличающихся такими оттѣнками, которые не позволили бы провести демаркаціонную линію между видами, найти видовые признаки; мы встрѣтили бы, въ такомъ случаѣ, полное смѣшеніе тамъ, гдѣ всюду царствуетъ удивительный порядокъ. Совершенно обратно, однако, сравнивая организованныхъ существъ двухъ геологическихъ періодовъ, мы наблюдаемъ рѣзкій перерывъ между животными и растительными формами; мы можемъ констатировать, что различныя флоры и фауны смѣняютъ другъ друга безъ переходовъ въ правильной серіи формацій; всѣ эти факты показываютъ намъ многочисленность и послѣдовательную смѣну различныхъ органическихъ созданій, свойственныхъ различному возрасту нашей планеты.

«Итакъ, видъ не болѣе измѣняется въ теченіе геологическихъ эпохъ, чѣмъ въ теченіе человѣческой жизни. Различія, которыя могли и должны были обнаружиться въ разныя геологическія эпохи, благодаря дѣйствію физическихъ агентовъ, наконецъ возмущенія, которыя претерпѣлъ земной шаръ, и неизгладимые знаки которыхъ остались на земной корѣ—все это не могло измѣнить первоначально созданныхъ типовъ; наоборотъ, виды сохранили ихъ устойчивость, пока новыя условія не сдѣлали невозможнымъ ихъ существованія; тогда они погибли, но не измѣнились.

«8) Если виды дикихъ животныхъ не измѣняются, если со вре-

менъ творенія они остались постоянными, то не такъ было съ домашними видами; эти послѣдніе, подчиненные въ теченіе болѣе или менѣе продолжительнаго времени, иногда въ теченіе многихъ вѣковъ, исключительнымъ и въ высшей степени разнообразнымъ условіямъ существованія, претерпѣли болѣе или менѣе многочисленныя и важныя измѣненія въ ихъ физическихъ чертахъ, нравахъ, привычкахъ и даже инстинктахъ; наконецъ, роль одомашненія тѣмъ болѣе могущественна, что дѣйствіе его было болѣе цѣлостнымъ и продолжалось въ теченіе длиннаго періода времени».

Далѣе Годронъ прибавляетъ, что измѣненія эти могли сдѣлаться наслѣдственными и произвести такимъ образомъ прочныя расы, но такія расы ясно отличаются отъ вида способностью, вообще свойственною разнымъ расамъ одного вида, именно способностью производить метисовъ съ неограниченной плодовитостью. Метисы эти передаютъ свои смѣшанныя черты потомству и способны такимъ образомъ сдѣлаться родоначальниками столькихъ промежуточныхъ расъ, сколько можно себѣ представить. Годронъ оканчиваетъ свою теорію расъ слѣдующимъ предположеніемъ: «если Богъ сотворилъ видъ, то расы и постоянныя разновидности являются продуктами человѣческаго искусства».

По этому воззрѣнію, самъ человѣкъ составляетъ видъ, совершенно обособленный отъ всего животнаго царства и достойный быть представителемъ особаго царства, господствующаго надъ тремя остальными, *царства моральнаго* (Барбансуа 1816) или *человѣческаго* (Фабръ д'Оливе, 1822). Нѣтъ ничего удивительнаго, что это привиллегированное существо обладаетъ долей аттрибутовъ божества.

Итакъ, для Годрона видъ въ существѣ своемъ является совершенно неизмѣняемымъ, разъ только онъ предоставленъ самому себѣ. Слѣпыя силы природы не способны произвести въ немъ никакихъ перемѣнъ. Созданный для опредѣленной среды, для опредѣленныхъ условій существованія, онъ исчезаетъ, если эти условія измѣняются. При каждой катастрофѣ, происходившей на земномъ шарѣ, погибали всѣ твари, и совершенно новый міръ существъ появляется съ наступленіемъ тишины и равновѣсія. Эти новыя существа остаются такими, какъ сотворилъ ихъ Богъ, во все продолженіе періода покоя на землѣ,—періода, для котораго они созданы. Появленіе человѣка открываетъ, однако, новую эру для животныхъ и растительныхъ видовъ; разумъ, созданный по подобію Божію, отнынѣ стремится подчинить живущія формы до сихъ поръ неизвѣстнымъ требованіямъ. Эти формы до нѣкоторой степени уступаютъ прихотямъ человѣка, но образованіе новыхъ видовъ осталось для него недостижимымъ, потому что эта привиллегія принадлежитъ исключительно Богу; человѣкъ же могъ получить только расы и разновидности.

Невозможно возвести въ систему участіе чуда въ явленіяхъ природы болѣе полнымъ образомъ, чѣмъ это сдѣлалъ Ноденъ. Но какъ нельзя быть только наполовину трансформистомъ, такъ нельзя быть и наполовину сторонникомъ ученія о постоянствѣ видовъ. Всѣ средства къ примиренію этихъ двухъ ученій только яснѣе обнаруживаютъ часто несознаваемое противорѣчіе между ними. Тому, кто вѣритъ въ постоянство видовъ, приходится звать на помощь чудо, а кто вѣритъ въ теорію происхожденія ихъ отъ общаго предка, вѣритъ, стало быть и въ то, что Создатель всецѣло отдалъ міръ въ распоряженіе силъ и матеріи для того, чтобы онѣ отъ себя производили явленія какъ физическія, такъ и біологическія. По этому поводу Ноденъ не заблуждается. Человѣческій разумъ не является особой силой, факторомъ съ особыми полномочіями по отношенію къ возможности измѣнять виды; Ноденъ полагаетъ, что все зависитъ отъ дѣйствія среды: «Нѣтъ,—говоритъ онъ,—никакой качественной разницы между *видами*, *расами* и *разновидностями*; искать эту разницу значитъ гнаться за химерой. Эти три понятія, въ сущности, значатъ одно и то же, и слова, которыми намѣрены отличить ихъ, указываютъ только *на степень контраста* между сравниваемыми формами... Контрасты между сравниваемыми формами бываютъ разныхъ степеней, отъ самыхъ сильныхъ до самыхъ слабыхъ, такъ что если слѣдовать сравненіямъ, установленнымъ между группами подобныхъ другъ другу индивидовъ, если попробовать выразить всѣ эти степени соотвѣтствующимъ количествомъ словъ, недостаточно было бы цѣлаго словаря. Итакъ, разграниченіе видовъ, какъ я уже сказалъ сейчасъ, совершенно произвольно; ихъ расширяютъ или съуживаютъ, смотря по значенію, придаваемому сходству или различіямъ поставленныхъ рядомъ группъ, а эта оцѣнка мѣняется, согласуясь съ людьми, временами и фазами, въ которыхъ находится наука.

«Слѣдуетъ ли изъ этого, что слова раса и разновидность должны быть изгнаны изъ науки? Нѣтъ; безъ сомнѣнія, потому, что они удобны для обозначенія видовъ со слабыми отличительными признаками, видовъ, которыхъ не хотятъ зарегистровать въ число видовъ оффиціальныхъ; но этимъ словамъ слѣдуетъ придавать ихъ истинное значеніе, безусловно такое же, какое имѣетъ слово видъ въ собственномъ его смыслѣ; въ формахъ, обозначенныхъ этими словами, слѣдуетъ видѣть незначительныя единицы, которыми можно пренебречь безъ ущерба для науки» *).

*) Ch. Naudin. Nouvelles recherches sur l'hybridité dans les végétaux (Nouvelles Archives de Museum de l'histoire naturelle I serie vol. I, 1865, p. 162). Хотя это сочиненіе помѣчено 1865 годомъ, К. Ноденъ высказывалъ подобныя идеи уже въ 1852 году, въ Revue horticole, слѣдовательно, нѣсколькими годами раньше появленія книги Ч. Дарвина «О происхожденіи видовъ».

Ноденъ, впрочемъ, подъ словомъ видъ разумѣетъ «*группу сходныхъ между собою индивидовъ, представляющихъ нѣкоторый контрастъ съ другими группами и сохраняющихъ въ теченіе ряда поколѣній физіономію и организацію, общую всѣмъ индивидамъ*».

Между тѣмъ, ученый ботаникъ самъ способствовалъ установленію факта, на который можно было бы сослаться и на который дѣйствительно ссылались для подтвержденія идеи постоянства видовъ. Его изслѣдованія надъ гибридными формами растеній, принадлежащихъ къ самымъ разнообразнымъ группамъ, а также его многочисленные опыты надъ скрещиваніемъ животныхъ, привели его къ слѣдующимъ результатамъ: индивиды, происшедшіе непосредственно отъ этихъ скрещиваній, представляютъ вообще такую комбинацію признаковъ ихъ родителей, что ихъ можно считать промежуточными между тѣмъ и другимъ родителемъ, но если продолжать смѣшиваніе этихъ гибридовъ, то чрезъ нѣсколько поколѣній, часто даже со второго происходитъ раздѣленіе видовыхъ признаковъ; изъ индивидовъ, рожденныхъ отъ однихъ родителей и принадлежащихъ къ одному поколѣнію, одни приближаются больше къ виду отца, другіе къ виду матери; промежуточные индивиды рѣдки и рѣзко различаются одни отъ другихъ; наконецъ, чаще всего индивиды совершенно возвращаются къ одному изъ родительскихъ видовъ, какъ будто бы вліяніе другого совершенно утратилось. Скрещиванія, дающія потомство, въ тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ они были сдѣланы, не допускаютъ полученія вида вполнѣ средняго между двумя родительскими видами. Наоборотъ, если скрещиваютъ между собою индивидовъ различныхъ расъ, смѣшанные индивиды или *метисы*, получаемые отъ этихъ скрещиваній, извѣстны тѣмъ, что, вступая въ союзы исключительно между собою, довольно часто производятъ рядъ поколѣній, въ которыхъ сохраняются промежуточные признаки. Слѣдовательно, относительно легко создать расы метисовъ и невозможно создать гибридные виды. Въ этомъ, по мнѣнію извѣстныхъ натуралистовъ, состоитъ существенный отличительный признакъ расы отъ вида, и различіе это вполнѣ правильно. Нельзя не признать, какъ мы безпрестанно повторяемъ, что въ природѣ существуютъ группы сходныхъ между собою индивидовъ, но достаточно удаленныхъ другъ отъ друга по ихъ воспроизводительнымъ способностямъ для того, чтобы образованіе промежуточныхъ группъ было очень затруднительнымъ; ничто не мѣшаетъ разсматривать каждую изъ этихъ группъ, какъ видъ. Но между менѣе отдаленными группами, общее происхожденіе которыхъ заставляетъ ихъ разсматривать, какъ простыя расы, существуютъ, съ этой точки

зрѣнія, многочисленныя градаціи; нѣкоторыя расы метисовъ также имѣютъ тенденцію исчезать или возстановлять обѣ родительскія расы или только одну изъ нихъ; сверхъ того, условія, въ которыя поставлены метисы и гибриды, какъ кажется, значительно вліяютъ на степень постоянства ихъ признаковъ.

Это раздѣленіе крови двухъ расъ, соединенныхъ въ одной средней, это возвращеніе метисовъ, вступающихъ въ союзъ исключительно между собою, къ двумъ типамъ, которымъ они обязаны своимъ происхожденіемъ, «раздѣленіе это,—какъ говоритъ знаменитый зоотехникъ Сансонъ *),—является не исключеніемъ, и даже не только общимъ правиломъ, это настоящій законъ. Ни въ одномъ изъ извѣстныхъ случаевъ размноженія индивидовъ, происшедшихъ отъ двухъ различныхъ расъ, имѣющихъ, слѣдовательно, различные основные или видовые признаки, не было уклоненія отъ этого закона **)». Мы можемъ представить доказательства, стоящія внѣ сомнѣнія, наблюдаемыя на разныхъ родахъ животныхъ, составляющихъ предметъ зоотехніи. Сансонъ находитъ эти доказательства въ современномъ состояніи смѣшанныхъ расъ лошадей, быковъ, барановъ, свиней, собакъ, голубей и т. д. Такимъ образомъ, здѣсь, какъ и тогда, когда рѣчь шла объ ограниченной плодовитости, указанная теперь противоположность между гибридами и метисами точно также сглаживается, и надо признать вмѣстѣ съ Ноденомъ, что между расами и видами существуетъ различіе только въ большей или меньшей степени контраста между самыми близкими формами. Но тогда совершенно теряетъ почву ученіе о постоянствѣ видовъ. Видовыя формы обладаютъ большей или меньшей степенью *устойчивости*, но не настоящимъ *постоянствомъ*. Въ концѣ концовъ это различіе между пріобрѣтенной, но утрачиваемой устойчивостью и абсолютнымъ постоянствомъ вида послужило основаніемъ теоріи *ограниченной измѣняемости*, доказательству которой Исидоръ Жоффруа Сентъ-Илеръ посвятилъ почти всю свою Histoire naturelle générale des règnes organiques.

Эта прекрасная книга, къ несчастью неоконченная, выходила въ свѣтъ отъ 1854 до 1862. Ее, слѣдовательно, можно считать современницей книги Годрона, мемуаровъ К. Нодена; она появилась совершенно независимо отъ ученія Ч. Дарвина. Вопросъ объ измѣняемости вида, вопросъ о скрещиваніи всѣхъ его формъ об-

---

*) A. Sanson. Traité de zootechnie, t. II, p. 62, 2 édition.

**) Сансонъ принимаетъ здѣсь слово *видовой* въ томъ смыслѣ, какъ его употребляютъ зоотехники, насчитывающіе столько видовъ лошадей, быковъ, барановъ, собакъ, сколько прочно установившихся расъ этихъ животныхъ.

суждается въ ней во всеоружіи всѣхъ данныхъ, извѣстныхъ наукѣ, во всеоружіи результатовъ многочисленныхъ опытовъ, сдѣланныхъ въ звѣринцѣ музея естественной исторіи, опытовъ, произведенныхъ, большею частью, самимъ Исидоромъ Жоффруа-Сентъ-Илеромъ.

Выводы этого долгаго и искуснаго обсужденія резюмированы въ слѣдующихъ положеніяхъ *):

«Признаки вида не безусловно постоянны, какъ говорили одни, и, во всякомъ случаѣ, не безконечно способны варіировать, какъ утверждали другіе. Признаки эти постоянны для каждаго вида, когда онъ живетъ среди однихъ и тѣхъ же условій, и измѣняются съ перемѣной этихъ условій.

«Въ этомъ послѣднемъ случаѣ признаки вида будутъ, такъ сказать, равнодѣйствующими двухъ противоположныхъ силъ, изъ которыхъ одна *измѣняющая*, это—вліяніе окружающихъ условій, другая, *сохраняющая типъ*, это—наслѣдственная склонность воспроизводить изъ поколѣнія въ поколѣніе однѣ и тѣ же черты.

«Для того, чтобы измѣняющее вліяніе рѣзко преобладало надъ охраняющей силой, надо, чтобы видъ перешелъ изъ условій, въ которыхъ жилъ, въ совокупность новыхъ, очень отличающихся отъ прежнихъ; чтобы онъ, какъ уже сказано, перемѣнилъ окружающую среду.

«Отсюда проистекаетъ причина очень узкихъ границъ измѣненій, наблюдаемыхъ у дикихъ животныхъ.

«Отсюда также чрезвычайная измѣняемость животныхъ домашнихъ.

«У первыхъ виды вообще остаются въ тѣхъ мѣстахъ, въ тѣхъ условіяхъ, гдѣ они возникли; они, по возможности, меньше удаляются отъ нихъ, такъ какъ ихъ организація согласуется съ этими мѣстами и условіями; она не подходила бы къ другимъ окружающимъ условіямъ. Одни и тѣ же признаки должны, слѣдовательно, передаваться изъ поколѣнія въ поколѣніе.

«Разъ условія постоянны, виды также постоянны.

«Между тѣмъ это постоянство, эта неизмѣняемость не абсолютны. Постепенное распространеніе видовъ по поверхности земного шара является, наконецъ, необходимымъ слѣдствіемъ увеличенія количества индивидовъ. Другія причины, менѣе общаго характера, могутъ также повлечь частныя перемѣщенія индивидовъ.

«Отсюда слѣдуетъ, что особенно въ границахъ географическаго

---

*) Ysidore Geoffrau Saint-Hilaire. Histoire générale des règnes organiques, t. II, p. 431, 1839.

распространенія наиболѣе широко разселенныхъ видовъ значительныя различія въ мѣстообитаніяхъ и климатѣ влекутъ за собою нѣкоторыя второстепенныя различія въ образѣ жизни и привычкахъ. Этимъ различіямъ соотвѣтствуютъ расы, характеризующіяся измѣненіемъ окраски и другихъ внѣшнихъ признаковъ, измѣненіемъ размѣровъ и роста, а иногда и внутренней организаціи. Эти расы называли произвольно то мѣстными разновидностями, то считали отдѣльными видами.

«У домашнихъ животныхъ причины измѣненій болѣе многочисленны и могущественны. Долгимъ рядомъ опытовъ, которые, будучи предприняты съ практической цѣлью, имѣютъ, тѣмъ не менѣе, важное значеніе для науки, около сорока видовъ по волѣ человѣка оставили дикое состояніе и приспособились къ самымъ различнымъ привычкамъ, режимамъ, климатамъ; образовалось множество рѣзко отличающихся другъ отъ друга расъ. Изъ нихъ нѣкоторыя характеризуются признаками, равными по значенію даже тѣмъ, по которымъ обыкновенно различаютъ роды.

«Возвратъ нѣкоторыхъ домашнихъ расъ къ дикому состоянію имѣлъ мѣсто въ различныхъ точкахъ земного шара. Отсюда вторая серія опытовъ, противоположныхъ предыдущимъ и дающихъ контръ-доказательства. Если домашнія животныя снова будутъ поставлены въ условія, среди которыхъ жили ихъ дикіе предки, то послѣ нѣсколькихъ поколѣній у потомства произойдетъ возвратъ первоначальныхъ признаковъ. Если одичалыя животныя попадаютъ въ аналогичныя, но не идентичныя условія сравнительно тѣми, въ которыхъ находились ихъ дикіе родоначальники, то признаки этихъ одичалыхъ бываютъ только аналогичны признакамъ дикихъ.

Исидоръ Жоффруа Сентъ-Илеръ, въ противоположность Годрону, считаетъ ограниченную измѣняемость видовъ совершенно доказанною наблюденіемъ и опытомъ. Надо сознаться, что его аргументацію очень трудно опровергнуть.

Кромѣ того, прибавляетъ онъ, эта теорія «можетъ привести къ раціональнымъ рѣшеніямъ вопросовъ, или совершенно неразрѣшимыхъ для сторонниковъ абсолютнаго постоянства видовъ, или разрѣшаемыхъ ими съ помощью самыхъ сложныхъ и самыхъ невѣроятныхъ гипотезъ.

«Такъ обстоитъ дѣло съ основнымъ вопросомъ антропологіи. Общее происхожденіе различныхъ человѣческихъ расъ съ точки зрѣнія измѣняемости вполнѣ допустимо и единственно только съ этой точки зрѣнія. Сторонники абсолютнаго постоянства, соглашаясь съ нашимъ допущеніемъ, должны были высказаться противъ своего собственнаго принципа.

«Въ палеонтологіи теоріи ограниченной измѣняемости соотвѣтствуетъ простая, раціональная гипотеза *родословной связи*, а ученію о постоянствѣ видовъ соотвѣтствуютъ двѣ одинаково сложныя и невѣроятныя гипотезы—гипотеза послѣдовательныхъ твореній и такъ-называемое *перенесеніе* (translation)».

Исидоръ Жоффруа, конечно, становится на сторону гипотезы родословной связи, которая даетъ намъ возможность отыскивать, напримѣръ, предковъ нашихъ слоновъ, носороговъ, крокодиловъ среди слоновъ, носороговъ и крокодиловъ, существованіе которыхъ въ допотопныя времена доказано палеонтологіей. Въ то самое время, когда Дарвинъ въ Англіи блестящимъ образомъ проповѣдывалъ эволюціонное ученіе, во Франціи знаменитый наслѣдникъ великаго имени Жоффруа сдѣлался спокойнымъ и убѣжденнымъ защитникомъ этого ученія. Безъ сомнѣнія, если бы смерть не похитила его въ тотъ моментъ, когда наука могла еще ожидать многаго отъ его тщательныхъ и безпристрастныхъ изслѣдованій, Исидоръ Жоффруа расширилъ бы основы своей теоріи, и установилось бы нѣкоторое соглашеніе между учеными, преподававшими аналогичныя идеи по обѣ стороны пролива. Но мы можемъ разсматривать теорію ограниченной измѣняемости только до того пункта, до котораго она была доведена Жоффруа, мы должны точно опредѣлить, чѣмъ отличается она отъ ученія Чарльза Дарвина.

Прежде всего, что означаетъ эпитетъ *ограниченный*, соединенный со словомъ *измѣняемость?* Относится ли это ограниченіе къ предѣламъ, въ которыхъ могутъ варіировать видовыя формы, или оно касается времени, въ теченіе котораго могутъ совершаться измѣненія, ограниченныя, такимъ образомъ, извѣстными эпохами. Возможно, что Исидоръ Жоффруа имѣлъ въ виду оба эти обстоятельства. На всей поверхности земного шара среднія условія существованія, различныя измѣненія среды, какъ кажется, колеблются въ очень узкихъ предѣлахъ; эти границы опредѣляютъ предѣлы измѣненій, которыя могутъ претерпѣть виды и которыя находятся въ тѣсной зависимости отъ внѣшнихъ агентовъ. Большія измѣненія среды, предполагая, что они бывали, имѣли мѣсто только въ интервалы, раздѣляющіе одинъ геологическій періодъ отъ другого; въ эти промежуточныя эпохи и происходили значительныя измѣненія видовъ. Исидоръ Жоффруа нигдѣ не говоритъ о продолжительности этихъ послѣднихъ измѣненій, но съ того времени, какъ была принята гипотеза генеалогической связи, становится совершенно невозможнымъ указать какія бы то ни было границы этой продолжительности. На самомъ дѣлѣ теперь, какъ кажется, уже вполнѣ установленъ фактъ, что въ первичный пе-

ріодъ не было ни птицъ, ни млекопитающихъ, что рептиліи появились послѣ батрахій и рыбъ, и что рыбы слѣдовали за безпозвоночными животными. Порядокъ появленія млекопитающихъ въ третичный періодъ могъ быть установленъ замѣчательнымъ образомъ. Идея родственной связи для сохраненія своего общаго значенія обязательно предполагаетъ, что животныя произошли одни отъ другихъ, а такихъ измѣненій нельзя допустить, не приписывая въ то же время виду измѣняемости, управляемой, правда, точными законами, но безусловно безконечной. Если измѣненія, которыя можетъ претерпѣть видъ въ теченіе одного геологическаго періода, кажутся съ перваго взгляда ограниченными, то ограниченіе это не можетъ распространяться на всѣ времена.

Но, быть можетъ, возможно предположить, что въ данный геологическій періодъ виды сохраняютъ устойчивость, позволяющую давать географическія расы. Такая гипотеза, очевидно, связана съ предположеніемъ, что въ исторіи земного шара были послѣдовательные періоды измѣненій и покоя. Но геологія уже оставляетъ эту точку зрѣнія, она даетъ все большія и большія доказательства того, что поверхность земли измѣнялась всегда съ той же медленностью, которую мы наблюдаемъ въ ея измѣненіяхъ и теперь, и что никогда не было рѣзкой границы между двумя слѣдующими другъ за другомъ геологическими періодами. Отнынѣ приходится предположить, что виды могутъ измѣняться, во-первыхъ, до безконечности, а, во-вторыхъ, въ теченіе всѣхъ эпохъ, слова же «ограченная измѣняемость, означаютъ только медленную постепенную измѣняемость», подчиненную вмѣстѣ законамъ наслѣдственности и приспособленія къ окружающимъ условіямъ, но, въ концѣ-концовъ, все-таки безграничную.

Требуетъ ли выполненіе этихъ измѣненій важныхъ перемѣнъ въ состояніи земного шара, какъ думалъ Исидоръ Жоффруа? Безъ сомнѣнія, нѣтъ. Самъ Исидоръ Жоффруа замѣтилъ, что постепенное распространеніе видовъ по земной поверхности, это—необходимое слѣдствіе возрастанія количества особей, ставитъ ихъ въ различныя условія, способныя ихъ модифицировать. Какія границы приписать этой способности видовъ къ распространенію? Не можетъ ли она, наконецъ, поставить животныхъ одного рода въ самыя различныя условія? Есть ли необходимость предполагать измѣненія въ средѣ, если и безъ того индивиды даннаго вида принуждены были подъ страхомъ смерти приспособляться къ самымъ разнообразнымъ условіямъ жизни, если они вынуждены были, такъ сказать, произвольно искать самыхъ различныхъ условій среды. Очевидно, нѣтъ. Это именно и доказалъ блестящимъ образомъ

Чарльзъ Дарвинъ, и въ этомъ его ученіе разнится отъ ученія Исидора Жоффруа.

По мнѣнію французскаго ученаго, организмы трансформируются, такъ сказать, пассивно вслѣдствіе измѣненій среды, дѣйствію которой они подвергаются. По мнѣнію англійскаго натуралиста, возрастаніе количества особей, борьба за существованіе, являющаяся его результатомъ, заставляютъ животныхъ и растенія пользоваться всякими условіями существованія, въ которыя имъ приходится попасть. Среда можетъ оставаться неизмѣнной въ своемъ безконечномъ разнообразіи, но видъ пластиченъ, онъ одаренъ неограниченной способностью воспринимать въ себѣ всѣ отпечатки, которые придаетъ ему это разнообразіе среды.

Отсюда вытекаетъ, что возможныя измѣненія не имѣютъ предѣловъ, потому что, съ одной стороны, индивиды одного вида сохраняютъ нѣчто, унаслѣдованное отъ общаго предка и отличающее ихъ отъ другихъ живыхъ существъ, съ другой—потомство каждаго изъ видовъ при возрастаніи въ количествѣ имѣетъ возможность въ будущемъ водвориться въ той или другой изъ безчисленныхъ, предназначенныхъ для обитанія, областей земного шара. Исидоръ Жоффруа указываетъ намъ на агентовъ измѣненія, дѣйствующихъ въ нѣкоторомъ родѣ съ перерывами. Чарльзъ Дарвинъ на ряду съ этими агентами отмѣчаетъ другую стоящую выше ихъ измѣняющую причину, которая до нѣкоторой степени заставляетъ выступать на сцену эти агенты,—это способность животныхъ распространяться, зависящая отъ воспроизводительной способности индивидовъ, составляющихъ видъ.

По этой новой гипотезѣ, виды безпрестанно измѣнялись съ той самой эпохи, когда впервые появилась на землѣ жизнь; не трудно понять, какъ пришли живущія формы къ тому удивительному разнообразію, которое открываетъ въ животномъ и растительномъ царствахъ изученіе ботаники, зоологіи и палеонтологіи. Для объясненія модификацій, къ которымъ способны виды, нѣтъ больше необходимости обращаться къ исключительнымъ явленіямъ, неизвѣстнымъ въ нашу эпоху,—явленіямъ, которыхъ человѣкъ никогда не могъ быть свидѣтелемъ, нѣтъ даже необходимости предполагать болѣе или менѣе глубокихъ перемѣнъ въ средѣ, гдѣ живутъ организмы; измѣненія живущихъ формъ, какъ и всѣ физическія и химическія явленія, наблюдаемыя нами, представляютъ слѣдствія нынѣ дѣйствующихъ и вполнѣ поддающихся опредѣленію причинъ. Этотъ путь скоро привелъ къ тому, что вопросы зоологіи и ботаники были поставлены совершенно иначе, чѣмъ раньше. Каждая изъ живущихъ формъ представляетъ результатъ послѣдователь-

наго ряда воздѣйствій среды на предковъ ея; теперь зарождается возможность опредѣлить, каковы были эти воздѣйствія, какой эффектъ они произвели, въ какомъ порядкѣ слѣдовали они другъ за другомъ.

Теперь вопросъ идетъ не о томъ, чтобы начертить просто картину природы, не о томъ, чтобы разоблачить тайну ея намѣненій, не о томъ, даже, чтобы выразить законы, которые управляютъ ею, когда она творитъ организмы; настало время найти объясненіе каждаго живого существа въ томъ смыслѣ, который придаютъ слову «объяснить» физики и химики, въ томъ смыслѣ, какъ уже начинаютъ понимать его физіологи. Методъ естественныхъ наукъ сводится къ общему методу наукъ физическихъ. Превосходство теоріи эволюціи, въ этомъ отношеніи не вполнѣ выясненное Дарвиномъ, скоро должно было проявиться и обусловить безспорное возрожденіе всѣхъ отраслей естественной исторіи. Несомнѣнно, мы далеки еще отъ осуществленія тѣхъ блестящихъ результатовъ, которые рисуются въ нашемъ воображеніи, но развѣ мало значитъ тотъ фактъ, что мы освободились, наконецъ, отъ антропоморфизма, тяготѣвшаго въ теченіе долгихъ вѣковъ надъ прекраснѣйшими идеями натуралистовъ, и поняли, что объясненія живыхъ существъ надо искать въ томъ мірѣ, гдѣ они живутъ, а не внѣ его; наконецъ-то мы убѣдились, что біологію можно будетъ считать законченной наукой съ того дня, когда явится возможность указать относительно каждаго живого существа причину, которая произвела его; убѣдились мы также и въ томъ, что зоологическая классификація будетъ представлять со временемъ исторію послѣдовательныхъ приспособленій живыхъ существъ къ окружающимъ условіямъ.

Если натуралисты долго считали эту цѣль выше силъ своихъ, если до первой половины нынѣшняго столѣтія они, отчаявшись найти въ природѣ объясненія, сочли необходимымъ соединить появленіе каждой живущей формы съ вмѣшательствомъ сверхъестественныхъ силъ, то, надѣюсь, мы указали на предъидущихъ страницахъ этой книги, что теперь, благодаря полученнымъ результатамъ, ихъ желанія сбылись. Предъ ними встаютъ новыя затрудненія. По прежнему ученію, вся природа была непосредственнымъ твореніемъ всемогущаго Создателя, и этимъ самымъ человѣкъ какъ бы былъ поставленъ въ постоянное общеніе съ божествомъ. Въ силу этого боялись, что ученіе о трансформизмѣ, указывая на то, что живыя существа, какъ и неодушевленныя тѣла, управляются слѣпыми силами, заставитъ забыть Бога. Но это опасеніе есть не больше, какъ остатки антропоморфизма. Тѣмъ, кто по этому по-

воду испытываетъ мученія совѣсти, можно напомнить, что химія, физика, астрономія, объясняя факты, входящіе въ ихъ область, еще не дошли до объясненія конечной причины. И новѣйшая біологія сдѣлала не больше въ этомъ отношеніи; она не отрицаетъ Бога; она только видитъ Его дальше, а главное—выше.

КОНЕЦЪ.

Поправка: Въ XVII и XVIII главахъ, помѣщенныхъ въ № 11 журнала, вслѣдствіе неправильной сверстки, вкралась очень важная погрѣшность. Все, что помѣщено въ XVII главѣ, начиная съ послѣднихъ двухъ строчекъ стр. 239, со словъ «Такимъ образомъ», и т. д. до самаго конца главы, должно быть помѣщено въ концѣ XVIII главы, на стр. 258, послѣ 11-ой строчки сверху, передъ словами «Теорія Стенеструна и т. д.», а весь конецъ XVIII главы, начиная съ этихъ словъ, долженъ быть помѣщенъ въ главу XVII, на страницу 239, передъ двумя послѣдними строчками, начинающимися «Такимъ образомъ» и проч.

Возрастаніе земледѣльческаго, промышленнаго и торговаго богатства отражается и въ благосостояніи низшихъ классовъ, нѣкогда столь удрученныхъ нуждою. Во Франціи и въ главныхъ странахъ Европы развитіе промышленности доставило возможность самымъ бѣднымъ классамъ лучше одѣваться и лучше питаться. Въ 1815 г. Франція потребляла 52 милліона гектолитровъ пшеницы; въ 1886 г. потребленіе ея возрасло до 82 милліоновъ. Потребленіе мяса удвоилось; въ Парижѣ оно достигаетъ 54 килограм. въ годъ на человѣка. Потребленіе соли, составлявшее въ 1788 г. 1½ килограм. на каждаго жителя Франціи, превосходитъ теперь 9 килограм. Потребленіе сахара увеличилось съ 1812 г. въ шестнадцать разъ. Повидимому, и средняя продолжительность жизни возросла во Франціи съ начала нынѣшняго вѣка. Въ 1801 г. во Франціи умирало 28 челов. на 1.000; въ 1883 г.—22. Въ прошломъ вѣкѣ средняя продолжительность жизни была не болѣе 28 лѣтъ; теперь она доходитъ до 40. Впрочемъ, уменьшеніе цифры рожденій въ этой странѣ весьма озабочиваетъ экономистовъ, и въ особенности моралистовъ.

Дѣломъ нашего вѣка было созданіе *народнаго просвѣщенія*, заботу о которомъ приняло на себя государство. Не слѣдуетъ слишкомъ низко ставить успѣховъ, достигнутыхъ двумя предшествующими вѣками, но они были дѣломъ лишь отдѣльныхъ лицъ. Во Франціи, между 1863 и 1869 г.г., когда портфель министерства просвѣщенія былъ въ рукахъ *Дюрюи*, народное образованіе, въ особенности, первоначальное, получило усиленное движеніе. Этотъ министръ въ знаменитомъ докладѣ предложилъ систему *обязательнаго обученія*, которая была принята уже ранѣе во многихъ европейскихъ государствахъ, и всего шире въ Германіи. Законъ 10 апрѣля 1867 г. распространилъ принципъ *дарового* обученія и заставилъ каждую общину съ населеніемъ болѣе 500 человѣкъ открыть общественную школу для дѣвочекъ. Классы для взрослыхъ и общинныя библіотеки получили значительное развитіе; число неграмотныхъ рекрутъ, доходившее до 36 на 100 въ 1850 году, уменьшилось въ 1868 г. до 21 на 100.

Война 1870 г. дала понять выгоды, доставляемыя народу образованіемъ. Поэтому начальное обученіе получило новый, еще болѣе сильный толчекъ. Въ *школьную кассу* вносились значительныя суммы для вспомоществованія при постройкѣ школъ; во всѣхъ департаментахъ, гдѣ не было *нормальныхъ школъ* для *учителей*, появились эти школы. Въ то же время возникли вновь *школы для учительницъ*, установлены были экзамены на новыхъ основаніяхъ, программы были измѣнены и дѣтскія убѣжища преобразованы подъ названіемъ *материнскихъ школъ*. Въ 1882 г. начальное обученіе сдѣлано было повсемѣстно обязательнымъ и даровымъ. Многочисленныя реформы введены были и въ среднихъ, и въ спеціальныхъ, и въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Въ Англіи, какъ мы говорили выше, народное образованіе находится въ рукахъ общества, и государство оказываетъ ему только пособіе. Это пособіе возрастаетъ, однако, все болѣе и болѣе: въ 1883 г. оно доходило до 40 милліоновъ рублей на наши деньги.

Съ 1870 г. палата общинъ принимаетъ уже болѣе прямое участіе въ наблюденіи за народнымъ образованіемъ. Съ 1880 г. администраціи мѣстныхъ школъ вмѣняется въ обязанность способствовать обязательному посѣщенію школы.

Эта обязательность давно уже существуетъ въ Германіи, гдѣ она поддерживается строгими законами относительно дѣтей до 14 лѣтняго возраста. Въ Австріи, имперскимъ школьнымъ закономъ съ 1869 г., посѣщеніе школы сдѣлано обязательнымъ; тотъ же законъ былъ принятъ въ Венгріи въ 1868 г. Данія, Швеція и Норвегія давно уже внесли эту обязательность въ свое законодательство. Швейцарія, раздѣлявшая съ Германіей величайшую заботливость о развитіи народнаго образованія, включила обязательность обученія въ федеральный актъ 1874 г. Испанія провозгласила тотъ же принципъ въ 1857 г., но никогда не примѣняла его на дѣлѣ. Италія приняла его въ 1877 г., а Португалія въ 1878 г. Въ Бельгіи и Голландіи, несмотря на стараніе либеральныхъ партій, до сихъ поръ его еще не удалось ввести.

Соотвѣтственно съ прогрессомъ народнаго образованія, происходилъ прогрессъ законодательства, свидѣтельствовавшій о возрастающемъ смягченіи нравовъ. Законъ 1832 г. уничтожилъ во Франціи смертную казнь за преступленія противъ собственности и за выдѣлку фальшивой монеты. Тотъ же законъ далъ присяжнымъ возможность смягчать суровость уголовнаго кодекса. Этотъ прогрессъ законодательства соотвѣтствовалъ, впрочемъ, уменьшенію числа преступленій. Если этого нельзя сказать о преступленіяхъ противъ личности, вызываемыхъ страстью, то уваженіе къ собственности замѣтно возрасло. Съ 1826 до 1830 г. ежегодное среднее число обвиненныхъ за преступленія противъ собственности было 5.306, изъ общаго числа преданныхъ суду, равнявшагося 7.130. Въ 1882 г. было предано суду 4.880 лицъ, изъ которыхъ подверглись обвиненію 2.911.

Общество съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе демократизируется, и интересы большинства все болѣе и болѣе признаются и охраняются. Съ 1848 г. обращено вниманіе на увеличеніе числа учрежденій, позволяющихъ трудящимся классамъ откладывать сбереженія на черный день. *Сберегательныя кассы*, возникшія при Реставраціи, въ настоящее время повсюду распространены во Франціи и по всей Европѣ. Во Франціи въ 1883 г. насчитывалась 4.535.431 сберегательная книжка, что представляло сумму въ 1.745.757.857 франковъ. Къ этимъ кассамъ, прибавлены были *почтовыя* сберегательныя кассы, которыя еще болѣе облегчаютъ возможность сбереженій. Закономъ 1850 г. учреждена была касса *пенсіоновъ* для стариковъ, бюджетъ которой доходитъ въ настоящее время до 500 милліоновъ; затѣмъ кассы *страхованій* на случай смерти и несчастія, не говоря уже о многихъ частныхъ страховыхъ обществахъ, упомянутыхъ выше.

Изъ этихъ новѣйшихъ учрежденій оказываютъ всего болѣе услугъ и всего значительнѣе распространяются общества взаимопомощи, которыя во Франціи разрѣшены были законами 1850 и 1852 г. Въ 1882 году число учрежденныхъ правительствомъ

обществъ этого рода доходило до 5.188. Они состоятъ изъ рабочихъ и служащихъ, оказываютъ помощь въ случаѣ болѣзни и обезпечиваютъ полученіе пенсіоновъ въ старости. Капиталъ ихъ, не превосходившій 10 милліоновъ въ 1852 г., увеличился до 107 мил. въ 1882 г. Въ Англіи и въ другихъ странахъ также существуетъ большое число этихъ обществъ, свидѣтельствующихъ о солидарности современнаго общества.

Бѣдствія, которыя не могутъ быть облегчены упомянутыми выше учрежденіями, облегчаются благотворительностью. Со времени Революціи, во Франціи возложена была на муниципалитеты обязанность помогать бѣднымъ посредствомъ, такъ-называемыхъ, *бюро благотворительности*. Число этихъ бюро доходитъ въ настоящее время до 14.000, и число лицъ, которымъ они оказываютъ помощь, достигаетъ, приблизительно, до 1.500.000, при нормальномъ капиталѣ въ 50 милліоновъ. Это, конечно, немного въ такой обширной странѣ, какъ Франція, но не надо забывать, что, кромѣ общественной благотворительности, въ ней широко распространена и благотворительность частная.

Число богадѣленъ доходитъ во Франціи до 1.636 съ 166.381 кроватью; въ 1881 г. болѣе 462.000 больныхъ пользовались лѣченіемъ въ больницахъ, и болѣе 63.000 стариковъ, разслабленныхъ и неизлѣчимо больныхъ, содержались въ пріютахъ. Для всѣхъ этихъ дѣлъ благотворительности собранъ былъ капиталъ въ 124.729.976 франковъ. Къ этимъ учрежденіямъ надо прибавить еще лѣчебницы для душевно-больныхъ, пріюты для сиротъ и убѣжища для малолѣтнихъ дѣтей, безплатныя амбулаторіи, убѣжища для выздоравливающихъ и проч.

XIX вѣкъ, что бы ни говорили о немъ пессимисты, взялъ верхъ надъ всѣми другими, между прочимъ, и на почвѣ благотворительности. Онъ выдвинулъ сострадательный характеръ современнаго общества.

---

*

ГЛАВА XIX.

РАСПРОСТРАНЕНІЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦІИ ПО ВСЕМУ МІРУ.

Стремленіе европейской цивилизаціи распространиться по остальнымъ частямъ свѣта. — Америка; быстрый подъемъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ;— Правительство; федеральный строй Соединенныхъ Штатовъ; свобода отдѣльныхъ штатовъ.—Отмѣна рабства (1865).—Земледѣльческое богатство Соединенныхъ Штатовъ; минеральныя богатства; каменный уголь, желѣзо, нефть и пр.—Промышленность и торговля; желѣзныя дороги.—Образованіе.—Американское общество.—Англійская Америка; Канадскія владѣнія.—Южная Америка; освобожденіе испанскихъ колоній.—Бразилія; республики Южной и Центральной Америки.—Мексика.—Африка; владѣнія англичанъ.—Французы въ Африкѣ; Сенегалъ; дѣятельность Франціи въ Алжирѣ.—Тунисъ.—Изслѣдованія Африки; Нигеръ; истоки Нила.—Ливингстонъ; Южная и Центральная Африка.—Камеронъ; Стэнли.—Международная африканская ассоціація; свободное государство Конго.—Оговэ; Альфредъ Маршъ и маркизъ де-Компьенъ; Саворньянъ ди Брацца; французская колонія въ Конго; изслѣдованія на югѣ Алжира.—Швейнфуртъ; Нахтигаль.—Португальскія колоніи: Серпа Пинто.—Германскія колоніи.—Океанія.—Колоніальныя владѣнія голландцевъ.—Англичане въ Австраліи.—Европейскія государства и Азія; владычество англичанъ въ Индіи.—Матеріальное положеніе Индіи; народонаселеніе; желѣзныя дороги.—Произведенія Индіи.—Промышленность и искусство.—Умственное состояніе; касты; религіи.—Китай.—Китайская цивилизація; народонаселеніе; правительство.—Религія; законодательство.—Земледѣліе.—Промышленность.—Прогрессъ Китая.—Японія.—Правленіе и прогрессъ въ Японіи.—Французскія колоніи.—Французскія колоніи въ Кохинхинѣ.—Камбоджа.—Тонкинъ и Аннамъ.

Древній міръ былъ заключенъ въ тѣсныхъ предѣлахъ. Германская и христіанская цивилизація безпрерывно распространялась все далѣе и далѣе: она покорила Европу.

Съ XVI столѣтія она стремится подчинить себѣ весь міръ. Въ началѣ XIX вѣка земной шаръ былъ уже изслѣдованъ, за исключеніемъ внутренней Африки. Португальцы, испанцы, голландцы, англичане и французы основывали повсемѣстно цвѣтущія колоніи. Но распространеніе европейской расы шло гораздо быстрѣе въ наше время, и теперь нѣтъ страны, куда она не проникала бы съ энергіей и постоянствомъ, совершенно измѣняя наружный видъ другихъ материковъ.

На первомъ планѣ должна быть поставлена Америка. На сѣверѣ этого материка англосаксонская, а въ срединѣ и на югѣ испанскія расы уничтожили и почти истребили туземное населеніе.

При установленіи Сѣверо-американскаго Союза въ 1787 г. въ него входило только 13 штатовъ; въ настоящее время ихъ насчитывается 38.

Число жителей Соединенныхъ Штатовъ во время первой переписи въ 1790 г. не достигало 4 милліоновъ человѣкъ; теперь оно превосходитъ 50 милліоновъ. Европейская эмиграція много способствовала этому быстрому росту народонаселенія: Германія и особенно Ирландія доставили значительную часть эмигрантовъ.

Соединенные Штаты представляютъ конфедерацію независимыхъ штатовъ, связанныхъ лишь потребностью общей защиты и общихъ интересовъ. Граждане отдѣльныхъ штатовъ вовсе не

возлагаютъ на правительство заботу дѣйствовать вмѣсто нихъ. Свобода отдѣльной личности внутри штата и свобода штатовъ внутри Союза—таково начало конституціи Союза и отдѣльныхъ штатовъ. Свобода гражданъ находится подъ защитой *habeas corpus*, дѣйствіе котораго можетъ пріостанавливаться лишь въ особенно важныхъ случаяхъ; граждане имѣютъ право собраній и петицій. Они не предъявляютъ никакихъ требованій къ государству во всемъ, что̀ касается ихъ матеріальныхъ и нравственныхъ интересовъ. У каждаго города—свой бюджетъ, свои учебныя заведенія, свои больницы и тюрьмы и свои общественныя работы, о которыхъ онъ долженъ заботиться. Это—самая полная децентрализація, какую можно себѣ представить.

Не опасаясь иностранныхъ вторженій, Союзъ могъ освободить себя отъ содержанія громадныхъ армій, подавляющихъ бюджеты европейскихъ государствъ. Армія Сѣверо-Американскихъ Штатовъ представляетъ лишь малочисленное ядро (около 25.000 человѣкъ), около котораго, въ случаѣ необходимости, собирается милиція, какъ это было въ ужасную войну 1861—1865 г. Эта война едва не нарушила цѣлость Союза. Къ счастью, гуманныя начала одержали въ ней верхъ. Съ 1865 г. Америка стала страною свободы.

Благосостояніе страны, нѣсколько задержанное этимъ страшнымъ кризисомъ, было возстановлено немедленно послѣ окончанія его. Трудно назвать другую страну, въ которой совершалось бы такое быстрое преуспѣяніе земледѣльческое, промышленное и торговое. Громадныя равнины Запада, нѣкогда покрытыя высокими травами, среди которыхъ ползали змѣи, превратились въ необозримыя хлѣбныя поля. Америка отправляетъ теперь въ Европу такое количество хлѣба, что эта послѣдняя испытываетъ большую тревогу за будущность собственнаго земледѣлія. Соединенные Штаты питаютъ европейскія фабрики, кромѣ того, хлопкомъ и табакомъ. Зеленѣющая поверхность почвы скрываетъ неисчерпаемыя минеральныя сокровища—каменный уголь, желѣзо, нефть и золото. Вокругъ большихъ озеръ находятся и замѣчательныя залежи мѣди. Поэтому металлургическая промышленность пріобрѣла громадные размѣры, въ особенности, въ сѣверныхъ штатахъ.

Будучи богатымъ рынкомъ сырого матеріала, Америка сдѣлалась вмѣстѣ съ тѣмъ и страной мануфактуръ. Соединенные Штаты вырабатываютъ сами свои ткани и, для большаго поощренія своей промышленности, ввели у себя покровительственную систему. Величайшее удобство сообщеній, громадныя желѣзныя дороги и пароходство по большимъ озерамъ и рѣкамъ способствуютъ развитію торговли; американскіе коммерсанты, наравнѣ съ англійскими, встрѣчаются повсюду.

Практическій геній ихъ всего болѣе выразился въ постройкѣ желѣзныхъ дорогъ. Пользу ихъ они поняли раньше европейцевъ и начали проводить рельсовые пути тамъ, гдѣ даже не было простыхъ дорогъ. Несчастные случаи, происходившіе на ихъ желѣзныхъ дорогахъ, не останавливали ихъ, и въ семь лѣтъ, отъ 1862 до 1869 г., они провели между Атлантическимъ и Тихимъ океанами желѣзный путь почти въ 4.800 килом., по которому можно пе-

ресѣчь американскій материкъ въ одну недѣлю. Успѣхъ этого громаднаго предпріятія способствовалъ построенію другихъ подобныхъ путей, между прочимъ, *Сѣверной Тихоокеанской* желѣзной дороги, направляющейся къ Орегону. Почта и телеграфъ получили соотвѣтственное развитіе, и Америка, какъ мы знаемъ, была родиной телефона.

Пуританамъ, основавшимъ колонію въ Массачусетсѣ, принадлежитъ честь провозглашенія еще въ 1635 г. принципа, что «воспитаніе дѣтей націи должно быть дѣломъ самой націи». Уже въ 1642 г. они ввели обязательное обученіе. Ни одна страна не жертвуетъ такъ много на народное образованіе; всѣ американскіе города соперничаютъ между собою количествомъ всевозможныхъ учебныхъ заведеній. Въ 1880 г. расходы на общественныя школы во всѣхъ штатахъ достигали 80.732.838 долларовъ, т.-е. болѣе 160 милліоновъ рублей.

Несмотря на свое практическое направленіе, американцы не пренебрегали и высшей умственной культурой. У нихъ есть свои знаменитые литераторы и ученые. Въ Европѣ получили большую извѣстность американцы Фениморъ Куперъ, Эдгаръ По, Лонгфелло и Бичеръ-Стоу, а также историки Уильямъ Прескоттъ, Вашингтонъ Ирвингъ и Мотлэй, философъ Эмерсонъ и др.

Оригинальное, сильное, хотя и юное общество въ Америкѣ организовалось съ поразительной быстротой, благодаря тому, что въ его рукахъ оказались совершенно готовыя орудія цивилизаціи, которыя Европа вырабатывала съ такимъ трудомъ. У него не было традицій, но не было за то историческихъ препятствій, затруднявшихъ свободу его движеній. Оно могло широко примѣнить къ дѣлу жизненные принципы англо-саксонской расы и, съ политической точки зрѣнія, представило замѣчательный примѣръ серьезно организованной демократіи. Американцы свободно распространялись по обширнымъ пространствамъ, распахивали землю, строились, работали и торговали, не заботясь ни о чемъ, кромѣ поддержанія порядка. Разсчитывая всего болѣе на индивидуальную энергію, они заботились о томъ, чтобы не ограничивать ее никакими стѣснительными законами. При такомъ строѣ, способности человѣка развиваются во всей своей широтѣ. Скромный земледѣлецъ, мелкій приказчикъ могутъ достигать самыхъ высокихъ положеній; многіе милліонеры, государственные люди и даже президенты поднимаются тамъ изъ низшихъ слоевъ населенія. Ихъ возвышеніе, впрочемъ, не нарушаетъ равенства, коренящагося тамъ въ нравахъ еще глубже, чѣмъ въ законахъ. Въ сѣверо-американскомъ обществѣ нѣтъ кастъ; различія тамъ существуютъ только по отношенію къ богатству, и рѣзкость этихъ различій сглаживается, по возможности, широкой частной и общественной благотворительностью.

Въ этомъ заключается одно изъ главныхъ достоинствъ американскаго общества, глубоко религіознаго, несмотря на множество вѣроисповѣданій, пользующихся одинаковой свободой. Протестантизмъ тамъ преобладаетъ, но и католицизмъ имѣетъ многочисленныя церкви и епископства. Религіозный духъ въ особенности чувствуется въ сѣверныхъ штатахъ, гдѣ еще живы пуританскія традиціи.

Нельзя сказать, впрочемъ, чтобы въ нравственномъ отношеніи Соединенные Штаты стояли выше европейскихъ государствъ. Крайняя свобода, доходящая до распущенности, жажда обогащенія, необузданная страсть къ роскоши, невоздержность и грубость нравовъ, несмотря на внѣшній лоскъ, не даютъ права этому обществу, хотя и блестящему, считать себя образцовымъ. Помимо того, тамъ существуетъ такое смѣшеніе расъ, что общество въ каждомъ штатѣ имѣетъ, такъ сказать, свою особую физіономію. Это общество имѣетъ всѣ качества и недостатки молодости: живость, пылкость, страстность въ работѣ и наслажденіяхъ, грубость манеръ, смѣлость, доходящую до наглости, удивительное упорство въ борьбѣ съ природой, изобрѣтательность и предпріимчивость, но оно не въ силахъ соперничать блескомъ литературы и искусствъ со старыми европейскими обществами, ревниво хранящими традиціи древности, возобновленныя и подкрѣпленныя ими. Американцы могутъ гордиться, что они открыли для цивилизаціи обширный материкъ, но ихъ гордость не должна переходить извѣстныхъ предѣловъ, такъ какъ за Европой остается бо̀льшее изящество цивилизаціи, памятниковъ литературы и искусства, бо̀льшая нравственность и сдержанность общественной жизни и бо̀льшее равновѣсіе учрежденій.

Франція, колонизовавшая берега рѣкъ Св. Лаврентія и Миссисипи, допустила англичанъ занять свое мѣсто. Послѣдніе организовали къ сѣверу отъ Великихъ озеръ, отъ Атлантическаго до Тихаго океана, колоніальное государство, которое не можетъ соперничать съ тѣмъ, которое они потеряли, но которое, тѣмъ не менѣе, достойно вниманія, несмотря на суровость климата. Отказавшись отъ безсмысленныхъ строгостей прежней колоніальной системы, англичане понемногу дали свободу своимъ колоніямъ въ Колумбіи и Канадѣ, которыя составляютъ теперь почти самостоятельныя государства подъ именемъ *Канадскихъ владѣній.* Французская раса, въ сущности, продолжаетъ еще преобладать на рѣкѣ Св. Лаврентія, въ Квебекѣ и Монреалѣ. Тамъ удержалась чисто французская цивилизація и даже нравы, костюмы и языкъ XVIII в. Англичане утвердились далѣе въ Верхней Канадѣ, въ Оттавѣ, и проникаютъ оттуда до ледяныхъ береговъ Гудзонова залива и рѣки Мэкензи. Несмотря на малочисленность населенія этихъ обширныхъ странъ, изъ которыхъ лишь немногія доступны для земледѣлія и обитанія, успѣхи современной промышленности выражаются тамъ довольно значительнымъ развитіемъ желѣзныхъ дорогъ.

Въ началѣ XIX в. Испаніи принадлежала большая часть американскаго материка,—Мексика, Средняя и Южная Америка, за исключеніемъ Бразиліи. Но Испанія не могла отрѣшиться отъ старинныхъ заблужденій и отъ монополій. Она старалась изолировать отъ всего міра свои колоніи, протяженіе которыхъ не соотвѣтствовало ея внутренней силѣ. Она относилась съ величайшимъ презрѣніемъ не только къ коренному населенію, но и къ креоламъ и даже къ испанцамъ, рожденнымъ въ Америкѣ, которые были устранены отъ всѣхъ общественныхъ должностей. Воздѣлываніе виноградной лозы и оливковаго дерева не допускалось въ Мексикѣ, которая должна была получать все, что̀ ей было нужно, изъ Испаніи.

Наученныя примѣромъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ и возбуждаемыя слухами объ европейскихъ революціяхъ, населенія испанской Америки стремились къ коммерческой и политической свободѣ.

Вторженіе французовъ въ Испанію (въ 1808 г.) и воцареніе новой династіи послужило поводомъ къ первому потрясенію, но до 1815 г. ни одной изъ колоній не удалось получить свободу. Испанская революція 1820 г., обезсиливъ монархію Фердинанда VII, дала возможность колоніямъ разорвать свои узы, что, однако, не обошлось безъ борьбы: Боливару и Санъ-Мартину пришлось выдержать ожесточенную битву прежде, чѣмъ имъ удалось освободить штаты Южной Америки, которые, между 1820 и 1826 гг., организовались въ республики Колумбію, Перу и Чили. Средняя Америка и Мексика также добились независимости. Съ 1817 г. начала организоваться Аргентинская конфедерація.

Это знаменитое движеніе имѣло весьма важныя экономическія послѣдствія: оно уничтожило монополію. Новый Свѣтъ теперь весь былъ открытъ для европейской торговли. Съ политической точки зрѣнія, результаты были менѣе удачными. Креолы оказались мало способными къ самоуправленію, и повсюду, отъ Мексики до Буэносъ-Айреса царствовала анархія. Молодыя республики съ излишней поспѣшностью ввели въ среду неподготовленнаго населенія политическія системы и ученія Европы. Несмотря на постоянныя смуты, республики, однако, не пришли въ упадокъ.

Бразилія занимаетъ двѣ пятыхъ части южноамериканскаго материка, превосходя своей поверхностью поверхность Франціи почти въ 14 разъ. Но населеніе ея слишкомъ рѣдко для такого огромнаго пространства, орошаемаго громадными рѣками Амазонкой и Параной. Бразилія встрѣчаетъ непреодолимыя затрудненія въ своей роскошной растительности и громадныхъ лѣсахъ, непроходимыхъ отъ переплетающихся деревьевъ и ліанъ, отъ широкихъ рѣкъ, отъ невыносимаго зноя, вызывающаго къ жизни множество растеній и насѣкомыхъ, но и порождающихъ міазмы въ остаткахъ растительности, скопляющихся огромными массами и разлагающихся. Дѣло колонизаціи тамъ труднѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было, и приливъ эмагрантовъ въ эту страну весьма не великъ. Тѣмъ не менѣе, населеніе увеличивается; во многихъ мѣстахъ проведены желѣзныя дороги и Бразилія, благодаря своимъ превосходнымъ произведеніямъ (кофе, сахаръ, табакъ, цѣнныя деревья), обѣщаетъ, при дальнѣйшемъ развитіи производительности и торговли, удовлетворить обѣщаніямъ, возбужденнымъ плодородіемъ ея почвы, которая орошается величайшими рѣками міра и пользуется самымъ благопріятнымъ климатомъ.

Кругомъ Бразиліи живутъ лихорадочной жизнью республики, раскинувшіяся на просторѣ въ пампасахъ рѣки Ла-Платы или сжатыя между высокой цѣпью Андъ и Тихимъ океаномъ. Величественные потоки Парана̀ и Парагвай, выходящіе изъ центра плоскогорій Бразиліи, направляются къ юговостоку, охватывая государства Парагвая и часть территоріи Аргентины. Эти рѣки соединяются въ 270 миляхъ отъ океана и затѣмъ орошаютъ своими соединенными водами громадные Аргентинскіе пампасы. Въ 70 ми-

ляхъ къ этой двойной рѣкѣ присоединяется еще Уругвай, также текущій изъ Бразиліи и орошающій территорію республики, получившей отъ него свое имя. Изъ этого сочетанія трехъ водныхъ путей, принадлежащихъ къ числу наиболѣе замѣчательныхъ во всей Америкѣ, образуется рѣка Ла-Плата, изливающая свои обильныя воды въ Атлантическій океанъ чрезъ роскошное устье въ 35 миль шириною.

Тамъ лежатъ громадныя пространства, привлекающія колонистовъ. Аргентина заключаетъ поверхность, въ 4 или 5 разъ превышающую поверхность Франціи, и, между тѣмъ, въ ней немногимъ болѣе трехъ милліоновъ жителей. Эмиграція еще нерѣшительно распространяется въ этой странѣ, безпрестанно волнуемой революціями, и Аргентинская республика только еще начинаетъ извлекать пользу изъ благопріятныхъ условій своей богатой почвы, обилія текущихъ водъ и здороваго климата. Парагваю дорого обошлась продолжительная борьба, которую онъ долженъ былъ выдержать противъ Аргентины и Бразиліи. Развитіе Уругвая также было задержано войнами, вызывавшимися завистью его сосѣдей. Чили, Перу и др. андскія республики не переставали бороться между собою.

Тѣмъ не менѣе, съ начала нынѣшняго вѣка, населеніе прежнихъ испанскихъ колоній болѣе чѣмъ удвоилось. Тамъ строятся теперь желѣзныя дороги. Громадныя стада Аргентины, мѣдные рудники Чили, перуанское гуано, кофе, табакъ и хининъ Колумбіи поддерживаютъ довольно дѣятельную торговлю. Въ Буэносъ-Айресѣ теперь уже болѣе 300.000 жителей, въ портѣ Санъ-Яго—около 200.000 и въ Вальпараисо болѣе 100.000. За матеріальнымъ развитіемъ слѣдуетъ развитіе умственное и нравственное. Просвѣщеніе распространяется; газѐты, выходящія тысячами экземпляровъ, пользуются полнѣйшей свободой; библіотеки и школы умножаются.

Въ Мексикѣ, послѣ мимолетнаго правленія Итурбида, установилась федеральная республика. Новая конституція, составленная по образцу конституціи Соединенныхъ Штатовъ, получила окончательную форму въ 1824 г. Съ тѣхъ поръ двѣ партіи, федералисты и монархисты, не переставали оспаривать власть другъ у друга, и почти всѣ президенты были низвергнуты своими соперниками. Эти перевороты благопріятствовали честолюбію Соединенныхъ Штатовъ, которые отняли у республики двѣ провинціи, Калифорнію и Новую Мексику (1846). Европа нѣсколько разъ вмѣшивалась въ эту борьбу, и послѣ совмѣстной дѣятельности Испаніи и Англіи, въ 1861 г., французское правительство при Наполеонѣ III позволило вовлечь себя въ безумное предпріятіе—возстановленіе монархіи въ Мексикѣ подъ властью эрцгерцога Максимиліана. Мексиканская война, продолжавшаяся отъ 1862 до 1867 г., правда, привела къ устройству этой имперіи, но французскія войска не могли оставаться въ странѣ и должны были покинуть ее, въ виду враждебнаго отношенія Соединенныхъ Штатовъ. Мексиканская имперія быстро пала, и императоръ Максиміліанъ испыталъ въ Керетаро печальную участь Итурбида.

Эта долгая война была полезнымъ испытаніемъ для Мексики; съ того времени она обратила главное вниманіе на внутреннія улуч-

шенія и вступила въ новую эпоху—эпоху серьезной работы. Въ этой странѣ, поверхность которой въ три раза превышаетъ поверхность Франціи, насчитывается немного болѣе 10 милліоновъ жителей. Въ 1862 г. въ ней была лишь одна желѣзная дорога; во время французской экспедиціи начали строить линію изъ Веракруца въ Мексико. Въ настоящее время желѣзнодорожная сѣть имѣетъ болѣе 5.000 километровъ длины.

Африканскій материкъ почти до нашихъ дней оставался за предѣлами исторіи. Первые колонизаторы его, португальцы, занимали лишь нѣсколько узкихъ прибрежныхъ полосъ. Но и этотъ материкъ все болѣе и болѣе подпадаетъ подъ власть европейскихъ державъ, послѣ того, какъ неустрашимые путешественники раскрыли таящіяся въ немъ богатства.

Прочнымъ пріобрѣтеніемъ, результатъ котораго уже достаточно обнаружился, можно считать пріобрѣтенія Англіи и Франціи. Первыя находится на рѣкѣ Гамбіи, на берегахъ Гвинейскаго залива и въ Капской колоніи, отнятой у голландцевъ въ 1815 г. Эта колонія получила отъ Англіи свободное правленіе по образцу европейскихъ правительствъ. Тамъ разрабатываются минеральныя богатства—каменный уголь, мѣдь, золото и, въ особенности, алмазы, открытые въ 1816 г. на берегахъ рѣки Вааля. Изъ этой колоніи англичане распространились до р. Оранжевой и отчасти покорили дикую страну зулусовъ, но потомки голландцевъ, *буры*, поддержали свою независимость въ Оранжевой и Трансваальской республикахъ.

Франція также не перестаетъ обращать вниманіе на колонизаціи Африки. Не говоря о мелкихъ островахъ, она всего болѣе старается развить ее въ Сенегалѣ и Алжирѣ. Сенегалъ получилъ большое развитіе при второй имперіи. Губернаторъ Федербъ своимъ энергичнымъ и разумнымъ управленіемъ распространилъ французское владычество на Кайоръ, Бондо и Бамбукъ. Послѣ погрома 1870 г. пришлось отказаться отъ нѣкоторой части этихъ завоеваній, но затѣмъ поступательное движеніе возобновилось и, послѣ новыхъ войнъ, Кайоръ былъ присоединенъ къ колоніи. Для лучшей эксплоатаціи богатствъ страны съ роскошной растительностью и для открытія сообщенія съ Верхнимъ Нигеромъ и Суданомъ, французское правительство рѣшилось построить три линіи желѣзныхъ дорогъ; въ 1884 г. была открыта вѣтвь отъ Дакара до Руфиска. Населеніе тамъ пока еще малочисленно и торговля незначительна, но то и другое увеличивается съ каждымъ годомъ.

Однимъ изъ самыхъ полезныхъ завоеваній Франціи въ нынѣшнее столѣтіе было завоеваніе Алжирской области. Начатое при Карлѣ X, который хотѣлъ наказать алжирскаго дея за неуважительное отношеніе къ Франціи и уничтожить морскіе разбои, оно продолжалось при Людовикѣ-Филиппѣ и послѣдующихъ правительствахъ.

Городъ Алжиръ былъ взятъ 30 іюля 1830 г., затѣмъ французы оставили за собой порты Оранскій и Бонскій. Изъ этихъ трехъ пунктовъ французы распространились во внутрь страны. Въ 1834 г. началась тринадцатилѣтняя борьба со знаменитымъ эмиромъ, полко-

водцемъ и пророкомъ Абдель-Кадеромъ, маскарскимъ беемъ. На югѣ французы далеко перешли предѣлы, на которыхъ останавливались римляне.

Преобразованіе Алжирской области казалось сперва весьма труднымъ дѣломъ. Французы видѣли передъ собою многочисленное туземное населеніе, враждебное и религіи, и нравственности Запада. Они не оказывали надъ нимъ никакого насилія и постепенно примирили его съ собою. Но колонизація подвигалась съ большимъ трудомъ и требовала продолжительнаго времени. Колонизаціи, вызывавшей развитіе земледѣлія, не легко было сладить съ кочевымъ духомъ арабовъ. Однако, съ шестидесятыхъ годовъ она сдѣлала замѣчательные успѣхи. Въ Алжирской области, раздѣленной на три департамента, со всѣми учрежденіями, охраняющими общественное спокойствіе, вмѣстѣ съ этимъ послѣднимъ возрастаетъ земледѣліе и промышленное благосостояніе. Эта страна, служившая нѣкогда житницей для Рима, начала вывозить прекрасный хлѣбъ и плоды—апельсины, винныя ягоды и миндаль. Винодѣліе тамъ преуспѣваетъ какъ нельзя лучше. Недавно введена тамъ культура хлопка. Лѣса, занимающіе 2 милліона гектаровъ, доставляютъ значительныя количества строевого и цѣннаго лѣса. Скотоводство продолжаетъ процвѣтать въ Алжирѣ: кромѣ знаменитыхъ лошадей, тамъ разводятъ многочисленныя стада рогатаго скота и овецъ. Въ этой странѣ проведено уже болѣе полуторы тысячъ километровъ желѣзныхъ дорогъ; проѣзжія дороги проходятъ черезъ Атласъ и горы Кабиліи; телеграфная сѣть идетъ на протяженіи болѣе 6.000 километровъ. Искусно устроенное орошеніе и артезіанскіе колодцы, вырытые въ Сахарѣ, позволяютъ отвоевывать плодородную землю у пустыни. Строятся новые города и деревни, открываются школы, не только для европейцевъ, но и для арабовъ, учреждаются коллегіи, лицеи, литературныя и ученыя общества, благотворительныя заведенія и проч.,—однимъ словомъ, все, что характеризуетъ нашу цивилизацію, пересаживается въ Алжирскую область и развивается тамъ. Страна, управляемая гражданскимъ губернаторомъ и имѣющая своихъ представителей въ парламентѣ, все болѣе и болѣе становится африканской Франціей.

Весьма благопріятнымъ для Алжирской области должно оказаться распространеніе французскаго вліянія на Тунисъ. Тунисская область, граничащая съ Алжиромъ на востокѣ и составляя съ нимъ общую географическую область, находится подъ покровительствомъ Франціи съ 1861 г. Преобразованное управленіе бея обѣщаетъ возможность ввести въ эту страну всѣ улучшенія, уже осуществившіяся на алжирской почвѣ. Не слѣдуетъ забывать, что Тунисъ нѣкогда считался самою плодородною страною въ мірѣ. Болѣе 2.000 торговыхъ судовъ посѣщаютъ его порты, и желѣзнодорожная сѣть его постепенно возрастаетъ.

Лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ, карта Африки была пустою и нѣмою. Въ настоящее время она покрыта надписями; неустрашимые изслѣдователи, преодолѣвая бо́льшія опасности, чѣмъ мореплаватели XVI в., проникли въ глубь неизвѣстныхъ странъ и раскрыли африканскій материкъ для европейцевъ, которые до

тѣхъ поръ держались только узкой береговой полосы. Исторія первыхъ изслѣдователей внутренней Африки есть длинный списокъ мучениковъ науки, такъ какъ они, по большей части, пали жертвою свирѣпости дикихъ племенъ. Эта исторія начинается съ Мунго Парко въ концѣ прошлаго вѣка за которымъ слѣдуютъ Клаппертонъ, Рене Калье, Лендеръ, Бартъ, Фогель и др. Благодаря этимъ ученымъ и мужественнымъ путешественникамъ, стали извѣстны Суданъ, Сенегалъ, теченіе Нигера и бассейнъ озера Чадъ, а также и грубое черное населеніе этихъ странъ.

Еще большее волненіе вызвано было въ Европѣ извѣстіемъ объ открытіи источниковъ Нила, остававшихся неизвѣстными до нашего времени. Уже съ прошлаго вѣка слѣдовали одна за другою попытки добраться до нихъ. Спикъ и Бёртонъ въ 1838 г. отправились изъ Занзибара на восточномъ берегу, пересѣкли горную цѣпь съ высокими вершинами Кеніа и Килиманджаро, и вступили на другое плоскогорье, гдѣ открыли громадное озеро Танганьику. Кромѣ того, они узнали, что къ сѣверу оттуда находятся другія озера. Спикъ, во второмъ путешествіи, которое онъ совершилъ съ Грантомъ, рѣшился достигнуть этихъ озеръ, въ которыхъ можно было предположить истоки Нила. Между 1860 и 1862 гг. Спикъ и Грантъ, открывъ озеро Укереве, названное ими озеромъ Викторіи, убѣдились, что изъ него вытекаетъ большая рѣка. Услыхавъ, что эта рѣка впадаетъ въ другое озеро, поднялсь къ сѣверу и достигли Нила.

Самымъ своеобразнымъ и замѣчательнымъ путешественникомъ былъ простой протестантскій миссіонеръ *Давидъ Ливингстонъ*. Выѣхавъ съ мыса Доброй Надежды въ 1840 году, онъ изслѣдовалъ Южную Африку, озеро Нгами и долину Замбези. Въ 1852 г. онъ достигъ Санъ-Паоло де-Лоанда, на западномъ берегу. На возвратномъ пути, по долинѣ Замбези, онъ открылъ водопады Викторіи, въ которыхъ рѣка, шириною въ 1.800 метровъ, низвергается въ пропасть, вдвое превышающую глубину Ніагары. Оттуда Ливингстонъ добрался до Килиманы на восточномъ берегу, пройдя болѣе 3.700 килом. О немъ такъ долго не было извѣстій, что на поиски его былъ посланъ американецъ Стэнли, которому и удалось встрѣтить его въ Уджиджи. Стэнли предлагалъ ему вернуться въ Англію, но Ливингстанъ отказался и умеръ черезъ два года отъ истощенія силъ. Тѣло его было доставлено лейтенантомъ Камерономъ и погребено въ Вестминстерскомъ аббатствѣ.

Камеронъ пожелалъ послѣдовать его примѣру и, съ 1873 по 1875 г., проѣхалъ по бассейну Конго всю Африку. Выступивъ съ востока, онъ выѣхалъ на западѣ изъ Бенгуэлы, пройдя 5.500 километровъ.

Стэнли, въ свою очередь, совершилъ большое трехлѣтнее путешествіе (1874—1877), опредѣлилъ водораздѣлъ Нила и Конго и прослѣдилъ теченіе послѣдней изъ этихъ рѣкъ. Затѣмъ онъ вступилъ на службу Международной африканской ассоціаціи, давно еще учрежденной для уничтоженія торговли черными невольниками, но затѣмъ преобразованной въ общество съ цѣлью способствовать изслѣдованію неизвѣстныхъ частей Африки. Подъ покровительствомъ

и предсѣдательствомъ бельгійскаго короля Леопольда II, съ помощью комитетовъ другихъ странъ, Африканская ассоціація отправила новыя экспедиціи, снаряженныя какъ нельзя лучше. Стэнли учредилъ многія станціи въ бассейнѣ Конго, но такъ какъ другія державы заявили притязаніе на извѣстную часть территоріи ассоціаціи, то эти притязанія были подвергнуты обсужденію конференціи въ Берлинѣ въ 1884 г. На этой конференціи были признаны существованіе *свободнаго государства Конго* и свобода торговаго судоходства по этой рѣкѣ.

Французы, въ свою очередь, съ 1872 г. дѣлали попытки проникнуть во внутрь экваторіальной Африки, черезъ берегъ Габуна и бассейнъ Огове. Страна эта была изучена Альфредомъ Маршемъ и маркизомъ Компьеномъ. Въ 1876 г. началъ свои замѣчательныя изслѣдованія Саварньянъ ди-Брацца, офицеръ французскаго флота. Онъ совершилъ два путешествія, которыя дали ему возможность объѣхать громадную территорію и заключить договоръ съ однимъ изъ самыхъ могущественныхъ правителей этой страны, царемъ Макоко. Онъ основалъ станціи Франсвилль и Брацвилль и заставилъ мѣстныя племена признать покровительство Франціи. Трактатомъ 1855 г. была установлена новая французская колонія съ границей по лѣвому берегу Конго. Эта колонія, заключающая не менѣе 500.000 квадр. килом., весьма плодородной почвы много обѣщаетъ въ будущемъ.

Не мало смѣлыхъ экспедицій французскихъ ученыхъ и изслѣдователей отправлены были изъ алжирской области черезъ Сахару. Путь для нихъ открытъ былъ Рене Калье еще до завоеванія Алжира (1828). За нимъ слѣдовали многіе французскіе путешественники, изъ которыхъ иные пали жертвою своего научнаго рвенія, все-таки не открывъ пути, который долженъ связать Алжиръ съ Сенегаломъ.

Ученый ботаникъ Георгъ Швейнфуртъ направился въ западную область бассейна Нила и посѣтилъ страну, обитаемую *ніамъніамами* и малорослыми *акками* (1868—1871). Нѣмецкій путешественникъ Нахтигаль совершилъ путешествіе, не менѣе заслуживающее удивленія. Выѣхавъ изъ Триполи въ 1869 г., онъ посѣтилъ область озера Чадъ, Багирми, Вадаи и въ 1874 г., чрезъ Дарфуръ и Кардофанъ, прибылъ въ Хартумъ, мѣсто сліянія Бѣлаго и Голубого Нила.

Португальцы, первые изслѣдователи и властелины африканскаго берега, не остались равнодушными къ этимъ путешествіямъ, показавшимъ имъ, чего они могли бы достигнуть, если бы долѣе владѣли страною. Въ 1877 г. португальское правительство послало экспедицію подъ начальствомъ майора Серпа Пинто, который, изучивъ притоки Замбези, спустился къ югу черезъ пустыню Калагари и, пройдя всю южную Африку, прибылъ въ Дурбанъ, въ колоніи Наталь.

Германія, стоявшая до послѣдняго времени въ сторонѣ отъ колоніальной политики, пожелала также водрузить свое знамя въ отдаленныхъ странахъ: она учредила факторіи въ Камерунѣ, на берегу Гвинейскаго залива, и заставила признать за собою право

на обладаніе западнымъ берегомъ Африки отъ мыса Фріо до рѣки Оранжевой.

Начиная съ XVI в., европейцы открыли между Азіей и Америкой цѣлый міръ островов, изъ которыхъ многіе отличаются замѣчательнымъ плодородіемъ. Въ XIX столѣтіи французскіе и англійскіе мореплаватели не оставили ни одного острова не изслѣдованнымъ, и достигли даже антарктическихъ земель къ югу отъ Америки. Англичанинъ Джемсъ Россъ (1841) проникъ далѣе всѣхъ по направленію къ южному полюсу. Можно сказать, что въ настоящее время человѣку извѣстны самыя крайніе предѣлы его мѣстообитанія. Эти путешествія и открытія способствовали обогащенію и теоретической науки. Физика земного шара обязана имъ опредѣленіемъ магнитныхъ полюсовъ и термическаго экватора, изученіемъ вѣтровъ и морскихъ теченій, а ботаника и зоологія—изслѣдованіемъ различныхъ животныхъ и растительныхъ видовъ.

Голландцы сохранили и развили могущество колоніальныхъ владѣній, которыя они пріобрѣли въ Океаніи еще въ XVII в. Эти владѣнія охватываютъ Яву, Суматру и Зондскіе острова и содержатъ болѣе 20 милліоновъ жителей. Они управляются государственною властью, но участіе въ правленіи предоставляется и туземцамъ, прежніе вожди которыхъ лишь обращены въ вассаловъ. Съ 1859 г. въ Нидерландской Индіи уничтожено невольничество. Вмѣстѣ съ тѣмъ, голландцы стараются просвѣтить туземцевъ въ умственномъ и нравственномъ отношеніи и облегчить для нихъ возможность существованія. Они постоянно увеличиваютъ число школъ, и въ Батавіи существуетъ центральная коммиссія народнаго образованія. Голландскія колоніи, находясь въ счастливомъ климатѣ, развиваются съ изумительной быстротой. Кофе, сахаръ, рисъ, индиго, чай, кошениль и корица составляютъ главные предметы вывоза. Голландцы стараются акклиматизировать въ своихъ владѣніяхъ строевыя деревья и новые виды деревьевъ, въ родѣ гвоздичнаго и т. п. На о. Явѣ теперь уже нѣсколько сотъ километровъ желѣзныхъ дорогъ.

Англичане въ концѣ прошлаго столѣтія отправляли преступниковъ въ Австралію и основали пенитенціарныя учрежденія въ Ботани-Беѣ и Портъ-Джексонѣ. Колоніи преступниковъ, которымъ отводилась земля, къ 1840 г. достигли такого процвѣтанія, что правительство, желая поощрить эмиграцію свободныхъ людей, перестало посылать туда преступниковъ. Въ 1851 году открытіе золотыхъ рудниковъ дало новый толчокъ эмиграціи. Изысканія привели вскорѣ къ благопріятнымъ результатамъ на обширномъ пространствѣ 12 градусовъ широты и 11 геадусовъ долготы. Изъ этихъ рудниковъ поступилъ не одинъ милліардъ драгоцѣннаго металла на европейскій рынокъ. Въ то же время европейскія фабрики пользуются шерстью многочисленныхъ стадъ, пасущихся на громадныхъ равнинахъ Австраліи:этотъ источникъ богатства не уступаетъ золотымъ рудникамъ. Въ настоящее время Мельбурнъ и Сидней имѣютъ каждый болѣе 300.000 жителей и приняли видъ большихъ европейскихъ городовъ.

Какъ ни значительна была колонизація въ Океаніи и Африкѣ,

Азія, со своими богатыми продуктами и 800 милліоновъ обитателей, представляетъ самое обширное поприще для дѣятельности европейцевъ. Тамъ по преимуществу проявляется соперничество между великими державами.

Англичане еще въ XVIII в. установили свою власть надъ Индустаномъ. Они постепенно закончили покореніе его и овладѣли *Дели*, древней столицей монгольской имперіи (1813). Они распространились по долинѣ Индіи, подчинили себѣ Синдъ, королевство Лагорское, Пенджабъ и начали завоеваніе Индо-Китая.

Затѣмъ, они вздумали распространить свою власть за предѣлы Индіи и проникли въ Афганистанъ, но походъ въ эту страну закончился пораженіемъ при Курдъ-Кабулѣ. Англичане, тѣмъ не менѣе, не отказались отъ своего намѣренія и, между 1879 и 1881 гг., утвердили свое вліяніе въ долинѣ Кабула.

Власть англичанъ въ Индіи была, впрочемъ, поколеблена страшнымъ возстаніемъ въ 1857 г. Индія сдѣлалась театромъ избіенія, пожаровъ и жестокой мести со стороны англичанъ, которые, въ концѣ концовъ, восторжествовали надъ инсургентами. Это былъ внушительный урокъ для Великобританіи. Она воспользовалась имъ и взяла на себя управленіе Индіей, назначивъ государственнаго секретаря Индіи и Совѣтъ изъ 15 членовъ; въ 1878 г. министръ Дизраэли заставилъ провозгласить королеву императрицей Индіи. Начиная съ 1860 г., въ колоніи находились только королевскія войска. Правосудіе было организовано по образцу англійскаго; преграда, раздѣлявшая англичанъ отъ туземцевъ, была уничтожена, и эти послѣдніе могли предъявлять притязанія на общественныя должности. Совѣтъ былъ преобразованъ въ министерство при генералъ-губернаторѣ, который могъ назначать въ него и туземцевъ. Въ 1862 г. три индуса засѣдали въ Калькуттѣ, рядомъ съ высшими сановниками англійской администраціи.

Индійская имперія имѣетъ болѣе 3.800.000 квадр. килом., съ населеніемъ въ 252.660.550 обитателей, въ числѣ которыхъ англичанъ лишь около 80.000. Это отношеніе служитъ лучшимъ доказатеьствомъ превосходства европейцевъ, которые въ такомъ небольшомъ числѣ могутъ управлять столь значительными массами людей, и въ частности это служитъ убѣдительнымъ доказательствомъ политическаго искусства англичанъ.

Англія поняла, какими средствами она можетъ обезпечить свое владычество въ Индіи. Она, прежде всего, занялась матеріальнымъ улучшеніемъ страны. Обширная сѣть желѣзныхъ дорогъ и телеграфовъ проведена была черезъ джунгли, горы, скалы и непроходимые лѣса, съ невообразимыми затрудненіями, такъ какъ Индія кишитъ ядовитыми и хищными животными: въ ней ежегодно, отъ 15 до 18 тысячъ человѣкъ погибаютъ жертвами змѣй и тигровъ. Желѣзная дорога связала города долины Ганга между собою и съ городами Декана. Рельсовые пути идутъ отъ одного моря до другого, отъ Малабарскаго до Коромандельскаго берега, и съ сѣвера на югъ. Постройка желѣзныхъ дорогъ началась лишь въ 1853 г. и чрезъ 30 лѣтъ съ небольшимъ ихъ было выстроено уже 16.000 килом.

Къ числу наиболѣе полезныхъ общественныхъ работъ принадлежатъ системы орошенія, имѣя цѣлью уменьшить вліяніе засухи, обычной въ этомъ знойномъ климатѣ и ведущей за собою ужасающія голодовки. Съ 1771 г., въ различныя времена погибло отъ голода нѣсколько милліоновъ жертвъ. Причиной этого несчастія были засухи, слишкомъ ограниченная поверхность обработываемой земли (менѣе одной трети всей Индіи) и жадность торговцевъ, которые, несмотря на плохіе урожаи, не переставали вывозить хлѣбъ. Отчасти эти бѣдствія зависятъ и отъ суевѣрія жителей, которые умираютъ съ голода, не рѣшаясь ѣсть мясо нѣкоторыхъ животныхъ, не дозволенное ихъ религіей. Рогатый скотъ индусы считаютъ священнымъ и никогда не ѣдятъ его, ограничиваясь почти исключительно растительной пищей.

Индусы, кромѣ хлѣба, производятъ въ значительномъ количествѣ опіумъ, вывозимый въ Китай, хлопчатую бумагу, джутъ, весьма полезное прядильное растеніе, рисъ, чай, кофе, пряности, сахаръ и различныя благовонныя вещества.

Крупная промышленность не развита въ Индіи, причиною чего не можетъ быть недостатокъ количество каменнаго угля, такъ какъ поверхность каменноугольнаго бассейна исчисляется въ 70.000 кв. килом. Индія во всѣ времена была страною ткацкой и художественной промышленности. Многія, весьма извѣстныя ткани ведутъ оттуда свое начало,—каковы ситцы, коленкоръ, мадеполамъ и др. Кашмирскія шали поддерживаютъ до сихъ поръ свою высокую репутацію и цѣнность.

Индусы весьма искусны въ чеканкѣ чашъ, ларцовъ, оружія, въ выдѣлкѣ различныхъ вещей изъ аметиста, горнаго хрусталя, съ инкрустаціей изъ золота, рубиновъ и изумрудовъ. Ничто не можетъ сравниться съ роскошью индійскихъ раджей, дворцы, террасы и мавзолеи которыхъ приводятъ путешественниковъ въ изумленіе. Оригинальная архитектура дворцовъ, буддистскихъ храмовъ и мусульманскихъ мечетей, съ изящными балконами и кружевами изъ мрамора, даютъ высокое понятіе о воображеніи этихъ народовъ, столь долго находившихся въ упадкѣ. послѣ того, какъ они были родоначальниками нашей цивилизаціи. Индусы выдѣлываютъ драгоцѣнныя вещи съ удивительнымъ разнообразіемъ. Большою тонкостью работы отличаются вещи лакированныя и сдѣланныя изъ сандаловаго дерева съ рѣзьбой и инкрустаціей изъ слоновой кости. Въ Калькуттѣ и Бомбеѣ выдѣлывается мебель изъ желѣзнаго и чернаго дерева, вся ажурная, какъ кружево. Къ этой старинной индусской промышленности англичане присоединили и новѣйшую, укрѣпившись на берегахъ Ганга. Индія начинаетъ работать не только для себя, но и для другихъ странъ. Торговые обороты ея превышаютъ три милліарда франковъ; это немного по отношенію къ ея населенію, но прогрессъ ея идетъ, не останавливаясь.

Несмотря на существованіе кастъ и двухъ древнихъ религій, браманской и буддійской, европейскія идеи замѣтно распространяются въ Индіи, и въ ней уже прекратилось самосожженіе вдовъ, столь прославленное въ ея исторіи. Повсюду открываются школы,

въ которыхъ число учениковъ въ послѣднія 50 лѣтъ увеличилось болѣе, чѣмъ въ сто разъ. Высшія коллегіи учреждены въ Калькуттѣ, Пунѣ, Дели, Агрѣ, Бенаресѣ и др., и молодые индусы легко усваиваютъ новѣйшую науку, колыбель которой находилась въ ихъ странѣ. Ученыя общества возникли по образцу Азіатскаго Общества въ Калькуттѣ; рядомъ съ нимъ образовались и музеи, какъ, напр., въ Аллахабадѣ.

Такимъ образомъ, Индія, въ которой столько вѣковъ прозябали братья европейской расы, теперь возрождается къ жизни. Много еще пройдетъ времени, пока просвѣщеніе распространится въ такой громадной массѣ людей, но трудно найти для него страну болѣе благопріятную, чѣмъ богатыя и теплыя долины бассейна Ганга, съ возвышающимися надъ ними громадными вершинами Гималайевъ, чѣмъ плоскогорья Декана, высота которыхъ умѣряетъ зной и въ которыхъ разсыпаны всѣ дары съ неистощимымъ изобиліемъ.

Древнѣйшее государство въ мірѣ, *Китай* также привлекалъ къ себѣ европейскія державы, которыя всѣ вмѣстѣ не могутъ сравниться съ нимъ по обширности и по населенности. Китай упорно уклонялся отъ торговыхъ сношеній, и англичанамъ удалось только ограничиться торговлей опіумомъ, который китайцы курятъ съ непреодолимой страстью. Китайское правительство хотѣло, однако, прекратить ввозъ и этого продукта, что́ повело къ войнѣ 1840—1842 гг. Британскія эскадры блокировали берега и заняли большіе города Амой, Нингпо и Шанхай. Англійскія суда поднялись по Янцекіангу и появились передъ Нанкиномъ. Императорскій каналъ, которымъ сообщаются сѣверныя и южныя провинціи, былъ закрытъ, и тогда китайцы, коварство которыхъ не одинъ разъ затягивало переговоры, рѣшились подписать трактатъ. Китай открылъ пять гаваней для всѣхъ иностранцевъ и уступилъ Англіи о. Гон-Конгъ въ Кантонской бухтѣ.

Французское правительство при Людовикѣ-Филиппѣ воспользовалось этимъ случаемъ, чтобы заключить, съ своей стороны, торговые трактаты съ Китаемъ, но эти трактаты были лишь новымъ обманомъ. Въ 1859 г. французы и англичане, пришли къ убѣжденію, что эта страна откроется для нихъ лишь послѣ серьезной военной экспедиціи. 12.000 французовъ, подъ командою генерала Кузена-Мантобонъ, и 23.000 англичанъ, подъ начальствомъ генерала Гранта, были посланы въ Китай. Форты Пейхо были взяты въ августѣ 1860 г. Побѣды при Чангъ-Кіа и Паликіао открыли дорогу въ Пекинъ, и пожаръ лѣтняго дворца, который зажгли англичане, вынудилъ китайское правительство къ уступкамъ. 24 октября въ Пекинѣ подписана была конвенція съ Франціей. Свита изъ 2.000 человѣкъ сопровождала посла, при торжественномъ въѣздѣ его въ китайскую столицу. Это вступленіе Европы въ столицу, до сихъ поръ закрытую для иностранцевъ, было любопытнымъ и единственнымъ въ исторіи зрѣлищемъ. Пекинскіе трактаты увеличили до шестнадцати порты, открытые для европейцевъ. Но Европа до сихъ поръ еще не справилась съ коварствомъ китайцевъ.

Нечего удивляться, что имперія, столь обширная и столь на-

селенная, какъ Китай, процвѣтавшая уже сотни вѣковъ, долго отказывалась отъ сношеній съ европейцами, которые казались ей варварами, которыхъ, въ своемъ высокомѣріи, она считала низшей и хищнической расой. Небесная имперія начинаетъ понемногу отвыкать отъ своего предубѣжденія, а Европа начинаетъ другими глазами смотрѣть на Китай. Теперь для насъ стала понятною политическая и общественная организація этого государства, напоминающая строй древнихъ государствъ. Мы болѣе понимаемъ теперь религіозный характеръ высшей власти, ведущій къ традиціонному деспотизму богдыхана, настолько скрытаго отъ глазъ подданныхъ, что въ Пекинѣ улицы должны быть безлюдными и дома закрытыми, когда онъ проѣзжаетъ по городу; мы понимаемъ и религіозный характеръ отцовской власти, также безграничной, и обожаніе предковъ, гробницы которыхъ превращаются въ алтари. Это именно то, что мы видимъ въ началѣ исторіи у грековъ и римлянъ. Женщина еще не вышла тамъ изъ подчиненнаго положенія; она живетъ уединенно и замкнуто, и полигамія, дозволенная закономъ, поддерживаетъ ея униженіе.

Тѣмъ не менѣе, государственная власть организована тамъ весьма искусно. Два главныя государственныя учрежденія составляютъ великій секретаріатъ (неко) и государственный секретаріатъ (хун-хи-ху); первый, состоящій изъ шести высшихъ сановниковъ, управляетъ всей администраціей, но вліяніе его подавляется теперь государственнымъ секретаріатомъ, издающимъ императорскіе эдикты и наблюдающимъ за всей администраціей, гражданской и военной. Администрація раздѣлена между шестью совѣтами или министерствами—гражданской администраціей (липу), финансовой (гупу), обрядовъ и церемоній (ли-пу), военной (пинг-пу), судебной (хсинг-пу) и общественныхъ работъ (кунг-пу). Кромѣ того, существуетъ администрація покоренныхъ странъ и управленіе иностранныхъ дѣлъ (Тсунг-ли-яменъ). Всѣ мандарины или чиновники—люди, получившіе образованіе, подвергавшіеся долгому обученію и назначенные по конкурсу. Они живутъ подъ постояннымъ страхомъ, который, въ свою очередь, внушаютъ своимъ подчиненнымъ. Это — примѣненіе старой деспотической системы древнихъ азіатскихъ государствъ.

Въ Китаѣ нѣтъ общественныхъ классовъ; тамъ господствуетъ самое полное равенство, но между образованными людьми и невѣжественной массой существуетъ глубочайшее различіе. Образованные люди придерживаются вѣроисповѣданія Конфуція (550—479 до Р. Х.), которое есть нѣчто въ родѣ философскаго ученія, устанавливающаго правила государственнаго управленія столько же, сколько и религіозной жизни, и ставящаго идеаломъ іерархію ученыхъ и философовъ, которые исполняютъ различныя общественныя должности и во главѣ которыхъ находится императоръ. Буддизмъ и таоизмъ *) также весьма распространены, не говоря уже о по-

*) Тао—одно изъ именъ высшаго существа у китайцевъ. Культъ Тао, выполняемый сектой таот-се, былъ основанъ Лаотсе въ XVI в. до нашей эры.

читаніи предковъ, существующемъ совмѣстно съ различными ученіями.

Хотя большая часть этихъ ученій созданы были философами, но они не повели къ смягченію правосудія, которое до сихъ поръ еще весьма жестоко. Въ Китаѣ не только удержались варварскія казни, существовавшія въ Европѣ до 1789 г., но въ немъ допускаются и столь ужасныя, какъ разсѣченіе человѣка на 125 кусковъ. Малѣйшія вины тамъ наказываются палочными ударами, отъ которыхъ никто не избавленъ, не исключая и высшихъ сановниковъ.

Въ Китаѣ вся земля обработывается съ величайшимъ стараніемъ, хотя земледѣльческія орудія весьма не совершенны. Земледѣліе можно тамъ сравнить съ садоводствомъ. Орошеніе практикуется въ крупныхъ размѣрахъ ради воздѣлыванія риса, занимающаго $^1/_8$ часть обрабатываемаго пространства. Кромѣ овощей и плодовъ, Китай производитъ хлопокъ, сахарное сорго, апельсины, шелковицу, сладкіе пататы и проч. Почти повсюду лѣса тамъ вырублены, чтобы дать мѣсто воздѣлыванію различныхъ растеній, изъ которыхъ на первомъ мѣстѣ должно быть поставлено чайное дерево. Земледѣліе всегда почиталось въ Китаѣ, какъ главный источникъ жизни. Китаецъ мало занимается луговодствомъ и разведеніемъ скота; быками онъ пользуется только для работы. Пища его состоитъ, главнымъ образомъ, изъ риса, овощей, рыбы и домашней птицы; онъ употребляетъ по преимуществу свиное мясо.

Въ Китаѣ, какъ земледѣліе, такъ и промышленность держатся традицій. Съ самыхъ отдаленныхъ временъ, китайцы были искусны въ выдѣлкѣ тканей и металлическихъ издѣлій. Промыслы у этого развитого и трудолюбиваго народа, переходя отъ отца къ сыну, превратились въ искусства. Каждый предметъ дѣлается однимъ мастеромъ-художникомъ, такъ какъ раздѣленія труда тамъ не существуетъ. Извѣстно, что китайцы изобрѣли раньше другихъ бумагу, компасъ, порохъ и книгопечатаніе. Но всѣ эти изобрѣтенія должны были пройти черезъ руки европейцевъ, чтобы принести дѣйствительно полезные результаты. Впрочемъ, большое число знаковъ, необходимыхъ для китайскаго языка, въ которомъ каждый слогъ представляетъ извѣстную идею, затрудняло употребленіе подвижныхъ буквъ. Книги китайцевъ, по большей части, пишутся кистью на шелковистой бумагѣ.

Земля въ Китаѣ содержитъ въ своихъ нѣдрахъ металлы, соль и каменный уголь; послѣдній добывается уже въ такомъ количествѣ, что эта страна занимаетъ шестое мѣсто среди тѣхъ, которые добываютъ это вещество. Металлургія всегда довольно высоко стояла у китайцевъ: они искусны въ изготовленіи сплавовъ мѣди, свинца, олова, цинка, серебра и золота. Соприкосновеніе съ европейцами могло, конечно, только содѣйствовать развитію этой промышленности.

Выдѣлка шелка составляетъ національный промыселъ китайцевъ. Именно отъ нихъ научились ему персы, и отъ нихъ, вѣроятно, исходили первыя шелковыя матеріи, восхищавшія римскихъ

*

патриціевъ. Мандарины носятъ богатыя шелковыя одежды, и шелковыя ткани покрываютъ стѣны дворцовъ.

Китайцы достигли большого искусства въ выдѣлкѣ лаковъ, ларцовъ, фарфора, эмали и бронзы. Лаки они приготовляютъ изъ клейкой жидкости, извлекаемой изъ растенія *Rhus vernicifera*, весьма опаснаго вещества, до котораго рабочіе не должны дотрогиваться. Кантонскій лакъ чернаго цвѣта, а пекинскій—краснаго; съ помощью этихъ лаковъ приготовляются рабочія шкатулки, жардиньерки, вазы, вѣера, этажерки и проч. Фарфоровыя издѣлія, изготовленіе которыхъ нѣкогда составляло одинъ изъ главныхъ промысловъ. становятся рѣже въ Китаѣ. Въ Нанкинѣ нѣкогда существовала башня изъ фарфора въ 29 метровъ вышиною; она была разрушена полудикими пиратами тайпингами. Старинныя вазы и тарелки встрѣчаются все рѣже и рѣже и продаются за огромныя деньги. Художественный фарфоръ вытѣсняется новѣйшимъ, обыденнымъ.

Слѣдуетъ замѣтить, что китайцы, вообще не обладаютъ художественными идеями. Правда, китайскій фарфоръ, столь извѣстный въ Европѣ, обладаетъ неподражаемыми красками, оригинальностью формы и особенной бѣлизной, вслѣдствіе чего любители керамики отводятъ ему первое мѣсто въ своихъ коллекціяхъ, но для художника и человѣка со вкусомъ маленькая севрская куколка или саксонская фигурка представляютъ гармонію линій и изящество контуровъ, которыхъ нельзя найти въ уродливыхъ китайскихъ издѣліяхъ.

Во всякомъ случаѣ, сношенія Европы съ Китаемъ открываютъ этой странѣ новое будущее. Уже съ 1882 г. въ открытыхъ портахъ насчитывалось 440 европейскихъ торговыхъ домовъ, изъ которыхъ болѣе половины принадлежатъ англійскимъ фирмамъ. Китайцы, которыхъ обвиняютъ въ неподвижности, понемногу выходятъ изъ этого состоянія. Они заказываютъ суда въ Европѣ, покупаютъ улучшенное оружіе, и, если военныя суда ихъ не рѣшались аттаковать французскій флотъ, то сухопутныя войска въ тонкинскую войну выказывали лучшія качества, чѣмъ безпорядочныя толпы, сражавшіяся при Паликіао. Китай имѣетъ теперь аккредитованныхъ пословъ на Западѣ, изъ которыхъ иные—люди хорошо образованные.

Безъ сомнѣнія, деспотизмъ тяготѣетъ еще надъ китайскимъ народомъ, и опіумъ продолжаетъ оказывать на него пагубное дѣйствіе. Тѣмъ не менѣе, Европѣ слѣдуетъ быть на сторожѣ: въ Китаѣ около 400 милліоновъ жителей, которые легко могутъ возобновить прежнія монгольскія нашествія, но съ усовершенствованнымъ вооруженіемъ и тактикой, заимствованной отъ насъ. Надо надѣяться, что эта опасность будетъ предотвращена непрерывнымъ прогрессомъ цивилизаціи, которая будетъ проникать все глубже и глубже въ эту массу, не колебля ее и не отрывая отъ столь плодородной почвы. Не забудемъ также, что эта страна составляетъ новое завоеваніе цивилизаціи. Китайцы еще не строятъ желѣзныхъ дорогъ и, вообще, отъ нихъ можно ожидать многаго, чего теперь еще нельзя и предвидѣть.

Другое государство еще плотнѣе замыкалось отъ европейцевъ: мы говоримъ о *Японіи*. Японія состоитъ, какъ мы знаемъ, изъ четырехъ большихъ острововъ и многочисленныхъ островныхъ группъ, составляющихъ длинную дугу протяженіемъ въ 800 миль. Въ XVII в. эти страны открылись для миссіонеровъ, которымъ удалось обратить въ христіанство значительное число туземцевъ. Но въ 1637 г. страшное избіеніе истребило христіанъ. Съ этого времени Японія замкнулась, воздвигнувъ непреодолимую преграду для европейцевъ.

Только голландцы могли сообщаться съ японцами, и то они должны были держаться на небольшомъ островкѣ близъ Нагасаки и подвергаться множеству суровыхъ стѣсненій. Въ 1851 г. Сѣверо-Американскимъ Соединеннымъ Штатамъ удалось заключить трактатъ съ Японіей. Тогда другіе народы попытались проникнуть въ брешь, пробитую американцами. Подобный же трактатъ англійскій адмиралъ Стерлингъ, 14 октября 1854 г., заключилъ въ Нагасаки. Голландцы добились тѣхъ же преимуществъ 9 ноября 1855 г. Пользуясь несогласіями Японіи съ Китаемъ въ 1858 г., Франція и Англія добились еще болѣе серьезныхъ уступокъ. Лордъ Эльджинъ въ августѣ 1857 г. появился передъ Іеддо съ тремя военными кораблями и вынудилъ подписаніе новаго трактата 26 числа названнаго мѣсяца. Черезъ мѣсяцъ французскій посланникъ баронъ Гро заключилъ такой же договоръ. Американскій консулъ и русскій адмиралъ Путятинъ, съ своей стороны, потребовали предоставленія имъ новыхъ выгодъ.

Французы, англичане и русскіе могли теперь свободно останавливаться въ открытыхъ портахъ Хакодаде, Канагавѣ, Хіото и Нагасаки. Съ 1862 г. для иностранцевъ открылась Іеддо и Осака. Бомбардировка Симоносаки въ 1864 г. убѣдила японцевъ, что сопротивленіе европейскому оружію для нихъ невозможно. Въ 1865 г. микадо далъ свое оффиціальное согласіе на заключеніе трактата, и вскорѣ въ Японіи произошелъ любопытный переворотъ.

Тайкунъ, свѣтскій правитель, съ которымъ европейцы только и имѣли дѣло, былъ, въ дѣйствительности, лишь довѣреннымъ лицомъ микадо. Давно уже тайкунъ неправильно присвоилъ себѣ верховную власть и сталъ во главѣ восемнадцати великихъ *дайміосовъ*, управлявшихъ страною. Съ того времени, какъ иностранцы были допущены въ Японію, тайкунъ старался установить неограниченную власть надъ дайміосами; южные дайміосы возстали, покинули Іеддо и отправились въ Кіото, резиденцію микадо. Послѣ того, какъ войска тайкуна были разбиты, микадо простилъ его, и онъ сдѣлался простымъ сановникомъ. Микадо вступилъ въ Іеддо 25 ноября 1868 г. Затѣмъ возстали сѣверные дайміосы противъ микадо, но они были побѣждены и подчинились ему.

Микадо занялся сосредоточеніемъ администраціи въ странѣ, въ которой держался до тѣхъ поръ почти феодальный строй; онъ преобразовалъ всѣ *ханы* или *дайміаты* въ простые *кэны* или департаменты; онъ организовалъ, съ помощью французской военной миссіи, японскую армію. Микадо поощрялъ изученіе иностранныхъ языковъ, началъ строить желѣзныя дороги, открылъ военный арсеналъ въ Іокоскѣ и учредилъ монетный дворъ въ Осакѣ. Микадо,

до тѣхъ поръ скрытый отъ всѣхъ, сталъ показываться народу, подобно всѣмъ европейскимъ государямъ; онъ принималъ пословъ и, въ формѣ французскаго генерала, производилъ смотры и объѣзжалъ провинціи своего государства. Іокагама освѣтилась газомъ.

Японія принимала участіе во всемірной выставкѣ въ Парижѣ въ 1878 г., гдѣ занимала видное мѣсто. Кромѣ земледѣльческихъ богатствъ, эта страна обладаетъ оригинальной промышленностью: она изготовляетъ великолѣпныя ткани съ несравненной яркостью красокъ и выказываетъ высокое искусство въ выдѣлкѣ лакированныхъ издѣлій, ларцовъ, расписанныхъ фарфоровыхъ вазъ и украшеній изъ перламутра, черепахи, слоновой кости и проч.

Нетерпимость къ христіанамъ, доставившая столь печальную славу японцамъ, тѣмъ не менѣе, продолжала существовать, и въ 1869 г. преслѣдованія христіанъ возобновились: множество японцевъ, остававшихся христіанами, вынуждены были или отречься отъ своей вѣры, или подвергнуться позорнымъ наказаніямъ и высылкѣ. Это вызвало протестъ европейскихъ державъ, который, послѣ нѣкоторой борьбы, привелъ къ отмѣнѣ постановленій противъ христіанъ. Японію, съ ея многочисленнымъ компактнымъ населеніемъ, ея флотомъ и арміей, можно считать азіатской Англіей. Эта держава, несомнѣнно, имѣетъ большое будущее. Трактаты, заключенные съ Китаемъ и Японіей, могли быть выгодными для Франціи лишь въ томъ случаѣ, если бы она ближе стояла къ этимъ странамъ. Поэтому она завела довольно обширныя колоніи въ Индо Китаѣ. На этотъ полуостровъ англичане вступили еще съ начала нынѣшняго вѣка и отняли отъ Бирманской имперіи нѣсколько провинцій на западномъ берегу, но остальная часть полуострова оставалась независимой. Въ ней заключались два обширныя государства—Сіамское королевство и Аннамская имперія; первое занимало средину полуострова; вторая простиралась по всему восточному берегу; къ ней принадлежали три или четыре королевства и нѣсколько завоеванныхъ странъ—Тонкинъ, Кохинхина и Камбоджа.

Внесенное іезуитами въ XVII в., христіанство значительно распространилось въ Кохинхинѣ въ прошломъ столѣтіи, въ царствованіе императора Гіалонга, который избралъ своимъ совѣтникомъ епископа Адрана. Названный государь въ междоусобной войнѣ просилъ даже помощи у Франціи и уступилъ Людовику XVI Туранскую бухту (1787). Хотя французская революція прервала эти сношенія, завязавшіяся съ Аннамской имперіей, христіанство не склонилось передъ преслѣдованіями, которымъ подверглось вскорѣ послѣ того: число христіанъ въ Аннамской имперіи считалось не менѣе 500.000 человѣкъ. Французское правительство сочло нужнымъ оказать помощь столь важнымъ миссіямъ и для этой цѣли воспользовалось силами, отправленными въ Китай, создавъ себѣ точку опоры въ этихъ странахъ. Послѣ труднѣйшей войны, прославленный сопротивленіемъ аннамитовъ (1861—1862), императоръ Ту-Дукъ вынужденъ былъ подписать трактатъ, предоставившій миссіонерамъ и христіанамъ свободу вѣроисповѣданій и отдавшій Франціи въ нижней Кохинхинѣ три провинціи, Сайгунъ, Біэнъ-

Хоа и Мито. Этими новыми провинціями французская колонія округлилась, и будущее ея обезпечено.

Названныя провинціи орошаются нижнимъ теченіемъ Меконга и его притоковъ, которые почти всѣ доступны для судоходства. Эти рѣки можно сравнить съ рукою, пальцы которой обозначаются большими рѣками или каналами, связанными между собою и текущими въ берегахъ, покрытыхъ роскошною растительностью или рисовыми плантаціями, дающими главный источникъ пропитанія страны. По направленію къ сѣверу, мѣстность становится менѣе низкой и сырой, и климатъ болѣе здоровымъ; горы покрыты тамъ великолѣпными лѣсами, доставляющими строевыя и цѣнныя деревья. Городъ Сайгунъ расположенъ въ 60 миляхъ отъ моря, и, тѣмъ не менѣе, корабли доходятъ до него. Торговое движеніе возрасло съ той поры, какъ этотъ портъ открытъ для флаговъ всѣхъ государствъ.

Пока французы не появлялись въ Аннамскомъ царствѣ, внутренняя часть Индо-Китая была совершенно неизвѣстна. Изслѣдованіе этого полуострова возбудило ревность многихъ, въ числѣ которыхъ слѣдуетъ назвать Муго, д-ра Бастіана, Франси Гарнье и др. Французское покровительство, оказанное королю Камбоджи Нородому, по его собственному желанію, облегчало изслѣдованіе этого интереснаго королевства, не только со стороны его естественныхъ богатствъ, но и со стороны археологической. Именно, среди его лѣсовъ встрѣчаются странныя развалины, оставленныя какимъ-то народомъ, называемымъ *кмерами*. Въ Ангкорѣ найдены были памятники колоссальныхъ размѣровъ, и во многихъ другихъ мѣстахъ путешественники приходятъ въ изумленіе передъ странными остатками исчезнувшей цивилизаціи—курганами, въ видѣ пирамидъ, скульптурными скалами, исполинскими фигурами Будды и каменными оградами съ возвышающимися надъ ними башнями.

Черезъ Тонкинъ и его главную рѣку Сонгъ-Кой можно довольно глубоко проникнуть въ Западный Китай. Лейтенантъ Франси Гарнье въ 1873 г. проѣхалъ долину Голубой рѣки, въ Китаѣ, по ту сторону озера Тунгтина, и убѣдился, что отдаленнымъ провинціямъ Китая выгодно было бы направлять свои товары черезъ Тонкинъ. Гарнье оказалъ бы, вѣроятно, и другія, еще болѣе важныя услуги географической наукѣ, если бы въ концѣ 1873 г. не палъ въ Тонкинѣ жертвою своей пылкой храбрости въ борьбѣ съ отрядомъ пиратовъ. Русскій путешественникъ Пржевальскій, нѣмецкій ученый баронъ Рихтгофенъ и французъ Арманъ Давидъ также изслѣдовали различныя части Китая.

Эти изслѣдованія убѣдили французское правительство распространить свое вліяніе на Аннамъ и Тонкинъ. Императоръ Аннама призналъ, или, скорѣе, вынужденъ былъ признать въ 1874 г. французскій протекторатъ и открылъ иноземнымъ кораблямъ порты Гайфонъ, Ганой и Кинъ-Гонъ. Чтобы обезпечить выполненіе этого трактата, въ Тонкинъ были посланы французскія войска, къ сожалѣнію, слишкомъ малочисленныя; главнокомандующій ихъ Анри Ривьеръ, блестящій офицеръ и выдающійся писатель, погибъ 19 мая 1883 г., защищаясь въ Ганоѣ противъ шаекъ разбойниковъ, носившихъ названіе Черныхъ Флаговъ. Тогда была

отправлена настоящая военная экспедиція. Укрѣпленія Сонъ-Тай и Бакъ-Нинъ, защищаемыя пиратами и регулярными китайскими войсками, были взяты. Французы преслѣдовали Черные Флаги до Хонгъ-Хоа, который также былъ взятъ, и Китай, 11 мая, 1884 г., подписалъ трактатъ, предоставивъ Франціи установить свое вліяніе въ Тонкинѣ и поддерживать протекторатъ надъ Аннамомъ.

Едва этотъ трактатъ былъ подписанъ и французскія войска отправлены въ верхній Тонкинъ, какъ новое коварство со стороны китайцевъ заставило еще разъ обнажить оружіе. Адмиралъ Курбе вышелъ въ море со своей эскадрой и 23 августа 1884 г. высадился на берегу самого Китая. Пробившись черезъ тѣснины рѣки Фу-Чеу, онъ разрушилъ арсеналъ, построенный, съ большими расходами, въ городѣ того же имени, и около двадцати китайскихъ кораблей. Кромѣ того, онъ выслалъ летучій отрядъ на обширный о. Формозу. Смѣлыя дѣйствія французскаго флота и взятіе Пескадорскихъ острововъ произвели большой шумъ въ Европѣ; но адмиралъ Курбе отчасти былъ подавленъ собственнымъ торжествомъ: онъ не выдержалъ утомленія этой продолжительной кампаніи.

Въ Тонкинѣ новая экспедиція, подъ начальствомъ генерала Бріеръ де-Лиля, дала возможность французскимъ войскамъ, подъ командою генерала Негріе, побѣдоносно вступить въ Лангъ-Сонъ 13-го февраля 1885 г. Французы прошли черезъ Лангъ-Сонъ и разрушили китайскій портъ, но небольшой отрядъ ихъ, застигнутый болѣе значительными силами, вынужденъ былъ отступить послѣ нѣсколькихъ дней славной борьбы. Это отступленіе не имѣло, однако, вліянія на рѣшеніе Китая, который возобновилъ Тіенъ-Тсинскій трактатъ и очистилъ Тонкинъ. Въ концѣ того же года (1885) генералъ Курси, подвергшись нападенію въ Гуэ, окончилъ дѣло тѣмъ, что вызвалъ настоящую революцію и смѣстилъ аннамскаго императора. Но Аннамъ—страна обширная и гористая, и усмиреніе ея далеко еще не закончено.

Аннамская имперія и Тонкинъ заключаютъ населеніе численностью болѣе 21 милліона, изъ которыхъ около 15 милліоновъ приходится на Тонкинъ. Эта обширная страна открыта теперь для колонизаціи, но теплый и сырой климатъ ея представляетъ большія опасности для эмигрантовъ. Сколько жертвъ уже погребено въ Индо-Китаѣ и сколько высоко развитыхъ людей погибло на Тонкинской дельтѣ! Сколько великодушныхъ пожертвованій принесено уже для открытія новаго торговаго пути съ Китаемъ и для просвѣщенія идеями и искусствами Европы полуварварскихъ и полуязыческихъ населеній, которыя ни мало не заботятся о нихъ!

Франція, отставшая въ развитіи своихъ колоній отъ Англіи и Россіи, уже болѣе полувѣка, какъ возобновила свою колоніальную дѣятельность. И она стремится имѣть свои азіатскія владѣнія, подобно тому, какъ она уже имѣетъ владѣнія африканскія. Ревнивые американцы не позволяютъ теперь европейцамъ основывать новыя колоніи на материкѣ Америки, но Африка и Азія со-

держатъ еще достаточно обширныя пространства, чтобы дать мѣсто эмиграціи многихъ могущественныхъ народовъ. Франція колонизовала сѣверъ Африки. Она держитъ въ своихъ рукахъ Сенегалъ и огромную территорію Конго, и заставила признать свои прежнія права на о. Мадагаскаръ. Она занимаетъ значительную часть полуострова Индо-Китая, бассейны Меконга и Сонгъ-Коя и лежащія между ними страны. Населеніе ея колоній нѣкогда исчислялось съ небольшимъ въ 4 милліона; теперь въ Тунисѣ, Тонкинѣ и Аннамѣ въ колоніяхъ ея болѣе 27 милліоновъ жителей, не считая территоріи Конго, населеніе которой еще не поддается исчисленію.

Итакъ, нынѣшній міръ сосредоточивается въ Европѣ, создающей промышленность, науку и искусство, являющейся двигательницей всѣхъ успѣховъ ихъ и заботящейся о распространеніи этихъ послѣднихъ на другія части свѣта. Бѣлая раса торжествуетъ надъ всѣми. Придя къ болѣе справедливымъ чувствамъ по отношенію къ расамъ обездоленнымъ, она не стремится подчинить себѣ темную расу; напротивъ, она заботится объ ея освобожденіи. Желтая раса оказываетъ ей большее сопротивленіе, гордясь своей полуцивилизаціей, изъ оцѣпенѣлаго состоянія которой она никогда бы не желала выдти, если бы европейскія пушки не тревожили ея дремоты. За желтой расой остается обширность ея мѣстообитаній и громадная масса ея населеній. Быть можетъ, приводить ее въ движеніе не совсѣмъ безопасно, такъ какъ отъ нея можно ожидать новыхъ вторженій, съ болѣе усовершенствованнымъ вооруженіемъ, которое она получила отъ самой Европы. Однако, эта случайность не должна казаться ни близкой, ни даже вѣроятной. Китайцы не имѣютъ недостатка ни въ силѣ, ни въ тонкости ума, и въ послѣднемъ отношеніи даже не уступаютъ европейцамъ. Они съумѣютъ оцѣнить благодѣнія нашей промышленности. Чудеса, ежедневно создаваемыя нашей наукой, могутъ только возбуждать удивленіе этихъ сотенъ милліоновъ людей, которые пожелаютъ ими воспользоваться. Они будутъ работать вмѣстѣ съ нами и для насъ; они примутъ участіе въ нашей исторіи. Возможно, что имъ не захочется быть ни русскими, ни англичанами, ни французами. Возможно, съ другой стороны, что многіе изъ нихъ окажутся жертвами вѣкового соперничества державъ, не прекращающагося за предѣлами странъ, прилегающихъ къ Каспію и Тигру. Но эти народы слишкомъ долго подчинялись унизительному рабству, чтобы бояться подчиненія европейцамъ.

Нашему потомству предстоитъ увидѣть Азію, изборожденную желѣзными дорогами и телеграфами; поѣзда будутъ перевозить въ ней пассажировъ и товары въ Индію по Закаспійской дорогѣ, а затѣмъ, черезъ Сибирь—въ Пекинъ. Большіе города этой части свѣта, колыбели человѣческаго рода, будутъ перестроены, украшены, снабжены новѣйшимъ комфортомъ, не теряя своей оригинальности и привычекъ, свойственныхъ каждому климату; горы будутъ прорѣзаны, и локомотивъ, быть можетъ, пересѣчетъ запутанный узелъ Гинду-Куша. Въ Африкѣ, съ ея милліонами черныхъ людей, великолѣпными долинами Замбези, Конго и Нигера,

возникнутъ, при разработкѣ этихъ мѣстностей, внѣевропейскія Франція, Англія, Бельгія и Португалія.

Эта мечта не болѣе несбыточна, чѣмъ надежды первыхъ завоевателей Америки. Въ четыре вѣка этотъ двойной материкъ сдѣлался одною изъ самыхъ дѣятельныхъ и интересныхъ частей свѣта. Англійскія владѣнія на сѣверѣ, обширная республика Соединенныхъ Штатовъ, пятнадцать испанскихъ республикъ въ центрѣ и на югѣ и прекрасная Бразилія придаютъ ея картѣ величайшее разнообразіе; энергія ихъ населеній, которая какъ-будто возросла на этой дѣвственной почвѣ, позволила имъ подняться до высокаго уровня и явиться въ числѣ самыхъ смѣлыхъ піонеровъ цивилизаціи.

Подобные результаты вполнѣ оправдываютъ наши надежды. Кто рѣшится сказать, что въ Африкѣ и въ Азіи не произойдутъ такія же удивительныя превращенія, какія произошли въ Америкѣ? Кто станетъ утверждать, что европейцы, несмотря на убійственные климаты, не найдутъ въ себѣ новыя силы, въ виду величія предпринятаго ими дѣла? Развѣ нельзя считать возможнымъ, что желтыя и черныя населенія, столь долго находившіяся въ подавленномъ или полусонномъ состояніи, проснутся отъ соприкосновенія съ европейцами, и цивилизація возсіяетъ отъ острововъ Японіи до предѣловъ Монголіи, отъ Сибири до Индо-Китая, отъ Аннама до Афганистана и отъ Алжира до мыса Доброй Надежды, какъ она сіяетъ уже отъ рѣки Св. Лаврентія до Амазонки и Ла-Платы? Въ европейской христіанской цивилизаціи заключается сила, вынуждающая ее не останавливаться до тѣхъ поръ, пока она не обойдетъ весь міръ. Она была бы ложной цивилизаціей, если бы, въ концѣ концовъ, не съумѣла сдѣлаться всемірной, какъ истина.

КОНЕЦЪ.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ
ЖУРНАЛА
„МІРЪ БОЖІЙ“.
Декабрь 1896 г.

Содержаніе. Беллетристика.—Исторія литературы.—Юридическія науки.—Политическая экономія и статистика.—Медицина и гигіена.—Содержаніе библіографическаго отдѣла за 1896 г.—Новости иностранной литературы.—Новыя книги, поступившія въ редакцію.

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

В. Булгаковъ. «Поэмы, думы и пѣсни».—*В. Ладыженскій.* «Стихотворенія».—*Х. фонъ-Хейденфельдтъ.* «Изъ женской жизни».

В. К. Булгаковъ. Поэмы, думы и пѣсни. Спб. 1897 г. Ц. 2 р. 50 к. Согласно теоріи Тэна, у каждаго писателя есть преобладающая способность (faculté maitresse), кладущая особый отпечатокъ на всѣ его творенія. Ознакомившись съ увѣсистымъ томомъ произведеній г. Булгакова, вдумчиво прослѣдивъ его поэмы, думы и пѣсни, мы приходимъ къ непреложному выводу, что господствующая способность автора заключается въ его необыкновенной усидчивости, въ томъ, что Щедринъ на своемъ образномъ языкѣ называетъ «чугуннымъ днищемъ». Не обладая этимъ завиднымъ природнымъ дарованіемъ, немыслимо высидѣть нѣсколько тысячъ стиховъ, тяжкихъ, важныхъ, «во сто пудъ», скучныхъ и мертвыхъ, какъ осенняя дорога. Его поэмы, длинныя и томительныя, какъ безсонныя ночи, внушаютъ невольное уваженіе къ трудолюбію автора, съ которымъ онъ подыскиваетъ риѳмы и выводитъ скучную, въ большинствѣ нравоучительную канитель на тему о необходимости вѣры, надежды и любви, казнитъ неунывающій порокъ и мѣстами отпускаетъ злыя, по его мнѣнію, а по нашему плоскія остроты по адресу «все растлѣвающей науки». Желая быть интереснымъ, онъ ставитъ своихъ героевъ въ рискованныя положенія, разсчитывая на права «поэтической вольности», какъ, напр., въ предлинной поэмѣ «Рабъ», въ которой отецъ стрѣляется съ сыномъ изъ-за прекрасныхъ глазъ «ея». Не смотря на такія африканскія страсти героевъ, читателю холодно и тошно слушать размѣренную и поучительную рѣчь автора, сентенціозно поясняющаго событіе:

Вражда, убійство человѣка,
Молчанье совѣсти глухой—
Обычный «духъ» любого вѣка,
Обычный «блескъ» красы земной.
Но люди все же воспѣваютъ
Любви, добра и правды свѣтъ;
И если ложью міръ одѣтъ,
А сердцемъ часто управляютъ
Вражда и зло, то, право, міръ
Еще не отравилъ свой пиръ;

Не такъ угрюмъ предъ нашимъ взоромъ,
Еще не такъ забитъ позоромъ,
Чтобъ жизнь несносной въ немъ была:
Толпа людей не умерла,
А все растетъ!..

Міръ, «одѣтый ложью», «забитый позоромъ», — очень интересная и достойная г. Булгакова тема, но читателю отъ этого ни мало не легче, когда ему преподносятъ двадцать пять листовъ убористой печати, наполненныхъ такими стихами. Авторъ разнообразитъ ихъ пѣснями на разныя темы, воспѣваетъ весну, любовь, тоскуетъ осенью, вообще, весьма добросовѣстно излагаетъ чувства, яко бы обуревающія его безмятежную грудь, потому что на самомъ дѣлѣ г. Булгаковъ преравнодушный господинъ. Памятуя пословицу—«назвавшись груздемъ, полѣзай въ кузовъ», онъ воспѣваетъ любовь и красоту, какъ оно издревле полагается поэту, а самъ въ глубинѣ души, навѣрное, не добромъ ихъ поминаетъ, — до того сѣра его красота и безстрастно-холодна его любовь. Чувствуя такой грѣхъ за собой, г. Булгаковъ пытается иной разъ «пошутить» и начинаетъ распѣвать веселыя пѣсенки, какъ, напр., «Старушка», въ которой молодежь подсмѣивается надъ старушкой. Послѣдняя отшучивается:

— Я-те дамъ, пострѣлъ немытый!
Я—стара? Стара?.. Смотри ты!
    А не то, на зло тебѣ
Буду жить, накрашусь снова
И красавца молодого
    Подцѣплю опять себѣ...
Что смѣешься? Вы, вѣдь, слѣпы:
Не отличите отъ рѣпы
    Ананаса... Знаю васъ!..
И старушка разсказала,
Какъ толпа ея считала
    Не за рѣпу,—а-на-насъ!.. (стр. 168).

Этотъ «ананасъ» великолѣпенъ и въ русской позіи есть произведеніе единственное въ своемъ родѣ. Дальше ананаса идти некуда. Намъ остается послѣдовать примѣру Панина, въ восторгѣ воскликнувшаго послѣ «Бригадира» Фонвизина: «Умри, Денисъ! Лучше ничего не напишешь!»

Библіотека «Русской Мысли». X. Стихотворенія В. Н. Ладыженскаго. Москва. 1896 г. Ц. 25 к. Среди многочисленныхъ стихотворныхъ сборниковъ, большихъ и малыхъ, украшенныхъ виньетками, розами, головками или портретами авторовъ,—сборниковъ, въ которыхъ одно тщеславіе и ни капли поэзіи,—пріятно остановиться на книжечкѣ стиховъ г. Ладыженскаго. Мы бы сравнили ее съ скромнымъ цвѣткомъ, затерявшимся въ травѣ, на которомъ съ отрадой отдыхаетъ глазъ, утомленный однообразіемъ выжженной солнцемъ степи. Г. Ладыженскій не рядится въ театральный плащъ поэта-проповѣдника, какъ отмѣченный нами тяжкодумъ г. Булгаковъ съ его «ананасомъ», не стремится «разгадать неразгаданное», какъ наши неудачники-символисты, въ родѣ г на Мережковскаго, съ неподражаемымъ комизмомъ изображающаго Пиѳію на треножникѣ въ моментъ наибольшаго возбужденія. Г. Ладыженскій никогда не становится на ходули и не ломается.

На лепесткахъ душистыхъ розъ
Алмазы брошены росою,
Такъ въ нашихъ пѣсняхъ капли слезъ
Сверкаютъ, вызваны тоскою.

Алмазы тѣ, склонясь къ цвѣтамъ,
Прогонитъ лаской лучъ разсвѣта,—
Но нѣтъ забвенія слезамъ
Въ душѣ тоскующей поэта.

Въ этомъ маленькомъ граціозномъ стихотвореніи г. Ладыженскаго заключается вся сущность его поэзіи, лирической по преимуществу, проникнутой тихой грустью и неглубокой тоской. Его поэзія подкупаетъ искренностью, простотой и естественностью образовъ, — качествами, всегда дорогими читателю и такъ рѣдко встрѣчающимися у современныхъ поэтовъ.

Затишье... Ни звука. Листы не шумятъ,
И лѣсъ и рѣка молчаливы,
И золотомъ брызжетъ огнистый закатъ
На даль засыпающей нивы.
Въ блѣднѣющихъ краскахъ желанный покой
Природа печально встрѣчаетъ,
Какъ будто ее этотъ лучъ золотой
Послѣднимъ лобваньемъ смущаетъ...

Затишье... Покой. Но, вдали отъ людей,
Отъ ихъ суетливаго шума,
Печаль мое сердце сжимаетъ сильнѣй,
Томитъ неотвязная дума.
Ужели мнѣ жалко обманчивыхъ сновъ,
Несбывшихся грезъ и... страданья,
Какъ этой природѣ—заснувшихъ цвѣтовъ,
Какъ жалко ей солнца лобзанья?

Настроеніе поэта гармонично сливается съ пейзажемъ и передается читателю, не вызывая въ немъ тяжелой мысли, а скорѣе погружая въ сладкую грусть, возвышающую и бодрящую. Г. Ладыженскій чуждъ разслабляющаго унынія и болѣзненныхъ порывовъ, неразрѣшимаго томленія и тоскливыхъ жалобъ. Несмотря на грустное общее настроеніе, въ немъ чувствуется свѣжесть, такъ какъ его грусть коренится въ глубокомъ пониманіи природы, и его лучшія стихотворенія навѣяны ею. Но г. Ладыженскому не достаетъ силы и страсти, чтобы претворить это настроеніе меланхоліи и печали въ крикъ гнѣва и ненависти. Оттого слабѣе другихъ его стихотворенія на общественные мотивы, которые далеко не чужды ему, но недостаточно глубоко захватываютъ его. Несравненно лучше его пѣсни, которыя выливаются у него свободно, ярко, съ неуловимой граціей, легкія и воздушныя, какъ лѣтнія облачка, высоко плавающія въ небесной синевѣ, хотя и нѣсколько холодныя, какъ они.

Тебѣ—въ упоеніи нѣжномъ,
Мой другъ, посылаю привѣтъ;
Мнѣ жаль, что въ небѣ безбрежномъ
Заблещетъ разсвѣтъ!

*

Полна эта ночь тихой лѣни,
И чаръ, и томленья любви...
Склонюсь я къ тебѣ на колѣни,—
Пусть жгутъ поцѣлуи твои!

О, еслибъ волшебною силой
Я могъ эту ночь удержать,
Чтобъ вѣчно склоняться надъ милой
И кудри ея цѣловать.

Прости. Въ упоеніи нѣжномъ,
Прими мой прощальный привѣтъ.
Мнѣ жаль, что на небѣ безбрежномъ
Сіяетъ разсвѣтъ!

Въ этой пѣснѣ, какъ въ большинствѣ стихотвореній г. Ладыженскаго, чувствуется подражательность, что-то напоминающее знаменитое стихотвореніе г. Полонскаго: «Пришли и стали тѣни ночи, на стражѣ у моихъ дверей». Отсутствіе оригинальности и страсти—слабыя стороны поэзіи г. Ладыженскаго.

Х. фонъ-Хейденфельдтъ. Изъ женской жизни. По поводу Крейцеровой сонаты. Пер. съ нѣмецкаго В. Мосоловой. Москва. 1897 г. Ц. 40 к. Изд. второе. Рѣдкому изъ нашихъ великихъ писателей такъ посчастливилось въ западной литературѣ, какъ Л. Н. Толстому. Не только всѣ произведенія его переведены на всѣ языки и выдержали по нѣскольку изданій, но на Западѣ создалась даже цѣлая толстовская литература, посвященная разбору его произведеній. «Крейцерова соната» въ особенности произвела глубокое впечатлѣніе, вызвавъ массу апологій съ одной стороны, съ другой—не менѣе яростныхъ нападокъ. Явились «продолженіе» темы, развитіе ея въ мельчайшихъ деталяхъ, возраженія, критическія замѣчанія и поясненія, въ видѣ тоже беллетристическихъ произведеній, разрабатывавшихъ ту или иную сторону возбужденнаго Л. Н. Толстымъ вопроса. Въ большинствѣ эти «пьесы по случаю»—никчемныя повѣстушки, безъ искры таланта и капли ума, цѣликомъ бьющія на эффектъ имени графа и пикантность самой темы. Не такова работа фонъ-Хейденфельдта, превосходно переведенная г-жей Мосоловой. Какъ художественное произведеніе, она не выдерживаетъ критики во многихъ отношеніяхъ и, конечно, не можетъ быть сравниваема съ «Крейцеровой сонатой» Л. Н. Толстого. Но это—умная вещь, написанная горячо и съ талантомъ. Авторъ ставитъ своихъ героевъ въ положеніе, совершенно обратное тому, въ которомъ они находятся у Л. Н. Толстого, и умѣло приводитъ къ развязкѣ—не кровавой, какъ у графа, но, пожалуй, не менѣе трагической. Герои разсказа люди высоко интеллигентные, ихъ сближаетъ не низменная страсть, а взаимное уваженіе и общность интересовъ. Жена — уже не молодая и некрасивая женщина, а мужъ—пылкій и увлекающійся красавецъ, избалованный успѣхами, и въ то время, какъ жена любитъ мужа до обожанія, для него она только уважаемая женщина, мать его дѣтей. Отсюда возникаетъ разладъ, ведущій въ концѣ концовъ къ разрыву брака. «Чѣмъ безнадежнѣе мы удалялись другъ отъ друга физически, тѣмъ крѣпче прилѣплялись одинъ къ другому духовно. Я искренно старалась полнѣе и глубже вникать въ его артистическую дѣя-

тельность, трудилась и училась, чтобы лучше понимать его. И онъ искалъ въ моемъ умѣ и характерѣ замѣны не хватающей мнѣ прелести. Такого высокаго и прекраснаго мнѣнія не имѣлъ еще обо мнѣ никто. Онъ восхищался мною и цѣнилъ меня выше заслугъ. Все чистое, сильное и доброе соединялось для него въ моей личности, и онъ цѣплялся за все это со страстнымъ желаніемъ полюбить меня. Но напрасно!.. Послѣ какой нечеловѣческой борьбы, какихъ горячихъ, упорныхъ, долголѣтнихъ усилій пришлось моему мужу сознаться въ томъ, что бракъ нашъ былъ ошибкой, что голосу крови слѣдуетъ повиноваться такъ же неуклонно, какъ и силѣ духа, и что односторонность брака, оскверняя его святость, неминуемо ведетъ его къ гибели»... Семейная жизнь героевъ оказалась разбитой, и изъ ея развалинъ авторъ извлекаетъ возвышенное положеніе, что обѣ стороны брака равнозначущи, но при условіи нравственной чистоты. «Блаженни чистіи сердцемъ, яко тіи Бога узрятъ», — этимъ стихомъ изъ евангелія героиня заканчиваетъ печальную повѣсть своей брачной жизни. Сама она примиряется съ выпавшею на ея долю участью, предоставивъ мужу полную свободу и рѣшивъ уничтожить и внѣшнюю форму брака, «если бы явилась *она*, женщина, достойная любви въ обоихъ смыслахъ». Такое отношеніе ея къ мужу возбуждаетъ въ немъ лучшія стороны его личности, и онъ отказывается отъ поисковъ личнаго счастія. Онъ становится серьезнѣе и сосредоточеннѣе, «оптимистическаго воззрѣнія не имѣетъ, но считаетъ возможнымъ употребить жизнь съ пользою для другихъ и осуществляетъ это на дѣлѣ». Создается новая жизнь, жизнь долга, лишенная поэзіи, суровая и безжизненная, но она все же лучше, чѣмъ толстовское рѣшеніе. Въ будущемъ авторъ предвидитъ лучшую жизнь, когда люди научатся любить. Его идеалъ любви очень высокъ, хотя и не новъ, — но есть мысли, никогда не старѣющіяся, и повторять ихъ полезно. «Я бы не хотѣлъ,—заканчиваетъ авторъ,—чтобы моя невѣста, подобно многимъ молодымъ дѣвушкамъ, вступала въ бракъ, ничего не зная. Я желалъ бы, чтобы ей стала извѣстна правда не только о царской дочери, но и о печальномъ существованіи паріи, чтобы она понимала, что дѣлаетъ, и не совершала этого важнѣйшаго шага — какъ очень многія,—точно во снѣ; чтобы, узнавъ истину, она провѣрила силу, безбоязненность и чистоту своей любви и имѣла бы возможность отступить, пока не поздно. По моему, страшно брать въ жены ничего не подозрѣвающую дѣвушку; но передающія истину руки должны быть снѣжной бѣлизны. О! если бы всѣ поняли, что ничто такъ не усиливаетъ любовь, какъ правда, а что разрушается предъ лицомъ правды, то вовсе не любовь».

ИСТОРІЯ ЛИТЕРАТУРЫ.

Р. Сементковскій. «Денисъ Дидро».—*Teodor de Wyzeva.* «Ecrivains etrangers»

Жизнь замѣчательныхъ людей. Біографическая библіотека Ф. Павленкова. Денисъ Дидро. Его жизнь и литературная дѣятельность.

Біографическій очеркъ г. Сементковскаго. Спб. 1896. Появленіе брошюры о Дидро въ біографической библіотекѣ г. Павленкова вызвало въ насъ особенный интересъ. Библіотека имѣетъ въ виду популяризировать среди возможно обширнаго круга читателей личности и произведенія первостепенныхъ дѣятелей литературы и мысли, и кто же заслуживаетъ болѣе внимательной и усердной популяризаціи, какъ не писатель, всю жизнь свою положившій на общественное просвѣщеніе въ самомъ широкомъ смыслѣ слова? Если Вольтера по справедливости можно считать воплощеніемъ мысли XVIII-го вѣка, Дидро—олицетвореніе ея пропаганды, безпримѣрно энергическаго и искуснаго распространенія всевозможныхъ идей во всѣхъ слояхъ европейской публики, «отъ перваго министра до сапожника». Ясно, имя и дѣятельность такого человѣка должны быть особенно ярко изображены именно въ общедоступномъ изданіи. Потомъ, для русскихъ читателей Дидро, несомнѣнно, интереснѣйшая фигура среди всѣхъ энциклопедистовъ, не исключая и Вольтера. «Фернейскій патріархъ» занимался исключительно особой русской императрицы, безъ мѣры расточая предъ ней перлы своего остроумія и царедворскаго стиля въ духѣ просвѣтительной эпохи. Дидро искренне старался принести посильную пользу самой Россіи, ея народу, снабдить либеральную правительницу послѣдними словами энциклопедическаго разума и указать ея державѣ широкіе пути къ прогрессу. Дидро пришлось много думать надъ судьбами цѣлой націи и удалось додуматься до истинъ, даже въ настоящее время для насъ цѣнныхъ и *практически* полезныхъ. Дидро въ виду этого принадлежитъ русской литературѣ и даже русскому просвѣщенію на полныхъ правахъ иностраннаго сотрудника и друга, и его имя должно быть извѣстно всякому интеллигентному русскому читателю. До сихъ поръ эта обязанность могла быть выполнена съ большимъ трудомъ. Единственный *полный* трудъ о дѣятельности Дидро на русскомъ языкѣ—книга англичанина Морлея, и въ подлинникѣ весьма далекая отъ совершенства, а въ переводѣ еще больше неудовлетворительная. Именно важнѣйшая для русскихъ читателей глава біографіи Дидро, его отношенія къ Россіи, представлена иностраннымъ авторомъ крайне неполно и даже небрежно. А потомъ у Морлея, какъ истаго англичанина, хотя бы и очень терпимаго и либеральнаго, непреодолимая склонность къ морализаціи, подчасъ довольно наивной и безцѣльной, такъ какъ эта склонность не столько объясняетъ историческіе факты и психологическія явленія, сколько приспособляетъ ихъ къ личнымъ воззрѣніямъ моралиста. Въ общемъ слѣдуетъ пожалѣть, что перевода на русскій языкъ удостоился трудъ Морлея, а не другое какое-либо сочиненіе о Дидро, хотя бы, напримѣръ, отчасти устарѣвшая, но въ высшей степени добросовѣстная работа Розенкранца. Въ настоящее время всякій, пишущій о Дидро и свѣдущій хотя бы только во французскомъ языкѣ, находится въ самыхъ благопріятныхъ условіяхъ. Давно извѣстенъ и тщательне разработанъ «неизданный Дидро», собрана его корреспонденція и отрывки его произведеній до мельчайшихъ подробностей, а что касается оцѣнки идей Дидро, съ ней прихо-

дится встрѣчаться едва ли не во всякой историко-критической работѣ по французской литературѣ, такъ какъ энциклопедистъ для современныхъ натуралистовъ оказался самымъ подлиннымъ предшественникомъ и учителемъ. Тоже самое и въ философіи, въ области позитивизма и матеріализма. Самые пылкіе мечтатели о самостоятельныхъ «передѣлкахъ философіи», въ родѣ Тэна, фатальнымъ образомъ впадаютъ въ школу Дидро и, скрывая источникъ, часто до буквальныхъ заимствованій повторяютъ его мысль. Очевидно, можно и не быть спеціалистомъ по исторіи литературы и философіи, чтобы составить довольно полное представленіе о значеніи и содержаніе идей Дидро. И г-ну Сементковскому выпала, несомнѣнно, одна изъ легчайшихъ и завиднѣйшихъ задачъ. Если авторъ русской брошюры не могъ чувствовать ни малѣйшихъ затрудненій въ литературномъ и историческомъ матеріалѣ, столь же легко онъ могъ разрѣшить и всѣ психологическія задачи касательно Дидро. Это одна изъ самыхъ цѣльныхъ и послѣдовательныхъ натуръ, какія только знала просвѣтительная эпоха. О личномъ характерѣ Вольтера можетъ быть нѣсколько разныхъ мнѣній, болѣе или менѣе основательныхъ; напримѣръ, хотя бы взять Екатерину. Въ перепискѣ съ ней Вольтеръ восторженнѣйшій поклонникъ ея генія и дѣятельности, но въ дружескихъ письмахъ къ Даламберу онъ не можетъ скрыть волнующихъ его недоумѣній на счетъ государственной мудрости Семирамиды и въ особенности на счетъ благоденствія ея царства, и Семирамида подчасъ превращается просто-на-просто въ *Catho*.

Правда, не требуется особенныхъ усилій логики, чтобы объяснить это кажущееся противорѣчіе. Стоитъ только совершенно документально убѣдиться, что Екатерина съ одинаковымъ успѣхомъ могла вызывать у своего корреспондента самыя противоположныя чувства. Авторъ *Наказа*, покровительница Шешковскаго, убѣжденная крѣпостница, съ самымъ легкимъ сердцемъ закрѣпощавшая и раздаривавшая сотни тысячъ крестьянъ—все это совмѣщалось въ одной личности. Вольтеру естественно было сбиваться въ своихъ представленіяхъ о царицѣ, тѣмъ болѣе, какъ сейчасъ увидимъ, Екатерина не отступала ни предъ какими средствами, чтобы сбить съ толку заграничныхъ пѣвцовъ своей славы.

Дидро находился въ болѣе прочномъ положеніи. У него не могло быть двухъ мнѣній даже объ Екатеринѣ, неизмѣнно и неограниченно къ нему благосклонной и щедрой. Это не значитъ, будто чувства энциклопедиста можно было купить милостями. Напротивъ. Безкорыстіе Дидро—главная черта его характера, безкорыстіе рядомъ съ изумительнымъ энтузіазмомъ, съ неистощимой способностью приходить въ восторгъ отъ всего, что дѣйствительно благородно, или прекрасно, или что только кажется таковымъ. Въ этомъ смыслѣ натуру Дидро можно признать, пожалуй, односложной, если такъ можно выразиться, личностью безъ оттѣнковъ, прямолинейной и неукротимо стремительной. Его письма—единственные въ своемъ родѣ образцы искренности, сердечнаго пыла, доходящихъ часто до наивности и умилительнаго прекраснодушія. Никто не былъ такъ готовъ увлекаться и такъ

«радъ обманываться», выражаясь словами нашего поэта, и никто въ дѣйствительности не попадалъ такъ часто въ донъ-кихотскія, траги-комическія положенія... что можетъ быть проще и въ то же время увлекательнѣе, чѣмъ характеристика подобнаго писателя и человѣка?

И все это благополучіе выпало на долю г. Сементковскаго, очевидно, по самой злой ироніи судьбы, какую только могла испытать тѣнь Дидро. Прежде всего авторъ не имѣетъ ни малѣйшаго представленія о пріемахъ популяризаціи. По его мнѣнію, это слащавый, какой-то приторно-сюсюкающій лепетъ, въ родѣ того стиля, какимъ плохіе дѣтскіе писатели изображаютъ торжество добродѣтельныхъ мальчиковъ и кару нечистоплотныхъ дѣвочекъ. О своемъ читателѣ г. Сементковскій, несомнѣнно, самаго низкаго мнѣнія, считаетъ его безнадежно малосмысленнымъ и непонятливымъ, поэтому цѣлыя страницы испещрены повтореніями пустозвонныхъ, ничего не говорящихъ фразъ и наполнены анекдотическими разсказами и драматическими пассажами. Это—исторія въ лицахъ, и недостаетъ только картинокъ и виньетокъ, чтобы біографію о философѣ и ученомъ превратить въ сокращеннаго Майнъ-Рида. Напримѣръ, глава, озаглавленная *Дидро, какъ человѣкъ*. Трудно даже вообразить, сколько цѣнныхъ и поучительныхъ фактовъ и мыслей можно вложить въ эту рубрику. У г. Сементковскаго всего одна мысль, которую онъ треплетъ безъ всякаго милосердія, будто какое заклинаніе. «На геніальныхъ его идеяхъ», читаемъ въ началѣ 10-й страницы, «одинъ изъ геніальнѣйшихъ умовъ»,—нѣсколько строкъ ниже, «идей блестящихъ, иногда и геніальныхъ», еще немного дальше. Что же касается эпитетовъ знаменитый, великій— они сыплются пригоршнями, совершенно какъ въ дѣтскихъ книжкахъ или прописяхъ. Остальной стиль такого же качества: одна какая-нибудь черта въ личности Дидро упоминается по нѣсколько разъ, эпизоды связываются одинъ съ другимъ пренаивнымъ «и вотъ», «но вотъ», и что̀ забавнѣе всего, авторъ говоритъ: «мы избѣгнемъ повтореній, крайне нежелательныхъ въ краткомъ біографическомъ очеркѣ, гдѣ необходимость заставляетъ дорожить мѣстомъ». А между тѣмъ, если вычеркнуть одни только громкіе эпитеты и ни на что ненужныя сцены, въ родѣ бесѣды Людовика XV съ придворными о поѣздкѣ Дидро въ Петербургъ, мѣста осталось бы, можетъ быть, и достаточно для характеристики писателя. Теперь же можно только искренне пожалѣть всякаго, кто примется за брошюру г. Сементковскаго.

Читатель, можетъ быть, и повѣритъ воплямъ автора на счетъ величія Дидро, но за то непремѣнно станетъ втупикъ предъ непримиримыми противорѣчіями въ подробностяхъ этого величія. Напримѣръ, въ одномъ мѣстѣ идеи Дидро,—«поражающія своей новизной» (стр. 11), въ другомъ—«онъ не изобрѣлъ ничего новаго» (стр. 43), на одной страницѣ (12) «Дидро отецъ не отличался религіозностью», на другой—«выросъ онъ въ религіозной семьѣ» (45); на одной страницѣ утверждается, что Дидро никоимъ образомъ не могъ дать Руссо совѣтъ написать диссертацію объ естественномъ состояніи въ порицаніе цивилизаціи (стр. 23), на другой

цитируется сочиненіе самого Дидро, гдѣ естественное состояніе прославляется не менѣе краснорѣчиво, чѣмъ у Руссо (стр. 52). Чѣмъ объясняются эти противорѣчія? Единственнымъ путемъ—личнымъ незнакомствомъ г. Сементковсзаго съ произведеніями Дидро.

Это неопровержимо доказывается непростительными недоразумѣніями на счетъ идей и сочиненій Дидро. Возьмемъ нѣсколько примѣровъ, особенно бросающихся въ глаза. Г. Сементковскій сообщаетъ своимъ читателямъ, что Дидро, «переводя Шефтсбери, защищаетъ католицизмъ противъ деизма и англійскаго философа» (45). Всего двѣ строчки, а между тѣмъ трудно было высказать болѣе невѣжественную и для читателей популярныхъ книжекъ болѣе нежелательную истину. Дидро, какъ и вообще ни одному философу XVIII вѣка, и на мысль не могло придти защищать «католицизмъ». Г. Сементковскій, очевидно, и въ глаза не видалъ трактата, о которомъ говоритъ. Дидро защищаетъ не католицизмъ, возстаетъ не противъ деизма, а защищаетъ вообще религію противъ атеизма. Католицизму, напротивъ, весьма сильно достается въ примѣчаніяхъ Дидро къ сочиненію Шефтсбери и особенно въ посвященіи. Работу свою Дидро посвятилъ брату, типичному католическому священнику, и здѣсь взывалъ противъ «фанатизма», совершенно точно опредѣляя цѣль воззванія ссылкой на религіозныя войны Франціи. Вообще, кажется просто невѣроятнымъ, какъ у сколько-нибудь отдающаго себѣ отчетъ писателя могла подняться рука написать подобную нелѣпость объ энциклопедистѣ, хотя бы и въ самый ранній періодъ его дѣятельности. Но для г. Сементковскаго ничего нѣтъ недоступнаго.

Онъ приводитъ обширныя цитаты изъ другого сочиненія Дидро «Дополненіе къ путешествію Бугенвиля», опять по какимъ-то фантастическимъ источникамъ, а не по подлиннику. «Въ этой сказкѣ житель острова Таити, Ору, заявляетъ миссіонеру», пишетъ авторъ; въ дѣйствительности слѣдующее затѣмъ заявленіе принадлежитъ *не дикарю*, а одному изъ лицъ діалога *B*, потому что трактатъ представляетъ «діалогъ между А и В». Дальше у г. Сементковскаго *миссіонеръ* спрашиваетъ *Ору*, въ діалогѣ *A* спрашиваетъ у *B* (См. *Oeuvres de Denis Diderot*; Paris, 1821. II, 417—8). У Дидро, слѣдовательно, естественное состояніе защищается цивилизованнымъ европейцемъ, у г. Сементковскаго—«жителемъ острова Таити». Такова точность автора популярной брошюры, т. е. автора, несущаго на себѣ тѣмъ болѣе сильную нравственную отвѣтственность, чѣмъ меньше шансовъ у его читателей разобраться въ его ошибкахъ и невѣдѣніяхъ.

Столь же превратны представленія г. Сементковскаго и о самыхъ элементарныхъ *историческихъ* фактахъ. Онъ приступаетъ къ характеристикѣ энциклопедической дѣятельности Дидро съ такимъ заявленіемъ: «разсказать борьбу, вынесенную *энциклопедіей* съ ея безконочными противниками, врагами и ненавистниками, значитъ разсказать самый блестящій періодъ жизни и дѣятельности Дидро». И въ результатѣ—вмѣсто исторіи, вѣчный анекдотъ о бесѣдѣ Людовика XV и г-жи Помпадуръ о порохѣ и румянахъ. Анекдотъ сообщенъ Вольтеромъ, но уже чуть ли не изъ учебниковъ извѣстно,

что *подробности* анекдота—невѣрны: г-жа Помпадуръ успѣла умереть раньше выхода томовъ со статьями о порохѣ и о румянахъ. Г. Сементковскій ничего знать не хочетъ, лишь бы позабавить своихъ младенчествующихъ читателей. Дальше, перечисляя сотрудниковъ энциклопедіи, онъ упоминаетъ статьи Руссо по музыкѣ, и забываетъ важнѣйшую статью женевскаго философа о *политической экономіи*, важнѣйшую не только въ сочиненіяхъ Руссо, но и во всей энциклопедіи первыхъ томовъ. Опять, слѣдовательно, г. Сементковскій и въ глаза не видалъ словаря, иначе онъ подъ статьей *Economie politique* прочелъ бы *Article de M. Rousseau, citoyen de Genève*. Впрочемъ, если отъ г. Сементковскаго положительно невозможно требовать такихъ подвиговъ, какъ личнаго знакомства съ источниками, онъ могъ бы всѣ указанные факты прочесть въ популярныхъ иностранныхъ сочиненіяхъ объ энциклопедистахъ.

Не читалъ г. Сементковскій и «Письма» Руссо къ Даламберу о театральныхъ представленіяхъ и излагаетъ его съ поистинѣ возмутительной небрежностью, по наслышкѣ и по самымъ мутнымъ источникамъ. Мы желали бы знать, гдѣ въ письмѣ Руссо энциклопедисты именуются «бѣшеными собаками», и Вольтеръ «низкою душою», и гдѣ женевскій философъ «клеймитъ развращенность энциклопедистовъ». Правда, Руссо называлъ энциклопедистовъ *Holbachiens*, отъ имени Гольбаха, автора матеріалистической книги, но это было гораздо позже и потомъ это не значитъ «бѣшеныя собаки», обвинялъ Вольтера въ порчѣ женевскихъ нравовъ театральными зрѣлищами, но эпитетъ «низкая душа» мы не встрѣтили въ письмѣ Руссо. Выходитъ, г. Сементковскій сочинилъ совершенно небывалое письмо Руссо и сопроводилъ его столь же фантастическимъ сообщеніемъ о посѣщеніи Дидро своего *друга* Руссо, между тѣмъ какъ если бы г. Сементковскій потрудился справиться хотя бы съ корреспонденціей Дидро, онъ увидѣлъ бы, что дружбы не существовало уже осенью 1757 года, а *Письмо* вышло весной 1758 года. Однимъ словомъ, за какое бы сочиненіе г. Сементковскій ни взялся, въ результатѣ сплошное недоразумѣніе. Мы опускаемъ множество другихъ такихъ же примѣровъ, и ограничимся исторіей отношеній Дидро къ Екатеринѣ.

Повидимому, на этотъ вопросъ авторъ русской брошюры обязанъ былъ обратить особенное вниманіе, а между тѣмъ выходитъ нѣчто до послѣдней степени возмутительное. Прежде всего г. Сементковскій отказывается останавливаться на причинахъ пристрастія Екатерины къ энциклопедистамъ, предполагая эти причины извѣстными... И это послѣ сомнительныхъ анекдотовъ и вздорныхъ изложеній! Слона-то авторъ и не желаетъ видѣть, направляя свою публику, вѣроятно, къ учебнику г. Иловайскаго. Потому что, какъ это ни странно, онъ даже превзошелъ почтеннаго «исторіографа» въ медоточивой характеристикѣ просвѣтительныхъ и преобразовательныхъ замысловъ и дѣлъ Екатерины. Конечно, и здѣсь мы не свободны отъ непримиримыхъ противорѣчій: таковы уже свойства ума г. Сементковскаго. На стр. 8 читаемъ, будто Екатерина «приняла къ сердцу многіе совѣты французскаго разно-

чинца» (?), на стр. 76 — по поводу тѣхъ же совѣтовъ: «все это были планы и проекты теоретика, хотя очень просвѣщеннаго и геніальнаго. Такъ взглянула на нихъ и Екатерина и оставила ихъ безъ послѣдствій». Извольте теперь разобраться! При такихъ условіяхъ, конечно, невозможно рѣшать вопроса о «пристрастіи» Екатерины къ энциклопедистамъ, если бы авторъ и пожелалъ этого. А между тѣмъ, вопросъ этотъ давно и вполнѣ удовлетворительно рѣшенъ въ статьѣ *Екатерина II и Дидро*, напечатанной въ *Русской Старинѣ*, май и іюнь 1884 года. Екатеринѣ требовалось благосклонное общественное мнѣніе Европы, мнѣніемъ этимъ располагали философы, и въ результатѣ такія, напримѣръ, сообщенія въ письмахъ къ Вольтеру: «Il n'y a pas de paysan qui ne mange en Russie une poule quand il lui plait, et depuis quelque temps ils préfèrent les dindons aux poules», т. е. «въ Россіи нѣтъ мужика, который не ѣлъ бы курицы, когда ему угодно, а съ нѣкотораго времени они предпочитаютъ индѣекъ курамъ». И подобныхъ примѣровъ множество. Они сами говорятъ за себя и вполнѣ подтверждаются другими эпизодами. Та же Екатерина, провозглашая Вольтера своимъ учителемъ, не хочетъ прикоснуться къ полному изданію его сочиненій, отправляя за-границу графовъ Ольденбургскихъ, запрещаетъ имъ избѣгать даже мѣстностей, близко лежащихъ къ мѣстопребыванію Вольтера. И это распоряженіе дается еще въ 1767 году! И сколько еще можно привести отнюдь не уважительныхъ, скорѣе презрительныхъ отзывовъ императрицы о томъ или другомъ «учителѣ», не исключая и философіи Дидро! Объ «искренней горячей дружбѣ», о которой повѣствуетъ дѣтскій авторъ русской брошюры, не можетъ быть и рѣчи. Доказательства г. Сементковскій, помимо указанной статьи, могъ найти въ перепискѣ энциклопедистовъ и въ исторіи царствованія Екатерины. И потомъ, что за легкомысленный восторгъ предъ небывалымъ фактомъ, будто идеи Дидро «съ такой силой упрочились въ русскомъ обществѣ!..» Когда это? Въ шестидесятые годы текущаго столѣтія были другіе учителя, а при Екатеринѣ II Дидро уважали и знали не болѣе двухъ-трехъ человѣкъ, сама Екатерина завѣдомо морочила своего гостя невѣроятными сообщеніями о внутреннемъ состояніи Россіи и особенно о крѣпостныхъ порядкахъ, а Фонвизинъ, талантливѣйшій гонитель отечественнаго «злонравія» объявлялъ «Даламбертовъ и Дидеротовъ» «шарлатанами». Ничего этого г. Сементковскій не желаетъ знать. Совершенно извративши исторію Дидро относительно Россіи, авторъ не далъ сколько-нибудь удовлетворительной *личной* и *авторской* характеристики Дидро: для этого необходимо было познакомиться съ довольно сложной судьбой *Энциклопедіи* по корреспонденціи Дидро, Вольтера, Даламбера, Гримма и прочесть, по крайней мѣрѣ, главнѣйшія произведенія Дидро. Такое предпріятіе не грезилось г. Сементковскому даже и въ самыхъ отважныхъ сновидѣніяхъ, и въ результатѣ его брошюра—живой укоръ русской популярной литературѣ и на самый снисходительный взглядъ—пустое мѣсто въ біографической библіотекѣ г. Павленкова. Для чести этого прекраснаго изданія и въ интересахъ русскаго писательскаго са-

молюбія подобные продукты не должны бы появляться на книжномъ рынкѣ подъ заслуженной издательской формой.

Teodor de Wyzewa. Ecrivains etrangers. Paris 1896. Авторъ книги объ *Иностранныхъ писателяхъ*—очень усердный критикъ и даже историкъ новѣйшихъ культурныхъ явленій. Большинство его статей посвящено заграничной литературѣ и заграничнымъ общественнымъ движеніямъ, онъ написалъ, напримѣръ, рядъ очерковъ о соціалистскомъ движеніи въ Европѣ и наряду съ французами не миновалъ нѣмцевъ и англичанъ. Потомъ, г. Визева велъ и продолжаетъ вести во французскихъ журналахъ обозрѣнія иностранной журналистики и обнаруживаетъ знакомство даже съ русскимъ языкомъ, не съ литературой, а именно съ *языкомъ*, и самъ переводитъ нужные ему отрывки изъ произведеній нашихъ писателей. Таковъ въ краткихъ словахъ литературный аттестатъ критика,—какъ можно судить, довольно благопріятный и много обѣщающій.

Мы поэтому съ особеннымъ интересомъ раскрыли страницы, повѣствующія о нашихъ первостепенныхъ писателяхъ—Тургеневѣ, гр. Толстомъ, Островскомъ. Правда, большихъ надеждъ мы не возлагали на г. Визеву, давно уже многообразными опытами разочарованные въ способности современныхъ французскихъ литераторовъ, особенно критиковъ, понимать даже простѣйшія вещи на русскомъ языкѣ. Мы не забыли, напримѣръ, изумительныхъ упражненій академика Леметра надъ романомъ Достоевскаго *Преступленіе и наказаніе* и драмой Островскаго *Гроза*. Мы видѣли, какъ трудно, въ сущности невозможно парижскому эстетику выбиться изъ роковыхъ шаблоновъ бульварной піитики, и какъ именно по правиламъ этого искусства Соня и Мармеладовъ оказывались неизмѣримо ниже во всѣхъ отношеніяхъ героевъ и героинь изъ похожденій Рокамболя, самъ Достоевскій ничтожнѣе Габаріо, а Катерина изъ *Грозы* ни болѣе, ни менѣе, какъ Фру-фру, въ общемъ же вся русская литература «славянщина» и «средневѣковое варворство»...

Такъ вѣщалъ, нѣсколько времени тому назадъ, литераторъ, занимающій въ настоящее время кресло «безсмертнаго».

Г. Визева еще не достигъ этой чести, хотя и мало просвѣщеннѣе Леметра, почему и стиль его скромнѣе и порывы не столь разухабисты и откровенны. Онъ хочетъ держать себя съ русской литературой на дружеской ногѣ, Тургенева фамильярно похлопываетъ по плечу, Островскому благосклонно киваетъ головой: ничего, дескать, читать можно, хотя и нестерпимо скучно, а графу Толстому посылаетъ двусмысленныя улыбки, приправленныя знаками удивленія и реверансами благовоспитаннаго молодого человѣка.

Въ результатѣ, французскіе читатели, несомнѣнно, будутъ благодарны г. Визевѣ за чрезвычайно легкое и даже милое чтеніе и немедленно могутъ усвоить такой же sans façon на счетъ не только какого-нибудь Островскаго, а вообще всякаго «славянскаго типа» и «московитскаго таланта»... Но обратимся къ собственнымъ разсужденіямъ г-на Визевы.

По порядку въ сборникѣ стоитъ статейка подъ заглавіемъ *Переписка Ивана Тургенева*, т. е. письма его къ Сергѣю Анопову.

Раньше, чѣмъ дойти до этихъ писемъ, авторъ дѣлаетъ нѣсколько любопытныхъ признаній. Нѣкоторыя намъ извѣстны,—именно, что парижскіе литераторы считали московита высокаго роста наивнымъ ребенкомъ, простодушнымъ поклонникомъ современнаго французскаго литературнаго генія, своего рода Иванушкой,—на самомъ дѣлѣ онъ весьма критически, подчасъ даже безпощадно отзывался о бульварныхъ благёрахъ, ресторанныхъ blasés и литературныхъ промышленникахъ. Парижане воображали, предъ ними скиѳъ съ раскрытымъ ртомъ и въ психопатическомъ длящемся восторгѣ отъ романовъ Золя, шика Гонкуровъ, республиканской свободы завсегдатаевъ Café riche. Въ дѣйствительности ничего подобнаго: лукавый славянинъ просто издѣвался надъ своими *maîtres* и *chers amis*, видя насквозь всю ихъ природу и писательскую душу. А если они не замѣчали ничего лично и пребывали въ гордомъ сознаніи своего превосходства, вина была отнюдь не на сторонѣ «варвара», а самихъ цивилизованныхъ господъ, искони вѣковъ загипнотизированныхъ чисто дѣтскимъ національнымъ самообожаніемъ.

И вдругъ, открывается истина. Г. Визева наивно сообщаетъ намъ, что столь же наивные и забавно разсердившіеся французскіе литераторы немедленно подвергли жесточайшей опалѣ русскаго писателя. Почувствовавъ себя «оскандаленными», парижане вообразили, что Тургеневъ вообще надъ всѣмъ шутилъ, всю жизнь обманывалъ своихъ читателей, одинаково былъ двоедушенъ какъ другъ и ресторанный собесѣдникъ, и какъ романистъ. Французы иного вывода не могли сдѣлать: разъ для Тургенева оказались жалкими и смѣшными Гонкуры, Золя, и вообще новѣйшій общественный и литературный духъ Парижа, очевидно, для русскаго писателя не было ничего святого. Въ результатѣ «почти никто теперь не осмѣливается читать его»...

Г. Визева желаетъ оправдать свою публику и утѣшить ее: по свѣдѣніямъ французскаго критика, Тургенева въ настоящее время столь же глубоко презираютъ и въ Россіи, какъ въ Парижѣ. Русскіе «отвыкаютъ любить его» и г. Визева вычиталъ въ нашихъ «газетахъ и журналахъ» сплошное уничтоженіе тургеневскаго имени. Это—эгоистъ, хвастунъ, литературный сварливецъ и интриганъ, вообще «безспорно», что Тургеневъ въ Россіи съ нѣкотораго времени страдаетъ отъ враждебной ему печати (а *une mauvaise presse*)...

Гдѣ собственно авторъ вычиталъ всѣ эти данныя,—мы не знаемъ, тѣмъ болѣе, что даже пресса, стихійно обязанная быть *mauvaise* по отношенію къ Тургеневу, печатала въ послѣднее время его переписку безъ малѣйшихъ признаковъ своего дурного настроенія, даже напротивъ. Очевидно, на берегахъ Сены получаются какіе-то другіе русскіе *journaux* и *révues*, намъ невѣдомые и у насъ нечитаемые.

Французскій критикъ усиливается дальше защищать Тургенева отъ его французскихъ и русскихъ враговъ—и защищаетъ совершенно по рыцарски, рубитъ съ плеча, въ порывѣ добрыхъ намѣреній хватаетъ такъ далеко, что, пожалуй, защитѣ скорѣй обрадуются враги, чѣмъ друзья обороняемаго писателя.

Оказывается, вся бѣда отъ непреодолимой, какой-то психопатической жажды Тургенева имѣть друзей, *во что бы то ни стало* пріобрѣтать новыхъ друзей, и подъ вліяніемъ этого недуга онъ «злословилъ» однихъ именно съ цѣлью стяжать благосклонность другихъ, одновременно могъ любить и презирать... Да, такою чудовищною психологіей отличался авторъ *Отцовъ и дѣтей*! Любилъ людей презрѣнныхъ, злословилъ о людяхъ любимыхъ и пускалъ въ ходъ интриги для пріобрѣтенія друзей. Просимъ вѣрить совершенной точности нашей передачи французскихъ идей о Тургеневѣ: мы не прибавляемъ ни единаго слова къ откровеніямъ г-на Визевы.

Къ сожалѣнію, авторъ, не затрудняя себя цитатами изъ русскихъ памфлетовъ на Тургенева, оставляетъ также безъ дальнѣйшихъ поясненій и свое творчество въ области тургеневской психологіи, не подтверждаетъ его ни единымъ фактомъ, ни единой подлинной біографической чертой. Хотя автора, повидимому, даже въ самой общей формѣ долженъ былъ смутить рисуемый имъ образъ *положительнаго* хорошаго человѣка.

Дальше начинаются уже спеціально-парижскіе отголоски точности и учености: г. Визева, переведя всего нѣсколько строкъ изъ письма Тургенева, не можетъ не исказить важнѣйшей части цитаты, касаясь біографіи — называетъ Тургенева воспитанникомъ одного Московскаго университета. Между тѣмъ, какъ въ Москвѣ Тургеневъ пробылъ едва лишь годъ и скорѣе можетъ быть названъ воспитанникомъ Петербургскаго университета.

Статейка о гр. Толстомъ прямо начинается указанными отголосками: на извѣстной группѣ шести писателей, г. Визева открываетъ *гр. Алексѣя Толстого*—вмѣсто Островскаго или Дружинина, а потомъ остритъ надъ англичанами, посылавшими деньги гр. Толстому для голодающихъ русскихъ въ то время, когда у нихъ самихъ не мало голодныхъ, и заканчиваетъ статейку описаніемъ внѣшности гр. Толстого: портретъ писателя, очевидно, долженъ уяснить намъ всѣ его идеи. Ими г. Визева, по крайней мѣрѣ, не считаетъ нужнымъ заняться.

Наконецъ, третій очеркъ носитъ заглавіе: *Русскій театръ*. Дѣло идетъ о *Власти тьмы* и о двухъ драмахъ Островскаго-- *Гроза* и *Василиса Мелентьева*. Несчастная эта *Гроза!* И особенно жалки и комичны мы, считающіе эту пьесу украшеніемъ нашей драматической литературы. Да будетъ намъ стыдно! Г. Сарду неизмѣримо выше, все равно, какъ Габаріо и Ксавье де-Монтепэнъ,—самое меньшее, не хуже Достоевскаго.

Г. Визева, подобно всѣмъ современнымъ парижскимъ литераторамъ, очень недоволенъ вниманіемъ французской публики къ чужимъ литераторамъ. Францискъ Сарсэ, критикъ первенствующей парижской газеты—*Temps*, не перестаетъ взывать противъ Шекспира и прочихъ невѣдомыхъ ему иностранцевъ, въ интересахъ бульварныхъ водевилистовъ. Мы отнюдь не шутимъ: именно эта мысль en pleines lettres была изображена и подробнѣйше доказана въ одномъ изъ фельетоновъ Сарсэ. Г. Визева избираетъ мишенью—Островскаго.

Замѣтьте, удары критика обрушиваются не только на Островскаго, а на лучшихъ нашихъ критиковъ, имѣвшихъ опрометчивость и неразуміе серьезно отнестись къ пьесамъ Островскаго, къ его таланту. Его шутки возбуждаютъ жалость,—вотъ впечатлѣніе француза отъ комическихъ сценъ нашего драматурга. Все мелко, утомительно просто, «смертельно скучно», «разговоры банальны или глупы», «интриги дѣтски неискусны», совсѣмъ нѣтъ анализа чувствъ, «какъ въ нашихъ трагедіяхъ и романахъ», спѣшитъ замѣтить авторъ. Дѣйствующія лица въ теченіе пьесы выражаютъ одни и тѣ же чувства, и притомъ слишкомъ узкія, первобытныя и «лишенныя всякой жизни».

Выходитъ, круглая бездарность въ художественномъ отношеніи и воплощенная немощь въ умственномъ. Единственное достоинство Островскаго—сердечная доброта, чувство состраданія, постоянно присутствующія на его сценѣ. Не поздоровится отъ такой похвалы самому непритязательному и незамѣтному смертному!

Но какъ же это могло произойти, что драма для насъ несомнѣнная, яркая, преисполненная смысла и содержанія, характеры—жизненные, типичные, развитіе дѣйствія, именно въ *Грозѣ*, сильное, захватывающее, какъ могло случиться, что все это въ глазахъ француза,—презрѣнная глупость и смертельная скука? Насъ бы не особенно занималъ этотъ вопросъ, если бы дѣло шло объ одномъ г-нѣ Визева, но, мы видѣли, такой же приговоръ произнесъ и Леметръ, и по свидѣтельству обоихъ критиковъ, ихъ мнѣніе—общее достояніе парижской интеллигенціи.

Позвольте, вмѣсто подробнаго психологическаго и историко-культурнаго отвѣта, который завелъ бы насъ очень далеко, привести нѣсколько строкъ изъ очень солиднаго *французскаго* сочиненія объ эмигрантахъ эпохи революціи. Авторъ по поводу ихъ разсуждаетъ вообще о своихъ соотечественникахъ, и поводъ у него очень благодарный.

Извѣстно, что французскіе дворяне, переѣзжавшіе изъ Парижа въ европейскія столицы и центры, никакъ могли приспособиться къ мѣстнымъ условіямъ, будто даже они совершали путешествіе не по Европѣ, а во мгновеніе ока очутились на другой планетѣ. И вотъ какъ авторъ, сочувствующій своимъ героямъ, изображаетъ ихъ положеніе:

«Французъ всегда отличался безсмысленнымъ невѣдѣніемъ всего иностраннаго: то, что выходитъ за предѣлы его рутины, кажется ему смѣшнымъ, всякій невѣдомый ему обычай вызываетъ у него смѣхъ, всякая столица кажется ему хуже его деревни. Любезный у своего очага, французъ невыносимъ вдали отъ своего дома. Эмигрантъ не находитъ ничего похвальнаго у добраго гамбургскаго обывателя; онъ смѣется, ворчитъ, оскорбляетъ своихъ хозяевъ; прислуга не умѣетъ ему угодить; каждый приходитъ въ дѣтскій ужасъ отъ мѣстныхъ обычаевъ; за общимъ столомъ блюда подаютъ слишкомъ медленно, ѣдятъ слишкомъ спокойно, ждутъ послѣ каждаго блюда, сидятъ за столомъ въ теченіе двухъ часовъ». И дальше перечисляется множество всевозможныхъ огор-

ченій французовъ, и одинаково—изъ-за мельчайшихъ пустяковъ и изъ-за серьезныхъ особенностей чужой страны.

«Французъ,—заканчиваетъ авторъ,—всегда считаетъ себя неподражаемымъ, онъ ведетъ себя вызывающе и напрашивается на дерзость». (Forneron. *Histoire Generale des Emigrés*. Paris. 1884, I, 395 etc.).

Болѣе искреннихъ словъ мы не читывали во французскихъ книгахъ и о французахъ! И мы жалѣемъ, что не можемъ привести многихъ другихъ указаній и разсужденій автора, не утратившихъ цѣны и до нашихъ дней. Во всякомъ случаѣ, для нашей цѣли достаточно: все-таки нѣкоторый свѣтъ можетъ быть брошенъ даже французомъ на спеціальные французскіе подвиги въ области литературной критики и культурныхъ представленій. Жаль только, что порода Леметровъ и подобныхъ господъ не создана для покаянія и исправленія: недаромъ Леметру и г-ну Визевѣ кажутся дикими и безсмысленными высшіе моменты благороднѣйшихъ произведеній русскаго искусства.

ЮРИДИЧЕСКІЯ НАУКИ.

Д. Я. Самоквасовъ. «Изслѣдованія по исторіи русскаго права».

Д. Я. Самоквасовъ. Изслѣдованія по исторіи русскаго права. Выпускъ первый. Предисловіе. Введеніе. Критическій обзоръ теорій догосударственнаго быта русскихъ славянъ.—Выпускъ второй. Средства познанія системы русскаго права языческой эпохи. М. 1896. in 8-vo. Стр. XVIII + 108 + 34.—Стр. VI + 170. Ц. 2 руб. 50 коп. Въ августовской книжкѣ нашего журнала (стр. 13—17) мы имѣли случай познакомить нашихъ читателей съ общимъ характеромъ книги проф. В. И. Сергѣевича *Русскія юридическія древности* и рекомендовать ее, какъ превосходную школу критической выправки, въ которой читатель имѣетъ поучительные образчики логической и юридической конструкціи на строго-научныхъ основаніяхъ. Теперь мы имѣемъ случай ознакомиться съ книгой проф. Д. Я. Самоквасова, которая начинается неожиданнымъ отрицаніемъ научнаго знанія, продолжается обнаруженіемъ колоссальной научной безграмотности и заканчивается вопіющимъ нарушеніемъ элементарныхъ правилъ литературныхъ приличій. Спѣшимъ извиниться предъ читателями за рѣзкость вырвавшейся у насъ въ порывѣ критическаго негодованія фразы и дать слово, что дальше мы не будемъ прибѣгать ни къ какимъ опредѣленіямъ и остановимся исключительно на констатированіи *фактовъ*.

Когда мы прочитали два выпуска «Изслѣдованій» г. Самоквасова, то намъ показалось содержаніе этой *новой* книги черезчуръ *старымъ* и давно гдѣ-то читаннымъ. Справки показали, что «Изслѣдованія по исторіи русскаго права» представляютъ «Исторію русскаго права», изданную много лѣтъ тому назадъ въ Варшавѣ: первыя являются дословной перепечаткой второй, причемъ

авторъ все время показываетъ видъ, что издалъ совершенно *новую* работу и ссылается порой въ примѣчаніяхъ на *старую*, какъ будто не стоящую съ ней ни въ какой связи. Сличая строку за строкой, можно убѣдиться, правда, въ томъ, что г. Самоквасовъ въ перепечаткѣ переставилъ красныя строки, курсивы замѣнилъ прямымъ шрифтомъ и, наоборотъ, больщія примѣчанія вынесъ въ приложенія и т. п.; словомъ, сдѣлалъ все отъ него возможное. чтобы перепечатка не бросалась въ глаза, и ея, можетъ быть, не примѣтили бы неопытные читатели, еслибъ авторъ не позабылъ исключить нѣкоторыхъ фразъ, умѣстныхъ двадцать лѣтъ тому назадъ, когда появилась впервые его «Исторія русскаго права». Такъ, въ первомъ приложеніи къ первому выпуску мы читаемъ: «за послѣднее шестидесятилѣтіе по всеобщей исторіи права образовалась обширная литература, къ главнѣйшимъ явленіямъ въ которой принадлежатъ слѣдующія сочиненія». Новѣйшее изъ этихъ сочиненій, если не считать случайной ссылки на книжку Н. Звѣрева, относится къ 1872 году: предоставляемъ самимъ читателямъ судить, правда ли, что съ 1872 г. по 1896 г. не появилось ни одного сочиненія по исторіи права, заслуживающаго упоминанія, тогда какъ г. Самоквасовъ помѣщаетъ въ своемъ спискѣ старину, забытую юристами и относящуюся къ двадцатымъ годамъ нашего вѣка, а въ приложеніи второмъ утверждаетъ что для современнаго «*историко-юриста* (sic!) особенно важны сочиненія Ломоносова». Что касается учености г. Самоквасова, то въ этомъ случаѣ предоставимъ ему говорить самому за себя. «Изучающій языческую систему русскаго права,—читаемъ на стр. 107,—можетъ и долженъ пользоваться выводами сравнительной *соціологіи* и этнологіи, относящимися къ *соціальной* организаціи и праву народовъ осѣдлаго и кочевого состояній, жившихъ и живущихъ въ автократическихъ формахъ саморазвитія *соціальной* организаціи, родовыхъ и городскихъ, потому языческая форма *соціальнаго* быта русскихъ славянъ представляла собою союзъ городскихъ союзовъ, осѣдлое племенное княженіе, наслѣдовавшее свои институты отъ родовой организаціи своихъ предковъ кочевого состоянія, измѣнивъ ея содержаніе соотвѣтственно требованіямъ и условій жизни осѣдлыхъ народовъ». Если въ этой весьма сложной по своей конструкціи фразѣ есть какая-нибудь мысль, то не противорѣчитъ ли она слѣдующей мысли автора, уложенной въ такую фразу: «Для русскаго историко-юриста, изучающаго исторію *національнаго* сваянорусскаго права, безполезенъ также и бытъ народовъ кочевого и осѣдлаго состояній, жившихъ и живущихъ мелкими *автократическими* семейно-родовыми и городскими союзами, потому что русскіе славяне въ самомъ началѣ своего этнографическаго образованія, со времени первоначальной колонизаціи дунайскими племенами центральныхъ областей Европы, являются въ формѣ осѣдлаго племенного княженія, *союза* городскихъ *союзовъ*, заключавшаго въ себѣ семейства, роды, городскія общины, *союзы* городскихъ общинъ, въ значеніи составныхъ элементовъ осѣдлаго племенного государства». Но что сказать о третьей мысли автора насчетъ того, что «языческая система права русскихъ славянъ

сложилась въ формѣ *саморазвитія человѣческаго общежитія*, въ племенномъ княженіи, до времени завоевательнаго объединенія славянорусскихъ народовъ подъ властью языческихъ князей Рюрикова рода, а вслѣдъ за такимъ объединеніемъ послѣдовала *рецепція христіанства* (sic!) и новыхъ понятій о государственной организаціи, свойственныхъ уже новымъ монархіямъ и республикамъ христіанскихъ народовъ». Наши выдержки переходятъ уже за предѣлы дозволеннаго, но мы должны полнѣе ознакомить читателя съ ходомъ мыслей г. Самоквасова: онъ, доказывая, что славяне и скиѳы одна и та же народность, что славяне пришли съ Дуная, какъ своей «митрополіи-прародины» (sic!), уже съ зачатками опредѣленнаго гражданскаго устройства, пишетъ слѣдующее: «Теорія начальнаго періода исторіи русскаго права представляется намъ застывшею на ученіяхъ Аристотеля и Гегеля, Шлецера и Эверса о догосударственномъ состояніи людей». Рядъ другихъ курьезныхъ мѣстъ читатель найдетъ въ сжатомъ отзывѣ о книгѣ г. Самоквасова, напечатанномъ въ газетѣ «*Русскія Вѣдомости*» (1896 г., № 305, отъ 4 ноября). Утверждая, что *новая* книга г. Самоквасова есть простая перепечатка *старой*, съ пріемами, обнаруживающими желаніе скрыть это обстоятельство, утверждая затѣмъ, что эта старая книга и ея новое факсимиле блестяще заявляютъ о научной безграмотности автора (примѣровъ, приведенныхъ нами, «*Русскими Вѣдомостями*» и старыми критиками, для этого вполнѣ достаточно), мы должны отмѣтить принципіальное отрицаніе научнаго знанія въ разбираемой книгѣ. Авторъ заявляетъ, что «исторія русскаго права нашего времени только теорія, а не наука», что «теоретическое состояніе исторіи русскаго права» должно превратиться въ «фактическую исторію русскаго *національнаго* права». Чрезъ всю книгу г. Самоквасовъ упорно проводитъ одну и ту же мысль, что наука есть груда фактовъ, что всякія теоріи—вздоръ. Развѣ собираніе и нагроможденіе фактовъ есть наука? Развѣ отрицаніе всякихъ теоретическихъ построеній не есть отрицаніе науки? Любопытно, что самъ авторъ вращается чуть ли не все время въ «недосягаемой для исторіи древности»; слѣдовательно, оперируетъ безъ дѣйствительныхъ фактовъ. На разбитыхъ черепкахъ, выкопанныхъ изъ земли, г. Самоквасовъ строитъ рядъ воздушныхъ замковъ, которые разлетаются при первомъ прикосновеніи къ нимъ здраваго смысла и научной теоріи. Воздушные замки еще можно было бы простить автору, ему нельзя было бы запретить перепечатку старой работы, хотя бы уже давно осужденной критикой, но насмѣшекъ надъ научнымъ знаніемъ, насмѣшекъ надъ читающей публикой, которую онъ морочитъ знаменитыми пріемами лубочниковъ Никольскаго рынка, простить нельзя.

Теперь всѣ почуяли ходкость книжнаго товара, двинувшагося благодаря настойчивымъ и благороднымъ стремленіямъ русскаго общества къ самообразованію; предложеніе уже не удовлетворяетъ спроса; этотъ спросъ, надо сознаться, превышаетъ наличныя силы современной русской интеллигенціи,—и вотъ мы видимъ рядъ предпріятій, рядъ изданій, которыя ловко ловятъ моментъ, не за-

ботясь ни о чемъ другомъ, кромѣ коммерческихъ интересовъ. Разъ есть возможность сбыть книгу въ среду начинающихъ студентовъ, неопытныхъ читателей изъ публики, отчего же не пустить въ оборотъ старую вешь въ новомъ футлярѣ? Современная критика должна неуклонно и строго преслѣдовать подобныя явленія, которыя у насъ насчитываются не единицами, иначе русская читающая публика можетъ потерять въ нее вѣру такъ же быстро, какъ быстро г. Самоквасовъ убѣдится въ ея правдивости и нежеланіи потворствовать архаическимъ пріемамъ изслѣдованія въ наукѣ исторіи русскаго права, начинающей сильно интересовать читающую публику.

Вѣдь, еслибъ не было этого интереса, не стоило бы и писать объ «Изслѣдованіяхъ по исторіи русскаго права» въ общемъ журналѣ для самообразованія.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ И СТАТИСТИКА.

В. Стенли Джевонсъ. «Краткое руководство политической экономіи».—*И. Гурвичъ.* «Экономическое положеніе русской деревни».—*Л. В. Ходскій.* «Основанія теоріи и техники статистики».

В. Стэнли Джевонсъ. Краткое руководство политической экономіи. Перевелъ Л. Гольдмерштейнъ, Taylorian Prizeman оксфордскаго университета. Спб. 1897. Ц. 60 к. Въ 60-хъ и 70-хъ годахъ въ Западной Европѣ были въ большой модѣ краткіе популярные учебники, или такъ называемые катихизисы, политической экономіи: укажемъ на книжки Rapet, Umpfenbach, Moritz Block и другія. Книжки этого рода имѣли, конечно, различныя достоинства, но всѣ онѣ отличались одной общей характерной чертой: ихъ авторы старались не только популяризировать законы хозяйственной жизни, но имѣли въ виду еще особыя «благородныя» цѣли. Эти краткіе учебники должны были внушить читателямъ уваженіе къ существующему, доказать его разумность и справедливость. Экономическіе законы отожествлялись съ разумными и неизмѣнными законами природы, доказывалось, что распредѣленіе богатства въ современномъ обществѣ совершается къ обоюднымъ выгодамъ капиталистовъ и рабочихъ, въ особенности послѣднихъ. Капиталистъ-предприниматель благодѣтель своихъ рабочихъ, и безъ него послѣдніе не имѣли бы занятій. Послѣ тяжелаго продолжительнаго труда, послѣ долголѣтнихъ «сбереженій» и «воздержанія» капиталистъ накопилъ себѣ petite propriété («малую толику»), но и теперь его трудъ несравненно тягостнѣе труда рабочаго: заботы не даютъ ему покоя ни днемъ, ни ночью, онъ даже не можетъ покойно пользоваться праздничнымъ отдыхомъ, наконецъ, лишь на него одного падаетъ весь рискъ отъ неудачнаго предпріятія; между тѣмъ рабочій получаетъ себѣ твердую и разъ навсегда обезпеченную плату, не зная ни риска, ни колебанія цѣнъ. Правда, нѣкоторымъ рабочимъ живется не совсѣмъ хорошо, но въ этомъ они сами виноваты: они лѣнивы, пьянствуютъ, рано вступаютъ въ бракъ, черезчуръ плодятся, наконецъ,—

и это самое главное—они слишкомъ мало «сберегаютъ». Проповѣдь предусмотрительности и сбереженій всегда стояла на первомъ планѣ въ учебникахъ этого рода.

Къ числу подобныхъ катихизисовъ политической экономіи должно быть отнесено и «Краткое руководство» Джевонса, написанное имъ еще въ 1878 году. Книжка Джевонса, подобно другимъ популярнымъ руководствамъ по политической экономіи, не можетъ, конечно, претендовать на научное значеніе. Экономическіе законы излагаются здѣсь въ видѣ безапелляціонныхъ истинъ, въ видѣ какихъ-то догматовъ вѣры. Гдѣ рѣчь идетъ о невинныхъ предметахъ, о явленіяхъ, не соприкасающихся близко съ соціальнымъ вопросомъ въ широкомъ смыслѣ этого слова, гдѣ говорится о кредитѣ, банкахъ, деньгахъ и т. п., тамъ изложеніе можно признать удовлетворительнымъ. Зато, когда рѣчь касается распредѣленія богатства, рабочаго вопроса и т. п., Джевонсъ не можетъ сохранить полной объективности, и, подобно другимъ авторамъ такого рода катихизисовъ, считаетъ нужнымъ проводить «здравыя» идеи, доказать во что бы то ни стало справедливость существующихъ порядковъ и нерѣдко впадаетъ въ дидактическій тонъ. «Когда мы будемъ въ состояніи понимать, почему работникъ получаетъ такъ мало теперь, мы, быть можетъ, увидимъ, какъ онъ можетъ достигнуть лучшаго, но, во всякомъ случаѣ, мы увидимъ, что это производится, главнымъ образомъ, благодаря *законамъ природы*». Если распредѣленіе совершается по законамъ природы, то, конечно, ни рабочія ассоцаціи, ни стачки не въ состояніи содѣйствовать повышенію заработной платы. «Главная задача рабочихъ ассоціацій состоитъ въ увеличеніи размѣра заработной платы. Кажется, что рабочіе думаютъ, что если они не примутъ мѣръ предосторожности, хозяева воспользуются главной частью дохода и будутъ очень мало платить за трудъ. Они думаютъ, что капиталисты, если за ними не слѣдятъ и не заставляютъ ихъ платить, угрожая стачками, поступаютъ вполнѣ по своему произволу. Хозяевъ считаютъ тиранами, которые могутъ дѣлать все, что угодно. Но это совершенно ошибочно». Стачки также не могутъ принести никакой пользы рабочимъ. «*Въ общемъ*,—говоритъ Джевонсъ,—*стачки производятъ невозвратимую потерю заработной платы какъ для тѣхъ, кто вступаетъ въ стачку, такъ и для многихъ другихъ* (курсивъ въ подлинникѣ). Я думаю, что если бы за послѣднія тридцать лѣтъ не было бы ни одной стачки, заработная плата въ общемъ была бы выше, чѣмъ теперь». Въ настоящее время ни одинъ серьезный изслѣдователь рабочаго вопроса не рѣшился бы утверждать ничего подобнаго. Свой общій выводъ Джевонсъ формулируетъ въ слѣдующемъ краткомъ, но вразумительномъ положеніи: «Заключеніе, къ которому я прихожу, есть: *какъ общее правило, вступать въ стачку—глупость*» (курсивъ въ подлинникѣ). Капиталистъ, по мнѣнію Джевонса, не только ничего не отнимаетъ у рабочаго, а напротивъ—его дѣятельность должна быть признана весьма благодѣтельной для рабочихъ. Проповѣдь предусмотрительности и бережливости играетъ и въ разбираемой книжкѣ весьма важную роль. Нужно все-таки отдать справедливость Джевонсу:

его книжка гораздо меньше проникнута буржуазнымъ духомъ, въ ней гораздо меньше истинъ, взятыхъ изъ кодекса Бастіа, чѣмъ въ другихъ учебникахъ этого рода. Слѣдуетъ признать кромѣ того, что Джевонсъ обладаетъ необыкновеннымъ даромъ яснаго и простого изложенія. Нѣкоторые отдѣлы книжки, трактующіе о кредитѣ, деньгахъ, различныхъ формахъ аренды земли, съ пользой будутъ прочитаны начинающимъ читателемъ, совершенно незнакомымъ съ этими вопросами.

Но если англійскій оригиналъ, благодаря ясному и общедоступному изложенію, можетъ принести нѣкоторую пользу начинающему читателю, то русскій переводчикъ, своимъ невѣжественнымъ и безграмотнымъ переводомъ, позаботился о томъ, чтобы окончательно уничтожить какія бы то ни было достоинства книжки. Читателя поражаетъ прежде всего совершенное незнакомство переводчика съ экономической терминологіею. Вмѣсто «факторъ» производства переводчикъ употребляетъ терминъ «реквизитъ» производства; «постоянный» капиталъ у него превращается въ «недвижимый» капиталъ: «недвижимый капиталъ состоитъ изъ факторій, машинъ, орудій, кораблей и т. д.». Терминъ «земельная рента», повидимому, совершенно незнакомъ переводчику, во всей книжкѣ этотъ терминъ не встрѣчается ни разу, переводчикъ всюду употребляетъ слово «арендная плата»; «*арендной платой* (курсивъ въ подлинникѣ) въ политической экономіи называется то, что платятъ за употребленіе природныхъ агентовъ: земли, минеральныхъ залежей, рѣкъ, озеръ». Различіе между доходомъ и прибылью переводчикъ представляетъ себѣ весьма смутно, такъ что въ одномъ мѣстѣ мы встрѣчаемъ такую фразу: «мы можемъ сказать, что вообще прибыль работы раздѣляется на четыре части, которыя могутъ быть представлены слѣдующимъ образомъ: *прибыль = заработная плата + + арендная плата + процентъ + налоги*», а въ другомъ мѣстѣ говорится, что «*прибыль = заработной платѣ за наблюденіе + процентъ + вознагражденіе за рискъ*» (курсивъ вездѣ въ подлинникѣ). Денежной заработной платѣ переводчикъ противополагаетъ не реальную плату, а «настоящую заработную плату»; слово «вексель» у него замѣняется словомъ «счетъ». Мы могли бы привести еще много другихъ курьезовъ въ этомъ родѣ. Очевидно, переводчикъ первый разъ въ жизни держитъ въ своихъ рукахъ учебникъ по политической экономіи. Но, кромѣ круглаго невѣжества въ экономической наукѣ, переводчикъ обнаруживаетъ весьма слабое знаніе русскаго языка. Вотъ нѣсколько примѣровъ. «Такимъ образомъ мы видимъ, что капиталъ есть вполнѣ вопросъ времени» (стр. 40). «Въ послѣдней главѣ я сказалъ, что заработная плата состоитъ изъ части прибыли труда, земли и капитала, въ предыдущемъ параграфѣ я сказалъ, что она состоитъ изъ платъ» (стр. 50).

Не смотря на полное невѣжество въ политической экономіи, или вѣрнѣе—благодаря такому невѣжеству, переводчикъ счелъ нужнымъ предпослать своему переводу чрезвычайно громкое предисловіе. «Переводчикъ,—говорится въ этомъ предисловіи,—всегда долженъ ясно отдать себѣ отчетъ въ томъ, почему и для чего онъ переводитъ на родной языкъ книгу чужого автора». На сколько

удовлетворителенъ отвѣтъ переводчика на поставленный имъ самимъ вопросъ, объ этомъ пусть судитъ самъ читатель. «Долгое время политическая экономія была для русскихъ сухой наукой, наравнѣ съ метафизикой и палеологіей, которую оставляли на полное попеченіе профессоровъ и дипломатовъ... Въ эту эпоху политическая экономія была наукой для науки и изучалась какъ наука. Прошло немного времени, на сцену выступилъ Марксъ, Лессаль, Прудонъ, Фурье и другіе, и политическая экономія предстала въ новомъ свѣтѣ». «Этотъ новый свѣтъ» не нравится нашему переводчику. Раньше, видите-ли, когда политическая экономія оставлена была на попеченіе «дипломатовъ», она изучалась, какъ наука, ну, а затѣмъ выступилъ Марксъ и другіе, и экономическая наука пошла по ложному пути. «Русская молодежь заинтересовалась имъ (новымъ ученьемъ), но она была въ слишкомъ невыгодныхъ условіяхъ, чтобы ясно понять происходившее предъ ея очарованнымъ взоромъ. Она не знала исторіи борьбы, съ ней не аргументировали, всѣ дѣйствовали на ея чувство... Они (русскіе молодые люди) сразу приступили къ сомнительному «послѣднему слову науки», не узнавъ ея азбуки». На основаніи всѣхъ этихъ довольно туманныхъ разсужденій, читатель можетъ подумать, что г. Гольдмерштейнъ, переводя книжку Джевонса, имѣлъ въ виду немного отрезвить увлекающуюся русскую молодежь. Но переводчикъ спѣшитъ разсѣять подобное предположеніе. «Да не подумаютъ, однако,—говоритъ переводчикъ,—что я питаю честолюбивый замыселъ переводомъ книжонки въ сотню страницъ превратить всѣхъ русскихъ соціалистовъ въ покорныхъ слугъ правительства... Нѣтъ, не для нихъ я переводилъ эту книжку. Я не предназначалъ своего перевода для печати, а сдѣлалъ его для одного лица, желавшаго познакомиться съ политической экономіей». Какъ же, однако, этотъ переводъ попалъ въ печать? «Среди разнообразныхъ занятій, я долго не могъ улучить свободнаго времени, чтобы приготовить свой переводъ для печати, о чемъ я сначала и не думалъ. Моя работа не попала въ руки лица, которому она предназначалась, и въ то же время я *чувствовалъ*, что этотъ переводъ можетъ принести пользу и другимъ». Какъ *чувства* иногда обманываютъ людей!

Кромѣ предисловія, переводчикъ снабдилъ русскій переводъ рядомъ глубокомысленныхъ примѣчаній. Въ видѣ образчика приведемъ одно изъ нихъ. По поводу словъ Джеванса, что «пользоваться предметомъ, значитъ уничтожать его пользу, какъ, напр., въ томъ случаѣ, когда уголь сгораетъ или кувшинъ разбивается», переводчикъ замѣчаетъ: «Нужно замѣтить, что кувшинъ, прослужившій годъ и затѣмъ разбитый, и кувшинъ, прослужившій десять лѣтъ, одинаково полезны, если они одного и того же качества, но приносятъ неодинаковую пользу. Заимствуя выраженіе изъ механики, мы можемъ сказать, что это происходитъ отъ того, что, хотя потенціальная энергія пользы (я говорю такъ, чтобы не употреблять «пользовая энергія») равна въ обоихъ случахъ, часть ея обратилась въ нуль при разбитіи кувшина». Что за безсмысленная дребедень! Неужели переводчикъ полагаетъ, что разъ онъ выста-

вилъ громкiй титулъ Taylorian Prizeman оксфордскаго университета», то для него ужъ не обязательны ни логика, ни грамматика?

И. Гурвичъ. Экономическое положенiе русской деревни. Пер. съ англiйскаго А. А. Санина, подъ ред. и съ предисл. автора. Москва 1896 г. *). Авторъ стоитъ на точкѣ зрѣнiя, кореннымъ образомъ отличающейся отъ взглядовъ «господствующей въ русской литературѣ школы» (стр. VIII), на той точкѣ зрѣнiя, съ которой «крестьянская реформа и весь пореформенный перiодъ являются лишь необходимыми звеньями въ цѣпи эволюцiи отъ первобытнаго коммунизма къ частной поземельной собственности» (стр. XI), а потому, изучая жизнь «русской деревни», онъ останавливается болѣе всего на признакахъ, характеризующихъ разложенiе ея «устоевъ», возникновенiе сельскаго пролетарiата и укрѣпленiе капитализма какъ внутри деревни, такъ и внѣ ея, въ частновладѣльческомъ хозяйствѣ. Первые зародыши этого процесса заложены были недостаточностью земельнаго надѣла, заставившею крестьянскую семью обращаться для полученiя доходовъ къ самымъ разнообразнымъ источникамъ, и тѣмъ потрясшею до основанiя старый семейный строй: растущая экономическая дифференцiацiя въ предѣлахъ семьи сдѣлала неизбѣжнымъ ея распаденiе на отдѣльныя супружескiя пары (стр. 103—104), а разложенiе старой крестьянской семьи, уничтожая возможность правильной кооперацiи, подрываетъ производительныя силы семьи и ускоряетъ ликвидацiю самостоятельнаго хозяйства (стр. 114); дифференцiацiя внутри деревни особенно усиливается благодаря влiянiю аренды: арендаторами все болѣе и болѣе становятся и безъ того состоятельные дворы (стр. 84), аренда же издѣльная и испольная сокращается и мало-по-малу вырождается въ наемный трудъ (стр. 86); напротивъ, сдаютъ землю почти исключительно бѣднѣйшiе, наименѣе обезпеченные землей и слабые по составу семьи домохозяева (стр. 152—154), и обезземеливающееся населенiе, образующее сельскiй пролетарiатъ, благодаря низкой заработной платѣ либо совершенно бѣжитъ изъ деревни (стр. 94), либо обращается къ отхожимъ заработкамъ и, опять-таки, мало-по-малу кончаетъ съ деревней всѣ разсчеты (стр. 101). Община безсильна бороться съ этимъ процессомъ: крѣпкая лишь до тѣхъ поръ, пока она нужна для фискальныхъ цѣлей—пока подати превышаютъ земельную ренту (стр. 20), она нынѣ уже утратила, благодаря растущей дифференцiацiи, бóльшую часть своего влiянiя и значенiя (стр. 69); въ сферѣ аренды общинные порядки почти совершенно вытѣснены индивидуальною арендой (стр. 73), и самая основная функцiя земельной общины—передѣлъ—встрѣчаетъ внутри общины все большее и большее сопротивленiе (стр. 160—176).

---

*) Любопытна исторiя этой книги. Г. Гурвичъ, съ десять лѣтъ тому назадъ, написалъ рефератъ на основанiи работъ рязанскаго статистика г. Григорьева. Этотъ рефератъ былъ имъ читанъ тогда же въ одномъ изъ ученыхъ обществъ въ Москвѣ. Затѣмъ, уже въ Америкѣ, г. Гурвичъ перевелъ его на англiйскiй языкъ и издалъ отдѣльной книгой. Нынѣ его снова перевели на русскiй. Переводчикъ могъ бы съ полнымъ правомъ снабдить его эпиграфомъ: «Твоя отъ твоихъ тебѣ приносяще». *Ред.*

Что касается до крупнаго землевладѣнія, то землевладѣніе дворянское ведетъ почти столь же хищническое хозяйство, какъ и мелкое крестьянское, а потому оно и столь же малопроизводительно (стр. 183); но на смѣну ему уже выступаетъ землевладѣніе капиталистическое, стоящее гораздо выше въ агрономическомъ и экономическомъ отношеніяхъ (стр. 193—195), и въ концѣ концовъ «Россія грядущихъ дней будетъ имѣть своимъ базисомъ крестьянскую буржуазію, землевладѣльческій пролетаріатъ и капиталистическое сельское хозяйство» (стр. 216).

Такова, въ главныхъ чертахъ, рисуемая г. Гурвичемъ широкая картина настоящаго и будущаго русской деревни. Каковы же, спрашивается, данныя, на основаніи которыхъ написана эта картина, которыя даютъ автору право такъ рѣшительно предсказывать будущее *русской* деревни, *русскаго* крестьянина? Къ сожалѣнію, въ отвѣтъ на этотъ вопросъ приходится признать, что грандіозное зданіе выводовъ и заключеній г. Гурвича построено на чрезвычайно неустойчивомъ фундаментѣ: изъ предисловія къ русскому изданію мы узнаемъ, что работа г. Гурвича сдѣлана на основаніи земско-статистическихъ сборниковъ по *двумъ* (двумъ!) уѣздамъ Рязанской губерніи, и только для нѣкоторыхъ главъ авторъ воспользовался сборниками по тремъ уѣздамъ Воронежской губерніи (стр. VII и VIII); затѣмъ, въ одномъ мѣстѣ использованы данныя по Борисоглѣбскому уѣзду, Тамбовской губерніи (стр. 49—53), и въ одномъ—по двумъ уѣздамъ Смоленской губерніи (стр. 100—101). Г. Гурвичъ полагаетъ однако, что «приблизительное сходство основныхъ цифръ даетъ намъ право распространить наши выводы на всю среднюю полосу Россіи» (стр. VIII), въ текстѣ же своей книги вездѣ говоритъ о «Россіи» и «русской деревнѣ» вообще. Итакъ, *два* уѣзда въ качествѣ источника для изученія русской деревни, и еще *шесть* уѣздовъ въ качествѣ источниковъ вспомогательныхъ, и это въ то время, когда общая масса статистическихъ изданій земствъ превысила уже 300 томовъ, когда г. Благовѣщенскій въ своей работѣ, вышедшей въ 1893 г., свелъ уже данныя по 123 уѣздамъ, а въ работѣ канцеляріи комитета министровъ, напечатанной въ 1894 г., использованы сборники уже по 180 уѣздамъ! Г. Гурвичъ ссылается на «крайнюю затруднительность полученія книгъ изъ Россіи» (стр. VII); но прежде всего русской публикѣ, которой онъ нынѣ предлагаетъ редактированный имъ переводъ своего труда, нѣтъ никакого дѣла до этого обстоятельства; если г. Гурвичъ не располагалъ матеріалами по данному вопросу, онъ просто не имѣлъ научнаго права писать своей книги; а затѣмъ, если г. Гурвичъ, можетъ быть, и не могъ достать сотенъ томовъ подлинныхъ сборниковъ, то едва ли такъ трудно ему было бы достать цифровую сводку г. Благовѣщенскаго или извѣстныя сводныя работы гг. Карышева и В. В... Если бы онъ имѣлъ въ рукахъ хотя бы эти работы, онъ навѣрно усомнился бы въ своемъ правѣ распространять свои рязанскіе выводы на всю, хотя бы только среднюю Россію. Чтобы убѣдить въ этомъ читателя, достаточно будетъ двухъ-трехъ предметовъ. На стр. 73 г. Гурвичъ категорически заявляетъ, что въ

области арендованія земель «общинные порядки почти совершенно вытѣснены индивидуальной арендой»; между тѣмъ изъ сводки г. Карышева *), замѣтимъ кстати, вовсе не отрицающаго факта упадка общинныхъ арендъ, мы узнаемъ, что о такомъ вытѣсненіи пока можетъ быть рѣчь только для малоарендныхъ районовъ, а что въ мѣстностяхъ, гдѣ предложеніе земли велико,—и общинная аренда достигаетъ значительнаго развитія, такъ, по уѣздамъ Самарской губ. общинами снимается отъ 33,6 до 53,9% всей арендуемой земли, въ Саратовской—отъ 34,1 до 45%, въ Борисоглѣбскомъ уѣздѣ—68,8%, въ Мелитопольскомъ—51,8% и т. д. На стр. 82 г. Гурвичъ утверждаетъ, что «обычай раздѣленія самаго продукта между арендаторомъ и землевладѣльцемъ почти совсѣмъ устарѣлъ»; напротивъ, изъ книги г. Карышева мы узнаемъ, что исчезновеніе натуральной аренды замѣчается лишь «по нѣкоторымъ уѣздамъ» **), въ общемъ же, напротивъ, «непомѣрный ростъ арендныхъ платъ имѣлъ однимъ изъ слѣдствій *особую живучесть ихъ натуральныхъ формъ*» ***). Въ нѣкоторыхъ случахъ, чтобы убѣдиться въ поспѣшности выводовъ г. Гурвича, нѣтъ даже надобности обращаться къ какимъ-либо справкамъ, такъ какъ авторъ самъ изобличаетъ свои собственныя ошибки. Такъ, на стр. 51 г. Гурвичъ, приводя три бюджета изъ Борисоглѣбскаго сборника, заключаетъ, что «даже наиболѣе благопріятно обставленныя группы *русскаго крестьянства* едва ли могутъ существовать, хотя бы кое-какъ, хозяйствомъ на своихъ надѣлахъ»; а на стр. 125, тотъ же г. Гурвичъ, но уже по воронежскимъ даннымъ, разбиваетъ крестьянство на три группы, причемъ къ первой относитъ «тѣхъ, у которыхъ дохода отъ хозяйства достаточно для покрытія всѣхъ расходовъ двора, такъ что не представляется нужды въ работѣ по найму»!

Этихъ примѣровъ, намъ кажется, будетъ достаточно, чтобы показать, какъ мало права имѣетъ г. Гурвичъ распространять свои выводы на всю Россію или даже на всю среднюю Россію. Мы никакъ не можемъ поэтому рекомендовать его книжку лицамъ, которыя пожелали бы ознакомиться со статикой и динамикой, вообще, русскаго крестьянскаго хозяйства. Но какъ монографическое изслѣдованіе, какъ опытъ детальной разработки статистическаго матеріала по одному небольшому территоріальному району, книга г. Гурвича представляетъ несомнѣнный интересъ. Однако, и въ такихъ, весьма съуженныхъ рамкахъ выводы г. Гурвича представляются нерѣдко довольно скороспѣлыми и размашистыми; мы совѣтуемъ читателю, съ этой точки зрѣнія, обратить вниманіе на стр. 40, 78, 86, 88, 107, 139, и приведемъ здѣсь лишь одинъ изъ этихъ выводовъ: на стр. 88 г. Гурвичъ констатируетъ, что у нѣкоторой группы крестьянъ «сторонними заработками покрывается лишь дефицитъ земледѣльческаго хозяйства», и отсюда заключаетъ, что «заработная плата, взятая отдѣльно, должна стоять

---

*) «Крестьянскія внѣнадѣльныя аренды», стр. 162, 228—233 и др.

**) Тамъ же, стр. 365.

***) Стр. 388.

ниже уровня, необходимаго для удовлетворенія обычнаго размѣра жизненныхъ потребностей». Намъ кажется, что изъ подспорнаго характера какого-либо занятія вытекаетъ лишь *возможность*, а никакъ не *необходимость* ненормально низкаго уровня заработной платы.

Нашъ отзывъ былъ бы неполонъ, если бы мы не упомянули о «приложеніи», написанномъ переводчикомъ книги, г. Санинымъ, и посвященномъ такъ называемой «Теоріи народнаго производства», а въ частности—двумъ изъ ея представителей, гг. Южакову и В. В. Не ограничиваясь обвиненіемъ ихъ въ невѣжествѣ и т. п. качествахъ, г. Санинъ старается доказать, что эти писатели проникнуты «мелкобуржуазными симпатіями» (прилож., стр. 14), въ чемъ идетъ гораздо дальше самого г. Гурвича, все-таки признающаго за народниками «симпатіи къ народнымъ массамъ» (стр. XV). Впрочемъ, г. Санинъ не въ этомъ одномъ расходится съ г. Гурвичемъ. Послѣдній, говоря въ предисловіи о земской статистикѣ, заявляетъ, что «народники вправѣ съ гордостью указать на это единственное въ экономической литературѣ твореніе», что они «подготовили почву для научной постановки вопросовъ русской экономической жизни» (стр. XIII). Напротивъ, г. Санинъ утверждаетъ, что «народникъ не только не изучалъ реальныхъ общественныхъ явленій, но даже и не хотѣлъ знать дѣйствительности, изучать общественныя явленія во всей ихъ реальной наготѣ... онъ занимался изслѣдованіемъ не того, что существуетъ, а того, что казалось ему *желательнымъ*, т. е. то, что не существуетъ» (прил., стр. 5)! Было бы интересно знать, какъ г. Санинъ объяснитъ это любопытное противорѣчіе, а мы, съ своей стороны, пожелаемъ этому, какъ кажется, начинающему писателю поучиться хотя бы у г. Гурвича безпристрастію и умѣнью уважать своихъ противниковъ.

Л. В. Ходскій. Основанія теоріи и техники статистики. Съ приложеніемъ рисунковъ и графиковъ. Спб. 1896 г. Г. Ходскій задался цѣлью пополнить весьма существенный пробѣлъ въ русской статистической литературѣ. Эта послѣдняя крайне бѣдна сочиненіями по теоріи и техникѣ статистической науки, и притомъ изъ тѣхъ немногихъ сочиненій, которыя вообще заслуживаютъ упоминанія, капитальная «Теорія статистики» покойнаго Янсона, по обилію подробностей и большому объему, мало пригодна для большого круга читателей, превосходный же и вполнѣ общедоступный курсъ А. И. Чупрова, къ сожалѣнію, совершенно вышелъ изъ продажи. Г. Ходскій и имѣетъ въ виду дать русской публикѣ «общедоступное руководство», способное ознакомить съ главными основаніями статистической теоріи и техники возможно широкій кругъ читателей-неспеціалистовъ. Въ общемъ, почтенный авторъ справился съ своею задачею удовлетворительно, и едва ли не главнымъ достоинствомъ его труда является краткость, такъ сказать, описательнаго отдѣла, т. е. фактическихъ данныхъ объ устройствѣ въ разныхъ государствахъ статистическихъ учрежденій и объ организаціи въ нихъ статистическихъ операцій, данныхъ, которыя, будучи важны и необходимы для спеціалиста, съ

точки зрѣнія зауряднаго читателя являются лишь ненужнымъ и обременительнымъ балластомъ.

Книга г. Ходскаго состоитъ изъ введенія и двухъ частей: во введеніи дается краткій очеркъ исторіи развитія статистической науки и опредѣленіе послѣдней въ ея современной постановкѣ, а затѣмъ—изложеніе тѣхъ логическихъ и математическихъ принциповъ, которые лежатъ въ основаніи статистическаго мышленія. Эту вторую половину введенія, можетъ быть, было бы правильнѣе отнести къ первой части книги, озаглавленной: «Теорія статистическаго метода», въ которой разбираются три стадіи статистическаго изслѣдованія—наблюденіе, сводка и научная обработка, а особыя двѣ главы посвящены графическому методу. Вторая часть носитъ названіе: «Статистическія операціи и учрежденія» и можетъ быть разбита на три главныхъ отдѣла: переписи, разные виды текущей регистраціи и устройство статистическихъ учрежденій, причемъ особое вниманіе посвящено исчисленіямъ населенія въ Россіи, и главнымъ образомъ—предстоящей у насъ всеобщей переписи, по отношенію же къ иностраннымъ переписямъ авторъ ограничивается лишь немногими краткими замѣчаніями. Это послѣднее обстоятельство стоитъ въ связи съ однимъ существеннымъ недостаткомъ книги г. Ходскаго, именно съ нѣкоторою невыдержанностью, непропорціональностью его изложенія: увлекшись интересомъ минуты, почтенный профессоръ посвящаетъ одну изъ самыхъ большихъ главъ своей книги предстоящей у насъ переписи, причемъ не ограничивается практически важными, можетъ быть, данными объ окончательно принятой для послѣдней организаціи, но излагаетъ всю исторію вопроса, мнѣнія разныхъ вѣдомствъ и т. д. и въ то же время почти совершенно не выясняетъ характерныхъ чертъ переписей въ западно-европейскихъ государствахъ, безъ знанія которыхъ трудно сознательно отнестись къ достоинствамъ и недостаткамъ нашей постановки дѣла; онъ избѣгаетъ, и съ полнымъ основаніемъ, подробностей по вопросу о техникѣ статистической сводки, и въ то же время находитъ нужнымъ посвятить 5 страницъ детальному описанію механизма счетной машины Голлерига, и это описаніе иллюстрируетъ еще четырьмя отдѣльными рисунками; очень кратко, даже слишкомъ кратко характеризуя пріемы численной обработки и анализа статистическихъ величинъ, г. Ходскій находитъ, однако, нужнымъ посвятить цѣлую страницу геометрической средней, о которой, напр., Янсонъ не упоминаетъ вовсе, а Майръ въ своемъ новѣйшемъ сочиненіи *) говоритъ лишь какъ о «лишенныхъ практическаго значенія математическихъ мудрствованіяхъ» (Künsteleien).

Несмотря на такую невыдержанность общаго плана, книга г. Ходскаго была бы весьма полезнымъ пріобрѣтеніемъ для нашей читающей публики, если бы не носила слѣдовъ нѣкоторой поспѣшности, благодаря которой въ ней попадаются довольно крупные lapsus'ы; самый серьезный изъ нихъ уже былъ указанъ въ одной рецензіи: на стр. 41 г. Ходскій говоритъ, «что

*) Statistik und Gesellschafts lehre, 1895, стр. 101.

для вычисленія вѣроятности нужно взять шансы въ пользу событія числителемъ, а *сумму противуположныхъ шансовъ* знаменателемъ»,—тогда какъ знаменателемъ берется, какъ извѣстно, сумма *всѣхъ* возможныхъ шансовъ. Такимъ же lapsus'омъ является пророчество г. Ходскаго (стр. 9), что «наши отдаленные потомки будутъ имѣть статистическую исторію, какъ мы имѣемъ теперь политическую исторію»; едва ли можно ставить рядомъ эти два вида исторіи, такъ какъ, терминъ «политическая» исторія относится къ *предмету* изученія, терминъ «статистическая» — къ *источникамъ* и *методамъ* изученія историческихъ явленій, и потому политическую исторію можно противуполагать, напр., экономической или культурной, а никакъ не «статистической исторіи». На стр. 36 г. Ходскій приводитъ, какъ примѣръ ошибочной математической индукціи, положеніе извѣстнаго математика Ферма̀, что «формула $2^{2x}+1$ выражаетъ всегда простое число», тогда какъ въ дѣйствительности «утвержденіе это вѣрно лишь до числа 4.294.967.297», которое, подходя подъ эту формулу, дѣлится на 641; мы не имѣли возможности провѣрить эту цитату, но она, очевидно, невѣрна, ибо подъ ту же формулу $2^{2x}+1$ подходятъ и числа 65, 1.025 и др., которыя конечно, тоже не суть простыя числа. Затѣмъ, серьезную ошибку, совершенно неожиданную въ книгѣ такого знатока собственно русской статистики, какъ г. Ходскій, необходимо отмѣтить на стр. 183: здѣсь авторъ перечисляетъ тѣ губерніи, по которымъ цѣликомъ напечатаны результаты сплошного земскаго поселеннаго изслѣдованія, и опускаетъ, не говоря уже о другихъ, такія губерніи, какъ Рязанскую, Тамбовскую, Курскую, Самарскую, по которымъ не только напечатаны такіе же результаты, но даже имѣются печатные погубернскіе своды.

Все это, конечно, болѣе или менѣе мелочи. Но въ учебникѣ, предназначенномъ служить «общедоступнымъ руководствомъ», такія мелочи менѣе умѣстны, нежели гдѣ бы то ни было; и столь же, если не болѣе, неумѣстны такіе поспѣшные и далеко не общепризнанные выводы, какъ дѣлаемые имъ, напр., на стр. 47: изложивъ извѣстный законъ, въ силу котораго достовѣрность заключеній растетъ пропорціонально не числу наблюденій, а квадратнымъ корнямъ изъ соотвѣтствующихъ чиселъ, г. Ходскій выводитъ отсюда «право до извѣстной степени съуживать массовое наблюденіе, ради сокращенія расходовъ или по недостатку трудовыхъ силъ». Намъ кажется, что изъ этого положенія математической теоріи слѣдуетъ сдѣлать, скорѣе, обратный выводъ: если двойное число наблюденій даетъ лишь въ $1{,}41$ $(=\sqrt{2})$ бо̀льшую достовѣрность, то, значитъ, надо стремиться сдѣлать вчетверо болѣе наблюденій, чтобы достигнуть вдвое большей достовѣрности.

ГИГІЕНА.

В. Н. Жукъ. «Мать и дитя».

В. Н. Жукъ. «Мать и дитя». Гигіена въ общедоступномъ изложеніи. Изданіе шестое. С.-Петербургъ. 1897. Цѣна 3 рубля. Руководство г. Жука выходитъ уже шестымъ изданіемъ; первое появилось въ 1880 году, со времени же послѣдняго прошло не болѣе трехъ лѣтъ. Все это указываетъ на несомнѣнный успѣхъ изданія и на потребность въ нашемъ обществѣ въ такого рода книгахъ. Авторъ не врачъ, но надо отдать ему справедливость, онъ справился со своею задачею не хуже врача и съумѣлъ разобраться въ той грудѣ научнаго матеріала, которымъ онъ воспользовался для составленія своего руководства для матерей. Авторъ основательно знакомъ съ литературою вопроса и заставляетъ читателя признать его авторитетъ въ медицинскихъ вопросахъ, не смотря на отсутствіе спеціальнаго ярлыка. Врачу, конечно, не понадобилось бы выдвигать такую батарею знанія, чтобы придать вѣсъ своимъ словамъ въ глазахъ матерей. Ужъ одно то, что онъ врачъ, слѣдовательно, лицо компетентное, вполнѣ достаточно, и всякая мать повѣритъ ему на слово, что надо исполнять такія-то и такія-то правила при уходѣ за дѣтьми, во время беременности и т. п. Положеніе автора вышеназванной книги, разумѣется, иное. Онъ поневолѣ долженъ былъ приводить чужія слова, чужія указанія, и поэтому его книга не столько руководство для матерей, сколько сводъ всѣхъ свѣдѣній и мнѣній, существующихъ въ спеціальной литературѣ по вопросу, которому онъ посвящаетъ свое изданіе. Чтобы служить настольною книгой каждой матери, книга В. Н. Жука, пожалуй, слишкомъ велика, слишкомъ объемиста. Молодая мать, не получив- шая спеціальнаго образованія и не обладающая въ большинствѣ случаевъдаже элементарными свѣдѣніями по тѣмъ, вопросамъ, которыхъ касается авторъ, прочтя добросовѣстно его объемистый трудъ, навѣрное должна почувствовать нѣкоторое смущеніе. Имена авторитетовъ, приводимые авторомъ, разумѣется, ничего не говорятъ ей, а разнорѣчивые взгляды ученыхъ на тотъ или иной вопросъ,—которые авторъ, въ своей, быть можетъ нѣсколько излишней добросовѣстности, считаетъ нужнымъ приводить, навѣрное только увеличитъ ея смущеніе. Прочесть книгу, оказывается, мало, приходится ее изучать. Авторъ, очевидно, и самъ сознаетъ это, потому что въ своемъ предисловіи къ шестому изданію руководства пишетъ: «Мнѣ говорятъ, что книга слишкомъ велика, что одинъ видъ ея въ состояніи напугать неопытную мать; на это я могу отвѣтить, что все это можетъ быть справедливо лишь относительно женщинъ, не привыкшихъ пользоваться печатными произведеніями. Если сосчитать періодъ времени, для котораго она назначается, то на каждый день не придется даже одной страницы. Неужели и этого много?» Мы и не думаемъ утверждать, что это много, но не сомнѣваемся, чтобы нашлось *много* женщинъ, которыя стали бы изучать подобнымъ образомъ эту книгу. Да и

нужно ли это для той цѣли, для которой предназначается такое руководство? Какую пользу молодой матери принесетъ, напримѣръ, описаніе разныхъ способовъ оживленія ребенка, родившагося въ состояніи асфиксіи? Изъ книги В. Н. Жука она узнаетъ, что есть способъ Шульце, Сильвестра, Маршаль Галля и др. Но, вѣдь, не будетъ же она примѣнять всѣ эти способы. Точно также, на что ей знать, что говоритъ тотъ или иной авторъ по поводу теоріи оплодотворенія, какіе взгляды существуютъ въ литературѣ насчетъ той или иной теоріи развитія и т. п.

Высказавъ эти замѣчанія, мы все-таки считаемъ нужнымъ воздать должное знаніямъ и трудолюбію автора и прибавить, что книга его не страдаетъ тѣми недостатками, которые можно поставить въ упрекъ многимъ сочиненіямъ подобнаго рода, и ее можно смѣло рекомендовать. Читатели найдутъ въ ней массу самыхъ необходимыхъ свѣдѣній, изложенныхъ просто и удобопонятно, что дѣлаетъ книгу доступною для самой широкой публики. Въ особенности она можетъ быть полезной въ деревнѣ, гдѣ часто вполнѣ отсутствуетъ медицинская помощь, и въ случаяхъ быстрой помощи книга г. Жука можетъ оказать неоцѣненныя услуги. Принимая во вниманіе огромные размѣры книги, рисунки и прекрасную печать, нельзя не признать цѣну ея болѣе чѣмъ скромной.

Содержаніе библіографическаго отдѣла за 1896 годъ.

I. БЕЛЛЕТРИСТИКА.

Русская.

Переводная.

II. ИСТОРІЯ ЛИТЕРАТУРЫ И КРИТИКА.

III. ПУБЛИЦИСТИКА.

43. **Астыревъ, Н.** «Въ волостныхъ писаряхъ», октябрь.
44. **Беллинъ, Э.** «Суд-мед. экспертиза въ дѣлѣ мультан. вот.», августъ.
45. **Богаевскій, Н.** «Мултанское моленіе вотяковъ», іюнь
46. **Борисовъ, Н.** «Волшебный фонарь въ народн. школѣ», іюль.
47. **Брандтъ, Б.** «Современное положеніе женщины», іюль.
48. **Вагнеръ, К.** «Простая жизнь», сентябрь.
49. **Вахтеровъ, В.** «Внѣшкольное образованіе», ноябрь.
50. **Вотье, М.** «Мѣстное управленіе въ Англіи», августъ.
51. **Головинъ, К.** «Мужикъ безъ прогресса или прогрессъ безъ мужика», май.
52. **Гольцевъ, В.** «Литературные очерки», январь.
53. «Гуманитарное ученіе», апрѣль.
54. **Джаншіевъ. Гр.** «Эпоха великихъ реформъ», апрѣль.
55. **Дитятинъ, И.** «Статьи по исторіи русск. права», апрѣль.
56. «Дѣло мултанскихъ вотяковъ», апрѣль.
57. **Исаевъ, А.** «Наст. и буд. рус. общ. хозяйства», май.
58. **Милль, Дж. Стюартъ.** «Автобіографія», октябрь.
59. — «О подчиненіи женщинъ», іюль.
60. «Народный театръ», сборникъ, ноябрь.
61. «Народное образованіе въ Соед. Штатахъ», сборникъ, апрѣль.
62. **Рено.** «О героизмѣ», сентябрь.
63. **П. Д.** «Нѣкоторыя черты народн. образ. въ Соед. Штатахъ», январь.
64. **Свирскій.** «По тюрьмамъ и вертепамъ», январь.
65. «Сборникъ для содѣйствія самообразованію», январь.
66. **Южаковъ, С.** «Соціологическіе этюды», октябрь.
67. **Янжулъ и Чупровъ,** «Экономич. оцѣнка народн. образ.», ноябрь.

IV. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ.

68. **Водовозовъ, Н.** «Робертъ Мальтусъ», мартъ.
69. **В. В.** «Артельныя начинанія русск. общества», январь.
70. **Гельдъ, А.** «Фабрика и ремесло», февраль.
71. **Гиббинсъ.** «Англійскіе реформаторы», мартъ.
72. **Гурвичъ.** «Эконом. положеніе русск. деревни», декабрь.
73. **Джевонсъ.** «Краткій курсъ полит. экономіи», декабрь.
74. **Кампфмейеръ.** «Кустарная пром. въ Германіи», іюнь.
75. «Краткій очеркъ экономич. мѣропр. земствъ», январь.
76. **Ланге.** «Рабочій вопросъ», февраль.
77. **Ходскій.** «Курсъ статистики», декабрь.
78. **Шаховскій, Н.** «Сельско хоз. отхожіе промыслы», октябрь.
79. **Шенбургъ.** «Положеніе труда въ промышленности», октябрь.
80. **Шиппель.** «Техническій прогрессъ въ современной промышленности», іюнь.
81. **H. Depasse,** «Du travail et de ses conditions», май.
82. **P. Pic,** «Legislation du travail industriel», май.

V. ИСТОРІЯ ВСЕОБЩАЯ И РУССКАЯ.

83. **Гардинеръ, С.** «Пуритане и Стюарты», октябрь.
84. **Грегуаръ, Л.** «Исторія Франціи въ XIX в.», іюнь.
85. «Исторія Греціи», сборникъ, апрѣль.
86. **Лампрехтъ, К.** «Исторіх германск. парода», ноябрь.
87. **Минье.** «Исторія французской революціи», май.
88. **Мюллеръ.** «Исторія ислама», февраль.
89. **Токвилль.** «Старый порядокъ», май.
90. **Эйри, О.** «Реставрація Стюартовъ», май.
91. **Бѣловъ, Е.** «Русская исторія», апрѣль.
92. **Барсуковъ, Н.** «Жизнь и труды Погодина», іюнь.
93. **Дмитріевъ-Мамоновъ.** «Декабристы въ Зап. Сибири», іюль.

94. **Забѣлинъ, И.** «Мининъ и Пожарскій», ноябрь.
95. **Мерцаловъ, Е.** «Очерки изъ исторіи смутнаго времени», мартъ.
96. **Михневичъ, В.** «Русск. женщина въ XVIII в., іюль.
97. **Н. В.** «Изъ исторіи Москвы», іюнь.
98. **Павловъ, Н.** «Русск. исторія отъ древнѣйшихъ вр.», августъ.
99. **Синицынъ, П.** «Преображенское и окруж. мѣста», августъ.
100. **Трачевскій, А.** «Русская исторія», іюль.

VI. АНТРОПОЛОГІЯ, ИСТОРІЯ КУЛЬТУРЫ И ЦИВИЛИЗАЦІИ.

101. **Гернесъ, М.** «Исторія первобытнаго человѣка», августъ.
102. **Дрэпэръ, Дж.** «Исторія умствен. развитія Европы», январь.
103. **Заборовскій.** «Доисторическій человѣкъ», августъ.
104. **Леббокъ, Дж.** «Начало цивилизаціи», май.
105. **Лебонъ, Густавъ.** «Эволюція цивилизаціи», январь.
106. **Липпертъ.** «Исторія культуры», январь.
107. **Мармери, Дж.** «Прогрессъ наукъ», іюль.
108. **Штрайслеръ, Фр.** «Исторія культуры», январь.

VII. СОЦІОЛОГІЯ.

109. **Лебонъ, Г.** «Психологія народовъ и массъ», май.
110. **Летурно, Ш.** «Соціологія, основан. на этнографіи», январь.
111. **Фюстель-де-Куланжъ.** «Древняя гражданская община», январь.

VIII. ЮРИДИЧЕСКІЯ НАУКИ.

112. **Іерингъ, Рудольфъ.** «Борьба за право», апрѣль.
113. **Сергѣевичъ, В.** «Русскія юридическія древности».
114. **Самоквасовъ.**

IX. ИСТОРІЯ ФИЛОСОФІИ, ПСИХОЛОГІЯ, ЛОГИКА, ЭТИКА.

115. **Бинэ.** «Введеніе въ экспериментальную психологію», май.
116. **Вундтъ.** «О связи философіи съ жизнью», мартъ.
117. **Гельмгольцъ.** «О происхожденіи и значеніи геометрическихъ теоремъ», ноябрь.
118. **Гельмгольцъ.** «О физическихъ причинахъ музыкальной гармоніи», ноябрь.
119. **Гижицкій.** «Основы морали», мартъ.
120. **Джемсъ.** «Психологія», сентябрь.
121. **Компэре.** «Умствен. и нрав. развитіе ребенка», сентябрь.
122. **Куно-Фишеръ.** «Артуръ Шопенгауэръ», сентябрь.
123. **Кейра.** «Воображеніе и память», май.
124. **Лаландъ.** «Этюды по философіи наукъ», іюль.
125. **Ланге, Г.** «Душевныя движенія», май.
126. **Минто.** «Дедуктивная и индуктивная логика», іюль.
127. **Папнернъ.** «Борухъ Спиноза», апрѣль.
128. **Поланъ, Ф.** «Психологія характера», май.
129. **Спенсеръ, Г.** «Научныя основанія нравственности», мартъ.
130. **Тэнъ, Ип.** «Французская философія первой половины XIX вѣка», февраль.
131. **Фирсовъ.** «Опытъ элементарной алгебры», іюль.
132. **Цигенъ.** «Физіологическая психологія», ноябрь.

X. ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ.

133. «Астрономическій календарь», мартъ.
134. **Альмедингенъ, А.** «На всякій случай», августъ.
135. **Бѣлецкій.** «Почвовѣдѣніе», апрѣль.
136. **Гриммъ.** «Каспійско-волжское рыболовство», октябрь.
137. **Гэртвигъ, Р.** «Учебникъ зоологіи», январь.
138. **Диксонъ, Чарльзъ.** «Перелетъ птицъ», февраль.
139. **Дрейфусъ.** «Міровая и соціальная эволюція», мартъ.
140. **Жиро, П.** «Общества у животныхъ», іюль.
141. **Зеленскій, В.** «Основныя начала общей зоологіи», августъ.
142. «Землевѣдѣніе», апрѣль.
143. **Износковъ. Н.** «Краткій курсъ естествен. исторіи», апрѣль.
144. — «Естественная исторія», апрѣль.
145. **Крамштыкъ, Стан.** «Начальная физика», октябрь.
146. **Менье, Стан.** «Сравнительная геологія», августъ.
147. **Мензбиръ.** «Историческій очеркъ взглядовъ на природу», сентябрь.
148. **Оствальдъ, В.** «Научныя основы аналитической химіи», сентябрь.
149. **Ремсенъ.** «Введеніе къ изученію органич. химіи», іюль.
150. **Рентгенъ.** «Новый родъ лучей», мартъ.
151. **Шперъ, Н.** «Монографія медоносной пчелы», іюль.
152. **Хэдсонъ.** «Натуралистъ въ Ла-Плата», мартъ.
153. **Фламмаріонъ, К.** «Многочисленность обитаемыхъ міровъ», іюль.
154. — «Въ небесахъ», астроном. романъ, мартъ.

XI. ГИГІЕНА.

155. **Жукъ.** «Мать и дитя», декабрь.
156. «Книга здоровья», сентябрь.

XII. СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

157. **Дремцевъ.** «Объ улучшеніи луговъ», мартъ.
158. **Кованъ.** «Медоносная пчела», мартъ.
159. **Кирхнеръ.** «Руководство къ молочному хозяйству». мартъ.
160. **Лебе.** «Молочное хозяйство».

XIII. УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА.

161. **Алферовъ.** «Десять чтеній по литературѣ», сентябрь.
162. **Озаровскій, Ю.** «Вопросы выразительнаго чтенія», сентябрь.

XIV. НАРОДНЫЯ ИЗДАНІЯ.

163. Изданія кн. склада А. М. Муриновой, «Посредника». И. Ѳ. Жиркова Д. И. Тихомірова, А. М. Калмыковой, С.-Петерб. Комитета Грамотности, О. Н. Поповой, февраль—май.

XV. ПРОГРАММЫ И СБОРНИКИ.

164. «Починъ», іюнь.
165. «Программа домашняго чтенія», іюнь.
166. «Сборникъ въ пользу начальныхъ еврейскихъ школъ», іюнь.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

«Le Romantisme et l'Editeur Renduel» (Souvenirs, documents, lettres inédites; avec cinquante illustrations, portraits, vignettes, carricatures, autographies etc.) par Adolphe Jullien (*Librairie Charpenties et Fasquelle*). (*Романтизмъ и издатель Рандюэль*). Въ исторіи французской печати имя издателя Рандюэля неразрывне связано съ эволюціею французской литературы въ концѣ первой половины нашего вѣка и блестящею эпохой процвѣтанія романтизма. Рандюэль былъ не просто издатель; онъ обладалъ въ высокой степени литературнымъ вкусомъ и былъ настоящимъ другомъ и помощникомъ своихъ кліентовъ. Его отношенія къ такимъ людямъ, какъ Викторъ Гюго, Мюссэ, Дюма, Нерваль, Локруа и многіе другіе, составляютъ въ высшей степени любопытную страничку изъ исторіи литературы нашего вѣка. Авторъ сообщаетъ множество неизвѣстныхъ фактовъ и эпизодовъ, характеризующихъ положеніе литературной Франціи въ эпоху разцвѣта романтизма и главныхъ его представителей.

(Journal des Débats).

«Théories modernes sur les origines de la famille, de la seciété et de l'Etat» par A. Posada, professeur à l'Université d'Orviedo; préface de M. René Worms. (*Giard et Brière*). *Bibliothèque sociologique internationale.* (*Современныя ученія о происхожденіи семьи, общества и государства*). Очень солидный трудъ, авторъ котораго, излагая воззрѣнія различныхъ соціологическихъ школъ и гипотезы о первобытныхъ формахъ семьи и общества, стремится подвести итоги научнымъ изслѣдованіямъ въ этомъ направленіи и сдѣлать общій выводъ изъ разнообразныхъ теорій, преслѣдуемыхъ различными школами.

(Journal des Débats).

«La population et le système social» par F. S. Nitti, professeur à l'Université de Naples; préface de M. René Worms (*Giard et Brière*). *Bibliothèque sociologique internationale*). (*Населеніе и соціальная система*). Въ первой части книги, озаглавленной «Cause historiques des principales doctrines économiques sur la population», авторъ излагаетъ и подвергаетъ критическому анализу воззрѣнія ученыхъ, занимавшихся этимъ вопросомъ: ученіе Мальтуса, біологическія гипотезы Дарвина и Спенсера, воззрѣнія Карла Маркса, новѣйшую теорію соціальной капиллярности и т. д. Во второй части авторъ анализируетъ вліяніе различныхъ факторовъ, экономическихъ, нравственныхъ, религіозныхъ и политическихъ, на ростъ населенія. Въ заключеніе авторъ указываетъ, какія реформы нужны, чтобы приростъ населенія держался бы извѣстной нормы и не падалъ ниже ея, какъ это замѣчается въ настоящее время во Франціи.

(Daily News).

«Croyances et légendes du moyen âge» par M. A. Maury (*Champion*). (*Вѣрованія и легенды среднихъ вѣковъ*). Предпринимая новое изданіе превосходнаго труда Альфреда Мори и присоединивъ къ нему позднѣйшія помѣтки и примѣчанія, давно уже самимъ авторомъ приготовленныя къ печати, издатели оказываютъ большую услугу всей читающей публикѣ и указываютъ на мѣсто, которое Мори долженъ былъ бы занимать въ исторіи развитія критическаго мышленія въ концѣ первой половины нашего вѣка. Главная заслуга Мори заключается въ томъ, что онъ былъ иниціаторомъ многихъ новыхъ направленій въ наукѣ. Его труды по сравнительной миѳологіи устанавливаютъ совершенно новую точку зрѣнія на этотъ предметъ. То же же самое можно сказать и относительно психологіи. Даже если бы прошло уже полстолѣтія со времени выхода въ свѣтъ сочиненій Мори,

*

все-таки они не лишились бы своего многосторонняго интереса и не мало молодыхъ ученыхъ могли бы позаимствоваться оттуда научнымъ и критическимъ матеріаломъ, который и долженъ былъ бы послужить основою ихъ міровоззрѣнія.

(Revue des deux Mondes).

«Etudes de droit international et de droit politique» par Ernest Ny (Fontemsing). Paris. (*Изслѣдованіе международнаго и политическаго права*). Авторъ профессоръ брюссельскаго университета, пользуется солидною репутаціей какъ специалистъ по международному праву. Онъ собралъ въ настоящей книги, пересмотрѣлъ и дополнилъ свои статьи, по большей части историческаго содержанія которыя печатались въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ. Разнообразіе темъ, которыя трактуетъ авторъ въ этихъ статьяхъ, по истинѣ поразительное, но, тѣмъ не менѣе, единство сохранено, несмотря на это разнообразіе, имѣющее цѣлью прослѣдить во всѣхъ направленіяхъ эволюцію идеи права, начиная отъ среднихъ вѣковъ. Въ высшей степени симпатичное направленіе, проглядывающее въ каждой статьѣ автора, его эрудиція и культъ индивидуальной свободы и мира, конечно, составляютъ одно изъ главныхъ достоинствъ этой интересной книги.

(Indépendance Belge.

«Looking Upward» Paper's Introductory to the Study of Social Questions from a religions Point of View. By the Rev. James Adderley (Gardner Darton and C°). (*Взглядъ вверхъ*). Любопытная книга, излагающая отношеніе христіанства къ идеѣ соціальныхъ реформъ.

(Athaeneum).

«Diary of a Citizen of Paris during the Terror» by Edmond Biré. Translated by John de Villiers. With Photogravure Frontispieces (Chatto and Windes). (*Дневникъ одного парижскаго гражданина во времена террора*). Это описаніе одного изъ самыхъ важныхъ и бурныхъ періодовъ французской революціи заслужило похвальный отзывъ французской академіи, какъ сочиненіе, исторически вѣрное и въ то же время представляющее интересъ романа. Всѣ факты, приводимые авторомъ, подтверждаются документами или же ссылкою на извѣстные авторитеты. Разсказъ написанъ очень живо и читается съ захватывающимъ интересомъ.

(Athaeneum).

«Timbuctos the Mysterious» by Felix Dubois. With 153 Illustrations from Photographas and Drawings made on the spot, and 11 Mars and Plans. (Heinemann). (*Таинственный городъ Тимбукту*). Очень интересная книга, знакомящая читателей съ священнымъ и таинственнымъ мусульманскимъ городомъ Тимбукту, куда еще въ недавнія времена ни одинъ европеецъ не могъ проникнуть, не подвергая свою жизнь смертельной опасности. Фотографическіе снимки, сдѣланные на мѣстѣ, и рисунки, приложенные къ книгѣ, несомнѣнно увеличиваютъ ея интересъ.

(Athaeneum).

«Stories of Every day Life in Modern China» Told by Chinese and donc into English by T. Watters, late H. M. Consul at Foschow (Nutt). (*Разсказы изъ современной китайской жизни*). Авторъ, бывшій нѣкогда консуломъ въ Фучу, разсказываетъ, со словъ одного китайца, различные эпизоды изъ китайской жизни, при чемъ въ предисловіи заявляетъ, что всѣ эти разсказы передаютъ истинныя событія дѣйствительной жизни. Одинъ изъ нихъ, подъ заглавіемъ «Constant Husband» (Постоянный мужъ) прекрасно обрисовываетъ семейную жизнь въ Китаѣ и указываетъ, что, несмотря на унизительное положеніе китайской женщины и искусственныя условія большинства браковъ бываютъ все-таки отрадныя исключенія; истинное семейное счастье встрѣчается даже въ Китаѣ. Очень недуренъ также разсказъ «Злой мандаринъ» (Wieked Mandarin).

(Athaeneum).

«An Introduction to the history of religion» by F. B. Yevons. Fellow of the University of Durham (Methuen). (*Введеніе въ исторію религіи*). Авторъ разсматриваетъ первобытныя религіи съ точки зрѣнія антропологіи и фольклора и подводитъ итоги новѣйшимъ изслѣдованіямъ въ области религіозныхъ воззрѣній, уже исчезнувшихъ и такихъ, которыя сохраняются понынѣ среди полудикихъ и дикихъ народовъ. Цѣль автора—представить систематическій ходъ развитія первобытной религіи и религіозныхъ учрежденій въ самыя отдаленныя времена. (Daily News).

«A Life spent for Ireland» Selections from the journals of W. J. O'Neill Daunt. Edited by his Daughter (Fister Umdin). (*Жизнь за Ирландію*). Имя О'Нейлля дорого каждому ирландцу, О'Нейлль отдалъ всю свою жизнь дѣлу родины. Для всѣхъ, интересующихся исторіей Ирландіи, какъ и для всѣхъ ирландцевъ, такая книга представляетъ прекрасное подспорье при изученіи ирландскаго вопроса и условій его возникновенія и развитія. Единственный

упрекъ, который можно сдѣлать этому изданію, это нѣкоторая отрывочность отдѣльныхъ главъ книги, какъ будто даже не находящихся между собою въ связи. Тѣмъ не менѣе, факты, сообщаемые О'Нейллемъ въ своемъ дневникѣ, очень интересны и бросаютъ свѣтъ на многія стороны современной ирландской исторіи. (Daily News).

«School and Home Life» by T. G. Rooper of Balliol College, Oxford (A. Brown and Sons). (Школьная и домашняя жизнь).. Это собраніе публичныхъ лекцій, прочитанныхъ авторомъ о воспитаніи дѣтей. Авторъ—убѣжденный сторонникъ техническаго образованія, которое, по его мнѣнію, развиваетъ у дѣтей находчивость, предусмотрительность, любовь къ порядку, ловкость, осторожность и т. п. качества. (Daily News).

«The Book of a Hundred James» by Mary White (Upcott Gill). (Книга дѣтскихъ игръ). Общественныя игры дѣтей, конечно, составляютъ не малое подспорье при воспитаніи, поэтому родители и педагоги не безъ основанія интересуются вопросомъ какъ занимать дѣтей и придумываютъ игры, имѣющія сколько-нибудь развивающій характеръ. Въ Нью-Іоркѣ, лѣтъ двадцать тому назадъ, основанъ былъ «Клубъ игръ», гдѣ вопросъ о дѣтскихъ играхъ былъ разработанъ весьма тщательнымъ образомъ. Авторъ вышеуказанной книги излагаетъ результаты этого изслѣдованія, выразившіеся въ изобрѣтеніи ста игръ, имѣющихъ цѣлью доставить дѣтямъ пріятное развлеченіе, и въ то же время, содѣйствовать развитію какъ интеллектуальныхъ способностей, такъ и физическихъ силъ. Воспитателямъ и родителямъ, а также для всѣхъ учебныхъ заведеній, книга эта можетъ служить весьма полезнымъ руководствомъ при организаціи и выборѣ дѣтскихъ игръ. (Daily News).

«Mountainecring and Exploration in the Japanese Alps» by the Res, Walter Weston (Murray). (Странствованіе по горамъ и изслѣдованіе Японскихъ Альпъ). Авторъ описываетъ очень живо и интересно свои странствованія по японскимъ Альпамъ и восхожденія на главныя ихъ вершины. Хотя японскіе Альпы не такъ высоки, какъ швейцарскія, и не поражаютъ своею грандіозностью и видомъ своихъ ледниковъ, но, по словамъ автора, красотою и великолѣпіемъ темныхъ, безмолвныхъ лѣсовъ, покрывающихъ склоны горъ, и цвѣтущими долинами, японская горная страна можетъ поспорить даже съ Швейцаріей. Но еще интереснѣе описанія горныхъ пейзажей, разсказы автора, описывающаго соціальную жизнь и обычаи японцевъ. Авторъ приводитъ много очень интересныхъ и художественныхъ легендъ, распространенныхъ среди обитателей горной Японіи. Любопытны также описанія старо-японскихъ религіозныхъ обрядовъ, свидѣтелемъ которыхъ авторъ бывалъ не разъ во время своихъ странствованій по горамъ. (Daily News).

«Petit Dictionnaire politique et sociale» par Maurice Block, membre de l'Institut (Perrin et C°). (Маленькій словарь политическихъ и соціальныхъ наукъ). Авторъ этой, въ высшей степени полезной книги издалъ въ 1886 году очень капитальный трудъ «Dictionnaire Général de la politique», пользующійся среди спеціалистовъ большою извѣстностью. Такъ какъ со времени выхода этой книги народилось множество новыхъ вопросовъ политическаго и общественнаго характера, то явилась необходимость либо переиздать колоссальный трудъ, либо сдѣлать къ нему дополненіе. Авторъ, однако, желая сдѣлать свое изданіе болѣе доступнымъ для большой публики, во всѣхъ отношеніяхъ, рѣшилъ издать тотъ же самый словарь, пересмотрѣнный и дополненный, но только въ гораздо болѣе сжатомъ видѣ. Такимъ образомъ, этотъ «маленькій» словарь одновременно можетъ быть полезенъ какъ спеціалистамъ, для которыхъ онъ представляетъ очень удобную и цѣнную справочную книгу, такъ и всѣмъ вообще образованнымъ читателямъ, которые найдутъ въ его 1.800 статьяхъ всѣ желаемыя свѣдѣнія и разъясненія главнѣйшихъ вопросовъ и проблемъ современной политической и соціальной жизни. (Journal des Débats).

«Extraits des moralistes» (XVII, XVIII, XIX siècle), par B. Thamin, professeur de philosophie au lycée Condorcet. — Hachette. (Извлеченія изъ моралистовъ XVII, XVIII и XIX вѣковъ). Хотя эта книга и предназначается, по преимуществу, для учащейся молодежи, но, несомнѣнно, должна обратить на себя вниманіе и читателей всякаго рода, интересующихся развитіемъ нравственныхъ идей и выраженіемъ ихъ въ литературѣ трехъ послѣднихъ вѣковъ. Судьба человѣка, индивидуальная нравственность, внутренняя, домашняя, соціальная и политическая жизнь—вотъ вопросы, которые обсуждаются въ извлеченіяхъ различныхъ авторовъ моралистовъ и читатель

имѣетъ полную возможность сравнивать воззрѣнія на одинъ и тотъ же предметъ разныхъ знаменитыхъ писателей, различнаго вѣка, темперамента и направленія, такихъ, напримѣръ, какъ Винэ, Руссо, Паскаль, Вольтеръ, Боссюэтъ, Мальбраншъ, Ламеннэ, Аміель, Монтескьё, де-Мэстръ, Ренанъ и многіе другіе. (Journal des Débats).

«*Les Mysteres de Constantinople*» *de M. Paul de Regla* (*Stock*). (*Тайны Константинополя*). Въ высшей степени занимательная книга, представляющая нѣчто вродѣ романа, но съ фактической подкладкой, и дающая наивозможно полное представленіе о той глухой борьбѣ и броженіи, которыя происходятъ въ данную минуту въ Турціи. (Indépendance Belge).

«*Analytic Psychology*» *by G. F. Stout* (*Sonnenschein and C⁰*). (*Аналитическая психологія*). Авторъ разсматриваетъ психологію, какъ науку, отличающуюся отъ физіологіи и отъ всѣхъ другихъ физическихъ наукъ своими методами, и стремится разложить умъ человѣка на его составные элементы. Хотя взглядъ этотъ не новъ, но, тѣмъ не менѣе, въ виду особеннаго увлеченія психо-физикой, попытка автора возстановить значеніе психологіи, какъ вполнѣ самостоятельной науки, заслуживаетъ вниманія. Авторъ, конечно, не отрицаетъ связи психологіи съ физическими науками и даже, наоборотъ, стремится какъ можно яснѣе установить эту связь и опредѣлить отношеніе психологіи къ философіи и къ естественнымъ наукамъ, а также ея положеніе въ ряду этихъ наукъ. (Athaeneum).

«*Le problème de la mort; ses Solutions imaginaires et la Science positive*» *par Louis Bourdeau. — Bibliothèque de philosophie Contemporaine* (*Felix Alcan*). (*Проблема смерти*; *ея мнимое разрѣшеніе и положительная наука*). Идея смерти принадлежитъ къ числу такихъ, которыя всего болѣе тревожатъ и поглощаютъ умъ человѣка. Религія и философія различно отвѣчаютъ на вопросы, порождаемые этою идеей, но, тѣмъ не менѣе, ни та, ни другая не даютъ прямого отвѣта на нихъ. Авторъ, заинтересованный этою идеей, разсматриваетъ ее съ точки зрѣнія науки и подвергаетъ научному анализу всѣ вѣрованія, относящіяся къ этому вопросу, и толкованія проблемы смерти. Какъ философы и богословы, такъ и люди науки, заинтересованные этою проблемой, должны непремѣнно познакомиться съ этой книгой, въ которой заключается сводъ и критическій анализъ всѣхъ современныхъ и прежнихъ воззрѣній на эту великую проблему. (Journal des Débats).

«*La Marquise de Condorcet; sa famille, son Salon, ses amis* (*1764—1822*»), *par Antoine Guillois.* (*Ollendorff*). (*Маркиза Кондорсе*; *ея семья, ея салонъ, ея друзья*). Въ высшей степени интересная книга, прекрасно обрисовывающая какъ личность героини Софи де-Груми, маркизы Кондорсе, такъ и ту эпоху и людей, которые ея окружали. Авторъ основываетъ свой разсказъ на подлинныхъ документахъ и факты, сообщаемые имъ, выставляютъ въ очень симпатичномъ свѣтѣ г-жу Кондорсе, на долю которой выпало такъ много испытаній въ жизни. (Journal des Débats).

«*In New South Africa*; *Travels in the Transvaal and Rhodesia*» *by H. Lincoles Tangyl* (*Horace Cox*). (*Въ новой Южной Африкѣ*; *путешествія по Трансваалю и Родезіи*). Послѣднія событія возбудили особенный интересъ къ Южной Африкѣ, поэтому появленіе этой книги можно назвать вполнѣ своевременнымъ. Авторъ очень интересно описываетъ свое путешествіе и приключенія, а также жизнь въ южно-африканскихъ колоніяхъ. (Daily News).

«*Thaughts and Aspirations of the Ages*». *Edited by Win. C. Coupland* (*Iwan Sennenschein*). (*Мысли и стремленія вѣковъ*). Въ этой книгѣ собраны образцы идей, выражающихся въ литературѣ всѣхъ временъ и народовъ. Очень интересны извлеченія, сдѣланныя изъ литературы востока. (Bookseller).

«*Stories of the Coal Mine*» *by Frank Mundell* (*Sunday Schodl Union*). (*Разсказы изъ жизни угольныхъ копей*). Въ ранѣе изданной книгѣ авторъ изобразилъ жизнь на маякахъ, теперь же онъ разсказываетъ читателямъ о геройскихъ подвигахъ рабочихъ въ угольныхъ копяхъ. Хроника копей изобилуетъ такого рода фактами. Мы считаемъ себя вправѣ въ особенности рекомендвать эту книгу для сельскихъ библіотекъ и для воскресныхъ школъ, какъ въ высшей степени завлекательное, здоровое и полезное чтеніе. Авторъ прекрасно описываетъ жизнь углекоповъ; нѣкоторыя сцены, изображенныя имъ, полны драматическаго интереса. (Bookseller).

«*The Life and Adventure of George Augustus Sala, writted by Himself.* (*Cassell and C⁰*). (*Жизнь и приключенія Георга Августа Саля*). Дешевое народное изданіе извѣстной, возбудившей такое вниманіе англійской публики автобіографіи Саля, обрисовываающаго

въ своихъ воспоминаніяхъ цѣлую литературную эпоху и ея дѣятелей.

(Daily News).

«*A Naturalist in Mid Africa; being an account of a Journey to the Mountains of the Moon and Tanganyika*». *by G. F. Scott Elliot.* (*Натуралистъ внутри Африки; повѣствованіе о путешествіи къ луннымъ горамъ и Танганайкѣ*). Авторъ участвовалъ съ чисто научными цѣлями въ недавней экспедиціи въ экваторіальную Африку. Описаніе этой экспедиціи и составляютъ сюжетъ книги, наполненной драгоцѣнными научными естественно-историческими свѣдѣніями и полезными указаніями для путешественниковъ.

(Bookseller).

«*Heroes*» *by Charles Kingsley (Macmillan aud C*⁰). (*Герои*). Эта замѣчательная маленькая книжка, заключающая въ себѣ миѳологію для дѣтскаго возраста, выходитъ уже двадцатымъ изданіемъ въ короткій сравнительно промежутокъ времени, что ясно указываетъ на ея успѣхъ.

(Daily News).

«*Persien Life and Customs*» *by Res. S. E. Wilson. (Oliphant, Anderson and Ferrier).* (*Персидская жизнь и обычаи*). Интересъ къ восточнымъ народамъ вообще и къ Персіи въ частности нисколько не уменьшился за послѣднее время, такъ что книга, подобная вышеназванной, всегда можетъ разсчитывать на довольно обширный кругъ читателей. Простое, но вѣрное и художественное описаніе страны и ея обитателей, заранѣе обезпечиваетъ успѣхъ автору, постаравшемуся дать въ своей книгѣ наивозможно болѣе полную картину персидской жизни.

(Daily News).

НОВЫЯ КНИГИ, ПОСТУПИВШІЯ ВЪ РЕДАКЦІЮ

съ 15-го октября по 15-е ноября.

П. д'Эстурнелль де-Констанъ. Грядущая опасность. Изд. Южно-Рус. Общества печат. дѣла. Одесса. 1896. Ц. 25 к.

Ладыженскій. Стихотворенія. Изд. журн. «Русская Мысль». Москва. 1896. Ц. 25 к.

Булацель. Въ любовномъ чаду,—эпизодъ изъ жизни Э. Росси. Спб. 1897.

Орелкинъ. Изъ жизни пчелъ. Изд. Спб. учебнаго магазина. Спб. 1897. Ц. 15 к.

Математико - астрономическая и физическая секціи. Москва. 1896. Ц. 1 р. 50 к.

Александръ Острогорскій. Коммерческое образованіе. Часть 1-я. Спб. 1896. Ц. 1 р.

Фонъ-Хейденфельдтъ. Изъ женской жизни (по поводу Крейцеровой сонаты). Изд. 2-е Ефимова. Москва. 1897. Ц. 40 к.

Вестермаркъ. Исторія брака. Изд. Ефимова. Москва. 1896. Ц. 60 к.

Гольденбергъ. Собраніе ариѳметическихъ упражненій. Курсъ I класса. Спб. 1896. Ц. 25 к.

І. Коменскій. Лабиринтъ міра и рай сердца. Н.-Новгородъ. 1896. Ц. 1 р.

Изданія Ф. Ф. Павленкова.

Я. Абрамовъ. Наслѣдство и раздѣлъ. Спб. 1896. Ц. 25 к.

Н. Минскій. Ибсенъ. Его жизнь и литературная дѣятельность («Біографіи замѣчат. людей»). Спб. 1896. Ц. 25 к.

Жакъ Лурбе. Женщина передъ судомъ современной науки. Спб. 1897. Ц. 30 к.

Т. Фаулеръ. Прогрессивная нравственность, перев. подъ редакціей Вл. Соловьева. Спб. 1896. Ц. 40 к.

Е. Предтеченскій. Комета и падучія звѣзды. Спб. 1896. Ц. 40 к.

Л. Уордъ. Психическіе факторы цивилизаціи, пер. съ англ. Л. Давыдовой. Спб. 1897. Ц. 80 к.

Менлизъ. Исторія религіи. Спб. 1897. Ц. 1 р.

Дж. Ст. Милль. Представительное правленіе. Спб. 1897. Ц. 60 к.

В. Вундтъ. Очеркъ психологіи. Спб. 1897. Ц. 75 к.

Изданія «Посредника».

Бичеръ-Стоу. Хижина дяди Тома. Москва. 1896. Ц. 30 к.

Проф. Кайгородовъ. Дерево и его жизнь. Народное чтеніе. Москва. 1896. Ц. 6 к.

Сутуловъ. Картофель. Москва. 1896. Ц. 3 к.

Величко. Княжна Нина. Москва. 1896. Ц. $1^1/_2$ к.

Изданія Тихомірова.

Селивановскій. Петруша - плетенщикъ. Москва. 1895. Ц. 15 к.

Шуваловъ. Руководство по переплетному мастерству. Москва. 1896. Ц. 15 к.

Савелова. Кройка и шитье. Москва. 1896. Ц. 20 к.

Григорьевъ. Воздухъ и его свойства. Москва. 1896. Ц. 35 к.

Горчаковъ. Мірской учитель (разсказъ для народа). Симбирскъ. 1896.

Годичный отчетъ Императорскаго Московскаго Об—ва испытателей природы за 1895—1896 г. Москва. 1896.

Антонъ Менгеръ. Соціальныя задачи юриспруденціи. Харьковъ. 1896.

Звуковой букварь. Москва. 1896. Ц. 8 к.

Крестный календарь на 1897 годъ. Москва. Ц. 15 к.

Фрейбергъ. Растенія—друзья человѣка. I. Финиковая и кокосовая пальма. II. Бамбукъ. Москва. 1896. Ц. по 20 к.

Мандрыка. Житейскій задачникъ для дѣтей. Сумы. 1896. Ц. 20 к.

Беллэсъ. Музыка съ соціологической точки зрѣнія. Изд. Юровскаго «Международная библ.». Спб. 1896. Ц. 20 к.

Тэнъ. О методѣ критики и объ исторіи литературы. Изд. Юровскаго «Межд. библ.». Спб. 1896. Ц. 20 к.

Бланкъ. Петръ Великій (драматическая хроника). Спб. 1896.

Авенаріусъ. Дѣтскія сказки. Изд. Луковникова. Спб. 1896. Ц. 1 р. 25 к.

Булгаковъ. Поэмы, думы и пѣсни. Спб. 1897. Ц. 2 р. 50 к.

Фонвіелль. Южный полюсъ. Изд. Сойкина «Полезная библіотека». Спб. 1896 Ц. 50 к.

Давидъ Штраусъ. Ульрихъ фонъ-Гуттенъ. Изд. Пантелѣева. Спб. 1896. Ц. 3 р.

Отчетъ о дѣятельности воронежской коммиссіи народныхъ чтеній за 1895—1896 годъ. Воронежъ. 1896.

Утушкинъ. Записки по грамматикѣ. Екатеринбургъ. 1896. Ц. 25.

Его же. Записки по геометріи. Ц. 35 к.

Отчетъ Орловскаго Комитета народныхъ чтеній за 1894—1895 г. Орелъ. 1896.

Турыгина. Руководство къ исторіи музыки. Изд. музыкал. курсовъ Гляссера. Спб. 1895. Ц. 1 р. 50 к.

Романовскій. Императрица Екатерина II (историческій очеркъ). Тифлисъ. 1896. Ц. 60 к.

Святскій. Пѣвчія птицы (съ 22 рис.). Изд. Сойкина. «Полезная библіотека». Спб. 1896. Ц. 50 к.

Радецкій. За дѣтей. (Чистый доходъ предназначается на устройство колоній для безпризорныхъ дѣтей). Одесса. 1896. Ц. 1 р. 30 к.

Геффдингъ. Чарльзъ Дарвинъ. Изд. журн. «Образованіе» (съ порт. Ч. Дарвина). Спб. 1896. Ц. 20 к.

Сооруженіе и открытіе памятника Императора Александра II въ Казани. Казань 1896.

Отчетъ Общества взаимнаго вспомоществованія учителямъ и учительницамъ Нижегор. губ. Н. Новг. 1896.

Отчетъ Совѣта Общества попеченія объ учащихся въ Тюмени за 1895 годъ. Тюмень. 1896.

Д. Тихоміровъ. Вешніе всходы. Книга 3-я и 4-я для класснаго чтенія. Москва. 1896. Ц. 60 к.

К. Вагнеръ. Молодежь. Изд. Богельманъ. Спб. 1896 Ц. 1 р.

Лависъ и Рамбо. Всеобщая исторія. Изд. К. Т. Солдатенкова. Т. I. Москва. 1897. Ц. 3 р.

Адольфъ и Любомудровъ. Римскій міръ въ картинкахъ (Начальная латинская хрестоматія). Изд. Тихомірова. Москва. 1896. Часть II. Ц. 60 к.

Нейманъ Спаллартъ, Протекціонизмъ и всемірное хозяйство. Изд Южно-Рус. Общества печ. дѣла. Одесса. 1896. Ц. 20 к.

Хитровъ. Евстаѳій Плакида. Изд. Тихомірова. Москва. 1896. Ц. 50 к.

Марковъ. Горе-злосчастье. Древне-русское стихотвореніе. Елисаветградъ. 1896. Ц. 40 к.

Тимирязевъ. Луи Пастеръ. Изд. книж. маг. Гросманъ и Кнебель. Москва. 1896. Ц. 25 к.

О земледѣльческихъ артеляхъ (Докладъ Херсонской губернской земской управы). Херсонъ. 1896.

Авенаріусъ. Гоголь - гимназистъ. Изд. Луковникова. Спб. 1897. Ц. 1 р. 25 к.

А. Введенскій. Условія допустимости вѣры въ смыслѣ жизни. Спб. 1896. Ц. 50 к.

Бехтеревъ. О локализаціи сознательной дѣятельности у животныхъ и человѣка. Изд. Риккера. Спб. 1896.

Руководство къ устройству безплатныхъ народныхъ библіотекъ. Изд. 2-е. Харьковъ. 1896. Ц. 25 к.

Порошинъ. Грезы о счастьѣ. Спб. 1896. Ц. 1 р.

Отчетъ Общества по устройству народныхъ чтеній въ гор. Тамбовѣ и Тамб. губ. за 1895—1896 г. Тамбовъ. 1896.

Дневникъ педагогическихъ курсовъ для сельскихъ учителей и учительницъ Конотопскаго уѣзда. Москва. 1896.

Н. С. Лѣсковъ. Сочиненія въ 12 томахъ. Изд. 2-е А. Ф. Маркса. Спб. 1897. Ц. полн. собр. 15 руб. безъ пересылки каждый томъ—2 руб.

М. М. Поэзія Надсона. Спб. 1896. Ц. 15 к.

Русскій сельскій календарь на 1897 годъ. Москва. 1896.

Изданія Девріена.

Поздняковъ. Товарищъ. Изд. 2-е. Спб. 1896.

Лѣчебникъ домашнихъ животныхъ. Изд. 3-е. Спб. 1896. Ц. 3 р.

Александровъ. Руководство къ устройству школьныхъ садовъ. Изд. 2-е съ 29 рис. Спб. 1896. Ц. 40 к.

Проф. Холодковскій. Курсъ энтомологіи. Изд. 2-е съ 387 политипажами. Спб. 1896. Ц. 4 руб.

Лангстротъ. Пчела и улей. Изд. 2-е съ съ 124 рис. Спб. Ц. 2 р. 50 к.

Шимановскій. Садъ при народной школѣ. Изд. 2-е. Спб. 1896. Ц. 30 к.

Веберъ. Плуги, бороны, сѣялки. Съ приложеніемъ атласа съ 32 табл. съ 338 фигурами. Спб 1896. Цѣна съ атласомъ 3 р.

Клаусенъ. Краткій учебникъ огородничества. Часть I. Изд. 3-е. Спб. 1896. Ц. 20 к.

Кулешовъ. Коневодство. Изд. 3-е съ 123 политипажами. Спб. 1896. Ц. 1 р. 20 к.

Долбинъ. Курсъ законовѣдѣнія. Спб. 1896. Ц. 1 р.

Баталинъ. Справочная книга русскаго сельскаго хозяина. Спб. 1896. Ц. 2 р.

Рудзскій. Настольная книга по лѣсоводству. Спб. 1897. Ц. 3 р. 50 к.

Алфавитный указатель авторовъ и статей за пятилѣтіе 1892—1896 гг.

Содержаніе постоянныхъ отдѣловъ за 1896 г.

Критическія замѣтки. Январь, 205. Къ характеристикѣ современныхъ настроеній въ литературѣ иностранной и у насъ. Минувшій годъ въ литературѣ. Сборникъ статей «Положеніе армянъ въ Турціи до вмѣшательства державъ въ 1895 году. Сущность армянскаго вопроса и странное положеніе, занятое въ немъ частью нашей печати». Изъ «Отчетовъ» Московскаго и С.-Петербургскаго Комитетовъ грамотности.

Февраль, 249. Обиліе изящной словесности въ прозѣ и стихахъ. Разсказы г. Длусскаго. Произведеніе г. Ельца. Романъ г. Свѣтлова. Сборникъ разсказовъ г. Зарина. Его повѣсть изъ еврейскаго быта «Азріэль Лейзеръ». «Новые люди» г-жи Гиппіусъ. «Первая ступень къ новой красотѣ». Поэты. «Въ безбрежности», сборникъ стихотвореній г. Бальмонта. «Стихотворенія» г. Минскаго.

Мартъ, 250. «Сочиненія Н. А. Добролюбова». Т. I. Необыкновенная чистота его нравственной личности. Добролюбовъ, какъ публицистъ. Н. В. Шелгуновъ въ своихъ «Очеркахъ русской жизни». «Современныя теченія» въ характеристикѣ г. Южакова. Несправедливое отношеніе къ экономическому матеріализму. О взаимныхъ отношеніяхъ, обязательныхъ въ публицистикѣ.

Апрѣль, 292. Художественныя выставки. Передвижная. Академическая. Представитель финляндскаго искусства А. А. Эдельфельтъ. Посмертная выставка Кившенко. «Русскій» литераторъ г. Дѣдловъ. «Вокругъ Россіи». Сыскъ г. Дѣдлова по окраинамъ. Патріотическіе восторги на ярмаркѣ. На какой почвѣ плодятся г.г. Дѣдловы? Казанскій журналъ «Дѣятель» и его неудачная дѣятельность.

Май, 234. Выдающееся литературное событіе—переводъ «Иліады» г. Минскаго. Неувядающая прелесть гомеровской поэзіи. Ея основы—красота, человѣчность и жизнерадостность. Достоинства и недостатки перевода г. Минскаго. Романъ Сенкевича «Камо грядеши?» Главнѣйшіе характеры романа. Мѣщанская философія автора. Однообразіе его персонажей. Католическое правовѣріе г. Сенкевича.

Іюнь, 235. «Литературный сборникъ произведеній студентовъ С.-Петербургскаго университета». Предисловія г.г. редакторовъ и ихъ ликующій характеръ. Отсутствіе поводовъ для ликованія. Несправедливость нападокъ на шестидесятые годы. Стихоплетство студентовъ, какъ признакъ оздоровленія общества, по мнѣнію г. Майкова «За послѣдніе годы». А. Ѳ. Кони. Значеніе его рѣчей. Печальные герои. Критика слѣдствія А. Ѳ. Кони и его заключенія по дѣлу мултанскихъ вотяковъ.

Іюль, 227. Еще изъ книги г. Кони «За послѣдніе годы». Г. Кони, какъ писатель-ораторъ. Изъ его характеристики Градовскаго, Ровинскаго, Арцимовича. Его мнѣнія о судѣ присяжныхъ. Безпристрастіе его критики. «Философскія теченія русской поэзіи» г. Перцова. Интересная задача, имъ поставленная. Неудачное ея выполненіе. Изъ характеристики Тютчева г. Вл. Соловьева. Поприщинъ въ роли критика. Памяти Николая Васильевича Водовозова.

Октябрь, 259. Второе изданіе сочиненій Берне. Близость его къ нашей современности. Искренность его, какъ публициста. Страстность его полемики и его высокій патріотизмъ. Его опредѣленіе журналистики. Борьба съ шовинизмомъ и нѣмецкимъ народничествомъ. Полное собраніе сочиненій Ибсена.

Ноябрь, 279. «Въ мірѣ отверженныхъ» г. Мельшина. Каторга сорокъ лѣтъ назадъ. Рѣзкая разница между «Мертвымъ домомъ» и «Міромъ отверженныхъ». Этапный путь. Типы преступниковъ у г. Мельшина. Несостоятельность современной системы наказанія.

Декабрь, 291. Историческія драмы Ибсена. «Сѣверные богатыри». «Претенденты на корону», «Ингэръ изъ Эстрота». Значеніе этихъ драмъ для характеристики Ибсена. Французскій буржуазный моралистъ.

На родинѣ. Январь, 221. Къ вопросу о земской и церковно-приходской школѣ. Новѣйшіе земскіе проекты по рабочему вопросу. Народное образованіе въ г. Томскѣ, Чествованіе проф. А. И. Чупрова. Мултанское жертвоприношеніе. Картинки нравовъ.

Февраль, 265. Второй всероссійскій съѣздъ дѣятелей по техническому образованію. Всероссійскій сельскохозяйственный съѣздъ въ Москвѣ. Искъ земскаго начальника противъ своего кучера. Обѣдъ въ честь Вл. Гал. Короленко. Великіе поэты передъ судомъ каторги.

Мартъ, 267. Отголоски земскихъ собраній. Русская Ирландія. Рабочіе на рыбныхъ промыслахъ. Рабочіе-трепачи. Наставленіе народнымъ учителямъ. Школьное дѣло въ Юго-западномъ краѣ. Что читаетъ народъ въ Восточной Сибири.

Апрѣль, 309. Положеніе народныхъ учителей. Благотворительная затѣя земскаго начальника. Музыкальныя развлеченія для народа. Еще о тѣлесномъ наказаніи. Двадцать лѣтъ на цѣпи. Изъ жизни рабочей интеллигенціи.

Май, 251. Введеніе всеобщаго образованія въ Московской губерніи. Объякучиваніе русскихъ поселенцевъ. Крестьянскій журналъ. Семеновскіе кустари. Ревнители просвѣщенія. Преобразованіе комитетовъ грамотности.

Іюнь, 251. Переселеніе и переселенцы. Изъ быта рабочихъ. Тюремная аудиторія. Народныя читальни и библіотеки. Дѣло Бяллозора. Сибирскій слѣдователь. Дѣло о радомскомъ полиціймейстерѣ Кириченко и разбойничьей шайкѣ въ г. Радомѣ.

Іюль, 244. Съѣзды. Изъ области просвѣщенія. «По другому рецепту». Изъ быта рабочихъ. Истязанія. Жемчужный промыселъ. Графъ Д. А. Милютинъ.

Августъ, 258. Съ Всероссійской выставки въ Нижнемъ-Новгородѣ. Грандіозный проектъ. Кабинетъ уголовнаго права. Проказа на югѣ Россіи. Новая сѣверная линія желѣзной дороги. Н. А. Потѣхинъ (Некрологъ).

Сентябрь, 267. Стачка рабочихъ на С.-Петербургскихъ фабрикахъ. Вопросъ о страхованіи рабочихъ на всероссійскомъ торгово-промышленномъ съѣздѣ въ Нижнемъ. Земскія воскресныя школы въ деревнѣ. Оперныя представленія въ деревнѣ. Самозванный князь.

Октябрь, 275. Экономическое положеніе крестьянъ. Борьба съ кулачествомъ. Картинки грубости и невѣжества. Дѣятельность земствъ по народному образованію. Положеніе народныхъ учителей. Земство и всероссійская выставка въ Нижнемъ-Новгородѣ. Казенная продажа вина.

Ноябрь, 288. Введеніе земской реформы въ новыхъ областяхъ. Количество труда на русскихъ фабрикахъ. Церковно-приходскія школы на югѣ. Послѣдствія дурного питанія. Дѣло о взысканіи недоимокъ. Новая секта. Воспоминаніе о декабристахъ.

Декабрь, 304. Совѣщаніе предсѣдателей земскихъ управъ. Гончарные кустари въ Полтавской губерніи. Русская Калифорнія. Народный театръ въ деревнѣ. Печальный инцидентъ. Памяти В. О. Португалова и А. П. Батуева.

За границей. Январь, 232. Турція и султанъ. Сицилія и ея порядки. Англійскій романистъ-портной Даніэль Оуэнъ. Письменная корпорація молодыхъ дѣвушекъ въ Бирмингамѣ (Girl's Letter Guild). Изъ журналовъ: «North American Review». «Westminster Review».

Февраль, 281. Эритрея. Юбилей Песталоцци. Зейтунскіе армяне. Наука въ Китаѣ. Изъ журналовъ: «Cosmopolis», «Monde moderne».

Мартъ, 279. Англія и Трансвааль. Народныя библіотеки въ Лондонѣ. Англійскіе студенты въ XIII вѣкѣ. Взрывъ аэролита въ Мадридѣ. Изъ журналовъ: «Westminster Review», «Revue de Paris», «Cosmopolis».

Апрѣль, 322. Проповѣдь мира въ Европѣ. Фабіановское общество въ Англіи. Политическая роль мѣстной печати въ Индіи и пропаганда въ пользу

женскаго образованія. Изъ журналовъ: «Revue des Revues», «Revue des deux Mondes».

Май, 263. Венгрія и ея прежніе дѣятели. Жизнь боеровъ въ Африкѣ. Строительный союзъ рабочихъ въ Даніи. Изъ журналовъ: «Cosmopolis», «Revue Bleu», «Local Anzeiger».

Іюнь, 271. Анри Дюнанъ—основатель Общества Краснаго Креста. Союзъ женщинъ-работницъ въ Лондонѣ. Борьба съ природою въ Даніи. Крестьянка-поэтъ. Румынская печать. Изъ журналовъ: «Revue de Paris», «Revue des deux Mondes».

Іюль, 264. Учителя и учительницы въ Германіи. (Письмо изъ Мюнхена). Женщины и женское воспитаніе въ Соединенныхъ Штатахъ. На воздушномъ шарѣ къ сѣверному полюсу. Изъ журналовъ: «Revue scientifique».

Августъ, 271. Гарріетъ Бичеръ-Стоу, авторъ «Хижины дяди Тома». Развитіе литературы въ Чехіи. Итальянская народная поэтесса Ада Негри. Австралія и Новая Зеландія. Изъ журналовъ: «Contemporary Review».

Сентябрь, 282. Австралія и Новая Зеландія. Раса пигмеевъ. Армянская печать. Черты изъ жизни «новыхъ женщинъ» (New women) въ Англіи. Возвращеніе полярной экспедиціи Нансена. Изъ журналовъ: «Revue de Paris».

Октябрь, 291. Бабъ и бабиды въ Персіи. Японская политика и печать. Народная журналистика къ Лондонѣ. Буддійскія школы въ Камбоджѣ. Докторъ Барнардо и его филантропія. Изъ журналовъ: «Neue Deutsche Rundschau», «Humanitarian».

Ноябрь, 302. Борьба съ пауперизмомъ на Западѣ. Французскіе метисы въ Канадѣ. Дѣтское войско въ Америкѣ. Изъ журналовъ: «Cornhill Magazine», «Revue des deux Mondes».

Декабрь, 313. Фабрика, принадлежащая самимъ рабочимъ. Столѣтіе открытія Дженнера. Разсказъ Нансена о своей экспедиціи. Исторія одной книги. «Revue de Paris».

КЪ ЖУРНАЛЬНОЙ СТАТИСТИКѢ.

1892 годъ	1.000
1893 годъ	1.600
1894 годъ	2.481
1895 годъ	3.700
1896 годъ	5.661

Причемъ по мѣсту подписки экземпляры журнала за послѣдній 1896 годъ распредѣлялись слѣдующимъ образомъ:

1.	Петербургъ	553	604
	— губ.	51	
2.	Москва	446	501
	— губ.	55	
3.	Пермь.	50	212
	— губ..	162	
4.	Херсонъ.	28	195
	— губ..	167	
5.	Кіевъ	105	175
	— губ..	70	
6.	Саратовъ	63	173
	— губ.	110	
7.	Новочеркасскъ.	20	153
	Обл. В. Д..	133	
8.	Симферополь	27	137
	Таврическая губ. . . .	110	
9.	Тифлисъ	99	112
	— губ.	13	
10.	Казань	74	111
	— губ..	37	
11.	Харьковъ	69	107
	— губ..	38	
12.	Тамбовъ	38	106
	— губ..	68	
13.	Нижній.	67	103
	— губ..	36	
14.	Екатеринославъ	35	101
	— губ. . .	66	
15.	Владиміръ.	20	97
	— губ..	77	
16.	Вятка.	20	94
	— губ.	74	
17.	Самара	38	92
	— губ.	54	
18.	Томскъ	42	90
	— губ.	48	
19.	Полтава.	28	88
	— губ..	60	
20.	Черниговъ.	20	86
	— губ..	66	
21.	Тверь.	23	85
	— губ..	62	
22.	Екатеринодаръ	36	79
	Кубанская обл. . . .	43	
23.	Воронежъ	33	77
	— губ.	44	
24.	Иркутскъ	52	75
	— губ.	23	
25.	Тула.	30	70
	— губ..	40	
26.	Красноярскъ	29	68
	Енисейск. губ.	39	
27.	Орелъ	18	68
	— губ.	50	
28.	Кострома.	17	67
	— губ..	50	
29.	Рязань.	20	64
	— губ.	44	
30.	Оренбургъ	23	61
	— губ.	38	
31.	Смоленскъ	18	57
	— губ.	39	
32.	Рига.	28	56
	Лифл. губ..	28	
33.	Курскъ	20	55
	— губ.	35	
34.	Уфа	18	54
	— губ..	36	
35.	Камен.-Подольскъ. . .	8	52
	— губ..	44	
36.	Пенза	28	52
	— губ.	24	
37.	Тобольскъ	17	51
	— губ.	34	
38.	Баку.	35	50
	— губ..	15	
39.	Астрахань	39	50
	— губ.	11	
40.	Новгородъ	10	48
	— губ.	38	
41.	Чита.	10	48
	Забайкальская область.	38	
42.	Симбирскъ	18	46
	— губ.	28	

43.	Кишиневъ	19	45
	— губ.	26	
44.	Владикавказъ	23	45
	Терская обл.	22	
45.	Калуга.	23	45
	— губ.	22	
46.	Варшава.	38	44
	— губ.	6	
47.	Омскъ	35	43
	Акмолинская обл.	8	
48.	Минскъ	26	42
	— губ.	16	
49.	Псковъ.	20	41
	— губ.	21	
50.	Кутаисъ.	19	40
	— губ.	21	
51.	Витебскъ.	13	36
	— губ.	23	
52.	Житоміръ	16	35
	Волынская губ.	19	
53.	Ставрополь-Кавк.	17	34
	— губ.	17	
54.	Могилевъ.	6	33
	— губ.	27	
55.	Ярославль	14	32
	— губ.	18	
56.	Вологда	7	31
	— губ.	24	
57.	Вильно	22	28
	— губ.	6	
58.	Елисаветполь.	8	27
	— губ.	19	
59.	Гродно.	12	25
	— губ.	13	
60.	Архангельскъ.	12	20
	— губ.	8	
61.	Митава	5	20
	Курляндская губ.	15	
62.	Хабаровскъ	7	20
	Приморская обл.	13	
63.	Уральскъ	15	18
	— обл.	3	
64.	Ташкентъ	17	18
	Сыръ-Дарьинская обл.	1	
65.	Семипалатинскъ	7	17
	— область	10	
66.	Новороссійскъ	13	16
	Черноморскій округъ	3	
67.	Петроковъ.	4	16
	— губ.	12	
68.	Якутскъ	10	16
	— губ.	6	
69.	Асхабадъ	8	15
	Закаспійская обл.	7	
70.	Эривань.	5	15
	— губ.	10	
71.	Сѣдлецъ.	7	14
	— губ.	7	
72.	Ковно	7	13
	— губ.	6	
73.	Люблинъ	4	13
	— губ.	9	
74.	Темиръ-Ханъ-Шура	9	12
	Дагестанская обл.	3	
75.	Финляндія		9
76.	Вѣрный.	2	8
	Семирѣченская обл.	6	
77.	Петрозаводскъ.	5	7
	Олонецкая губ.	2	
78.	Плоцкъ	5	6
	— губ.	1	
79.	Самаркандъ	3	6
	— обл.	3	
80.	Благовѣщенскъ	3	5
	Амурская обл.	2	
81.	Ревель	2	5
	Эстляндская губ.	3	
82.	Сувалки.	3	5
	— губ.	2	
83.	Ломжа	3	5
	— губ.	2	
84.	Тургайская обл.		4
85.	Калишъ.	3	4
	— губ.	1	
86.	Кельцы.	1	2
	— губ.	1	
87.	Радомская губ.		2
88.	Ново-Маргел. Ферганской		1
	За границу		54
	Итого		5.661

Завѣдующая конторой Л. Ватсонъ.
